ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 2 2024

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 2 2024

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 2 2024

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ*

Поволжье

Кавказ

Крым

* *Материалы Юбилейной X научной конференции "Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве", посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова.*

Сибирь и Дальний Восток

Средняя Азия

Персоналии

CONTENT

Volga River Region

Caucasus

Поволжье

УДК 902/930 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.8.19

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ

©2024 г. Г.Н. Белорыбкин, Т.В. Осипова

После монгольского нашествия немногочисленные из оставшихся поселений Верхнего Посурья и Примокшанья вошли в состав Золотой Орды, а население этого региона, сохраняя старые традиции, постепенно начало играть немаловажную роль в жизни нового государства. Археологические исследования памятников этого периода (прежде всего, Наровчатского городища и Никольского селища) свидетельствуют о высоком развитии материальной культуры на поселениях Верхнего Посурья и Примокшанья. Здесь развивалось земледелие, скотоводство, ремесло, чеканились медные и серебряные монеты. По торговым путям сюда проникали товары из Древней Руси, Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Это позволяет сделать вывод о том, что в золотоордынское время жизнь на территории Верхнего Посурья и Примокшанья не затихала, местное население продолжало активно контактировать с другими регионами, а сохранившиеся на этой территории поселения превратились в крупные культурные и торговые центры.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Волжская Булгария, Верхнее Посурье, Примокшанье, Наровчатское городище, Мохши, Никольское селище, материальная культура.

THE GOLDEN HORDE AND THE PENZA REGION

G.N. Belorybkin, T.V. Osipova

After the Mongol invasion, the few remaining monuments of the Upper Posurye and Moksha region became part of the Golden Horde, and the population of this region, preserving old traditions, gradually began to play an important role in the life of the new state. Archaeological studies of the monuments of this period (primarily the Narovchatsky settlement and the Nikolsky settlement) indicate the high development of the material culture of the Upper Posurye and Moksha region during this period. Agriculture, cattle breeding, and crafts continued to develop here, and copper and silver coins were minted. Goods from Old Rus and Central Asia penetrated here along trade routes. This allows the authors to conclude that during the Golden Horde, life in the territory of Upper Posurye and Moksha region did not subside, the local population continued to actively contact other regions, and the settlements that remained on this territory turned into large cultural and trade centers.

Keywords: archaeology, Golden Horde, the Volga Bulgaria, Upper Sura River region, Moksa River region, Narovchat settlement, Mukhsi, Nikolskoye settlement, material culture.

Своеобразие золотоордынского периода в истории Пензенского края заключается в том, что здесь столкнулись три разных мира: славянский, тюркский и финский. К началу XIII в. в потоке славянской миграции на восток уже исчезли многие финноязычные народы (например, мурома и мещера в Поочье) и началась активная славянизация мордвы. Чем бы это закончилось, предсказать нетрудно. Но славяне были остановлены монголо-татарами, которые теперь сами стали контролировать мордовские земли, а мордву выселяли на Волгу и в другие места, забирали в армию. Что касается проживавших в Верхнем Посурье и Примокшанье буртас и булгар, то они по-прежнему продолжали жить на своей старой территории, но в малом числе. Основная масса переселилась севернее, в леса среднего течения р. Суры и на Мокшу.

Этому способствовали и многочисленные войны. История Золотой Орды насыщена освободительной борьбой и карательными походами. Пензенский край пережил около десяти крупных походов и три нашествия. Кроме того, мордовское население неоднократно привлекалось в золотоордынское войско. С другой стороны, эти земли попали в подчинение Золотой Орды и здесь стали возникать улусы, которые раздавались золотоордынским эмирам.

Среди всех золотоордынских памятников наиболее яркими можно назвать два

Рис. 1. Золотая Орда в XIII–XIV вв.
Fig. 1. Golden Horde in the XIII–XIV centuries.

– это Наровчатское городище в Верхнем Примокшанье и Никольское селище в Верхнем Посурье. Наивысшего уровня развития достиг город Мохши (Наровчатское городище). Вместе с округой здесь сформировался самостоятельный экономический район с опорой на сельское хозяйство и торговлю (Белорыбкин, Иконников и др., 2021).

Особое значение имеет и тот факт, что в золотоордынское время, с одной стороны, сохранились домонгольские традиции, а, с другой стороны, были внедрены передовые технологии Золотой Орды. В результате город Мохши занял достойное место в мировой экономике и политике. Не случайно там стали чеканить монеты с собственным именем.

Основой экономики региона в XII–XIV вв. было земледелие. О том, как развивалась эта сельскохозяйственная отрасль в Примокшанье известно сравнительно немного.

Источниками по истории земледелия окрестностей города Мохши служат в основном археологические находки, представленные земледельческими орудиями. К ним относятся плужный лемех и серпы. О том, что у местного населения существовало развитое пашенное земледелие, говорят также находки мельничных жерновов.

Ещё до возникновения золотоордынского города Мохши в районе уже существовала земледельческая традиция. Она зарождалась в домонгольское время. В основе местной земледельческой традиции лежали достижения Волжской Булгарии, хотя были и местные региональные особенности. С момента проникновения памятников булгарского типа в регион (не позднее XI в. для Верхнего Посурья и не позднее XII в. для Верхнего Примокшанья) начинается распространение пашенного земледелия. В качестве пахотных орудий применялись плуги с тяжёлым лемехом. Деревянная часть плугов не сохранилась до настоящего времени, плужные наконечники, изготовленные из железа, не отличались по своему облику от аналогов, широко распространённых на территории Волжской Булгарии (тип IVВ2 по Ю. А. Краснову). Как

Рис. 2. Капитель каменная от мечети. Наровчатское городище.
Fig. 2. Stone capital of the mosque. Narovchat settlement.

известно, этот тип преимущественно связан с булгарской земледельческой традицией, хотя изредка наконечники такого облика встречались на русских памятниках.

На домонгольских памятниках региона нередко встречались также плужные ножи, применявшиеся в конструкции плуга для предварительного подрезания пластов земли, что облегчало их переворачивание лемехом. Правда, следует отметить, что плужные ножи Верхнего Посурья и Примокшанья отличались крайне незначительными размерами (от 27 до 34,4 см в длину, тогда как, по замечанию Ю. А. Краснова, для Восточной Европы X–XIII вв. были характерны плужные ножи длиной 36–55 см) (Краснов, 1987, с. 55). Это обстоятельство может говорить о сравнительно слабом уровне развития местного земледелия, что, в свою очередь, может быть связано с периферийным положением Верхнего Посурья и Примокшанья в булгарском мире. Кроме тяжёлого плуга, деталями которого служили лемех и плужный нож, для пахотных работ в Верхнем Посурье и Примокшанье в домонгольское время применялась двузубая соха, появление которой на памятниках булгарского типа принято связывать с русским влиянием. Однако следует подчеркнуть, что находки деталей сохи на домонгольских памятниках региона – крайне редкие.

Значительно чаще здесь встречаются детали тяжёлых плугов, из чего следует, что именно это пахотное орудие преобладало в Верхнем Посурье и Примокшанье на протяжении XI–XIV вв. На памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья домонгольского времени встречаются также серпы различных типов, диски каменных жерновов и косы- горбуши. Этот набор инструментов напрямую связан с земледелием, и потому указывает на развитую земледельческую традицию у местного населения. Как правило, для хранения зерновых запасов применялись зерновые ямы, реже амбары.

Таким образом, большая часть земледельческих традиций Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIII вв. явно генетически связаны с земледелием Волжской Булгарии. Основные черты этого земледелия сохранились и в золотоордынское время. Достоверно известно, что в XIII–XIV вв. в регионе продолжал применяться тот же земледельческий инструментарий, что и в домонгольское время. Большинство земледельческих орудий региона золотоордынского периода было обнаружено на Наровчатском городище.

На Наровчатском городище и в его окрестностях не было встречено плужных ножей, характерных для плугов усовершенствованных форм. Однако обломок такого ножа был встречен на Никольском селище, в Верхнем Посурье, существовавшим одновременно с городом Мохши.

Рис. 3. Капитель каменная от мечети. Наровчатское городище.
Fig. 3. Stone capital of the mosque. Narovchat settlement.

Рис. 4. Жернова каменные. Наровчатское городище.
Fig. 4. Quernstones. Narovchat settlement.

О том, что в золотоордынское время в окрестностях города Мохши применялась соха, говорит находка сошной полицы на Старосотенском могильнике (Краснов, 1987, с. 181-182). Та же самая находка косвенным образом подтверждает, что в золотоордынское время в регионе продолжала существовать паровая система земледелия.

На золотоордынских памятниках встречены также серпы и жернова ручных мельниц. Большинство этих инструментов также было встречено на территории города Мохши. За пределами этого памятника в регионе был найден только один серп, датирующийся золотоордынским временем – на территории Никольского селища, там же было встречено несколько дисков от жерновов. Всё это говорит о том, что в золотоордынское время наиболее важный аграрный центр располагался в окрестностях города Мохши. При этом, весьма вероятно, часть населения города занималась сельскохозяйственными работами, о чём говорят находки земледельческих орудий непосредственно на городище. С другой стороны, можно предположить, что находки лемеха и серпов на территории города Мохши были связаны с тем, что здесь располагались ремесленные мастерские, где осуществлялось изготовление и ремонт земледельческих орудий. Но тогда довольно сложно объяснить то, почему на территории современной Советской площади в ходе раскопок 1989 г. был обнаружен нетронутый клад, в состав которого входили серп и жернов ручной мельницы. Находка двух различных инструментов в составе одного комплекса наводят на мысль, что их хозяева занимались и уборкой зерновых и их помолом. Находки жерновов от ручных мельниц указывают на то, что местное население употребляло в пищу хлеб, выпеченный из муки.

На Наровчатском городище неоднократно встречались кости животных, однако серьёзных исследований остеологических материалов пока не проводилось. Поэтому об особенностях наровчатского стада можно говорить только в самых общих чертах.

В культурном слое Наровчатского городища XII–XIV вв. встречаются в основном кости домашних животных. Они принадлежат трём видам – крупному рогатому скоту, мелкому рогатому скоту и лошадям. Это напоминает видовой состав стада домонгольских памятников булгарского типа Верхнего Посурья.

На Наровчатском городище сохранились также камни, предназначавшиеся для строительства, на многих таких камнях сохранились следы обработки. Однако сложно сказать, где именно осуществлялась эта обработка – на самом городище или за его пределами. Но благодаря этим находкам стало возможным предположить, что в городе существовало и камнерезное дело.

Следует также отметить, что в городе осуществлялось кирпично-каменное строительство, что требовало профессионализма от рабочих.

Было развёрнуто строительство кирпичных домов с подпольным отоплением, общественных и частных бань, караван-сараев. Все они были построены из квадратных кирпичей больших размеров (25×25×5 см), на которых иногда встречаются клейма мастеров. Стены домов штукатурились и расписывались. Обогревались дома за счёт тепла, которое шло по каналам в глиняном полу от костра, горевшего в специальной печи рядом с домом. Жилища, как правило, были небольшие – 3×4 м, общественные бани достигали размеров 8×10 м, но самыми большими были караван-сараи – 15×25 м. Действовал водопровод, состоящий из вставленных друг в друга коротких глиняных труб диаметром до 10 см.

В городе возводится одна из первых белокаменных мечетей Золотой Орды после принятия ханом Узбеком ислама. Она была сделана из больших каменных блоков, покрытых снаружи резным растительным орнаментом,

удивительно похожим на резьбу сооружений XIV в. в г. Болгаре. Очевидно, известняковые и ракушечные камни (да и сами строители) прибыли в Мохши с берегов Волги. Кроме белокаменной мечети в юго-западной части города была ещё кирпичная мечеть.

Грандиозное строительство и расцвет экономики стали возможными благодаря притоку лучших мастеров: камнетесов, строителей, кузнецов, гончаров, кожевенников и ювелиров.

На основе изучения материальной культуры города Мохши можно сделать вывод о том, что в городе развивалось несколько ремёсел: металлообрабатывающее, внутри которого уже могли выделиться отдельные специализации, гончарное, а также производство кирпича, которое развивалось отдельно от гончарного ремесла. В городе существовали также косторезное дело и деревообработка. Есть основания считать, что и то, и другое уже сформировались как отдельные ремёсла.

На территории Наровчатского городища были обнаружены отходы металлургического производства, кузнечные инструменты и масса металлических изделий. Традиции, на основе которых развивалось металлообрабатывающее ремесло города Мохши, были заложены ещё в домонгольское время. Для ремесла региона был характерен довольно широкий спектр наименований кузнечного инструментария. На домонгольских памятниках были встречены кузнечные молоты, молотки, клещи, наковальни, зубила, пинцеты, бородки, матрицы-штампы, пуансоны с матрицами, входившими с ними в один комплект, тигли, льячки и форма для отливки металлических изделий.

Сырьём для чёрной металлургии служили местные болотные руды. Иначе обстояло дело с материалом для цветной металлообработки. В Верхнем Посурье и Примокшанье нет естественного сырья для него. Скорее всего, цветные металлы поступали сюда в виде металлического лома. Это, в частности, подтверждается находками на домонгольских и золотоордынских памятниках металлических обломков со следами зубила. Металлические изделия фрагментировались посредством рубки и затем отправлялись в переплавку.

О высоком уровне развития чёрной металлургии у местного населения в золотоордынское время свидетельствует большое количество находок предметов из железа: сельскохозяйственные орудия (лемех, полица, серпы и т.д.), деревообрабатывающие инструменты (топоры, тесла, долота, скобелки, и т.д.), универсальный инструментарий (ножи, ножницы, булавки, шилья и т.д.), бытовая утварь (кресала, пряжки, замки и ключи и т.д.), предметы вооружения, детали конского снаряжения (удила, стремена, соединительные кольца и т.д.) и др. О развитой цветной металлообработке в г. Мохши можно судить по находкам изделий из цветных металлов: бронзовой посуды, украшений и т.д.

В золотоордынское время в регионе сохранились такие приёмы металлообработки, употреблявшиеся в домонгольское время, как ковка, сварка и пайка (для чёрной и цветной металлургии), что подтверждают находки металлических шлаков на Наровчатском городище и Никольском селище, а также наковальни и молотка на Наровчатском городище, литьё (подтверждается находками литейных инструментов (тиглей, льячек) и отходов литейного производства (в виде шлаков и заготовок) на Наровчатском городище и Никольском селище) и волочение (подтверждается находками проволочных изделий – сюльгам и накосников на Старосотенском, Ефаевском и Чернозерском могильниках).

Сохранение большинства известных в домонгольское время приёмов обработки металла в регионе говорит о поступательном непрерывном развитии металлообрабатывающего ремесла региона в XIII–XIV вв. Это косвенно подтверждает существование генетической связи домонгольского и золотоордынского металлообрабатывающего ремесла.

На домонгольских памятниках в XI – начале XIII вв. бытовало пять типов замков, на золотоордынских памятниках сохранился только один тип, появившийся ещё в домонгольское время. Золотоордынские замки существенно отличаются от домонгольских аналогов того же типа орнаментом, способом оформления дужек, наличием защиты замочной скважины и, во многих случаях, меньшими размерами. Производство замков со сложным запорным механизмом говорит о высоком уровне развития металлообрабатывающего ремесла. Зооморфный бронзовый замочек с Наровчатского городища типичен для Волжской Булгарии и имеет аналогии в материа-

Рис. 5. Замки. Никольское селище.
Fig. 5. Locks. Nikolskoye settlement.

лах Биляра, Булгара, Сараев (Руденко, 2006, с. 113).

Все типы зеркал Наровчатского городища имеют параллели в материалах Золотой Орды. Особенно близки им зеркала из Укека (Недашковский, 2000, с. 53–61).

Литые чугунные котлы характерны для золотоордынских памятников (Руденко, 2000, с. 37). В золотоордынское время чугунные котлы становятся типичны для памятников Верхнего Посурья. Вопрос о происхождении чугунных котлов в Восточной Европе (и в городе Мохши в том числе) остаётся дискуссионным. Вероятнее всего, они имеют монгольские прототипы (Руденко, 2000, с. 84). Это косвенно подтверждается тем, что ранние котлы Восточной Европы имеют полусферическое дно. По датировке К. А. Руденко, чугунные котлы распространяются в первой четверти XIV в. (Руденко, 2000, с. 84). Одним из центров производства чугунной посуды являлось Верхнее Посурье (Никольское, Александровское селища), на территории которого встречено большое количество шлака, бракованных фрагментов чугунных изделий. На Никольском селище обнаружены также остатки чугуноплавильных печей. О высоком спросе на чугунную посуду свидетельствует большое количество ордынских монет на этой территории, как по отдельности, так в виде кладов.

В золотоордынское время в регионе, в том числе в городе Мохши, употреблялись такие деревообрабатывающие инструменты как топоры, тесла, пешни, пилы, кочедыки, долота, гвозди и п-образные скобы. В золотоордынских материалах нет следов применения свёрл, долот с цельнометаллической ручкой и скобелей, которые были распространены в регионе в домонгольское время, однако в XIII– XIV вв. входят в употребление скобелки, стамески и угловые скобы, следов применения которых нет на домонгольских памятниках.

В XI – середине XIV вв. в Верхнем Примокшанье употреблялись до восьми типов топоров. Из них не менее трёх типов датируются золотоордынским временем. В домонгольское время местным населением использовались такие деревообрабатывающие приёмы, как рубка, выдалбливание пазов посредством тесел и долот, пиление, стружка и сдирание коры с брёвен посредством скобелей, и фиксация деревянных деталей гвоздями и п-образными скобами. В золотоордынское время ко всему перечисленному прибавляется приём обработки внутренних полостей посредством скобелков, что может говорить о развитии бондарного дела в золотоордынское время на памятниках региона. Между домонгольским и золотоордынским деревообрабатывающим ремеслом имеются признаки генетической преемственности.

На то, что на Наровчатском городище развивалось косторезное дело, указывают только косвенные признаки: находки костя-

Рис. 6. Котел чугунный. Вадинск.
Fig. 6. Cast-iron cualdron.Vadinsk

ных полуфабрикатов и заготовок, а также сами костяные изделия. Предположительно использовались те же инструменты и приёмы обработки кости, что и на домонгольских памятниках. Возможно, в золотоордынское время для обработки кости использовался токарный станок (судя по находкам шахматных фигурок, изготовленных на таком станке, а также заготовки для обработки на токарном станке).

В XIII–XIV вв. в Верхнем Посурье и Примокшанье преобладает горновой окислительный обжиг посуды. В городе Мохши лепная керамика встречается значительно реже, чем круговая посуда окислительного обжига. И в домонгольское, и в золотоордынское время здесь употребляются двухъярусные горны.

В золотоордынское время в городе Мохши в употребление входят двухъярусные горны нового типа (со столбовой опорой горизонтальной перегородки, без центрального отверстия). Это говорит об определённых изменениях, произошедших в ремесле. Однако горны с опорным столбом в топочной камере были в такой же степени свойственны булгарской гончарной традиции, как и горны без опорного столба с несплошным перекрытием топочной камеры. Горны с опорным столбом в топочной камере известны на Муромском городке (Хузин, 2006, с. 90). Горн с опорным столбом в топочной камере встречен на Селитренном городище (Пигарев, 2006). Следовательно, горны, напоминающие по конструкции наровчатские, были типичны для памятников булгарского типа золотоордынского времени.

В то же время в гончарном ремесле золотоордынского города Мохши прослеживаются новые, ранее неизвестные на памятниках региона черты, которые не могут быть следствием простой эволюции. В это время в верхнем Примокшанье появляются амфорообразные кувшины с двумя ручками, начинающимися от венчика, слив кувшинов начинает оформляться в виде трубочки или носика, у небольших сосудов появляются цилиндрические поддоны, у некоторых керамических сосудов появляются полочковидные ручки. На домонгольских памятниках керамическая посуда с поливой встречается крайне редко (1 экз. с Золотарёвского городища, 1 экз. Юловского городища), тогда как на золотоордынских памятниках поливная посуда встречается значительно чаще (не менее 30 экз.). Эти новшества говорят о том, что в золотоордынское время гончарное ремесло испытало влияние неизвестной ранее традиции.

О существовании торговых связей населения Мохши с населением других территорий могут свидетельствоватт находки на поселениях XIII–XIV вв. изделий, изготовленных в Мохши. Можно предположить, что в золотоордынское время только здесь изготавливалась глазурованная посуда, но за пределами города Мохши она практически не встречается. Весьма вероятно, что на городище производилась чугунная посуда. Находки чугунной посуды были встречены на Никольском и Саловском селищах золотоордынского времени, находящихся в Верхнем Посурье. Это обстоятельство может служить косвенным свидетельством того, что в регионе существовала внутренняя торговля. Однако чугунная посуда могла производиться и за пределами города Мохши.

Все эти изделия говорят о существовании внешних и внутренних торговых связей в регионе Мохши. Торговля, по мнению большинства исследователей, имела большое значение для местного населения. Выявляются два наиболее значимых направления торговли – западное, т.е. русское и восточное. Под восточным направлением торговых связей следует понимать торговлю с центральными районами Волжской Булгарии (Алихова, 1948, с. 222; Горюнова, 1948, с. 137; Полесских, 1956, с. 77–78).

Путь, ведущий в XIV в. от Волги к древнерусским городам, имеет следующее описание: «маршрут резко сворачивал от Волги (после переправы в районе Жигулей) прямо на запад, проходя несколько южнее современной Пензы и приводя в междуречье Прони и Мокши, откуда, минуя Рязань, можно было попасть в район Мурома, Владимира, Ростова и Ярославля» (Егоров ,1985, с. 181-182). Проходя по пензенским землям, дорога вела вдоль левого берега Суры, затем вдоль левого берега Мокши к г. Мохши. Этот путь маркируется в Верхнем Посурье (с востока на запад) кладом серебряных монет, обнаруженным около с. Шишовка (Полесских, 1970, с. 78), и Никольским селищем в Кузнецком районе (Винничек, Лебедев, 2021), кладами джучидских серебряных монет, найденными около сёл Средняя Елюзань и Чаадаевка в Городи-

Рис. 7. Серебряные монеты. Никольское селище.
Fig. 7. Silver coins. Nikolskoye settlement.

щенском районе (Полесских, 1970, с. 40-41), селищами Васьканьсад (Винничек, Сафронов, 2007, с. 242) и Усть-Узинским в Шемышейском районе (Винничек, 2002, с. 47), а также Саловским I селищем в Пензенском районе (Винничек, 2003, с. 78-85). В верховьях Мокши этот маршрут прослеживается по таким памятникам XIV в., как могильник и клад джучидских серебряных монет у с. Чернозерье (Полесских, 1970, с. 90-91) и Долгоруковский могильник в Мокшанском районе, Потодеевское селище в Наровчатском районе (Винничек, Лебедев, 2021). На территории Верхнего Посурья и Примокшанья было найдено более 20 золотоордынских кладов, насчитывающих иногда до тысячи монет и более. Например, в Никольском кладе (у с. Никольского Кузнецкого района) было 1136 монет, а в Керенском (с. Вадинск) – 1117 золотоордынских монет. Не только деньги везли в Мохши, но и множество других вещей: стеклянную посуду, зеркала, сфероконусы, бусы, изделия из кости, игрушки и т.д.

По-видимому, именно этой дорогой осуществлялась частичная миграция мордвы в район Самарской Луки в золотоордынское время (Казаков, 1990, с. 65-66).

Другой путь проходил от Укека (недалеко от современного Петровска). Отклоняясь на северо-запад, он пролегал рядом с районным центром Малая Сердоба, где в 1876 г. был раскопан курган, в котором было обнаружено 5 серебряных джучидских монет (Полесских, 1970, с. 68). Далее маршрут приближался к левобережью Хопра, где находится Алферьевское селище, и через брод уводил на запад к Липяговскому селищу (Колышлейский район) к верховьям р. Арчады. Затем путь следовал к правому берегу Атмиса, где расположено Ростовкинское селище и был найден клад джучидских монет у с. Головинщино (Полесских, 1970, с. 52), затем – к Мокше и далее к г. Мохши. Если уровень воды в Хопре поднимался (например, в половодье), то, по-видимому, дорога уходила мимо отмеченного М.Р. Полесских Кучкинского местонахождения (Полесских, 1970, с. 52) к истоку и верховьям р. Пензы, где обнаружена ордынская монета около Ермоловки. Проходя южнее р. Азясь, путь опять же приближался к правобережью Атмиса.

Необходимо отметить, что В. Л. Егоров в «Исторической географии Золотой Орды» представил документ 1681 г., рассказывающий о возведении засечных черт на южных границах русского государства. Документ свидетельствует об этом маршруте следующее: «В прошлых давных летех, при княжении великих князей Московских, как скифской породы татарские цари жили в Орде на луговой стороне Волги реки, на реке Ахтубе. И в те времена ординские цари и ногайские мурзы с татары приходили в Росийские места войною… перешод реку Волгу, а Дону реки не дошод, промеж рек Хопра и Суры, чрез реки Лесной и Польный Воронежи, на Ряские и на Рязанския и на Шацкия места, которою сакмою и Батый в войну на Русь шол» (Егоров, 1985, с. 181).

Нумизматические материалы позволяют определить основные географические направления торговых отношений, а также выявить динамику экономической активности в те или иные периоды времени в конкретном регионе.

В Верхнем Посурье монетное обращение получило развитие в последнем десятилетии XIII в., о чём свидетельствуют находки именных дирхемов Токты 691–694 гг. х. (1292–1294

гг.), чеканенных в Сарае (19 экз. – Никольское селище) (Винничек, Лебедев, 2010, с. 57). При этом, однако, необходимо отметить, что на Усть-Узинском селище была найдена серебряная монета Менгу-Тимура, чеканенная в Сарае в 671 г.х. (Винничек, 2002, с. 47).

На серебряных золотоордынских монетах, обнаруженных на средневековых поселениях Верхнего Посурья, указаны следующие места их чеканки: Азак (11 экз. – Никольское селище); Булгар (34 экз. – Никольское селище); Булгар ал-Махруса (3 экз. – Никольское селище); Гюлистан (415 экз. – Никольское селище, 1 экз. – Саловское I селище); Гюлистан лис-Сарай (2 экз. – Никольское селище); Сарай (267 экз. – Никольское селище, 1 экз. – Усть-Узинское селище); Сарай ал-Джедид (786 экз. – Никольское селище, 1 экз. – Саловское I селище); Сарай ал-Махруса (14 экз. – Никольское селище); Мохши (14 экз. – Никольское селище); Укек (22 экз. – Никольское селище); Маджар (3 экз. – Никольское селище). Кроме этого, на Никольском селище были найдены три монеты зарубежного чекана: Хулагуиды – 2 экз. и Чагатаиды – 1 экз. (Винничек, Лебедев, 2021).

На медных монетах с верхнесурских средневековых поселений указаны следующие монетные дворы: Сарай (31 экз. – Никольское селище, 1 экз. – Саловское I селище); Сарай ал-Махруса (1 экз. – Никольское селище); Сарай ал-Джедид (163 экз. – Никольское селище, 4 экз. – Саловское I селище); Мохши (7 экз. – Никольское селище, 1 экз. – Саловское I селище); Булгар (2 экз. – Никольское селище); Базджин (7 экз. – Никольское селище); Хорезм (5 экз. – Никольское селище); Гюлистан (61 экз. – Никольское селище, 1 экз. – Саловское I селище); Азак (2 экз. – Никольское селище); Джедид (4 экз. – Никольское селище).

В целом, материалы золотоордынского нумизматического комплекса из Верхнего Посурья указывают на наличие тесных торговых связей местного населения с Укеком и Бельджаменом. При этом прослеживается и «булгарский след» в экономических контактах, о чём свидетельствуют находки дангов и пулов, чеканенных в Булгаре.

Что касается начала денежного обращения в Примокшанье, то следует отметить, что на селище Красный Восток был обнаружен анонимный полудирхем весом 0,765 г без указания места чекана и даты, однако по внешним признакам, как полагают исследователи, этот тип монет изготавливался в Сарае и датируется 70-ми гг. XIII в. На одной стороне монеты изображена тамга дома Бату и начало сентенции «Слава вечная», а на другой – окончание – «честь продолжающаяся».

На Наровчатском городище найден один сарайский дирхем Токты 693 г.х. (1293–1294 гг.). Однако на этом поселении зафиксированы и анэпиграфные серебряные монеты Булгара рубежа XIII–XIV вв. (21 экз.). Это может свидетельствовать о том, что экономические связи Мохши в это время были ориентированы преимущественно на Булгар, а не на Укек, как в Верхнем Посурье.

На Потодеевском селище в Примокшанье (округа г. Мохши) зафиксированы данги, чеканенные на следующих монетных дворах: Сарай ал-Махруса (1 экз.) и Сарай ал-Джедид (2 экз.), и пулы с указанием мест чекана: Мохши (15 экз.), Мохши ал-Махруса (2 экз.), Сарай ал-Джедид (4 экз.).

С Наровчатского городища известны также серебряные и медные монеты Булгара, Сарая, Сарая ал-Джедид, Сарая ал-Махруса, Азака, Гюлистана, Мохши, Бузинкара-Нуринджата (Кротков, 1930, с. 5).

Кроме монет для крупных торговых операций, особенно на международных рынках, в XIV в. использовались и серебряные ладьевидные слитки – саумы (сумы, сомы, соммо). Один из них был обнаружен на площадке Саловского I селища.

Знаменательным событием для истории Примокшанья, безусловно, стало появление монетного двора Мохши, на котором началась чеканка серебряных дирхемов в 709 г.х. (Винничек, Лебедев, 2021, с.6)· Судя по нумизматическим материалам, население верховий Суры и Мокши в конце XIII–XIV в. вступало в контакты с жителями таких регионов Золотой Орды, как Нижнее Поволжье, Хорезм, Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Волго-Камье, что подтверждают и археологические артефакты.

Следует отметить, что на поселенческих памятниках XIII–XIV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья были обнаружены изделия древнерусского производства, включая предметы христианского культа, что свидетельствует не только о торговых отношениях населения регионов с западными соседя-

Рис.8. Фрагменты поливной посуды. Никольское селище.
Fig.8. Fragments of glazed ware. Nikolskoye settlement.

Рис. 9. Сюльгамы. Наровчатское городище.
Fig. 9. Sulgams. Narovchat settlement.

ми, но и о присутствии в его составе славян. Среди привозных предметов заметное количество составляют керамические изделия. Это – сфероконусы и сосуды со штампованным орнаментом из Средней Азии, кашинная посуда с Нижней Волги и Ближнего Востока. На золотоордынских памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья обнаружены и такие привозные изделия, как зеркала, украшения, изразцы.

Во многом широким экономическим связям местного населения с другими регионами Золотой Орды и зарубежьем способствовала довольно разветвлённая сеть торговых путей (Винничек, Киреева, 2012). В то же время именно это и стало одной из причин гибели города и улуса, когда по торговым путям пришла эпидемия чумы и уничтожила многие поселения.

Монгольское нашествие нанесло огромный урон населению Верхнего Посурья и Примокшанья В результате этих событий территория региона обезлюдела. Археологам известно лишь 3–4 небольших поселения этого времени в Верхнем Посурье и около 10 в Верхнем Примокшанье. Эти поселения сохранились на тех же местах, что и в домонгольское время, а их население постепенно восприняло новые традиции, стало принимать активное участие в политической и культурной жизни Золотой Орды.

Однако территория края была также расположена на границе с Русью, и поэтому русское население и его традиции проникали в регион. Эти контакты также отразились на материальной и духовной культуре населения.

В результате, территория Верхнего Посурья и Примокшанья представляла удивительное сочетание русских, мордовских, булгарских, ордынских и местных культурных традиций. Этот синтез отразился и в архитектурных сооружениях, и в художественных образах, и в повседневной культуре населения.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 112–258.

Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2021. 250 с.

Винничек В.А. Археологические исследования в районе Усть-Узинского могильника // Finno-Ugrica. 2002. № 1 (5–6). С. 44–55.

Винничек В.А. Саловское 1 селище – памятник времени Золотой Орды в Верхнем Посурье // Записки краеведов. Вып.1 / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Типография Тугушева, 2003. С. 78–86.

Винничек В.А., Киреева К.М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза: Изд-во ПИРО, 2012. 149 с.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Дирхемы рубежа XIII–XIV вв. с Никольского селища // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 56–65.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Монеты Никольского селища. Пенза: Областной издательский центр, 2021. 25 с.

Винничек В.А., Сафронов П.И. Результаты исследований селища Васьканьсад в 2004–2006 гг. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (материалы научной конференции). VI Халиковские чтения / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 239–246.

Горюнова Е.И. Ефаевский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948.С. 112–172.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

Казаков Е.П. О связях волжских болгар с мордвой по археологическим данным // Из истории области. Очерки краеведов.Вып.2. Пенза: Пензенский гос. объединенный краеведческий музей, 1990. С.61-76.

Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука 1987. 238 с.

Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов: Издание Нижне-Волжского общества краеведения, 1930. 47 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Пигарев Е.М. Исследования на «черепяном поле» Селитренного городища // ТА. 2006. №№ 3–4 (18–19). С. 156–169.

Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза: Пензен. кн. изд-во, 1956. 103 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 158 с.

Руденко К.А. Булгарский Улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2006. №№ 3–4 (18–19). С. 28–137.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань: Фолиант, 2006. 583 с.

Информация об авторах:

Белорыбкин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ректор, Институт регионального развития Пензенской области (г. Пенза, Россия); belorybkingn@gmail.com

Осипова Татьяна Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); to212@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 1. Saransk: “Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel’stvo” Publ., 112–258 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021 *Srednevekovyi gorod Mokhshi i (The Medieval Town Mokhshi)*. Penza (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2002. In *Finno-Ugrica* 1 (5–6), 44–55 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2003. In *Belorybkin, G. N. (ed.). Zapiski kraevedov (Notes of local historians)* 1. Penza “Tipografiia Tugusheva” Publ., 78–86 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2012. *Torgovlya v Verkhnem Posur'e i Primokshan'e v XI–XIV vv. (Trade on the Upper Sura and Moksha Rivers in the XI–XIV centuries).* Penza: “PIRO” Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P.. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 56–65 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P. 2021. *Monety Nikol'skogo selishcha (Coins from the Nikolskoye settlement).* Penza: “Oblastnoy izdatel'skiy tsentr” Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Safronov, P. I. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient*

Communities: 4th Khalikov Readings). Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 239–246 (in Russian).

Goryunova, E. I. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 112–172 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E.P. 1990. *Iz istorii oblasti. Ocherki kraevedov (From the history of the region. Essays by local historians) 2.* Publ., 61–76 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1987. *Drevnie i srednevekovye pakhotnye orudiia Vostochnoi Evropy (Ancient and Medieval Tilling Tools of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Krotkov, A. A. 1930. In *Trudy Nizhne-Volzhskogo obshchestva krayevedeniya (Proceedings of the Lower Volga Local History Society)* 37. Saratov: "Nizhne-Volzhskoe obshchestvo krayevedeniya" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2006. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 3–4 (18–19), 156–169 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1956. *V nedrakh vremen* (*In the Depths of Time*). Penza: "Penzenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Monuments of Penza Oblast)*. Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2006. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 3–4 (18–19), 28–137 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th – 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Belorybkin Gennady N. Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector. Institute for Regional Development of the Penza Region. Popova St., 40, Penza, 440049, Russian Federation; belorybkingn@gmail.com

Osipova Tatyana V. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Penza State University. Krasnaya St. 40, Penza, 440026, Russian Federation

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.20.31

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ ЗАКАМЬЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

©2024 г. Г.Х. Зарипова

В статье представлена карта памятников Волжской Булгарии на территории Закамья Республики Татарстан, составленная в результате цифровизации имеющихся данных. В работе использовались карта археологических памятников Волжско-Камской Булгарии (X – пер. пол. XV вв.) Фахрутдинова Р.Г., четыре тома Археологических карт ТАССР, «Свод памятников археологии Республики Татарстан», приказ Министерства культуры РТ от 22.11.2000 №267 и данные о вновь выявленных памятниках за 2015-2018 по материалам Комитета РТ по охране объектов культурного наследия. Геоинформационная система, применявшаяся в качестве платформы для создания базы данных, позволила собрать в единое хранилище информацию о булгарских памятниках. Проведенный ГИС-анализ наглядно продемонстрировал плотность расселения в домонгольский и золотоордынский периоды. Представленные научные изыскания являются первым этапом в создании полноценной базы данных всех памятников относящихся к Волжской Булгарии, для того, чтобы обеспечить в дальнейшем возможность проведения масштабного пространственного анализа.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, домонгольский период, золотоордынский период, пространственное размещение, карта плотности.

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF VOLGA BOLGARIA IN TRANS-KAMA REGION OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN GEOINFORMATION SYSTEMS

G.Kh. Zaripova

The paper presents a map of Volga Bolgaria sites in Zakamye (Trans-Kama region) of Tatarstan, compiled as a result of digitalization of available data. The map of archeological sites of Volga-Kama Bolgaria (X – first half of XV century) by Fakhrutdinov R.G., 4 volumes of archeological maps of TASSR, "Code of archaeological sites of the Republic of Tatarstan", order of the Ministry of Culture of Tatarstan from 22.11.2000 No 267 and data on newly identified monuments for 2015–2018 according to the materials of the Committee of RT for the Protection of Cultural Heritage objects were used. The geo-information system, used as a platform for creating the database, allowed us to collect information about Bolgar sites in a single repository. The GIS-analysis clearly demonstrated the density of settling in the pre-Mongol and Golden Horde periods. The presented scientific research is the first stage in the formation of a complete database of all sites belonging to the Volga Bolgaria in order to provide in the future the possibility of large-scale spatial analysis.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, pre-Mongol period, Golden Horde period, spatial distribution, density map.

Булгарское государство, образовавшееся на рубеже IX–X вв., занимало территорию на стыке Волги и Камы (Фахрутдинов, 1975). С древнейших времен этот регион представлял большой экономический и торговый интерес для государств Восточной и Западной Европы и стран Востока, торговля с которыми осуществлялась или по Волге, или сухопутным путем в Закамье (Смирнов, 1951; Калинин, 1954; Халиков, 1992; Средние века…, 2022). Потому территория Среднего Поволжья и Прикамья имеет богатое историческое наследие и на сегодняшний день включает в себя тысячи памятников археологии этого великого государства.

Большое количество памятников периода существования Волжской Булгарии находится в Закамье Республики Татарстан, ведь именно там располагаются крупнейшие по тем временам ремесленные и торговые центры феодальной Европы – Болгар, Биляр (Смирнов, 1951; Фахрутдинов, 1975; Халиков, 1992; Средние века…, 2022).

Закамье находится на левобережье Волги к югу от Камы и представляет собой типичную лесостепь (Археологические памятники,

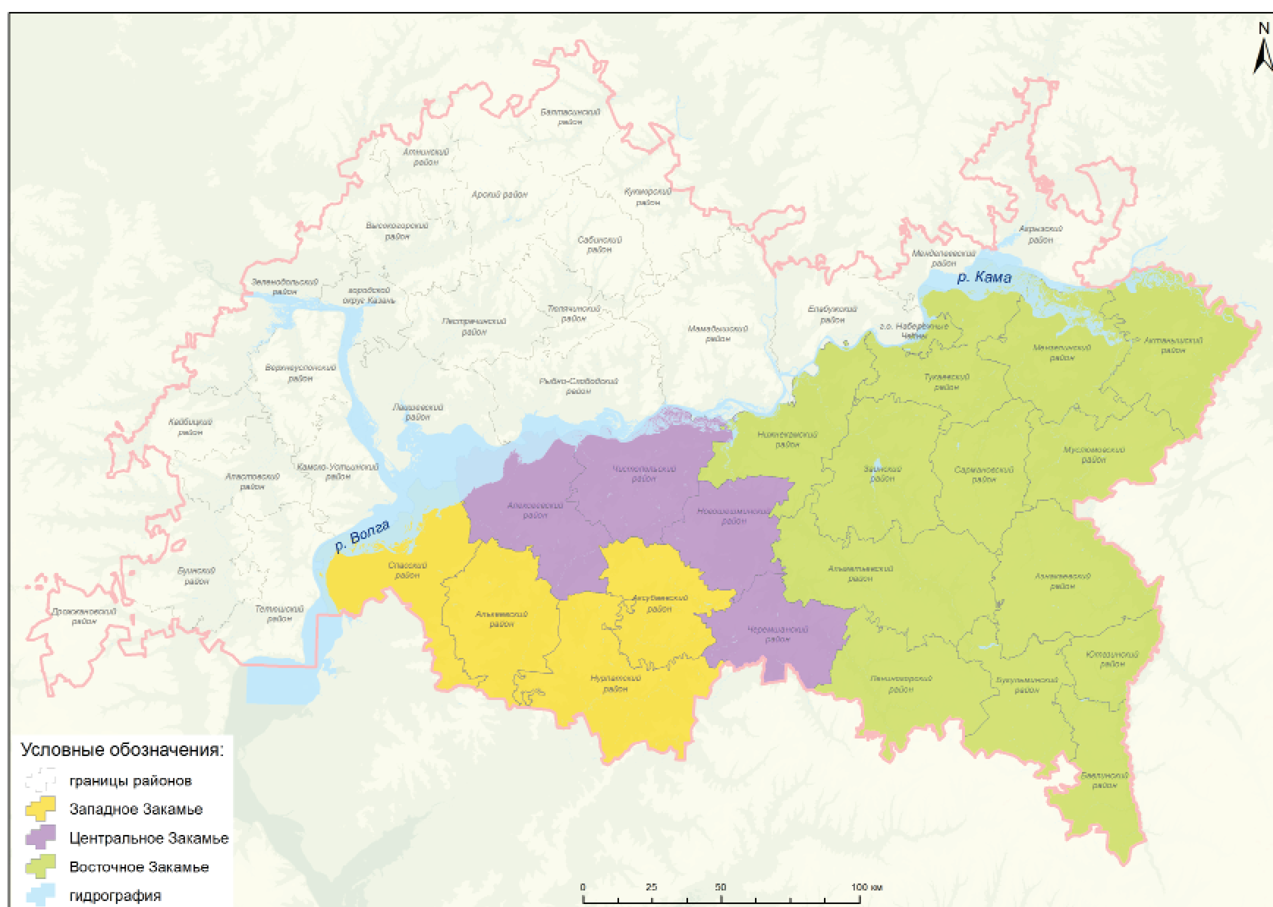

Рис. 1. Закамье Республики Татарстан
Рис. 1. Zakamye (Trans-Kama region) of Tatarstan

1988, 1989, 1990; Фахрутдинов, 1975; Свод…, 2007). Его территория включает в себя 21 муниципальный район и один городской округ Республики Татарстан (рис. 1). Долиной р. Шешмы Закамье разделяется на западную и восточную части. Западное Закамье представляет собой самый низкий участок Татарстана – абсолютные высоты варьируют в пределах 100–140 м. В то же время Восточное Закамье занимает наиболее возвышенную часть Среднего Поволжья с абсолютными высотами 250–300 м (Средние века…, 2022).

В археологическом плане выделяют отдельно Центральное Закамье – восточную часть Западного Закамья, административно включающую в себя Альметьевский, Чистопольский, Черемшанский и Новошешминский районы республики (Археологические памятники…, 1988).

Закамье входит в зону достаточно четко выраженного умеренно-континентального климата. До 85% территории занимают пахотные земли. Основное природное богатство района – это черноземные и темно-серые лесные почвы с большим содержанием гумуса. На таких почвах с успехом возделывались пшеница, ячмень, просо, горох, лен, конопля – основные зерновые и технические культуры волжских болгар. Леса сохранились в основном на юго-востоке региона (Свод…, 2007; Средние века…, 2022а).

Как показали специальные исследования палеоботаников, природно-климатические условия периода существования Булгарии резко не отличались от современных и в целом благоприятствовали жизнедеятельности человека в различные исторические и доисторические периоды (Археологические памятники, 1988; Средние века…, 2022а).

Район Западного Закамья небогат водными источниками и «по гидрографическим соотношениям приближается к условиям поволжских степей» (Средние века…, 2022а). Именно на эти территории приходятся центральные булгарские земли (Фахрутдинов, 1975). Отсюда начиналось заселение ранними булгарами территории Татарстана, и здесь располагаются комплексы археологических памятников,

связанных со столицей Волжской Булгарии X–XIII вв. – Великим городом размерами более 800 га (620 га в пределах укреплений) – и другими крупными городами (Булгар, Сувар, Джукетау и др.) (Свод…, 2007). Здесь сконцентрирована основная часть выявленных археологических памятников домонгольской и золотоордынской Волжской Булгарии (Археологическая карта, 1986; Археологические памятники, 1988, 1989, 1990; Фахрутдинов, 1975; Свод…, 2007).

Историография территории Волжской Булгарии органически связана с историей изучения ее археологических памятников. Этот вопрос подробно представлен в ряде работ булгароведов, потому ниже будут рассмотрены только некоторые реперные события, связанные с изучением памятников Волжской Булгарии.

Исключительным по важности событием второй половины XIX в., определившим дальнейшие перспективы и направления изучения истории и археологии Волжской Булгарии, стало проведение в 1877 г. в Казани IV Всероссийского археологического съезда. Специально к открытию съезда был приурочен выход фундаментальной книги профессора Казанского университета С.М. Шпилевского «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (1877). Она представляет собой обширный свод всех известных к тому времени исторических источников о городах и других археологических памятниках Волжской Булгарии и Казанского ханства (Свод…, 2007).

В 1946 г. под руководством Н.Ф. Калинина была осуществлена первая профессиональная археологическая разведка по долинам рек Ахтай и Бездны, приведшая к открытию около 100 археологических памятников от эпохи бронзы до булгарского Средневековья включительно (Калинин, 1954; Археологическая карта…, 1986).

В 1956 г. с наполнением Куйбышевского водохранилища большое количество выявленных археологических памятников ушло под воду. Поступавшие сведения о разрушающихся памятниках и интересных находках вызвали необходимость проведения ежегодного обследования водохранилища с постановкой разведок и охранных раскопок гибнущих памятников. Такие работы были начаты археологами ИЯЛИ КФАН СССР в 1961 г. под руководством А.Х. Халикова. В результате этих работ удалось собрать сведения о почти 500 археологических памятниках региона, абсолютное большинство из которых было выявлено впервые. Активное участие при этом принимали Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, Р.Г. Фахрутдинов, Е.А. Халикова, Г.В. Юсупов (Археологическая карта…, 1986).

В связи со строительством Нижнекамской ГЭС в конце 1960-х гг. активизировались исследования в Восточном Закамье (Свод…, 2007). С 1968 г. под руководством А.Х. Халикова начинается этап систематических и широкомасштабных плановых работ, в результате которых выявлено около сотни археологических памятников (Археологические памятники…, 1989). Первая целенаправленная и сплошная археологическая разведка по прибрежным камским районам Центрального Закамья была осуществлена в 1960 г. Т.А. Хлебниковой. Тогда возглавляемый ею отряд Татарской археологической экспедиции открыл более 60 различных археологических памятников. В 1962–1963 гг. Г.В. Юсупов произвел объезд всех известных булгарских эпиграфических памятников в регионе. В 1962 и 1965 гг. П.Н. Старостин и Р.Г. Фахрутдинов осуществили археологические разведки по левому берегу Шешмы и прилегающему прибережью Камы. Позднее в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах разрушения и разлива, в том числе и в камском прибрежье от устья р. Ахтай и выше, были открыты около 200 разрушающихся археологических памятников разных культурно-хронологических периодов (Археологические памятники…, 1988).

Начиная с 1974 г. в восточных районах Татарии работает Раннеболгарская археологическая экспедиция под руководством Е.П. Казакова. За 1974–1986 гг. ею было выявлено более сотни археологических памятников по рр. Каме, Ик, Белой и их притокам. В 1985–1986 гг. отрядом Е.П. Казакова при сплошном обследовании левобережных притоков р. Ик, рр. Верхний Кандыз, Кандыз, Дымки, Стерли, Мензели выявлено более 30 новых памятников (Археологические памятники …, 1989).

В 1984–1985 гг., в связи с завершением работ по составлению археологической карты восточных районов Западного Закамья, Р.С. Габяшевым, В.Н. Марковым и И.Л. Измай-

ловым был совершен контрольный обход левобережной части бассейна р. Шешмы, где выявлено и обследовано около 30 памятников (Археологические памятники…, 1988).

Таким образом, в результате проведенных в 1960–1980-х гг. казанскими археологами под руководством А.Х. Халикова охранно-спасательных работ было обследовано сплошной археологической разведкой более 2/3 территории Татарстана и выявлено около 4300 археологических памятников. Собранный богатый материал по археологии республики впоследствии вошел в различные обобщающие тематические издания, в том числе в труды по Волжской Булгарии (Свод…, 2007; Археологическая карта…, 1986; Археологические памятники…, 1988, 1989, 1990).

Большой вклад в обобщение полученных материалов о памятниках булгарского периода внес Р.Г. Фахрутдинов. Свою докторскую диссертацию он посвящает анализу и обобщению археологического материала при сравнительном анализе имеющихся письменных источников и освещению на этой основе узловых проблем богатой и сложной Волжской Булгарии с момента ее образования и до середины XV в. (Фахрутдинов, 1990). Его книга «Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория», собравшая в себя наиболее полные сведения о памятниках Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, в настоящее время остается одной из важнейших книг булгароведов. В труде Р.Г. Фахрутдинова отражен весь массив объектов средневековой археологии, выявленных к 1970-х гг. В этой же книге он представляет археологические данные в виде карты с разделением памятников по времени их существования и бытования.

С тех пор усилиями разведывательных экспедиций были открыты новые памятники, относящиеся к периоду Волжской Булгарии (Свод…, 2007). Вследствие исчерпанности письменных и эпиграфических данных археология становится главным источником знаний об этом великом государстве. Сбор, систематизация и сохранение в единой системе данных имеют важное значение для комплексного анализа и проведения аналитических исследований. Только наиболее полная совокупность сведений о как можно большем количестве памятников позволяет делать корректные выводы о многообразных процессах, происходивших на определенных территориях в древности, иллюстрировать в динамике историческое развитие исследуемых зон и регионов (Коробов, 2014; Мокробородов, 2017).

Одним из инструментов изучения прошлого является картографирование памятников, которое дает возможность определять территории распространения археологических культур, в том числе примерные государственные границы Волжской Болгарии, проследить динамику их изменений на протяжении VIII–XIII вв., существенно уточнив при этом скудные сведения восточных географов (Средние века…, 2022).

Процесс накопления данных по поселениям закономерно приводит к появлению работ, обобщающих сведения о системе расселения. Сейчас, в век технологий, можно создавать цифровые базы данных, которые выступают в качестве хранилищ накопленной информации. Они обладают рядом преимуществ, среди которых можно отметить следующие:

– возможность создания тематических выборок. Так как базы данных позволяют наполнять атрибутивные таблицы любыми видами информации, как например, тип, название, датировка, культура, исследователь и др., можно отображать на карте только интересующие в конкретный момент времени данные. При условии, что база уже наполнена необходимой информацией, написав несложный запрос, за считанные минуты можно создать выборку, например, только с домонгольскими городищами Волжской Булгарии или только с золотоордынскими кладбищами, расположенными в Алексеевском районе;

– постоянное пополнение источниковедческой базы для историко-археологических изысканий новым материалом;

– возможность создания карты в разных масштабах. Актуализация и уточнение местоположений памятников в мировой системе координат способствуют более точному геопозиционированию объектов и потому данные подойдут как для мелкомасштабного, так и для крупномасштабного картографирования;

– проведение ГИС-анализа. Данные базы могут лечь в основу создания моделей пространственной археологии (Афанасьев, 2012, 2015, 2016; Коробов 2012, 2014, 2017; Бахишев, 2014). Например, можно будет создавать гравитационные связи поселений,

изучать пространственные коммуникации региона, выделять ресурсные зоны, выявлять доминантные культурные элементы и др.;

– возможность компоновать на одной карте археологические данные со всевозможными топографическими, физико-географическими, почвенными, геоморфологическими, климатическими, историческими, этнографическими и др. данными.

Таким образом, современные технологии позволяют создавать цифровые карты, объединяющие обновленные и уточненные данные предшественников и современников.

Пионерами в области применения географо-информационных технологий и многомерного статистического анализа при археологических исследованиях в России считаются Г.Е. Афанасьев и Д.С. Коробов. Их многочисленные работы иллюстрируют возможности современных технологий, реализованные посредством картографирования и применения статистического аппарата, для решения важных археологических задач, таких как, например, вопросы локализации этнических территорий, анализ ресурсных зон и др. (Афанасьев, 2012, 2015, 2016; Коробов, 2012, 2014, 2017).

Комплексный подход с применением ГИС-технологий при исследовании поселенческих структур и связанных с ними погребальных памятников был использован З.Г. Шакировым для исследований возможных ресурсных и демографических потенциалов микрорегионов в составе Билярской агломерации (Шакиров, 2012; 2014).

Сейчас работы по созданию обобщающих баз данных всех известных археологических памятников на определенную территорию ведутся повсеместно. В Институте археологии РАН по отчетам, сданным в 2009–2012 гг., создали первую отечественную археологическую карту национального масштаба. В результате появилась наглядная картина пространственного размещения памятников на территории страны, которая позволяет проводить анализ и делать некоторые умозаключения (Макаров, 2017). Известны разведывательные работы по поиску новых памятников, которые на сегодняшний день ведутся в Средней Азии, с целью дальнейшего внедрения информации о них в геоинформационные системы (Мокробородов, 2017).

С целью актуализации представлений о пространственном размещении памятников Волжской Булгарии была выполнена работа по цифровизации накопленных десятилетиями знаний о локализации булгарских памятников на территории Закамья современной Республики Татарстан. Сбор и хранение материалов производилось в геоинформационной системе. Для этого необходимо было изучить, собрать и обобщить все имеющиеся на сегодняшний день данные по средневековым булгарским памятникам Татарстана. Так как основная часть памятников была открыта в XX веке, большая часть материала была представлена на карте Р.Г. Фахрутдинова, в четырех томах Археологической карты ТАССР и в «Своде памятников археологии Республики Татарстан» (Фахрутдинов, 1975; Свод…, 2007; Археологическая карта…, 1986; Археологические памятники…, 1988, 1989, 1990). База была дополнена вновь выявленными памятниками согласно приказу Министерства культуры Республики Татарстан от 22.11.2000 № 267 и вновь выявленными памятниками за 2015–2018 гг. по материалам Комитета Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия. Список не является исчерпывающим, данные будут дополняться и актуализироваться.

В результате проведенной работы была составлена карта памятников Волжской Булгарии на территории Закамья РТ (рис. 2).

В атрибутивной таблице базы данных отмечены такие поля, как название памятника, его тип, район местоположения, регион, датировка, нумерация по Р.Г. Фахрутдинову, нумерация по приказу Министерства культуры, нумерация по Археологическому своду или карте, фамилия исследователя (Археологическая карта…, 1986; Археологические памятники, 1988, 1989, 1990; Фахрутдинов, 1975; Свод…, 2007). Первые шесть полей были обязательными. Нумерация также проставлена для всех объектов, причем она бралась в зависимости от источника информации о памятнике. Фамилия исследователя на данный момент внесена лишь для вновь выявленных памятников.

В базе присутствуют данные о таких типах памятников, как городища, селища, местонахождения, могильники, кладбища, надгробия, находки, клады.

В общей сложности было оцифровано и выверено 1247 памятников.

Как известно, история Волжской Булгарии делится на два основных периода – домон-

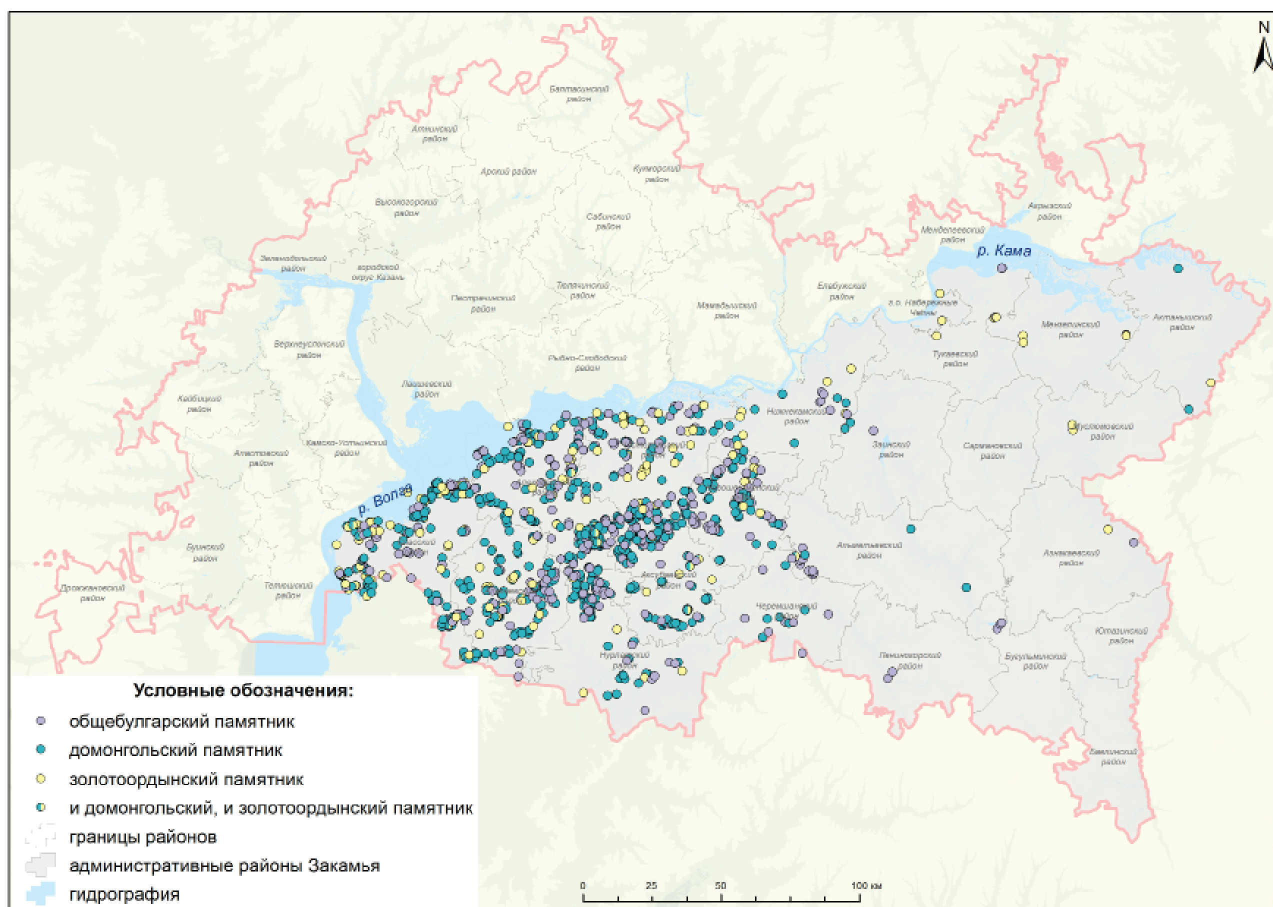

Рис. 2. Карта всех известных булгарских памятников
на территории Закамья Республики Татарстан (на 01.02.2024)
Fig. 2. Map of identified Bolgar sites in Zakamye (as of 01.02.2024)

гольский (X – первая половина XIII вв.) и золотоордынский (вторая половина XIII – первая половина XV вв.). Большинство памятников датировано одним периодом или двумя. Часть памятников, вследствие ограниченности и маловыразительности материала, датирована в целом общебулгарским временем (Фахрутдинов, 1975). Их распределение по времени существования представлено в таблице 1, а по географическим зонам Татарстана – в таблице 2.

На данный момент на территории Закамья выявлено 693 памятника, существовавших только в домонгольский период, что составляет 55,6% от общего числа памятников Закамья: большинство из них расположено в Западном и Центральном Закамье (46% и 41,6% соответственно). Основная часть памятников приходится на селища и городища – 487 и 82 памятника соответственно.

Что касается памятников, существовавших только в золотордынское время, то их в Закамье значительно меньше – всего 13,2%. 43,6% общего числа золотоордынских памятников Закамья расположено в Центральном Закамье,

Таблица 1. Количественное распределение булгарских памятников Закамья по периодам
Table 1. Quantitative distribution of Bolgar sites in Zakamye by periods

№	Период	Количество
1	Домонгольский (X – пер. пол. XIII вв.)	693
2	Золотоордынский (втор. пол. XIII – пер.пол.XV вв.)	165
3	Общеболгарский	349
4	И домонгольский, и золотоордынский (X – пер.пол.XV вв.)	40

Таблица 2. Количественное распределение булгарских памятников по географическим зонам Закамья
Table 2. Quantitative distribution of Bolgar sites by geographical zones of Zakamye

Период	Западное Закамье	Центральное Закамье	Восточное Закамье
Домонгольский (X- пер. пол. XIII вв.)	319	288	86
Золотоордынский (втор. пол. XIII- пер.пол.XV вв.)	69	72	24
Общеболгарский	119	183	47
И домонгольский, и золотоордынский (X- пер.пол.XV вв.)	19	19	2

а 41,8% – в Западном. Здесь основные типы памятников – селища и кладбища (32,7% и 22,4% соответственно).

Еще меньше памятников, существовавших на протяжении обоих периодов: 28 селищ, 9 городищ, 1 кладбище, 1 находка и 1 комплекс. Два памятника относятся к Восточному Закамью, по 19 памятников приходятся на Западное и Центральное Закамье.

Основная часть памятников, датированных общебулгарским временем, приходится на Центральное Закамье (52,4%), в Западном Закамье их всего 34,1%, а в Восточном 13,5% от общего числа общебулгарских памятников Закамья.

Наглядно распределение памятников позволяют визуализировать современные геоинформационные технологии. Построение карты плотности дает возможность проанализировать локализацию объектов. С помощью специальных инструментов можно вычислить плотность входных данных в окрестности вокруг каждой выходной ячейки растра.

Для имеющихся памятников Волжской Булгарии был построен ряд карт плотностей, которые показали сосредоточение искомых объектов (рис. 3–5). При построении карты плотности были выбраны следующие параметры инструмента: размер ячейки 100, а исследуемая область ограничивалась радиусом в 10 км. Так как памятников всего 1247, а площадь Закамья составляет 36,6 тыс. кв. км, то плотность объектов на картах существенно маленькая величина, и потому карты приводятся не столько для оценки количественных показателей, сколько для демонстрации относительных различий в плотности распределения памятников в разных районах Закамья.

На общей карте (рис. 3) представлена поверхность плотности для всех известных булгарских памятников Закамья независимо от их типа. Практически все они сконцентрированы в шести районах республики: Аксубаевском, Алексеевском, Алькеевском, Новошешминском, Спасском и Чистопольском. Небольшая часть памятников находится в Нурлатском районе, в Восточном Закамье имеются лишь единичные объекты.

Исследование памятников Восточного Закамья проведено в значительной мере неравномерно. Это объясняется определенной отдаленностью региона от центров археологических исследований и относительно поздним началом этих исследований. Вместе с тем все основные приречные районы региона, где обычно сосредоточены археологические памятники, были подвергнуты разведочным поискам (Археологические памятники…, 1989).

Концентрация памятников в Западном и Центральном Закамье связана с тем, что именно здесь были расположены процветающие столичные центры Болгар и Билярск, к которым тяготели остальные поселения средневекового государства.

Кроме того, по карте можно заметить, что визуализируются два скопления памятников, которые имеют линейный характер, ориентированный в восточно-северо-восточном направлении. Северная локализация объясняется наличием крупного водотока – р. Камы. Ориентация же южного скопления памятников связана с бассейном реки Малый Черемшан. Как известно, люди издревле предпочитали селиться у водоемов, потому концентрация памятников у рек вполне логична и объяснима.

Рис. 4 демонстрирует распределение памятников домонгольского времени. Здесь ярко выделяется территория Билярской агломерации. В домонгольскую эпоху Биляр был крупнейшим экономическим и политическим

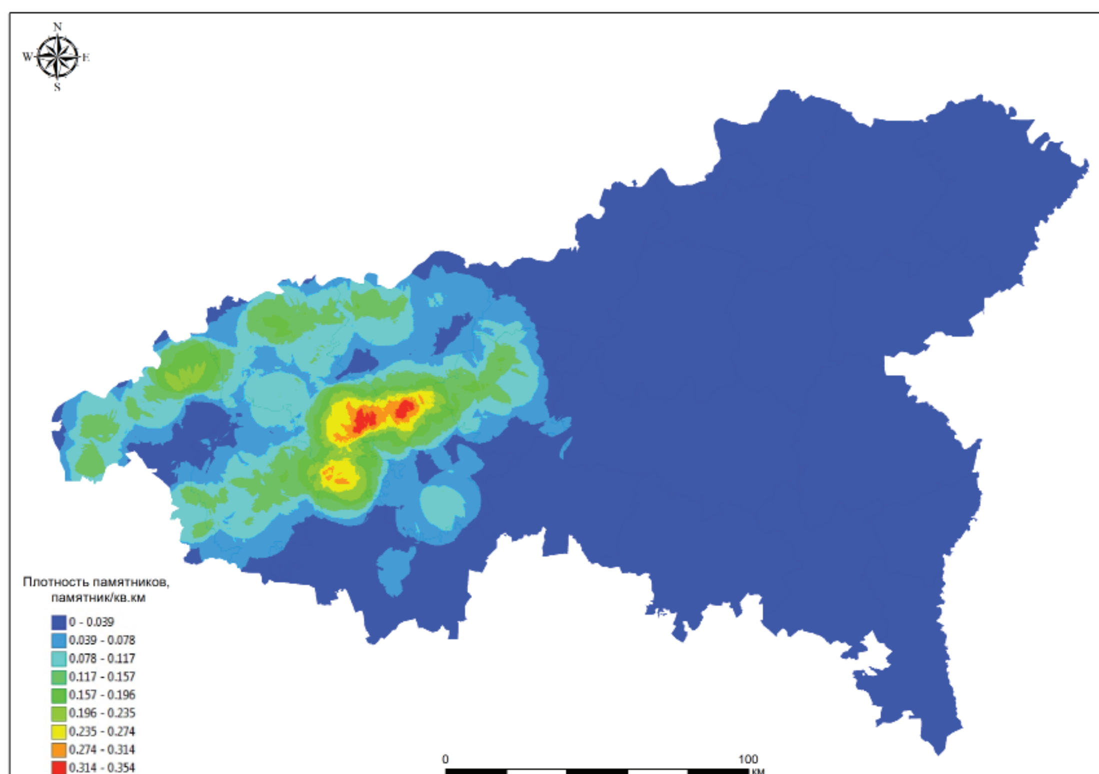

Рис. 3. Карта плотности всех известных булгарских памятников на территории Закамья Республики Татарстан (на 01.02.2024)
Fig. 3. Map of density of identified Bolgar sites in Zakamye (as of 01.02.2024)

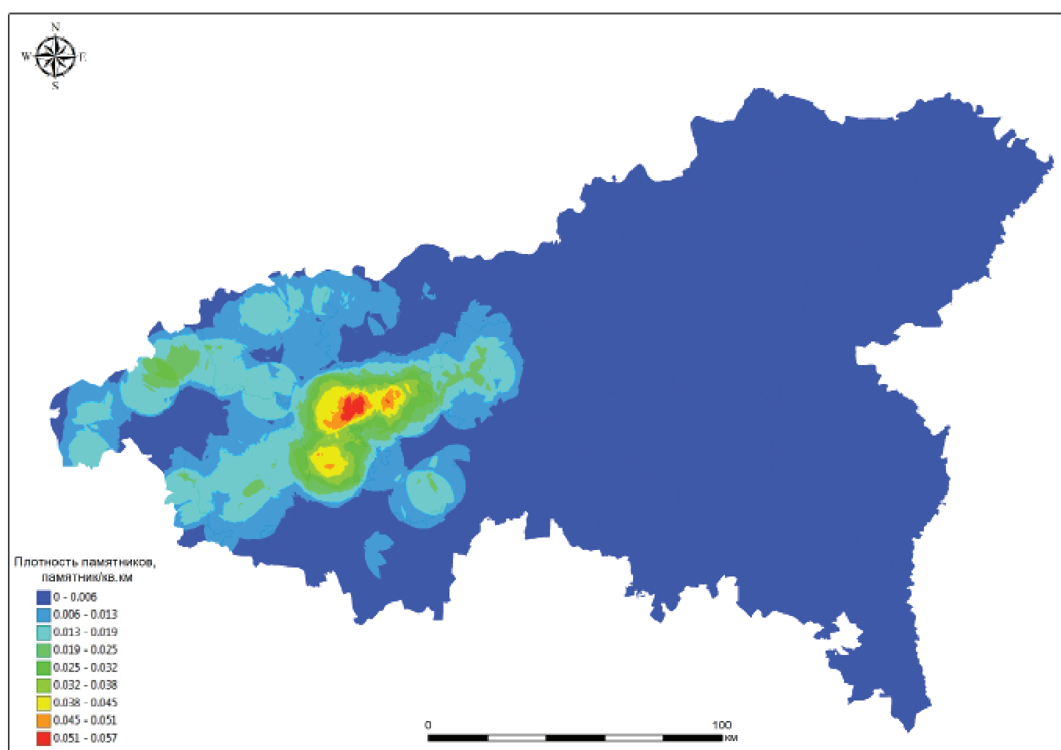

Рис. 4. Карта плотности домонгольских булгарских памятников на территории Закамья Республики Татарстан (на 01.02.2024)
Fig. 4. Map of density of pre-Mongolian Bolgar sites in Zakamye (as of 01.02.2024)

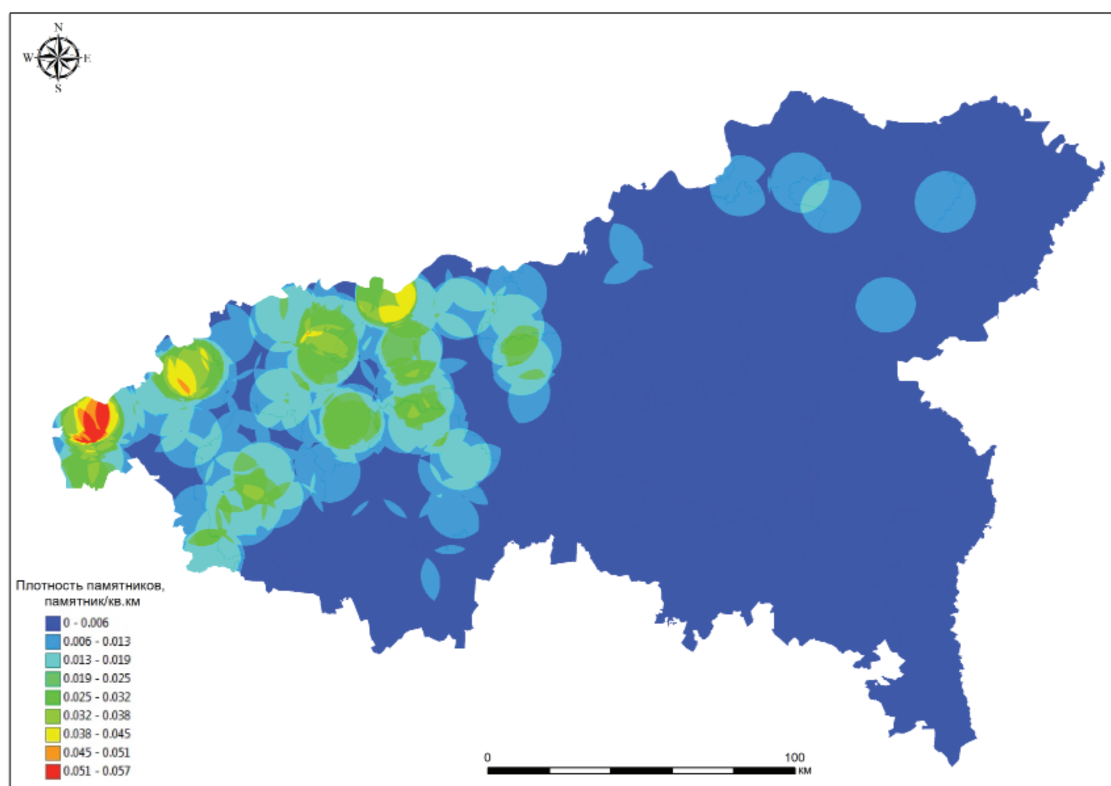

Рис. 5. Карта плотности золотоордынских булгарских памятников на территории Закамья Республики Татарстан (на 01.02.2024)
Fig. 5. Map of density of Golden Horde Bolgar sites in Zakamye (as of 01.02.2024)

центром Волго-Камского региона. Биляр, упоминаемый в древнерусских источниках как Великий город, наибольшего расцвета достиг в XI – начале XIII в., являясь столичным центром Волжской Булгарии (здесь располагалась главная Соборная мечеть государства общей площадью около 2500 кв. м) (Шакиров, 2014, 2018).

Опираясь на эту карту плотности, можно говорить, что в домонгольский период бассейн р. Мал. Черемшан был густонаселенным районом.

В Восточном Закамье булгарские поселения появляются лишь в XII–XIII вв. Но это были еще небольшие поселки, скорее всего типа факторий, а также ряд болгарских селищ и форпостов по правобережью р. Шешмы и р. Зай (Археологическая карта…, 1989).

В золотоордынский период заселенность восточной части Западного Закамья резко (более чем в пять раз) уменьшается и особенно в бассейне Шешмы. Топография памятников этого времени на Шешме такова, что они тяготеют к Каме. Более густо памятники располагаются на Каме, восточнее Шенталы, в округе города Джукетау. Все это закономерно связано с историей Волжской Булгарии, ее Джукетауского княжества (Археологические памятники…, 1988).

Поверхность плотности золотоордынских памятников (рис. 5) показывает сосредоточение населения близ Болгарского городища в Спасском районе. Роль Билярской агломерации на данном этапе развития истории уже угасает.

Единичные памятники представлены в Восточно-Закамских районах. В XIII–XIV вв. появляются болгарские поселения на р. Ик (Археологические памятники…, 1989).

Такое размещение памятников объясняется тем, что монгольское нашествие способствовало некоторому перемещению населения в более спокойные районы (Фахрутдинов, 1975).

Государство волжских булгар, как и другие образования, очень сильно пострадало во время нашествия. Об этом свидетельствуют раскопки Билярского городища, Сувара, Муромского городка и др. Многие населенные пункты не восстановились либо не возродились в прежних масштабах. Оставшееся в живых население из бывших центральных

районов переместилось в район Болгара, Джукетау и в более труднодоступные районы Предкамья (Средние века…, 2022б).

В случаях, когда объект исследования является крупным государством и располагается на значительной территории, как, например, Волжская Булгария, картографирование является неотъемлемым инструментом исследования. С помощью геоинформационных технологий появляется возможность определения границ территории в домонгольское и золотоордынское время, проведения анализа размещения археологических памятников в различные периоды существования государства.

Закамье является центральной территорией Волжской Болгарии, но границы государства распространяются еще и в Предкамье, и в Предволжье и не ограничиваются одним лишь Татарстаном. Поэтому дальнейшие исследования будут направленны в сторону дополнения и уточнения знаний о пространственной локализации археологических памятников указанного времени, что позволит обобщить и расширить наши представления о таком великом государстве, как Волжская Булгария.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.

Афанасьев Г.Е. ГИС-процедуры в определении этнической территории хазар // Археология и геоинформатика. Первая международная конференция / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2012. С. 6—7.

Афанасьев Г.Е. О территории Хазарского каганата и хазарского" домена" в IX веке // Дивногорский сборник. Вып. 6 / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 41–72.

Афанасьев Г.Е. Добровольская, М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // КСИА. 2015. №. 237. С. 64–79.

Бахшиев И.И.О., Бахшиев Р., Оглы И. Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №. 2 (25). С. 40–53.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Коробов Д.С. ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан Кисловодской котловины // КСИА. 2012. № 226. С. 17–27.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Дисс. …. Докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 2014.

Коробов Д.С. Новые результаты компьютерного ГИС-моделирования ресурсных зон аланских поселений Кисловодской котловины I тыс. н.э. // Археология и геоинформатика. Вып. 7 / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2017.

Коробов Д.С., Борисов А.В. Новые данные по изучению ресурсных зон древних и средневековых поселений в Кисловодской котловине // РА. 2020. №. 4. С. 53–69.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Ворошилов А.Н. Пространство древности: археологические памятники на карте России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. №. 7. С. 622–634.

Мокробородов В.В., Страйд С., Максудов Ф., Ронделли Б., Мантеллини С. Последние работы по составлению археологических карт Средней Азии. Методы, результаты, перспективы. // Археология и геоинформатика. Вып. 8 / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2017. С. 80–97.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3 / Отв.ред. А.Г. Сит-диков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 528 с.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.

Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022а. 888 с.

Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022б. 936 с.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

Фахрутдинов Р.Г. Волжская Булгария. X-XIV вв.: (Историко-археологическое исследование). Автореф. дис. ... доктора истор. наук. М.: МГУ, 1990. 43 с.

Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1992. С. 12–22.

Шакиров З.Г. Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал). Автореф. дис… канд. ист. наук. Казань, 2012. 27 с.

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. № 2(8). С. 34–48.

Шакиров З.Г. Материалы о Биляре и его округе в «Известиях ОАИЭ» (краткий обзор) // Роль Общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Яз, 2014. С. 148–155.

Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш. Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции // Поволжская археология. 2018. №. 2 (24). С. 85–99.

Информация об авторе:

Зарипова Гульнур Харисовна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vafina.gulnur5@mail.ru

REFERENCES

Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Central Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P. (ed). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki basseina r. Cheremshan (Archaeological Monuments of the Cheremshan Basin).* Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Afanas'ev, G. E. 2012. In Korobov, D. S. (ed.). *Arkheologiya i geoinformatika (Archaeology and geoinformatics)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 6–7 (in Russian).

Afanas'ev, G. E. 2016. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Divnogorskiy sbornik (Divnogorye collection of papers)* 6. Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ., 41–72 (in Russian).

Afanas'ev, G. E., Dobrovol'skaya, M. V., Korobov, D. S., Reshetova, I. K. 2015. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 237, 64–79 (in Russian).

Bakhshiev, I. I. O., Bakhshiev, R., Ogly, I. 2014. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 25 (2), 40–53 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriia istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Korobov, D. S. 2012. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226, 17–27 (in Russian).

Korobov, D. S. 2014. *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n. e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny) (The settling system of the Alans of the Central Cis-Caucasus in the 1st*

millennium AD (landscape archaeology of the Kislovodsk basin)). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korobov, D. S. 2017. In Korobov, D. S. (ed.). *Arkheologiya i geoinformatika (Archaeology and geoinformatics)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korobov, D. S., Borisov, A. V. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 53–69 (in Russian).

Makarov, N. A., Zelentsova, O. V., Korobov, D. S., Voroshilov, A. N. 2017. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk (Bulletin of the Russian Academy of Sciences)* 87 (7), 622–634 (in Russian).

Mokroborodov, V. V., Straid, S., Maksudov, F., Rondelli, B., Mantellini, S. 2017. In Afanas'ev, G. E., Korobov, D. S. (eds.). *Arkheologiya i geoinformatika (Archaeology and geoinformatics)* 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 80–97 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). 2022. *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads).* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). 2022. *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period).* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territoriia (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1990*. Volzhskaya Bulgariya. X–XIV vv.: (Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (Volga Bolgaria. X–XIV centuries: (Historical and archaeological research)).* Thesis of Diss. of Doctor of historical sciences. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1992. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Put' iz Bulgara v Kiev (The Way from Bulgar to Kiev)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 12–22 (in Russian).

Shakirov, Z. G. 2012. *Okruga Biliara v X–XV vv. (poselencheskaia struktura, resursnyi potentsial) (Bilyar Neighbourhood in the 10th –15th cc. (Settlement Structure, Resource Potential))*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Kazan (in Russian).

Shakirov, Z. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 34–48 (in Russian).

Shakirov, Z. G. 2014. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Rol' Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii v issledovanii i sokhranenii kul'turnogo naslediya Volgo-Ural'ya (The role of the Society of Archaeology, History and Ethnography in the study and preservation of the cultural heritage of the Volga-Urals).* Kazan: "Yaz" Publ., 148–155 (in Russian).

Shakirov, Z. G., Khuzin, F. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 85–99 (in Russian).

About the Authors:

Zaripova Gulnur Kh., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vafina.gulnur5@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.32.43

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ ХАНСКОЙ МЕЧЕТИ В ГОРОДЕ КАСИМОВЕ, ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2024 г. Ф.А. Ахметгалин

В статье рассматривается история археологического изучения Ханской мечети Касимова исследованы этапы ее строительства, разрушения и восстановления. Даются результаты археологических исследований 2016 и 2020 гг. Археологические исследования позволили выявить время постройки Ханской мечети минарета, были выявлены архитектурные особенности постройки минарета и здания мечети. Так же выявлены строительные горизонты связанные с постройкой, восстановлением и достройкой здания. Исследованы фундамент мечети и минарета и выявлена глубина его залегания. В результате археологических исследований выявилось, что минарет и мечеть были построены во второй половине XVI в, во время правления хана Шах Али. Часть первоначального здания мечети, а именно часть западной стены и крыша были разрушены в 1762 год, в 1768 году здание мечети было восстановлено. В XIX в. был достроен 2-этаж и поставлена железная крыша с куполом.

Ключевые слова: археологические исследования ханской мечети, Касимовское ханство XV–XVII вв, средневековье город Касимов, дата постройки.

ON THE QUESTION OF THE KHAN'S MOSQUE CONSTRUCTION TIME IN THE CITY OF KASIMOV, BASED ON ARCHAEOLOGICAL STUDIES

F.A. Akhmetgalin

The author considers the history of the archaeological studies of the Kasimov Khan's Mosque. The results of archaeological studies in 2016 and 2020 are given. Archaeological research has revealed the time of construction of the Khan's Mosque minaret, the architectural features of the construction of the minaret and the mosque building have been identified. Building horizons associated with the construction, restoration and completion of the building also have been found out. The foundation of the mosque and the minaret were studied and the depth of its occurrence was revealed. As a result of archaeological research, it was proved that the minaret and mosque were built in the second half of the XVI century, during the reign of Khan Shahghali. Part of the original mosque building, namely part of the western wall and the roof were destroyed in 1762, and in 1768 the mosque building was restored. In the XIX century the second floor was completed and put an metal roof with a dome.

Keywords. archaeological studies of the Khan's mosque, Kasimov Khanate of the XV – XVII centuries, Middle Ages, city of Kasimov, date of construction.

Из архитектурных памятников эпохи Касимовского ханства, сохранившихся в его бывшей столице городе Касимове, наибольший интерес вызывает ханская мечеть и каменный минарет ханской мечети. В настоящее время мечеть представляет собой прямоугольное двухэтажное здание размерами 18×18 м, сложенное из прямоугольных белых камней, ориентированное по направлению север – юг, крыша мечети покрыта железом, на ней имеется небольшой купол, который украшает шпиль с полумесяцем, к северо-западному углу здания примыкает минарет, который представляет собой массивную цилиндрическую башню, сложенную из белого камня, с площадкой для муэдзина наверху, над которой возвышается малый цилиндр. Сам минарет состоит из двух частей – внешнего цилиндра диаметром 7 м и внутреннего – диаметром 4 м, внутри между ними расположена спиральная лестница, ведущая вверх, с северной стороны вход в мечеть оформлен портиком в стиле классицизма. Из архитектурных памятников эпохи Касимовского ханства кроме мечети с минаретом в городе осталось еще два здания – это мавзолеи-текие: каменный мавзолей Шах Али, кирпичный мавзолей-текие́ Афга́н-Мухамме́д султа́на. Даты их возведения хоро-

шо известны, сохранились закладные доски, где указана дата построек и заказчики: первый мавзолей был построен в 1555 г., второй мавзолей в 1649 г. О времени постройки ханской мечети и минарета сведений не было, и поэтому вокруг его даты постройки возникало множество версий, сохранилась только каменная доска, в которой было указанно время восстановления мечети и указаны спонсоры. В 1762 г. владелец земли Ханского двора, где находилось здание мечети, генерал Д.А. Симонов, под предлогом постройки церкви в своем селе, начал разборку здания мечети. В 1768 г. после указа Екатерины II земля под ханской мечетью была выкуплена татарским купцом Хайруллом Кастровым и началось ее восстановление (Филиппов, 2016, с. 256–257). Свидетелем строительства и восстановления здания мечети в 1768 г. был академик Паллас, который описал это в своей книге «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (Паллас, 1773, с. 42–43). В 1768 г. он посетил г. Касимов, он писал, что «старая мечеть была складена из кирпичей, которыя величиною больше 13 дюймов», в метрической системе это более 33 см (Паллас, 1773, с. 42–43), вероятно, он имел в виду большие прямоугольные блоки белого камня, остатков кирпичной кладки в процессе исследований нами не выявлено.

В XIX в. сформировались две основных гипотезы о времени постройки минарета и первого здания ханской мечети. Первую гипотезу озвучил публично в августе 1834 г. мулла соборной (ханской) мечети в городе Касимове Абдулвахид Смаилев, он в своей торжественной речи по случаю совершеннолетия наследника престола назвал дату постройки ханской мечети и минарета – 1467 г. (Трепавлов, 2014, с. 148–149). Эту же гипотезу высказывал касимовский краевед и архитектор И.С. Гагин: он считал, что мечеть была построена в 1467 г. ханом Касимом, а позже был добавлен второй этаж с железным куполом и бронзовой луной (Гагин, 1902, с. 276). Эта гипотеза, вероятно, утвердилась среди научного сообщества Рязанской губернии, и в «Военно-статистическом обозрении» в томе, посвященном Рязанской губернии, временем постройки ханской мечети в Касимове тоже называется 1467 г. (Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1848, с. 64).

Вторую гипотезу предложил В.В. Вельяминов-Зернов в 1863 г.: в первом томе своего труда «Исследование о касимовских царях и царевичах» он выразил сомнение в том, что старая мечеть с минаретом была построена во времена хана Касима. В этой гипотезе он ссылался на «Свод Летописей» Кадыр Али Бека Джалаири, сподвижника касимовского хана Ураз Мухаммеда. Он отметил, что торжества по случаю провозглашения Ураз Мухаммеда ханом происходили «в каменной мечети, построенной Шах Али». Там же Вельяминов-Зернов писал, о том, что на стене мечети имеется закладная каменная доска, где указана дата строительства «нового» здания мечети в 1768 г., на ней написаны имена тех, кто финансировал строительство мечети, также в доказательство он приводит указ императрицы Екатерины II от 1768 г. о разрешении строительства мечети (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 68, 69).

Однако в дальнейшем, в исторических исследованиях XIX–XX вв., посвященных истории г. Касимова и Касимовского ханства, утвердилась первая гипотеза о постройке минарета и первого здания мечети в середине XV в. по инициативе хана Касима, основателя Касимовского ханства (Шишкин, 1891, с. 169; Мансуров, 1974, с. 303).

Вероятно, уточнить дату постройки первоначальной мечети и минарета могли бы археологические исследования, но до начала XXI в. они в Касимове были редкими и нерегулярными.

Первые попытки археологических исследований и систематизации сведений о г. Касимове и Ханской мечети были предприняты в начале XIX века архитектором И.С. Гагиным, некоторые его исследования были опубликованы только в начале XX в., другие сохранились в рукописном виде, им же были сделаны первые чертежи ханской мечети[1].

В 2000 г. рязанским археологом В.П. Челяповым во дворе ханской мечети, в 30 м к югу от минарета, был заложен небольшой раскоп площадью 20 кв. м. В раскопе им были выявлены три слоя: первый слой – дерн мощностью до 4 см, второй слой – серая супесь до 27 см, и третий нижний – слой белесой супеси мощностью до 50 см. Третий слой им был датирован XVII в. по керамике и индивидуальным находкам, монете Дмитрия Ивановича 1605 г. псковской чеканки, найденной им

Рис. 1. Вид на ханскую мечеть Касимова и шурф 2016 г. с юго-запада.
Fig. 1. View of the Khan's Mosque of Kasimov and prospect hole 2016 from the southwest.

в слое белесой супеси, в раскопе были выявлены остатки двух глинобитных печей XVII века, хорошо датируемые по найденными в них монетам Михаила Федоровича 1617 г. московской чеканки и монете Алексея Михайловича без даты (Челяпов, 2000, с. 157).

В 2008–2018 гг. была проведены новые археологические исследования в г. Касимове, которые реализовывались в рамках проекта по историко-археологическому изучению средневековых памятников лесостепной зоны Волго-Окского региона (Ахметгалин, Ситдиков, Хузин, 2008, с. 30–31).

В 2014 году в 0,5 м к западу от минарета ханской мечети был заложен шурф размером 1×4 м. В нем выделилось три слоя: первый (верхний) слой плотной темно-серой супеси сильно переработан и сформировался в XIX–XX вв., следующий слой коричневого суглинка с включением извести датирован нами XVIII веком, по нашему мнению, был связан со сносом старого здания мечети и восстановлением в 1768 г., нижний (третий) слой светло-серой белесой супеси был датирован нами второй половиной XVI – XVIII вв., в слое найдены фрагменты чернолощеной черепицы (Ахметгалин, 2018, с. 87).

В 2016 году экспедицией института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ под руководством Ф.А. Ахметгалина был заложен второй шурф возле ханской мечети. Шурф прямоугольной формы 2×5 м, вытянутый по линии С–Ю был разбит вдоль западной стенки Ханской мечети вплотную к минарету (Ахметгалин 2018, с. 17)[2] (рис. 2).

В шурфе было выявлено восемь слоев, суммарная мощность слоев вне ям и сооружений составила от 100 до 80 см. В нем выделилось три строительных горизонта. Первый горизонт связан с темной серо-коричневой супесью в верхней части, насыщенный мелкими частицами извести и кирпичного щебня мощностью от 50 до 30 см. Основные находки из слоя: фрагменты черепицы серолощеной (мореной) и чернолощёной, фрагменты сосудов в развитие белоглиняной по образцу белоглиняной поздней, фрагменты сосудов серых лощеных (чернолощёных), серых нелощеных, серых мореных, кремень ружейный (рис. 7). Слой сформировался с конца XVIII в. по первую треть XIX в., верхняя часть слоя, насыщенная известью и кирпичной крошкой, связана с постройкой второго этажа мечети в 1830 г. Второй горизонт – бело-желтая известь мощностью до 30 см. Основные находки из слоя: фрагменты серолощеной (мореной) и чернолощёной черепицы, фрагменты сосудов серолощенных (чернолощёных), мореных. Этот слой связан с разрушением и восстановлением здания мечети в 1760-х годах, он выявился только в южной стенке раскопа. Третий горизонт – бело-желтая известь мощностью до 40 см, в заполнении слоя найдены фрагменты сосудов чернолощеных и серых с лощёной темной поверхностью, фрагмент сосуда белоглиняного, фрагменты

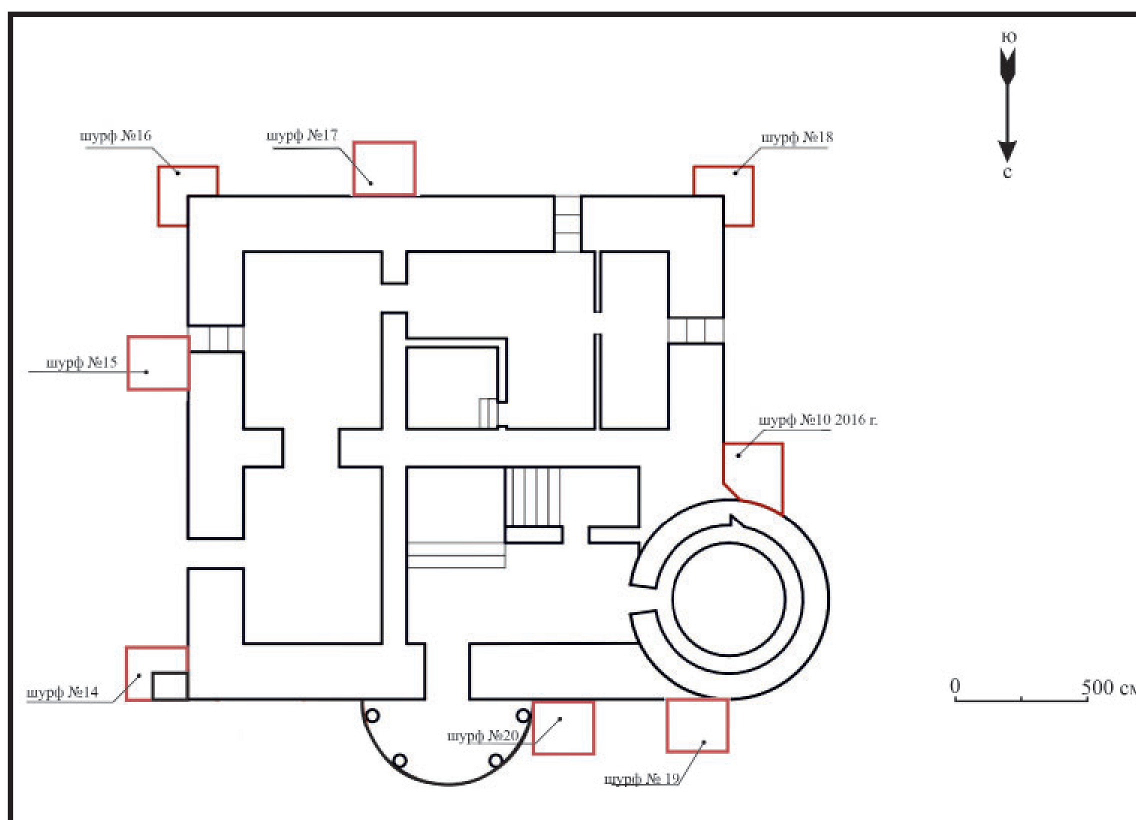

Рис. 2.Ситуационный план Ханской мечети и схема расположения шурфов.
Fig. 2. The situational plan of the Khan's Mosque and the layout of the prospect holes.

черепицы чернолощеной. Этот слой связан с постройкой минарета, он образовывался во второй половине XVI в. Под ним выявился слой коричневого суглинка, являющийся выбросом из котлована. Самый нижний, восьмой слой темно-серой супеси мощностью до 10 см уходил под стену минарета (рис. 3; 4). При прокопке в заполнении слоя были выявлены фрагменты сосудов белоглиняных русских, фрагмент черепицы серой лощеной, стенка сосуда татарско-русского серого лощеного плохого обжига (поверхность снаружи стального цвета). По находкам и данным стратиграфии этот слой можно датировать первой половиной или серединой XVI в. Перед материком, коричневым суглинком, выявился слой подзола мощностью от 20 до 30 см.

В шурфе была прослежена стена минарета, она была сложена из крупных прямоугольных камней размером 60×30 см, 50×30 см, 40×25 см, 70×23 см, 65×30, 70×20 см, сложенных на известковом растворе (рис. 4). При прокопке у южной стены минарета фундамента не выявилось, она заканчивалась на уровне –212 см от 0 и была выложена на выровненную поверхность, темно-серую плотную супесь мощностью до 10 см (рис. 4), эта прослойка по находкам белоглиняной керамики датируется первой половиной или серединой XVI в. (рис. 7) (Розенфельдт, 1968, с. 28–47). Таким образом, по этим находкам можно датировать время постройки минарета – не ранее середины XVI в.

На участке между стеной минарета и мечетью выявилась тумбообразная пристройка размером 100×60 см, сложенная из больших прямоугольных блоков размером 60×30×55 см и 40×30×30 см, высотой 11 см, вероятно, эта пристройка нужна была для поддержки минарета, она датируется сер. XVI в. (рис. 5; 6).

Фундамент мечети был выложен из грубо отесанных бутовых камней разного размера, крупных, размером 60×40 см или 80×30 см, и более мелких, размером 30×30 см, 20×20 см, залитых известковым раствором вместе с крупным щебнем на известковом растворе. Подошва фундамента была зафиксирована на уровне –253 см от 0, высота от основания до цоколя составила 40 см, он на 20 см выступал над стеной.

Сооружение № 2А было выявлено в виде траншеи шириной от 50 см до 60 см, с отвес-

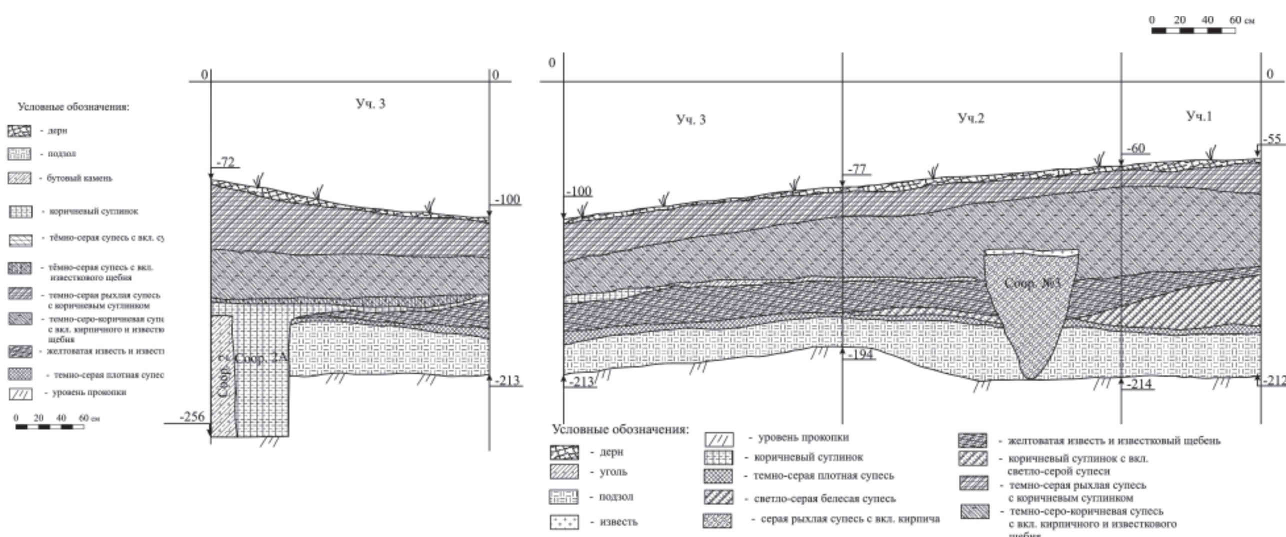

Рис.3. Шурф 2016 г. Профиля западной и южной стенки.
Fig. 3. Profile of the western and southern walls of the prospect hole 2016.

ными стенками и ровным дном, выявленным на уровне –256 от 0 (–38см от верхнего края). В заполнении сооружения коричневый суглинок с включением извести и светло-серой супеси. При прокопке в заполнении сооружения находки не найдены, по данным стратиграфии, оно датируется сер. XVI в. и является траншеей под фундамент мечети (рис. 3) (Ахметгалин, 2018, с. 17–26).

В 2020 г. в связи программой реставрации мечети по углам здания и возле стен нами было заложено семь шурфов 2×2 м, был исследован фундамент мечети, выявлены некоторые сооружения, связанные с постройкой мечети, и уточнена стратиграфия (рис. 2) (Ахметгалин, 2021, с. 17–59).

Фундамент мечети во всех шурфах практически одинаков: в верхней части он был сложен из крупных прямоугольных камней размером 90×30, 40×30, 80×30, 60×20 на известковом растворе, с уровня –140 см от 0 в кладке крупные бутовые камни размером 90×30 см, 80×45 см, 80×20 см, между ними более мелкие камни размером 30×20 см, 20×20 см, 40×15, сложенные на известковом растворе. Но уровень подошвы не везде одинаков в шурфе № 1 (14)[3] у восточной стены, подошва фундамента прослеживается на отметках –230 см. От стены в верхней части фундамент выступает на 30 см, на уровне –202 см от 0[4] он выступает над стеной на 40 см, на уровне –220 см от 0 – на 80 см. В шурфе № 2 (15) подошва фундамента мечети прослеживается на отметках –230 см. От стены верхней части на уровне –120 см от 0 он выступает на 20 и 10 см, на уровне –230 см от 0 он выступает на 60 см, кладка заканчивается на уровне 243 см от 0. В шурфе № 3 (16) у юго-восточного угла здания подошва раскрытого фундамента зафиксирована на отметке –266 см. От стены верхней части на уровне –129 см от 0 он выступает на 20 и 10 см, на уровне –139 см от 0 он выступает на 40 см. Фундамент покоится на пилоне, состоящем из колотых камней малого и среднего размера. В шурфе № 4 (17) у южной стены фундамент в верхней части на уровне –120 см от 0 выступает над стеной на 30 см, на уровне –250 см от 0 он выступает на 75 см. Подошва раскрытого фундамента зафиксирована на отметке - –274 см от 0. В шурфе № 5 (18) фундамент на уровне –218 см от 0 выступает на 35 см. Подошва раскрытого фундамента южной стены мечети зафиксирована на отметке –284 см. Фундамент покоится на пилоне, состоящем из колотых камней среднего и большого размера (рис. 9). В шурфе № 6 (19) была прослежена стена минарета, сложенная из крупных квадратных и прямоугольных камней размером 35×35, 40×35, к ней примыкала стена мечети, сложенная из крупных прямоугольных камней размером 60×30 см, 50×30 см, 40×25 см, фундамент начался на уровне –146 см от 0, выступает на 80 см от стены. Подошвы раскрытого фундамента северной стены мечети и северной стены минарета были зафиксированы на отметке –251 и –285 см от 0 соответственно.

В шурфе № 7 (20) на отметке –81 см от 0 к северной стене мечети прилегала глыба известнякового камня шириной 70 см. Его

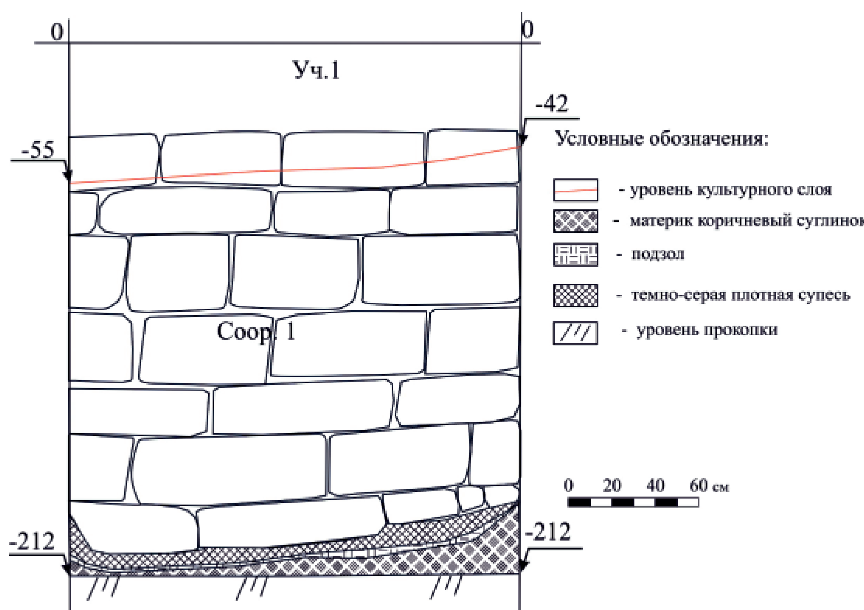

Рис.4. Шурф № 2016 г. Северная стенка минарета.
Fig. 4. Prospect hole 2016. The north wall of the minaret

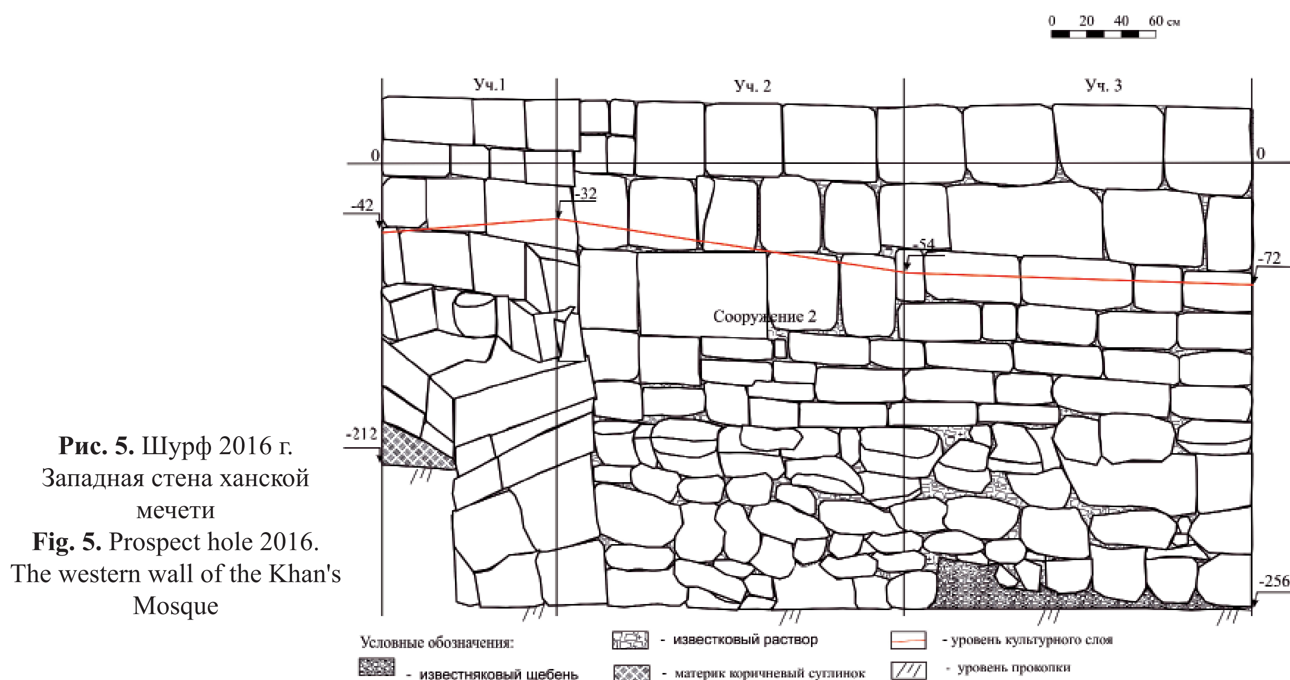

Рис. 5. Шурф 2016 г. Западная стена ханской мечети
Fig. 5. Prospect hole 2016. The western wall of the Khan's Mosque

основание зафиксировано на уровне –114 см. Вероятно, это остатки входного портала здания мечети XVI в. Фундамент в верхней части на уровне –196 см от 0 выступает на 20 см, на уровне –230 см от 0 с западной стороны он выступает на 60 см, и с восточной стороны на уровне –236 см от 0 – на 40 см. Подошвы раскрытого фундамента северной стены мечети и северной стены минарета были выявлены на отметке –251 и –285 см соответственно.

В ходе исследований 2020 г. было выявлено и исследовано восемь сооружений кроме фундамента мечети: траншея под фундамент, датируемая сер. XVI в., с восточной стороны здания траншея прорезает творильную яму, датируемую сер. XVI в., четыре столбовых ямы, две датированы сер. XVI в., одна XVII в., одна XVIII в., внешний минбар мечети, датированный нами XIX в., траншею под электрический кабель, которая датируется второй половиной XX в.

Стратиграфия, выявленная в шурфах 2020 г., в общем совпадает со стратиграфией, выявленной в ходе исследований 2016 г. На основе отобранных вещественных материалов и анализа культурных напластований удалось выделить культурные слои сер. – вт. половины XVI в., конца XVI – сер. XVIII вв., вт. пол.

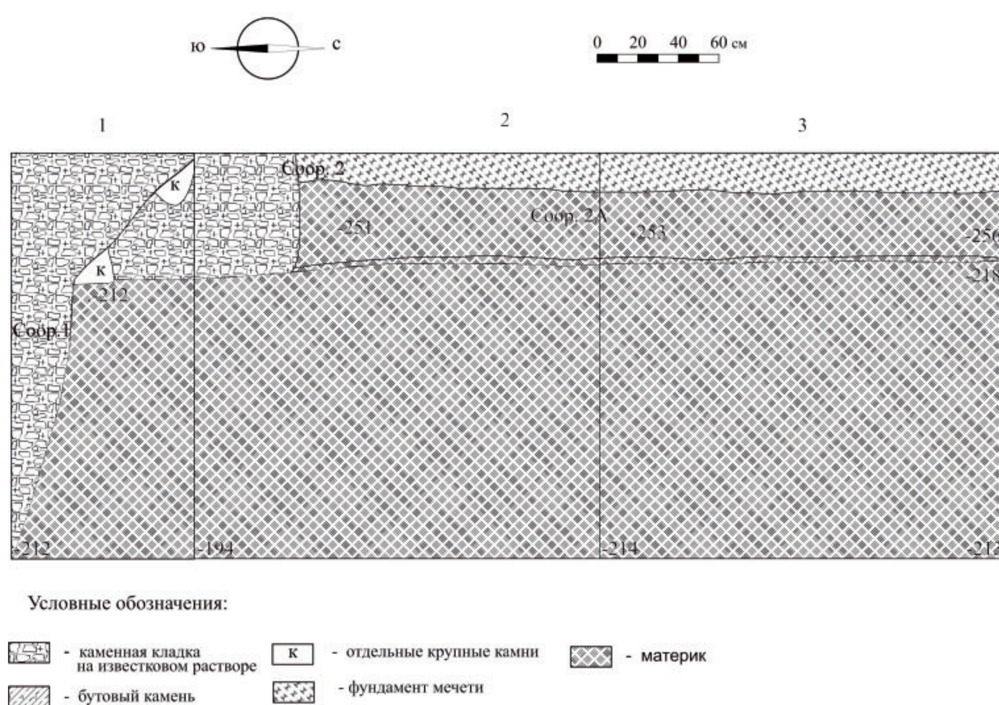

Рис. 6. Шурф 2016 г. План на уровне материковых ям.
Fig. 6. Prospect hole 2016. The plan at the level of the bedrock pits.

XVIII – XIX вв., XX в. В результате исследований были выявлены три строительных горизонта, соответствующих возведению мечети в середине XVI в., восстановлению здания в 1768 г. и строительству второго этажа в 1830 г. Также во всех шурфах нами был выявлен слой темно-серой гумусированной супеси, образовавшийся перед строительством мечети, он хорошо датируется по находкам белоглиняной керамики, производившейся в XVI веке, во всех шурфах был прослежен слой светло-серой золистой супеси, датированный второй половиной XVI – нач. XVII вв. (рис. 3; 10).

Из находок выделяется большое количество черепицы, которая разделяется по времени существования. Находки чернолощеной

Рис. 7. Шурф 2016 г. 1 – черепица (керамика татарско-русская серая лощеная хорошего обжига) (лощение изнутри) уч. 1, шт. 2, К(Х.м) -16/109; 2 – черепица (керамика татарско-русская серая с черной поверхностью лощеная хорошего обжига) (лощение снаружи), уч. 2, шт. 2, К(Х.м) -16/112; 3 – черепица (керамика татарско-русская серая с черной поверхностью лощеная хорошего обжига) (лощение снаружи), уч. 2, шт. 2, К(Х.м) -16/113; 4 – черепица (керамика татарско-русская серая лощеная хорошего обжига с ангобом под лощением) К(Х.м) -16/115, уч. 1, шт. 2, К(Х.м) -16/115; 5 – черепица (керамика татарско-русская серая лощеная плохого обжига) (лощение снаружи), уч. 2, шт. 2, К(Х.м) -16/65; 6 – черепица (керамика татарско-русская серая лощеная плохого обжига) – лощение снаружи, уч. 2, шт. 2, К(Х.м)-16/56.

Fig. 7. Prospect hole 2016. 1 – tile (Tatar-Russian gray pottery burnished of good firing) (burnishing on the inside) site 1, шт. 2; 2 – tile (Tatar-Russian gray pottery with black surface burnished of good firing) (burnishing on the outside), site 2, шт. 2, K(H.m) -16/109. 2, K(H.m) -16/112; 3 – tile (Tatar-Russian gray pottery with black surface burnished of good firing) (burnishing on the outside), site 2, шт. 2, K(H.m) -16/112. 2, K(H.m) -16/113; 4 – tile (Tatar-Russian gray pottery burnished of good firing with burnished engobe) K(H.m) -16/115, site 1, шт. 2, K(H.m) -16/115; 5 – tile (Tatar-Russian gray pottery burnished poorly fired) (burnishing on the outside), site 2, шт. 2, K(H.m)-16/65; 6 – tile (Tatar-Russian gray pottery burnished poorly fired) – burnishing on the outside, site 2, шт. 2, K(H.m)-16/56.

черепицы с черной поверхностью характерны для слоев второй половины XVI – XVII вв., в вышележащих слоях со второй половины XVII в. начинает встречаться черепица серо-мореная со стальной поверхностью, и в слое разрушения и восстановления встречаются оба вида (Ахметгалин, 2021, с. 57–58).

В ходе исследований было выявлено три строительных периода Ханской мечети: *1-й период* – 50-е, 60-е годы XVI в., связанный со строительством мечети, *2-й период* – 60-е годы XVIII в. – разрушение и восстановление мечети, *3-й период* – 30-е годы XIX в. – строительство второго этажа, выявлены сооружения сер. XVI – XVIII вв., XIX–XX вв. В результате проведенных исследований установлено время сооружения здания мечети и минарета не ранее сер. XVI в., во время правления хана Шах Али. Также выяснилось, что вход в современное здание, вероятно, был построен

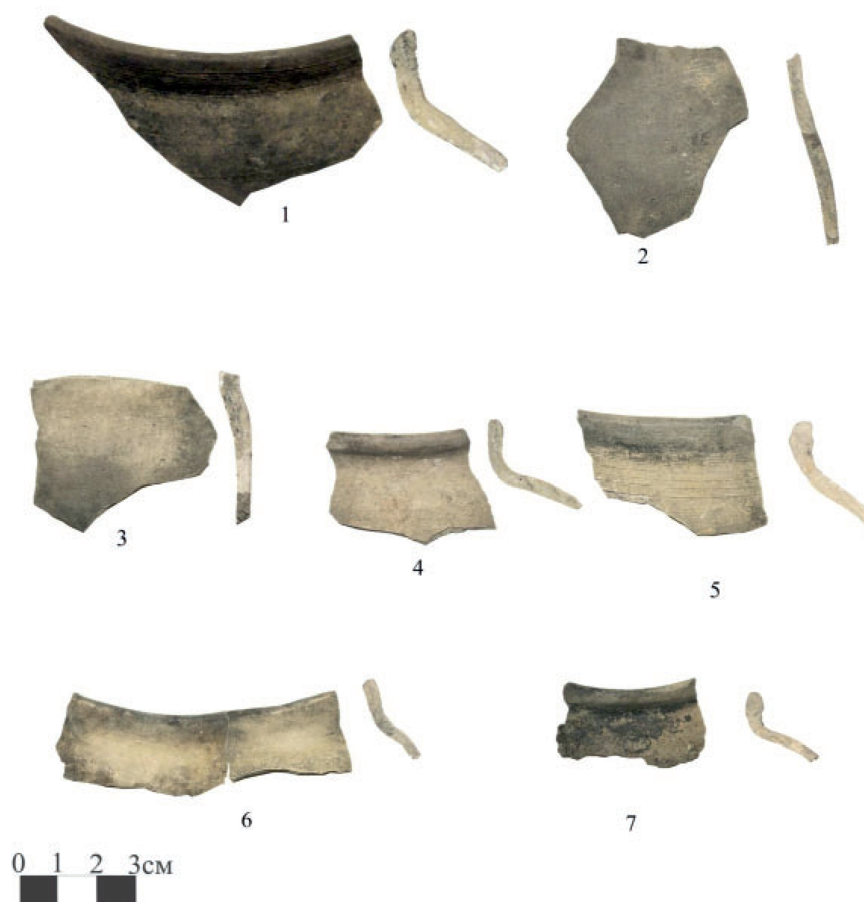

Рис. 8. Белоглиняная керамика сер. XVI в. 1 – венчик сосуда белоглиняного хорошего обжига, уч. 1, шт. 5, К(Х.м) -16/213; 2 – стенка сосуда белоглиняного плохого обжига, уч. 1, шт. 5, К(Х.м) -16/232; 3 – стенка сосуда белоглиняного, уч. 1, шт. 5, хорошего обжига, К(Х.м) -16/215; 4 – венчик сосуда белоглиняного хорошего обжига, уч. 1, шт. 5, К(Х.м) -16/214; 5 – венчик сосуда белоглиняного хорошего обжига, уч. 1, шт. 5, К(Х.м) -16/216; 6 – венчики сосуда белоглиняного плохого обжига уч. 1, шт. 5, К(Х.м) -16/211; 7 – венчик сосуда белоглиняного хорошего обжига, уч. 1, шт. 5, К(Х.м) -16/218.

Fig. 8. White clay ceramics the middle of the XVI century. 1 – rim of a white clay vessel of good firing, site 1, шт. 5, K(H.m) -16/213; 2 – wall of a white clay vessel poorly fired, site 1, шт. 5, K(H.m) -16/232 3. 5, K(H.m) -16/232; 3 – the wall of a white clay vessel, site 1, шт. 5, of good firing, K(H.m) -16/215; 4 – rim of a white clay vessel of good firing, site 1, шт. 5, K(H.m) -16/214; 5 – rim of a white-clay vessel of good firing, site 1, шт. 5, K(H.m) -16/216; 6 – rim of a white clay vessel poorly fired, site 1, шт. 5, K(H.m) -16/211; 7 – rim of a white clay vessel of good firing, site 1, шт. 5, K(H.m) -16/218.

в XIX в., первоначальный вход располагался в 1 м восточнее современного, его остатки были выявлены в шурфе № 7 (20) 2020 г., в стене в этом месте он заложен кирпичом (Ахметгалин, 2021, с. 17–59).

Данные раскопок предоставляют сведения об истории г. Касимова и позволяют датировать постройку минарета ханской мечети не ранее середины XVI в., мечеть и минарет были построены одновременно с мавзолеем (текие) Шаха Али и по его указу, он был инициатором постройки каменной мечети с каменным минаретом. Первоначально здание мечети было одноэтажным, крыша была покрыта чернолощеной и серолощеной черепицей, стены сложены из прямоугольных блоков белого камня размером 70×35 см, 50×45 см, 55×20 см, 15×60 см и более мелких прямоугольных или квадратных блоков. Фундамент мечети сложен из бутовых камней разного размера – от крупных, размером 60×40 см или 80×30 см, до более мелких, размером 30×30 см, 20×20 см, залитых известковым раствором вместе с крупным щебнем, высота фундамента около 40–60 см, фундамент на всех участках остался неразрушенным

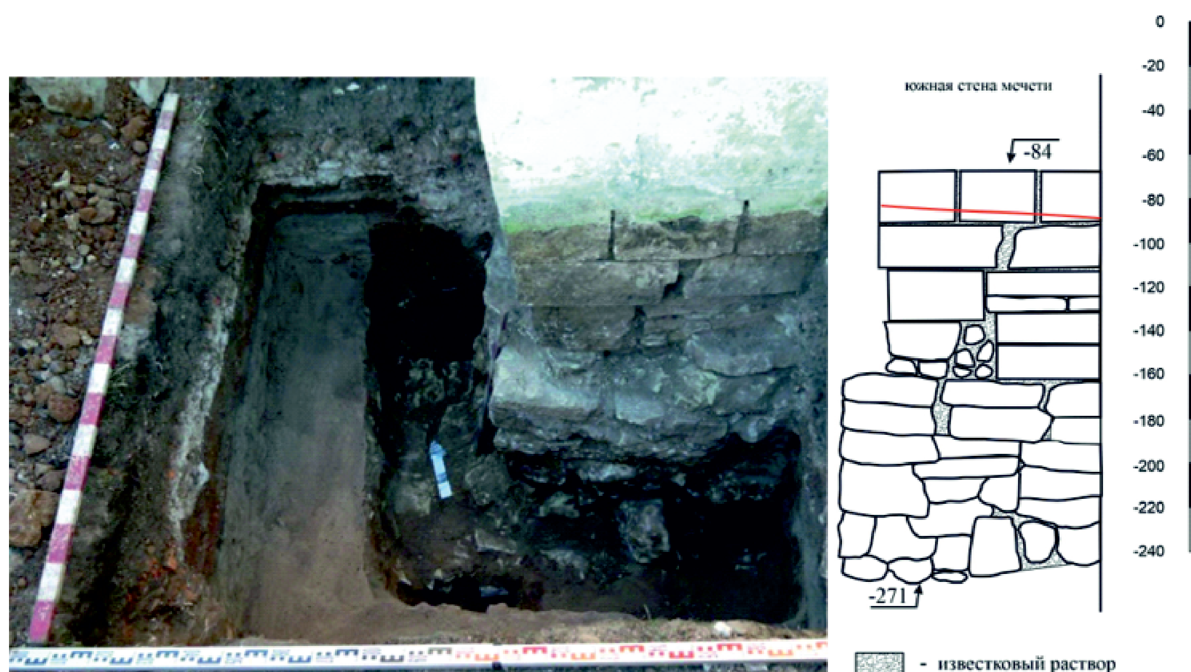

Рис. 9. Шурф № 5(18) 2020 г. южная стена мечети и фундамент.
Fig. 9. Prospect hole No. 5(18) 2020. The southern wall of the mosque and the foundation.

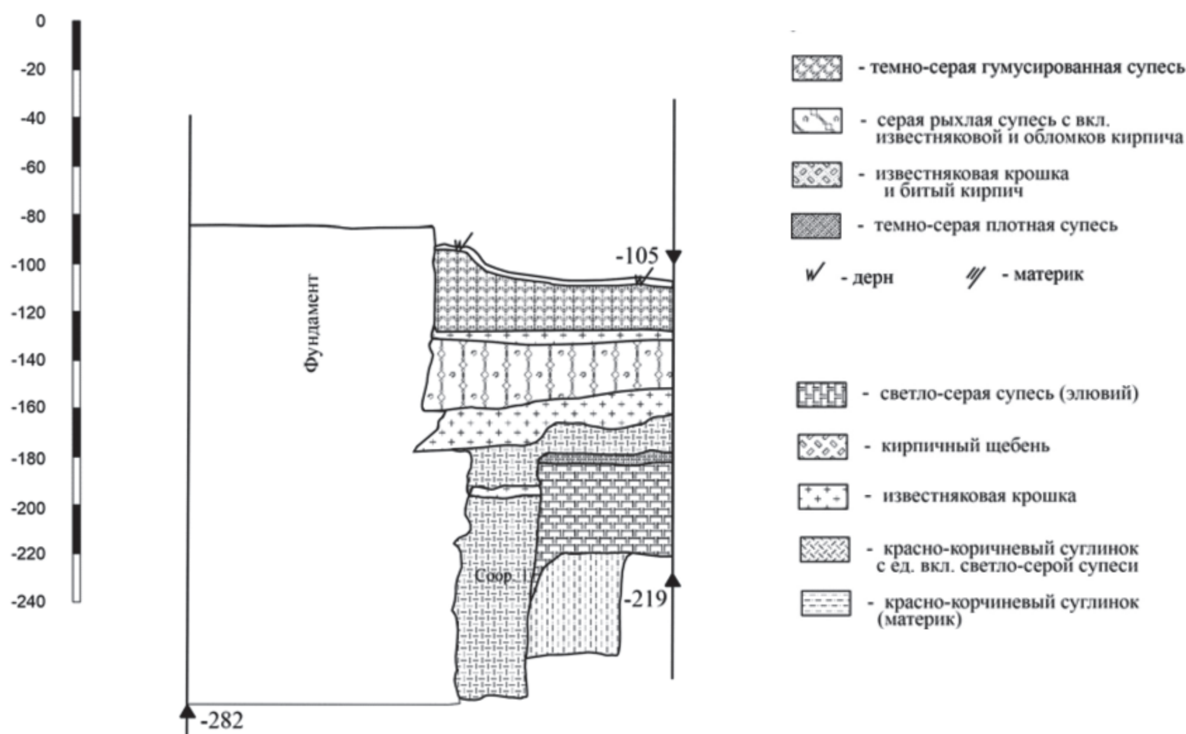

Рис. 10. Шурф № 5(18) 2020 г. профиль восточной стенки.
Fig. 10. Prospect hole No. 5(18) 2020. Profile of the eastern wall.

(Ахметгалин, 2016, с. 17–27, Ахметгалин, 2021, с. 14–42) (рис. 5; 6).

В 1762 г. начался процесс разборки и разрушения мечети, однако он не был доведен до конца, после возмущения татарской общины процесс был приостановлен, была снесена крыша (с этим связана находка разнообразной черепицы в слое разрушения) и разобрана часть западной стены мечети, минарет не был снесен, его удалось спасти, здание мече-

ти стояло в полуразрушенном виде до 1768 г., потом разрушенный участок западной стены мечети был восстановлен на старом фундаменте. Период, прошедший после разрушения здания, был небольшой.

Здание мечети, восстановленное в 1768 г., оставалось одноэтажным, и ее крыша, вероятно, была покрыта деревянным тесом, посередине крыши стоял шпиль с яблоком, на который была водружена железная луна. В 1830 г. был построен кирпичный второй этаж, на крыше был сделан купол, покрытый железом, и на шпиле установлена позолоченная луна, в таком виде здание Ханской мечети сохранено до нашего времени (Мансуров, Бадер, 1974, с. 321–322).

Примечания:

[1] Рукописи И.С. Гагина в большинстве своем не изданы и хранятся в рукописном фонде Касимовского краеведческого музее под шифром ККМ ОФ – 2856/1-2, ККМ ОФ-2745. Вероятно мулла ханской (соборной) мечети Абдулвахид Смаилев тоже опирался на сведения местного архитектора И.В. Гагина.

[2] В статье мы постарались подробно дать описание стратиграфии шурфа 2016 г. так как такая же стратиграфия в основном прослеживается и в других шурфах.

[3] Нумерация шурфов дается индивидуальная и сквозная (общая) за все годы. [4] За условный 0 для графической фиксации планов и профилей бралась отметка на южном углу здания Ханской мечети 131,04 м по БС .

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России: Рязанская область. Часть 1 / авторы-сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. М.: ИА РАН, 1993. 260 с.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Пильненского района Нижегородской области, Кадомского, Сасовского, Касимовского районов, г. Касимова Рязанская область за 2014 г. Казань, 2015. 254 с. // НФ МАРТ ИА АН РТ Ф. Р-1.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об Археологических полевых работах на территории г. Касимова, Касимовского, Кадомского районов Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области за 2016 год. Казань, 2017. // НФ МАРТ.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории Старой татарской (ханской) мечети в 2020 году. Казань, 2021 // НФ МАРТ Ф.4. Оп. 1. Д. 431.

Ахметгалин Ф.А., Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Материальная культура населения Волго-Окского региона в эпоху средневековья: проблемы и перспективы изучения // Фаизхановские чтения. Материалы IV науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. С. 30–31.

Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдиков А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 182–201.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 558 с.

Мансуров А.А. К восстановлению границ Касимовского кремля // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1924. С. 9–11.

Мансуров А.А, Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1773. 117 с.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.

Трепавлов В.В. Касимовское Царство в памяти татар XIX века // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 148–165.

Филиппов Д.Ю. Усадьба Касимовского ханского дворца: судьба после царства // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Отв. ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО, 2016. С. 251–263.

Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 г. // НОА ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 24330.

Челяпов В.П. Археологические исследования в г. Касимове // Фаизхановские чтения. Материалы пятой ежегодной научно-практической конференции / Отв. ред. Д.З. Хайретдинов. Н.Новгород: Медина, 2009 .С. 65.

Информация об авторе:

Ахметгалин Фарид Альбертович, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

REFERENCES

Krasnov, Yu. A., Mikhal'chenko, S. E. (comp.). 1993. Arkheologicheskaia karta Rossii: Riazanskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Ryazan Oblast). Part 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na territorii Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti, Kadomskogo, Sasovskogo, Kasimovskogo raionov, g. Kasimova Riazanskaia oblast' za 2014 g. (Report on Archaeological Investigations on the Territory of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast, and Kadom, Sasovo and Kasimov Districts and the Town of Kasimov, Ryazan Oblast, for 2014)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2017. *Otchet ob Arkheologicheskikh polevykh rabotakh na territorii G. Kasimova, Kasimovskogo, Kadomskogo raionov Riazanskoi oblasti, Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti za 2016 god (Report on Archaeological Investigations on the Territory Town of Kasimov, Kadom, Kasimov Districts and the Ryazan Oblast, of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast for 2016)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2017. *Otchet ob arheologicheskih razvedkah v g. Kasimove Rjazanskoj oblasti na territorii Staroj tatarskoj (hanskoj) mecheti v 2020 godu (Report on archaeological reconnaissances in Kasimov, Ryazan region, on the territory of the Old Tatar (Khan's) Mosque in 2020).*Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology named after Khalikov of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4., Inv. 1, dossier 431 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)* IV. Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 30–31 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Khamzin, R. N., Belyaev, A. V., Mirsiyapov, I. Yu., Sitdikov, A. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology).* 18 (4), 182–201 (in Russian).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Mansurov, A. A. 1924. In *Vestnik riazanskikh kraevedov (Bulletin of the Ryazan Local History Students)*. Ryazan, 9–11 (in Russian).

Mansurov, A. A., Bader, O. N. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiia Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–323 (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire).* Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th – 18th Centuries).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Trepavlov, V. V. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (4), 148–165(in Russian).

Filippov, D. Yu. 2016. In Nikitin, A. O. (ed.). *Drevnosti Pooch'ya. Sbornik nauchnykh rabot k 60-letiyu V.V. Sudakova (Antiquities of the Oka region. Collection of scientific works for the 60thanniversary of V.V. Sudakov).* Ryazan: "RIKO" Publ., 251–263 (in Russian).

Cheliapov, V. P. 2001. *Otchet o razvedkakh na territorii Riazanskoi oblasti v 2000 g. (Report on Archaeological Surveys in the Territory of the Ryazan Oblast in 2000).* Scientific Sectoral Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Register 1, no. 24330 (in Russian).

Cheliapov, V. P. 2009. In Khairetdinov, D. Z. (ed.). *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)* V. Moscow; Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 65 (in Russian).

About the Author:

Akhmetgalin Farid A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.44.55

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАВЗОЛЕЯ ХАНА ШАХ АЛИ

© 2024 г. Ф.А. Ахметгалин, Ш.Ш. Амиров

В статье рассматривается история изучения мавзолея (текие) хана Шах Али, использованы данные археологических исследований, письменные и графические источники, привлечены ранее вышедшие труды по данной проблематике, нуждающиеся в критическом подходе и дополнении, даны результаты археологических исследований, проведенных вокруг здания в 2020 году в рамках программы реставрации. В результате археологических исследований выявилась глубина залегания фундамента мавзолея и основания подземного склепа – крипты, выделенно два стратиграфических горизонта, связанные со строительством и реставрацией здания, в шурфах были выявлены остатки сооружений и столбовых ям от лесов, связанных со строительством здания мавзолея. Проведенные исследования не выявили в этом районе слоев, сформировавшихся ранее середины XVI в. Делается вывод что мавзолей (текие) был построен под влиянием суфийских традиций, появившихся еще в эпоху Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, история, г. Касимов; Касимовское ханство; средневековье; археологические исследования мавзолея (текие) хана Шах Али.

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE KHAN SHAHGHALI’S MAUSOLEUM

F.A. Akhmetgalin, Sh.Sh. Amirov

The authors considers the history of the study of the Khan Shahghali’s mausoleum (tekiye); archaeological research data, written records and graphic sources are used, previously published works on this issue that need a critical approach and addition are drawn in, and the results of archaeological studies conducted nearby the site in 2020 as part of the restoration program are given. As a result of archaeological studies, the depth of the mausoleum foundation and the base of the underground crypt were revealed, two stratigraphic horizons associated with the construction and restoration of the building were identified, remains of structures and post holes of scaffolding associated with the construction of the mausoleum were identified in the test pits. The studies have not revealed layers in this area that were formed earlier than the middle of the XVI century. It is concluded that the mausoleum (tekiye) was built under the influence of Sufi traditions that appeared in the Golden Horde period.

Keywords: archaeology, history, Kasimov, Kasimov Khanate, late Middle Ages, Khan Shahghali’s mausoleum (tekiye).

Одним из хорошо сохранившихся татарских архитектурных памятников эпохи Касимовского ханства и одной из виднейших достопримечательностей города Касимова является текие – мавзолей хана Шах Али. Это памятник позднесредневековой татарской архитектуры. Мавзолей представляет собой белокаменное сооружение со сводчатыми перекрытиями, арочными дверными и оконными проёмами. Высота здания составляет около 5 метров, размеры 13,5×8,5 метров (рис. 1; 2). В верхней части мавзолея есть две комнаты: большая – это место, где находятся надмогильные камни и небольшие прямоугольные возвышения, выложенные из камня – мастаба, обозначающие захоронения, которые находились внизу в склепе, маленькая комната необходима для поминовения, чтения Корана. Внутри большой комнаты находится восемь надгробий-мастаба (рис. 3) (Әхмәтҗанов, 2006, с. 13). Вельяминов-Зернов, в XIX веке изучавший надписи на остатках надгробий мавзолея, пришел к выводу, что в нем захоронены сам Шах Али, его любимая жена Булак-Шад и еще шесть их родственников (Вельяминов-Зернов, 1864, с. 4–5). Лестница справа от главного входа в текие ведёт в сводчатое подземное помещение, где покоился хан Шах Али, его супруга и некоторые родственники. По свидетельству академика Палласа, погребенные находились на небольших деревянных возвышениях, в деревянных гробах с метал-

Рис. 1. Вид на текие (мавзолей) Шах Али с юго-востока
Fig. 1. View of the Shahghali's tekiye (mausoleum) from the southeast.

лическими уголками, обернутые в шелковый саван (Паллас, 1773, с. 117).

Надгробные камни плохо сохранились до наших дней. Уже в XIX веке, во время проведения реставрационных работ, камни выглядели достаточно плохо, но пострадали они не столько от времени, сколько от рук человека, над дверью вмазана каменная доска, на которой красивым почерком вырезана следующая надпись по-арабски: 1) внутри в четырехугольной продолговатой рамке, в двух строках: «Строитель и собственник этого здания – Шах-Али-хан, сын Шайх-Аулияр-султана; 21 числа месяца Рамазана 962 года» (9 августа 1555 г.); 2) кругом рамки: сверху, снизу, слева и справа: «Бог, нет Бога кроме него, Бога живого и Бога сущего. Им не овладевают ни дремота, ни сон. Ему принадлежит все, что на небесах, и все, что на земле. Кто может быть перед ним заступником иначе как с его разрешения? Он знает будущее и прошедшее, и люди из того, что он ведает, постигают только то, что он сам захотел открыть им. Престол его простирается над небесами и землею, и ему ничего не стоит оберегать их; один он всевышний и великий» (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 495).

Впервые мавзолей Шах Али был описан академиком Палласом в 1768 г. Он описал сам мавзолей и оставил ценные свидетельства о погребениях Шах Али и его родственников. Год построения мавзолея Паллас перевел с летосчисления по хиджре на христианское неправильно. В то время как 962 г. х. соответствует 1554–1555 гг., он решил, что это 1520 г. В ряде описаний памятника ошибка Палласа была повторена. Он зафиксировал восемь мастаба и надгробных плит, но при этом им были зафиксированы останки девяти человек, в погребении № 7 было два черепа (рис. 3) (Паллас, 1773, с. 116).

Текие Шах Али много раз было описано касимовским архитектором И.С. Гагиным, который сделал несколько ее зарисовок и планов (Гагин, 1902, с. 276) (рис. 3).

Через 92 года после Палласа текие Шах Али хана было детально описано Хусаином Фаизхановым, потом в 1863 г. В.В. Вельяминов-Зернов посетил Касимов и тщательно исследовал текие Шах Али. Его наблюдения в общем совпадают с материалами Хусаина Фаизханова, он установил, что все стены текие имеют различную толщину; «одна же, именно внутренняя, отделяющая большую комнату от малой, непомерно толста; в ней почти 3 аршина (2,13 м) в ширину» (Вельяминов-Зернов, 1864, с. 399).

После организации Рязанской ученой архивной комиссии в 1884 г. археологическое изучение Касимовского уезда входит в круг ее деятельности. Однако оно не получает достаточного развития. По ее инициативе в Касимове проводятся раскопки татарских «текие» А.В. Селивановым в 1886 г. В мавзолее он нашел останки девяти человек. Во время этих работ А.В. Селиванов произвел исследование «с целью узнать, существует ли какой-нибудь подземный ход или другое помещение, на

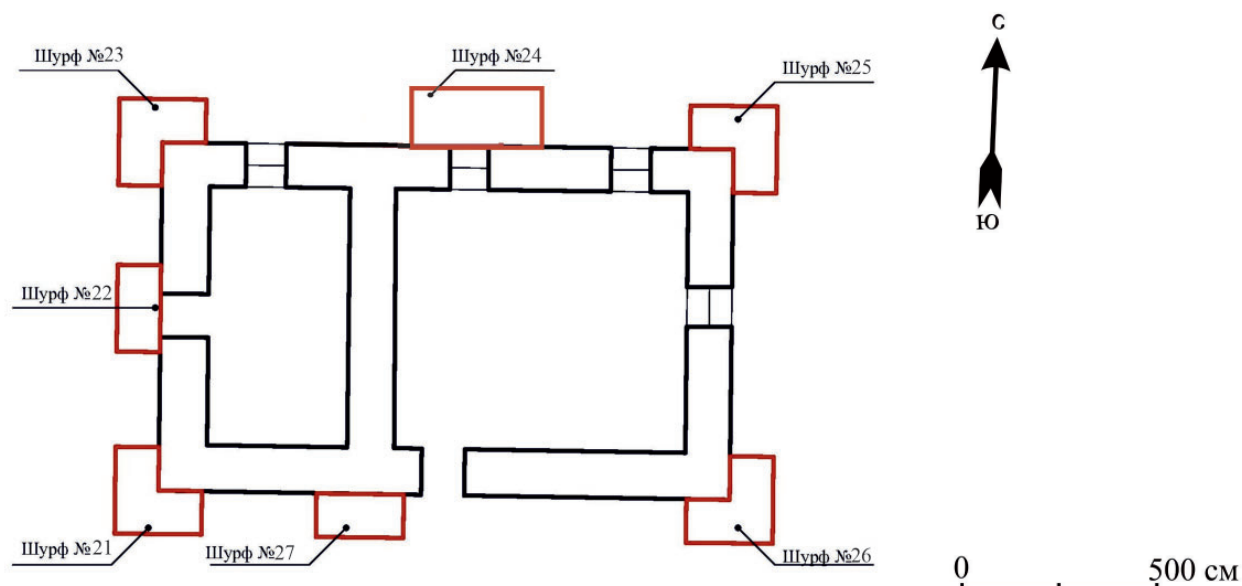

Рис. 2. План текие (мавзолея) хана Шах Али и схема расположения шурфов
Fig. 2. Plan of the Shahghali's tekiye (mausoleum) and location of test pits.

которое указывали, по словам Гагина, имевшиеся у стен отдушины. Однако, несмотря на его поиски, он не нашел ни отдушин, ни каких-либо признаков помещения, лежащего ниже подвала, но зато при раскопках в земле попались «сложенные в кучу кости и значительное количество остатков различного рода тканей» (Селиванов, 1887, с. 29). Исследования черепов были произведены А.Г. Рождественским (Рождественский, 1893, с. 18). В настоящее время в подземном помещении никаких останков не видно. Текие Шах Али почти всегда находилось в запустении и разрушалось посетителями. В 1841–1845 годах его отремонтировали под руководством рязанского губернского архитектора Н.И. Воронихина (Мансуров, Бадер, 1974, с. 320).

В 1887 г. при содействии Рязанской ученой архивной комиссии Техническим строительным комитетом Министерства внутренних дел были проведены новые реставрационные работы. Текие Шах Али было приведено в полный порядок, снабжено железными дверями и ставнями и обнесено железной оградой на высоком кирпичном фундаменте (Мансуров, Бадер, 1974, с. 320).

В следующий раз текие Шах Али хана было исследовано в 2004–2005 г. известным татарским исследователем М.И. Ахметзяновым (М. Әхмәтҗанов). Он сделал описание мавзолея и отметил, что «среди каменных плит с надписями есть и расколотый надмогильный камень Шах-Али. Надмогильные плиты на кладбище касимовских ханов имеют отличительные особенности по сравнению с камнями с надписями Казанского ханства, хотя также вырезаны из белого известняка. Во-первых, в глаза бросаются их меньшие размеры по сравнению с эпитафическими памятниками Казанского ханства. Во-вторых, большинство из них начинается с религиозной формулы, не встречающейся на памятниках Казанского ханства. Эта формула имеет следующий смысл: «Для Всевышнего Аллаха Иисус с Адамом аляиссаламом в одной степени» (прим. перев. Адәм галәйһиссәлам – Мухаммад?)» (Әхмәтҗанов, 2006, с. 12–17).

В 2020 г. в рамках программы реставрации нами были проведены исследования текиемавзолея Шах Али, в виде восьми шурфов, заложенных по углам и у стен здания (рис. 2). Для графической фиксации планов и профилей использовался репер на пороге здания, имевший отметку 126,81 м по балтийской системе высот (Ахметгалин, 2021 г, с. 16–17).

Шурф № 1 (21) был заложен возле юго-западного угла текие Шах Али. При исследованиях выявилось шесть прослоек, выделяются две прослойки, связанные со строительством и реставрацией. Первая прослойка известняковой крошки толщиной 5–15 см идентифицирована как строительный горизонт возве-

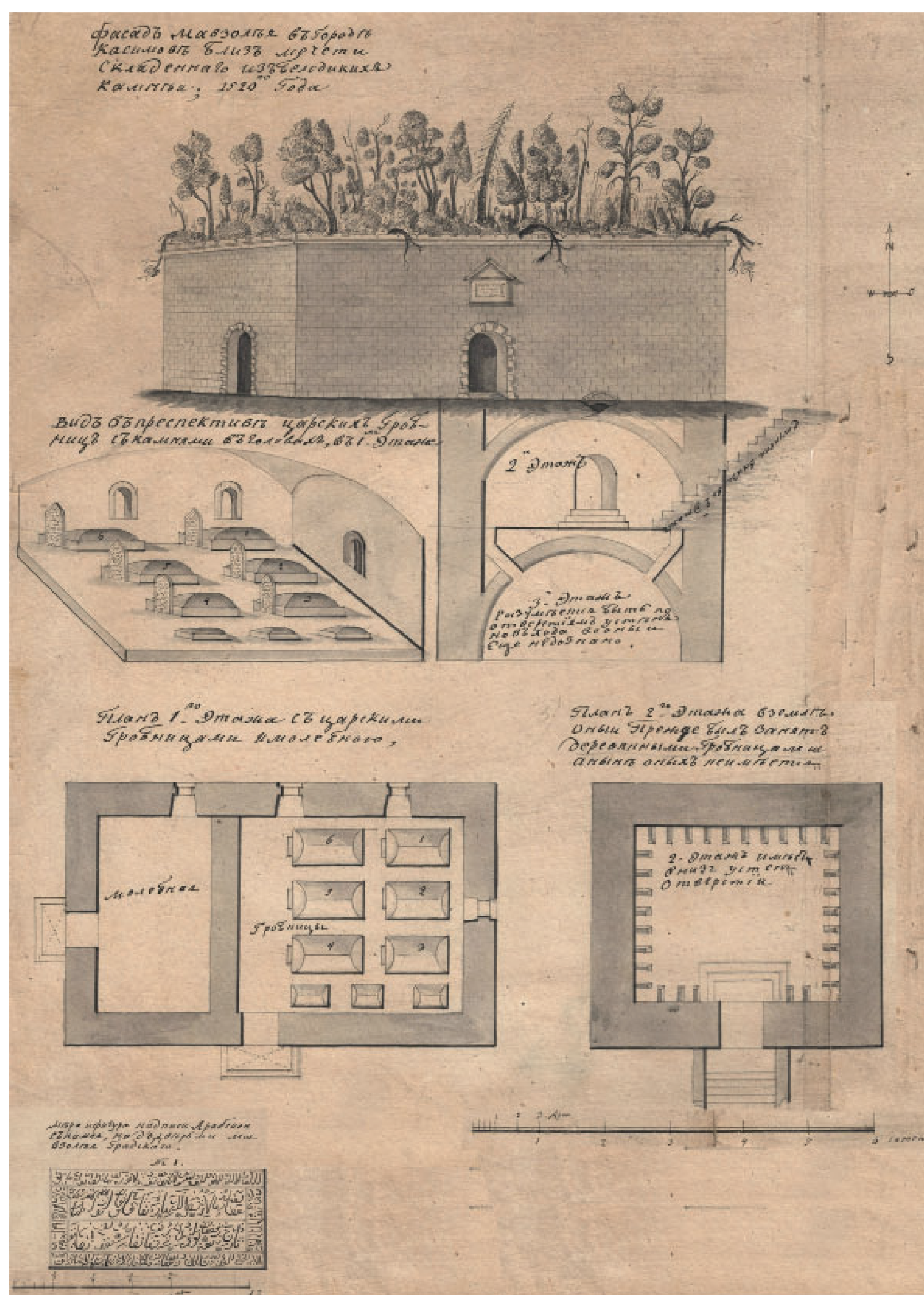

Рис. 3. Чертежи XIX в. мавзолея Шах Али
Fig. 3. XIX century drawings of the Shahghali's mausoleum.

дения мавзолея Шах Али в 1555 г. Совпадает с подошвой второго цокольного ряда фундамента текие. Фиксируется на отметке –90 см от 0. Именно на этой высоте находился дневной уровень площадки вокруг мавзолея в середине XVI в. Вторая прослойка – известковый раствор с включением битого кирпича, она связана с реставрацией и возведением кирпичной ограды вокруг мавзолея в последней четверти XIX в. Уровень слоя совпадает с кровлей первого цокольного ряда фундамента мавзолея и фиксируется на отметке +2 см от 0. Подошва фундамента юго-западного угла текие (мавзолея) зафиксирована на уровне –190 см от 0. На уровне подзола в шурфе выявилось два сооружения: сооружение 1 – полукруглая яма диаметром 40 см, глубиной 23 см; сооружение 2 – прямоугольная канавка 70×20 см, глубиной 18 см. Они датируются временем сооружения текие, вероятно, это следы от лесов.

Шурф № 2 (22) был заложен возле западной стены текие Шах Али, перед входом в молитвенную комнату.

При исследованиях выявилось шесть прослоек, выделяются две прослойки, связанные со строительством и реставрацией. Первая – известняковая крошка толщиной 6–7 см – связана с постройкой текие Шах Али в середине XVI в. Находится на одном уровне с подошвой второго цокольного ряда фундамента мавзолея. Вторая – темно-серая гумусированная супесь с включением битого кирпича мощностью до 22 см, она связана с реставрацией и возведением кирпичной ограды вокруг мавзолея в последней четверти XIX в. Подошва фундамента мавзолея зафиксирована на уровне –175 см от 0. На уровне третьего пласта перед входом в молельную комнату выявилась вымостка, выложенная из плоских прямоугольных известковых камней размером 50×40 см, 60×30 см, 405×40 см, 30×40 см, несвязанных между собой раствором, ее ширина составила до 100 см, она датируется второй половиной XVI в. В западной части шурфа выявилась яма полукруглой формы размером 120×70 см, глубиной 128 см, сооружение, вероятно, является творильной ямой и датируется сер. XVI в. Под вымосткой на уровне подзола выявились две столбовые ямы диаметром 30 см и 25 см, глубиной 29 см и 47 см, они датируются временем сооружения текие, вероятно, это следы от лесов.

Шурф № 3 (23) квадратной формы размером 2×2 метра был заложен возле северо-западного угла стены мавзолея Шах Али. Дерн толщиной 3–4 см. При исследованиях выявилось восемь прослоек, выделяются две прослойки, связанные со строительством и реставрацией: первая прослойка известняковой крошки толщиной 5–15 см – это строительный горизонт возведения мавзолея Шах Али в 1555 г. Ее верхний уровень совпадает с подошвой второго цокольного ряда фундамента текие, вторая – известняковая крошка, связанная с ремонтно-реставрационными работами здания мавзолея в последней четверти XIX в., она совпадает с подошвой первого цокольного ряда фундамента мавзолея и фиксируется на отметке –28 см от 0. Подошва фундамента северо-западного угла мавзолея зафиксирована на уровне –160 см от 0. На уровне подзола в шурфе выявилось два сооружения: сооружение 1 – полукруглая яма размером 100×40 см, глубиной 123 см; сооружение 2 – прямоугольная канавка шириной 25 см, глубиной 35 см. Они датируются временем сооружения текие, вероятно, это следы от лесов.

Шурф № 4 (24) был заложен вдоль северной стены мавзолея Шах Али. Вытянут длинной стороной по оси запад – восток в целях выявления стыка фундаментов, молельной комнаты и подземного склепа – крипты. При исследованиях выявилось семь прослоек, выделяются две прослойки, связанные со строительством и реставрацией: первая прослойка – материковый красно-коричневый суглинок мощностью 8–10 см, она связана с выбросом грунта при строительстве котлована цокольного этажа (крипты) мавзолея в середине XVI в., вторая – известковый раствор с включением битого кирпича, она связанна с ремонтом здания текие и возведением кирпичной ограды вокруг мавзолея в последней четверти XIX в. Уровень слоя совпадает с кровлей первого цокольного ряда фундамента мавзолея и фиксируется на отметке +2 см от 0.

В ходе исследований выявилось, что стена сложена в верхней части из крупных прямоугольных камней размером 30×30 см, 35×30 см на известковом растворе, в основании стены длинные камни размером 180×20 см, 60×20 см, 40×20 см, от уровня –25, –30 см от 0 начинается стена подземного склепа (крипты) из мелких известняковых камней, залитых плотным известковым раствором. Стык исследуемых фундаментов, отделяющий большую комнату от молельни, фиксируется на отметке –185 см. Уровень подошвы фундамента крипты прослежен на уровне –374 см от 0 (рис. 6).

На уровне подзола в шурфе выявилось два сооружения: сооружение 1 – яма круглой формы диаметром 120 см, 116 см глубиной, является творильной ямой; сооружение 2 – яма диаметром 80 см, глубиной 80 см, внутри ямы были выявлены остатки деревянного столба диаметром 20 см и сохранившейся длиной 60 см. Оба сооружения датируются временем возведения мавзолея.

Шурф № 5 (25) был разбит возле северо-западного угла мавзолея Шах Али. При исследованиях выявилось семь прослоек, выделяются две прослойки, связанные со строительством и реставрацией. Первая прослойка – известняковая крошка толщиной 2–3 см – связана с возведением мавзолея Шах Али в середине XVI в. Совпадает с подошвой первого цокольного ряда фундамента мавзолея. Фиксируется на отметке –15 см от

Рис. 4. Текие (мавзолей) Шах Али. Шурф №26, на уровне 4 пласта (подзола) после выборки сооружений
Fig. 4. Shahghali's tekiye (mausoleum). Test pit No. 26, at the level of 4 bed (podzol) after sampling of structures.

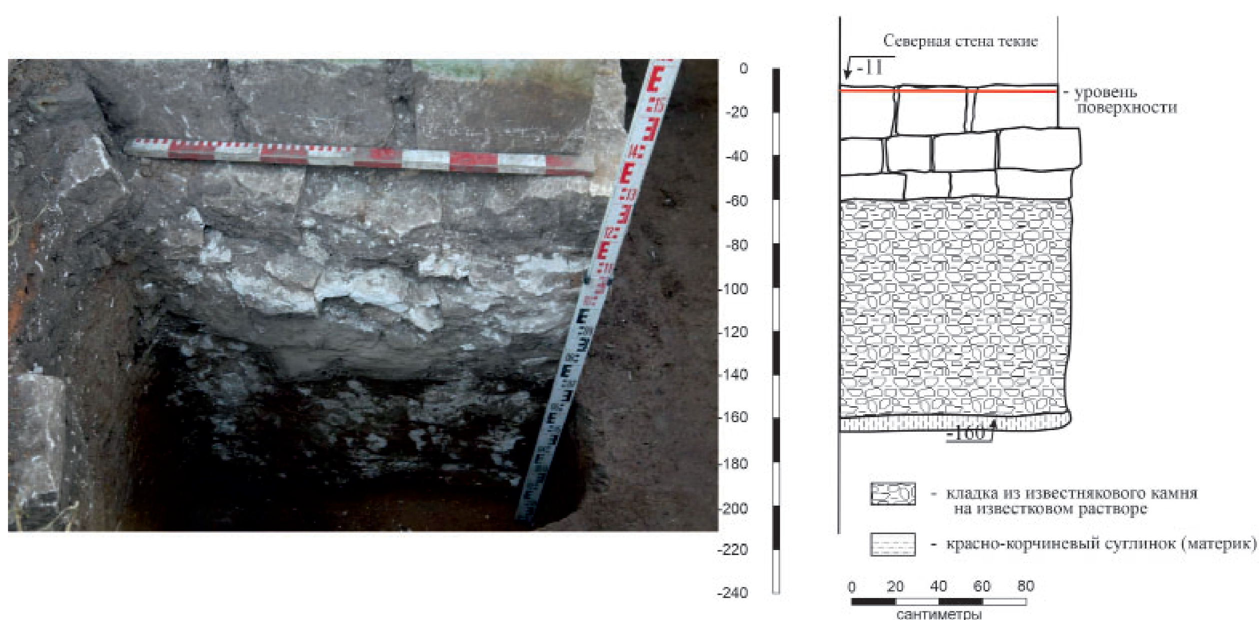

Рис. 5. Текие (мавзолей) Шах Али. Шурф №23. северная стенка и фундамент
Fig. 5. Shahghali's tekiye (mausoleum). Test pit No. 23. Northern wall and foundation.

0. Вторая прослойка известкового раствора с включением битого кирпича, она связана с ремонтом здания текие и возведением кирпичной ограды вокруг мавзолея в последней четверти XIX в. Уровень слоя совпадает с кровлей первого цокольного ряда фундамента мавзолея и фиксируется на отметке +2 см от 0. При исследованиях в стене подземного склепа (крипты) мавзолея на уровне –65 см от 0 в фундаменте зафиксирован продух. Уровень подошвы фундамента крипты (северо-восточного угла мавзолея) прослежен на уровне –379 см от 0 (рис. 7).

В шурфе выявилось три сооружения: сооружение 1 – столбовая яма XIX в., связанная с реставрацией мавзолея; сооружение

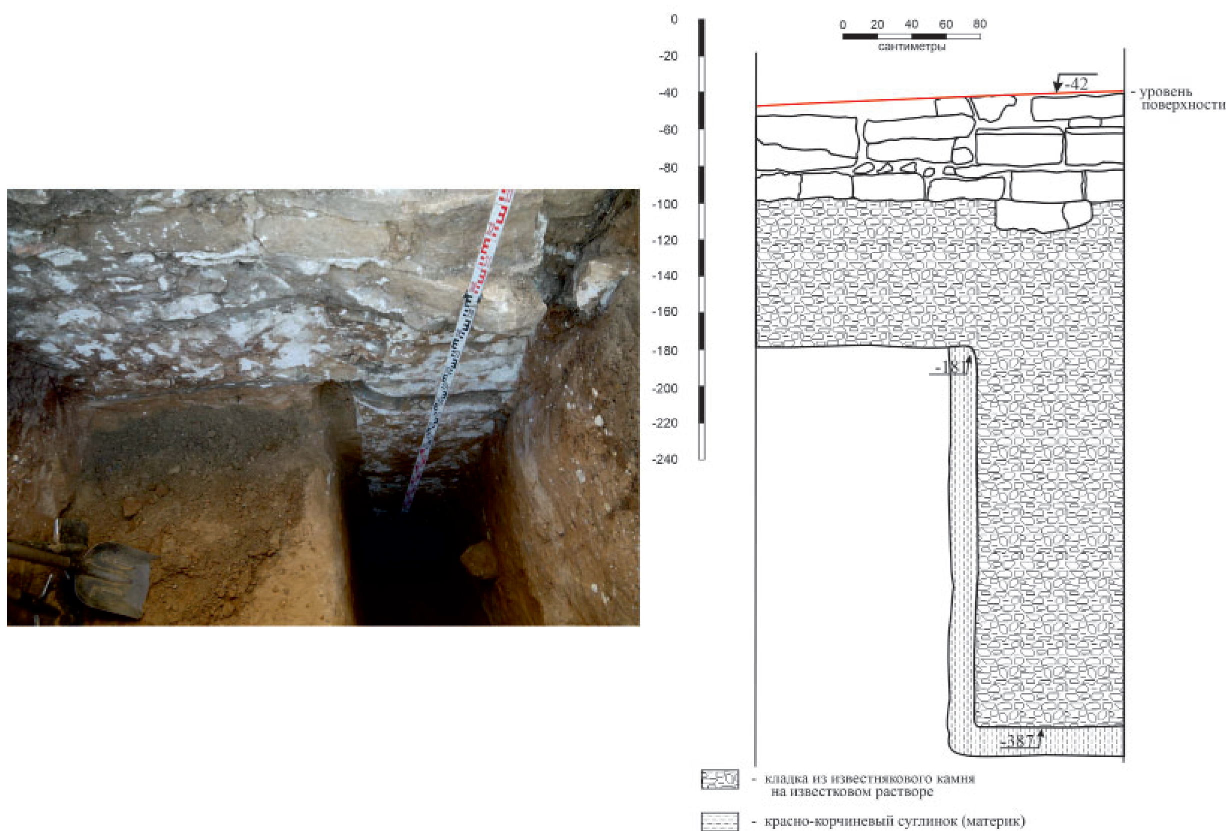

Рис. 6.Текие (мавзолей) Шах Али. Шурф №25. фундамент и северная стена
Fig. 6. Shahghali's tekiye (mausoleum). Test pit No. 25. Foundation and northern wall.

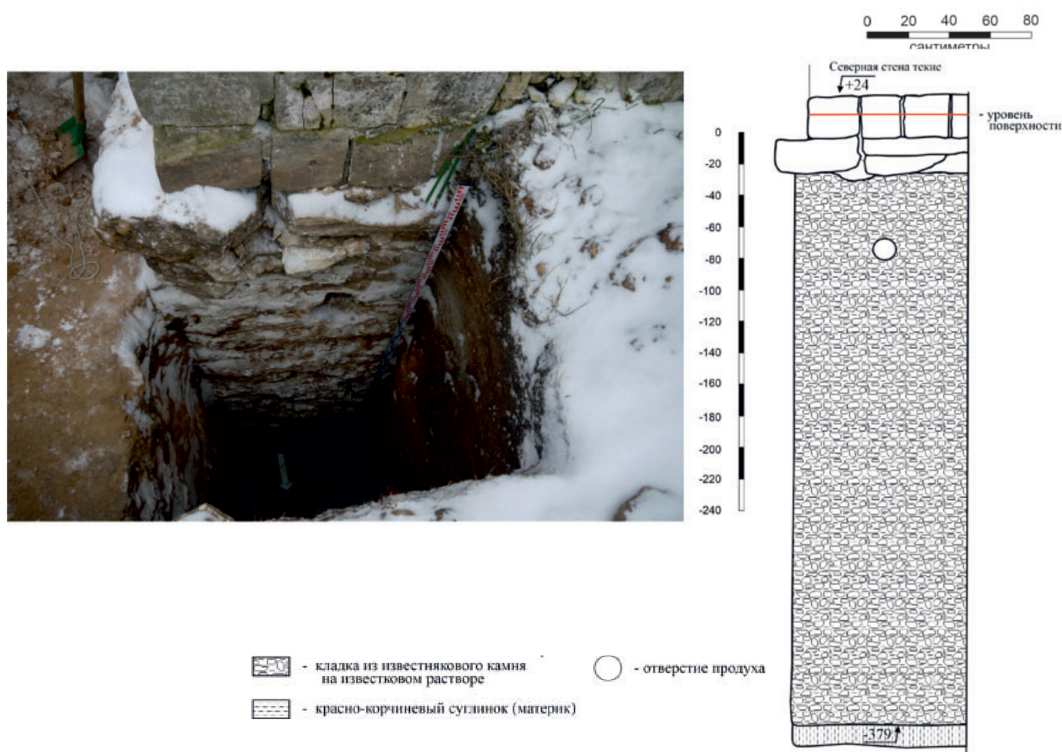

Рис. 7.Текие (мавзолей) Шах Али. Шурф №26. Фрагмент северной стены и фундамента с продухом
Fig. 7. Shahghali's tekiye (mausoleum). Test pit No. 26. Fragment of northern wall and foundation with air hole.

2 – яма прямоугольной формы размером 110×50 см, в нем был выявлен деревянный столб диаметром 20 см и сохранившейся высотой 80 см, сооружение является ямой под столб от лесов, глубина ямы составила 110 см, оно датируется 50-ми годами XVI в.; сооружение 3 – яма прямоугольной формы 30×100 см, глубиной 35 см, она датируется 50-ми годами XVI в., периодом строительства мавзолея.

Шурф № 6 (26) был разбит возле юго-восточного угла мавзолея Шах Али. При исследованиях выявилось семь прослоек, выделяются две прослойки, связанные со строительством и реставрацией. Первая прослойка известняковой крошки толщиной 6–7 см связана со строительством мавзолея в середине XVI в. Фиксируется на уровне –60 см от 0. Вторая прослойка – темно-серая гумусированная супесь с включением кирпичной крошки толщиной до 5–6 см, она связана с ремонтом здания текие и возведением кирпичной ограды вокруг мавзолея в последней четверти XIX в. Стена подземного склепа (крипты) была сложена из мелких известняковых камней, залитых плотным известковым раствором, ее начало зафиксировано на уровня –88 см от 0. Уровень подошвы стены крипты у юго-восточного угла мавзолея (текие) прослежен на уровне –380 см от 0.

В шурфе на уровне подзола выявилось два сооружения: сооружение 1 – круглая яма диаметром 50 см, глубиной 35 см; сооружение 2 – канавка шириной 6 см, глубиной 12 см. Оба сооружения датируются 50-ми годами XVI в., временем строительства мавзолея, вероятно, это следы лесов.

Шурф № 7 (27) разбит у южной стены мавзолея Шах Али, слева от главного входа. При исследованиях выявилось пять прослоек, выделяются две прослойки, связанные со строительством и реставрацией. Первая прослойка известняковой крошки толщиной 3–4 см связана со строительным горизонтом постройки мавзолея Шах Али в 1555 г. Совпадает с подошвой второго цокольного ряда фундамента текие (рис. 8). Фиксируется на отметке –80 см от 0. Вторая прослойка – горизонт темно-серой гумусированной супеси с включением битого кирпича мощностью 8–10 см, формирование данного слоя связано с периодом конца XIX–XX вв., реставрацией мавзолея.

Уровень подошвы молельной комнаты определен на уровне 181 см, нижний уровень стены крипты прослежен на отметке –387 см.

В результате исследований мавзолея была выявлена глубина залегания фундамента и основания подземного склепа – крипты, выделено два стратиграфических горизонта, связанных со строительством и реставрацией здания, в шурфах были выявлены остатки сооружений и столбовых ям от лесов (рис. 4), связанных со строительством здания мавзолея. Проведенные исследования не выявили в этом районе слоев, сформировавшихся ранее середины XVI в. (Ахметгалин, 2021, с. 18–244).

Интересным моментом в исследовании являются аналогии к текие-мавзолею. Само название, текие, отсылает нас к малоазиатской традиции: в Турции название «текие» является синонимом ханака – из персидского языка это странноприимный дом, обитель дервишей. Мавзолей построен под сильным влиянием суфийских традиций: это и трехчастное деление с отдельным помещением для поминальных обрядов, которое, вероятно, служило и тахарат-ханой, отдельное помещение для надмогильных камней и мастаба, которые обозначали погребения – зиярат хана, отдельное помещение для усопших – гур-хана, которое уходит глубоко под землю, пол склепа (крипты) расположен на уровне почти четырех метров от поверхности, к нему ведет узкий длинный вход дромосообразного типа (рис. 9). По мнению И.С. Гагина, поддержанному В.В. Вельяминовым-Зерновым, в мавзолее существовал подземный ход от мавзолея – к Ханской мечети. Основанием для подозрений были отдушины на внешней стене мавзолея и толстая стена между помещениями верхнего уровня (Вельяминов-Зернов, 1864, с. 7), однако наши исследования хотя и выявили продух-отдушину в стене мавзолея, но они никак не связанны с гипотетическим подземным ходом: они предназначались для вентиляции склепа и поддержания там постоянной температуры.

Традиции построек таких мавзолеев относятся к периоду Золотой Орды и, вероятно, были заимствованы из Средней Азии. Хотя точных аналогий мавзолею-текие Шах Али не удалось найти, однако отдельные элементы и идеи, такие как планировка зданий, обряд захоронения в деревянных гробах, погребен-

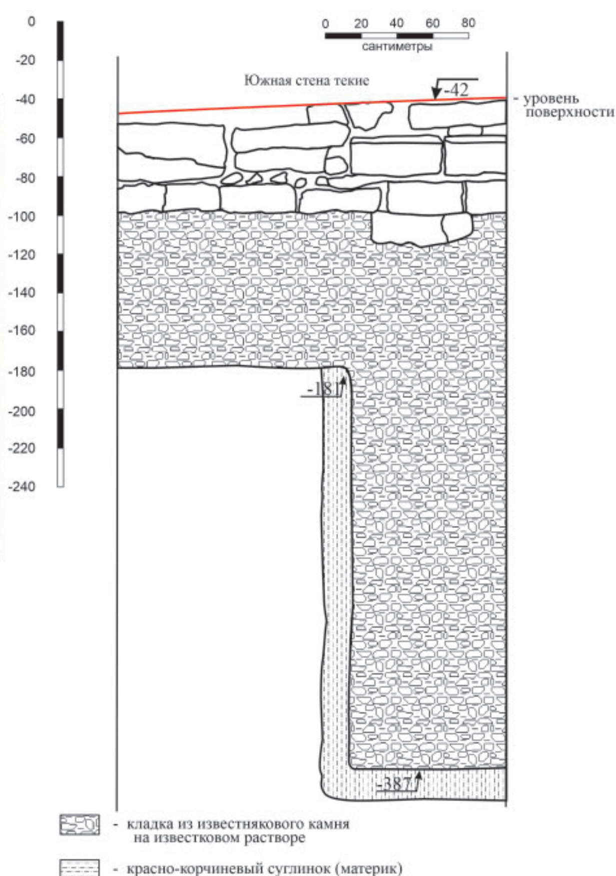

Рис. 8. Текие (мавзолей) Шах Али. Шурф №27. Фрагмент фундамента и южной стены.
Fig. 8. Shahghali's tekiye (mausoleum). Test pit No. 27. Fragment of foundation and southern wall.

ные внутри, обернутые саваном и шелковыми тканями, погребение в подземном помещении, возвышения, на которых были расположены гробы, прослеживаются и в более ранних мавзолеях XIV в., найденных в городах Улуса Джучи, в Мохши (мавзолеи № 4, 5), на Водянском городище (мавзолей № 1) (Зиливинская, 2014, с. 110, с. 113) и синхронных по времени мавзолеях в Бахчисарае (Ибрагимова, 2013, с. 223–251) и в Казани (Ситдиков, Хузин, Сивицкий, 2022, с. 62–90).

Ортодоксальный ислам предписывает производить погребения правоверных мусульман в «ляхде», или, говоря иначе, в подбое. Объясняется это тем, что после совершения погребения в могилу проникают два ангела-дознавателя Накир и Мункар, которые интересуются их пожизненными делами и верой. При допросе погребенный должен был сидеть. В этом заключалась роль погребальной ниши – «ляхд» (Хисматулин, 1997, с. 90–91). То есть тело погребенного должно было оставаться в некоей пустоте, чтобы иметь возможность приобрести сидячее положение. Именно стремление создать в могиле условия для допроса, на наш взгляд, породило хронологические и региональные отличия в конструкции мусульманских погребений (погребения в подбое, в щелевидных камерах с заплечиками, погребения в склепах-сагана и др.), которые имеют одно сходство – они обеспечивали необходимое для допроса пространство, пустоту. Вполне возможно, что эти принципы были заложены при обустройстве подземной части мавзолея Шах Али и совершении в нем погребений. Подземелье Шах Али напоминает «большесемейные захоронения» левобережного Хорезма, а именно т. н. «длинные могилы» – *рапча*, в которых устраивались своеобразные нары из балок, сучьев, камыша, на которых производились захоронения людей, связанных кровнородственными связями (Снесарев, 1960, с. 62). Вероятно, такие постройки возникли в доисламский период, и, разумеется, нет основания возводить генезис мавзолея Шах Али к хорезмским погребальным сооружениям. Однако идея могла проникнуть опосредован-

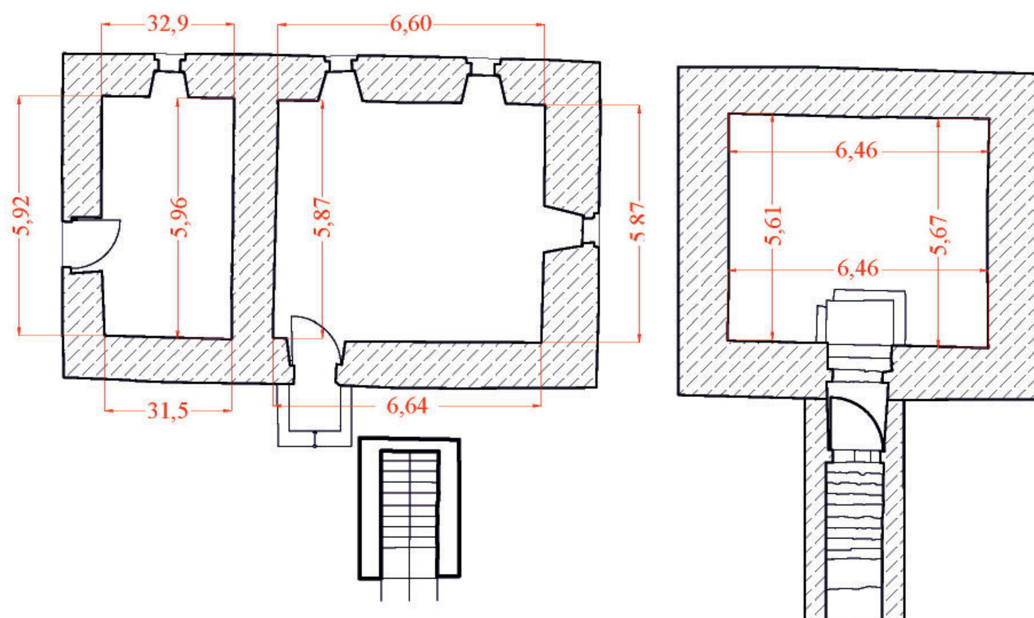

Рис. 9. Мавзолей (текие) Шах Али размеры верхних помещений и склепа.
Fig. 9. Shahghali's tekiye (mausoleum), dimensions of upper premises and crypt.

но, через идеологию суфизма, носители которой проникали в Нижнее и Среднее Поволжье в период обращения в ислам Золотой Орды.

Некоторые идейные аналогии мы также можем видеть в мавзолее Мазлумхан сулу, расположенном в археолого-архитектурном комплексе Миздахкан, в Каракалпакстане Республики Узбекистан. Мавзолей датируется первой половиной XIV в. (Материалы к своду…, 1985, с. 116). Его отличает от других строений то, что сооружение устроено в земле. Над землей возвышаются купола и аркообразный вход (Якубовский, 1930, с. 568–876). Сближают эти два непохожих друг на друга погребальных сооружения наличие подземной части и суфийские практики, которые проводились в них (Кнорозов, 1994, с. 91–96; Курбанова, 2010, с. 33). В Мазлумхан сулу имелись комнаты-кельи (худжры), где можно было уединиться с посвящением себя молитвам и духовному очищению – «чилле». Вход в одно из них в XIV в. был заложен кирпичом, а связь с помещением осуществлялась через подземный ход, пробитый из выкопанного рядом с мавзолеем колодца (Хожаниязов, Юсупов, Сайпанов, 1990, с. 111–115). Не вызывает сомнения, что помещение использовалось как место уединения в период сорокодневья – «чилле».

Таким образом, текие-мавзолей хана Шах Али показывает неразрывную связь и развитие традиций строительства мавзолеев с эпохи Золотой Орды до Касимовского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории (текие) мавзолея Шах-Али в 2020 году. Казань, 2021 // НФ МАРТ. Ф.4. Оп. 1. Д. 432.

Әхмәтҗанов М. Касыйм шәһәрендәге татар дөрбәләре (Татарские мавзолеи (дюрбе) в г. Касимове) // ТА. 2006. № 1–2 (12–17). С. 197–217.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 558 с.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. 500 с.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. 510 с.

Гагин И.С. Краткая сложность о Касимовских царях татарских и памятниках с их времени существующих. Сообщила М. Крейтон // Труды Рязанской ученой архивной комиссии (в 27 томах) Т. XVI. Вып. 3. / Ред. С.Д. Яхонтов. Рязань: Типография губернского правления, 1902. С. 266–279.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Ибрагимова А. Бахчисарайский Ханский дворец XVI-XVIII вв. Симферополь: ИА НАНУ, 2013. 360 с.

Кнорозов Б.В. Шаманский зикр в подземелье Мазлумхан-сулу // Этнографическое обозрение.1994. № 6. С. 91–96.

Курбанова З.И. Женское паломничество к святым местам (по материалам Нукусского и Ходжейлийского районов) // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 2010. № 3. С. 30–37.

Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.

Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Ягодин, С.М. Малияров. Нукус: Каракалпакстан, 1985. 252 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1773. 117 с.

Рождественский Р.Р. Черепа из древних могил Рязанской губернии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии (в 27 томах) Т. VIII. Вып. 1 / Ред. С.Д. Яхонтов. Рязань: Типография губернского правления, 1893. С. 1–19.

Селиванов. А.В. Раскопки в Касимове 1868 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии (в 27 томах) Т. III. Вып. 8 / Ред. С.Д. Яхонтов. Рязань: Типография губернского правления, 1893. С. 159–162.

Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Сивицкий М.В. Мавзолей казанских ханов // Позднее средневековье и раннее Новое время (XVI – первая половина XVIII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 7 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: АН РТ, 2022. С. 62–90.

Снесарев Г.П. Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма // КСИЭ. Вып. XXXIII. М.: АН СССР, 1960. С. 60–71.

Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 272 с.

Хожаниязов Г., Юсупов Н., Сайпанов Б. Археологические работы в Миздахкане в 1989 году // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. 1990. №4. С. 111–115.

Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки коллегии востоковедов при азиатском музее Академии наук Союза советских социалистических республик. Т. V. Л.: АН СССР, 1930. С. 551–581.

Информация об авторах:

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

Амиров Шамиль Шаукатович, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); amirov_05@mail.ru

REFERENCES

Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Ryazanskoy oblasti na territorii (tekie) mavzoleya Shakh-Ali v 2020 godu (Report on archaeological reconnaissances in Kasimov in the Ryazan region on the site (tekiye) of the Khan Shahghali's mausoleum in 2020).* Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 432 (in Russian).

Akhmetzyanov, M. 2006. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 12–17 (1–2), 197–217 (in Tatar).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1864. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 2. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1887. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 3. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Gagin, I. S. 1902. In Yakhontov, S. D. (ed.). *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission).* XVI (3). Ryazan: "Tipografiya Gubernskogo pravleniya" Publ., 266–279 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ibragimova, A. M. 2015. *Bahchisarajskij Hanskij dvorec XVI–XVIII vv. (Bakhchisarai Khan's Palace).* Kiev: Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukranian).

Knorozov, B. V. 1994. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* (6), 91–96 (in Russian).

Kurbanova, Z. I. 2010. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan* (*Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 3, 30–37 (in Russian).

Mansurov, A. A., Bader, O. N. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiia Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–323 (in Russian).

Yagodin, V.N., Maliyarov, S. M. 1985 (eds.). *Materialy k svodu pamyatnikov istorii i kul'tury Karakalpakskoy ASSR (Materials for the Code of Monuments of History and Culture of the Karakalpak ASSR)* 1. Nukus: Karakalpakstan (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire).* Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Rozhdestvensky, R. R. 1893. In Yakhontov, S. D. (ed.). *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission).* VIII (1). Ryazan: "Tipografiya Gubernskogo pravleniya" Publ., 1–19 (in Russian).

Selivanov, A. V. 1893. In Yakhontov, S. D. (ed.). *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission).* III (8). Ryazan: "Tipografiya Gubernskogo pravleniya" Publ., 159–162 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Sivitsky, M. V. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). *Pozdnee srednevekov'e i rannee Novoe vremya (XVI – pervaya polovina XVIII vv.) (Late Middle Ages and early modern era (XVI – first half of the XVIII centuries)).* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 7. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 62–90 (in Russian).

Snesarev, G. P. 1960. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 60–71 (in Russian).

Khismatullin, A. A., Kriukova, V. Yu. 1997. *Smert' i pokhoronnyi obriad v islame i zoroastrizme (Death and Funerary Rite in Islam and Zoroastrianism)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Khozhaniyazov, G., Yusupov, N., Saypanov, B. 1990. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala Akademii nauk Uzbekskoj SSR (Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR)* (4), 111–115 (in Russian).

Yakubovsky, A. Yu. 1930. In *Zapiski kollegii vostokovedov pri aziatskom muzee Akademii nauk Sojuza sovetskih socialisticheskih respublik (Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum* of *the Academy of Sciences of the Soviet Union)* 5. Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 551–581 (in Russian).

About the Authors:

Akhmetgalin Farid A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federationach_farid@mail.ru

Amirov Shamil Sh. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federationamirov_05@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.2/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.56.63

ИССЛЕДОВАНИЯ 2022-2023 ГГ. В РЕМЕСЛЕННОМ КВАРТАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА САРАЙ

© 2024 г. Е.М. Болдырева

В статье представлены предварительные результаты археологических исследований в периферийной части Селитренного городища. Здесь было обнаружено и частично исследовано 5 жилых сооружений, более десятка хозяйственных и строительных ям, несколько уличных печей-тандыров, фрагмент средневековой улицы и городской площади, а также массивная около 3 метров в глубину и в диаметре яма-водоем (хауз?) с системой оттока воды. В первый строительный период, определяемый монетами периодом правления хана Узбека, на этом месте существовала улица с отдельно стоящей уличной конструкцией, возможно горном. Затем, во 2-й период возможный горн был разрушен и на его месте возведен еще один жилой дом, представляющий собой многокомнатное строение. В этих домах было обнаружено большое количество одинаковых видов посуды т.е. они выполняли не только роль жилых построек, но и являлись складами изготовленных на продажу товаров.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, Селитренное городище, ремесленный квартал, средневековая планировка, горн, производство керамики

ARCHAEOLOGICAL STUDIES IN THE CRAFTSMEN QUARTER OF THE MIDDLE CITY OF SARAI IN 2022-2023

E.M. Boldyreva

The article presents preliminary results of archaeological studies in the peripheral part of the Selitrennoye settlement. Here, 5 dwelling houses, more than a dozen household and construction waste pits, several tandoors, a part of medieval street and city square, as well as a massive more than 3 meters deep and in diameter pit-reservoir with water drainage system, were discovered and partially studied. During the first construction period, identified by coins as the period of the reign of Uzbek Khan, there was a street on this site with a separate street structure, possibly a furnace. Then, in the second period, the possible furnace was destroyed and another residential building, which was a multi-room building, was erected in its place. A large number of identical types of ceramics were found in these buildings, i.e. they not only served as dwelling houses, but also served as warehouses for goods manufactured for sale.

Keywords: archaeology, Lower Volga region, Golden Horde, Selitrennoye, craftsmen quarter, medieval layout, furnace, ceramic production.

Городище Селитренное является крупнейшим столичным памятником монгольских кочевников, осевших на землю в незаселенных степях юга Восточной Европы в конце XIII – XIV вв. Памятник исследовался Поволжской археологической экспедицией (ПАЭ) МГУ им. М.В. Ломоносова и ИА РАН с 1965 по конец 90-х гг. XX века под руководством А.П. Смирнова, Г.А. Федорова-Давыдова и В.Л. Егорова. В составе экспедиции были отряды из разных городов. После распада ПАЭ во 2-й половине 90-х гг. практически непрерывно до нового времени памятник исследуется экспедицией Марийского государственного университета и Института Археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Также во 2-й половине 90-х гг. раскопки на городище проводились под руководством Э.Д. Зиливинской (Пигарев, 2015, с. 50–51; Пигарев, 2019, с. 38–39). Новым витком в исследовании памятника стали археологические исследования 2019–2020 гг., когда в рамках газификации села Селитренное на его территории было заложено девять небольших раскопов и 22 шурфа, общей площадью более 900 кв. м (Пигарев, 2021, с. 35–49). Эти работы дали важный объем информации по состоянию и интерпретации культурного слоя под современным селом. Также в 2020 г. под руководством Э.Д. Зиливинской проводились исследования в дальней части памятника, к юго-востоку от села, где было исследовано крупное усадебное здание с более чем 20

комнатами, внутренним двором, погребом и колодцем. Исследования на этом раскопе продолжаются (Зиливинская, 2024, в печати).

Работы 2022–2023 гг. проводились в северо-западной периферийной части городища, был заложен раскоп № LXV (65) между буграми Красный и Змеиный. Необходимость исследования этой части памятника была обусловлена двумя факторами. Во-первых, это понижение между двумя буграми сильно размывается в период половодья и разлива Ахтубы. Во-вторых, этот участок городища никогда ранее не исследовался. Огромные по площади раскопы Поволжской археологической экспедиции были сосредоточены преимущественно в районе бугров Красный и Кучугуры, где исследовались общественные здания, усадьбы, погребальные памятники и в меньшей степени ремесленные комплексы, хотя городище Селитренное было крупнейшим производственным центром своего времени.

Важные аспекты гончарного производства городища были освящены в монографии Е.М. Пигарева (Пигарев, 2015), однако они не затрагивают этот участок городища, а базируются в основном на комплексах, исследованных ПАЭ и самим автором. Между тем упоминания об этой части памятника и признаках наличия ремесленного производства на нем встречаются в разведочных отчетах В.Г. Рудакова (Рудаков, 2003, с. 60–61). Им была составлена карта с точными GPS-координатами реперных участков городища, и в этом районе фиксировались следы ремесленного производства. Предварительные разведки, проведенные в 2020 году, подтвердили факт наличия огромного количества ошлакованного кирпича и керамики на площади около 1000 кв. м. Также была проведена аэрофотосъемка участка с малой высоты, благодаря которой удалось выявить некоторые очертания округлого в плане объекта. На этом участке и был заложен раскоп, общая площадь которого составила 248 кв. м.

Сооружение № 1 (рис. 1: 1). Расположено в южной части раскопа. Ориентировка объекта параллельна улице, с юго-запада на северо-восток. Сохранилась северо-западная стена объекта, прилегающая к ней суфа, два кана вдоль этой стены и тандыр в северо-восточном углу объекта. Сооружение построено из сырцовых кирпичей, с внешней стороны стена дополнительно была укреплена обломками обожженных кирпичей. Длина отрезка стены в границах раскопа, зафиксированная на этом уровне, составляет 440–450 см, а суммарная ширина от внешней границы до границы пола, включая суфу, и каны – 212 см. Максимальные размеры кирпичей до 58×21 см. Поверхность над канами перекрыта слоем бело-серого твердого суглинка с углем и обломками обожженного кирпича, таким же слоем перекрыто заполнение пола сооружения, видимо, этот слой образовался уже после оставления и разрушения сооружения. Часть суфы была неотапливаемой, на уровне основания зафиксированы фрагменты деревянного основания стены размерами 34×9 см и 35×10 см. Южная часть суфы была отапливаемой с помощью глубокого тандыра и двух ниток канов. Ширина этого участка суфы составляет 90 см, а длина – около 342 см. В профиле южного борта был зафиксирован отрезок аналогичного слоя канов и кирпичей. Вероятно, каны в сооружении № 1 были Г-образной формы и поворачивали в южном направлении.

Сооружение № 2 (рис. 1: 2). Было зафиксировано в юго-восточной части раскопа. Ориентировка сооружения соответствует планировке квартала, с юго-запада на северо-восток. Сохранились обрывки трех стен, тошна, вкопанный жернов, уличный тандыр рядом с объектом и еще одна хозяйственная яма (возможно, более позднего времени). Северная часть сооружения представлена прямоугольным контуром помещения размерами 348×253 см. Северо-восточная часть стены состоит из отрезка кладки сырцовых кирпичей. Отрезок стены сохранился на 117 см при ширине в 18–20 см. Западная стена помещения представляет собой несколько обломков деревянного цоколя. Участок западной стены сохранился на 155 см при ширине в 18–20 см. Южная стена помещения состоит из комбинированной кладки из сырцового и обожженного кирпича, прослеженного на 385 см, при ширине в 22–25 см. Стена лежит на деревянном цоколе. Фрагменты дерева расчищены в юго-западной части стены. В центральной части помещения расчищено скопление ошлакованных кирпичей, керамики и комочков обожженной глины размерами скопления. Пол помещения представлен слоем твердого бело-серого суглинка с углем и обломками обожженного кирпича в соста-

Рис. 1. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65). *1* – сооружение №1; *2* – сооружение №2; *3* – сооружение №3; *4* – сооружение №3, деревянный цоколь кладки стены; *5* – сооружение №3, поливной кувшинчик.
Fig. 1. Selitrennoye settlement. Excavation № LXV (65). *1* – building № 1; *2* – building № 2; *3* – building № 3; *4* – building № 3, wooden socle of the blockwork; *5* – building № 3, glazed jar.

ве. От южного помещения сохранилась только северная стена, которая одновременно является перегородкой между двумя помещениями.

Сооружение № 3 (рис. 1: 3). Расположено в северо-восточной части раскопа. Ориентировка объекта параллельно улице, с юго-запада на северо-восток. Сохранилась южная стена объекта и юго-западный угол. Конструкция стены состоит из обожженного и сырцового кирпича, дерева и ошлакованных керамики и кирпича. Внешний контур стены выложен из обломков необожженных кирпичей, сложенных в один ряд в 3–4 слоя со сдвигом кладки на ½ кирпича. Внутренний контур стены лежит на деревянном цоколе (рис. 1: 4), поверх которого была выложена кладка из обломков обожженного кирпича, а также ошлакованного. Угол поворота стены сохранился только в

виде фрагмента дерева, размерами 68×20 см. Ширина массива стены на плане составляет 110–111 см, а длина в границах раскопа – до 360 см. Пространство между внутренним и внешним контуром стены заполнено слоем твердой желтой пахсой с углем и обломками керамики в составе. К юго-западной границе объекта примыкает подпрямоугольное в плане пятно слоя серо-желтой твердой супеси с обломками обожженного кирпича размерами 266×208 см, по-видимому представляющее собой расплывшиеся контуры западной стены сооружения. У стены сооружения был расчищен поливной кувшинчик (рис. 1: 5) с пятью бронзовыми монетами, одна из которых определяется периодом хана Узбека.

Сооружение № 4 (рис. 2: 1). Было расчищено в северо-западной части раскопа. Сохранился участок южной стены с канами, сложенный из сырцового кирпича длиной в 210 см, а шириной в 90–100 см. В юго-восточном углы стены был расчищен тандыр с широким устьем, обложенный обломками обожженного кирпича, а в северо-западном сохранилась яма от дымохода. К югу от стены, в 30–40 см, была расчищена вымостка из плотно уложенной керамики и ошлакованного кирпича.

Сооружения № 3 и № 4 образуют прямоугольную в плане площадку, в юго-восточном углу которой была расчищена круглая в плане и прямоугольная в придонной части яма (*Яма № 9)* размерами 290×220 см, а глубиной 260–280 см. К южной части этой ямы вела менее глубокая яма-траншея (*Яма № 10)* шириной 140 см и глубиной 132–136 см (рис. 2: 2). Характерное слоистое органическое заполнение и большая заиленность объекта наталкивает на мысль о том, что яма являлась хранилищем или местом стока воды, яма-траншея, ведущая в сторону обрыва, выводила излишки воды, а площадку можно интерпретировать небольшой городской площадью, примыкающей к средневековой улице.

Сооружение № 5 (рис. 2: 3). Прирезка площадью 48 кв. м была заложена с целью доследования возможного устья разрушенного горна в южной части раскопа, обнаруженного в 2022 году. Однако на всю площадь прирезки были расчищены части конструкций крупного многокомнатного сооружения более позднего времени, в котором делалось несколько перестроек. Сооружение полностью сложено из сырцового кирпича, состояло как минимум из трех помещений, в которых несколько раз перестраивались суфы и закладывался проход. Возможно, сооружения № 5, № 1 и № 2 являются частью одного крупного многокомнатного дома. Для проверки этой гипотезы необходимо продолжение исследований.

В более раннее время на этой территории существовала яма № 2, которая может являться целенаправленно разрушенным и засыпанным горном.

Яма № 2 (рис. 3: 1). Расположена в южной части раскопа. Границы объекта оконтурились после фиксации и снятия сооружений № 1 и № 2, поэтому яма является самым ранним объектом на раскопе. Ориентирован объект так же, как и вышерасположенные сооружения в квартале, по линии юго-запад – северо-восток. Уровень поверхности объекта понижается по склону бугра. Стенки ямы с сильным уклоном ко дну, в западной части фиксируется ступенька шириной 25–45 см. Еще одна ступенька была зафиксирована в юго-восточном углу объекта. Ширина ступеньки 30–42 см. Дно ямы относительно плоское, материковое. При выборке объекта предварительно был зафиксирован уровень кирпичного боя (рис. 3: 2), который иллюстрирует период разрушения и единовременной засыпки объекта. Ниже уровня кирпичей в придонной части объекта были зафиксированы крупные ошлакованные фрагменты кирпича (рис. 3: 3). Также с поверхности в слой кирпичного боя был вкопан деревянный столб. В границах ямы и в ее ближайшем окружении было обнаружено и зафиксировано семь столбовых и жердевых ям. По-видимому, объект был целенаправленно и единовременно разрушен, после чего засыпан кирпичным боем и забит слоем песка. Затем сверху были вкопаны хум и столб от вышестоящих объектов. Для доследования этого объекта в 2023 году была заложена южная прирезка к раскопу, которая выявила сооружение № 5, поэтому полные контуры объекта планируется изучить после снятия сооружения № 5.

В ходе раскопок было обнаружено более 150 медных и 2 серебряных монеты[1]. Из тех монет, сохранность которых позволила их расшифровать, 80% чекана приходится на период правления ханов Узбека и Джанибека. Присутствуют несколько редких монет ханов

Рис. 2. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65). *1* – сооружение №4; *2* – яма №9, №10; *3* – сооружение №5; *4-5* – печной припас.
Fig. 2. Selitrennoye settlement. Excavation №LXV (65). *1* – building №4; *2* – pits №9, №10; *3* – building №5; *4-5* – furnace accessories.

периода Великой Замятни в Орде, это монеты хана Хизра (годы правления 1360–1361) и Азиз-Шейха (годы правления 1364–1367). Таким образом, по нумизматическим данным четко реконструируется период существования этой части города Сарая – с 1330-х гг. до конца 1360-х гг. Наибольшего расцвета он достиг при ханах Узбеке и Джанибеке. В это время здесь были построены дома ремесленников, представляющие собой постройки из сырцового кирпича с небольшим количеством обожженного кирпича. Дома были отапливаемыми, имелись печи-тандыры. В стандартное обустройство золотоордынского дома была добавлена специфика этого района. Так, в качестве строительных материалов здесь использовалась бракованная керамика, ею делались различные вымостки вокруг

Рис. 3. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65). *1* – яма №2; *2* – яма №2, забутовка кирпичом; *3* – яма №2, ошлакованные кирпичи на дне ямы; *4* – яма №2 и улица.
Fig. 3. Selitrennoye settlement. Excavation №LXV (65). *1* – pit №2; *2* – pit №2, filling with bricks; *3* – pit №2, slagged bricks on the bottom of the pit; *4* – pit №2 and the street.

домов, она использовалась в укреплении стен и заполнения суф. Ошлакованная керамика и кирпичи использовались и в заполнении стен, построенных по панцирному принципу. Кроме того, в этих домах было обнаружено большое количество одинаковых видов посуды, т. е. они выполняли не только роль жилых построек, но и являлись складами изготовленных на продажу товаров. В жилых домах было обнаружено небольшое количество предметов быта: светильники-чираги, точильные камни, ножи, сосуды и их фрагменты. Также в процессе раскопок было обнаружено большое количество ошлакованной керамики и кирпича и приспособлений для керамического производства (рис. 2: 4–5): сепая, гончарный круг (?), матрицы, бракованная керамика, терочники для красителей, печной припас и др. (рис. 4: 1–4).

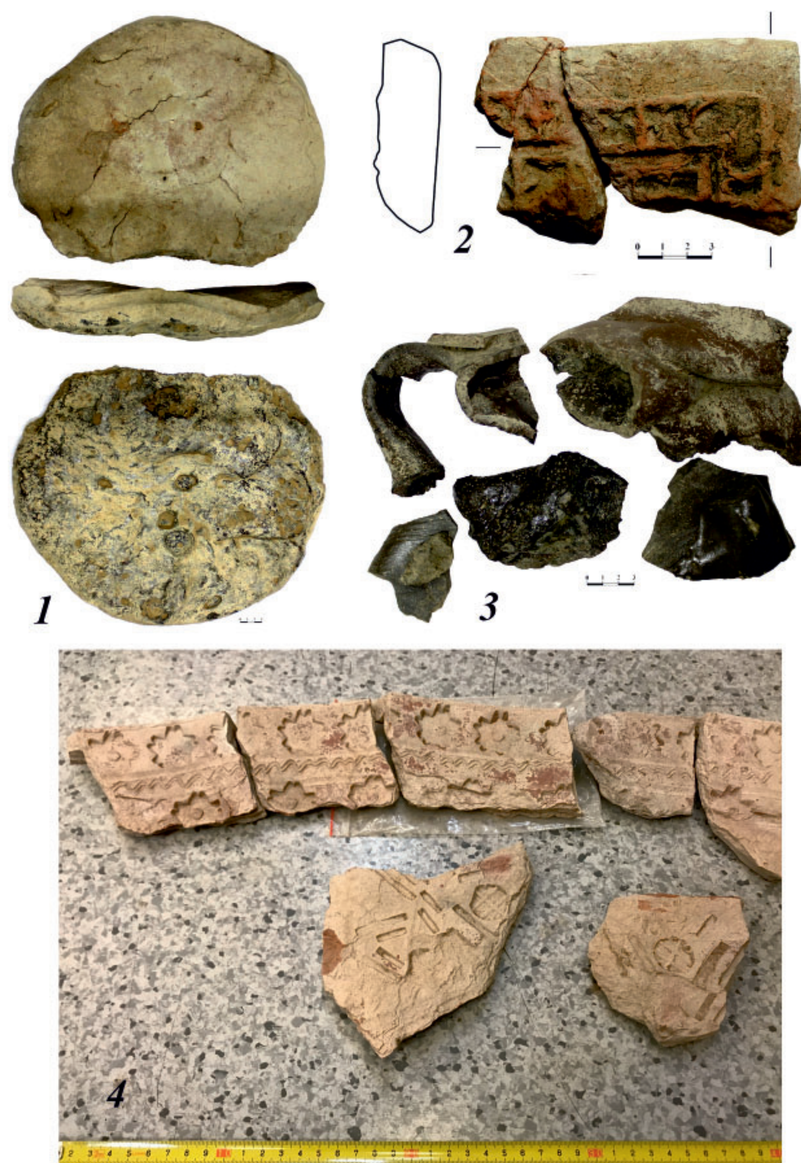

Рис. 4. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65). *1* – гончарный круг (?); 2 – оттиск для изготовления изразцов; 3 – бракованный кувшин; 4 – матрица для крупного сосуда.
Fig. 4. Selitrennoye settlement. Excavation №LXV (65). *1* – potter's wheel (?); *2* – stamp for making tiles; 3 – defective jar; *4* – shape for large vessel.

В первый строительный период, определяемый монетами периодом правления хана Узбека, на этом месте существовала улица с отдельно стоящим уличным горном (?) (рис. 3: 4). Рядом с улицей была выкопана яма-водоем (рис. 2: 2). Наличие столбовых ям говорит о существовании здесь легких навесных конструкций. Затем, во 2-й период, горн (?) был разрушен и на его месте возведен еще один жилой дом, однако спецификация деятельности населения квартала сохранялась, об этом говорят характерные находки. В целом можно предположить расширение мастерской и перенос горна в другое место. Это место помогут определить будущие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Зиливинская Э.Д. Охранные раскопки на юго-восточной окраине Селитренного городища // Археология Евразийских степей. 2024 (в печати).

Пигарев Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7. Йошкар-Ола, Марийский гос. университет, 2015. 208 с.

Пигарев Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Йошкар-Ола, Марийский гос. университет, 2019. 244 с.

Пигарев Е.М. Археологические исследования Селитренного городища в 2019-2020 гг. // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 35–49.

Рудаков В.Г. Отчет об археологических разведках на территории Селитренного городища и его окрестностей // Архив ИА РАН. Ф.1, Р.1, №22894. С. 60-61.

Информация об авторе:

Болдырева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (г. Москва, Россия); embold@mail.ru

REFERENCES

Zilivinskaya, A. D., 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* in print (in Russian).

Pigarev, E. M. 2015. *Goncharnoe proizvodstvo zolotoordynskogo goroda Saray (Selitrennoe gorodishche) (Pottery Production of the Golden Horde city of Sarai (Selitrennoe Settlement).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. *Selitrennoe gorodishche: istoriya issledovaniy (Selitrennoe settlement: the history of research).* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya *(Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 11. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Pigarev, E. M. 2021. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 35–49 (in Russian).

Rudakov, V. G. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Selitrennogo gorodishcha i ego okrestnostey (Report on archaeological reconnaissances on the Selitrennoye settlement and its surrounding).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 22894 (in Russian).

About the Authors:

Boldyreva Ekaterina M. Candidate of Historical Sciences, State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation. embold@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.64.69

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХАЗАРСКОГО ГОРОДА В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

© 2024 г. Д.В. Васильев

В статье рассматривается авторское видение причин возникновения города в дельте Волги в хазарское время. В качестве основной причины декларируется необходимость перевалки товаров с морских судов на речные в ходе торговли по Каспийско-Волжскому торговому пути. Прослеживается изменение маршрутов движения товаров по Волжскому пути в VIII–IX вв. (в обход дельты Волги) и в X в. (через дельту Волги) в связи с изменением начальной точки этих маршрутов – Дамаска в ранний период и Багдада в поздний. Второй причиной возникновения города в дельте Волги называется наличие здесь кочевой ставки хазарских каганов, название которой по-русски звучит как «Белая». Ассоциируя это название с цветовым обозначением стран света в тюркской культуре, автор предполагает, что изначально «Белая» или западная ставка как центр Хазарии соответствовала западной ставке Тюркского каганата. Тем самым декларируется политическая преемственность Хазарии по отношению к Тюркскому каганату. Высказывается предположение, что первоначальное местоположение «Белой» ставки соответствует окрестностям села Семибугры в центральной части дельты Волги, а превращение её в полноценный город археологически прослеживается на Самосдельском городище в западной части дельты, куда она была перенесена в X в. в результате трансгрессии Каспия.

Ключевые слова: археология, дельта Волги, Волжский торговый путь, Самосдельское городище, Ал-Байда, Саркел, Сарыгшин, Итиль, ставка, трансгрессия, Каспийское море.

ON THE REASONS FOR THE EMERGENCE OF THE KHAZAR CITY IN THE VOLGA DELTA

D.V. Vasiliev

The article presents the author's insight on the reasons for the emergence of the city in the Volga delta in Khazar period. The main reason is declared the necessity of transshipment of goods from sea ships to river boats during trade along the Caspian-Volga trade route. The changes in the routes of movement of goods along the Volga route in the VIII–IX centuries (by passing the Volga delta) and in the X century (via the Volga delta) due to a change of starting point of these routes – Damascus in the early period and Baghdad in the late period, are traced. The second reason for the emergence of the city in the Volga delta is the presence here of the nomadic headquarters of the Khazar Khagans, whose name in Russian sounds like “Belaya” (White). Associating this name with the color designation of the cardinal points in Turkic culture, the author suggests that initially the “White” or Western headquarters as the center of Khazaria corresponded to the Western headquarters of the Turkic Kaganate. Thus, the political continuity of Khazaria in relation to the Turkic Kaganate is declared. It is suggested that the original location of the “White” headquarters corresponds to the vicinities of the village of Semibugry in the central part of the Volga delta, and its transformation into a full-fledged city can be traced archaeologically at the Samosdelka settlement in the western part of the delta, where it was moved in the X century as a result of the Caspian transgression.

Keywords: archaeology, Volga delta, Volga trade route, Samosdelka settlement, Al-Bayda, Sarkel, Sarygshin, Itil, nomadic headquarter, transgression, Caspian Sea

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в Дельте, на правом берегу р. Старой Волги или Бирюль. Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружен высохшими протоками. Здесь наблюдаются остатки города, существовавшего в течение трёх эпох, последовательно сменявших друг друга (хазарской, домонгольской и золотоордынской) и относящихся к IX–XIV векам. Появление крупного города в Нижнем Поволжье, безусловно, тесно связано с торговой деятельностью и освоением Волжского торгового пути.

Торговый путь начал формироваться, судя по всему, в VIII веке, когда утихли арабо-хазарские войны, а воинственных Омейядов

на престоле халифата сменили просвещённые Аббасиды. В период своего расцвета во второй половине IX века Волжский торговый путь способствовал складыванию двух государственных образований – Руси и Волжской Булгарии, а также обеспечивал экономическое благосостояние Хазарского каганата в низовьях Волги и связывал их со странами Арабского Востока.

Видимо, до IX века торговля арабских купцов обходила Нижнее Поволжье.

Впервые на это обстоятельство обратил внимание И.В. Дубов, который пишет, что самая плотная на Руси концентрация куфических монет была обнаружена на Оке. Маршрут до Оки автор реконструирует как движение через Дон и Северский Донец, минуя основное течение Волги, с выходом на Чёрное море напрямую. Этот маршрут, с которого возможен был также путь в Волжскую Хазарию через Волго-Донской волок, рисуется в качестве основного для IX века, и он маркирован кладами куфических монет этого периода (Дубов, 1989, с. 214). Об этом же говорят выводы В.Л. Янина о распространении монет IX века в Восточной Европе (Янин, 2009, с. 101).

В X веке ситуация меняется, и на первом плане оказывается иной вариант пути, когда основной связующей восток и север артерией становится собственно Волга. Археологические материалы показывают, что основным маршрутом по Волге становится путь из Хазарии в Волжскую Булгарию. Именно Волжская Булгария была в X веке главным центром торговли Востока с Русью. Именно становление Волжской Булгарии в качестве основного форпоста мусульманской торговли И.В. Дубов считает одной из главных причин изменения торговых маршрутов в Восточной Европе (Дубов, 1989, с. 214). В.Л. Янин также утверждает, что имевшиеся в науке представления о главенствующей роли хазарского Итиля в поступлении монеты в Восточную Европу являются преувеличенными. В качестве главного источника дирхемов на Руси он называет Булгар (Янин, 2009, с. 121).

В связи с этим можно предположить, что основным путём проникновения восточного серебра (следовательно, и остальных товаров) в Восточную Европу был путь через Чёрное и Азовское моря из центральных районов халифата – из окрестностей Дамаска. Маршрут проходил через Черное море, Керченский пролив, Азовское море, Дон, Северский Донец, Оку и уже через последнюю выходил на Волгу. Возможно, что в районе Переволоки происходил переход на Волгу, при этом сохранялось общее направление движения на север, в Прикамье, а не в низовья Волги. Это подтверждается отсутствием монетных кладов VIII–IX вв. в Астраханском Поволжье. Черноморско-азовский маршрут проникновения товаров в Европу и дальнейшее их движение по водным путям из регионов, в которых традиционно используется амфора в качестве тарного сосуда, возможно, объясняет тот факт, что на памятниках салтово-маяцкой культуры и на территории, занятой кочевниками Хазарского каганата, нередки находки амфор (как целых, так и во фрагментах).

Наличие этого торгового маршрута можно объяснить тем фактом, что первой столицей Арабского халифата был город Дамаск, расположенный к югу от черноморского побережья. Наиболее удобным путём из Дамаска в Европу является именно описанный выше маршрут. Но в IX веке ситуация внутри халифата меняется, столица переносится в Багдад, основанный в 762 году, откуда уже стал более удобен путь на север через Каспий и через кавказские горные проходы.

Проникновение хазар в дельту Волги, согласно материалам известных памятников, датируется периодом рубежа VIII–IX вв. (Васильев, 2021, с. 21–27), хотя триггером этого процесса послужило поражение хазар в войне 737 года, когда войско Мервана ибн Мухаммада, будущего последнего аббасидского халифа, вторглось на Северный Кавказ и подвергло разорению столичные области каганата (Артамонов, 2001, с. 323–358). В результате происходит отток населения с Северного Кавказа на Дон и в степи Нижнего Поволжья. Однако мы знаем, что в контексте этих событий в низовьях Волги упоминается хазарская ставка, известная под названием Ал-Байда, что в переводе с арабского означает «Белая» (Артамонов, 2001, с. 388). В связи с этим интересно будет заметить, что в Хазарии есть и другие населённые пункты, имеющие цветовое обозначение. Это известный Саркел (или *Шаркил, Сары кала* – «Жёлтая крепость») – это часть города Итиля, известная под названием Сарыгшин (в котором отчётливо прослеживается тот же корень

Сары – «Жёлтый»). Вспомним также название двух племён кыпчаков, переселившихся на запад от Волги, – сары (*шары* – «жёлтые») и каи («змеи»). Согласно традиционному тюркскому обозначению сторон света, восток обозначался синим или зелёным, а запад – белым или жёлтым цветами (Хисамитдинова и др., 2019, с. 140–159; Кононов, 1975, с. 159–179). Относительно более поздних событий, а именно имеющих отношение к истории Улуса Джучи, этот вопрос подробно был рассмотрен Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, который убедительно доказал расположение Синей орды на востоке государства и Белой орды – на западе (Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 63–67, 107, 118–122).

Таким образом, мы вправе предположить, что названия всех этих населённых пунктов обозначают некую «Западную ставку» или «Западный город». Вопрос о том, относительно чего эта ставка (в частности, Ал-Байда) была западной, решается, как мне кажется, однозначно – относительно коренных территорий Западно-Тюркского каганата, наследником которого являлся каганат, возглавляемый хазарами. Интересно в этом ключе констатировать, что хазары, которые к моменту арабо-хазарских войн уже более столетия возглавляли новое государство на Северном Кавказе и в Южнорусских степях, продолжали ощущать себя продолжателями древнетюркской государственности.

В свете вышеизложенных обстоятельств мы вправе ожидать обнаружение в дельте Волги археологического памятника, связанного с ранней хазарской эпохой (а возможно, с культурой древних тюрков, которыми, собственно, и являлись этнические хазары, согласно выводам С.Г. Кляшторного (Кляшторный, 2005, с. 95–117)).

Вполне вероятно, что этот населённый пункт – хазарская кочевая ставка (возможно, известная под названием Ал-Байда) – обнаружен на так давно в окрестностях сел Семибугры и Бараний Бугор в дельте Волги. В её географическом центре, на обоих берегах р. Болды, которая вплоть до X века являлась главным руслом Волги в дельте. Здесь впервые на территории дельтовых районов была обнаружена в виде массового материала керамика салтово-маяцкого облика, а также монета африканского чекана VIII в. (Соловьёв и др., 2021, с. 99–103). Авторы исследований, несмотря на практически полную неисследованность памятника, уже успели громко объявить об обнаружении столицы Хазарии – города Итиля. Однако, судя по результатам двух лет работ на поселении, выглядит оно на настоящий момент скорее как кочевая ставка, керамический материал из которой отличается однообразием и культурной монолитностью. Здесь отсутствует среди находок (по крайней мере на настоящее время) импортная посуда, да и вообще импортные изделия, которые должны являться характерной особенностью именно городского памятника. Многочисленные импорты являются маркером развитой торговли, без которой город немыслим. Между тем кочевнический лагерь в дельте Волги никак не противоречит всему вышеизложенному. Более того, вдоль всего течения р. Болды и в северной части дельты обнаружены многочисленные захоронения периода VIII–IX вв., известно о наличии отдельных поселений с салтовской керамикой.

Если взглянуть на карту дельты, то мы увидим, что именно центральная протока Болда отходит в юго-восточном направлении от основного русла Волги несколько выше современного центра города Астрахани. Возможно, что тысячу лет назад исток Болды располагался ещё выше по течению Волги, напротив остатков золотоордынского города Хаджи-Тархана (городище «Шареный бугор»). Здесь располагается единственное удобное место для переправы в дельту. Ниже Шареного бугра по течению начинается зона так называемых подстепных ильменей на правом берегу Волги – длинных и топких озёр, представляющих собой дельту реки Сарпы, некогда впадавшей в Каспий с запада, вдоль которых пролегала дорога на Северный Кавказ. Выше располагается зона полупустыни.

Хазарский царь Иосиф, описывая местоположение своей столицы в письме Хасдаю ибн Шапруту, говорит о том, что его «город» располагается на острове. В начале весны он выходит из пределов острова и отправляется «путешествовать», а в начале зимы возвращается обратно. Мы можем легко реконструировать этот маршрут: весной хазарская орда, переправившись через Волгу по весеннему льду, отправлялась вверх по Волге и достигала места максимального сближения Волги и Дона, затем переходила на Дон и спускалась

по нему до Приазовья, откуда заходила на Тамань, поворачивала к востоку и вдоль Кубани и Маныча возвращалась к исходной точке – на парвый берег Волги около зоны подстепных ильменей. Перейдя в дельту по льду, хазарская ставка спускалась вниз по Болде до географического центра дельты. Где и оставалась на зиму.

В X веке происходит трансгрессия Каспийского моря, и его уровень к 40-м годам столетия поднимается приблизительно на 3–4 м (Берг, 1949, с. 213, 266; Гумилёв, 2021, с. 99; Варущенко и др., 1987, с. 116, рис. 22, с. 117, табл. 16). В результате природной катастрофы данная территория оказывается затопленной. Окрестности Семибугров оказались на некоторое время непригодны для заселения, возможно, как и восточная часть дельты, которая располагается значительно ниже западной по уровню.

Незадолго до этого в западной части дельты Волги возникает город на месте Самосдельского городища, исследования которого уже более 20 лет ведутся Нижневолжской археологической экспедицией Астраханского государственного университета, Института этнологии и антропологии РАН и Государственного исторического музея.

Начало поселения на территории Самосдельского городища, согласно находкам, а также данным радиоуглеродного анализа, датируется IX веком (Васильев, Зиливинская, 2011, с. 164). Но уже в X веке это поселение превращается в крупный город, ставший одним из основных центров транзитного торговли на волжском пути. Хазары стали посредниками между Западом и Востоком, прокладывая пути от Каспия и на запад. Итиль являлся главным торговым центром Хазарии. Сюда съезжались купцы из разных стран. По Волге прибывали русы и болгары. Больше всего здесь было купцов-мусульман. Они приплывали сюда по Каспийскому морю на судах из стран Закавказья и Ирана, из Хорезма и других областей Восточного и Юго-Восточного Прикаспия. Ибн Фадлан сообщал о наличии на реке Итиль в стране хазар рынка, «который бывает во всякое время, и на нем продается много полезного товара» (Заходер, 1962, с. 202).

Наличие крупного торгового города на территории Самосдельского городища подтверждают многочисленные находки импортных товаров. Это большое количество поливной керамики из Ирана, Ширвана, Хорезма (Болдырева, 2016), кашинные изделия из Ирана, бусы из Волжской Булгарии, Византии, Ирана, Закавказья, металлические изделия из Средней Азии и Волжской Булгарии, костяные изделия с Руси, из Волжской Булгарии, из Средней Азии. Встречается большое количество необработанных кусков янтаря из Прибалтики и с Волыни.

Сравнение материалов городища у с. Самосделка с семибугринскими находками позволяет говорить о большей развитости городской жизни именно на Самосдельском городище – здесь сразу бросается в глаза огромное количество импортных керамических изделий. Да и само расположение памятника на основном русле Волги X века, выходившем непосредственно на Каспий, заставляет предполагать, что именно этот город был морскими воротами Хазарии, которые упоминаются в лоциях Каспийского моря этого времени. Между тем в материалах Самосделки практически полностью отсутствуют элементы салтово-маяцкой культуры, которыми привыкли оперировать археологи-хазароведы. Однако здесь в нижних слоях встречаются сосуды древнетюркского облика, которые характерны для Приаралья, Средней Азии (речь идёт о котлах с витыми ручками) (Попов, 2009, с. 153–186), а также лепные горшки, которые встречаются в захоронениях типа «соколовская балка» (Круглов, 2021, с. 68–75). Всё это, а также значительное количество тамг и тамгообразных знаков хазарской эпохи на посуде, костяных предметах и кирпичах Самосделки позволяет говорить о наличии собственно тюрок-хазар в составе населения городища в X веке.

Таким образом, можно сделать вывод, что появление города на территории Самосдельского городища происходит в результате необходимости существования транзитного пункта морской и речной торговли в Низовьях Волги, а также в результате переноса центральной ставки хазарского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001. 687 с.

Берг Л.С. Очерки по физической географии. М.; Л.: АН СССР, 1949. 339 с.

Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Автореферат дисс. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016. 24 с.

Васильев Д.В. Нижнее Поволжье в хазарскую эпоху (VIII-X вв.). Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021. 58 с.

Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования. // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 158–166.

Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 239 с.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: АСТ, 2021. 329 с.

Дубов И.В. Великий волжский путь. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 256 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 281 с.

Кляшторный С.Г. Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003-2004 (Тюркские народы в древности и средневековье) / Ред. С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов М.: Восточная литература, 2005. С. 95–117.

Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1978. С. 159–179.

Круглов Е.В. Об аналогиях к сосудам первой группы лепной посуды Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIII / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021.С. 68–75.

Попов П.В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7, Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009.С. 153–186.

Соловьёв Д.С., Тимофеев А.А., Стукалов Г.В., Котеньков С.А., Коваленко А.В. Исследования на поселении «Семибугры» в 2019-2020 гг.// Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIII / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021. С. 99–103.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.

Хисамитдинова Ф.Г., Муратова Р.Т., Ягафарова Г.Н., Валиева М.Р. Цветообозначения в башкирской топонимии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 140–159.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. 423 с.

Информация об авторе:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

REFERENCES

Artamonov M. I. 2001. *Istoriia Khazar (History of the Khazars)*. Saint Petersburg: “Lan’” Publ. (in Russian).

Berg, L. S. 1949. *Ocherki po fizicheskoy geografii (Essays on physical geography)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Boldyreva, E. M. 2016. *Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – 1-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha) (Glazed pottery of the Lower Volga region in the 10th – 1st half of the 14th centuries).* Thesis of Candidate of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State Universiry (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2021. *Nizhnee Povolzh'e v khazarskuyu epokhu (VIII-X vv.) (Lower Volga region in the Khazar era (VIII–X centuries))*Astrakhan: “Sorokin Roman Vasil'yevich” Publ. (in Russian)

Vasiliev, D. V., Zilivinskaya, E. D. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 158–166 (in Russian).

Varushchenko, S. I., Varushchenko, A. N., Klige, R. K. 1987 *Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni (Changes in the regime of the Caspian Sea and endorheic reservoirs in paleotime).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gumilev, L. N. 2021. *Otkrytiye Khazarii (Discovery of Khazaria).* Moscow: "AST" Publ. (in Russian).

Dubov, I. V. 1989. *Velikiy volzhskiy put' (The Great Volga Way).* Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Zakhoder, B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope*. *T. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv*. *(The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga Region in 9th – 10th cc.)* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Klyashtornyi, S. G. 2005. In Klyashtornyi, S. G., Sultanov, T. I., Trepavlov, V. V. (eds.). *Tyurkologiches-kiy sbornik 2003-2004 (Tyurkskiye narody v drevnosti i srednevekov'ye) (Turkological collection 2003–2004 (Turkic peoples in ancient times and the Middle Ages))*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Kononov, A. N. 1978. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1975 (Collected Papers on Turkic Studies 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 159–179 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2021. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniya* (*Astrakhan Local History Readings*) XIII. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 68–75 (in Russian).

Popov, P. V. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time).* Donetsk: Donetsk National University, 153–186 (in Russian).

Solov'ev, D. S., Timofeev, A. A., Stukalov, G. V., Koten'kov, S. A., Kovalenko, A. V. 2021. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniya (Astrakhan Local History Readings)* XIII. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 99–103 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy* (*Social order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khisamitdinova, F. G., Muratova, R. T., Yagafarova, G. N., Valieva, M. R. 2019. In *Voprosy onomastiki (Issues of onomastics)* 16 (1), 140–159 (in Russian).

Yanin, V. L. 2009. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda (Monetary and Weighing Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod)*. Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

About the Author:

Vasiliev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.70.81

ЗОЛОТАЯ ОРДА: ДВА МИРА, ДВЕ КУЛЬТУРЫ

© 2024 г. В.А. Иванов

Статья посвящена дальнейшему развитию тезиса Г.А.Федорова-Давыдова о дуальном характере государственной культуры Золотой Орды (которую некоторые современные исследователи номинируют как «имперскую), состоящей из культуры городов и культуры степных кочевников. Результаты анализа географического соотношения наиболее крупных городов Поволжья золотоордынского времени – Булгара, Увека, Царевского (Гюлистан), Селитренного (Сарай-аль-Махруса) и Красноярского (Сарай-Бату) – и кочевнических могильников и одиночных погребений, входивших в экономическую округу (по Л.Ф. Недашковскому) этих городов показывают следующее. Присутствие или отсутствие кочевников в границах экономической округи золотоордынских городов (по Л.Ф. Недашковскому), очерченной в радиусе 30 км (один день конного пути) определялось природно-климатическими условиями Поволжья XIII–XIV вв. – период климатического оптимума. В лесостепных районах Булгарского Улуса кочевнические памятники представлены единичными погребениями, в округе Сарая-аль-Махруса и Сарай-Бату (Прикаспийская низменность) их нет вообще. Тогда как в округе Увека и Сарай-аль-Махруса известны несколько довольно крупных курганных могильников и одиночных погребений. Говорить о том, что именно население, оставившее эти памятники, испытывало наиболее сильное влияние городской «имперской» культуры не приходится: основная масса предметов, входящих в эту категорию, оказывается рассеянной по просторам Волго-Уральской степи. Что определенно указывает на то, что взаимоотношения золотоордынских кочевников с городом строилось по принципу – степь заказывает, город производит. Никак не наоборот. То обстоятельство, что некоторые предметы «имперской культуры» (зеркала в частности) встречаются в городах как раз и объясняется тем, что там они и производились. А использование их в обиходе горожан и кочевников имеет разные контексты. Таким образом, тезис Г.А. Федорова-Давыдова становится методической основой для изучения истории Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, кочевники, «имперская культура», городская округа, золотоордынская цивилизация.

GOLDEN HORDE: TWO WORLDS, TWO CULTURES

V.A. Ivanov

The article deals with the further development of G.A. Fyodorov-Davydov’s thesis about the dual nature of the Golden Horde state culture (which some modern researchers nominate as “imperial”), consisting of both the culture of cities and the culture of steppe nomads. The results of the analysis of the geographical ratio of the largest cities of the Volga region of the Golden Horde period – Bolgar, Uvek, Tsarev (Gulistan), Selitrennoye (Sarai-al-Makhrusa) and Krasny Yar (Sarai-Batu) – and nomadic burial grounds and single burials that were part of the economic district (according to L.F. Nedashkovsky) of these cities show the following. The presence or absence of nomads within the boundaries of the economic district of the Golden Horde cities (according to L.F. Nedashkovsky), outlined within a radius of 30 km (one day of horse riding), was determined by the natural and climatic conditions of the Volga region in the XIII–XIV centuries – period of climatic optimum. In the forest steppe regions of the Ulus of Bolgar, nomadic sites are represented by single burials; around of Sarai-al-Makhrusa and Sarai-Batu (Caspian Depression) there are none at all. Whereas in the Uvek and Sarai al-Makhrusa districts, several fairly large barrow fields and single burials are identified. We can’t say that this very population, which left these monuments, experienced the strongest influence of the urban “imperial” culture: the bulk of the objects, included in this category, appear to be scattered over the Volga-Ural steppe. This definitely indicates that the relationship between the Golden Horde nomads and the city was built on the principle – the steppe orders, the city produces. Not vice versa. The fact that some items of "imperial culture" (mirrors in particular) are found in cities is explained by the fact that they were produced there. And their use in everyday life of city-dwellers and nomads has different contexts. Thus, G.A. Fyudorov-Davydov's thesis becomes a methodological basis for studying the history of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, Golden Horde, nomads, "imperial culture", urban districts, Golden Horde civilization.

В качестве своеобразного эпиграфа к предлагаемой статье приведу два тезиса Г.А.Федорова-Давыдова – основоположника научного золотоордыноведения в отечественной археологии – касающиеся общего культурного облика Золотой Орды XIV в. Тезис первый: « **в Золотой Орде сосуществовали две основные стихии – степные кочевники и оседлое городское население** (здесь и далее выделено мной – *авт*.). **Борьба и взаимосвязь этих двух стихий** и начал нашли выражение, с одной стороны, в политических взаимоотношениях золотоордынских ханов – представителей кочевой знати – и оседлых порабощенных периферийных стран, с другой стороны в культурных и экономических взаимоотношениях кочевой степи и золотоордынских половецких городов… **В XIV материальная культура кочевого населения и культура степных городов в Золотой Орде были разнородными явлениями, имевшими мало точек соприкосновения**…» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 210-211).

Тезис второй: «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, в южнорусской степи, далекой от ислама, **вдруг пышно распускается совершенно чуждая номадам яркая урбанистическая восточная средневековая культура** поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. **Эта культура была недолговечной и не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи**» (Федоров-Давыдов, 1976, с. 118).

Но 20-ю годами позже в предисловии к первой части своей монографии «Золотоордынские города Поволжья» ученый высказал следующее: «Современники и историки писали о политических событиях, войнах, о монгольских ханах, грабительских данях, борьбе коренных народов с этим государством, стремились оценить его роль в историческом процессе. **Но сама цивилизация этого государства (прежде всего быт и культура золотоордынских городов)** оставалась в тени, почти не освещенная историческими письменными источниками… Политика, государственные события, войны, социальная борьба – вот важнейшие объекты исторического изучения. Но они могут быть поняты, прочувствованы историком только тогда, когда ему станет в деталях доступна для обозрения та обстановка исторической жизни, которая осталась от древних людей **и сохранилась, прежде всего, в памятниках археологии**» (Федоров-Давыдов, 1994, с. 3).

Из контекста приведенной фразы становится ясно, что «золотоордынская цивилизация» в понимании Г.А.Федорова-Давыдова – это, прежде всего, город и городская жизнь. Его коллеги и последователи не только развили этот тезис, но и дополнили его таким содержанием, как «имперская культура» (Исхаков, Измайлов, 2007, с. 107), «цивилизационная двуполюсность, выросшая из двух систем хозяйствования – степной кочевнической и оседлой (сельской и городской)» (Крамаровский, 2000, с. 136). Или представляющая собой «уникальный синтез элементов кочевой (имперской) и оседлой экономики, культуры, государственных, политических и правовых традиций» (Почекаев, 2019, с. 330).

И наконец, Э.С.Кульпин рисует сложный и многогранный облик золотоордынской цивилизации. Базой её также являлся город (Кульпин, 2004, с. 181-182), а специфическими признаками – способность ведущего этноса (кыпчаки/половцы? – *авт*.) «к быстрому процессу обучения, изменения развития и творчества… создание без видимого напряжения **городской цивилизации** в крайне неблагоприятных природных условиях,…в комфортных и здоровых условиях жизни не только элиты, но всего городского населения, …в сохранении традиционных этнических местных элит и локальных норм жизни, в уважении государства к нравам и обычаям разных этносов, выразившийся в отсутствии попыток навязать повсеместно единый стиль жизни… в соединении воедино, разомкнутых пространственно, полисов и хоры Нижнего Поволжья. Точнее в организации там системы четырех взаимосвязанных хозяйственных зон – кочевого животноводства, полевого хлебо-

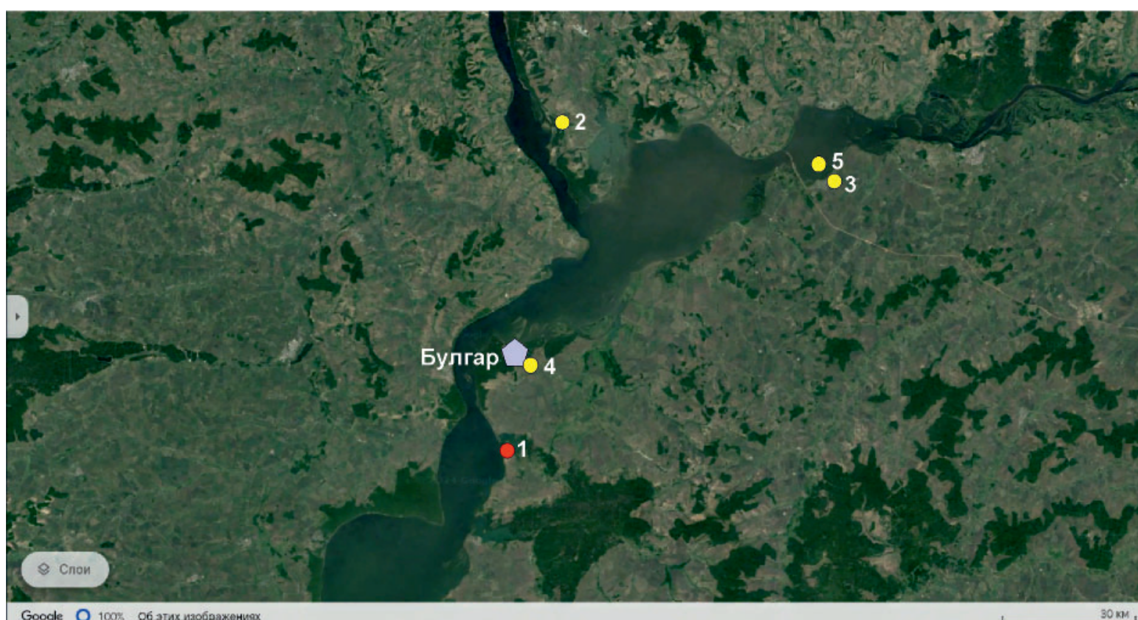

Рис. 1. Город Булгар и его кочевая округа. *1 – Балымерский; 2 – Рождественское; 3 – Алексеевское; 4 – погребение на Бабьем бугре; 5 – на Песчаном острове.*
Fig. 1. Bolgar city and its nomadic district. *1 – Balymer; 2 – Rozhdestveno; 3 – Alekseyevskoye; 4 – burial on Babiy Bugor; 5 – on Peschany Ostrov.*

пашества, городского огородничества и садоводства и городской промышленности» (Кульпин, 2011, с. 117). Вместе с тем, исследователь считал, что для выявления кода золотоордынской цивилизации пока недостаточно фактического материала (Кульпин, 2011, с. 119).

То есть, следует признать, что многие аспекты истории Золотой Орды мы излагаем в виде исторических дискурсов. А дискурс, как его определяют философы, «это речемыслительная деятельность, осуществляемая на основе языковых и социокультурных кодов (правил, традиций, ценностей) определенной общественной практики…посредством которой люди – в границах данной практики – реализуют свои когнитивные и/или **коммуникативные** потребности» (Кротков, Носова, 2009, с. 44).

Здесь небезинтересно будет привести высказывание голландского философа, профессора университета Гронингема Ф.-Р. Анкерсмита о том, что, в отличие от естественных и точных наук, «историческое сочинение, хотя бы отчасти, представляет собой авторское самовыражение, к тому же написано оно было для нужд *этого*[1] автора» (Анкерсмит, 2007, с. 20). То есть, если называть вещи своими именами, то наши исторические (или историко-археологические) дискурсы есть ничто иное, как отображение нашего субъективного видения и понимания той или иной исторической ситуации, к тому же отдаленной от нас на огромный промежуток времени. Здесь я ставлю точку.

И перехожу к тому обстоятельству, что одним из наиболее сейчас выразительных источников по истории Золотой Орды является археологический материал. Конечно, это специфический источник, который (хотя фрагментарно и статично) **объективно**, независимо от наших коммуникативных задач и потребностей, отражает некогда существовавшую историческую реальность. Какую же информацию, в контексте цели настоящей статьи, он может нам дать?

Начнем с пространственно-географического соотношения золотоордынских городов (как цивилизационной базы Золотой Орды) и обозначенной соответствующими археологическими памятниками территории обитания кочевников, как одной из экономических систем, обуславливавшей «цивилизационную двуполюсность» этого государства.

Мною были составлены карты местоположения золотоордынских городов Поволжья и кочевнических курганов, расположенных в

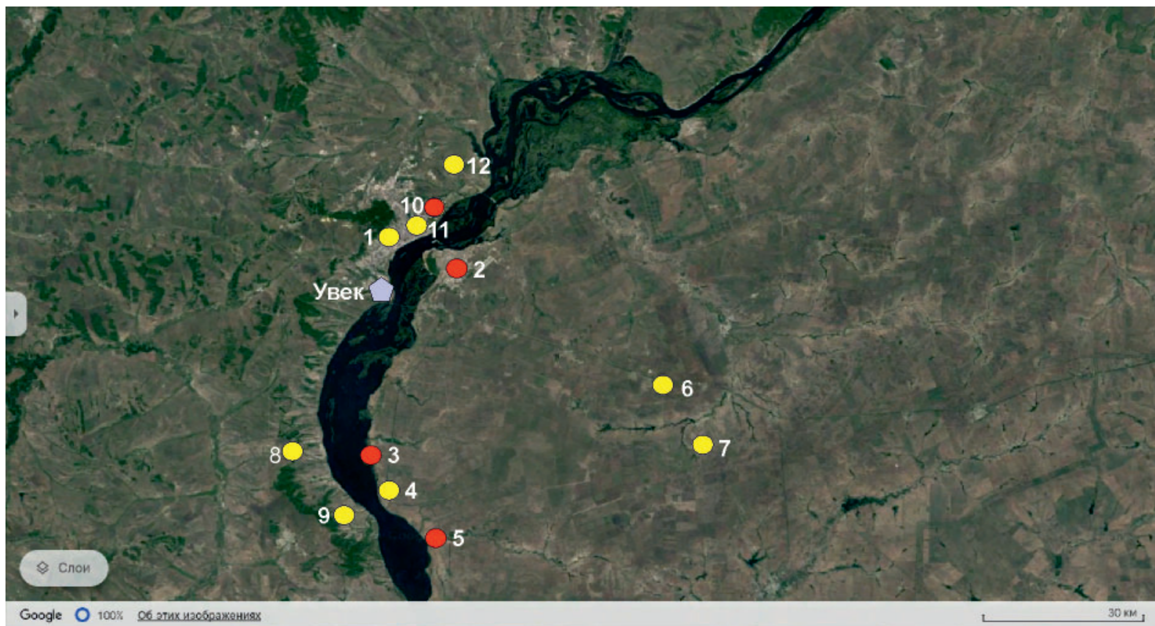

Рис. 2. Город Увек/Укек и его кочевая округа. *1 – Саратов; 2 – Покровск; 3 – Зауморье; 4 – Козицкое; 5 – Скатовка; 6 – Мариенталь; 7 – Новолиповка; 8 – Крутец; 9 – Мордово; 10 – Усть-Курдюм; 11 – Долгий Буерак; 12 – Расловка.*

Fig. 2. Uvek/Ukek city and its nomadic district. *1 – Saratov; 2 – Pokrovsk; 3 – Zaumorye; 4 – Kozitskoye; 5 – Skatovka; 6 – Mariental; 7 – Novolipovka; 8 – Krutets; 9 – Mordovo; 10 – Ust-Kurdyum; 11 – Dolgiy Buyerak; 12 – Raslovka.*

их округе в радиусе 30 км,[2] начиная с севера, т.е. с территории города Булгара и его округи[3]. В окрестностях г.Булгара сейчас известны один могильник – Балымерский (5 погребений) и 5 одиночных захоронений[4] – на Бабьем бугре, на Рождественском IV могильнике, Алексеевское и на могильнике Песчанный остров (2 погребения) – золотоордынских кочевников (рис. 1). Причем, все одиночные захоронения кочевническими считаются только по набору сопровождающих предметов, поскольку никаких курганных насыпей над ними не зафиксировано. Примечательно, что единственное кочевническое погребение на Бабьем бугре – могильнике, оставленном полиэтничной группой населения Булгара (Газимзянов, 2001) – женское. А оказаться в Булгаре эта «кочевница» могла при разных обстоятельствах, в том числе и выйдя замуж за булгарина.

Что касается кочевников, оставивших Балымерские курганы, то обстоятельства их прихода в окрестности города (курганы находятся в 15 км южнее г.Булгара)[5] (рис. 1) так же могут быть самые разные. Лично мне, например, интересной представляется точка зрения И.Л.Измайлова, согласно которой «группа населения, оставившая Балымерские курганы, очевидно, являлась воинским контингентом, обеспечивающим стабильность новой власти в землях бывшей Булгарии» (Измайлов, 2009, с. 456).

Но в целом из карты, приведенной на рис. 1, видно, что четыре из десяти кочевнических погребений, выявленных в центральной части Булгарского Улуса Золотой Орды, находились на расстоянии более чем 50 км от города. Заинтересованный читатель сам волен решать, насколько археологическая эмпирика соответствует выводу К.А.Руденко о наличии единого кыпчакского этнокультурного комплекса в составе Булгарского Улуса (Руденко, 2017, с. 209).

Далее спустимся вниз по Волге/Итилю до следующего крупного золотоордынского города Увек/Укек. Там в окрестностях города известны четыре могильника – Покровский (20 погребений золотоордынского времени), Ровное (12 погребений), Зауморье (15 погребений), Усть-Курдюм (12 погребений) – и 8 одиночных захоронений (рис. 2). Примечательно, что три из четырех могильников расположены на левом, низменном берегу Волги, а на правом нагорном берегу – 5 погребений из 8 на расстоянии от 6 до 40 км вверх и вниз от города по течению реки.

Рис. 3. Царевское городище (Гюлистан) и его кочевая округа. *1 – Ленинское; 2 – Солодовка; 3 – Царевский; 5 – I-III Бахтияровские; 6 – Заплавное; 7 – Маляевка; 8 – Киляковка; 9 – Тингутинское; 10 – Аксай; 11 – Заяры.*
Fig. 3. Tsarev ancient settlement (Gulistan) and its nomadic district. *1 – Leninsk; 2 – Solodovka; 3 – Tsarev; 5 – I-III Bakhtiyarovka; 6 – Zaplavnoye; 7 – Malyaevka; 8 – Kilyakovka; 9 – Tingutinskoye; 10 – Aksai; 11 – Zayary.*

Можно предположить, что именно волжское левобережье напротив Увека было основной территорией обитания кочевников, обеспечивавших город продуктами степного скотоводства на ранних этапах его существования. Как известно, Увек/Укек – один из наиболее ранних золотоордынских городов Поволжья (Недашковский, 2009, с. 211; Малов, 2018, с. 253). Поэтому до образования и расширения его сельской округи заволжская степь чисто кочевническим «доменом».

Далее городище Царевское (Гюлистан), вокруг которого по левому берегу Ахтубы на расстоянии 6-18 км от города располагались 5 кочевнических могильников: Ленинское (6 погребений), Солодовка II (11 погребений), Царевский (25 погребений)[6], Маляевка (6 погребений)[7] и I-III Бахтияровские (93 погребения) (рис. 3).

Если исходить из географической статистики, то именно в окрестностях Царевского городища (Гюлистана) сосредоточены 21,5% кочевнических погребений Золотой Орды от известных сейчас в степях Заволжья и Южного Предуралья 650 погребений.

Низовья р.Волги между городищами Селитренное и Красноярское (около 80-ти км вдоль левого берега Ахтубы) в плане интересующей нас темы дают неожиданную (хотя и объяснимую, о чем речь пойдет ниже) картину. Необходимо отметить, что в моем представлении Селитренное городища долгое время ассоциировалось с городом Сарай-Бату. Но сейчас таковым считается Красноярское городище у начала Волжской Дельты (Васильев, 2011, с. 65; Пачкалов, 2010, с. 302). А городище Селитренное – это, очевидно, Сарай-аль- Махруса.

Между ними, примерно на равном расстоянии от обоих городищ, на дюне Лапас найдено погребение, содержащее квадратную орнаментированную золотую бляшку и восемь монет конца 50-х – начала 60-х гг. XIV в. (Филипченко, 1958, с. 247). Оставлено ли оно кочевниками или горожанами – определить весьма сложно, если вообще возможно (рис. 4).

Трудно сказать что-либо определенное и о т.н. Сеитовских курганах, обозначенных как один из объектов хозяйственной округи городища Шареный Бугор (Недашковский, 2010, с. 154). Памятник этот никем не исследовался, а по описанию В.Д.Белецкого 1957 г., на которое ссылается Л.Ф.Недашковский, эти «курганы» могут оказаться и руинами мавзолеев.

Что касается крупного могильника Маячный бугор – пригородного некрополя Красноярского городища (Сарай-Бату) – то, по

Рис. 4. Городища Селитренное (Сарай-аль-Махруса) и Красноярское (Сарай-Бату) и их кочевая округа. *1 – Дюна Лапас.*

Fig. 4. Selitrennoye (Sarai-al-Makhrusa) and Krasny Yar (Sarai-Batu) ancient settlements and their nomadic districts. *1 – Dyuna Lapas.*

результатам антропологических исследований, он был оставлен оседлым, преимущественно ремесленным населением (Балабанова, Перерва, 2013, с. 78).

Итак, какую информацию в интересующем нас контексте мы можем извлечь из результатов картографирования золотоордынских городов и кочевников Поволжья? Во-первых, лесостепной ландшафт Среднего Заволжья и Нижнего Закамья[8] – территория Булгарского Улуса с центром в Булгаре – отнюдь не способствовал массовому расселению здесь кочевников. Что и прослеживается на количестве выявленных соответствующих памятников в окрестностях г.Булгара.

Во-вторых, отсутствие кочевнических памятников в окрестностях городов Сарай-аль-Махруса и Сарай-Бату (территория Прикаспийской низменности) объясняется тем, что в XIII-XIV вв. – период климатического оптимума в евразийских степях – эта территория превращается хотя и в степь, но сухую. Это создало определенные благоприятные условия для кочевого скотоводства и сопутствующей ему степной охоты (Иванов, Васильев, 1995, с. 175; Якимов и др., 2007, с. 204), но не настолько, чтобы Прикаспийская низменность превратилась в зону круглогодичного кочевания. Иными словами, кочевники, наверное, туда заходили, но и тут же уходили на более благоприятные территории.

Л.Ф.Недашковский применительно к городам Золотой Орды вводит понятие городской округи, под которой, по его мнению, следует понимать «близлежащие к городу территории, зависимые от него административно и экономически» (Недашковский, 2010, с. 18). На примере Селитренного городища (Сарай-аль-Махруса) и городища Шареный Бугор исследователь относит к их округе археологические объекты, расположенные на расстоянии не более 60 км (два дня конного пути – *авт.*) (Там же, с. 89). Так что кочевнические памятники туда не попадают, что вполне логично – кочевники в этот радиус заходили, но только для торговли (продавать скот городу было нужно, да и городские базары посетить тоже было не лишним) (рис. 4).

Наиболее оптимальными для кочевничества в рассматриваемое время являлись степи Заволжья от Самарской Луки на севере до Царевского городища (Гюлистан) на юге, поскольку в XIII-XIV вв. они пребывали в стадии повышенного, даже по сравнению с настоящим временем, увлажнения (Якимов и др., 2007, с. 198-200). Это, надо полагать, будет первый фактор, обусловивший концен-

трацию кочевнических погребений в окрестностях указанных городищ и между ними.

Второй фактор – традиционность: начиная с огузо-печенежского времени (X-XI вв.) указанные территории являлись районом наибольшей концентрации кочевнических погребений, главным образом огузских. И не случайно в Ленинском, Солодовка, Царевском, Бахтияровском могильниках обнаружены, хотя и единичные, захоронения огузов.

Третий фактор – Л.Ф.Недашковский перечисленные кочевнические могильники и одиночные погребения включает в хозяйственную округу Увека и Сарай-аль-Махруса (Недашковскаий, 2010, с. 10-11, рис. 1, 32, рис. 2). С одной стороны, исходя из близкого расстояния между этими могильниками и городами, это логично. Но с другой – сейчас общепризнано, что столичные города Золотой Орды возникли в XIV в. Когда возникли кочевнические могильники, территориально связанные со столицами, сказать трудно. Хронология кочевнических древностей Золотой Орды до сих пор остается в диапазоне XIII-XIV вв. Некоторую ясность здесь могли бы внести монеты, но языческие погребения, содержащие оружие, украшения и детали костюма составляют 41% от 51 погребения, в котором найдены монеты Джучидов. Поэтому то обстоятельство, что появились эти могильники ещё до постройки городов, полностью исключать невозможно.

Ещё один момент – присутствие кочевников вблизи города подразумевает, прежде всего, поставку ими горожанам мяса и других продуктов степного скотоводства. И действительно, в ранних слоях культурного слоя Укека/Увека, датированных концом XIII- началом XIV вв., преобладают остатки мелкого рогатого скота, свидетельствующие о преобладании баранины в мясном рационе первых обитателей этого города. Но затем, уже со второго десятилетия XIV в., «в остеологическом спектре домашних копытных резко возросла доля крупного рогатого скота, а доля говядины в мясном потреблении приблизилась к 80%». Л.В.Яворская связывает это явление с развитием сельской округи города, где в основном и разводился крупный рогатый скот (Яворская, 2022, с. 14-15). И в принципе, можно предположить, что расширение сельской округи Увека – а она вокруг него выглядит наиболее плотной (Недашковский, 2010, илл. 1) – и появление нового столичного города Сарай-аль-Махруса могли изменить направленность торговых интересов кочевников. Очевидно этим и объясняется то обстоятельство, что, по результатам остеологических исследований, на Царевском и Селитренном городищах, при весьма слабо выраженной поселенческой округе возле них, «совокупная доля мясных продуктов степного скотоводства – баранины и конины – самая высокая из всех изученных золотоордынских городов и составляет свыше 40%» (Яворская, 2022, с. 15).

И наконец, обратимся к такому фактору, как «имперская культура», генератором и транслятором которой являлись золотоордынские города. «…процесс формирования единой государственной культуры, который под мощным воздействием государственной политики деспотического государства охватывает первоначально городские центры, а затем и периферию, сначала оседлую, а затем и более консервативную – степную» (Зеленеев, 2009, с. 237). Составляющими элементами «имперской культуры» Золотой Орды, по мнению авторов этого понятия, являются, кроме урбанистической восточной культуры, несколько категорий вещей, принесенных монголами с востока и в XIII–XIV вв. получивших широкое распространение среди кочевников Восточной Европы. К ним относятся: серьги-подвески в виде знака вопроса, бронзовые зеркала с орнаментированной тыльной поверхностью[9], железные плоские наконечники стрел-срезней, костяные орнаментированные накладки на колчан, головной убор бокка. Именно эти вещи, очевидно, и производились в городских мастерских (Блохин, Яворская, 2006, с. 186-194; Зеленеев, 2009, с. 226-229; Недашковский, 2010, с. 172-186) и за ними кочевники и приезжали в город, выменивая их на скот.

Сами горожане, безусловно, тоже пользовались этими вещами. Например, бронзовые зеркала встречены в материалах Увека, Царевского (Гюлистан) и Селитренного (Сарай-аль-Махруса) городищ (в общей сложности – более 60 экз.) (Недашковский, Ракушин, 1998: 1998а). Более 200 зеркал золотоордынского времени найдены на городищах Булгар, Джукетау и прилегающих поселениях (Руденко, 2004). По мнению исследователей, Булгар был центром зеркального производства в Золотой Орде или, по крайней мере, одним

из центров (Зеленеев, 2009, с. 227; Руденко, 2004, с. 125).

Если исходить из территории распространения указанных предметов, то нельзя сказать, что кочевники, оставившие свои курганы в окрестностях золотоордынских городов, как-то выделялись из общей массы волго-уральских кочевников в плане частоты использования элементов «имперской культуры» в своем обиходе. Эти элементы оказываются рассеянными по всему пространству кочевой степи и только меньшая их часть найдены в могильниках возле золотоордынских городов[10]. Для примера: бронзовые зеркала, которые в городах и производились, сейчас найдены в 258 кочевнических погребений в восточноевропейских степях. Из них только 14,7% погребений в могильниках в окрестностях городов. Серьги в виде знака вопроса (всего 163 погребения) – 13,4% в окрестностях городов. Бокка (124 погребения) – 16,9%. Из них 4,8% погребений происходят из Маячного могильника, который, как было сказано выше, является некрополем горожан-ремесленников.

Что касается предметов вооружения, то такой элемент «имперской» воинской культуры, как костяные орнаментированные накладки на колчан (всего найдены в 78 погребениях), действительно, в кочевнических погребениях в окрестностях городов встречается чаще – 23% от всех погребений, содержащих этот предмет.

Мне уже приходилось писать о том, что перечисленные предметы являются элементами не «имперской», а именно кочевнической культуры Золотой Орды, которая мало или вообще не связана с городской культурой этого государства (Иванов, 2013)[11]. Вернее, связана, но по принципу – степь заказывает, город производит. Здесь уместно привести высказывание М.Г. Крамаровского: «всегда характер взаимосвязей этих двух линий (в экономике, процессах демографии, **культуре**) определялся степью. Степная составляющая обладала тем преимуществом, что в большей мере, чем городская, например, отражала поведенческие стереотипы новой для Дешт-и Кыпчак воинской и административной элиты» (Крамаровский, 2000, с. 136).

Одним словом, одинаковые вещи, встреченные в комплексах материальной культуры золотоордынского города и кочевой степи, имели разные контексты. В первом случае это предмет обихода, во втором – такой же предмет наделялся определенными сакральными свойствами. Почему и сопровождал покойного в загробную жизнь.

Подводя итог сказанному можно сделать **следующие выводы**:

Концепции седентаризации кочевников Золотой Орды и их культурного симбиоза с городом (образование «имперской культуры») имеют выраженный дискурсивный характер, что, как известно, противопоставляет его «интуитивному познанию, основанному на **непосредственном созерцании и интуиции**». В нашем случае – на анализе археологического материала. Эмпирической основой данной концепции являются кочевнические могильники и погребения в радиусе 30 км от указанных городов. Свою альтернативную точку зрения на сей счет я уже имел возможность высказать (Иванов, 2017; 2021).

Результаты анализа географического соотношения золотоордынских городов и кочевнических погребений показывают, что расселение кочевников в XIII-XIV вв. определялось природно-климатическими условиями того времени. Чем и объясняется малое количество кочевнических памятников в окрестности (экономической округе – по Л.Ф.Недашковскому) города Булгара и их полное отсутствие в округах городов Сарай-аль-Махруса (Селитренное) и Сарай-Бату (Красноярское). Первое обстоятельство не подтверждает вывода о значительной роли кочевнического компонента в этническом составе Булгарского Улуса XIII-XIV вв.

Таким образом, тезис Г.А.Федорова-Давыдова о выраженном дуализме культурного пространства Золотой Орды по мере расширения эмпирической базы по истории этого государства получает свое дополнительное подтверждение.

Примечания:

[1] Курсив Анкерсмита.

[2] 30 км – расстояние, преодолеваемое в среднем верховой лошадью в течение одного дня.

[3] Территории, номинируемой как Булгарский улус Золотой Орды (Измайлов, 2009). Могильниками названы

кочевнические некрополи, содержащие 3 и более захоронений. Все остальные обозначены как одиночные погребения.

[4] Здесь и далее количество погребений указано по данным моей компьютерной базы, составленной в основном по опубликованным материалам.

[5] Из пяти найденных в них погребений два – женские.

[6] Вообще-то, по опубликованным материалам, на Царевском могильнике выявлено 96 погребений. Но к кочевническим, судя по наличию курганов и соответствующего инвентаря относятся 25 погребений Остальные – безинвентарные мусульманские, совершенные в кирпичных мавзолеях-мазарах (Мыськов, 2015, с. 295-324).

[7] Аналогично в Маляевке выявлено 44 погребения золотоордынского времени. Но к кочевническим, по наличию соответствующих предметов инвентаря, можно отнести 6 погребений. (Мыськов, 2015, с. 330-344). Отмечу, что Маляевские «курганы», по мнению Д.В.Васильева (в личной беседе с автором) это руины мавзолеев. То есть, их отношение к кочевникам не абсолютное.

[8] А таковым он становится, в том числе, и в результате действия антропогенного фактора – вырубка домонгольскими булгарами лесов (Воронина, 2007, с. 157-158; Шайхуллин, Рахимов, 2010).

[9] В частности, форма для отливки зеркал с растительным орнаментом на тыльной стороне была найдена на Селитренном (Сарай-аль-Махруса) городище (Недашковский, Ракушин, 1998, с. 89).

[10] Могильниках, которые по количеству погребений являются наиболее многочисленными.

[11] Причем, это не только мое мнение (Зеленеев, 2009, с. 209).

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. Маячный бугор могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология). Волгоград: ФГБОУ ВПО «Волгоградский филиал РАНХиГС», 2013. 213 с.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья: учеб. пособие. Волгоград: ВолГУ, 2006. 268 с.

Васильев Д.В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населенных пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие: материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Вып. 2 / Отв. ред. Миргалеев И.М. Казань: Фолиант, 2011. С. 64–72.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983-1985 годов. М.: Наука, 2007.164 с.

Газимзянов И.Р. Еще раз о могильнике «Бабий бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е. П. Казаков, С. И. Валиулина, Р. М. Валеев. Казань: КГУ, 2001. С. 132–136.

Зеленеев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994 – 2000 гг.). Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2009. 264 с.

Иванов В.А. Проблема формирования «имперской культуры» Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора для народов Урало-Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 179–188.

Иванов В.А. Город и степь Улуса Джучи (Золотой Орды) – историческая антитеза // Золотоордынская цивилизация. 2017. №10. С. 162–167.

Иванов В.А. Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы: понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 2. С. 272–295.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. 264 с.

Измайлов И.Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 448–470.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.

Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: джучидская сокровищница // Золото Золотой Орды. Каталог выставки / Ред. М.Г. Крамаровский. СПб.: Славия, 2000. С. 132–207.

Кротков Е.А., Носова Т.В. О природе философского (метафизического) дискурса // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 41–60.

Кульпин З.С. Золотая Орда: Судьбы поколений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 192 с.

Кульпин Э.С. Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир / Ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 167–184.

Малов Н.М. Золотоордынский Укек и Увекское городище // Известия Саратовского университета. Новая серия. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 523–527.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Недашковский Л.Ф. Укек и его округа // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 210–215.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 352 с.

Неашковский Л., Ракушин А. Бронзовые зеркала второй половины X-XIV в. из музеев Саратовской области // ТА. 1998. №2 (3). С. 87–108.

Недашковский Л., Ракушин А. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // ТА. 1998а. №1 (2). С. 32–51.

Пачкалов А.В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2010. С. 300–309.

Почекаев Р.Ю. Золотая Орда // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука, 2019. С. 300–330.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. №1-2 (12-13). С. 111–156.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 189–211.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Филипченко В.А. О новых находках на территории Астраханской области // СА. 1958. № 1. С. 245–247.

Шайхуллин Р.М., Рахимов И.И. Изменение ландшафтного облика Среднего Поволжья в различные исторические периоды // Вестник ТГГПУ. 2010. №3 (21). Доступно по URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-landshaftnogo-oblika-srednego-povolzhya-v-razlichnye-istoricheskie-periody/viewer (дата обращения: 16.04.2024)

Яворская Л.В. К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археологических коллекций // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 13–19.

Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII-XIV вв. н.э.). М.: Инфосфера, 2007 228 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-образовательной лаборатории Патриотического воспитания молодежи и истории казачества Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы (г.Уфа, Россия), ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Ankersmit, F.-R. 2007. *Vozvyshennyy istoricheskiy opyt (A sublime historical experience).* Moscow: “Evropa” Publ. (in Russian).

Balabanova, M. A., Pererva, E. V. 2013. *Maiachnyi bugor — mogil’nik Krasnoiarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni (antropologiia) (Mayachni Bugor, the Burial Ground of the Krasny Yar Hillfort,*

Golden Horde Time: Anthropology). Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).

Blokhin, V. G., Yavorskaya, L. V. 2006. *Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya (Archaeology of the Golden Horde cities of the Lower Volga region)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Vasil'ev, D. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Zolotoi Ordy». 29 - 30 marta 2011 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde." March 29-30, 2011.)* 2. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 64–72 (in Russian).

Voronina, R. F. 2007. *Lyadinskie drevnosti: iz istorii mordvy-mokshi: konets IX – nachalo XI veka: po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983-1985 godov (Lyada antiquities: from the history of Mordvin-Moksha: the end of the IX – beginning of the XI century: based on the materials of the Tsna archaeological expedition in 1983-1985).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2001. In Kazakov, E. P., Valiulina, S. I., et al. (eds.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Kazan State University, 132–136 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde City Sarai al-Jedid (the Results of Archaeological Studies at Tsarevskoey Settlement in 1994–2000)).* Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 179–188 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2021. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 10, 162–167 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2021. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 9 (2), 272–295 (in Russian).

Ivanov, I. V., Vasil'ev, I. B. 1995. *Chelovek, priroda i pochvy Ryn-peskov Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia v golotsene (Man, Nature and Soils of the Ryn Desert on the Volga-Ural Interfluve in the Holocene).* Moscow: "INTELLEKT " Publ. (in Russian).

Izmaylov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 448–470 (in Russian).

Iskhakov, D. M., Izmaylov, I. L. 2007. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.) (Ethnopolitical history of the Tatars (3rd – mid-16th centuries)).* Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2000. In Kramarovskii, M. G. (ed.). *Zoloto Zolotoy Ordy. Katalog vystavki (The gold of the Golden Horde. Exhibition catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 132–207 (in Russian).

Krotkov, E. A., Nosova, T. V. 2009. In *Epistemologiya i filosofiya nauki (Epistemology and philosophy of science)* 21 (3), 41–60(in Russian).

Kulpin, Z. S. 2011. *Zolotaya Orda: Sud'by pokoleniy (The Golden Horde: the fate of generations).* Moscow: "LIBROKOM" Publ. (in Russian).

Kulpin, E. S. 2004. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir (The Mongol Empire and the nomadic world).* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 167–184 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2018. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Proceedings of the Saratov University. New Series)* 18 (4), 523–527 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 210–215 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L., Rakushin, A. 1998. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 3 (2), 87–108 (in Russian).

Nedashkovskii, L., Rakushin, A. 1998a. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 2 (1), 32–51 (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2010. In Rakhimzyanov, B. R. (ed.). *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 2. Kazan: "Ikhlas" Publ., 300–309 (in Russian).

Pochekaev, R. Yu. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N.N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki (Nomadic Empires of Eurasia Features of Historical Dynamics).* Moscow: "Nauka" Publ., 300–330 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 12–13 (1–2), 111–156 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 189–211 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (*Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities*). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*: *keramika, torgovlia, byt* (*Golden Horde Cities in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life*). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Filipchenko, V. A. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 1, 245–247 (in Russian).

Shaykhullin, R. M., Rakhimov, I. I. 2010. In *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University)* 3. Available at: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-landshaftnogo-oblika-srednego-povolzhya-v-razlichnye-istoricheskie-periody/viewer (accessed 16.04.2024) (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 13–19 (in Russian).

Yakimov, A. S., Demkin, V. A., Alekseev, A. O. 2007. *Prirodnye usloviia stepei Nizhnego Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (VIII–XIV vv. n.e.) (Natural Conditions of the Steppes of the Lower Volga Region in the Middle Ages (8th-15th cc. AD).* Moscow: "Inosfera" Publ. (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.82.88

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ ЦЕНТР УЛУСА ДЖУЧИ В XIII-XV ВВ.: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ (К 770-ЛЕТИЮ ГОРОДА САРАЙ)

© 2024 г. Ю.А. Зеленеев, Е.М. Пигарёв, А.Г. Ситдиков

В Нижнем Поволжье известно большое количество крупных поселений XIII-XV вв. Часть из них идентифицированы как золотоордынские города с имеющимися, не вызывающими сомнений, названиями. Часть памятников имеют только современное археологическое обозначение – городища, и вопрос об их названиях окончательно, к настоящему времени, не решен. Это, в первую очередь, касается проблемы столичных городов Золотой Орды. Окончательно решить этот вопрос на имеющихся археологических материалах и письменных источниках представляется сложным. Однако, накопленная к настоящему времени научная информация, позволяет нам предложить авторскую историко-археологическую реконструкцию структуры нижневолжского центра Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Царевское городище, Селитренное городище, Увекское городище, Водянское городище, Ахтубинское городище, Красноярское городище, Сарай, Гюлистан, Хаджи-Тархан.

THE LOWER VOLGA CENTER OF THE JOCHI ULUS IN THE XIII-XV CENTURIES: HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTION (FOR THE 770TH ANNIVERSARY OF THE CITY OF SARAI)

Yu.A. Zeleneev, E.M. Pigarev, A.G. Sitdikov

A large number of large settlements of the XIII–XV centuries are known in the Lower Volga region. Some of them have been identified as Golden Horde cities with names that are beyond doubt. Some of the sites have only a modern archaeological designation – ancient settlements, and the issue on their names has not been definitively resolved to date. This primarily concerns the capital cities of the Golden Horde. It is difficult to finally resolve this issue on the basis of available archaeological materials and written sources. However, the scientific information accumulated to date allows us to propose an author's historical and archaeological reconstruction of the structure of the Lower Volga center of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, Tsarev settlement, Selitrennoye settlement, Uvek settlement, Vodyanskoye settlement, Akhtuba settlement, Krasny Yar settlement, Sarai, Gulistan, HajjiTarkhan.

В первой половине XIII века в восточноевропейских степях после завершения западного похода монгольских войск возникло новое государство Улус Джучи (Золотая Орда). Основой административно-территориального деления этого государства была улусная система. Улусы Сарай, Хорезм, Крым, Дешт-и-Кыпчак являлись крупнейшими административными единицами. Улус Сарай – центральная территория Золотой Орды, ханский домен, в состав которого входили северокавказские степи и левобережные степи Поволжья с границами: на западе в районе реки Дон, на востоке в районе реки Урал, на севере в пределах Волжской Булгарии.

В Нижнем Поволжье, являвшемся столичной частью Улуса, в настоящее время известно несколько крупных городищ XIII–XIV вв., которые интерпретируются как остатки золотоордынских городов. Это городища: Увекское, Водянское, Царевское, Селитренное, Ахтубинское, Красноярское и Шареный Бугор. Время появления и названия некоторых из них давно утвердились в научном мире, но по некоторым памятникам дискуссии продолжаются до сих пор.

Формирование городской структуры территории столичного домена происходило постепенно, одновременно с общим экономическим и культурным развитием государства, и условно может быть разделено на два хронологических периода: 1250–1320-е гг. и 1320–е гг. – начало XV вв. Каждый из этих периодов имеет свои особенности и насыщенность

внутриполитическими событиями, влияющими на развитие процессов урбанизации.

Первый период (1250–1320-е гг.) характеризуется достаточно спокойным, без резких «революционных» преобразований, освоением и развитием территории, на которой восстанавливалась ранее разрушенная в ходе завоевания экономика. В этот период происходило становление и оформление золотоордынской государственности, еще не были сформированы торгово-транспортные сети, четкое административно-территориальное деление, не получила развития ремесленная деятельность. Активного градостроительства здесь не наблюдается, использовались населенные пункты домонгольского политического образования на Нижней Волге – Саксин, такие как Самосдельское и Мошаикское городища. Однако уже во второй половине XIII в. зафиксировано появление нескольких новых, собственно золотоордынских населенных пунктов, составивших на долгое время основу столичного региона.

Появление этих поселений было связано в первую очередь с оформлением постоянного маршрута перекочевки ханской ставки (рис. 1). Из письменных источников известно, что двор Бату кочевал вдоль левого берега Волги: «…Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться…» (Путешествия, 1957, с. 118).

Рис. 1. Нижневолжский центр Улуса Джучи в первом периоде (1250–1320-е гг.).
Fig. 1. Lower Volga center of the Ulus of Juchi in the first period (1250–1320s).

Развитие государственности требовало активизации процессов урбанизации территории Улуса Джучи. Важнейшие сведения о происходивших на территории ханского домена изменениях в области градостроительства мы получаем из описания путешествия в Монголию монаха-минорита Гильома Рубрука, совершенного им в 1253–1255 гг. Рассказывая о своем возвращении из Каракорума через земли Бату в 1254 г., Рубрук сообщает нам сразу о трёх интереснейших событиях, произошедших в низовьях Волги за время его путешествия.

Первое сообщение относится к появлению Сарая: «…Это новый город, построенный Бату на Этилии» (Путешествия, 1957, с. 184). Второе сообщение говорит нам о ведущемся строительстве поселка Сартака (Путешествие, 1957, с. 185). Из этих сообщений мы узнаем о появлении в низовьях Волги в ханском домене двух административно-политических центров – столицы государства города Сарай и поселении Сартака с большой церковью. На наш взгляд, эти населенные пункты мы можем связать с Ахтубинским городищем и городищем Шареный Бугор.

Сарай – первая столица государства на Нижней Волге, до сих пор ведется дискуссия о её месторасположении; один из вариантов – городище «Ахтубинское», расположенное на левом берегу Ахтубы у пос. Комсомольский. Обладает правом чеканки монет с 1270-х гг.; известны монеты с обозначением: «белед Сарай» – «округ Сарай». Вероятно, начало города сложилось из зимника кочевой ханской ставки, которая могла находиться на левом берегу р. Ахтубы напротив села Сеитовка; известны монеты с обозначением: «белед Орда» – «округ Орда» (Пигарев, 2018, с. 160–165). В пользу этой версии говорят сообщения ал-Омари: «…Столица тамошнего царя – Сарай. Это небольшой город между

песками и рекой…» (Тизенгаузен, 1884, с. 229, 241). Такие географические характеристики и данные топонимики соответствуют только урочищу Аксарайск, где, собственно, и расположено Ахтубинское городище. Целый ряд более поздних источников XV–XVIII вв. говорит о местонахождении в 60–70 верстах к северу от Астрахани Сараев ближних. Местное население начала XX в. сообщало, что на этом месте «…когда-то стоял священный город Ак-Сарай…» (Краснодубский, 1904, с. 3; Карамзин, 1992, с. 38).

Городище Шареный Бугор соотносится всеми исследователями с городом Хаджи-Тархан. Большая часть памятника разрушена течением Волги, оставшаяся застроена современными постройками Астрахани. Рубрук сообщает: «…Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Бату с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются… по поручению Сартаха, он строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок... Сарай и дворец Бату находятся на восточном берегу; долина, по которой разливаются упомянутые рукава реки, имеет более 7 лье в ширину…» (Путешествие, 1957, с. 118–119, 185). Как известно, Сартак в администрации Бату отвечал за общение с русскими землями. Если принять во внимание, что Сарай находился на левобережье Ахтубы, то вероятно, что поселок Сартака и явился основой для будущего города Хаджи-Тархана. Раннюю дату его появления предлагают и другие исследователи, считающие, что «…улус (Хаджи-Тархан) находился южнее домена Бату и с 1250–1260-х годов мог быть в подчинении у Тукай-Тимура и его сына Уран-Тимура…» (Сабитов, 2017, с. 259).

На протяжении конца XIII – середины XIV вв. основной функцией города являлся контроль над волжской торговой магистралью, постепенно он стал крупным узлом транзитной торговли на пути Восток – Запад. Кроме этого, он превратился в административный центр «микрорегиона», в округу которого входили поселения правобережья Волги.

В северной точке маршрута перекочевки ханской орды находится Укек – один из ранних городов, основанных монголами, расположенный в месте переправы через Волгу и на границе нижневолжских степей и Волжской Булгарии. Некоторые исследователи относят его возникновение к 60-м годам XIII в. (Кубанкин, Зозырев, 2021, с. 193). Но есть и более раннее свидетельство о появлении этого населенного пункта. Рубрук сообщает: «…В том месте, где мы остановились на берегу Этилии, есть новый поселок, который Татары устроили вперемежку из Русских и Саррацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении… и от этого места до городов Великой Булгарии к северу считается пять дней пути» (Путешествия…, 1957, с. 118). Вероятно, город образовался напротив «летника» – территории, на которой находилась ханская ставка в летний период, до возвращения на «зимник» – на юг, в волжскую дельту. Ибн абд-аз-Захыра в описании посольства султана Египетского к царю Берке в 1264 г. пишет, что оно нашло его на реке пресноводной, «…шириною в реку Нил, по ней (ходят) суда Русских, а на берегу её местопребывание царя Берке…» (Тизенгаузен, 1884, с. 64). Судя по мнению членов посольства, городом местопребывание Берке не являлось. Этот же эпизод есть у ал-Муфаддаля, он пишет, что «…На этот берег привозят съестные припасы из всех тех земель…» (Тизенгаузен, 1884, с. 192). Именно здесь происходила активная экономическая и политическая деятельность ордынской администрации. В 70-х гг. XIII в. здесь начинается чеканка монеты, особенно интенсивная при хане Токте; известны монеты с обозначением «белед Укек» – «округ Укек» (Пигарев, 2018, с. 160–165).

В южной точке этого маршрута находится Красноярское городище, расположенное в северной части дельты Волги и имеющее в составе погребального инвентаря городского некрополя вещевые комплексы и монетный материал второй половины XIII в. Некоторыми исследователями это городище отождествляется, без особых оснований, с первой столицей Золотой Орды – городом Сарай (Васильев и др.). Однако Ключаревская летопись приводит нам иное название этого населенного пункта – Кызыл или Кизил Яр, что и переводится как Красный Яр (Ключаревская летопись, 1887).

Городище располагается в стратегически важном месте – в точке разделения главных проток Волги (рек Ахтубы и Бузан), там, где была возможность контролировать водную

магистраль, соединяющую Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем. Кроме того, именно здесь полупустыня и степь с востока подходят к вершине дельты, где была возможна переправа через Волго-Ахтубинскую пойму, что позволяло контролировать и сухопутную торговую магистраль, представляющую собой северную ветку Великого шелкового пути.

Второй хронологический период (1320-е гг. – начало XV в.) характеризуется серьезными политическими изменениями в жизни золотоордынского государства (рис. 2). В 1313 г., после смерти хана Токты, к власти в Золотой Орде приходит хан Узбек. Выдвижению его предшествовало политическое противостояние. Представители кочевой аристократии хотели видеть на ордынском престоле преемника Токты, сторонника традиционных порядков и тенгрианства. Узбеку, вступившему на престол при поддержке происламских сил, пришлось вести долгую борьбу и восемь лет провести в северной части Дешт-и-Кипчака. Вероятно, приход его к власти сопровождался достаточно длительным и ожесточенным конфликтом (возможно, именно с этим периодом можно связывать гибель 120 джучидов, не согласных с его политикой), поэтому процесс «примирения» с оппозиционной степной элитой не закончился с приходом его к власти. Узбек-хан переносит ханскую ставку с нижневолжского ханского домена в северные земли и устраняет в центральных областях своих противников. Вероятно, к этому времени им и его окружением был подготовлен план дальнейших серьезных государственных преобразований, собраны материальные и людские ресурсы. Ханская ставка к концу длительного противостояния возвращается в столичный нижневолжский регион Улуса Джучи.

Общегосударственные реформы, задуманные ханом Узбеком и его сторонниками, коснулись и территории ханского домена, где им было начато строительство новой столицы Улуса Джучи – города Сарая ал-Джедида. Кроме того, при хане Узбеке меняется традиционный маршрут перекочевки ханской орды с низовьев Волги на Северный Кавказ, из Сарая в Маджар. Это естественным образом привело к динамичному развитию на правом берегу города Бельджамен (Водянское городище) и отрицательно повлияло на развитие города Укек и его округи.

Рис. 2 Нижневолжский центр Улуса Джучи во втором периоде (1320-е гг. – начало XV в.).
Fig. 2 Lower Volga center of the Ulus of Juchi in the second period (1320s – early XV century).

Бельджамен (Водянское городище) расположено на правобережье Волги в месте наибольшего сближения с Доном, что позволяло организовать переволоку торговых судов с одной реки в другую. Время возникновения поселения может быть определено рубежом XIII–XIV вв., а бурное развитие город переживает с 1320-х гг. С началом «Великой Замятни» город переживает период упадка, а в конце XIV в. был захвачен и сожжен отрядами Тимура (Блохин, Яворская, 2006, с. 99–118).

Ко времени правления хана Узбека относится появление еще двух самых крупных золотоордынских поселений – Селитренного и Царевского городищ. В археологической литературе, посвященной проблемам истории Улуса Джучи, обычно указываются две столицы – Сарай и Новый Сарай. Со Старым Сараем всегда отождествлялось Селитренное городище Астраханской области, с Новым Сараем – Царевское городище Волгоградской

области. Этой научной дискуссии посвящено большое количество публикаций. К настоящему времени большая часть исследователей склоняется к тому, что на месте Царевского городища находился город Гюлистан, а на месте Селитренного городища – город Сарай ал-Джедида.

Сарай ал-Джедида (Селитренное городище) – вторая столица государства, крупнейший город Золотой Орды; нумизматический материал показывает, что город появляется в 1330-х гг. и существует как столичный центр до середины XV в.; с распадом Золотой Орды Сарай ал-Джедида теряет свой столичный статус, но не исчезает, жизнь здесь сохраняется до конца XVI в.

Строительство новой столицы, предпринятое ханом Узбеком, являлось масштабным государственным проектом, на реализацию которого были направлены серьезные финансовые и людские ресурсы. Продуманность проекта и консолидация ресурсов позволили завершить бо́льшую часть строительства в достаточно короткие сроки. Для этого на юго-восточной окраине города было организованно огромное производство по обжигу кирпича (известное сегодня как «черепяное поле»), занимающее более 10 га. Новая столица строилась в традициях исламской архитектуры и по облику являлась типично мусульманским городом, со всеми ее необходимыми атрибутами: мечетями, медресе, банями, мавзолеями, караван-сараями. Ибн Арабшах писал о столице Дешт-и-Кипчака, что «это город мусульманской постройки, чудной крепости...» (Тизенгаузен, 1884, с. 460).

Археологические исследования, которые проводятся на Селитренном городище уже несколько десятилетий, полностью подтверждают вышепредставленную характеристику города, показали практически полное отсутствие в вещевом комплексе кочевнического материала и предметов, не относящихся к мусульманской культуре. Из этого можно сделать вывод, что город изначально создавался и строился мусульманами в канонах мусульманских традиций для мусульманского населения.

За время исследований на территории Селитренного городища было обнаружено около 15 000 медных золотоордынских монет, 13,5% из общей массы монетных находок относятся ко времени правления хана Узбека. Анализ нумизматического материала показывает, что активизация розничной рыночной торговли на Селитренном городище, которую можно связать с начавшимся строительством новой столицы, начинается в 731 г. х. (1330/31 г.). Возможно, именно с этим событием можно связать выпуск медного пула 731 г. х. с обозначением монетного двора «Сарай ал-Махруса». Массовый выпуск нового типа монеты, чеканенной на монетном дворе Сарай в 737 г. х. (высочайшее повеление/лев и солнце), свидетельствует об окончании основного строительного периода и появлении активного внутригородского мелкотоварного рынка новой золотоордынской столицы.

Гюлистан (Царевское городище) – крупный административный центр в низовьях Волги, появляется в 1340-х гг., с 1362 г. обладает правом чеканки монет; известны монеты с обозначением: «Гюлистан лис-Сарай» – «Гулистан Присарайский» (показывает принадлежность города к области (вилайету) Сарай, и «белед Гюлистан» – «округ Гюлистан» (Пигарев, 2018, с. 160–165). Подробное описание истории исследований городища и дискуссии, связанной с его названием, представлено в работах Ю.А. Зеленеева и А.А. Глухова (Зеленеев, Курочкина, 2009, с. 3–27; Глухов, 2015).

Вызывает интерес то, что при традиционной мусульманской урбанистической традиции имеется достаточно большая доля находок предметов, полученных за десятилетия исследований памятника, связанных с кочевниками и с христианским населением. Кроме того, отличительной чертой Царевского городища является наличие вокруг города крупных курганных кочевнических могильников. Все это показывает тесную связь города с миром кочевников. Это явление полностью противоположно характеристике Селитренного городища, где предметы указанных групп присутствуют в единичных экземплярах, а округа города насыщена городскими некрополями с традиционной исламской погребальной обрядностью.

Вероятно, после смерти Узбека Джанибеком было организовано строительство города Гюлистан, игравшего заметную роль в политической, экономической и культурной жизни государства. Нумизматический анализ показал, что город на месте Царевского городища появился в начале 1340-х гг. и был полностью

разрушен к 1368 г. в ходе противоборства за власть различных ордынских группировок (Клоков, Лебедев, 2010, с. 468).

Таким образом, можно констатировать, что создание городской структуры ханского домена на Нижней Волге происходило в два этапа. Первый (1250–1320-е гг.) был связан с освоением и развитием территории, без активного градостроительства, с использованием монголами поселений Саксина. В то же время в 1254 г. Рубруком было зафиксировано появление первых, собственно золотоордынских населенных пунктов – Укека, Сарая и поселения Сартака, составивших на долгое время основу столичного региона.

Второй этап, включающий в себя эпоху правления ханов Узбека и Джанибека, отличается усилением градостроительной политики во всем государстве, в том числе и на территории ханского домена. Это было вызвано вступлением государства в качественно новый период своего развития, явившегося результатом реформ хана Узбека.

Процессы, происходившие в государстве позднее, сильнейшим образом отразились в его столичном центре – низовьях Волги. Именно здесь среди многочисленных ханов-чингизидов возобновилась активнейшая борьба за власть в Улусе. Возобновилось начавшееся еще в 1370-х гг. противостояние Хаджи-Тархана и Сарая.

Масштаб разрушений, произведенных войсками Тимура, серьезным образом подорвал потенциал всей Золотой Орды, нарушив внутригосударственные экономические связи и затруднив международное торговое сотрудничество. Однако результаты похода Тимура, весьма туманно освещённые письменными источниками, не подтверждаются археологическими данными на памятниках Нижнего Поволжья. Нижневолжский политический центр Золотой Орды продолжал существовать, находясь в активной конфронтации элит Хаджи-Тархана, Сарая и кочевой Орды. В конце XV в. важнейшими городскими центрами в Нижнем Поволжье оставались два города – Сарай (Сарай ал-Джедида) и Хаджи-Тархан.

ЛИТЕРАТУРА

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: ВолГУ, 2006. 268 с.

Глухов А.А. Царевское городище: история изучения: историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. 101 с.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Зеленеев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994 – 2000 гг.). Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2009. 264 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 томах. Т. 4. М.: Наука, 1992. 480 с.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Царевского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 437–504.

Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, о архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. с. 89.

Краснодубский С. В защиту старины. Открытое письмо правлению общества Рязанско-Уральской железной дороги // Московские ведомости. 1904. № 240. С. 3.

Кубанкин Д.А., Зозырев Н.Ю. Сырьевые источники строительных материалов округи Укека // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 193–202.

Пигарёв Е.М. Улус, область, округ Сарай // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С.160-165.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Сабитов Ж.М. Улусы Тукай-Тимура и Тукай-Тимуридов в 1227-1359 годах // Золотоордынская цивилизация. 2017. №10. С. 256–260.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

Информация об авторах:

Зеленеев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, начальник археолого-этнологического центра, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); pigarev1967@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, академик Академии наук РТ, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Blokhin, V. G., Yavorskaya, L. V. 2006. *Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya (Archaeology of the Golden Horde cities of the Lower Volga region).* Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Glukhov, A. A. 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriia izucheniia: istoricheskaia topografiia, khronologiia (Tsarevskoye settlement: study history: historical topography, chronology).* Volgograd: “Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo” Publ. (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde City Sarai al-Jedid (the Results of Archaeological Studies at Tsarevskoye Settlement in 1994–2000)).* Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).

Karamzin, N. M. 1992. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo (The history of the Russian State)* 4. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 437–504 (in Russian).

Kliucharevskaia letopis’. Istoriia o nachale i vozobnovlenii Astrakhani, sluchivshikhsia v nei buntakh, o arkhiereiakh v onoi byvshikh, a takzhe o voevodakh, gradonachal’nikakh i gubernatorakh (Klyucharevskaya (Ecclesiarch) Chronicle. Story of the Beginning and Renewal of Astrakhan, Its Routs, Former Hierarchs, as well as Commanders, City Administrators and Governors). 1887. Astrakhan (in Russian).

Krasnodubsky, S. 1904. In *Moskovskie vedomosti (Moscow news)* 240, 3 (in Russian).

Kubankin, D. A., Zozyrev, N. Yu. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 193–202 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 160–165 (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1957. Moscow: “Geografgiz” Publ. (in Russian).

Sabitov, Zh. M. 2017. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 10, 256–260 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Zeleneev Yuri A. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Universal History, Mari State University. Lenin Square 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru.

Pigarev Evgeny M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Archaeological and Ethnological Center, Mari State University. Lenin Square 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru.

Sitdikov Airat G. Academician of the Tatarstan Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.89.104

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ НАРОВЧАТСКОГО ГОРОДИЩА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2024 г. Д.С. Иконников, М.И. Горюнова

Наровчатское городище (территория современного п.г.т. Наровчат, районный центр Пензенской области) представляет собой остатки золотоордынского города Мохши, имевшего статус центра улуса, располагавшегося на северо-западной периферии Золотой Орды, в Верхнем Примокшанье. Все известные производственные сооружения памятника представлены горнами для обжига керамических изделий – посуды и кирпичей. Цель работы состоит в том, чтобы дать максимально детальную конструктивно-морфологическую характеристику и топографическую привязку производственным сооружениям Наровчасткого городища. Материалами для статьи послужили отчёты об археологических работах 1959 и 1963 гг. А.Е. Алиховой и 1989 и 1990 гг. Ю.А. Зеленеева и научные публикации. Три горна найдены в центральной части Наровчатского городища (район современной Советской площади г. Наровчата). Два горна были обнаружены в окрестностях Наровчатского городища, в урочище Красный Ключ. Горны центральной части Наровчатского городища характеризовались округлой или овальной в плане формой, сравнительно небольшими размерами и двухкамерной конструкцией. Предположительно, они служили для обжига неполивной круговой посуды. Реконструкция горнов близ Красного Ключа затруднена плохой сохранностью. Они имели в плане прямоугольную и трапециевидную форму. В топочной камере находились арочные конструкции. Верхняя часть горнов была разрушена. Из-за этого трудно судить об их конструкции.

Ключевые слова: археология, Верхнее Примокшанье, Золотая Орда, Наровчатское городище, производственные сооружения, керамика, горн для обжига керамических изделий.

PRODUCTION BUILDINGS OF THE NAROVCHAT ANCIENT SETTLEMENT OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

D.S. Ikonnikov, M.I. Goryunova

The Narovchat ancient settlement (the territory of the present-day urban-type settlement Narovchat, the district center in the Penza region) is the remains of the Golden Horde city of Mokhshi, which had the status of the center of ulus on the northwestern periphery of the Golden Horde, in the Upper Moksha basin. All identified production buildings of the archaeological site were furnaces for firing and baking bricks and pottery. The purpose of the work is to give the most detailed structural and morphological characteristics and topographic reference to the production buildings of the Narovchat settlement. The materials for the article were reports on archaeological works in 1959 and 1963 by A.Ye. Alikhova and in 1989 and 1990 by Yu.A. Zeleneyev and some scientific publications. Three furnaces were discovered in the central part of the Narovchat fortification (the area of modern Sovetskaya Square in Narovchat). Two furnace were discovered nearby Narovchat, in the place Krasny Klyuch. The furnaces of the central part of the Narovchat ancient setlement were characterized by the round or oval shape, relatively small sizes and the two-chamber construction. Presumably, they were used for burning unglazed pottery. Reconstruction of the furnaces nearby Krasny Klyuch is hampered by poor preservation. They were rectangular and trapezoidal form in plan. The combustion of the chamber consisted of arched structures. The upper part of the furnaces was destroyed. This makes it difficult to identify the construction characteristics.

Keywords: archaeology, Upper Moksha region, Golden Horde, Narovchat ancient settlement, production buildings, pottery, furnace for burning pottery.

Особое место в истории средневековой городской культуры Восточной Европы занимают города Золотой Орды. Их расцвет пришёлся на начало и середину XIV века (до т.н. «великой замятни»), и был вызван тем, что богатства, накопившиеся в руках золотоордынской элиты в результате завоевательных походов и установления даннических

отношений с множеством народов, позволяли её представителям выступать в роли активного заказчика продуктов различных ремёсел. Безусловно, такой расцвет пережило и ремесло города Мохши (Наровчатское городище), представлявшего собой центр наиболее северо-западного улуса Золотой Орды. Город был основан в Верхнем Примокшанье, территория которого была, преимущественно, заселена мордвой-мокшей.

Материалы археологического памятника изучены ещё сравнительно слабо. В частности, о развитии местного ремесла известно не очень много. В ходе археологических раскопок на Наровчатском городище были обнаружены сооружения, связанные только с одним массовым производством – изготовлением керамических изделий. Эти сооружения были представлены горнами для обжига керамики.

Авторы ставят перед собой цель дать максимально детальную конструктивно-морфологическую характеристику и топографическую привязку всем известным производственным сооружениям Наровчатского городища и его окрестностей. Авторы стремятся свести воедино все данные о производственных сооружениях города Мохши, которые в настоящее время имеются только в неизданных отчётах, разрозненных публикациях или в публикациях крайне общего характера. Для этого были привлечены материалы отчётов об археологических работах и ряда научных публикаций.

История открытия и исследования производственных сооружений г. Мохши. Первый керамический горн был обнаружен на территории Наровчатского городища в 1956 году, во время прокладки подземных коммуникаций через современную Советскую площадь п.г.т. Наровчата. В 1957 и 1959 годах постройка была раскопана экспедицией под руководством А.Е. Алиховой. Во время работ были выявлены остатки двух гончарных горнов, выходивших жерлами в одну, общую, околотопочную яму (Алихова, 1960, с. 3-7, Алихова, 1969). В 1963 году А.Е. Алихова обнаружила ещё два производственных сооружения вблизи урочища Красный Ключ в окрестностях Наровчатского городища (Алихова, 1964, с. 3-7). В дальнейшем, в ходе раскопок под руководством Ю.А. Зеленеева, на территории Советской площади п.г.т. Наровчата в 1989-1990 гг. был исследован ещё один гончарный горн (Зеленеев, 1990, 1991).

В статье А.Е. Алиховой «Гончарные горны города Мохши-Наручадь» (1969) были охарактеризованы местоположение и конструктивные особенности горнов и околотопочной ямы на территории Советской площади, исследованных в 1950-е годы. Материалами А.Е. Алиховой пользовалась И.Н. Васильева при подготовке монографии «Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв.» (1993), в которой была осуществлена систематизация гончарных горнов Золотой Орды. Производственные сооружения параллельно подразделялись на типы-классы-виды-подвиды с одной стороны и на группы с другой. В основу типологии были положены конструктивно-морфологические особенности, в основу группировки – те же особенности наравне с множественными дополнительными деталями (метрические характеристики, материал, использовавшийся для постройки и т.д.). Круглый гончарный горн Советской площади Наровчата был отнесён И.Н. Васильевой к группе II, которая, по мнению исследовательницы, была типична для городских поселений золотоордынского времени (Васильева, 1993, с. 154). Горн принадлежал к подвиду II круглых двухъярусных горнов со сплошными перекрытием. Горнам, имеющим прямоугольную форму, исследовательница уделила меньше внимания, поскольку их находки в тот момент были немногочисленны (Васильева, 1993, с. 156). В книге имеется планы и чертежи наровчатских горнов, отсутствующие в отчётах (Васильева, 1993, с. 29:3). По-видимому, И.Н. Васильева пользовалась полевой документацией, к которой у нас нет доступа.

О находке ещё одного горна на Советской площади п.г.т. Наровчата в 1990 году впервые было упомянуто в краткой статье Ю.А. Зеленеева и Г.Г. Румянцева «Исследования Наровчатского городища» (1994). Позднее, в 2011 году вышла статья Ю.А. Зеленеева и Е.Е. Филипповой «Гончарный горн города Мохши (по результатам исследований 1989-1990 гг.)», где содержалось подробное описание конструкции. Авторы отнесли горн к категории «сельских» по И.Н. Васильевой (Зеленеев, Филиппова, 2011, с. 50-51), имея в виду подвид III круглых горнов со сплошным перекрытием без опорной конструкции в топочной камере (Васильева, 1993, с. 156).

Рис. 1. Производственные сооружения на территории Наровчатского городища. Нумерация горнов на плане соответствует нумерации в тексте.
Fig. 1. Production buildings on the territory of the Narovchat settlement. The numbering of the furnaces on the plan corresponds to the numbering in the text.

Ю.А. Зеленеев и Е.Е. Филиппова отметили сходство горна с производственными сооружениями средневекового Крыма и Волжской Булгарии, однако обратили внимание и на некоторое своеобразие конструкции, а также на его отличия от горнов, открытых А.Е. Алиховой (Зеленеев, Филиппова, 2011, с. 51).

Характеристика производственных сооружений Наровчатского городища (в том числе их привязка к местности) была также частично осуществлена в коллективной монографии «Средневековый город Мохши» (Белорыбкин и др., 2021, с. 107-112, с. 131-133). Однако горнам было уделено мало внимания. Кроме того, в книге практически отсутствовали планы, схемы и фотографии, характеристика сооружений была только описательной.

Место расположения производственных сооружений. Известные производственные сооружения Наровчатского городища локализуются в двух районах (рис. 1). Большая часть культурного слоя г. Мохши связана с территорией современного п.г.т. Наровчата (районный центр Пензенской области). Городище располагалось на прямоугольном мысу, образованном руслами рек Шелдаис, Большой и Малой Лапыжовок (Лапужовок). С напольной стороны сохранны сильно повреждённые фортификационные сооружения. В научной литературе можно встретить, по меньшей мере, две гипотезы о времени строительства фортификационной линии Наровчатского городища. Согласно первой, оборонительные сооружения возникли в домонгольское время (Белорыбкин и др., 2021, с. 106). Это предположение, хотя и допустимо, но плохо согласуется с тем обстоятельством, что территории археологического памятника до сих пор не найден культурный слой, достоверно датирующийся домонгольской эпохой. В соответствии с другой гипотезой, фортификационные конструкции возникли здесь только во время русской колонизации региона в XVII-XVIII вв. (Бочкарева, 2010, с. 23). Это предположение также имеет право на существование, но нельзя не отметить важное противоречие, связанное с ним. Оборонительная линия Наровчатского городища имеет дугообразную в плане форму, а русские крепости XVII века Волго-Окского междуречья, преимущественно, имеют в плане очертания, близкие к прямоугольнику с прямыми валами и рвами. Это можно сказать о Керенске, Инсаре, Атемарском, Уренском и Юшанском острогах, Мокшане и т.д. (Лебедев, 2006, рис. 16, рис. 23, рис. 32, рис. 37, рис. 39, рис. 51). На наш взгляд, наиболее вероятное время первоначального строительства фортификационных сооружений Наровчатского городища – период «великой замятни», когда подобные

конструкции появляются вокруг других золотоордынских городов (Зеленеев, 2013, с. 22). Нельзя также отрицать возможность позднейшего использования оборонительной линии города Мохши в эпоху русской колонизации региона. Если наше предположение верно, то фортификационные сооружения Наровчатского городища могут маркировать зону жилой застройки золотоордынского времени. В этом случае, с напольной стороны располагались, преимущественно, нежилые сооружения. Административный и торгово-экономический центр Мохши, по-видимому, располагался недалеко от современной Советской площади Наровчата, где были найдены остатки мечети и мусульманского могильника (Иконников, Баишева, 2018, с. 85). На расстоянии 700-800 метров к западу от предполагаемого места мечети (район современной Покровской церкви) располагалось здание, которое А.А. Кротков интерпретировал как караван-сарай. Пространство между ним и мечетью занимала, предположительно, торговая площадь (Иконников, Баишева, 2018, с. 86-87). Следы гончарного производства были обнаружены к северу от Наровчатского могильника (Иконников, Баишева, 2018, с. 85).

Первый производственный комплекс в этом районе состоял из двух гончарных горнов (далее – горны №№ 1 и 2 Советской площади), топки которых выходили в общую околотопочную яму. Общая площадь раскопа составляла 43 м^2 (Алихова, 1969, рис. 32). Он располагался на северном краю Советской площади (Алихова, 1969, с. 78). Наиболее вероятное расположение объекта – вблизи середины фасада современного дома № 31Б по ул. Карла Маркса (рис. 2: 1). На общих фотографиях раскопа (Алихова, 1960а), видно, что он располагался вблизи от современного здания, рядом с забором (рис. 2: 2).

Ещё один производственный комплекс (рис. 2: 1), включавший горн (далее – горн № 3 Советской площади) и околотопочную яму, располагался на расстоянии 28-30 метров к северо-западу от колокольни современной Покровской церкви (Зеленеев, 1990, 1991, Зеленеев, Филиппова, 2011). Расстояние между двумя производственными комплексами на Советской площади не превышало 60 метров. Первый находился к северо-востоку от второго. Вблизи производственных объектов, вероятно, располагались жилые постройки. На это указывает характер находок в культурном слое и в околотопочных ямах (Алихова, 1960, с. 6, Зеленеев, 1990, с. 6).

А.Е. Алихова ещё в 1969 году ставила вопрос о разновременности гончарных горнов и мечети, так как их близкое расположение казалось ей маловероятным (Алихова, 1969, с. 80). Однако, во-первых, место расположения фундамента мечети неизвестно, на территории Советской площади обнаружены только облицовочные каменные плиты. Сама монументальная постройка могла располагаться значительно южнее предполагаемого места. Во-вторых, сравнительно близкое расположение производственных комплексов к могильникам, культовым и общественным сооружениям имело место во многих золотоордынских городах. Так, на Селитренном городище гончарная мастерская была обнаружена в раскопе II, тогда как в близлежащем раскопе XIII выявлены следы соборной мечети и ряд общественных зданий. Ещё одна мастерская была выявлена в раскопе XI, в нескольких десятках метров к северу от центральной площади (Рудаков, 2007, с. 12, Пигарёв, 2008, с. 8-9). На территории золотоордынского Азака, могильник № 3 (XIII-XVII вв.), рядом с которым располагалась главная городская мечеть (Масловский, 2016, с. 290), находился в непосредственной близости от гончарного квартала, возникшего в начале XIV века (Кравченко, 2016, 284 с.). Таким образом, горны, мечеть и могильник могли существовать одновременно.

Второй район локализации производственных сооружений находился за пределами фортификационных сооружений, в отдалении от жилых районов города Мохши (рис. 1). В золотоордынское время здесь располагался ряд археологических комплексов, игравших важную роль в жизни города. Ближе к руслу реки Шелдаис, напротив южного участка оборонительной линии, находились два могильника – Старосотенский (XIII-XIV вв.), захоронение на котором осуществлялось в соответствии с языческими традициями мордвы-мокши (Полесских, 1970, с. 96) и Мизгить, где умерших погребали в грунтовых могилах и мавзолеях по канонам ислама (Алихова, 1973, с. 227). Напротив северной части фортификационных сооружений, в районе урочища Красный Ключ, примыкающего к ложбине, по дну которой протекает р. Малая Лапыжовка

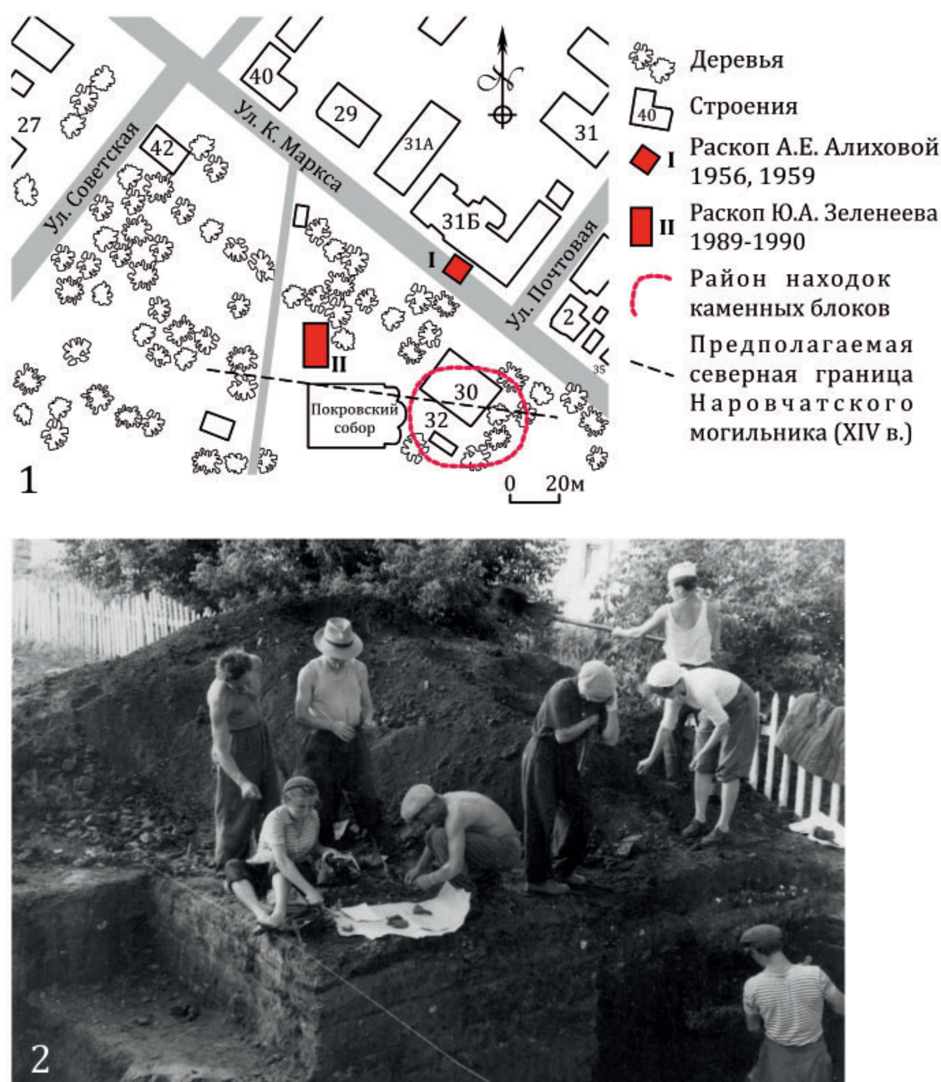

Рис. 2. 1 – расположение раскопов 1959 г. (руководитель А.Е. Алихова) и 1989–1990 гг. (руководитель Ю.А. Зеленеев) на плане Советской площади посёлка Наровчат; 2 – фото края раскопа 1959 г. (вид с юга).
Fig. 2. 1 – location of excavations in 1959 (supervisor A.E. Alikhova) and 1989–1990 (supervisor Yu.A. Zeleneyev) at the Sovetskaya Square in Narovchat; 2 – photo of the border of the excavation site in 1959 (view from the south).

(Лапужовка), А.А. Кротковым и А.Е. Алиховой был исследован ряд золотоордынских построек, преимущественно, представленных банями и производственными сооружениями (Алихова, 1976, с. 166). Пространство между урочищами Красный Ключ и Мизгить до настоящего времени остаётся слабо изученным.

В 1925 году А.А. Кротков исследовал в Красном Ключе сооружение, которое интерпретировал как «кирпичеобжигательный завод» (Кротков, 2011, с. 22-23). Затем А.Е. Алихова в 1963 году раскопала поблизости ещё два прямоугольных керамических горна. Горн № 1 располагался южнее постройки № 9 (частная баня) по А.Е. Алиховой (Алихова, 1964, с. 1-2). Расстояние между сооружениями составляло 160 метров (Алихова, 1964, с. 3). К югу от горна, на расстоянии приблизительно 35 метров от него, были обнаружены следы карьера для добычи глины (Алихова, 1964, с. 4-5). Неподалёку была также обнаружена площадка, где, предположительно, осуществлялась просушка кирпича перед обжигом (Алихова, 1964, с. 5-6). Горн № 2 был обнаружен в пространстве между сооружением № 9 и горном № 1 (Алихова, 1964, с. 6).

Очевидно, размещение горнов (также как бань) в отдалении от жилых кварталов было связано с высокой пожарной опасностью

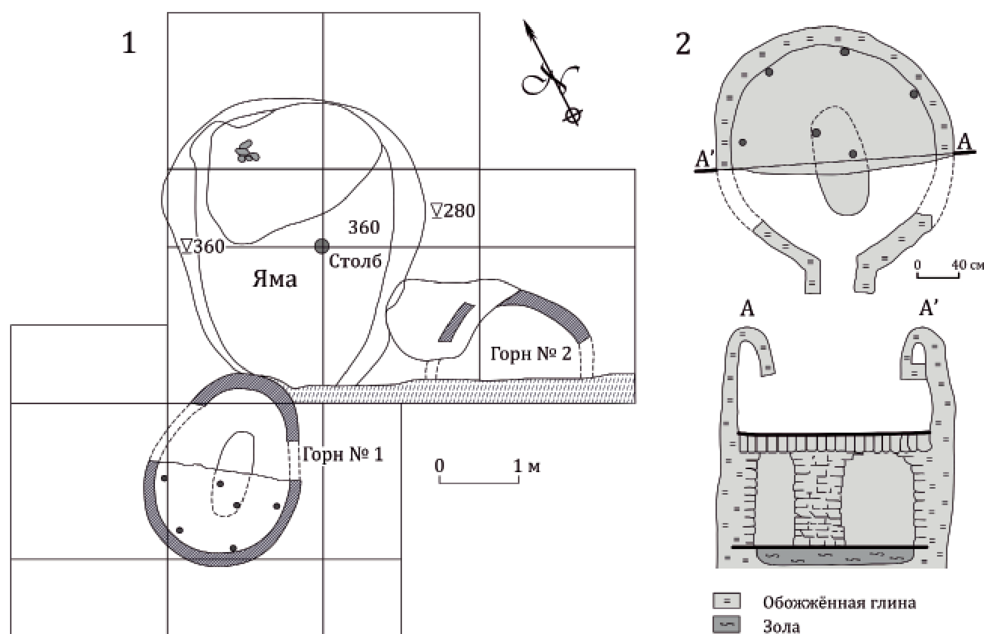

Рис. 3. 1 – план горнов №№ 1 и 2 и околотопочной ямы (по А.Е. Алиховой);
2 – конструкция горна № 1 (по И.Н. Васильевой).
Fig. 3. 1 – plan of furnaces No. 1 and 2 and the pit near the furnace (according to A.E. Alikhova);
2 – construction of the furnace No. 1 (according to I.N. Vasilieva).

производства. Частичный вынос производства за пределы города имел место также на Селитренном городище (Пигарев, 2014, с. 124). Вопрос, как следует интерпретировать сооружение, обнаруженное А.А. Кротковым в 1925 году, пока остаётся без ответа.

Конструктивные характеристики производственных сооружений. Материалы о конструкции горнов имеются в отчётах А.Е. Алиховой (1960, 1964), Ю.А. Зеленеева (1990, 1991) и некоторых публикациях (Алихова, 1969, Васильева, 1993, рис. 27:2, рис. 29:3, табл. П1, табл. П2, Зеленеев, Филиппова, 2011).

Горны на территории Советской площади Наровчата. Гончарные горны №№ 1 и 2, раскопанные А.Е. Алиховой в 1957 и 1959 годах, представляли собой часть одного производственного комплекса (рис. 3: 1). Оба горна выходили жерлами топки в одну околотопочную яму, имевшей в плане форму неправильного овала размерами 390×370 см при глубине 370-410 см от современной поверхности (200-250 см от уровня выявления материка). Дно ямы было неровным, стены – отвесными. Только с северо-запада имелся небольшой наклон, что позволило А.Е. Алиховой сделать предположение, что именно к этой стене приставляли лестницу. Возможно, над ямой имелась навесная конструкция, на что указывала столбовая яма диаметром 15 см в центральной части ямы (Алихова, 1960, с. 5-6, Алихова, 1969, с. 80, рис. 32).

Горн № 1 (рис. 4: 1) примыкал к околотопочной яме с юго-запада (рис. 4: 3). Он был частично разрушен. Судя по плану, данному в отчёте и статье А.Е. Алиховой (Алихова, 1969, рис. 32), горн, скорее, имел неправильно-яйцевидную в плане форму (рис. 3: 1), причём к острому концу примыкало устье топки, выходившее в околотопочную яму. Наименьший наружный диаметр горна составлял около 190-195 см. Наибольший наружный диаметр был равен приблизительно 230 см. На плане, приведённом И.Н. Васильевой (рис. 3: 2), горн имеет в плане округлую форму (Васильева, 1993, рис. 27:2). Очевидно, разночтение связано с тем, что А.Е. Алихова указывала план горна на уровне его основания, тогда как И.Н. Васильевой дан разрез на уровне середины жерла топки. Устье топки имело овальную форму. Ширина его отверстия составляло 35 см, высота – 24 см. Толщина стенок топочного канала была равна приблизительно 15-20 см, а его общая длина – около 30 см. Устье топки располагалось ниже

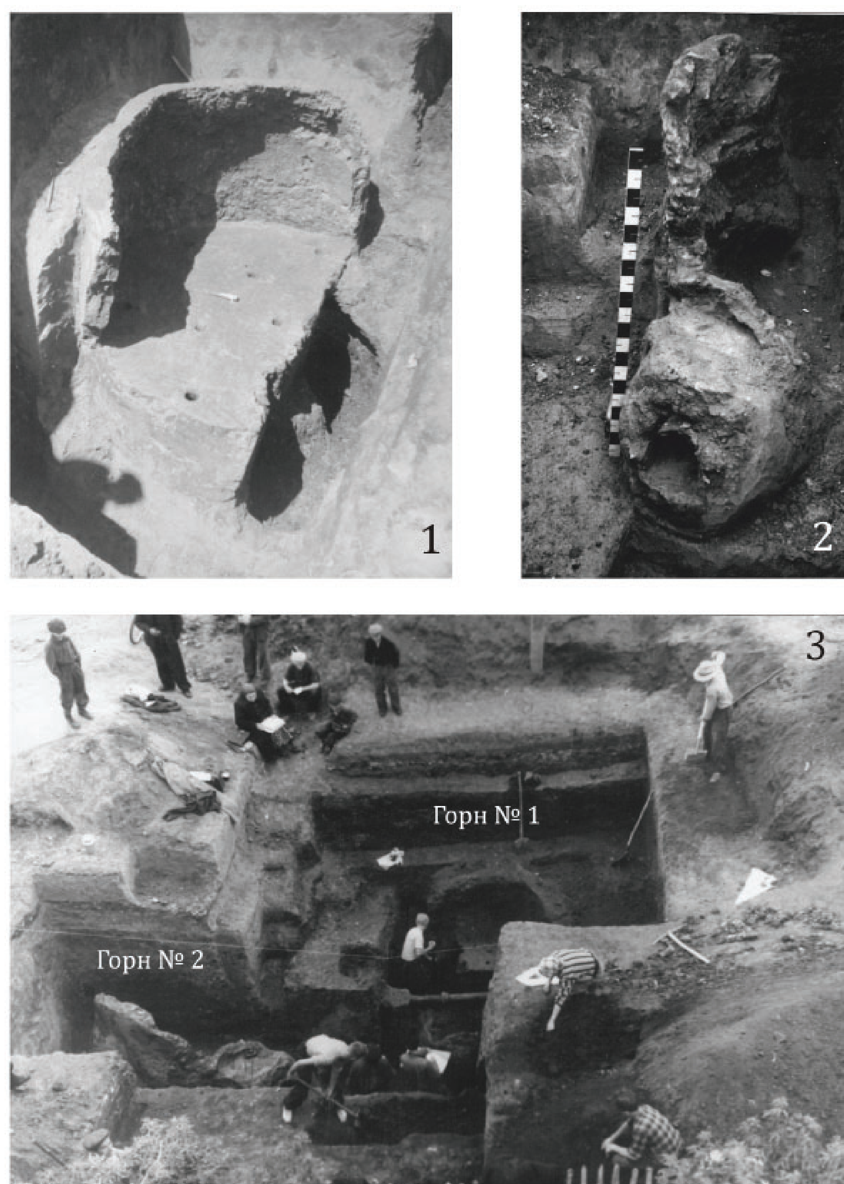

Рис. 4. Фотографии с раскопок 1959 г. (по А.Е. Алиховой). 1 – горн № 1 (вид с востока); 2 – горн № 2 (вид с северо-запада); 3 – общий вид раскопа (вид с северо-востока).
Fig. 4. Photographs of excavations in 1959 (according to A.E. Alikhova). 1 – furnace No. 1 (view from the east); 2 – furnace No. 2 (view from the northwest); 3 – general view of the excavation (view from the northeast).

уровня середины топочной камеры, высота которой составляла приблизительно 100 см. Расстояние между верхним краем устья и подом составляло 52 см (Алихова, 1960, с. 5). Нижний край топочного канала, таким образом, должен был находиться вблизи уровня основания топочной камеры. По мнению А.Е. Алиховой, топочный канал был вырезан в материковой глине, отделявшей околотопочную яму от топочной камеры (Алихова, 1969, с. 80). От воздействия высоких температур, глина вблизи топочного канала прокалилась и затвердела.

Стенки топочной камеры и опорный столб внутри неё были сложены из сырцового кирпича квадратной формы толщиной 5-7 см при длине стороны 22 см (Алихова, 1960, с. 5). Однако, на всех планах (Алихова, 1969, рис. 32:1, Васильева, 1993, рис. 27:2) стенки топочной камеры заметно тоньше 20 см (рис. 3: 1-2). Очевидно, это связано с тем, что кирпичи, во время работы горна шлакировались и частично осыпались. Внутри топочной камеры располагалась опорная конструкция в виде небольшой прямой в плане стенки, торцовая сторона которой находилась напро-

тив устья топки (на расстоянии около 70 см от него) (Алихова, 1960, с. 5). Направление оси стенки, в целом, служило продолжением оси топочного канала с незначительными отклонениями. Длина опорной конструкции составляла 110 см при наибольшей ширине около 50 см (Васильева, 1993, рис. 27:2, табл. П2). Свод топочной камеры был образован тремя рядами кирпичей, выступающих за пределы ряда, лежащего ниже. Под сформирован одним рядом кирпичей, обмазанных глиной. В сохранившейся части пода прослеживались семь продухов цилиндрической формы диаметром 5 см, три из которых находятся ближе к опорному столбу, четыре – к стенке (Алихова, 1960, с. 5). Очевидно, первоначально в поде было 12-13 продухов.

Сохранившаяся высота камеры обжига составляла приблизительно 110 см при диаметре около 200 см (Васильева, 1993, табл. П2). Стены камеры, были вылеплены из глины или вырезаны в глиняном материке. А.Е. Алихова отмечала, что они сливаются с материковой глиной. Толщина стен камеры колебалась от 10 до 20 см (Алихова, 1969, с. 79). Верхняя часть её стен изгибалась вовнутрь и как бы «свисала» вниз (Алихова, 1969, рис. 32:2, Васильева, 1993, рис. 27:2). Можно предположить, что первоначально верхняя часть горна была оформлена в виде полусферы с отверстием для выхода дыма в центре. Однако со временем средняя часть свода частично провалилась вниз (Алихова, 1969, с. 78).

В целом, горн № 1 имел цилиндрическую форму (возможно, с куполообразным верхом). Общая высота конструкции составляла более 2 метров. В нижней части горна находился топочный канал. Нижняя камера имела дополнительную опорную конструкцию в виде продолговатой стенки. В поде имелись продухи, соединяющие нижнюю и верхнюю камеры горна.

Обращает на себя внимание его конструктивное сходство с некоторыми горнами золотоордынского Булгара, обнаруженными в окрестностях Галанкина (Голландского) озера (Хованская, 1954, с. 358, с. 360, Бочаров, 2018, с. 257-258). Сравнение наровчатского горна № 1 с Советской площади с горнами Селитренного городища, имеющими опорные конструкции в топочной камере, позволяет выявить как сходство, так и различия. Горны №№ 45 и 46 по Е.М. Пигареву (Черепяное поле) также сложены из сырцового кирпича, имеют форму, близкую к цилиндрической с куполообразным, как предполагается, перекрытием наверху. Горячий воздух попадал из топки в верхнюю камеру через продухи в перекрытии (Пигарев, 2022, с. 15-16). Однако горны Черепяного поля отличаются крупными размерами (диаметр топочной камеры горна № 45 – 4 метра, длина и ширина опорной конструкции – соответственно 200 и 140 см) (Пигарев, 2022, с. 15, рис. 19). На наш взгляд, можно не придавать значения той детали, что у горна с Черепяного поля опорная конструкция имела прямоугольную в плане форму, потому что кирпичная опорная стенка наровчатского горна № 1 с Советской площади могла также первоначально быть прямоугольной, но деформироваться от воздействия высоких температур.

Горн № 2 примыкал к околотопочной яме с юга (рис. 4: 3). Сооружение было почти полностью разрушено. Сохранны оказались только часть стены высотой не менее 195 см и топка (Алихова, 1960, с. 4, Алихова, 1969, с. 79). И.Н. Васильева предполагала, что конструкция аналогична горну № 1 (Васильева, 1993, табл. П2), что вероятно, но недоказуемо.

Топочный канал горна имел форму усечённого конуса (рис. 4: 2), длиной около 60 см, расширяющегося в направление к топочной камере. Очевидно, он первоначально был просто вырезан в пласте материковой глины. Затем топка подправлялась. В её стенки были вмазаны фрагменты кирпичей и пода от разрушенного горна (Алихова, 1960, с. 4, Алихова, 1969, с. 79-80). Наружное топочное отверстие имело подпрямоугольную форму. Его высота составляла 55 см, ширина – 30 см. Канал расширялся в направлении топочной камеры. В месте перехода в неё, благодаря карманообразным углублениям, высота отверстия топочного канала достигла 65 см, а ширина – 74 см в верхней части и 50 см в нижней (Алихова, 1960, с. 4, Алихова, 1969, с. 80).

Толщина стенки топочной камеры составляла около 12 см. Судя по границам распространения прокала, высота камеры составляла около 100 см. Следов кирпичной кладки в конструкции стены нет (Алихова, 1960, с. 4, Алихова, 1969, с. 79). В отчётах нет точных данных, на какой высоте находился топочный канал. Судя по фотографии, он находился на уровне нижней половины топочной камеры.

Рис. 5. 1 – горн № 3 и околотопочная яма на плане раскопок 1989–1990 гг. (по Ю.А. Зеленееву и Е.Е. Филипповой); 2 – разрез горна № 3 (вид с юга)

Fig. 5. 1 – furnace No. 3 and the tpit near the furnace on the excavation plan in 1989–1990 (according to Yu.A. Zeleneyev and E.E. Filippova); 2 – section of furnace No. 3 (view from the south).

В целом, данных о конструкции горна № 2 крайне мало. Вероятно, он имел двухкамерную конструкцию (причём высота топочной камеры составляла около 100 см) и круглую или овальную в плане форму. Сведений о наличии опорных конструкций в нижней камере, нет.

Горн № 3 выходил жерлом в особую околотопочную яму (Зеленеев, 1990, с. 6, Зеленеев, Филиппова, 2011, с. 45), границы которой очерчены только частично (рис. 5: 1). Известно, что она имела неправильную в плане форму. Остатки небольшого гончарного горна были обнаружены в её юго-восточной части (рис. 5: 2). Он был сильно деформирован. Сохранилась (причём не полностью) только его нижняя часть. Горн был вырезан в материковой глине. Дно топочной камеры горна находилось приблизительно на 92 см выше уровня дна околотопочной ямы (Зеленеев, 1991, рис. 4, Зеленеев, Филиппова, 2011, рис. 2), что делало доступ к топке более удобным. Внутренний диаметр топочной камеры, имевшей округлую в плане форму, составлял 175-176 см. Сохранившиеся стенки топочной камеры представлены массивами сильно прокалённой глины, толщиной до 40 см. Один такой массив охватывает камеру с северной стороны, другой, меньших размеров, находится с запада (Зеленеев, 1991, рис. 4, Зеленеев, Филиппова, 2011, рис. 2). Между северным и западным массивами и между западным массивом и юго-восточной стеной околотопочной ямы прослеживались проёмы шириной около 38 см, которые могли служить каналами, ведущими в топочную камеру (Зеленеев, 1991, с. 6). С юга и востока стенками горна служили слои материковой глины (Зеленеев, 1991, рис. 4).

Высота топочной камеры (включая толщину пода) составляла 33-35 см. Никаких следов опорной конструкции не прослеживалось (Зеленеев, 1991, с. 6, рис. 4). От пода сохранились два участка. Один из них имел вид узкой полосы, примыкавшей к северо-восточной стенке горна, другой представлял собой длинный выступ, отходящий от южной стенки сооружения. В поде сохранились четыре продуха, два из которых находятся вблизи стенок горна, один – близко к центру. Диаметр продухов составлял 5-6 см (Зеленеев, 1991, с. 6, рис. 4, Зеленеев, Филиппова, 2011, рис. 2). О форме и конструкции верхней, обжиговой камеры судить крайне трудно. Она не могла

быть полностью вырезана из материковой глины, так как весь горн был углублён в материк менее чем на 50 см (Зеленеев, 1991, с. 6).

Горн № 3 имел двухкамерное строение со сплошной перегородкой, снабжённой продухами, без центрального топочного отверстия. В топочной камере не было дополнительных опорных конструкций для перегородки. На территории Восточной Европы горны такой конструкции (вид 1 по А.А. Бобринскому) фиксируются, по меньшей мере, с эпохи Великого переселения народов (Бобринский, 1991, с. 194, рис. 78). Горн № 3 отличался от производственных сооружений памятников булгарского типа Верхнего Посурья. Горн Юловского городища конструктивно был близок наровчатскому, но отличался формой топочной камеры, сужающейся книзу (Белорыбкин, 2003, рис. 37), напоминая некоторые горны Биляра (Кокорина, 1983, рис. 2). У горна Кижеватовского III селища не было сплошного перекрытия между камерами (Белорыбкин, 2003, рис. 36), то есть он имел принципиально иную конструкцию.

На наш взгляд, заслуживает внимания сходство наровчатского горна № 3 с некоторыми производственными сооружениями первой половины XIV века Пруто-Днестровского междуречья, прежде всего, с поселения Лозово I, в меньшей степени, с посада Старого Орхея. Примечательно, что эти горны, как и наровчатский сложены из глины, а не из кирпича (Полевой, 1969, с. 74, табл. XVII). Принципиальное конструктивное сходство с горном № 3 имеют некоторые сооружения, найденные на Селитренном городище (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 225-226, Пигарев, 2014, с. 106). Однако имеются различия в ряде деталей. В частности, у многих горнов прослеживаются следы кирпичной обкладки стен топочной камеры, некоторые из сооружений имеют крайне небольшие размеры (диаметр 44-70 см), в других случаях, яма, в которой располагалась нижняя камера горна, могла иметь колоколовидную, а не цилиндрическую форму (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 154-177). Характерную форму колокола имеет также топочная камера двухъярусного горна № 2 из Азака (Галкин, 1975, с. 254-255, рис. 2).

Горны в окрестностях урочища Красный Ключ. Точное функциональное назначение сооружения, частично исследованного А.А. Кротковым в 1925 году, неизвестно и требует дополнительного исследования. Поэтому здесь мы остановимся только на материалах, полученных во время раскопок А.Е. Алиховой в 1963 году (Алихова, 1964, с. 3-7).

Горн № 1 (рис. 6: 1) представлял собой элементов отдельного производственного комплекса, состоящего из собственно горна, околотопочной ямы и ещё одной ямы, предположительно предназначавшейся за наблюдением за процессом горения. Весь комплекс был углублен в материк. Горн представлял собой сооружение, имеющее в плане форму прямоугольника размерами 5,6×3 метра (рис. 7: 1). Конструкция была расположена в углублении, вырезанном в материковой глине. У горна имелись две стены, сложенные из сырцового кирпича – восточная (рис. 7: 2), в центральной части которой располагалось топочное отверстие, и западная. Обе стены сохранились не полностью, наибольшая сохранившаяся высота стен составляла приблизительно 130 см. Вдоль северного и южного краёв сооружения, не было следов сплошной кирпичной кладки, и стенами служили прокалённые пласты материковой глины. Ширина полосы прокала достигала здесь 40-50 см. В заполнении сооружения находилось двенадцать арок, каждая из которых имела большое отверстие в центре (рис. 7: 1). Арки были тонкие, сложенные в один кирпич, параллельно западной и восточной стенкам горна. Расстояние между арками колебалось от 10 до 30 см (преимущественно, около 20 см). К востоку от конструкции, со стороны небольшого овражка, располагалась большая околотопочная яма, длина которой достигала 480 см. Ширина ямы рядом с горном составляла 3 метра (то есть, была равна ширине горна), тогда как в отдалении от него сузилась до 1,7 метра. Центральная часть западной стены была разрушена. А.Е. Алихова предполагала, что в ней находились оконца для наблюдения за процессом сгорания топлива. Напротив западной стены располагалась ещё одна яма, длина которой составляла 4,6 метра при наибольшей длине 3,4 метра (Алихова, 1964, с. 4).

Конструкция верхней части горна неизвестна. Неясно, имелось ли сплошное перекрытие над арками. Принято считать, что прямоугольные горны со сплошным перекрытием между топочной или обжиговой камерами предназначались для обжига кирпичей и кера-

Рис. 6. Прямоугольные горны из урочища Красный Ключ (по А.Е. Алиховой).
1 – горн № 1(вид с запада); 2 – горн № 2.
Fig. 6. Rectangular furnaces from the place Krasny Klyuch (according to A.E. Alikhova).
1 – furnace No. 1 (view from the west). 2 – furnace No. 2.

мических сосудов, тогда как горны без перекрытия – только для обжига кирпичей (Васильева, 1993, с. 155). Поэтому конструктивные особенности горна могут многое говорить об его функциональной специфике. В отчёте нет данных о находках фрагментов пода, но верхняя часть сооружения сильно повреждена, и они могли не сохраниться.

Единственным косвенным признаком в пользу существования перекрытия служит расстояние между арками, которое, преимущественно, составляет 20 см, а в отдельных случаях достигает 30 см. Очевидно, при отсутствии горизонтальной перегородки, кирпичи должны были загружаться в горн таким образом, чтобы закрывать сверху пространство между соседними арками. Учитывая, что длина и ширина золотоордынских кирпичей в материалах г. Мохши, преимущественно, колебалась от 22 до 26 см (Иконников, Баишева, 2018а, с. 18), их укладка на арки без дополнительных конструктивных устройств была бы сильно затруднена.

Горн № 2 был обнаружен севернее горна № 1 (точное расстояние между ними неизвестно). Конструкция располагалась в специальном углублении в материковой глине и имела трапециевидную в плане форму (рис. 6: 2). Длина горна составляла 320 см. Наименьшая ширина (со стороны топочного канала) – 180 см, наибольшая (с противоположной стороны) – 240 см. Устье топки находилось с северо-восточной стороны, рядом с ним располагалась околотопочная яма. Стенки горна не

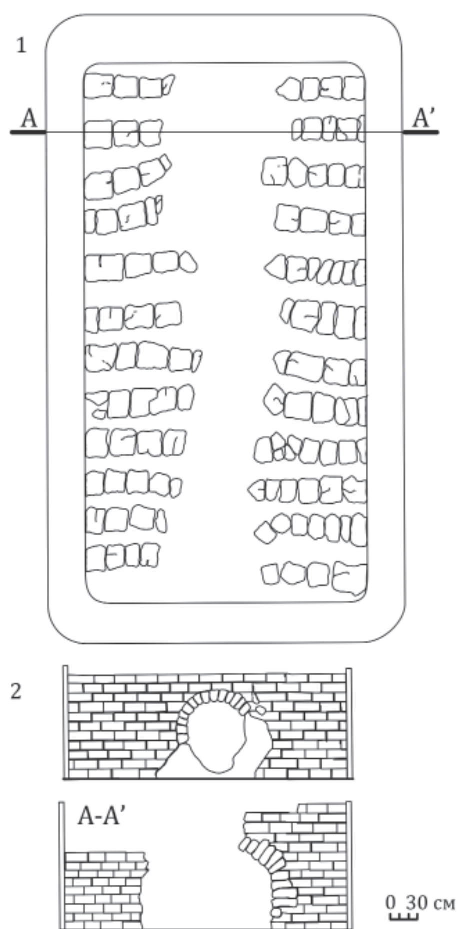

Рис. 7. Горн № 1 из урочища Красный Ключ (по И.Н. Васильевой). 1 – общий план; 2 – конструкция восточной стенки и арки.
Fig. 7. Furnace No. 1 from the place Krasny Klyuch (according to I.N. Vasilieva). 1 – general plan. 2 – construction of the eastern wall and arch.

были выложены кирпичом, а были вырезаны в материковой глине, которая со временем прокалилась. Внутри располагалось шесть кирпичных арок. Околотопочная яма располагалась рядом с северо-восточным краем печи на склоне небольшой ложбины (Алихова, 1964, с. 7-8). Сооружение было исследовано не полностью (Васильева, 1993, с. 150). Реконструкция верхней части конструкции невозможна.

Появление керамических горнов прямоугольной формы относится к домногольскому времени, но наибольшее распространение они получили в эпоху Золотой Орды (Васильева, 1993, с. 156). Г.А. Федоров-Давыдов и Е.М. Пигарев выделяли две категории прямоугольных горнов: типы 4 и 9. Топочная часть обоих типов имеет сходную, арочную конструкцию (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 226-230, Пигарев, 2014, с. 107-108), поэтому при разрушении верхней и средней частей горна, определить, к какому типу он относится, может быть трудно. Именно с этой проблемой мы сталкиваемся при изучении горнов в районе Красного Ключа. По конструкции их сохранившаяся часть напоминает прямоугольные арочные горны Пруто-Днестровского междуречья XIV века (категория II по Л.Л. Полевому) и печь для обжига кирпича из Сарайчика (Полевой, 1969, с. 87-91, табл. XIX, Пацевич, 1957, с. 111-112, рис. 43). Как у наровчатских горнов, у них нет продольных кирпичных стен (их роль выполняют пласты прокалённой материковой глины), а ширина арок соответствует ширине одного кирпича. Прямоугольные горны с арочной конструкцией топки известны также на Черепяном поле в окрестностях Селитренного городища (горны №№ 51-52 по Е.М. Пигареву). Однако, продольные стены горна № 51 (раскоп XLI, 2007 г.) были сложены из сырцового кирпича (Пигарев, 2022, с. 28, рис. 49), а арки горна № 52 (раскоп LXIV, 2012 г.) имели ширину не в один, а в два кирпича (Пигарев, 2022, с. 33, рис. 68-70).

Заключение

В целом, на территории Наровчатского городища и в его окрестностях встречены горны, по меньшей мере, трёх различных конструктивных типов, что говорит о сравнительно высоком уровне развития производства керамических изделий. Все производственные сооружения имеют конструктивные аналоги на памятниках различных районов Золотой Орды. Обращает на себя внимание топография керамических производственных комплексов города Мохши. Некоторые из них локализируется вблизи центральной части города, другие – за пределами жилой застройки, близ урочища Красный Ключ. Частичный перенос пожароопасного производства за пределы жилой зоны имел место также в Селитренном городище (Пигрев, 2022, с. 50), и, возможно, в Булгаре, где многие мастерские были сосредоточены в районе Галанкина озера (Бочаров, 2018, с. 258). В этом отношении город Мохши похож на некоторые крупные городские центры Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Отчет об археологических работах Мордовской археологической экспедиции в Наровчате в 1959 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1910. 1960.

Алихова А.Е. Альбом иллюстраций к отчету об археологических работах Мордовской археологической экспедиции в Наровчате в 1959 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1910а. 1960а.

Алихова А.Е. Отчет о работе Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области за 1963 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2770. 1964.

Алихова А.Е. Гончарные горны города Мохши-Наручадь (Наровчат Пензенской области) // КСИА. Вып. 120 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1969. С. 78–80.

Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–237.

Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4. С. 166–178.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. 200 с.

Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза: Изд-во ИРРПО, 2021. 249 с.

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). Москва: Наука, 1991. 215 с.

Бочаров С.Г. Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп CCXVI) // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 253–269.

Бочкарева Е.Е. Историческая топография золотоордынского города Мохши // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 19–24.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 246 с.

Галкин Л.Л. Керамические горны золотоордынского города Азака // СА. 1975. № 1. С. 252–259.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических в Наровчатском районе Пензенской области в 1989 г. Йошкар-Ола, 1990 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13631.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках на Наровчатском городище (г. Мохши) в 1990 г. Йошкар-Ола, 1991 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16508.

Зеленеев Ю.А. Этнокультурная история Поволжья XIII-XV вв. Автореф. Дисс. … докт. ист. наук. Казань, 2013. 57 с.

Зеленеев Ю.А., Румянцев Г.Г. Исследования Наровчатского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола, 1994. С. 45–46.

Зеленеев Ю.А., Филиппова Е.Е. Гончарный горн города Мохши (по результатам исследований 1989-1990 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 44-52.

Иконников Д.С., Баишева М.И. Топография золотоордынского города Мохши XIII-XIV вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 1 (21). С. 82–90.

Иконников Д.С., Баишева М.И. Строительные материалы города Мохши // Вестник Пензенского государственного университета. 2018а. № 2 (22). С. 14–27.

Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1983. С. 50–69.

Кравченко С.А. Топография гончарного производства Азака // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань. Ялта. Кишинев: Statum Plus, 2016. С. 284–286.

Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения). Пенза, 2011. 74 с.

Лебедев В.И. Легенда или быль: по следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.

Масловский А.Н. Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань. Ялта. Кишинев: Statum Plus, 2016. С. 290–293.

Пацевич Г.И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. Вып. 69 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1957. С. 111–114

Пигарёв Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Казань, 2008. 22 с.

Пигарёв Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2014. 208 с.

Пигарев Е.М. Черепяное поле Селитренного городища / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 14. Йошкар-Ола: МарГУ, 2022. 203 с.

Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев: АН МолдССР, 1969. 211 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 158 с.

Рудаков В.Г. Селитренное городище: Хронология и топография. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2007. 26 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. А.К. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 340–368.

Информация об авторах:

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, зав. антропологической лабораторией кафедры «Анатомия человека». Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); ikonnikof-ds@mail.ru

Горюнова Мария Ивановна, ведущий методист отдела дополнительного профессионального образования ООО «Строй-Эксперт Консалт» (г. Санкт-Петербург, Россия); mgor58@yandex.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1960. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Narovchate (Report on the archaeological work of the Mordovian archaeological expedition in Narovchat)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1910 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1960a. *Al'bom illyustratsiy k otchetu ob arkheologicheskikh rabotakh Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Narovchate v 1959 g. (Album of illustrations for the report on the archaeological works by the Mordovian archaeological expedition in Narovchat in 1959).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1910a (in Russian).

Alikhova, A. E. 1964. *Otchet o rabote Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v s. Narovchat Penzenskoy oblasti za 1963 g. (Report on the works by the Narovchat archaeological expedition in the village of Narovchat of the Penza region for 1963).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2770 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1969. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 120. Moscow: "Nauka" Publ., 78–80 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 226–237 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 166–178 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages).* Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N., Ikonnikov, D. S., Mel'nichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town Mokhshi)*. Penza: "IRRPO" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1991. *Goncharnye masterskie i gorny Vostochnoi Evropy (po materialam II–V vv. n.e.) (Pottery Workshops and Kilns of Eastern Europe (based on the Materials of the 2nd –5th centuries A.D.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 253–269 (in Russian).

Bochkareva, E. E. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 19–24 (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th–14th Centuries).* Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Galkin, L. L. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 252–259 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh v Narovchatskom rayone Penzenskoy oblasti v 1989 g. (Report on archaeological works in the Narovchat district of the Penza region in 1989).* Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, R. 1, no. 13631 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1991. *Otchet o raskopkakh na Narovchatskom gorodishche (g. Mokhshi) v 1990 g. (Report on excavations on the Narovchat fortification (Mokhshi) in 1990).* Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, R. 1, no. 16508 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 2013. *Etnokul'turnaya istoriya Povolzh'ya XIII–XV vv. (Ethnic-cultural history of the Volga region XIII–XV centuries)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Rumyantsev, G. G. 1994 In Nikitin, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Yoshkar-Ola, 45–46 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Filippova, E. E. 2011. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta (Bulletin of the Chuvash University)* (4), 44–52 (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Baisheva, M. I. 2018. In *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Penza State University)* 21 (1), 82–90 (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Baisheva, M. I. 2018a. In *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Penza State University)* 22 (2), 14–27 (in Russian).

Kokorina, N. A. 1983. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archaeological Monuments of Tataria)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 50–69 (in Russian).

Kravchenko, S. A. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 284–286 (in Russian).

Krotkov, A. A. 2011. *Narovchat i ego okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii (Narovchat and its environs in historical and archaeological respect).* Penza (in Russian).

Lebedev, V. I. 2006. *Legenda ili byl': po sledam zasechnykh storozhey (Legend or true story: in the traces of the zasechny guards)*. Penza: "GUMNITS" Publ. (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 290–293 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1957. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 111–114 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2008. *Goncharnoe proizvodstvo zolotoordynskogo goroda Saray (Selitrennoe gorodishche) (Pottery Production of the Golden Horde city of Sarai (Selitrennoe Settlement).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Pigarev, E. M. 2014. *Goncharnoe proizvodstvo zolotoordynskogo goroda Saray (Selitrennoe gorodishche) (Pottery Production of the Golden Horde city of Sarai (Selitrennoe Settlement).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Pigarev, E. M. 2022. *Cherepyanoe pole Selitrennogo gorodishcha (Field "Cherepyanoe" of the Selitrennoye settlement)* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 14. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Polevoi, L. L. 1969. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV v.* (*Urban Pottery of the Prut-Dniester Region in the 14th c*.) Kishinev: Academy of Sciences of the *Moldova* SSR (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Monuments of Penza Oblast).* Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiia i topografiia (Selitrennoe Settlement: Chronology and Topography)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In Smirnov, A. K. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian leaders and ancient towns of the Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).

Khovanskaia, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 340–368 (in Russian).

About the Authors:

Ikonnikov Dmitry S., Candidate of Historical Sciences, Penza State University, Krasnaya St., 40, Penza 440026, Penza region, Russian Federation; ikonnikof-ds@mail.ru

Goryunova Maria I., Stroy-Expert Consult LLC, Novoroshchinskaya St., building No. 4, letter A, office 1027-2, 196006, St. Petersburg, Russian Federation; mgor58@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.105.120

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 г. Е.М. Иналдиев

История возвышения, расцвета, гибели и наследия Золотой Орды уже не одно десятилетие находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. В XIV в. власть ханов Золотой Орды охватывала территорию значительной части современной России (кроме Восточной Сибири, Дальнего Востока и районов Крайнего Севера), северный и западный Казахстан, Украину, Молдавию, часть Узбекистана и Туркмении. Земли современной Пензенской области входили в состав Мохши, северо-западного улуса Орды, граничащего с Рязанским княжеством. Через регион двигались торговые караваны на Русь и обратно из Булгара, нижневолжских городов и Хорезма. Изучение памятников археологии золотоордынского периода на территории Пензенской области началось еще в конце XIX и продолжилось в начале XX в. В.М. Терёхин, А.А. Спицын, И.Ф. Садин и А.А. Кротков первыми выявили научный потенциал Наровчатского городища и расположенных поблизости могильников для будущих поколений археологов и историков. Позднее были найдены новые селища золотоордынского периода, маршруты торговых путей, изучены артефакты – украшения, керамика, нумизматический материал. Результаты исследований за последние тридцать лет Г.Н. Белорыбкин, В.А. Винничек и К.М. Винничек, О.В. Голубев, Ю.А. Зеленеев, Э.Д. Зиливинская и О.В. Мельниченко изложили в научных статьях. Изучение уже известных и поиск новых золотоордынских памятников археологии продолжается.

Ключевые слова: археологические раскопки, Золотая Орда, Наровчатское городище, Мохши, селище Никольское, могильник, мавзолеи, архитектурные сооружения, нумизматика, торговый путь.

HISTORY OF THE STUDY OF THE GOLDEN HORDE TIME ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE PENZA REGION

E.M. Inaldiev

The history of the rise, prosperity, decline and heritage of the Golden Horde has been in the center of attention of Russian and foreign specialists for many decades. In the XIV century the power of the khans of the Golden Horde covered the territory of a large part of modern Russia (except for Eastern Siberia, the Far East and the Far North), northern and western Kazakhstan, Ukraine, Moldova, part of Uzbekistan and Turkmenistan. The modern Penza region territory was part of the Mukhsha Ulus, the northwestern district of the Golden Horde, bordering the Principality of Ryazan. Trade caravans to Rus and back from Bolgar, the Lower Volga cities and Khwarazm moved through the region. The study of archaeological sites of the Golden Horde period in the Penza Oblast began in the late XIX and continued in the early XX century. V.M. Teryokhin, A.A. Spitsyn, I.F. Sadin and A.A. Krotkov were the first to identify the scientific potential of the Narovchat settlement and the nearby burial grounds for future generations of archaeologists and historians. Later, new settlements of the Golden Horde period, trade routes were found, and artifacts – jewelry, ceramics, numismatic finds were studied. Research results over the past thirty years were presented in scientific articles by G.N. Belorybkin, V.A. Vinnichek and K.M. Vinnichek, O.V. Golubev, Yu.A. Zeleneyev, E.D. Zilivinskaya, and O.V. Melnichenko. The study of already discovered and the search for new Golden Horde archaeological sites continues.

Keywords: archaeological excavations, Golden Horde, Narovchat settlement, Mukhsha, Nikolskoye settlement, burial ground, mausoleums, architectural structures, numismatics, trade route.

Так называемый золотоордынский период истории Сурского края вот уже более ста лет был и остается в центре внимания российских археологов. И по мере изучения этой эпохи, проведения разведок и раскопок открываются всё новые и новые, ранее неизвестные факты, связанные с периодом существования одного из могущественнейших государств на территории Евразии XIV века.

Первым интерес к средневековым памятникам археологии на территории нашей губернии проявил Владимир Михайлович Терёхин.

Выпускник Пензенского художественного училища, работавший в Краснослободске, он обратил внимание на разграбляемый жителями села Ефаево древний могильник. (Терёхин, 1897, с. 110). В.М. Терёхин сообщил о происходящем в «Общество археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, и в 1892 г. в регион прибыли сотрудники Императорской археологической комиссии Александр Андреевич Спицын и Иван Николаевич Смирнов. Они провели раскопки в Краснослободском и Наровчатском уездах Пензенской губернии. В последнем А.А. Спицын, И.Н. Смирнов и В.М. Терёхин исследовали могильник мордвы-мокши XIV в. «Казбек» в имении К.В. Унковской близ села Красный Восток. Было вскрыто 15 погребений (Спицын, 1925, с. 10). Умерших хоронили по обряду трупоположения головой на юг. Мужчины лежали вытянуто на спине, женщины на боку в скорченном положении. Погребальный инвентарь включал в себя предметы вооружения, орудия труда – ножи, топоры, украшения (пулокери, сюльгамы с лопастями, браслеты, бусы). К теме прошлого Сурского края А.А. Спицын еще вернется, опубликовав в 1925 г. материал «Древности Пензенской губернии».

После получения Открытого листа от Императорской археологической комиссии В.М. Терёхин провел раскопки в Краснослободском и Наровчатском уездах. Состоя в Пензенском губернском статистическом комитете, он регулярно информировал коллег о своих исследованиях.

По итогам нескольких полевых сезонов В.М. Терёхиным была опубликована статья «Пензенский край в археологическом отношении» в «Пензенских губернских ведомостях» за 1898 г., № 94.

«На Юго-Западе от Наровчата сохранились признаки городища, длиною более 2 верст: один ров длиною более 1 версты, шириною от 3 до 6 сажень. Это городище упоминается даже в книге «К большому чертежу» и было, быть может, становищем того самого татарского князя Тогая, от Бездежа, который, по свидетельству летописи, отвоевал «Наручатскую страну у ордынского царевича Абдула» (История Гос. Рос. Карамзина, т. 4, пр. 396).

В 1901 г. губернская газета опубликовала статью «Город Наровчат в археологическом отношении» (Терёхин, 1901, № 142–143). В.М. Терёхин писал, что «на этом же городище, где стоит в настоящее время г. Наровчат, при рытье колодцев и погребов, на аршин глубины, некоторыми местными жителями были не раз находимы целые стены, выложенные из каких-то твердых квадратной формы кирпичей – все говорит о будущей большой находке» (Терехин, 1901, № 143).

Собирая сведения о прошлом Наровчата, В.М. Терёхин узнал, что еще в 1870 г. при возведении фундамента нового Покровского собора на месте сгоревшего рабочие наткнулись на глубине 3–4 аршин на белые обработанные по углам и украшенные красивыми узорами камни. Часть извлекли из земли, сложив на прилегающей к собору территории. Одновременно при рытье котлована было найдено большое количество захоронений – христианских и мусульманских (Кротков, 1939, с. 9).

9 сентября 1902 года В.М. Терехин и архитектор В.П. Семечкин на заседании Пензенской архивной комиссии заявили, что каменные плиты, имеющие важное историческое значение, находятся при соборном храме Наровчата и не пользуются заслуженным вниманием. Участники заседания решили получить у епархиального начальства разрешение осмотреть белокаменные плиты. Одна из плит была перевезена в Пензу.

В.М. Терёхин ушёл из жизни в 1916 г., и в том же году исследование Наровчатского городища продолжилось благодаря мобилизованному в царскую армию бывшему сотруднику Саратовского музея И.Ф. Садину. При обустройстве воинского лагеря в Наровчате он обратил внимание на обтёсанные, украшенные резьбой большие камни. Подобные он видел ранее в мечетях Самарканда во время действительной военной службы в Средней Азии. При земляных работах Садину стали попадаться квадратные кирпичи. Точно такие же он ранее осматривал в Саратовском музее. Были обнаружены коммуникации средневекового водопровода, фонтан золотоордынской эпохи. В ходе опроса местных жителей И.Ф. Садин записал легенду о царице Нарчатке. И.Ф. Садин и его сослуживцы собрали много редкостей, в том числе около 200 джучидских монет. Находки Садин отвёз в Саратов, а сам вскоре с одним из полков русского экспедиционного корпуса был направлен во Францию. Его «Наровчатскую коллекцию» изучил саратовский учёный Александр Августино-

вич Кротков. Он обратил внимание, что 60% собранных И.Ф. Садиным монет чеканены в городе Мохши. И сам Кротков, и многие российские нумизматы не раз видели подобные монеты. А.А. Кротков предположил, что некогда Мохши располагался на месте нынешнего Наровчата. Татарская комиссия Саратовского губернского исполкома выделила финансовые средства на проведение разведки.

В Наровчате А.А. Кроткову показали, где в 1916 г. была найдена золотоордынская кирпичная кладка. Поле, принадлежавшее Мелюковской коммуне, было засеяно, поэтому исследовать его не удалось.

В районе села Сканово А.А. Кротков осмотрел городище. Изучив подъёмный материал, учёный датировал его первым тысячелетием нашей эры (Кротков, 1939, с. 8–9). В 1925 году работы проводились в районе урочищ Бугры и Красный Ключ. Был обнаружен объект размерами 6×3,3 м, рядом с которым выявили большое количество битого кирпича. Ни на одном не было следов обмазки. А.А. Кротков предположил, что кирпичи изготовили для строительства, но по какой-то причине ими так и не воспользовались. Проведя раскопки разрушенного здания, найденного в 1916 г. И.Ф. Садиным, учёный предположил, что нашел алебастровый завод. Но с этой версией не согласился профессор А.А. Спицын. Обратив внимание на систему подпольного отопления, он предположил, что это общественная баня (Лебедев, 1958, с. 25).

При исследовании урочища Мизгить была обнаружена большая яма, из которой местные жители брали для своих нужд золотоордынский кирпич. А.А. Кротков предположил, что в XIV в. здесь находился минарет, а неподалёку и мечеть.

В 1926 г. при раскопках курганообразного возвышения было обнаружено двухкомнатное здание. Его стены когда-то были декорированы известковыми плитками с голубой и синей поливой (Кротков, 1939, с. 12). Изучив сооружение, исследователь отметил, что подобные ранее уже находили на Северном Кавказе в золотоордынском городе Маджары (Кротков, 1939, с. 12).

Выяснив, где жители уездного города находили при земляных работах остатки старинных зданий, учёный провёл разведку на территории нескольких домовладений. На улицах Солдатской и Полянской было найдено здание, которое А.А. Кротков определил как караван-сарай.

В раскопанной мусорной яме обнаружили большое количество фрагментов красноглиняной и майоликовой посуды, кости баранов, коров и лошадей. Монета с чеканом хана Узбека позволила датировать время сооружения гостиницы для купцов.

В 1927 г. А.А. Кротков заложил в районе Соборной (ныне Советской) площади четыре пробных раскопа. Первый находился напротив северных дверей собора, второй, в виде траншеи, был протянут вдоль ограды городского сада с внешней стороны, напротив северо-западного угла церкви, третий – напротив западных ее дверей (близ колокольни), также примыкая к ограде городского сада, четвёртый – напротив южных дверей здания (Кротков, 1927, с. 49). Собранные в ходе раскопок артефакты позволили учёному высказать предположение, что в центральной и южной части Соборной, ныне Советской, площади в золотоордынское время находилось мусульманское кладбище.

А.А. Кротков и создатель местного краеведческого музея В.П. Россин составили карту-план Наровчата, на которой отметили – на каких кварталах и площадях, улицах, находили джучидские монеты.

Большинство монет были найдены близ центра нынешнего Наровчата, к западу и северо-западу соборной площади, в кварталах по обе стороны Полянской, Бугровской и Солдатской улиц. Именно здесь в XIV в. располагались караван-сарай и торговая часть города (Кротков, 1930, с. 10).

По мнению А.А. Кроткова, чеканка монет на Наровчатском городище началась в 1313 г. Это связано с переносом административного центра из Укека в Мохши. Выпуск монеты продолжался вплоть до конца правления князя Тагая, упоминаемого в русских летописях (Полесских, 1956, с. 91). Учёный высказал предположение, что Мохши – это татарское название золотоордынского города, а русичи называли его Наручадь (Наровчат) (Кротков, 1930, с. 7).

Осмотрев найденные при постройке Покровского собора обработанные, украшенные резьбой плиты, А.А. Кротков пришел к выводу, что 700 лет назад на этом месте стояла мечеть. По мнению В.П. Россина, извест-

няк могли привезти из волжских карьеров речным путём по Оке и Мокше на специальных плотах (Лебедев, 1958, с. 29). Подобные технические операции плюс само строительство стоило больших денег, а это значит, что мусульманская община улуса Мохши была весьма зажиточна.

Причины упадка и гибели средневекового города А.А. Кротков связал с военным противостоянием хана Золотой Орды Тохтамыша с Тамерланом. Многие населённые пункты, в том числе и Наручадь, были разгромлены, и оставшиеся в живых покинули место жительства. Позднее эту версию повторил в своей работе, посвященной Мохши, пензенский краевед В.И. Лебедев (Лебедев, 1958, с. 42).

Полученные в ходе раскопок сведения А.А Кротков изложил в своих статьях «К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства» (1928), «Собрание джучидских монет с Наровчатского городища» (1929), «Наровчат и его окрестности в его историко-археологическом отношении» (1939).

Одновременно с раскопками в центре Наровчата исследования велись и на его окраинах. В 1925–1926 гг. работы проводились на территории открытого А.А. Кротковым на улице Старая Сотня могильника XIII–XIV вв.

Большинство умерших захоронены головой на юг. В погребениях мужчин находили железные рабочие топоры, наконечники копий, кресала, пряжки. Женщин хоронили на правом боку, в скорченном положении. Погребальный инвентарь включал в себя бронзовые, серебряные и золотые серьги, бусы, сюльгамы, браслеты, накосники – пулокери. В некоторых могилах нашли медные и серебряные монеты с чеканом Мохши. А.А Кротков отмечал, что некоторые умершие были захоронены по обряду трупоположения головой на запад, без вещей. Археолог пришел к выводу, что погребальный комплекс Старосотенского могильника имеет большое сходство с Ефаевским, Борковским, Кулаковским, Пичпандинским могильниками XIV в. В 1927 г. археологические раскопки на улице Старая Сотня провёл профессор Московского антропологического университета Б.С. Жуков. Было исследовано 41 погребение. В женских захоронениях выявили два типа накосников – пулокерий, один из которых был аналогичен накосникам из погребений Ефаевского могильника, датирующихся XIII в., а погребения, в которых коса вместо бронзовой спирали была обернута кожаным ремешком и тонкой проволокой, были отнесены к XIV в. (Ставицкий, 2022, с. 157).

Исследование могильников золотоордынского периода продолжилось и в 1928 г. Экспедицией Пензенского краеведческого музея под руководством Н.И. Спрыгиной был открыт и частично исследован могильник мордвы-мокши у с. Чернозерье. На некрополе раскопали 14 погребений, ориентированных головой на юг или юго-восток. Погребальный инвентарь состоял из сюльгам с широкими треугольными лопастями, накосников-пулокерий, бронзовых пластинчатых браслетов, железных топоров и пешней. Памятник был датирован XIV–XV вв. В 1992 г. материалы с раскопок могильника, хранящиеся в Пензенском краеведческом музее, изучил В.И. Первушкин (Первушкин, 1992, с. 13). В 2019 г. была опубликована статья, посвященная антропологическому исследованию лобной части черепа женщины 30–40 лет из Чернозерского могильника (Иконников, Калмина, Калмин, 2019, с. 30).

В 1932 г. в Саранске открылся Научно-исследовательский институт мордовской культуры. Его сотрудники занялись изучением погребальных памятников Примокшанья.

В 1937–1938 гг. на Старосотенском могильнике работала экспедиция А.Е. Алиховой. Были найдены наконечники стрел, копий, сабли, ножи, височные подвески с грузиками и другие украшения (Лебедев, 1958, с. 14).

В 1951 и 1954, 1961–1962 гг. А.Е. Алихова продолжила раскопки могильника. Она датировала его XIII–XIV вв. Сделанные находки позволили археологу сделать вывод, что столица улуса Золотой Орды возникла на месте уже существовавшего мордовского поселения (Алихова, 1976, с. 166). Датировку А.Е. Алиховой поддержал и пензенский археолог М.Р. Полесских. По его мнению, самым ранним был Ефаевский некрополь, затем Старосотенский. Чернозёрский могильник, по мнению М.Р. Полесских, относился к XIV–XV вв. (Полесских, 1956, с. 78).

На средневековом некрополе в начале XXI в. работала экспедиция учёных из Йошкар-Олы. По версии Ю.А. Зеленеева и О.В. Зеленцовой, Старосотенский могильник был городским кладбищем. Его языческая часть примыкает к мусульманскому кладби-

щу, составляя с ним единое целое. Причем в «языческом секторе» могильника есть захоронения с мусульманскими элементами погребального обряда. И есть все основания полагать, что мордва составляла значительную часть населения столицы золотоордынского улуса (Зеленеев, Зеленцова, 2012, с. 43).

В 1959–1960 гг. экспедиция А.Е. Алиховой провела раскопки на находящемся по соседству со Старосотенским могильником Мизгитном поле. Были найдены и исследованы несколько золотоордынских мавзолеев (Алихова, 1960, с. 3). Фундаменты всех сооружений были опущены на глубину около 90 см в плотный слой чернозёма и уложены на материковый суглинок. Кое-где строительные конструкции не сохранились – местные жители извлекли всё из грунта. Именно по следам таких грабительских «копов», оставшихся на поверхности щебня и бутового камня, удалось определить местоположение четырёх из пяти мавзолеев. Стратиграфия пластов земли включала: пашню – верхний слой (мощностью от 30 до 50 см), слой тёмного по цвету гумуса, далее – коричневая глина. Стены некоторых сооружений были, очевидно, украшены поливными изразцами и мозаикой (Алихова, 1973, с. 228).

По планировке и архитектурным особенностям А.Е. Алихова поделила объекты на три типа. К первому относится раскопанное в 1960 г. крупное по размерам сооружение с крестообразной планировкой и наличием склепа в одном из помещений. Второй тип – это мавзолеи № 2 и 3, квадратный и прямоугольный. Их объединяет выступающий за пределы мавзолея портал.

Совершенно идентичные по планировке и почти по размерам мавзолеи № 4 и 5 относятся к третьему типу. Это крупные, вытянутые в длину здания, разделённые перегородкой на два помещений. Переднее – преддверье, в заднем хоронили. Все усыпальницы имеют вход с южной стороны и только мавзолей № 3 обращен на юго-восток. Фундамент трех гробниц был сложен из квадратного порой плохо обожжённого кирпича, у двух – из крупных камней. А.Е. Алихова отмечала, что мавзолей № 1 напоминает усыпальницы, ранее найденные в Азербайджане (Алихова, 1961, с. 3–12). В 1956 г. при проведении земляных работ на Советской (Соборной) площади рабочие повредили гончарный горн (Белорыбкин, Зеленеев, Ситдиков, 2022, с. 91). На этом месте в 1957–1959 гг. были проведены раскопки, в ходе которых обнаружили остатки двух золотоордынских гончарных горнов (Алихова, 1959, с. 3). Следующим этапом работы экспедиции стали раскопки общественной бани в урочище Красный Ключ. В 1925 г. её изучил А.А. Кротков. А.Е. Алихова провела своё исследование здания и пришла к выводу, что по своим конструктивным особенностям, размерам и планировке главного помещения – мыльни – постройка близка к баням Волжской Булгарии (Алихова, 1962, с. 2–18). В непосредственной близости от общественной бани было раскопано еще восемь подобных сооружений, но уже меньших размеров, от 8 до 27 м². Причем семь объектов имели одинаковую с общественной мыльней систему отопления (Алихова, 1976, с. 171). По итогам проведённых раскопок А.Е. Алихова предположила, что постройки существовали в разное время. Самые старые датируются началом XIV в. (Алихова, 1976, с. 179).

А.Е. Алихова считала, что возникновение города в лесистой местности было обусловлено целым рядом экономических и политических причин. Купцы приезжали сюда за мехом пушных зверей, мёдом и воском, сельскохозяйственной продукцией.

Важность проведенных А.А. Кротковым и А.Е. Алиховой исследований для отечественной истории отмечал М.Р. Полесских. Известный пензенский археолог писал, что для своего времени средневековый Наровчат был не просто крупным, но одним из самых высокоразвитых городов Золотой Орды. По мнению М.Р. Полесских, развитая культура городов Золотой Орды создавалась покорённым и эксплуатируемым завоевателями населением. Такие блага средневековой цивилизации как водопровод и подпольное отопление в домах не имеют ничего общего с кочевым воинственным бытом «монголо-татар». Следовательно, констатировал М.Р. Полесских, «жило в Среднем Поволжье племя, которое строило городища и укрывалось в них». По мнению учёного, эти люди могли быть половцами, кипчаками или аланами, которые мигрировали в лесные районы Среднего Поволжья, уходя от монгольских завоевателей (Полесских, 1956, с. 99). Археолог отмечал, что в период своего расцвета, в первой трети XIV в., территория средневекового Наровчата

превышала площадь современного посёлка в два раза. Надобность в созданной ранее системе фортификации отпала. Это подтвердили и разведки, проводившиеся Пензенским краеведческим музеем (Полесских, 1956, с. 94).

В.Л. Егоров, исследователь исторической географии Золотой Орды, писал, что город Мохши расположен в стороне от оживлённых торговых путей. Поэтому поселение, находившееся среди мордовских лесов, имело статус не экономического, а скорее административно-политического центра (Егоров, 1985, с. 57). Согласно русским летописям, область вокруг города и, вероятно, он сам называются Наручадью.

Близ города, в период его развития, по берегам рек, впадавших в Мокшу, возникали новые населённые пункты. В 1976 г. на окраине села Акимощина, находящегося в 18 километрах от Наровчата, при сооружении плотины был частично разрушен могильник мордвы-мокши. Экспедицией М.Р. Полесских был собран подъёмный материал. Археолог датировал некрополь XIII–XIV вв. (Полесских, 1977).

В 2001 г. экспедиция под руководством Г.Н. Белорыбкина исследовала на территории могильника женское погребение, совершённое по обряду трупоположения. Найденные в захоронении ювелирные изделия позволили его датировать XIV в. и определить принадлежность к мордве-мокше. В средневековом городе, по мнению Г.Н. Белорыбкина, могли быть изготовлены найденные в могиле украшения (Белорыбкин, 2021, с. 147).

Масштабные исследования Наровчатского городища возобновились в 1989 г. Раскопки велись в центральной части поселения. Был найден гончарный горн, типичный для сельских мастерских и провинциальных городов Золотой Орды (Дворниченко, Егоров, Зеленеев, 2002, с. 76). Сооружённый в материковой глине, он состоял из двух камер: топочной и для обжига керамических изделий. Были найдена каменная деталь гончарного круга и треножник, использовавшийся как подставка для обжигаемой посуды (Алексеев, Данилов, Зеленеев, Румянцев, Тойшев, Шакиров, 1991, с. 89).

Одну из найденных при раскопках монет датировали – 60-е годы XIV в. (определение Г.А. Фёдорова-Давыдова). По мнению Ю.А. Зеленеева, именно в этот период «Великой Замятни» прекратилась работа исследуемого гончарного горна. О полиэтничности населения столицы улуса Мохши свидетельствуют находки сюльгам и иных мордовских вещей (Зеленеев, Румянцев, 1994, с. 45).

Исследование Наровчатского городища и его окрестностей продолжилось и в постсоветский период. На «Мелюковском поле» в 1997 г. экспедиция Г.Г. Румянцева раскопала часть усадебного дома, сооруженного из жженого кирпича, с полом из сырцового кирпича. Тем самым подтвердились данные А.Е. Алиховой о том, что в XIV в. в этой местности находились усадьбы зажиточных жителей Мохши.

Раскопки 1989–1997 г. дали новые материалы по истории и культуре средневекового населения Поволжья. Продолжено изучение жилых построек различных социальных групп горожан (Дворниченко, Егоров, Зеленеев, 2002, с. 77). Ю.А. Зеленеев выделял от трёх до четырёх строительных периодов в районе раскопок (Зеленеев, 1989, с. 3–5). Из них только один-два, чёрный гумус, подстилаемый жёлтой материковой глиной, датируются золотоордынским временем (Белорыбкин, 2010, с. 15). В 1997 г. экспедиция Марийского государственного университета совместно с Пензенским государственным педагогическим университетом начала раскопки фундамента кирпичной бани. Исследование этого объекта продолжалось несколько лет и было завершено экспедицией ПГПУ под руководством Г.Н. Белорыбкина. Был раскопан фундамент бани с подпольным отоплением и наружной топочной камерой, сложенной из сырцового и обожженного кирпича.

В 1990–2000 гг. из печати вышли статьи, посвящённые найденным на Наровчатском городище артефактам – «Монетный двор города Мохши» и «Типы мохшинских монет» С.В. Белоусова и О.В. Голубева. Авторы систематизировали нумизматический материал с чеканом Мохши. По мнению С.В. Белоусова, выпуск медных денег начался здесь в 1290 гг.

Д.Г. Мухамедшин свою статью «Монеты Мохши из фондов Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника» посвятил типологии монет с чеканом Мохши, обнаруженных в Болгаре. По мнению учёного, после прекращения чеканки монеты на Болгарском монетном дворе в 734 г. по х. (1333–1334) жители Болгара решали пробле-

му дефицита монет за счет поступлений из Мохши (Мухамедшин, 2000, с. 53).

В монографии «Денежное дело Золотой Орды» Г.А. Фёдоров-Давыдов отмечал, что именно благодаря торговле монеты из других городов Золотой Орды попадали в улус Мохши, и наоборот (Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 10).

Результаты работы экспедиции А.Е. Алиховой проанализировала виднейший российский специалист по гражданской архитектуре Золотой Орды, профессор Э.Д. Зиливинская. По её мнению, найденные и раскопанные на Наровчатском городище бани – общественная и частные – могли существовать и одновременно. «Скорее всего, бани были усадебными, и в этом случае их было столько же, сколько усадеб». Сами же усадьбы были деревянными и не сохранились. А.Е. Алихова считала, что стены бань были сложены из дерева на сырцовом фундаменте. Но все здания с подпольным отоплением обычно имеют массивные стены для лучшего удержания тепла. Поэтому несомненно они полностью были сырцовыми. Деревянными были раздевальни, без которых трудно представить какую бы не было баню» (Зиливинская, 2019, с. 78).

В центре внимания Э.Д. Зиливинской оказались раскопанные в середине прошлого века в Наровчате пять мавзолеев. Анализируя архитектуру построек, Э.Д. Зиливинская предложила новую классификацию. Количество помещений (группы), форма здания (отделы и подотделы), отсутствие или наличие порталов (типы), форма портала (подтипы), форма покрытия (виды). Отдельно отмечается наличие или отсутствие подземного или полуподземного склепа-крипты (Зиливинская, 2022, с. 125).

Масштабным событием для исследователей истории средневекового Наровчата стала прошедшая в 2010 г. Всероссийская научная конференция, посвящённая 95-летию его изучения. Археолог С.А. Курочкина из Йошкар-Олы высказала предположение, что ремесленники Наровчатского городища могли селиться как в жилых кварталах: гончары отдельно, ювелиры, как и другие «производственники», отдельно, – так и на территории усадеб местной аристократии (Курочкина, 2010, с. 25).

Изучению нумизматического наследия были посвящены работы «Новое в типологии золотоордынских монет города Мохши» В.П. Лебедева и В.А. Винничека, «Монеты Мохши из собрания Казанского коллекционера А.И. Лихачёва (1832–1890)» А.И. Бугарчева, «Названия серебряных монет в монгольских государствах XIII–XIV вв.» П.Н. Петрова. В новой, 2022 г., работе он указал, что на деньгах с чеканом Мохши нет слова «город». А на медных монетах, выпущенных при Тагайбеке (1360–1362 гг.) и Кильдибеке, название монетного двора Наручадь сопровождает слово «область». То есть топоним «Мохши» указывает не на город, а на территорию, на которой он находился (Петров, 2022, с. 309).

По мнению Е.Е. Бочкарёвой, в основе возвышения административного центра улуса Мохши лежала политика хана Узбека, направленная на расширение границ государства на северо-востоке (Бочкарёва, 2010, с. 20).

Планировка жилой застройки Наровчатского городища подобна нижневолжским столичным городам. Поначалу возникали, причём чаще беспорядочно, усадьбы, а затем по соседству возник и стал расти торгово-ремесленный посад. Здесь формируется «свой» центр с площадью и Соборной мечетью на ней. Кладбище средневековой Наручати имело отличительную особенность: рядом с мусульманским погостом находился мордовский могильник (Бочкарёва, 210, с. 22). Систематизации известных на тот момент археологических материалов посвящена статья Д.С. Иконникова и М.И. Баишевой «Топография золотоордынского города Мохши XIII–XIV вв.» (Иконников, Баишева, 2018, с. 86).

В 2021 г. была опубликована коллективная монография «Средневековый город Мохши». В книге подводились итоги исследований за 100 лет.

О Наровчате рассказывается в семитомном издании «Археология Волго-Уралья» института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Белорыбкин, 2022, с. 152). Подытожив результаты многолетних археологических раскопок, авторы отмечали, что планировка административного центра улуса Мохши сходна с планировкой нижневолжских столичных центров Золотой Орды (Археология Волго-Уралья, 2022, с. 152). В постройках города Мохши отчётливо прослеживаются четыре архитектурные традиции. Болгарская проявлялась в сооружении Соборной мечети и мавзолеев. Средне-

азиатская – в строительстве мавзолеев и бань. Античная и особенно азербайджанская традиции проявились в банной архитектуре Наручади. Разнообразие стилей свидетельствует о полиэтничности аристократии и зажиточных горожан административного центра улуса Мохши. Для экономики улуса Мохши большое значения имела внешняя торговля. Действовали два направления – западное, с русскими княжествами, и восточное, с центральными районами Волжской Болгарии, с городами Золотой Орды и Хорезма. Эпоха расцвета улуса приходится на времена правления ханов Узбека и Джанибека. При «Великой Замятне» Наручадь стала приходить в упадок. А погубило административный центр улуса Мохши нашествие Тамерлана (Белорыбкин, 2022, с. 164). Теме историографии исследования Наровчатского городища и его окрестностей была посвящена статья, опубликованная в шестом номере «Археологии евразийских степей» (Белорыбкин, Зеленеев, Ситдиков, 2022, с. 85).

Тему монет чекана улуса Мохши исследовал О.В. Голубев. По его мнению, зона распространения денежных знаков включала в себя всю современную Пензенскую область, почти полностью Саратовскую, частично Рязанскую области и Республику Мордовия (Голубев, 2022, с. 119).

Монеты с торговыми караванами попадали в столицу Золотой Орды – Сарай-Бату. (Голубев, 2022, с. 120).

В конце июня – июле 2023 г. Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан совместно с Институтом регионального развития Пензенской области при участии студентов Пензенского государственного университета проводили исследования в Наровчате. При раскопках была найдена постройка из сырцового кирпича прямоугольной формы, являвшаяся, вероятно, баней. Находки из раскопа представлены гончарной керамикой с зелёной поливой, железными предметами, а также нумизматическим материалом XIV в.

Один из уникальных памятников археологии XIV в. – Никольское селище – в 1926 г. открыла экспедиция П.С Рыкова. В 1965 г. пробный раскоп заложила экспедиция Пензенского краеведческого музея. Было выявлено два культурных слоя – золотоордынский с красной гончарной керамикой, нижний – раннесрубной культуры эпохи бронзы (Полесских, 1970, с. 77).

Проведённая в 2000 г. В. Винничеком и В. Яньковым археологическая разведка селища выявила его перспективность. В ходе многолетних исследований Никольского была собрана большая коллекция местной и привозной керамики, орудий труда, предметы быта и домашнего обихода, торговые инструменты и средства платежа, украшения и элементы одежды.

На существование на селище двух ремесленных традиций – мордовской и булгарской – указывал Д.С. Иконников (Иконников, 2012, с. 138). По его мнению, Никольское в конце XIII – XIV вв. было крупным населённым пунктом, жители которого занимались торговлей, ремеслом и сельским хозяйством.

Результаты многолетних раскопок были опубликованы в монографии В.А. Винничека и К.М. Винничек «Никольское селище». На поселении были найдены бронзовый фрагмент серьги в виде знака вопроса с обмоткой тонкой проволокой и гранёным грузиком на нижнем конце. Такие украшения находили на Болгарском, Увекском, Царёвском городищах, в кочевническом кургане у г. Петровска Саратовской области, в Муранском и Черемшанском могильниках (Винничек, Винничек, 2023, с. 55).

В 2007 г. на селище был найден клад серебряных монет и украшений, изготовленных в Волго-Камье. Ценности были спрятаны не позднее 1364 г., т. е. до начала эпидемии чумы. Все бронзовые зеркала, обнаруженные на селище, привезены из нижневолжских городов Золотой Орды, где существовало их серийное литейное производство. Результаты многолетних археологических исследований селища позволили проследить экономические связи верхнесурского населения с Волго-Камьем, волжскими городами Золотой Орды и северо-восточными русскими княжествами. (Винничек, Винничек, 2023, с. 75). На то, что среди жителей селища могли быть славяне, указывают найденные христианские реликвии. В конце XIII – XIV вв. здесь находились ювелирная и гончарная мастерские, обеспечивавшие своей продукцией внутренний рынок. На территории селища могло быть налажено производство чугунных котлов. В ходе археологических экспедиций исследователи обна-

ружили много шлака и оплавленных кусков чугуна.

Анализу нумизматического материала, обнаруженного в разные годы на Никольском, посвящено несколько научных работ. В их числе «Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным» (Винничек, Лебедев, 2004, с. 119–148) и «Дирхемы XIII–XIV вв. с Никольского селища» (Винничек, Лебедев, 2010, с. 56–65), «Монеты Никольского селища» (Винничек, Лебедев, 2021, с. 1–27).

Судя по найденным монетам, период экономической активности пришёлся на 1340–1363 гг. (Винничек, 2023, с. 52)

Результаты новых полевых сезонов легли в основу статей В.А. Винничека и К.М. Винничек «Новые находки средневековых материалов на Никольском селище» (Винничек, Винничек, 2023, с. 98) и «Матрица с Никольского селища» (Винничек, Винничек, 2023, с. 93).

Внезапную гибель торгово-ремесленного поселения авторы монографии связывают с эпидемией чумы, поразившей в 1364 г. население Золотой Орды и русских княжеств (Винничек, Винничек, 2023, с. 79). Летом и осенью 2021 г. на нескольких площадках памятника археологии были проведены научные геофизические магнитометрические исследования. Магнитометрическое исследование выявило следы курганов и объекты прямоугольной формы размерами от 4 до 10 м. Функциональное их назначение пока не выяснено (Бездудный, Белорыбкин, 2022, с. 333).

Завершив работу, геофизики предположили, что территория Никольского селища подвергнута сильному разрушению интенсивной вспашкой. Возможно, остатки объектов есть, но только ниже уровня материка (Бездудный, Белорыбкин, 2022, с. 334).

Никольское – не единственное селище XIII–XIV вв. на территории Пензенской области, пережившее свой экономический расцвет в эпоху Золотой Орды. Этому способствовал торговый путь, проходивший через наш регион. В.Л. Егоров отмечал, что «маршрут резко сворачивал от Волги, после переправы в районе Жигулей, прямо на запад, проходя несколько южнее современной Пензы и приводя в междуречье Прони и Мокши, откуда, минуя Рязань, можно было попасть в район Мурома, Владимира, Ростова и Ярославля» (Егоров, 1985, с. 181–182). К этому маршруту, по мнению В.А. Винничека, имеет прямое отношение Саловское 1 селище, изученное им в 2003 г. Этот памятник археологии, связанный с несколькими историческими эпохами, был открыт В.И. Первушкиным в 1989 г. (Винничек, 2003, с. 78).

На поселении найдено большое количество фрагментов ордынской глиняной посуды и чугунных котлов, накладки и украшения из бронзы, зеркала, чашка для весов и грузики из свинцово-оловянного сплава. Обнаруженные на селище монеты чеканены при ханах Золотой Орды Узбеке, Джанибеке, Наурусе и Хызре. Жизнь здесь, вероятно, прекратилась во время эпидемии в 60-х гг. (Винничек, 2003, с. 85).

Найденные перстни и браслеты попали в наш регион благодаря экономическим контактам с русскими княжествами. А находки мордовских сюльгам и булгарских височных привесок, монет с отверстиями, использовавшихся в качестве украшения, свидетельствуют об этнической неоднородности населения Верхнего Посурья (Винничек, Сафронов, 2007, с. 297). Маршрут, по которому торговые караваны двигались по территории Сурского края, хорошо прослеживается по целому ряду памятников археологии (Винничек, 2010, с. 67).

Это клады джучидских монет в Кузнецком районе на селище Никольское (Винничек, Винничек, 2023, с. 4) и близ села Шиповка (Полесских, 1970, с. 78), клады найденные в Городищенском районе у сёл Средняя Елюзань и Чаадаевка (Полесских, 1970, с. 40–41), на селище близ деревни Усть-Уза (Винничек, 2002, с. 47) и на селище Васьканьсад (Винничек, Сафронов, 2007, с. 242) в Пензенском и Шемышейском районах (Винничек, 2003, с. 78–85). В 1982 г. при исследовании Армиёвского курганно-грунтового могильника экспедиция А.А. Халикова обнаружила в кургане № 29 полуземлянку золотоордынского времени (Белорыбкин, Измайлов, Мельниченко, Осипова, Павлихин, Халиков, 2022, с. 311). Были найдены развал хумовидного красноглиняного сосуда, характерного для культуры Волжской Булгарии XIV в., фрагменты еще одного кувшинообразного сосуда, обломок железного ножа и точильный камень.

Караваны двигались по левому берегу реки Суры, а далее вдоль левого берега реки Мокши в направлении Наручади, являющейся в XIV в. административным центром улуса Мохши (Винничек, 2010, с. 67). На территории Мокшанского и Наровчатского районов торговый путь от Волги прослеживается по Долгоруковскому могильнику (Беляев, Шитов, 1990, с. 92–94) и могильнику и кладу джучидских монет у с. Чернозерье (Полесских, 1970, с. 90–91), могильнику Казбек, монетным кладам, обнаруженным у сёл Кадыковка и Михайлово – Тезиково, где откопали 657 данг золотоордынской чеканки (Полесских, 1970, с. 98). В 1962 г. клад поступил в Пензенский краеведческий музей, а уже в 1963 г. монеты изучил и классифицировал Г.А. Федоров-Давыдов. Он установил, что в кладе данги, чеканеные с 1310 по 1361 гг. (Фёдоров-Давыдов,1963, с. 215). Через 60 лет Михайло-Тезиковский клад изучили О.В. Голубев и А.В. Павлихин. Проведенный ими анализ позволил скорректировать сведения Г.А. Фёдорова-Давыдова (Голубев, Павлихин, 2023, с. 131). Было установлено, что этот клад имеет большое сходство с другими кладами, найденными вокруг Наровчатского городища. Средневековый улусный центр имел тесные экономические связи с поселениями на территории современных Вадинского, Пачелмского и Земетчинского районов. Об этом свидетельствуют находки серебряных и медных монет XIV в. Изучению крупных монетных комплексов посвящены статьи О.В. Голубева, В.П. Лебедева, А.В. Павлихина «Монетный комплекс из села Коповка Пензенской области» и «Монетный комплекс из окрестностей с. Ольгино в контексте истории улуса Мохши». Были найдены золотоордынские монеты и на Потодеевском селище (Винничек, Лебедев, 2004, с. 104). Памятник археологии XIV в. в 1964 г. открыла экспедиция Пензенского пединститута и областного краеведческого музея под руководством М.Р. Полесских (Полесских, 1970, с. 92). Была найдена красная, изготовленная на гончарном круге керамика. В 2003 г. селище исследовала экспедиция летнего передвижного лагеря «Юный археолог» из г. Заречный (Винничек, 2004, с. 104). Находки медьсодержащих сплавов и бронзового слитка-заготовки, кусков железного шлака свидетельствовали о развитии металлообработки на поселении (Винничек, 2004, с. 107). Найденные на селище монеты – серебряные данги и медные пулы – охватывают период с конца XIII в. до 60 гг. XIV в. Проанализировав артефакты, В.А. Винничек пришел к выводу, что между жителями Потодеевского селища и находившейся неподалёку Наручади были налажены товарно-денежные отношения. Их пик пришёлся на середину XIV в. (Винничек, 2004, с. 113).

В 2011 г. В.А. Винничек открыл золотоордынские селища близ деревень Ростовкино и Липяги Колышлейского района. Это позволило уточнить северную часть маршрута, проходившего по рекам Хопёр и Атмис. Еще один торговый путь, по мнению учёного, проходил от Укека в сторону Петровска и далее мимо пензенского райцентра Малая Сердоба (Винничек, 2010, с. 68).

Далее караваны направлялись к Хопру. В 2010 г. В.А. Винничек открыл и исследовал селище около с. Алферьевка Колышлейского района. Собранный подъемный материал – фрагменты глиняной и медной посуды, бронзовое зеркало, медный пул, чеканеный в 1361 г., – позволил датировать памятник археологии XIV в. (Винничек, 2010, с. 66). От Алферьевского селища караваны двигались левым берегом Хопра, между его истоком и Сурой. Затем маршрут поворачивал к верховьям реки Мокши и далее в направлении Наручади (Нуриджана) (Винничек, 2010, с. 68). Проникновение изразцов, бус и поливной кашинной посуды из низовий Волги в Верховья Суры и Мокши В.А. Винничек и К.М. Киреева датируют серединой XIV в. (Винничек, Киреева, 2012, с. 69). Именно в это время наблюдается рост торговли между Золотой Ордой, Средней Азией и странами Ближнего Востока. Прослеживаются контакты с Северным Причерноморьем – Крымом, откуда завозилась майоликовая посуда (Винничек, Киреева, 2012, с. 70). Купеческие караваны двигались по территории Сурского края и в периоды «Великой Замятни» и эпидемий чумы, и значительно позже – при ханах Абдуллахе и Тохтамыше. На это указывает собранный на местах стоянок нумизматический материал (Винничек, 2004, с. 18).

Хронологически можно выделить три этапа активного изучения памятников археологии золотоордынского периода на территории Пензенской области. Первый приходятся

на 1920 гг. и связан с деятельностью саратовского учёного А.А. Кроткова. Он открыл для науки упоминаемую в русских летописях Наручадь – город Мохши, раскопал и изучил ряд объектов гражданской архитектуры XIV в. Несмотря на допущенные при анализе находок ошибки, работа А.А. Кроткова заложила основу для более детального исследования прошлого Наровчата и его окрестностей. Второй период приходится на 1950–1960 гг. и связан с экспедициями под руководством сотрудника Института археологии АН СССР А.Е Алиховой и специалиста Пензенского краеведческого музея М.Р. Полесских. А.Е. Алихова провела раскопки производственных, гражданских и погребальных сооружений на территории Наровчата. М.Р. Полесских открыл и исследовал ранее неизвестные селища и могильники XIV в.

Третий этап, с перерывами, начался в 1989 г и продолжается и поныне. На территории столицы золотоордынского улуса Мохши работали и совместно, и по отдельности экспедиции Марийского государственного университета под руководством Ю.А Зеленеева и Пензенского государственного педагогического университета под руководством Г.Н. Белорыбкина. Археолог В.А. Винничек открыл и исследует уже известные средневековые селища, находящиеся на маршруте торговых путей XIV в. Материалы многолетних раскопок Мохши представлены в экспозициях Наровчатского краеведческого музея. В планах пензенских археологов и их коллег из Казани и Йошкар-Олы музеефикация архитектурных сооружений средневекового города, организация поэтапного изучения золотоордынского периода в истории Пензенской области.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С.И., Данилов О.В., Зеленеев Ю.А., Румянцев Г.Г., Тойшев В.В., Шакиров А.Г. Средневековая археологическая экспедиция Марийского государственного университета // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Наговицын Л.А. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 71-78.

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 212–258.

Алихова А.Е. Отчет об археологических работах Мордовской археологической экспедиции в Наровчате. М., 1959 // Архив ИА РАН. Р-1. №1910.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области 1960 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2102.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области. М., 1961. 15 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2318.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках в с. Наровчат Пензенской области. М., 1962. 18 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2570.

Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши – Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–236.

Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. №4. С. 166–179.

Бездудный В.Г., Белорыбкин Г.Н. Проведение геофизических исследований (магнитометрии) Никольского селища в Кузнецком районе Пензенской области // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2022. С. 329–343.

Белорыбкин Г.Н. История изучения города Мохши // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 25–29.

Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2021. 250 с.

Белорыбкин Г.Н., Зеленеев Ю.А., Ситдиков А.Г. Основные итоги археологического изучения Наровчатского городища (г. Мохши) и его окрестностей // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 82–97.

Белоусов С.В. Монетный двор города Мохши // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 114–119.

Белоусов С.В., Голубев О.В. Типы мохшинских монет // Краеведение. 1998. № 3–4. Пенза. С. 31–34.

Беляев Я.Б. Шитов В.Н. Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково // Из истории области: очерки краеведов. Вып. 2. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1990. С. 92–95.

Бочкарёва Е.Е. Историческая топография золотордынского города Мохши // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 19–25.

Винничек В.А. Археологические исследования в районе Усть-Узинского могильника // Finno-Ugrica. 2002. № 1 (5–6). С. 44–55.

Винничек В.А. Саловское селище – памятник времени Золотой Орды в Верхнем Посурье // Записки краеведов. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Е. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 78–86.

Винничек В.А. Находка на лесной дороге. (Остатки монетного комплекса с Ахунского селища) // Нумизматика. 2004. № 4. С. 18–22.

Винничек В.А. Алферьевское селище в системе золотордынских памятников на территории Пензенского края // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 66–71.

Винничек В.А., Сафронов П.И. Предметы из цветного металла с поселений Верхнего Посурья // Материалы международной научно-практической конференции «Моя Малая Родина». Вып. 4 / Отв. Ред. В.Е. Малязёв. Степановка-Пенза: МБОУ СОШ с.Степановки, 2007. С. 97–128.

Винничек В.А. К вопросу о северной части торгового пути от Укека к Мохши // Пензенский археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2012. С. 39–44.

Винничек В.А., Киреева К.М. Бронзовые зеркала со средневековых памятников верховий Суры и Мокши // Пензенский археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2012. С. 47–61.

Винничек В.А., Киреева К.П. К вопросу о проникновении в Верхнее Посурье и Примокшанье керамических изделий из нижневолжских городов и восточных стран XIV в. // Пензенский археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2012. С. 62–76.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Монеты Никольского селища. Пенза. 2021. 28 с.

Винничек В.А., Винничек К.М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 87 с.

Винничек В.А., Винничек К.М. Матрица с Никольского селища // Пензенский археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2023. С. 93–97.

Винничек В.А., Винничек К.М. Новые находки средневековых материалов на Никольском селище // Пензенский археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2023. С. 98–117.

Голубев О.В., Лебедев В.П. Монетный комплекс XIV в. из села Коповка Пензенской области // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С.497–508.

Голубев О.В. Территория распространения монет чекана Мохши // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 119–122.

Голубев О.В., Павлихин А.В. Клад золотоордынских монет из Михайлово-Тезиково // Пензенский археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2023. С.137–145.

Голубев О.В., Павлихин А.В. Монетный комплекс из окрестностей с. Ольгино в контексте истории улуса Мохши // Пензенский археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2023. С. 145–190.

Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленеев Ю.А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 71–79.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических исследованиях в Наровчатском районе Пензенской области. 1989. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13631.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках на Наровчатском водохранилище (г. Мохши) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16508.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических исследованиях в Наровчатском районе в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1., № 18384. 41 с.

Зеленеев Ю.А., Румянцев Г.Г. Исследования Наровчатского городища / Археологические исследования Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 45–46.

Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 37–47.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

Зиливинская Э.Д. Среднеазиатские параллели в мемориальном зодчестве Мохши // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 122–133.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Иконников Д.С. Материалы с Никольского селища XIII-XIV вв. // Пензенский археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2012. С. 107–163.

Иконников Д.С. Баишева М.И. Топография золотоордынского города Мохши XIII-XIV вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 1. С. 82–91.

Иконников Д.С., Калмина О.А., Калмин О.В. Череп из Чернозерского могильника // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 2. С. 30–33.

Кротков А.А. Два собрания джучидских монет / Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов: Издание Нижне-Волжского общества краеведения, 1930. 42 с.

Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Пенза, 1939. 74 с.

Курочкина С.А. Керамика золотоордынского города Мохши // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 25–29.

Мухаметшин Д.Г. Монеты Мохши из фондов БГИАМЗ // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: ИПР «Информэлектро», 2000, С. 50–55.

Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Пензен. книжн. изд-во, 1958. 60 с.

Осипова Т.В. Особенности погребального обряда мавзолея №1 г. Мохши // Пензенский археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2023. С. 190–195.

Первушкин В.И. Чернозерский могильник (по материалам раскопок Н. И. Спрыгиной в 1928 г.) / Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. 382 с.

Петров П.Н. Регион Мохши и город и область Наручать (Нумизматический источник и Монетное обращение) // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2022. С. 329–343.

Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза: Пензен. кн. изд-во, 1956. 103 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 55 с.

Спицын А.А. Древности Пензенской губернии / Труды ПОЛЕ. Вып. VII. Пенза. 1925. 14 с.

Ставицкий В.В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 155–167.

Терёхин В. М. Ефаевский могильник // ИОАИЭ. 1897. Т. 14. Вып. 1. С. 365–366.

Терёхин В.М. Город Наровчат в археологическом отношении // Пензенские губернские ведомости. 1901. № 142. С. 2.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1960. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1963. С. 165–221.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Халиков А.Х. Отчет о работе Армиёвской археологической экспедиции в 1982 г. // Белорыбкин Г.Н., Измайлов И.Л., Мельниченко О. В., Осипова Т.В., Павлихин А.В., Халиков А.Х. Армиёвский курган-

но-грунтовой могильник / Археология евразийских степей. Вып. 28. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. С. 309–313.

Информация об авторе:

Иналдиев Евгений Михайлович, научный сотрудник Центра историко-культурного наследия, Институт регионального развития Пензенской области (г. Пенза, Россия); inaldiev@yandex.ru

REFERENCES

Alekseev, S. I., Danilov, O. V., Zeleneev, Yu. A., Rumyantsev, G. G., Toishev, V. V., Shakirov, A. G. 1991. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 107–109 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papares)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 212–258 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Narovchate (Report on the archaeological work of the Mordovia archaeological expedition at Narovchat). Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1910 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1960. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition in the Narovchat village of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2102 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1961. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition in the Narovchat village of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2318 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1962. *Otchet o raskopkakh v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations in the Narovchat village of the Penza Region*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2570 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1973. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 226–236 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1976. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 166–179 (in Russian).

Bezdudny, V. G., Belorybkin, G. N. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: "PIRO" Publ., 329–343 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 25–29 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021 *Srednevekovyi gorod Mokhshi i (The Medieval Town Mokhshi)*. Penza (in Russian).

Belorybkin, G. N., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 82–97 (in Russian).

Belousov, S. V. 1995. In Kasimov, A. S. (ed.). *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya (Pages of the History of the Volga-Don Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 114–119 (in Russian).

Belousov, S. V., Golubev, O. V. 1998. In *Kraevedenie (Local Studies)* 3–4, 31–34 (in Russian).

Belyaev, Ya. B., Shitov, V. N. 1990. In *Iz istorii oblasti: ocherki kraevedov (From the history of the region: essays by local historians)* 2. Penza, 92–95 (in Russian).

Bochkareva, E. E. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 19–25 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2002. In *Finno-Ugrica* 1 (12−13), 44–55 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2003. In Belorybkin, G. N. (ed.). Zapiski kraevedov (Notes by Local Historians) 1. Penza, 78–86 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2004. In *Numizmatika (Numismatics)* (4), 18–22 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 66–71 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Safronov, P. I. 2007. In Malyazev, V. E. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Moya Malaya Rodina» (Proceedings of the International scientific and practical conference "My Small Motherland")* 4. Stepanovka, Penza, 97–128 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2012. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 4. Penza: “PIRO” Publ., 39–44 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2012. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 4. Penza: “PIRO” Publ., 47–61 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Kireeva, K. P. 2012. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 4. Penza: “PIRO” Publ., 62–76 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P. 2021. *Monety Nikol'skogo selishcha (Coins from the Nikolskoye settlement).* Penza: “Oblastnoy izdatel'skiy tsentr” Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2023. *Srednevekovye drevnosti Nikol'skogo selishcha (Medieval antiquities of the Nikolskoye settlement*). Penza: “PIRO” Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: “PIRO” Publ., 93–97 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Vinnichek, K. M. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: “PIRO” Publ., 98–117 (in Russian).

Golubev, O. V., Lebedev, V. P. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney) (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day))*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 497–508 (in Russian).

Golubev, O. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 119–122 (in Russian).

Golubev, O. V., Pavlikhin, A. V. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: “PIRO” Publ., 137–145 (in Russian).

Golubev, O. V., Pavlikhin, A. V. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: “PIRO” Publ., 145–190 (in Russian).

Dvornichenko, V. V., Egorov, V. L., Zeleneev, Yu. A. 2002. In Egorov, V. L., Zeleneev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 135. Moscow: State Historical Museum Publ., 71–79 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Narovchatskom rayone Penzenskoy oblasti (Report on archaeological investigation in the Narovchatsky District of the Penza Region*). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 13631 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1990. *Otchet o raskopkakh na Narovchatskom vodokhranilishche (g. Mokhshi) v 1990 g. (Report on excavations at the Narovchat reservoir (Mukhsha) in 1990))*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 16508 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Narovchatskom rayone v 1993 g. (Report on archaeological research in the Narovchat district in 1993).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 16508 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Rumyantseva, G. G. 1994. In Nikitin, V. V. (ed.). Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh’ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region). Yoshkar-Ola: Mari State University, 45–46 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Zelentsova, O. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 37–47 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2018. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 2. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Architecture).* Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 122–133 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ikonnikov, D. S. 2012. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: “PIRO” Publ., 107–163 (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Baisheva, M. I. 2018. In *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Penza State University)* 1, 82–91 (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Kalmina, O. A., Kalmin, O. V. 2019. *In Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Penza State University)* 2, 30–33 (in Russian).

Krotkov, A. A. 1930. *Dva sobraniya dzhuchidskikh monet (Two collections of Jochid coins).* Series: Trudy Nizhne-Volzhskogo obshchestva krayevedeniya (Proceedings of the Lower Volga Local History Society) 37. Saratov: "Nizhne-Volzhskoe obshchestvo krayevedeniya" Publ. (in Russian).

Krotkov, A. A. 1939. *Narovchat i ego okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii (Posvyashhaetsya Narovchatskomu kruzhku kraevedeniya) (Narovchat and its environs in historical and archaeological respect.).* Penza (in Russian).

Kurochkina, S. A. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 25–29 (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 2000. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas)* III = *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 2. Moscow: "Informelektro" Publ., 50–55 (in Russian).

Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochniy gorod Mokhshi (Mysterious town of Mokhshi).* Penza: "Penza book publishing house" Publ. (in Russian).

Osina, T. V. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: "PIRO" Publ., 190–195 (in Russian).

Pervushkin, V. I. 1992. *Chernozerskiy mogil'nik (po materialam raskopok N. I. Spryginoy v 1928 g.) (Chernozersk burial ground (based on the materials of N. I. Sprygina's excavations in 1928)).* Series: Novye stranitsy istorii Otechestva (New pages of the Fatherland history). Penza, (in Russian).

Petrov, P. N. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: "PIRO" Publ., 329–343 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1956. *V nedrakh vremen* (*In the Depths of Time*). Penza: "Penzenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Monuments of Penza Oblast).* Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1925. *Drevnosti Penzenskoi gubernii (Antiquities of Penza Governorate).* Series: Trudy Penzenskogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia i kraevedeniia (Proceedings of the Penza Natural History and Local Lore Society). 7. Penza (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 155–167 (in Russian).

Terekhin, V. M. 1897. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 14 (1), 365–366 (in Russian).

Terekhin, V. M. 1901. In *Penzenskie gubernskie vedomosti (Penza Provincial Bulletin)* 142, 2 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1963. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* IV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 9165–221 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy* (*Coinage of the Golden Horde*). Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 2022. In Belorybkin, G. N., Izmailov, I. L., Mel'nichenko, O. V., Osipova, T. V., Pavlikhin, A. V., Khalikov, A. Kh. *Armievskiy kurganno-gruntovoy mogil'nik (Armiyevo kurgan-ground burial ground).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 28. Voronezh: "ALEKS PRINT" Publ., 309–313 (in Russian).

About the Author:

Inaldiev Evgeniy M., Institute for Regional Development of the Penza Region. Popov, str., 40, Penza, 44049, Russian Federation; inaldiev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.02.2024 г.

УДК 902.26/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.121.133

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ)

© 2024 г. С.А. Кишинская

Статья посвящена исследованию памятников Золотой Орды на территории Пензенского края и их картографированию – не просто территориальному анализу археологических памятников посредством карт, но и их изучению. Не смотря на пристальное внимание к памятникам XIII-XIV вв., на сегодняшний день их и опыта археологического картографирования в Пензенском регионе известно немного. В XIX и XX веках археологическими исследованиями на территории региона занимались учёные В.М. Терёхин, А.А. Кротков, Н.И. Спрыгина, А.А. Спицин, А.Е. Алихова, М.Р. Полесских, В.И. Лебедев, В.И. Первушкин, Я.Б. Беляев, В.Н. Шитов, Г.Н. Белорыбкин. Последним проводились и проводятся массовые раскопки на Наровчатском городище. В начале XXI века исследованиями занимались и занимаются В.А. Винничек, В.П. Лебедев, Т.В. Осипова и ряд других. Вопросы перспектив развития памятников рассматривали Г.Н. Белорыбкин, Ю.А. Зеленеев, В.В. Ставицкий, А.Г. Ситдиков. Результаты исследований опубликованы в статьях, монографиях, выставлены в музеях Пензы и районных центров. В планах – музеефикация археологических памятников в архитектурных сооружениях в г. Наровчат, с. Золотарёвка и др.

Ключевые слова: археология, картографирование, памятники, поселения, городища, селища, монетные клады, находки, Золотая Орда, вторая половина XIII – XIV вв.

THE GOLDEN HORDE ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE PENZA REGION (MAPING EXPERIENCE)

S.A. Kishinskaya

The paper deals with the study of the Golden Horde sites in the Penza region and their mapping – not just the territorial analysis of archaeological sites, using maps, but also their study. Despite the close attention to the sites of the XIII–XIV centuries, little is known about them and the experience of archaeological mapping in the Penza region. In the XIX and XX centuries, archaeological studies in the region were carried out by V.M. Teryokhin, A.A. Krotkov, N.I. Sprygina, A.A. Spitsin, A.Ye. Alikhova, M.R. Polesskikh, V.I. Lebedev, V.I. Pervushkin, Ya.B. Belyaev, V.N. Shitov, G.N. Belorybkin. The last one carries out excavations on the Narovchat settlement. At the beginning of the XXI century, archaeological studies were and are being carried out by V.A. Vinnichek, V.P. Lebedev, T.V. Osipova and others. The prospects for the development of monuments were considered by G.N. Belorybkin, Yu.A. Zeleneyev, V.V. Stavitsky, A.G. Sitdikov. The research results were published in articles, monographs, and exhibited in museums in Penza and regional centers. The plans include the museumification of archaeological sites in architectural structures in the city of Narovchat, village of Zolotaryovka and others.

Keywords: archaeology, mapping, sites, settlements, ancient settlements, coin hoards, finds, Golden Horde, second half of the XIII – XIV centuries.

Несмотря на пристальное внимание к памятникам XIII–XIV вв., на сегодняшний день их в Пензенском регионе известно немного. Опыт археологического картографирования – не только составление карт археологических памятников, но и их территориальный анализ – также недостаточен.

Сведения об археологических памятниках использовались многими исследователями и учёными начиная с XIX века. Они представлены в таблице и карте (таблица 1; рис. 1 – карта).

Поселения

Открыты и частично исследованы памятники золотоордынского времени в 13 районах Пензенской области: Беднодемьяновском, Белинском, Вадинском, Городищенском, Земетчинском, Каменском, Колышлейском, Кузнецком, Мокшанском, Наровчатском, Пачелмском, Пензенском и Шемышейском.

Это: 12 поселений, 7 могильников, 16 монетных кладов, 6 мест с отдельными находками.

Среди этих памятников особый интерес вызывают 12 поселений: 1 городище (Наровчатское) и 11 селищ (Ахунское, Алферьевское, Вадинское, Калашный Затон, Красный Восток, Липяги, Никольское, Потодеевское, Ростовкинское, Саловское I (Александровское), Студенец).

Более изученным является **Наровчатское городище**. Первые сведения о находках с данного памятника относятся ещё к началу XIX века. Более пристальное изучение Наровчатского городища велось на всём протяжении XX века. В разное время комплекс упоминали и исследовали П.П. Семёнов, Х.М. Френ, В.М. Терёхин, И.Ф. Садин, А.А. Кротков, А.Е. Алихова, М.Р. Полесских, В.И. Лебедев, Ю.А. Зеленеев, Г.Н. Белорыбкин и др. (Белорыбкин, Зеленеев Ю.А., Ситдиков А. Г., 2022, с. 85–96).

Средневековый город Мохши (Наровчатский археологический комплекс) занимает огромную территорию, большая часть

Таблица 1. Археологические памятники Золотой Орды на территории Пензенской области
Table 1. The Golden Horde archaeological sites in the Penza region

№ п/п	Название района	Название памятника и значимые находки	Автор открытия, дата	Исследователи, даты исследований
1.	Беднодемьяновский	Беднодемьяновский могильник	Полесских М.Р., 1970.	
2.	Белинский	монетный клад у с. Корсаевка	Полесских М.Р., 1970.	
3.	Вадинский	Вадинское селище	Полесских М.Р., 1970	
		Кармалейский могильник	Полесских М.Р., 1970	Белорыбкин Г.Н., 1988, Расторопов А.В., 1988
		монетный клад у с. Вадинск	Полесских М.Р., 1970.	
		монетный клад у с. Ольгино	Полесских М.Р., 1970	
4.	Городищенский	монетный клад у с. Средняя Елюзань	Полесских М.Р., 1970.	
		монетный клад у с. Чаадаевка	Полесских М.Р., 1970.	
5.	Земетчинский	монетный клад у с. Большая Ижмора	Полесских М.Р., 1970	
		монетный клад у с. Вяземка	Полесских М.Р., 1970	
		монетный клад у с. Сядемка	Полесских М.Р., 1970.	
6.	Каменский	Ростовкинское селище	Винничек В.И., 2000	
		монетный клад у с. Головищино	Полесских М.Р., 1970	
7.	Колышлейский	Алферьевское селище	Винничек В.А., 2012	
		Липяговское селище (фрагмент браслета)	Винничек В.А., 2012	
8.	Кузнецкий	Никольское селище (горн для обжига гончарной посуды)	Полесских М.Р., 1970	Белорыбкин Г.Н., 1984; Иконников Д.С., 2008; Винничек В.А., 2022
		монетный клад у д. Шишовка монетный клад у г.Кузнецка		
9.	Малосердобинский	монетный клад	Полесских М. Р., 1970	
10.	Мокшанский	Чернозёрский могильник	Полесских М. Р. 1970	Беляев Я.Б., Шитов В.Н., 1981
		Долгоруковский могильник	Спрыгина Н.И., 1928	Первушкин В.В., 1992

11.	Наровчатский	Наровчатское городище. Остатки кирпичных зданий и водопровода; древние могилы; стены из камня; группа каменных плит в центральной части Наровчата; игральные кости; звенья цепи; наконечники стрел.	Семёнов П.П., 1890	Френ Х.М. 1832; Терёхин В.М., 1893; Садин И.Ф., 1914; Кротков А.А., 1916, 1925; Алихова А.Е. 1948, 1973, 1976); Полесских М.Р., 1950-е; Лебедев В.И. 1950-е; Зеленеев Ю.А., 1989-1990, 1994; Белорыбкин Г.Н., с 1997; Осипова Т.В. 2000-е; Белоусов С.В., 1995; Зиливинская Э.Д., 2001.
		Потодеевское селище. Монеты медные и серебряные монеты. Украшения: фрагмент бронзовой серьги; браслеты из бронзы и железа; перстни из бронзы и железа; бронзовая половинка бубенца; бронзовая пуговица-привеска; круглая бронзовая подвеска; бронзовая сюльгама; кольцевая застёжка; ременная бронзовая с серебрением накладка; фрагменты глиняной, медной и чугунной посуды; фрагмент бронзового зеркала; фрагмент железного хомутика; фрагмент фитильной трубки; гвозди; шило; ножи; фрагмент пружинных ножниц, замки, ключи, пряслице и крюк.	Полесских М.Р., 1964	Винничек В.А., 2003 Лебедев В.П., 2003
		Селище Красный Восток	Полесских М.Р., 1964	Винничек В.А., 2007
		Казбекский могильник	Спицын А.А., 1964	Антропологическая комплексная экспедиция МГУ Пензенский областной музей, 1964; Винничек В.А. , 2007
		Старосотенский могильник	Кротков А.А., 1925	Алихова А.Е., 1948, 1959
		Акимовщинский могильник	Полесских М.Р., 1970	Белорыбкин Г.Н.; Винничек В.А., 2001
		монеты за пределами г. Мохши	Френ Х.Д., 1832	Полесских М.Р., 1970
		монетный клад у с.Тезиково-Михайловское	Полесских М.Р., 1970	
10.	Пачелмский	Студенец селище	Полесских М.Р., 1970	
		Находки: красная гончарная керамика, кости, уголь, пряслица, железные шлаки		

11.	Пензенский	Саловское I селище (Александровское) селище	Первушкин В.И., 1989	Винничек В.А., 2023
		селище Калашный Затон (Целибуха)	Спрыгина Н.И., 1928-1930	
		Ахунское селище	Полесских М. Р., 1970	Иконников Д.С., Винничек В.А., 2000
		находки	Полесских М.Р., 1970	
12.	Шемышейский	находки у селища Валдалуга (у Армиёвского могильника): гончарная керамика красного цвета с лепным орнаментом; развал большого хумовидного гончарного красноглиняного сосуда с тонколитейным волнистым и горизонтальным орнаментом в верхней части.	Экспедиция Казанского государственного университета, Белорыбкин Г.Н., 1982	

которой сейчас находится под современной застройкой с. Наровчат (Пензенская область). Его изучению посвящено много внимания исследователей. В результате был получен обширный материал, изучена планиграфия комплекса, в разные годы вышло большое количество статей, посвящённых как отдельным находкам, так и комплексным работам по археологии города Мохши (Осипова, 2023, с. 190).

Первооткрыватель Наровчатского городища В.М. Терёхин характеризует находки территории памятника. В частности, он отмечает: «На этом же городище и на самом том месте, где стоит в настоящее время г. Наровчат, при рытье колодцев и погребов, на аршин глубины, некоторыми местными жителями были не раз находимы целые стены, выложенные из каких-то твёрдых квадратной формы кирпичей – всё это говорит о будущей большой находке» (Терёхин, 1901, № 143). Кроме того, в 1901 году В.М. Терёхин в числе первых обратил внимание на важную находку – большую группу каменных плит, обнаруженных во время строительства Покровского Собора в центральной части Наровчата.

Известный археолог А.А. Кротков писал: «Г. Наровчат, незначительный ныне городок Пензенской области, в своей истории пережил три периода своего существования: монгольский, татаро-монгольский и русский… Второй период – это татарский Норовчат XIII–XIV в., который в 1313 г. при Узбекхане был сделан административно-торговым центром среди мордовско-мокшанских земель с данным ему правом бить свою местную серебряную и медную монету, на которой мы встречаем два имени этого города «Но/уринджат» /в мордовском речении/ и «Мо/ухши» /в татарском речении/, в русских летописях: «Наручад». Существование его как татарского города продолжалось с XII в. до 1395 года, когда он был сложен и разрушен войсками Тимур-Ленга. Население смешанное – мокши и татары» (Кротков, 2011, с. 40).

М.Р. Полесских, пензенский археолог и краевед, уделял большое внимание материалам Наровчатского городища. В своих работах он нередко упоминал о находках, которые свидетельствовали о развитом ремесле на памятнике: о находках железных изделий и отходов кузнечного ремесла, о керамических материалах (в том числе о деталях водопроводных труб и кирпичей) (Полесских, 1970, с. 95). Также М.Р. Полесских указал: «Большой интерес представляет Наровчатское городище. Основу крепостного сооружения составляет здесь широкий ров глубиной до 3 метров, который огибает полукругом мыс, образованный рекой Шелдаисом и впадающей в неё речкой Лапыжовкой; на этом мысе ныне расположено село Наровчат. По обеим сторонам рва, возможно в своё время заполнявшегося водой, прослеживаются остатки валов. У самого окончания рва, в северной его части, имеется интересное земляное сооружение,

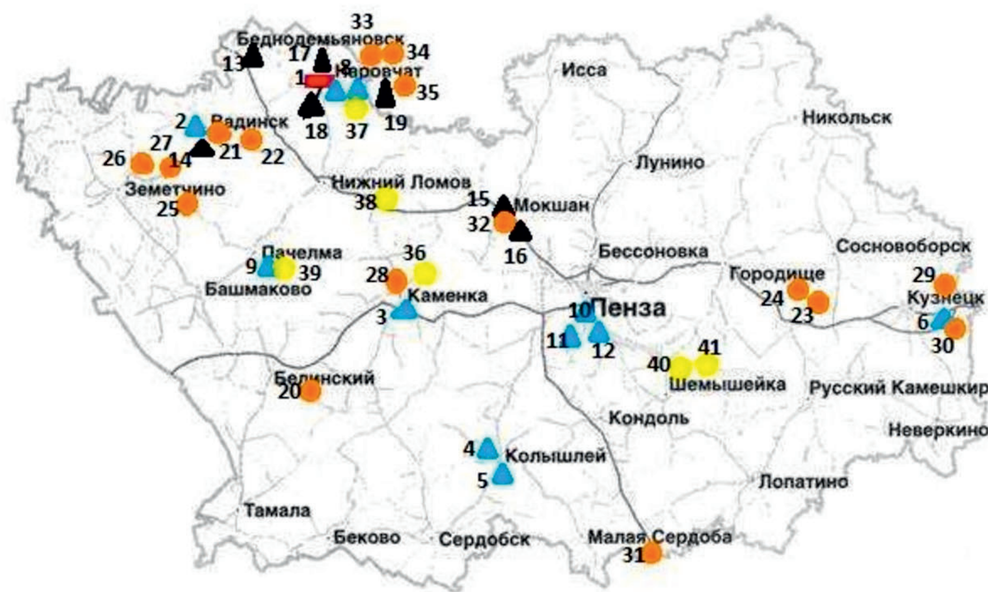

Рис. 1. Карта археологических памятников Золотой Орды на территории Пензенской области.

Условные обозначения:

– городище (1): 1 – Наровчатское (Наровчатский район); – селище (11): 2 – Вадинское (Вадинский район); 3 – Ростовкинское (Каменский район); 4 – Алферьевское, 5 – Липяговское (Колышлейский район); 6 – Никольское (Кузнецкий район); 7 – Потодеевское, 8 – Красный Восток (Наровчатский район); 9 – Студенец (Пачелмский район); 10 – Калашный Затон, 11 – Ахунское, 12 – Саловское I (Александровское) (Пензенский район); – могильники (7): 13 – Беднодемьяновский (Беднодемьяновский район); 14 – Кармалейский (Вадинский район); 15 – Чернозерский, 16 – Долгоруковский (Мокшанский район); 17 – Акимовщинский, 18 – Старосотенский, 19 – Казбекский (Наровчатский район); – монетный клад (16): 20 – с. Корсаевка (Белинский район); 21 – у с. Вадинск, 22 – с. Ольгино (Вадинский район), 23 – Средняя Елюзань, 24 – с. Чаадаевка (Городищенский район); 25 – с. Большая Ижмора, 26 – с. Вяземка, 27 – с. Сядемка (Земетчинский район); 28 – с. Головинщино (Каменский район); 29 – г. Кузнецк; 30 – д. Шишовка (Кузнецкий район); 31 – с. Малая Сердоба (Малосердобинский район); 32 – с. Чернозерье (Мокшанский район); 33 – г. Наровчат; 34 – с. Кадыковка; 35 – с. Тезиково-Михайловское (Наровчатский район); – другие находки (6): 36 – с. Крыловка (Каменский район); 37 – Потодеевское селище (Наровчатский район); 38 – с. Прянзерки (Нижнеломовский район); 39 – с. Шейно (Пачелмский район); 40 – Армиёво; 41 – Валдалуга (Шемышейский район).

Fig. 1. Location of the Golden Horde archaeological sites in the Penza region.

Legend:

- fortified settlement (1): 1– Narovchat (Narovchat district); - unfortified settlements (11): 2 – Vadinsk (Vadinsk district); 3 – Rostovka (Kamenka district); 4 – Alferyevka, 5 – Lipyagi (Kolyshley district); 6 – Nikolskoye (Kuznetsk district); 7 – Potodeyevo; 8 – Krasny Vostok (Narovchat district); 9 – Studenets (Pachelma district); 10 – Kalashny Zaton, 11 – Akhuny; 12 – Salovka I (Aleksandrovka) (Penza district); - burial grounds (7): 13 – Bednodemyanovsk (Bednodemyanovsk district); 14 – Karmaleyka (Vadinsk district); 15 - Chernozerye, 16 - Dolgorukovo (Mokshan district); 17 - Akimovshchino, 18 - Starosotensky, 19 - Kazbeksky (Narovchat district); – coin hoards (16): 20 – Korsayevka (Belinsky district); 21 – nearby Vadinsk; 22 – Olgino (Vadinsk district); 23 – Srednyaya Elyuzan; 24 – Chaadayevka (Gorodishche district); 25 – Bolshaya Izhmora; 26 – Vyazemka; 27 – Syademka (Zemetchino district); 28 – Golovinshchino (Kamenka district); 29 – Kuznetsk; 30 – Shishovka (Kuznetsk district); 31 – Malaya –Serdoba (Malaya Serdoba district); 32 – Chernozerye (Mokshan district); 33 – Narovchat; 34 – Kadykovka; 35 – Tezikovo-Mikhailovskoye Mikhailovo-Tezikovo (Narovchat district); – other finds (6): 36 – Krylovka (Kamensk district); 37 – Potodeyevo settlement (Narovchat district); 38 – Pryanzerki (Nizhniy Lomov district); 39 – Sheino (Pachelma district); 40 – Armiyovo; 41 – Valdaluga (Shemysheyka district).

состоящее из двух невысоких валов длиной около двадцати пяти метров, при этом один из них, подобный подкове, огибает своими концами концы второго вала; между валами сохранилось углубление. Всё сооружение как бы нависает над крутым спуском к лощине, примыкающей к городищу со стороны поля. Это была, по-видимому, особым образом

устроенная часть бруствера, возможно наблюдательный пункт крепости» (Полесских, 1956, с. 84).

Наровчатское городище уже во второй половине XIII в. выступает как административно-хозяйственный центр всего региона. Свидетельством тому стала и чеканка монет с именем города Мохши, и распространение ремесленных изделий из Мохши по всему Примокшанью. Наибольшее количество поселений оказалось сосредоточено вокруг г. Мохши и по берегам р. Мокши. Таким образом, центр развития переместился из Верхнего Посурья в Примокшанье. И хотя в Верхнем Посурье было несколько поселений в золотоордынское время (Никольское, Саловское, Армиёвское, Алферьевское селища XIII–XIV вв.), они уже не играли доминирующей роли.

Как и все золотоордынские города, Мохши был центром, куда стекались материальные ценности со всей округи, поскольку здесь проживала феодальная элита, представители которой были главными заказчиками изготовления ремесленных изделий и предметов искусства. Именно это обуславливало быстрое экономическое и культурное развитие городов и их округи, в том числе и города Мохши (Белорыбкин, 2010, с. 137).

Вещевой комплекс Наровчатского городища и его окрестностей может дать богатый материал для реконструкции истории хозяйственной деятельности региона в золотоордынское время. В настоящее время в распоряжении археологов находятся сельскохозяйственные, ремесленные и торговые инструменты (Иконников, 2010, с. 100).

Находки жерновов от ручных мельниц указывают на то, что местное население употребляло в пищу хлеб, выпеченный из муки. Ещё одна находка может косвенным образом указывать на развитое хозяйство округа города Мохши – это тесак для рубки капусты, обнаруженный в заполнении околотопочной ямы на Советской площади. Эта находка говорит о том, что в округе выращивались огородные культуры (Иконников, 2010, с. 125).

Большое количество костей животных вперемешку с золотоордынской керамикой говорит о том, что на Наровчатском городище сохранились следы развитого скотоводства. Животные разводились для пищевых целей. При закладке других разведочных траншей в том же районе были найдены ещё две ямы. В них также было обнаружено большое число костей животных (Алихова, Отчёт…, 1962, с. 30–31).

В культурных слоях города Мохши второй половины XII–XIV вв. нередко встречаются кости животных. Они принадлежат трём видам животных – крупному рогатому скоту, мелкому рогатому скоту и лошадям. Это напоминает видовой состав стад домонгольских памятников булгарского типа Верхнего Посурья.

Изучая находки и исследуя вышеперечисленные памятники, мы располагаем возможностью в общих чертах восстановить то, как развивалось местное ремесло, какие у него были особенности и какой след оно оставило в истории края (Иконников, 2010, с. 127–128).

Потодеевское селище золотоордынского времени в окрестностях села Потодеево Наровчатского района было открыто в 1964 г. экспедицией Пензенского государственного педагогического института и Пензенского областного музея под руководством М.Р. Полесских (Полесских, 1970, с. 97).

Памятник расположен на высокой песчаной дюне в 1 км к востоку от села, на правом берегу р. Мокши. Поселение находится в 6 км к югу от районного центра Наровчат (г. Мохши) и в 3 км к западу от Казбекского могильника языческой мордвы-мокши XIV в. (с. Красный Восток, южная окраина).

В 2003 году экспедиция многопрофильного палаточного передвижного летнего лагеря «Юный археолог» г. Заречного провела обследование места расположения Потодеевского селища и выявила, что памятник разрушается. На дне и склонах карьера были собраны археологические материалы, которые представлены украшениями, элементами одежды, предметами быта и вооружения, а также монетами.

Гистограммы монетных комплексов г. Мохши и одного из поселений его округи отчётливо показывают, что денежное обращение, а следовательно, и хозяйственная деятельность здесь практически внезапно прекратились во второй половине 60-х гг. XIV в., когда экономический уровень развития был очень высоким. В эти годы также внезапно прекратили своё функционирование и другие ордынские поселения в Волго-Окском междуречье в результате эпидемии чумы, охватив-

шей и русские княжества (Винничек, Лебедев, 2004, с. 104–120).

Селище Красный Восток находится к востоку от села Красный Восток Наровчатского района. Памятник расположен на высоком плато, к югу от которого протекает безымянный ручей, впадающий в старицу р. Мокши. Территория поселения ежегодно перепахивается. Мощность культурного слоя – около 30 см. Селище относится к группе поселений с ККГП (коричнево-красной гончарной посудой булгарского типа), находящихся в верхнем течении р. Мокши. С северо-западной стороны к селищу примыкает одноименный могильник мордвы-мокши VIII–IX вв., а с юго-западной – Казбекский могильник XIV в. Это, по-видимому, явилось причиной датировки поселения VIII–XIV вв. (Полесских, 1970, с. 93–94).

В Верхнем Посурье расположены два археологических памятника времени Золотой Орды. Это **Никольское селище** и **Саловское I селище (Александровское)**. Последнее находится в Пензенском районе, открыто В.И. Первушкиным в 1989 году (Винничек, 2003, с. 78).

Никольское селище находится на северной окраине с. Никольское Кузнецкого района и представляет собой издавна распахиваемое поле. Оно открыто П.С. Рыковым в 1925 году. Экспедиция Пензенского музея в 1956 году выявила два культурных наслоения: времени Золотой орды и срубного периода эпохи бронзы (Полесских, 1970, с. 75, 77).

Вадинское селище открыто М.Р. Полесских в одноимённом районе:

«В 7 км к югу от села и по дороге в с. Коповку на «Татарской горе» «старинное татарское селище». Здесь находили серебряные золотоордынские монеты, черепки глиняной посуды, металлическую утварь» (Полесских, 1970, с. 28).

Алферьевское селище находится на левом берегу Хопра в 1 км к юго-западу от села Алферьевка Колышлейского района Пензенской области. Поселение расположено на возвышенной террасе, его площадка издавна является пастбищем. Уже несколько лет селище перекапывается кладоискателями, из-за чего вся поверхность памятника покрыта ямками. В августе 2010 г. В. А. Винничеком был проведён осмотр поселения и собран подъёмный материал.

В XI веке на смену мордовской культуре приходит культура Волжской Булгарии, изделия которой встречаются как по всему Верхнему Посурью, так и на территории г. Пензы. Вероятно, здесь же проходил один из торговых путей, который соединял Верхнее Посурье с Примокшанскими землями и Северо-Восточной Русью. То же самое можно отнести и к золотоордынскому периоду. Керамика этого времени довольно часто встречается по берегам р. Суры. Иногда попадаются и золотоордынские монеты из серебра и меди. Особенно ярко это представлено на **Ахунском селище** (расположено в черте г. Пензы, за оврагом, к востоку от Ахунского II городища, в 157 и 160 квадратах Ахунского лесхоза). Оно было открыто в 2000 году (Винничек, Яньков, 2001, с. 24).

В XIII веке практически полностью прекращают существование памятники булгарского типа в Верхнем Посурье. Вместо них возникло всего лишь три золотоордынских поселения: Никольское, Александровское, **Калашный Затон** (Белорыбкин, 2003, с. 19). Калашный Затон находится в Пензенском районе, упоминается М.Р. Полесских (Полесских, 1970, с. 125).

Селище Студенец расположено у с. Черкасское Пачелмского района, в 8 км к северу от села, на поле у оврага Студенка. Открыто экспедицией Пензенского музея. Находки: красная гончарная керамика, кости, уголь, пряслица, железные шлаки (Полесских, 1970, с. 110; отчет за 1955 г.).

В своём издании Винничек В.А. указывает прохождение торговых путей через **Ростовкинское** (расположено в Каменском районе) и **Липяговское селища** (расположено в Колышлейском районе) (Винничек, Винничек, 2023, с. 77).

Могильники

При разведочных раскопках у с. Кармалейка (Вадинский район) М.Р. Полесских в 1953, 1955 годах было вскрыто пять погребений. Им отмечено сочетание культур Старосотенского и Наровчатского могильников в материалах **Кармалейского могильника** (Ставицкий, 2022, с. 158).

Чернозёрский могильник расположен в с. Чернозерье Мокшанского района на правом берегу реки Мокши. По мнению Н.И Спрыгиной, в этнокультурном отношении

могильник принадлежит мордве-мокше и датируется XIV–XV вв. (Первушкин, 1992, с. 11–13).

В 1981 году при археологическом обследовании верхнего Примокшанья у с. Долгоруково Мокшанского района Я.В. Беляевым и В.Н. Шитовым был обнаружен ранее неизвестный могильник эпохи Средневековья – Долгоруковский. Анализ погребального обряда и инвентаря не оставляет сомнений в принадлежности погребений мордве-мокше. Согласно хронологии мордовских древностей, разработанной А.Е. Алиховой, захоронение из **Долгоруковского могильника** датируется XIV в. (Беляев, Шитов, 1990, с. 92–95).

К_селищу Красный Восток (к востоку от села Красный Восток Наровчатского района Пензенской области) примыкает одноименный могильник мордвы-мокши VIII–IX вв., а с юго-западной – **Казбекский могильник** XIV в. (Полесских, 1970, с. 93–94; Винничек, 2007, с. 180). Во время раскопок, проведённых А.А. Спицыным в 1964 году на территории Казбекского могильника, было вскрыто 15 погребений XIV века. В дальнейшем памятник использовался Антропологической комплексной экспедицией МГУ, в этом же году – Пензенским областным музеем (Белорыбкин, Иконнников, Мельниченко, Винничек, Лебедев, Гумаюнов, Голубев, 2021, с. 144).

Акимовщинский могильник расположен в 18 км к югу от Наровчата за речкой Каурец, протекающей близ северной окраины села Акимовщино Наровчатского района. В 1976 году на площадке памятника, потревоженной земляными работами, экспедицией под руководством М.Р. Полесских был собран подъёмный материал, который датируется XIII–XIV вв. (Полесских, 1977) (Белорыбкин, Иконнников, Мельниченко, Винничек, Лебедев, Гумаюнов, Голубев, 2021, с. 146).

Старосотенский могильник был открыт в 1925 году А.А. Кротковым. Благодаря раскопочным работам 1925–1938 гг. была собрана масса археологических материалов. Однако даже в настоящее время границы могильника определены только приблизительно. Особенности погребального обряда и инвентаря указывают на мордовскую языческую погребальную традицию (Белорыбкин, 2021, с. 10–11).

Беднодемьяновский могильник открыт хозяйственными работами (Полесских, 1970, с. 13).

Монетные клады

В XX веке в Верхнем Посурье и Примокшанье было известно не менее 11 монетных кладов золотоордынских монет (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 145–146). В настоящее время на территории Пензенской области найдено 18 монетных кладов. В таблице (рис. 2) приведены данные о них: с. Корсаевка (Белинский район), с. Вадинск, с. Ольгино (Вадинский район), с. Средняя Елюзань, с. Чаадаевка (Городищенский район), с. Большая Ижмора, с. Вяземка, с. Сядемка (Земетчинский район), с. Головинщина (Каменский район), г. Кузнецк, д. Шишовка (Кузнецкий район), с. Малая Сердоба (Малосердобинский район), с. Чернозерье (Мокшанский район), г. Наровчат, д. Кадыковка, с. Тезиково-Михайловское (Наровчатский район), с. Прянзерки (Нижнеломовский район), с. Шейно (Пачелмский район).

Большая часть монетных кладов была открыта благодаря деятельности М.Р. Полесских во второй половине XX века. В 1847 г. близ села Корсаевка Белинского района найдено около 900 старинных серебряных монет величиною почти с гривенник. Монеты оказались золотоордынскими, хана Тохтамыша. Чеканены в Новом Сарае (1384, 1385) (Полесских, 1970, с. 19).

В 1927 г. в 3 км от с. Вадинск выпахан клад серебряных золотоордынских монет весом около 400 граммов. Монеты из этого клада поступили в Вадинский краеведческий музей (ныне не существует) (Полесских, 1970, с. 28). Клад джучинских серебряных монет найден колхозниками при рытье хозяйственных ям в Вадинском районе у с. Ольгино. По словам очевидцев, монет было много, но их растащили. Краеведу В.Д. Софронову удалось собрать 12 экземпляров и передать их в Пензенский краеведческий музей. Среди монет чекан Узбека, Сарай (1331, 1332 гг.), Джанибек, Сарай (Полесских, 1970, с. 33).

В с. Средняя Елюзань Городищенского района выкопан монетный клад: «В 1887 г. у села выпахан большой горшок с двумя ручками, наполненный доверху серебряной монетой чекана золотоордынских ханов 1324–1359 гг.» (Полесских, 1970, с. 40).

В окрестностях села Чаадаевка найден клад золотоордынских монет времён Тохтамыша (Полесских, 1970, с. 41).

Три монетных клада были найдены в Земетчинском районе.

В с. Большая Ижмора в 1885 г. на поле найден клад, состоящий из мелкой монеты в количестве около 200 шт. На монетах татарские надписи (Полесских, 1970, с. 43). В 1909 г. мальчики из с. Вяземка на расстоянии около двух вёрст от него, в местности под названием «Старый бор», на поверхности земли нашли 39 серебряных монет, оказавшихся татарскими (по А.А. Спицину – Токтогу и Узбека) (Полесских, 1970, с. 43–45). В с. Сядемка монетный клад найден пастухом Агашиным у оврага Чипикино. Монеты (300 экз.), по определению С.А. Яниной, русские подражания арабским дирхемам (Полесских, 1970, с. 46–47).

В окрестностях села Головищино Каменского района найден клад татарских (?) монет (Полесских, 1970, с. 52).

Монетный клад, отдельные находки, заключённые в кожаном мешочке, найдены в 1914 г. на землях Подраменского Кузнецкого района. Кроме монет обнаружены серебряное кольцо, нитка дутых, продолговатых овальных серебряных бус, четыре довольно крупного размера сюлгама с орнаментом под зернь на лопастях, круглая плоская, с центральной выемкой пряжка, обломки браслета из витой серебряной проволоки, обломки кольца и несколько серебряных прямых и полых трубочек-тройчаток из тонкой витой проволоки спиралью. В кладе оказалось 1436 монет, которые носят на себе имена ханов Золотой орды за 52 года – с 1310 по 1362 гг. включительно. Судьба клада неизвестна (Полесских, 1970, с. 74–75).

В окрестностях села Никольское Кузнецкого района на селище находки золотоордынского времени: железные вещи, золотоордынские монеты (Полесских, 1970, с. 75–77). Близ деревни Шишовка Кузнецкого района найден серебряный монетный слиток и 875 серебряных джучинских монет. Передан в Саратовский Радищевский музей (Полесских, 1970, с. 78).

В 1876 г. в окрестностях села Малая Сердоба раскопан курган. Найдено пять джучинских серебряных монет (Полесских, 1970, с. 89).

В дачах с. Чернозерье Мокшанского района выкопано в поле сохой 250 шт. мелкой серебряной татарской монеты (Полесских, 1970, с. 90).

В окрестностях деревни Кадыковка Наровчатского района найден клад монетных слитков – 50 экз., на двух – татарские клейма (Полесских, 1970, с. 93). В разное время на территории села Наровчата и городища найдены многочисленные монетные клады и отдельные – серебряные и медные – монеты (джучидские), относящиеся в подавляющем случаев к XIV в., т. е. ко времени существования здесь золотоордынского улусного города Мохши, что впервые установил А.А. Кротков. Они хранятся в Наровчатском краеведческом музее; отдельные экземпляры есть в Пензенском музее (Полесских, 1970, с. 95–96).

В 1960 г. на окраине села Тезиково-Михайловское (Наровчатский район) в земле найден клад серебряных золотоордынских монет. При содействии Б.И. Петрова клад поступил в Пензенский музей, небольшая часть его находится в Наровчатском музее. Монеты, по определению Г.А. Фёдорова-Давыдова, охватывают время с 1310 по 1361 гг. (Полесских, 1970, с. 98).

В 1963 г. Г.А. Фёдоров-Давыдов впервые опубликовал данные о 657 монетах клада из Тезиково. По его определению, монеты датировались от 1309/1310 г. (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 215).

В 1852 г. близ села Шейно Пачелмского района найден клад татарских монет (Полесских, 1970, с. 111).

Любые находки монет последних трех десятилетий XIV в. очень важны для изучения истории региона, поскольку они позволяют определить направления торговых путей, проходивших в этот период через Верхнее Посурье, и, возможно, помогут обнаружить новые археологические памятники (Винничек, 2004, с. 18–19).

Другие находки

М.Р. Полесских также были найдены отдельные предметы.

В с. Прянзерки Нижнеломовского района, на правом берегу р. Мокши, в окрестностях села ученики школы обнаружили разрушенное погребение с вещами (застёжки-сюльгамы, браслет, бусина) (Полесских, 1970, с. 103).

На территории области есть отдельные находки и на территории поселений и могильников, и в других её районах.

На Потодеевском селище (Наровчатский район) найдены не только медные и серебряные монеты, но и украшения: фрагмент бронзовой серьги; браслеты из бронзы и железа; перстни из бронзы и железа; бронзовая половинка бубенца; бронзовая пуговица-привеска; круглая бронзовая подвеска; бронзовая сюльгама; кольцевая застёжка; ременная бронзовая с серебрением накладка; фрагменты глиняной, медной и чугунной посуды; фрагмент бронзового зеркала; фрагмент железного хомутика; фрагмент фитильной трубки; гвозди; шило; ножи; фрагмент пружинных ножниц, замки, ключи, пряслице и крюк. На дне и склонах карьера были собраны археологические материалы, которые представлены украшениями, элементами одежды, предметами быта и вооружения, а также монетами (Винничек, Лебедев, 2004, с. 104–120).

В 1982 году археологическая экспедиция Казанского государственного университета обследовала селища Валдалуга (1–5), расположенное в непосредственной близости от Армиёвского курганно-грунтового могильника (Белорыбкин, 2022, с. 315). Г.Н. Белорыбкин открыл на этом селище наличие керамики, характерной для золотоордынского времени: «Селище Валдалуга V расположено в 2,5 км к СВ от центра с. Армиёво, в 60 км к западу от селища Валдалуга IV и отделено от него оврагом, в 270 м к северу от городища Ош-Пандо. Селище вытянуто с С на Ю на 150 м, с В на З – на 200 м. Поверхность селища распахана (слой пашни состоит из тёмно-серой супеси). Подъёмный материал представлен лепной керамикой и одно- и двусторонним ангобом коричневого цвета. Имеется гончарная керамика красного цвета с лепным орнаментом, характерная для золотоордынского времени» (Белорыбкин, 2022, с. 315). Также были обнаружены находки, указывающие на их принадлежность золотоордынскому времени: «Находки у селища Валдалуга: гончарная керамика красного цвета с лепным орнаментом; развал большого хумовидного гончарного красноглиняного сосуда с тонколитейным волнистым и горизонтальным орнаментом в верхней части. Находки: предметы ремесла (выплески, обрезки пластин), быта, украшения, горн для обжига посуды, ювелирный и деревообрабатывающий инструментарий, многочисленные свидетельства железолитейного производства, фрагменты глиняной посуды» (Халиков, 2022, с. 311).

Подводя итоги картографирования памятников Верхнего Посурья, можно отметить, что на всём протяжении с V века по XIV век в истории региона происходили значительные изменения, о чём свидетельствуют сильно меняющиеся территории распространения и уровень плотности расположения памятников (Белорыбкин, 2003, с. 19).

На последнем этапе (с середины XIII до середины XIV века) важнейшим фактором стало появление монголов в Восточной Европе и создание Золотой Орды, что повлекло за собой массовое запустение территории и миграцию оставшегося населения на север и северо-запад.

Таким образом, большую часть времени территория Верхнего Посурья была заселена слабо и лишь с появлением Волжской Булгарии и присоединением к ней края мы наблюдаем резкое увеличение плотности населения, что нашло отражение в увеличении общего количества и форм поселений (Ахметгалин, Ситдиков, 2022, с. 81).

Исходя из этого, очевидным и обязательным обозначено одно из основных и наиболее перспективных направлений – создание и развитие заповедника, в рамках которого намечена музеефикация архитектурных сооружений города Мохши и организация планомерных археологических исследований. Направления в деятельности других памятников – тема интересная и важная, но пока открытая.

Исследуя памятники Золотой Орды и их картографирование на территории Пензенского края, можно заметить, что если археологические памятники эпохи Золотой Орды в основном найдены в западно-центральной и северо-восточной частях области (рис. 1 – карта), то находки монетных кладов – в центрально-западной части. Это говорит о том, что не все памятники золотоордынского времени открыты и изучены в достаточной мере. То есть впереди возможна кропотливая и интересная работа, которая позволит расширить круг памятников важного времени в истории.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Отчет об археологических работах Мордовской археологической экспедиции в Наровчате. М., 1959. 19 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1910.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках в с. Наровчат Пензенской области. М., 1962. 18 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2570.

Ахметгалин Ф.А., Ситдиков А.Г. Изучение материальной культуры Волго-Окского региона в эпоху средневековья: предварительные итоги и перспективы исследований // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 76–84.

Белорыбкин Г.Н. Археологические памятники // Пензенская энциклопедия / Гл. ред. К.Д. Вишневский. М.: БРЭ, 2001. С. 28.

Белорыбкин Г.Н. Археологическая разведка в окрестностях Армиёвского курганно-грунтового могильника // Белорыбкин Г.Н., Измайлов И.Л., Мельниченко О. В., Осипова Т.В., Павлихин А.В., Халиков А.Х. Армиёвский курганно-грунтовой могильник / Археология евразийских степей. Вып. 28. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. С. 314–327.

Белорыбкин Г.Н. История изучения города Мохши // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 5–19.

Белорыбкин Г.Н., Зеленеев Ю.А., Ситдиков А.Г. Основные итоги археологического изучения Наровчатского городища (г. Мохши) и его окрестностей // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 85–96.

Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винникчек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В,, Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза: ИРРПО, 2021. с. 250

Белоусов С.В. Монетный двор города Мохши // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 114–119.

Беляев Я.Б. Шитов В.Н. Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково // Из истории области: очерки краеведов. Вып. 2. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1990. С. 92–95.

Винничек В.А. Саловское I селище – памятник времени Золотой Орды в Верхнем Посурье // Записки краеведов. Вып. 1 / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Типография Тугушева, 2003. С. 78–86.

Винничек, В.А., Лебедев В.П. Потодеевское селище в системе памятников округи золотоордынского города Мохши // Записки краеведов. Вып. 2 / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Типография Тугушева, 2004. С. 104–120.

Винничек В.А. Находка на лесной дороге. Остатки монетного комплекса золотоордынского времени с Ахунского селища // Нумизматика. 2004. № 6. С. 18–19.

Винничек В.А., Винничек К.М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 87 с.

Винничек В.А., Винничек К.М. Новые находки средневековых материалов на Никольском селище // Пензенский археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2023. С. 98–117.

Винничек В.А., Яньков В.В. Ахунское селище // Археология Поволжья. / Отв. ред. Г. Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 2001. С. 24–33.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

Иконников, Д.С. Хозяйственный инструментарий города Мохши XIII-XIV вв. // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 100–144.

Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения): К 145-летию со дня рождения. Пенза, 2011. 74 с.

Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Пензен. книжн. изд-во, 1958. 44 с.

Ставицкий В.В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6 С. 155–163.

Терёхин В.М. Города Наровчат в археологическом отношении // Пензенские губернские ведомости. 1901. №№ 142–143.

Осипова Т.В. Особенности погребального обряда мавзолея N1 г. Мохши // Пензенский археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт Регионального развития Пензенской области, 2023. С. 190–194.

Первушкин В.П. Чернозёрский могильник по материалам раскопок Н.И. Спрыгиной в 1928 г. // Новые страницы истории Отечества. Пенза. 1992. С. 112.

Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза: Пензен. кн. изд-во, 1956. 103 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 163 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет (Основные периоды развития денежного обращения в Золотой орде) // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: АН СССР, 1960. С. 94–192.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: АН СССР, 1963. С. 165–221.

Халиков А.Х. Отчет о работах Армиёвской археологической экспедиции в 1982 г. // Белорыбкин Г.Н., Измайлов И.Л., Мельниченко О. В., Осипова Т.В., Павлихин А.В., Халиков А.Х. Армиёвский курганно-грунтовой могильник / Археология евразийских степей. Вып. 28. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. С. 309–313.

Информация об авторе:

Кишинская Светлана Анатольевна, научный сотрудник, Центр историко-культурного наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области, (г. Пенза, Россия), lana.kishinskaja@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1959. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Narovchate (Report on the archaeological work of the Mordovian archaeological expedition in Narovchat)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1910 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1962. *Otchet o raskopkakh v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations in the Narovchat village of the Penza Region*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2570 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 76–84 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. In *Penzenskaya entsiklopediya (Penza Encyclopedia).* Moscow: Big Russian Encyclopedia (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2022. In Belorybkin, G. N., Izmailov, I. L., Mel'nichenko, O. V., Osipova, T. V., Pavlikhin, A. V., Khalikov, A. Kh. *Armievskiy kurganno-gruntovoy mogil'nik (Armiyevo kurgan-ground burial ground).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 28. Voronezh: "ALEKS PRINT" Publ., 314–327 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 5–19 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 76–84 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town Mokhshi).* "PIRO" Publ. (in Russian).

Belousov, S. V. 1995. In Kasimov, A. S. (ed.). *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya (Pages of the History of the Volga-Don Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 114–119 (in Russian).

Belyaev, Ya. B., Shitov, V. N. 1990. In *Iz istorii oblasti: ocherki kraevedov (From the history of the region: essays by local historians)* 2. Penza, 92–95 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2003. In *Belorybkin, G. N. (ed.). Zapiski kraevedov (Notes of local historians)* 1. Penza "Tipografiia Tugusheva" Publ., 78–86 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P. 2004. In *Belorybkin, G. N. (ed.). Zapiski kraevedov (Notes of local historians)* 1. Penza "Tipografiia Tugusheva" Publ., 104–120 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2004. In *Numizmatika (Numismatics)* 6, 18–19 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2023. *Srednevekovye drevnosti Nikol'skogo selishcha (Medieval antiquities of the Nikolskoye settlement*). Penza: "PIRO" Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Vinnichek, K. M. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: "PIRO" Publ., 98–117 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Yan'kov, V. V. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiya Povolzh'ya (Archaeology* of the Volga region). Penza: Penza State Pedagogical University, 24–33 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Architecture).* Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ikonnikov, D. S. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 100–144 (in Russian).

Krotkov, A. A. 2011. *Narovchat i ego okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii (Narovchat and its environs in historical and archaeological respect).* Penza (in Russian).

Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochniy gorod Mokhshi (Mysterious town of Mokhshi).* Penza: "Penza book publishing house" Publ. (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 155–163 (in Russian).

Terekhin, V. M. 1901. In *Penzenskie gubernskie vedomosti (Penza Provincial Bulletin)* 142, 2 (in Russian).

Osipova, T. V. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 6. Penza: "PIRO" Publ., 190–194 (in Russian).

Pervushkin, V. P. 1992. In *Novye stranitsy istorii Otechestva (New pages of the history of the Homeland).* Penza, 112 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1956. *V nedrakh vremen* (*In the Depths of Time*). Penza: "Penzenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Monuments of Penza Oblast).* Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 94–192 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1963. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* IV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 165–221 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 2022. In Belorybkin, G. N., Izmailov, I. L., Mel'nichenko, O. V., Osipova, T. V., Pavlikhin, A. V., Khalikov, A. Kh. *Armievskiy kurganno-gruntovoy mogil'nik (Armiyevo kurgan-ground burial ground).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 28. Voronezh: "ALEKS PRINT" Publ., 309–313 (in Russian)..

About the Authors

Kishinskaya Svetlana A. Institute for Regional Development of the Penza Region. Popov, str., 40, Penza, 44049, Russian Federation; lana.kishinskaja@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.134.144

ЛОКАЛИЗАЦИЯ НЕКРОПОЛЕЙ В ПРИБРЕЖНОЙ ЧАСТИ ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА

©2024 г.И.Ю. Лапшина, О.А. Ильина

Данная работа посвящена вопросу о двух разнокультурных и разновременных некрополях в прибрежной части Водянского городища. Исследования, проведенные в 2011 г., позволили выделить несколько мусульманских погребений на территории, которая ранее считалась христианским кладбищем. В представленных таблицах впервые сведены данные обо всех погребениях, происходящих с этой территории и раскопанных в период с 1968 по 2014 гг. Это позволяет подтвердить уже высказанное ранее мнение о наличии двух некрополей в прибрежной части Водянского городища. Северный является христианским кладбищем, где погребения были совершены до 30-х гг. XIV в. Южное кладбище второй половины XIV в. являлось городским, где зафиксированы погребенные с монголоидными и уралоидными чертами, бешиковой деформацией, в одном погребении есть инвентарь, часть погребений совершена по мусульманскому погребальному обряду. Возможно, это место было заброшено в период кризиса 60-70-х гг. XIV в., а во время восстановления города при Токтамыше данный участок мог использоваться для захоронений.

Ключевые слова: археология. Нижняя Волга, Водянское городище; Золотая Орда; христианское кладбище; погребение; погребальный обряд.

LOCALISATION OF NECROPOLISES IN THE RIVERSIDE PART OF THE VODYANSKOYE SETTLEMENT

I.Yu. Lapshina, O.A. Ilyina

This paper is dedicated to the issue of two multicultural and multi-temporal necropolises in the riverside part of Vodyanskoye settlement. A study conducted in 2011 revealed several Muslim burials in the site which was previously thought to be a Christian cemetery. The presented tables summarize for the first time the data on all burials from this area and excavated between 1968 and 2014. This allows us to confirm the previously expressed opinion about the presence of two necropolises in the riverside part of Vodyanskoye settlement. The northern section is a Christian cemetery where burials were made until the 30s of the XIV century. The southern cemetery of the second half of the XIV century was an urban cemetery, where there are burials with Mongoloid and Uraloid features, beshik deformation, one burial has an inventory, some of the burials were made according to Muslim burial rite. Perhaps, this place was abandoned during the crisis of the 60-70s of the XIV century, and during the restoration of the city under Toktamysh Khan this site could be used for burials.

Keywords: archaeology, Lower Volga, Vodyanskoye settlement, Golden Horde, Christian cemetery, burial, burial rite

Погребения в прибрежной зоне на Водянском городище исследовались на протяжении длительного времени: начиная с работ Поволжской археологической экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова в 1968 и 1969 гг., затем экспедицией Казанского государственного университета под руководством А.Г. Мухамадиева в 1989[1] г., Волго-Ахтубинской археологической экспедицией под руководством Е.П. Мыськова в 1996 и 2000 гг. и под руководством А.С. Лапшина в 2010, 2011 и 2014 гг. (Егоров, Полубояринова, 1974; Мыськов, 1989; Мыськов, 1996, Мыськов, 2000, Лапшин, 2011, Лапшин, 2012, Лапшин, 2015).

Все эти захоронения не имеют никаких сохранившихся надмогильных сооружений и относятся к группе грунтовых погребений. Подавляющее количество выявленных захоронений совершены в простых прямоугольных или овальных ямах, имеющих широтную ориентировку. Деревянные могильные конструкции в виде остатков перекрытий или гробов фиксируются редко, и они, как правило, очень плохой сохранности. Для исследованных погребений, данные о которых приведены в таблицах, в разные годы были сделаны антропологические определения: раскоп IV-1968 – определения Н.Н. Залкинд (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 70), раскоп

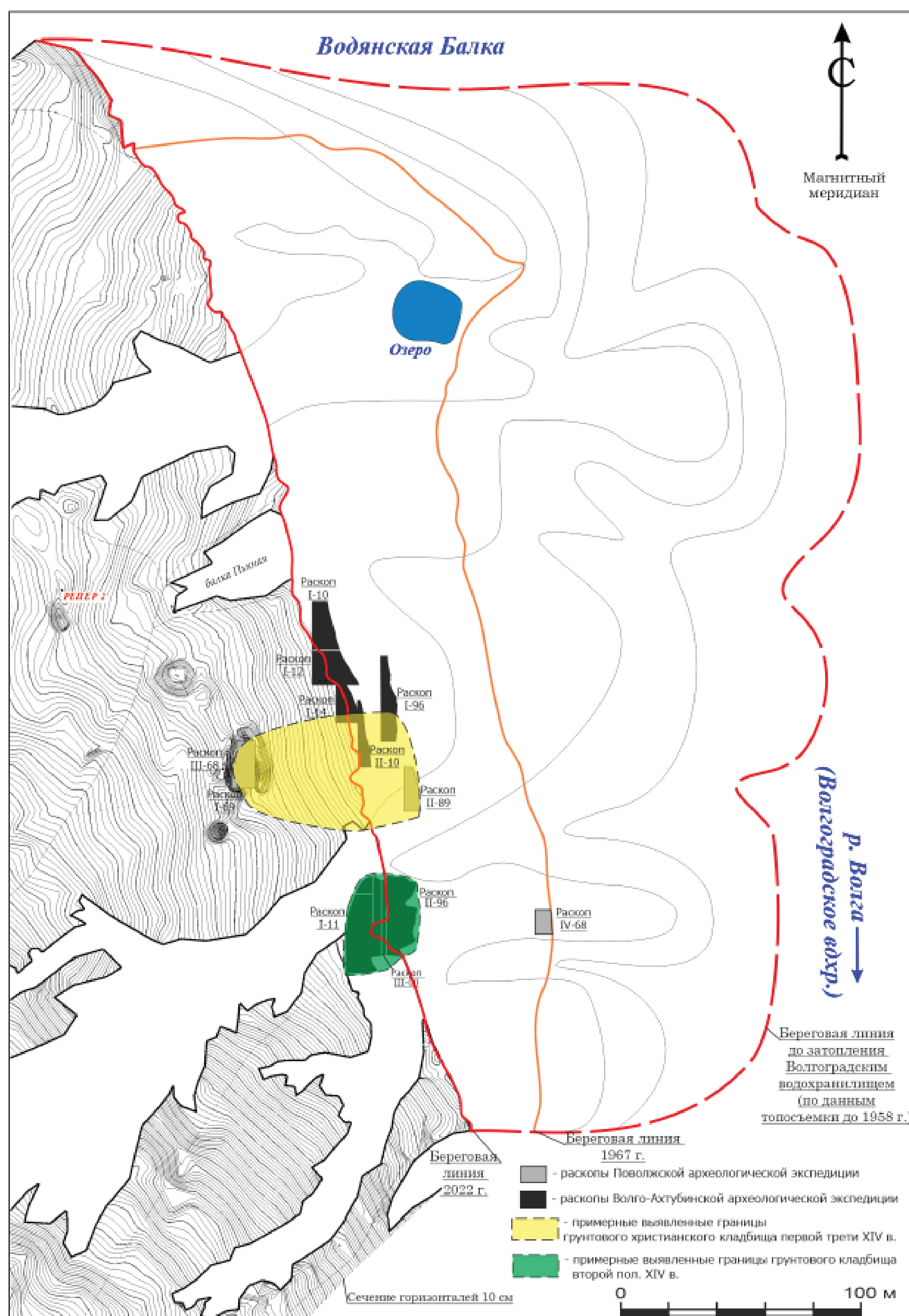

Рис. 1. Топографический план прибрежной части Водянского городища. (Топографическая съёмка – И.А. Петров; нанесение контуров береговых линий и раскопов на план – А.С. Лапшин).

Fig. 1. Topographic plan of the riverside part of Vodyanskoye settlement. (Topographic survey – I.A. Petrov; drawing contours of shore lines and excavations on the plan – A.S. Lapshin).

II-1989 – определения А.В. Шевченко, М.А. Балабановой (Мыськов Е.П., 2001, с. 125), раскопы I-1996, II-1996, III-2000, II-2010, I-2011 – определения М.А. Балабановой (Мыськов Е.П., 2001, с. 125, Лапшин, Мыськов, 2011, с. 102; Лапшин, Мыськов, 2013, с. 108), раскоп I-2014 – определения Е.А. Перервы (Лапшин, 2015, с. 46).

Всего за данный период было выявлено и изучено 116 погребений, относящихся ко времени существования города. Первоначально полагалось, что все они представляют

собой христианское кладбище, оставленное русским населением Водянского городища. Вопрос о том, что погребения, выявленные на данном участке, относятся к различным группам населения и разным периодам существования города впервые возник после проведения исследований в 2011 г., когда было обнаружено несколько погребений, совершенных по мусульманскому обряду (в вытянутом положении с разворотом на правый бок, на правом боку с подогнутыми ногами, при этом лицо обращено к югу).

В 2018 г. в работе Е.П. Мыськова и О.А. Ильиной было предложено выделить в прибрежной части Водянского городища два разных некрополя. Два кладбища разделены между собой отрогом балки с покатыми склонами, у них определенные планиграфические особенности расположения могил: на северном кладбище погребения расположены близко друг к другу, плотными рядами, иногда перекрывая друг друга, тогда как на южном участке погребения расположены разрежено и достаточно хаотично. Также важно отметить, что на северном участке погребения перекрываются более поздними городскими постройками 30–50-х гг. XIV в., тогда как на южном большинство погребений прорезают культурный слой, а некоторые даже перекрывают более ранние сооружения (Мыськов, Ильина, 2018, с. 219–222).

Эта работа проводится с целью более детального изучения вопроса, впервые предлагается полная сводная публикация данных по всем 116 погребениям, которые объединены на основе ряда признаков в две таблицы и соответствуют двум разным некрополям. На северном участке было исследовано 93 погребения, а на южном – 23.

В таблицах представлены следующие характеристики погребений: конструкция и форма могильной ямы, деревянные погребальные конструкции (гроб, перекрытие), ориентировка погребенного, пол и возраст. Во вторую таблицу внесен дополнительный параметр – положение погребенного в могиле. Это связано с тем, что на северном (христианском) кладбище положение погребенных стандартно, вытянуто на спине и может отличаться лишь положением рук, что не противоречит христианскому погребальному обряду XIV в. В то же время на южном участке мы фиксируем наличие разных поз погребенных: вытянуто на спине – 15 погребений, на правом боку, скорченно – 1, на спине с разворотом на правый бок, череп лицевыми костями к Ю – 1, вытянуто на спине, с упором плеча на стенку и небольшим разворотом на правый бок, лицевыми костями к Ю – 3.

Следует также отметить, что на северном участке кладбища чаще всего представлена прямоугольная форма могильной ямы – 52 погребения, затем овальная – 7, и заплечиковая – 3. В то же время на южном – прямоугольных 4, овальных – 5, и прямоугольных со скругленными углами – 4, в четырех случаях конструкции дополнялись ступеньками или заплечиками.

Деревянные конструкции являются характерными для северного кладбища (23 случая), в то время как на южном они зафиксированы только дважды.

На основании антропологических определений мы можем выделить следующие характеристики этнических типов погребенных:

1) раскопы III-1968 и I-1969: европеоиды, славянский тип (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 72);

2) раскопы II-1989, I-1996 и II-2010 – сходство с материалами средневековых могильников южных регионов рязанской земли (Балабанова, 2004, с. 298–302; Мыськов, Ильина, 2018, с. 221);

3) II-1996: погребение 8 – признаки монголоидности (Мыськов, 1996, с. 45);

4) раскоп I-2011: погребения 10 и 18 – уралоидные особенности черепа, погребение 10 – монголоидные признаки. Кроме того, в погребении 18 выявлена «бешиковая» деформация черепа (Лапшин, Мыськов, 2013, с. 90–91).

Таким образом, признаки монголоидности, уралоидности, «бешиковая» деформация, а также наличие инвентаря в погребении 8 раскопа II-1996 (у левого виска погребенного находилась медная серьга в виде колечка с заходящими концами) – все это отмечается только на южном некрополе. Признаки мусульманского обряда захоронения также обнаружены в границах южного кладбища: погребение 2 II-1996 и погребения 11, 20, 21, 22 в раскопе I-2011.

Определенную проблему представляет собой соотнесение участка кладбища IV-1968 с одним из некрополей. Эта территория давно разрушена береговыми обвалами, но на топо-

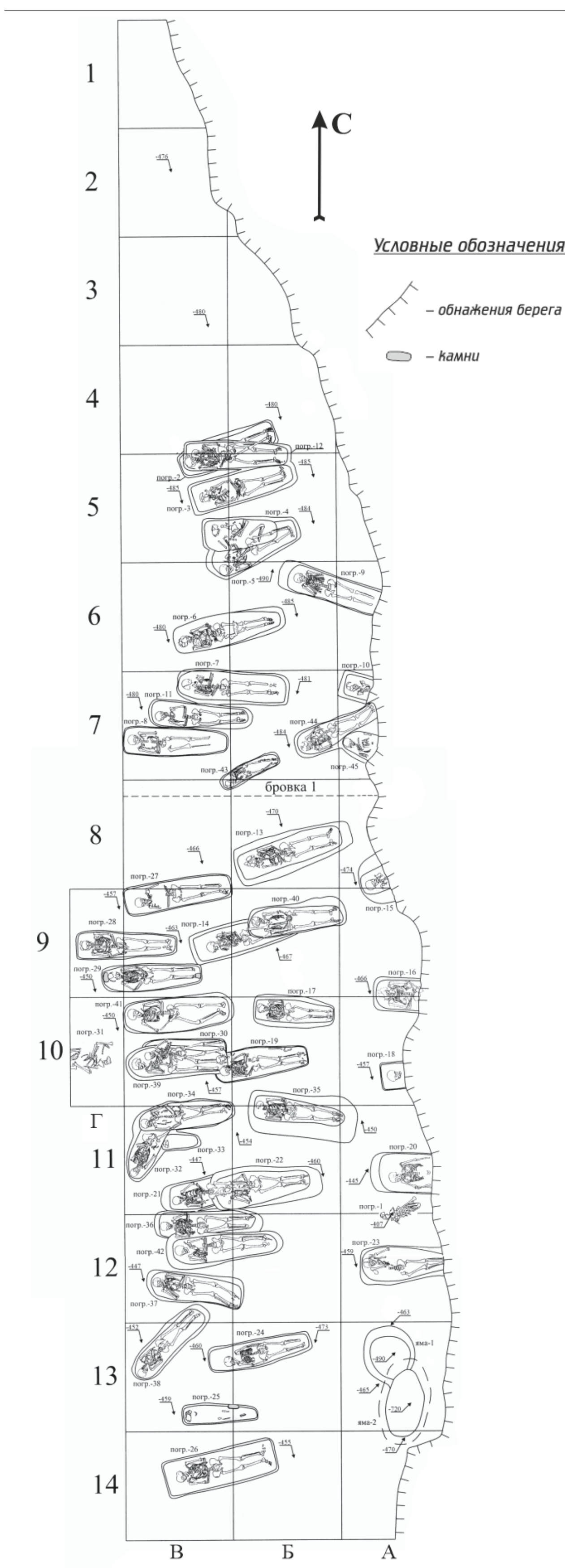

Рис. 2. Водянское городище. Раскоп II, 2010 г. План расположения погребений. (по Лапшин, 2011, рис. 138).
Fig. 2. Vodyanskoye settlement. Excavation trench II, 2010. Location of burials (Lapshin, 2011, fig. 138).

графическом плане видно, что территориально это место можно связать с поздним кладбищем. Однако наличие системы довольно плотных рядов могил, а также преобладание ориентировки погребенных головой на ЗЮЗ делают его сходным с христианским некрополем. Антропологические определения погребений данного участка несколько расходятся. Есть определения, по которым все погребенные отнесены к славянскому типу (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 70), и есть указание, что в погребении 5 был захоронен мужчина европеоидного облика с признаками монголоидности (Полубояринова, 1978, с. 76).

Обращает на себя внимание наличие на этом раскопе деревянных конструкций в погребениях (в пяти случаях), что более характерно для северного христианского участка. При этом определенные вопросы оставляет погребение 9, в засыпи которого найдены фрагменты золотоордынской керамики, что свидетельствует о его совершении после 30-х гг. XIV в.

Итак, наличие системы рядов могил, прямоугольная форма могильных ям (шесть погребений), достаточно часто встречающиеся деревянные конструкции позволяют отнести этот раскоп к христианской части кладбища. Но, учитывая более позднее погребение 9 и признаки монголоидности в погребении 5, присоединение данного раскопа к северному некрополю является условным.

Таким образом, мы считаем возможным выделять два некрополя в прибрежной части Водянского городища (рис. 1). Первый из них – это христианское кладбище (раскопы III-1968, I-1969, II-1989, I-1996, II-2010, I-2014). Более половины изученных здесь захоронений были обнаружены на раскопе II-2010 (рис. 2). В этом некрополе фиксируются плотные ряды могил по линии З–В, характерны ямы прямоугольной формы, часто встречаются деревянные погребальные конструкции, положение умерших преимущественно вытянуто на спине, антропологически они определяются как европеоиды славянского типа. Погребения этого кладбища имеют достаточно надежную датировку на основании стратиграфических материалов. Участки этого некрополя перекрываются жилыми и хозяйственными постройками

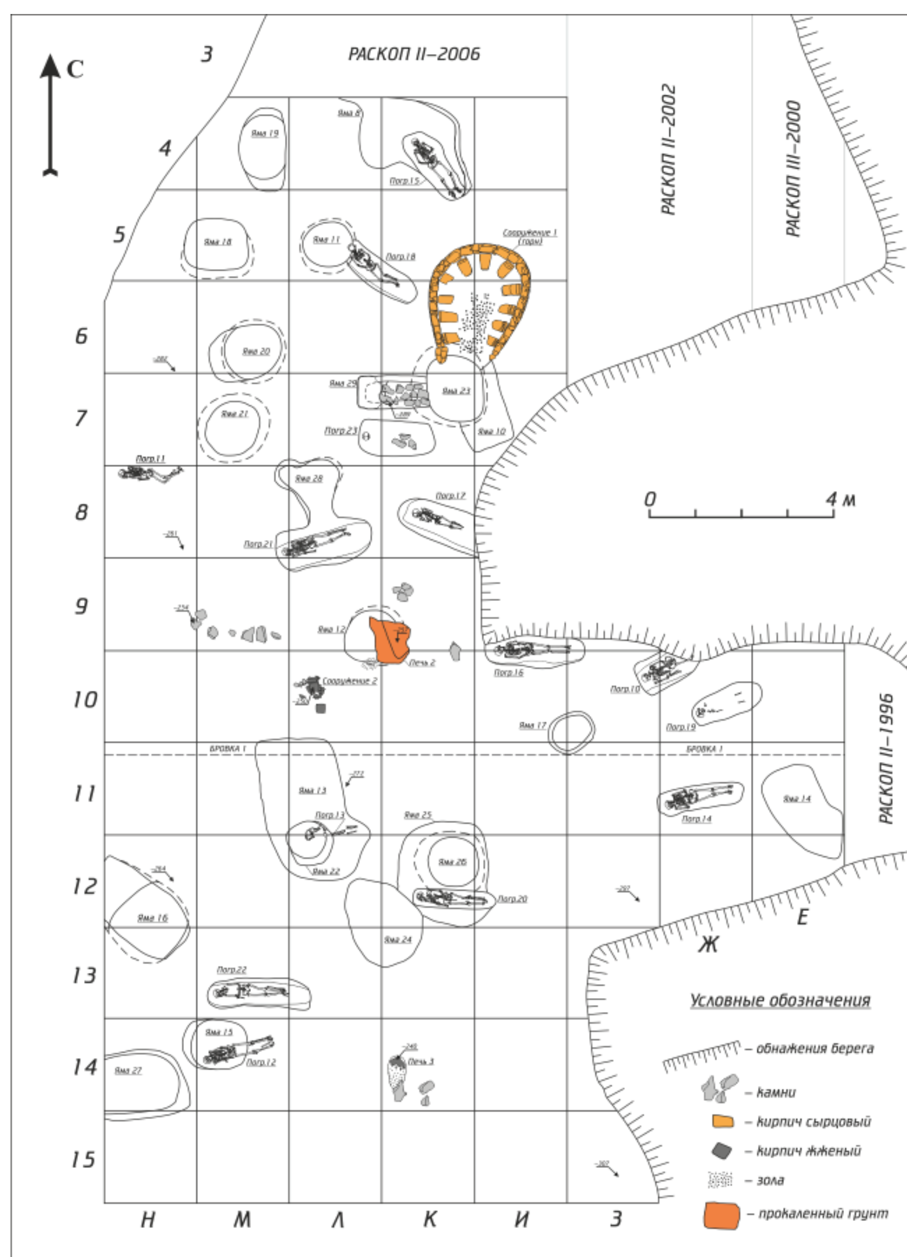

Рис. 3. Водянское городище. Раскоп I, 2011 г. План расположения погребений (по: Лапшин, Мыськов, 2013, рис. 6).
Fig. 3. Vodyanskoye settlement. Excavation trench I, 2011. Location of burials (Lapshin, Myskov 2013, fig. 6).

золотоордынского времени 30–50-х гг. XIV в. Это свидетельствует о том, что все они совершены до 30-х гг. XIV в. (Лапшин, Мыськов, 2010, с. 83, 151; Мыськов, Ильина, 2018, с. 281). Вероятно, сюда же следует отнести и раскоп IV-1968, хотя полной уверенности в этом нет. Обращает на себя внимание ситуация на раскопе I-2014, где единственное погребение было обнаружено в юго-восточной части раскопа. Вероятно, здесь проходила северная граница христианского кладбища.

Соответственно, кладбище второй половины XIV в. представлено раскопами II-1996, III-2000 и I-2011. Последний раскоп содержит более половины исследованных в этой части памятника захоронений (рис. 3). В этом некрополе наблюдается разреженное и бессистемное расположение погребений, представлены различные типы ям (прямоугольные, овальные, прямоугольные со скругленными углами), почти нет деревянных конструкций, фиксируются различные позы погребенных, в

том числе те, которые можно отнести к мусульманскому обряду, есть антропологические данные о наличии у умерших монголоидных и уралоидных черт, бешиковой деформации, в одном захоронении есть инвентарь. Погребения прорезают слои 30–50-х гг., возможно, это место было заброшено в период кризиса 60–70-х гг. XIV в., а во время восстановления города при Токтамыше данный участок мог использоваться для захоронений.

Примечание:

[1] В 1989 г. раскоп II исследовался под руководством Е.П. Мыськова, им же был составлен отчет.

Таблица 1. Погребения христианского кладбища на Водянском городище
Table 1. Burials of the Christian cemetery on the Vodyanskoye settlement

№ п/п	Раскоп	Погребение	Конструкция и форма могильной ямы	Погребальная конструкция	Ориентировка погребенного	Пол, возраст (лет)
1	III-1968	б/н	прямоугольная	–	З	Жен., более 55
2	IV-1968	1	–	–	ЮЗ	взрослый
3	IV-1968	2	прямоугольная	деревянное перекрытие (?)	ЗЮЗ	взрослый
4	IV-1968	3	–	–	ЗЮЗ	Муж., взрослый
5	IV-1968	4	–	–	ЗЮЗ	взрослый
6	IV-1968	5	прямоугольная	деревянное перекрытие (?)	ЗЮЗ	Муж., взрослый
7	IV-1968	6	прямоугольная	–	ЗЮЗ	взрослый
8	IV-1968	7	прямоугольная	деревянное перекрытие (?)	ЗЮЗ	взрослый
9	IV-1968	8	прямоугольная	гроб (?)	ЗЮЗ	ребенок, 10-12
10	IV-1968	9	прямоугольная	–	ЗЮЗ	взрослый
11	IV-1968	10	–	гроб	ЮЗ	Муж., взрослый
12	IV-1968	11	–	–	ЗЮЗ	взрослый
13	IV-1968	12	–	–	ЗЮЗ	взрослый
14	IV-1968	13	–	–	ЗЮЗ	Муж., взрослый
15	I–1969	1	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Жен, более 55
16	I–1969	2	прямоугольная	–	ЗЮЗ	взрослый
17	I–1969	3	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Муж., взрослый
18	II-1989	1	–	–	ЮЗ	Муж., более 55
19	II-1989	2	–	–	ЮЗ	Муж., более 55
20	II-1989	3	–	–	ЮЗ	Муж., 18
21	II-1989	4	–	–	ЮЗ	Муж., 30-35
22	II-1989	5	–	–	ЮЗ	?, до 16
23	II-1989	7	прямоугольная	–	ЗЮЗ	взрослый
24	II-1989	8	–	гроб	З	Жен., более 55
25	II-1989	9	прямоугольная	гроб	ЗЮЗ	?, более 55
26	II-1989	10	прямоугольная	гроб	ЗЮЗ	Жен., 30-35
27	II-1989	11	прямоугольная	гроб	ЗЮЗ	Муж., более 55
28	II-1989	12	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Жен., более 55
29	II-1989	13	прямоугольная	гроб	З	Жен., более 55
30	II-1989	14	прямоугольная	гроб	ЗЮЗ	Жен., 20

31	II-1989	15	прямоугольная	–	З (?)	взрослый
32	II-1989	16	прямоугольная	–	З	Жен., 18–20
33	II-1989	17	овальная	–	–	Жен., более 55
34	II-1989	18	прямоугольная	гроб	ЗЮЗ	Жен., 20–22
35	II-1989	19	прямоугольная	гроб	З	Муж., более 55
36	II-1989	20	–	–	–	Около 1 года
37	II-1989	21	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Жен., 25–30
38	II-1989	22	овальная	–	ЗЮЗ	Жен., 40–45
39	II-1989	23	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Муж., 35–40
40	II-1989	24	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Жен., более 55
41	II-1989	25	овальная (?)	–	З	Муж., около 50
42	II-1989	26	–	–	ЗЮЗ	Жен., 30–35
43	I–1996	1	овальная	–	ЗЮЗ	Жен., 18–20
44	I–1996	2	заплечиковая	гроб	ЗЮЗ	Жен., более 55
45	I–1996	3	овальная	–	ЗЮЗ	Муж., 35–40
46	I–1996	4	заплечиковая	гроб	ЗЮЗ	Жен., 18–20
47	I–1996	5	заплечиковая	–	ЗЮЗ	Жен., 30–40
48	II–2010	1	–	–	З (?)	Жен., около 30
49	II–2010	2	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Муж., около 35
50	II–2010	3	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Муж., около 50
51	II–2010	4	прямоугольная (?)	–	З	Муж. (?), 35–40
52	II–2010	5	прямоугольная (?)	–	ЗЮЗ	Жен., 35–40
53	II–2010	6	прямоугольная	костяк обернут берестой	ЗЮЗ	Муж., 30–35
54	II–2010	7	прямоугольная	–	З	Муж., 30–35
55	II–2010	8	прямоугольная	–	З	Муж., 25–30
56	II–2010	9	–	–	ЗСЗ	Жен., около 50
57	II–2010	10	прямоугольная (?)	–	ЗСЗ	Жен., 20–25
58	II–2010	11	прямоугольная	–	З	Жен., 25–30
59	II–2010	12	прямоугольная	гроб (?), деревянное перекрытие (?)	З	Жен., 35–40
60	II–2010	13	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Муж., около 25
61	II–2010	14	прямоугольная (?)	гроб (?)	ЗЮЗ	Муж., 30–40
62	II–2010	15	прямоугольная (?)	–	ЗЮЗ	Муж., 25–30
63	II–2010	16	прямоугольная (?)	–	З	Муж. (?), 30–35
64	II–2010	17	прямоугольная	гроб (?)	ЗСЗ	Жен., 14–16
65	II–2010	18	прямоугольная	–	З	Муж., 25–30
66	II–2010	19	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Жен., 35–45
67	II–2010	20	прямоугольная	–	З	Муж., 30–40
68	II–2010	21	–	–	ЗЮЗ	Жен., 30–35
69	II–2010	22	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Муж., около 40
70	II–2010	23	прямоугольная (?)	–	З	Муж., 25–35
71	II–2010	24	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Жен., около 45
72	II–2010	25	прямоугольная	гроб (?)	З	Ребенок, 8–10
73	II–2010	26	прямоугольная	гроб (?)	ЗЮЗ	Муж., 30–35
74	II–2010	27	прямоугольная	гроб (?)	ЗЮЗ	Жен., около 50
75	II–2010	28	прямоугольная	–	З	Муж., около 20
76	II–2010	29	прямоугольная	два камня	З	Муж., 35–45
77	II–2010	30	прямоугольная	–	З	Муж., 40–50
78	II–2010	31	–	гроб (?)	–	Жен., 35–40
79	II–2010	32	–	–	ЮЮЗ	Жен., 25–30
80	II–2010	33	овальная (?)	–	З	Ребенок, около 1 года

81	II–2010	34	овальная	–	ЗЮЗ	Муж. (?), 40–50
82	II–2010	35	прямоугольная	–	ЗСЗ	Муж., 45–50
83	II–2010	36	прямоугольная	–	З	Муж, 20–25
84	II–2010	37	прямоугольная	–	ЗСЗ	Жен., 20–25
85	II–2010	38	овальная	–	ЮЗ	Муж., 30–35
86	II–2010	39	прямоугольная	–	З	Муж., 30–40
87	II–2010	40	прямоугольная	–	З	Муж., 25–30
88	II–2010	41	прямоугольная	–	З	Муж., 25–30
89	II–2010	42	прямоугольная	–	З	Муж, 20–25
90	II–2010	43	прямоугольная	–	ЗЮЗ	Ребенок, 6–7
91	II–2010	44	–	–	ЗЮЗ	Муж., 25–30
92	II–2010	45	овальная (?)	–	ЗСЗ	Жен., около 40
93	I–2014	46	овальная	деревянное перекрытие	ЗЮЗ	Муж., 30–35

Таблица 2. Погребения кладбища второй половины XIV в. на Водянском городище
Table 2. Burials of the cemetery of the second half of the XIV century on the Vodyanskoye settlement

№ п/п	Раскоп	Погребение	Конструкция и форма могильной ямы	Погребальная конструкция	Ориентировка погребенного	Поза погребенного	Пол, возраст (лет)
1	II–1996	1	–	–	–	–	?, 40–50
2	II–1996	2	овальная (?)	–	ЮЗ	на правом боку, скорченно, кисти перед лицом	Ребенок, 3–5
3	II–1996	3	прямоугольная	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Жен., 35–40
4	II–1996	4	прямоугольная	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Ребенок, 6
5	II–1996	5	–	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Муж., 30–35
6	II–1996	6	прямоугольная	гроб (?)	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Муж., 30–35
7	II–1996	7	–	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Муж., более 50
8	II–1996	8	–	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Жен., 30–40
9	III–2000	9	овальная (?)	–	З	вытянуто на спине	Ребенок, 3–4
10	I–2011	10	прямоугольная, со ступенькой вдоль Ю стенки	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Муж., 40–50
11	I–2011	11	–	–	З	на спине с разворотом на правый бок, череп лицевыми костями к Ю	Жен., 40–50
12	I–2011	12	–		ЗЮЗ	вытянуто на спине	Муж., около 50
13	I–2011	13	–		ЗЮЗ	вытянуто на спине	Ребенок, около 10

14	I–2011	14	прямоугольная со скругленными углами	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине	Жен., 40–50
15	I–2011	15	прямоугольная	–	СЗ	вытянуто на спине	Жен., 25–30
16	I–2011	16	овальная	деревянное перекрытие	З	вытянуто на спине	Муж., 12–14
17	I–2011	17	овальная	–	ЗСЗ	вытянуто на спине, череп лицевыми костями к Ю	Ребенок, 10–11
18	I–2011	18	овальная, со ступенькой вдоль Ю стенки	–	СЗ	вытянуто на спине	Жен., 25–30
19	I–2011	19	овальная	–	ЗЮЗ	–	Ребенок, 6–7
20	I–2011	20	прямоугольная со скругленными углами	–	З	вытянуто на спине, с упором плеча на С стенку и небольшим разворотом на правый бок, лицевыми костями к Ю	Муж., 35–45
21	I–2011	21	прямоугольная со скругленными углами, с заплечиками вдоль длинных стенок	–	ЗЮЗ	вытянуто на спине, с упором плеча на С заплечик и небольшим разворотом на правый бок, лицевыми костями к Ю	Муж., 35–45
22	I–2011	22	овальная, со ступенькой вдоль С стенки	–	З	вытянуто на спине, с упором плеча на С стенку и небольшим разворотом на правый бок, лицевыми костями к Ю	Муж., 25–30
23	I–2011	23	прямоугольная со скругленными углами	–	–	–	Ребенок, 3–4

ЛИТЕРАТУРА

Балабанова М.А. Еще раз о русских в Золотой Орде // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: материалы I Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 298–302.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.

Лапшин А.С. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией на Водянском городище у г. Дубовки Волгоградской области в 2010 году // Архив ВОКМ. № 278, 278а, 2011.

Лапшин А.С. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией на Водянском городище у г. Дубовки Волгоградской области в 2011 году // Архив ВОКМ. № 290, 290а, 2012.

Лапшин А.С. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией на Водянском городище у г. Дубовки Волгоградской области в 2014 году // Архив ВОКМ. № 319, 2015.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009-2010 гг. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2011. 174 с.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011-2012 гг. М.: Перо, 2013. 216 с.

Мыськов Е.П. Отчет о раскопках Водянского городища, проведенных экспедициями Казанского университета и Волгоградского пединститута в 1989 г. // Архив ВОКМ. № 62, 1989.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1996 г. // Архив ВОКМ. № 134, 134а, 1996.

Мыськов Е.П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище и могильнике Маляевка VI в 2000 году. // Архив ВОКМ. № 148, 2000.

Мыськов Е.П. Русское кладбище Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып 4 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 123–135.

Мыськов Е.П., Ильина О.А. Локализация русских комплексов XIV в. на Водянском городище // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 218–228.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.

Информация об авторах:

Лапшина Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета (г. Волгоград, Россия), ilapsh97@inbox.ru

Ильина Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Камышинский технологический институт (филиал Волгоградского государственного технического университета (г. Камышин, Россия), oailina62@yandex.ru

REFERENCES

Balabanova M.A. 2004. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region).* Volgograd: Volgograd State University Publ., 298–302 (in Russian).

Egorov, V. L., Poluboiarinova, M. D. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities in the Volga Region during the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 39–79 (in Russian).

Lapshin, A. S. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Volgo-Akhtubinskoy arkheologicheskoy ekspeditsiey na Vodyanskom gorodishche u g. Dubovki Volgogradskoy oblasti v 2010 godu (Report on archaeological studies, conducted by Volga-Akhtuba archaeological expedition, on the Vodyanskoye settlement nearby Dubovka, Volgograd region in 2010).* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 278, 278a. (in Russian).

Lapshin, A. S. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Volgo-Akhtubinskoy arkheologicheskoy ekspeditsiey na Vodyanskom gorodishche u g. Dubovki Volgogradskoy oblasti v 2011 godu (Report on archaeological studies, conducted by Volga-Akhtuba archaeological expedition, on the Vodyanskoye settlement nearby Dubovka, Volgograd region in 2011).* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 290, 290a. (in Russian).

Lapshin, A. S. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Volgo-Akhtubinskoy arkheologicheskoy ekspeditsiey na Vodyanskom gorodishche u g. Dubovki Volgogradskoy oblasti v 2014 godu (Report on archaeological studies, conducted by Volga-Akhtuba archaeological expedition, on the Vodyanskoye settlement nearby Dubovka, Volgograd region in 2014).* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 319 (in Russian).

Lapshin, A. S., Mys'kov, E. P. 2011. *Issledovaniya na Vodyanskom gorodishche v 2009-2010 gg. (Studies on the Vodyanskoye settlement in 2009–2010).* Volgograd: "Tsaritsynskaya poligraficheskaya kompaniya" Ltd (in Russian)

Lapshin, A. S., Mys'kov, E. P. 2013. *Issledovaniya na Vodyanskom gorodishche v 2011-2012 gg. (Studies on the Vodyanskiy settlement in 2011–2012).* Moscow: "Pero" Publ. (in Russian)

Mys'kov, E. P. 1989. *Otchet o raskopkakh Vodyanskogo gorodishcha, provedennykh ekspeditsiyami Kazanskogo universiteta i Volgogradskogo pedinstituta v 1989 g. (Report on the excavations on the Vodyanskoye settlement, conducted by expeditions of Kazan University and Volgograd Pedagogical Institute in 1989).* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 62 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 1996. *Otchet o rabote Volgo-Akhtubinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 1996 g (Report on the work of Volga-Akhtuba archaeological expedition of Volgograd State Pedagogical University in 1996). (*Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 134, 134a (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2000. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Volgo-Akhtubinskoy arkheologicheskoy ekspeditsiey Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta na Vodyanskom gorodishche i mogil'nike Malyaevka VI v 2000 godu (Report on archaeological studies, conducted by Volga-Akhtuba archaeological expedition of Volgograd State Pedagogical University on the Vodyanskoye settlement and Malyaevka VI burial ground in 2000).* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 148 (in Russian).

Mys'kov E. P. 2001. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 4. Volgograd: Volgograd State University, 123–135 (in Russian).

Mys'kov, E. P., Ilyina, O. A. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 3 (23), 218–228 (in Russian)

Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Lapshina Irina Yu. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, V.I. Lenin Ave., 27, Volgograd, 400005, Russian Federation; ilapsh97@inbox.ru

Ilyina Olga A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kamyshin Technological Institute – Branch of Volgograd State Technical University, Lenin Str., 6a, Kamyshin, Volgograd region, 403874, Russian Federation; oailina62@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.145.157

РАННЕОРДЫНСКИЙ КОМПЛЕКС НАХОДОК НА ПОЙМЕННЫХ СЕЛИЩАХ НИЗОВИЙ КАМЫ

© 2024 г. К.А. Руденко

В статье представлен анализ археологических материалов со средневековых поселений в пойме нижнего течения Камы в зоне Куйбышевского водохранилища от устья р. Актай у пос. Коминтерн и до с. Алексеевское (Республика Татарстан). Основное внимание было обращено на находки с селища «Песчаный остров». Оно было исследовано под руководством К.А. Руденко почти полностью в 1992 – 1994 годах. По данным стратиграфии и артефактов из раскопов, например, фрагментов чугунных котлов, селище было датировано ранним периодом Золотой Орды – концом XIII – первой половиной XIV века. Автор подробно рассмотрел керамику этого поселения, выявив ряд закономерностей в характере бытования посуды разного назначения. Было установлено, что на селище «Песчаный остров» в начале функционирования этого поселения – в конце XIII в., использовалась глиняная посуда в виде небольших котлов или горшков, изготовленных без использования гончарного круга, то есть способом лепки. В глину, из которой были изготовлены эти сосуды были добавлены раздробленные раковины речных моллюсков. Эта посуда связана с керамикой родановской культуры Пермского Прикамья. В начале XIV века жители этого поселения стали пользоваться посудой, изготовленной на гончарном круге. Чаще всего это были большие кувшины, большие чаши, хумы – большие сосуды для хранения зерна или масла. Все они были привезены из городов, скорее всего из города Булгара. В это же время на поселении встречаются сосуды в виде горшков или котлов с необычными ручками в плоской верхней плоскостью. Чаще всего такие сосуды изготавливались с частичным использованием гончарного круга. В глине для их изготовления зафиксировано большое количество песка. Эту керамику специалисты считают изготовленной по образцам сосудов из Пермского Прикамья и включают в XVIII группу булгарской керамики эпохи Золотой Орды. Эти основные группы керамики селища «Песчаный остров» можно считать характерными для поселений, возникших в пойме нижнего течения Камы в начале эпохи Золотой Орды. Это не противоречит и находкам с других поселений этого времени в данном регионе.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, керамика, изготовленная на гончарном круге, керамика лепная, селища, датировка.

THE EARLY GOLDEN HORDE COMPLEX OF FINDS FROM THE FLOODPLAIN SETTLEMENTS IN THE LOWER KAMA

K.A. Rudenko

The article presents an analysis of archaeological materials from medieval settlements in the floodplain of the Lower Kama in the area of the Kuibyshev reservoir from the mouth of the river Aktai at the village Comintern and up to the urban locality of Alekseyevskoye (Tatarstan). The main attention was paid to the finds from the settlement «Peschany ostrov». It was studied almost entirely under the direction of K.A. Rudenko in 1992 – 1994. According to stratigraphy and artifacts from excavations, for example, fragments of cast-iron cauldrons, the settlement was dated to the early period of the Golden Horde – the end of the XIII – the first half of the XIV century. The author examined the ceramics of this settlement, revealing a number of patterns in the nature of the existence of tableware for various purposes. It was established that on the settlement «Peschanyi ostrov» at the beginning of the its functioning – at the end of the XIII century, clay pottery was used in the shape of small cauldrons or pots made without the use of a potter's wheel, that is by the hand-forming method. Crushed shells of river mollusks were added to the clay from which these vessels were made. This pottery is associated with the Rodanovo archaeological culture ceramics in the Perm Kama region. At the beginning of the XIV century, inhabitants of this settlement began to use dishes made on a potter's wheel. Most often these were large jugs, bowls, hums – large vessels for keeping grain or oil. All of them were brought from cities, most likely from Bolgar. At the same time, vessels in the form of pots or cauldrons with unusual handles were found on the settlement. Most often, such vessels were made with partial use of a potter's wheel. The clay used to make them contains a large amount of sand. Experts consider this ceramics to be made according to

samples of vessels from the Perm Kama region and are included in the XVIII group of Bolgar ceramics of the Golden Horde period. These main groups of ceramics from the «Peschany ostrov» settlement can be considered characteristic of the settlements that appeared in the floodplain of the Lower Kama region at the beginning of the Golden Horde period. This does not contradict findings from other settlements of that time in this region.

Keywords: archaeology, Golden Horde, ceramics made on a potter's wheel, hand-made pottery, settlements, dating.

Исследования пойменных средневековых селищ низовьев Камы начались еще в XIX в. Особое внимание на них было обращено во второй половине XX в., после создания Куйбышевского водохранилища, когда началось интенсивное разрушение культурного слоя большинства селищ, поскольку они находились в зоне затопления. Наиболее многочисленным был материал с поселений, располагавшихся у бывших сел Христофоровка и Семеновка, выявленных в 1960-х гг. В археологическом выражении – это Коминтерновский комплекс памятников, а в рамках интересующего нас периода – в первую очередь Коминтерновские II и III селища, а также V Семеновское селище.

На протяжении последних десятилетий XX в. здесь регулярно проводились обследования (в основном разведки) Раннеболгарской археологической экспедиции под руководством Е.П. Казакова. Помимо этого, в этот же период разведочные изыскания здесь же осуществляли Е.А. Беговатов, М.М. Кавеев. Коллекции находок с этих памятников хранятся в фондах Музея археологии Института археологии АН РТ и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Несмотря на то, что археологами фиксировался весь комплекс находок с Семеновских и Коминтерновских памятников – от каменного века и до этнографической современности, золотоордынские находки удалось локализовать на определенной территории. Часть материалов, полученных в результате этих исследований, была опубликована (Казаков, 1988, с. 75, 76; Казаков, 1993, с. 118–121; Руденко, Казаков, 2022; 2023). Основная проблема при анализе имеющихся данных – это то, что все они происходят их разрушенного культурного слоя и датировать их можно по аналогиям в хронологических рамках всего золотоордынского периода. Уточнить датировку иногда позволяет нумизматический материал, который, к сожалению, встречается не всегда, а также находки фрагментов чугунных изделий, которые появились на Средней Волге только в ордынское время.

Золотоордынских памятников в пойме нижнего течения Камы, подвергшихся стационарным раскопкам, к сожалению, немного. Из них полностью раскопано только одно селище – Песчаный остров в Алексеевском районе Татарстана. Оно изучалось в 1992–1994 гг. под руководством К.А. Руденко. Коллекция находок хранится в фондах НМ РТ (НМ РТ, КП: В-18880). Полевой шифр находок – АКУ-272.

Поселение Песчаный остров – многослойный памятник, нижний горизонт культурного слоя которого сформировался в эпоху поздней бронзы (Руденко, 1996); верхний горизонт связан со средневековым поселением второй половины XIII – начала XIV в. Последний, в обзорном плане, описан в нескольких статьях автора, где обоснована датировка этого поселения на основе индивидуальных находок, найденных при раскопках (Руденко, 1994, 1998, с. 62). Особое внимание было обращено на стратиграфию и планиграфию средневекового поселения (Руденко, 1998, 2000). Были также опубликованы данные по жилым и части хозяйственных построек этого селища (Руденко, 2001а, с. 114, 115). Некоторые формы керамических изделий этого памятника в связи с материалами Камаевского городища и Казанского кремля проанализировала Н.А. Кокорина (Кокорина, 2004, с. 57). Особенности материальной культуры селища, имеющие хронологические основания, четко обозначились на фоне находок с VI Алексеевского селища домонгольского времени, расположенного поблизости, точнее через реку Архаровку, напротив Песчаного острова (Руденко, 2015, с. 12–81). Для поселений домонгольского времени приустьевой части Камы скрупулезный анализ материальной культуры провел Е.П. Казаков (1991).

После запустения Песчаноостровного селища, когда культурный слой уже не накапливался и частично был перекрыт песчаными наносами, на этом месте функционировал могильник поздних золотоордынских кочев-

ников. Часть захоронений, датированных по погребальному инвентарю и стратиграфии второй половиной XIV в., оказалась впущенной в котлованы заброшенных сооружений или прорезала культурный слой средневекового поселения. Дневной уровень всех погребений был связан с верхними отложениями культурного слоя селища. Этот курганно-грунтовой могильник был небольшой по размерам и относился, скорее всего, к одной кочевнической этнотерриториальной группировке. Представители последней погребались также поблизости от Песчаного острова на останцах луговой террасы в одиночных курганах (Руденко, 1994, с. 121–125; 1999; 2002; 2013; 2018; 2019, рис. 1, табл. 2, 3; 2022).

Общая картина функционирования поселений и некрополей этого микрорегиона, который был обозначен как Курналинский археологический комплекс, в контексте этнокультурной ситуации во второй половине XIII – начале XV в. была рассмотрена в отдельной статье (Руденко, 2001).

Анализ имеющихся данных по селищам пойменной части низовий Камы показал, что материалы селища Песчаный остров характеризуют начальную стадию формирования поселенческой структуры на этой территории в раннезолотоордынский период. В той или иной степени материалы, аналогичные песчаноостровным, встречаются на золотоордынских селищах – Семеновском V и Коминтерновских.

Подчеркнем факт того, что массовый материал селища – керамика – характерен и для других пойменных памятников низовий Камы, существовавших в ордынский период. Это касается в первую очередь круговой керамики. На большинство селищ указанного региона она привозилась из ремесленных центров, в первую очередь из Болгара. Это относится к корчагам (хумам), крупным горшкам, кувшинам и некоторым формам столовой посуды (Хлебникова, 1988, с. 74, 80, рис. 51: 14; 52: 7; 56: 22; 57; Кокорина, 2002, с. 324, рис. 70: 1, 2). О собственном производстве крупных гончарных сосудов на песчаноостровном селище говорить вряд ли возможно. Следов такого рода деятельности здесь не зафиксировано. Впрочем, использование гончарного круга при домашнем производстве посуды, прежде всего кухонной, вполне очевидно. По данным петрографического анализа можно утверждать, что местного производства была часть сосудов ручной лепки с примесью толченой раковины (Руденко, 1998, с. 66).

Показательны фрагменты **корчаг** (хумчей) (3 экз.; рис. 1: 1–3) средних размеров с ручками с венчиками типов 1 и 6 (Руденко, 1998, с. 66, рис. 16: В; 11: 1; 12: 1, 28). Их можно рассматривать как *тип 1* хумчей на Песчаном острове. Они встречаются на Болгарском городище, правда без ручек; фрагменты от них и целые формы на этом памятнике немногочисленны (Хлебникова, 1988, 77, 80,81, рис. 56, 57). Н.А. Кокорина отнесла подобные изделия с Болгарского городища к типу 2 (Кокорина, 2002, с. 121, 68: 2; 69: 4, 5). Близкие сосуды зафиксированы на селищах: Русско-Урматском, V Семеновском, Донауровском II (Кокорина, 1999, с. 98, рис. 4: 7; Казаков, 1988, с. 78, рис. 2: 14; Хузин, Набиуллин, 1999, с.112, рис. 7: 9, 11). Корчажки, подобные песчаноостровным, имеют достаточно близкие аналогии на нижневолжских городищах, например, на Селитренном – по Г.А. Федорову-Давыдову, это хумчи без слива типа Б-1 (категория XIX, II) (Федоров-Давыдов, 2001, с. 159, табл. 86).

Размеры песчаноостровных хумчей относительно небольшие: диаметр венчика 19–22 см; высота шейки 4 см, наибольшее расширение тулова, которое приходится на верхнюю его половину, около 46 см. У сосуда были бараньковидные ручки. На плечике хумчи имеется многорядный арочный орнамент, а на верхней части тулова – параллельные горизонтальные линии (раскоп II, сооружение 1 – НМ РТ, КП: В-18880/49,119; раскоп III, яма 4а,б, выборка 5 – НМ РТ, КП: В-18880/598). Фрагменты от таких хумчей встречаются в культурном слое поселения (НМ РТ, КП: В-18880/1644). Несмотря на схожие параметры, они отличаются в деталях: формой венчика и дизайном. Например, на фрагменте верхней части хумчи из культурного слоя раскопа IV (участок 2, 2 пласт: НМ РТ, КП: В-18880/1249) мы видим на плечике орнамент в виде наклонной многорядной волны (рис. 1: 1) вместо арочного мотива, как в предыдущих случаях. Интересно, что на памятниках конца XIV в., например, Камаевском городище, таких сосудов не встречено (Кокорина, 2004, с. 93, табл. IV). Не исключено, что населением селища использовались и корчаги бóльшего размера, о чем можно судить по фрагменту крупной ручки из ямы 17 раскопа III (НМ РТ, КП: В-18880/324).

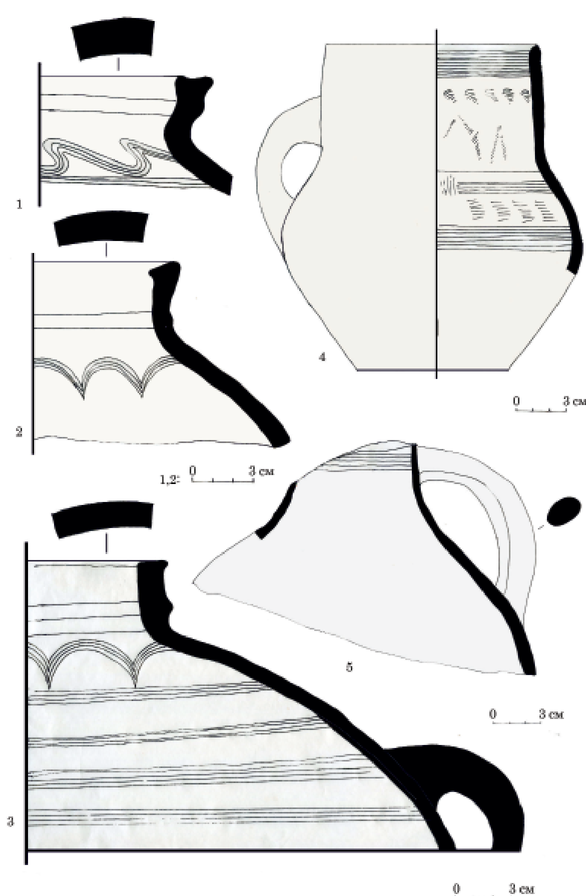

Рис. 1. Селище Песчаный остров. Круговая керамика. *1-3*: корчаги (хумчи); *4* – кружка; *5* – амфоровидный сосуд. *1* – НМ РТ, В-1880/1249; раскоп IV, уч.2, пл.2; *2* - НМ РТ, В-1880/598; раскоп III, яма 4, выб.5; *3* - НМ РТ, В-1880/119; раскоп I, сооружение 1, глубина – 80 см; *4* - НМ РТ, В-1880/1099,1100,1004; раскоп III, уч. 38, пл.3; *5* - НМ РТ, В-1880/368; раскоп I, сооружение I, гл.-80 см.

Fig. 1. Peschanyi ostrov settlement. Ceramics made on the potter's wheel. *1-3*: korchaga (khumchi); *4* – mug; *5* – amphora-shaped vessel. *1* – NM RT, B-1880/1249; excavation IV, area 2, layer 2; *2* – NM RT, B -1880/598; excavation III, pit 4, sampling 5; *3* – NM RT, B -1880/119; excavation I, structure 1, depth – 80 cm; *4* – NM RT, B -1880/1099,1100,1004; excavation III, area 38, layer 3; *5* – NM RT, B -1880/368; excavation I, structure I, depth – 80 cm.

Но даже если они и присутствовали в быту песчаноостровцев, то не более 1–2 единиц за всю историю селища.

Кружки (3 экз.) встречены одного типа (2 экз.) (рис. 1: 4), стандартной формы: сосуды высотой около 19 см, с округлым туловом, наибольшее расширение которого в средней части составляет 17 см, с высокой цилиндрической шейкой, высотой 7 см, с венчиком диаметром 12,8–14,6 см, с округлым срезом. Нижняя часть шейки местами залощена. Лощение было полосчатое, нанесенное узким лощилом шириной 3–4 см. (Руденко, 1998, рис. 12: 33). Развалы кружек найдены в заполнении ям 4 и 5 раскопа III (НМ РТ, КП: В-18880/107,1441–1443). Датируются началом XIV в. Близкие формы встречены на Болгарском городище в слое IVр и относятся к 3 типу по Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1988, с. 64, рис. 43: 15; 45: 6).

Бытовали на селище и кружки меньшего размера (1 экз.) с венчиком 3 типа диаметром 11 см; причем венчик имел наплыв с внутренней стороны (Руденко, 1998, рис. 10: *В*). На фрагменте есть следы лощения; в верхней части – резной линейный орнамент, а чуть ниже вдавления в виде «запятых» (НМ РТ, КП: В-18880/1402). Аналогии им были обнаружены на Болгарском городище в слое IV (Хлебникова, 1988, с. 65, рис. 43: 18). Возможно, к кружкам относятся фрагменты цилиндрической шейки и плечика сосуда с линейным орнаментом и оттисками гребенчатого штампа в верхней части тулова (НМ РТ, КП: В-18880/*1302,1303,1257*) из ямы 2 раскопа IV (Руденко, 1998, рис. 11: 12).

Кувшины представлены небольшими фрагментами венчиков (4 экз.). Они относятся к распространённым типам (НМ РТ, КП: В-18880/9,38,42,2049). По классификации Т.А. Хлебниковой, это типы 8 и 10, датирующиеся ордынским временем (Хлебникова, 1988, с. 58, 59, рис. 36: *6*; 37: *2;* 38: *3*). Диаметр горловины у песчаноостровных находок в среднем 8–9 см. Венчики имеют наплыв с наружной стороны.

Амфоровидный двуручный сосуд (1 экз.) (рис. 1: 5) был обнаружен в заполнении сооружения 1, раскопа I (НМ РТ, КП: В-18880/308). Он имеет цилиндрическую горловину диаметром 8 см, украшенную линейным орнаментом. Ручка крепится с одной стороны к плечику сосуда, а с другой – к нижней части шейки. Точных аналогий ему обнаружить не удалось. Определенное сходство сосуд обнаруживает с амфорами из Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 2001, рис. 76: *2*).

Горшки (6 экз.) представлены небольшими фрагментами двух типов сосудов. *Первый тип* (1 экз.) – сосуд крупных размеров с блоковидным венчиком (НМ РТ, КП:

В-18880/*139,138*), соответствующих горшкам 4 типа по Т.А. Хлебниковой из IVр слоя Болгарского городища (Хлебникова, 1988, рис. 52: 1). В тесте песчаноостровных горшков первого типа имеется незначительная примесь толченой раковины. *Второй тип* (5 экз.) горшков с селища Песчаный остров характеризуется раздутым туловом, вертикальной шейкой высотой 3–3,5 см с округлым срезом, украшенной линейным орнаментом (НМ РТ, КП: В-18880/2048,1433,1619). К этому типу относится горшок аналогичной формы, но с изогнутым в верхней части венчиком, без орнамента (НМ РТ, КП: В-18880/1). Все они относятся к типу 3 горшков Болгара по Т.А. Хлебниковой, выявленных в слое IVр Болгара (Хлебникова, 1988, рис. 51: 5, 8).

Таким образом, можно рассматривать следующие категории круговой керамики. Это хумчи одного типа с двумя подтипами (а и б) по форме венчика. Они появляются на поселении не ранее начала XIV в. и были привезены, скорее всего, одной небольшой партией.

В большинстве своем вышеупомянутые круговые изделия встречаются на селище в начале XIV в. Видимо, и привезли их на селище в этот период. Это не противоречит и датировке аналогий этим артефактам.

Также на поселении встречена **лепная и подправленная на круге посуда**. Выделяется небольшая группа (11 экз.) лепной керамики практически одного вида –котловидных или горшковидных сосудов, с уплощенным дном, с двумя (?) ручками или без них (рис. 2: 2) (НМ РТ, КП: В-18880/216,237,223). В тесте этих сосудов имеется органика и мелкая раковина. Можно выделить несколько типов сосудов.

Тип 1 (4 экз.). Поверхность имеет светло-коричневый цвет. Диаметр горловины 14,6 см, высота – 13–14 см, наибольшее расширение тулова в придонной части составляет 22 см. Венчик утолщенный, округлый, высотой 0,7 см. На плечике имеются наклонные вдавления торцом палочки (0,6×0,2 см). Крупные фрагменты такого сосуда найдены в сооружении 1 раскопа I, а также постройки 1 раскопа III (Руденко, 1998, рис. 12: 21). В верхнем заполнении котлована сооружения 1 раскопа I был найден развал аналогичного сосуда, но чуть меньшего объема (рис. 2: 1; НМ РТ, КП: В-18880/42), с диаметром горла 12,5 см, высотой около 12 см, а наибольшее расширение в придонной части составляет 20 см (Руденко, 1994, с. 136, рис. 6:3). Декор у котла как у предыдущего. На раскопе III в яме 4 обнаружен сосуд этого типа, только более низкий и широкий (рис. 3: 1) (НМ РТ, КП: В-18880/1669). Диаметр горла его 19 см, высота около 14 см. На плечике имеется наклонные оттиски (в левую сторону) мелкозубчатого штампа треугольной формы. В тесте сосуда помимо толченой раковины хорошо заметен мелкий песок. Аналогичные изделия встречаются на поселениях Верхнего Прикамья XII–XIII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 217, рис. 96: 20).

Тип 2 (1 экз.). Котел более высоких пропорций: высота 11–12 см, диаметр горловины 15 см, наибольшее расширение тулова в придонной части – 18 см (рис. 4: 1) (НМ РТ, КП: В-18880/455). У этого типа котлов хорошо выраженный венчик: вертикальный, с округлым срезом, высотой 2,5 см, с плавным переходом к тулову. Дно округлое. В верхней части тулова имеется орнамент в виде полоски вертикальных вдавлений шириной 0,3 и высотой 1,3 см, нанесенных лопаточкой с округлым торцом (Руденко, 1994, с. 136, рис. 6: 1). Похожий сосуд, только более крупный, был обнаружен на Болгарском городище в слое IVп. Т.А. Хлебникова отмечала, что у него истоки в Верхнем Прикамье (Хлебникова, 1988, с. 22, рис. 7: 10).

Тип 3 (4 экз.). Небольшие лепные сосуды (рис. 4: 2) (НМ РТ, КП: В-18880/420,421) (Руденко, 1994, с. 136, рис. 6: 4, 6) баночной формы с приостренным изогнутым венчиком, диаметром 12 см. Высота сосуда около 10–11 см, плечико сосуда в одном случае украшено наклонными в левую сторону оттисками крупного гребенчатого штампа, во втором – два ряда наклонных оттисков гребенчатого штампа: в верхнем ряду мелкого с наклоном в левую сторону, нижнем – в крупный, в правую сторону, образуя орнамент «ёлочка». В тесте сосудов этого типа, наряду с органическими примесями, присутствует мелкая толченая раковина. В одном случае в тесто вместо органики был добавлен мелкий песок (рис. 4: 4). На раскопе IV зафиксирован фрагмент венчика от сосуда этого типа с орнаментом в виде одного ряда наклонных в левую сторону оттисков крупного четырёхзубого гребенчатого штампа (НМ РТ, КП: В-18880/1270). Аналогичный

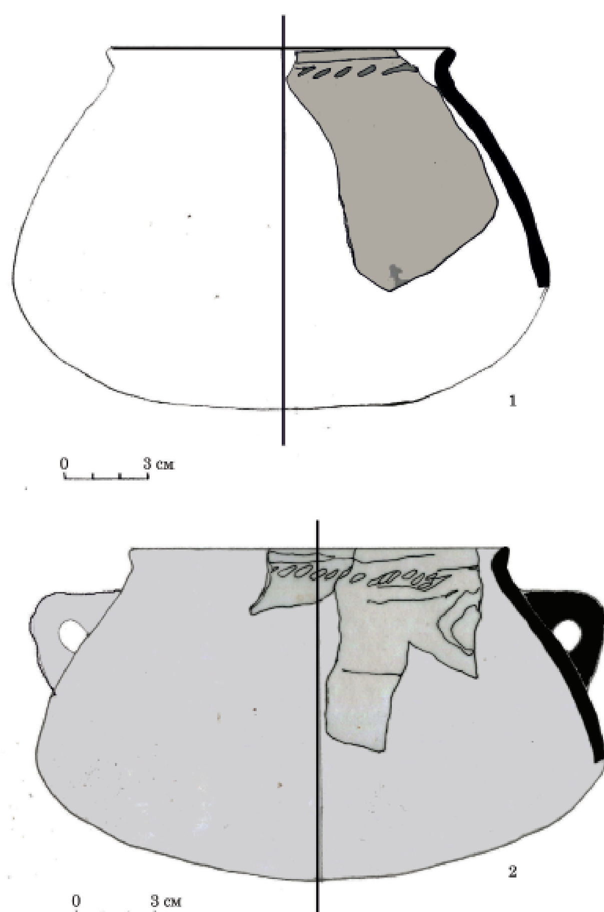

Рис. 2. Селище Песчаный остров. Керамика лепная с примесью толченой раковины. *1* – НМ РТ, В-1880/42; раскоп I, сооружение 1; *2* – НМ РТ, В-1880/*216,223,237*; раскоп I, сооружение 1.
Fig. 2. Peschany ostrov settlement. Hand-made pottery with an admixture of smashed shell. *1* – NM RT, B -1880/42; excavation I, structure 1; *2* – NM RT, B -1880/216,223,237; excavation I, structure 1.

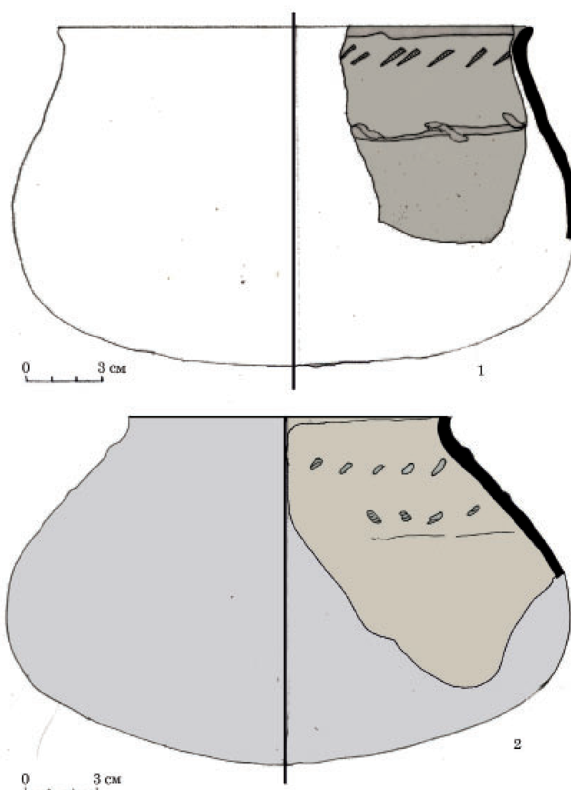

Рис. 3. Селище Песчаный остров. Керамика лепная с примесью мелкой толченой раковины и песка (*1*), и мелкой толченой раковины (*2*). *1* – НМ РТ, В-1880/1669; раскоп III, яма 4,5, глубина – 90-120 см; *2* – НМ РТ, В-1880/1720-1721; раскоп VI, яма 1, глубина – 53-67.
Fig. 3. Peschany ostrov settlement. Hand-made pottery with an admixture of fine smashed shell and sand (*1*), and fine smashed shell (*2*). *1* – NM RT, B -1880/2669; excavation III, pit 4.5, depth – 90-120 cm; *2* – NM RT, B -1880/1720-1721; excavation VI, pit 1, depth – 53-67.

найден на раскопе III (НМ РТ, КП: В-18880/1979).

К этому же типу относится и более крупный сосуд почти без примеси органики в тесте, но с большим количеством мелкотолченой раковины, происходящий из ямы 1 раскопа VI (НМ РТ, КП: В-18880/1720-1722) (рис. 3: 2). Диаметр венчика сосуда составляет 16,6 см, высота – около 15 см, наибольшее расширение в придонной части равно 25 см. В верхней части тулова имеется орнамент в виде двух полос наклонных оттисков гребенчатого «личинковидного» штампа, т. н. «ёлочка». Вероятно, аналогичен ему тонкостенный сосуд из раскопа IV (НМ РТ, КП: В-18880/*1547*).

Тип 4 (2 экз.). Лепной котловидный закрытый сосуд (рис. 4: 3) (НМ РТ, КП: В-18880/*320*) с уплощенным дном с вертикальным венчиком, диаметром 14 см, высотой 2 см, с округлым срезом. Плечико сосуда плавно переходит в раздутое тулово, наибольшее расширение которого приходится на его нижнюю часть и составляет 18 см. Общая высота сосуда около 11 см. Без орнамента (Руденко, 1994, с. 136, рис. 6: 10). Есть и бóльшие по размеру сосуды этого типа: диаметр венчика 22,4 см, высота 12 см, с вертикальным утолщенным венчиком высотой 2 см, с приостренным срезом (НМ РТ, КП: В-18880/*1719*). На двух фрагментах венчиков от аналогичных сосудов из раскопов II и III (НМ РТ, КП: В-18880/*1426,1631*) имеется орнамент в виде «ёлочки» из крупных оттисков «личинковидного» штампа, а также оттиски мелкого штампика на срезе венчика.

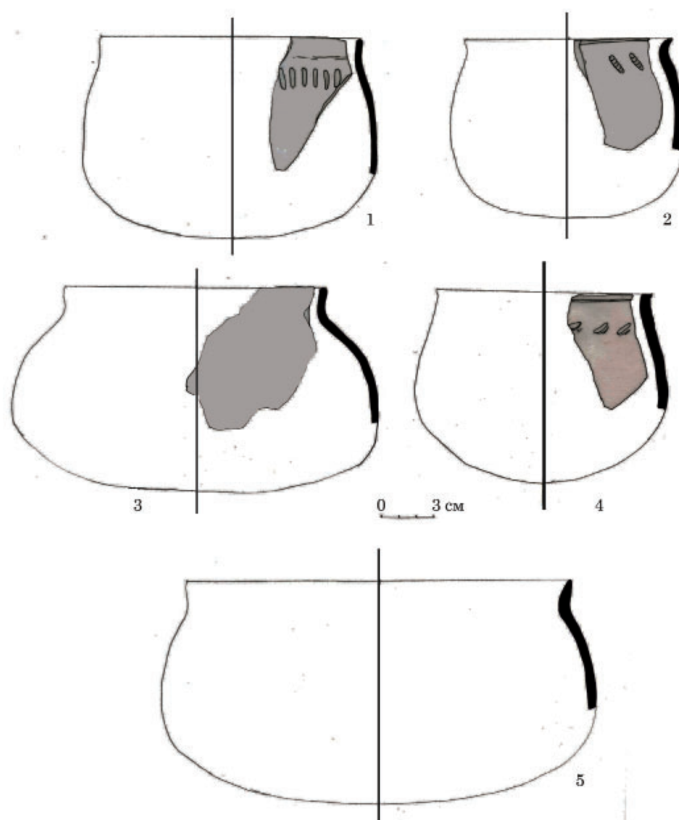

Рис. 4. Селище Песчаный остров. Керамика лепная с примесью мелкой толченой раковины и органики (*1-3*), мелкой толченой раковины и песка (*4*) и с примесью мелкого шамота (*5*). *1* – НМ РТ, В-1880/455; раскоп I , участок Д/8, пласт 2; *2* – НМ РТ, В-1880/421; раскоп I, участок Б′/7, пласт 1; *3* – НМ РТ, В-1880/320; раскоп I, участок Г/6; *4* – НМ РТ, В-1880/1670; раскоп III, яма 4,5, глубина – 90-120; *5* – НМ РТ, В-1880/2719; раскоп VI, яма 1, глубина – 53-67.

Fig. 4. Peschany ostrov settlement. Hand-made potterywith an admixture of fine smashed shell and organic matter (*1-3),* fine smashed shell and sand (*4*) and an admixture of fine chamotte (*5*). *1* – NM RT, B -1880/455; excavation I, area Д/8, layer 2; *2* – HM PT, B -1880/421; excavation I, area B′/7, layer 1; *3* – NM RT, V-1880/320; excavation I, area G/6; *4* – NM RT, V-1880/1670; excavation III, pit 4,5, depth – 90-120; *5* – NM RT, B -1880/2719; excavation VI, pit 1, depth – 53-67.

Вышерассмотренные керамические изделия ручной лепки с примесью толченой раковины в тесте котловидных/горшковидных форм непосредственно связаны с пермским населением Верхней Камы. На Песчаном острове они локализуются в основном на ранней части памятника – западной части усадьбы «Б», возникшей во второй половине – конце XIII в. (Руденко, 1998, с. 62, 63, рис. 16: *4*). Отметим, что у всех вышеописанных типов сосудов могли присутствовать полочковидные ручки (НМ РТ, КП: В-18880/*1569–1572*) (см. ниже), хотя, видимо, преобладали сосуды без ручек.

Очень немногочисленна лепная керамика с примесью мелкого шамота. Можно реконструировать один сосуд (рис. 4: 5) котловидной формы с невысоким приостренным венчиком; сосуд неорнаментирован (НМ РТ, КП: В-18880/*2719*).

Самая многочисленная лепная, но чаще подправленная на круге, **керамика XVIII группы**, выделенной по материалам Болгарского городища Т.А. Хлебниковой. В тесте она имеет примесь толченой раковины, формы горшковидные и чашевидные. Исследовательница связывала ее с родановской керамикой Верхнего Прикамья и датировала золотоордынским временем (Хлебникова, 1988, с. 36–38, рис. 21). Керамика этой группы с Русско-Урматского селища опубликована Н.А. Кокориной (Кокорина, 2002, с. 308, рис. 54). В материалах Песчаного острова преобладают округлодонные сосуды с парой полочковидных ручек, украшенные отпечатками гребенчатого штампа. Некоторые ручки

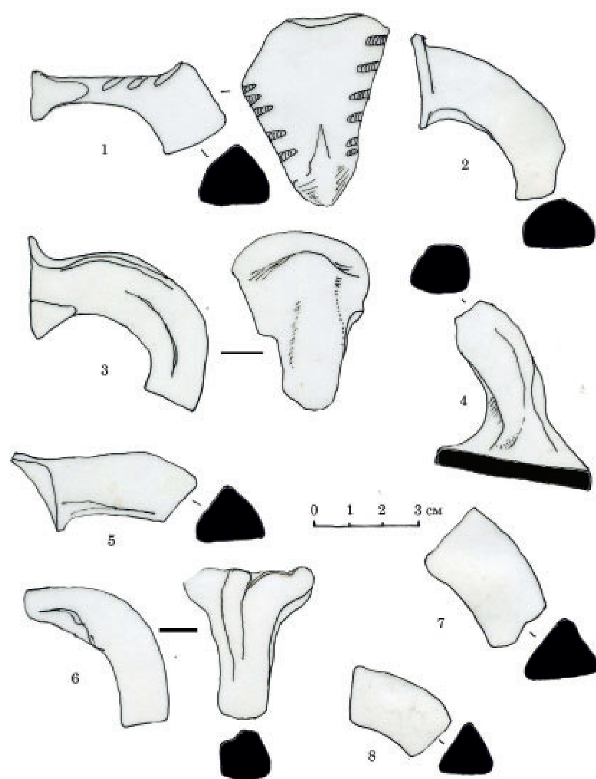

Рис. 5. Селище Песчаный остров. Ручки от сосудов с примесью крупнозернистого песка (*1,2*) и толченой раковины (*3-8*). *1* – НМ РТ, В-1880/1859; раскоп III, участок 63, пласт 2; *2* – НМ РТ, В-1880/2033; раскоп III, участок 57, пласт 2; *3* – НМ РТ, В-1880/1240; раскоп III, участок 45, пласт 2; *4* – НМ РТ, В-1880/1505; раскоп IV, яма 2; *5* – НМ РТ, В-1880/1553; раскоп IV, участок 13, пласт 3; *6* – НМ РТ, В-1880/1247; раскоп IV, участок 7, пласт 2; *7* – НМ РТ, В-1880/1360; раскоп IV, участок 10, пласт 3; *8* – НМ РТ, В-1880/2034; раскоп III, участок 51, пласт 2.
Fig. 5. Peschany ostrov settlement. Vessel handles with an admixture of coarse sand (*1,2*) and smashed shell (*3-8*). *1* – NM RT, B -1880/1859; excavation III, area 63, layer 2; *2* – NM RT, B -1880/2033; excavation III, area 57, layer 2; *3* – NM RT, B -1880/1240; excavation III, area 45, layer 2; *4* – NM RT, B -1880/1505; excavation IV, pit 2; *5* – NM RT, B -1880/1553; excavation IV, area 13, layer 3; *6* – NM RT, B -1880/1247; excavation IV, area 7, layer 2; *7* – NM RT, B -1880/1360; excavation IV, area 10, layer 3; *8* – NM RT, B -1880/2034; excavation III, area 51, layer 2.

вместо «полочки» – плоской верхней площадки (рис. 6: 2) – имеют заметный гребень (рис. 6: 3) (аналогичные ручки, только с примесью крупнозернистого песка встречаются и у сосудов других групп керамики этого поселения), а у полочковидных ручек в ряде случаев имеется клювовидный выступ (Руденко, 1998, рис. 12: 11, 16, 24). Сечение ручек разнообразно: подпятиугольное, сегментовидное, округлое, треугольное (чаще всего), квадратное (рис. 5: 3–8). В небольшом количестве сосуды этого типа встречались на усадьбе «Б», но больше всего они представлены на усадьбе «А» (Руденко, 1994, с. 136, рис. 6: 8, 9; 1998, рис. 11: 2, 39; 12: 2, 3, 15, 16).

Керамика XVIII группы на данном поселении является производной от предыдущей.

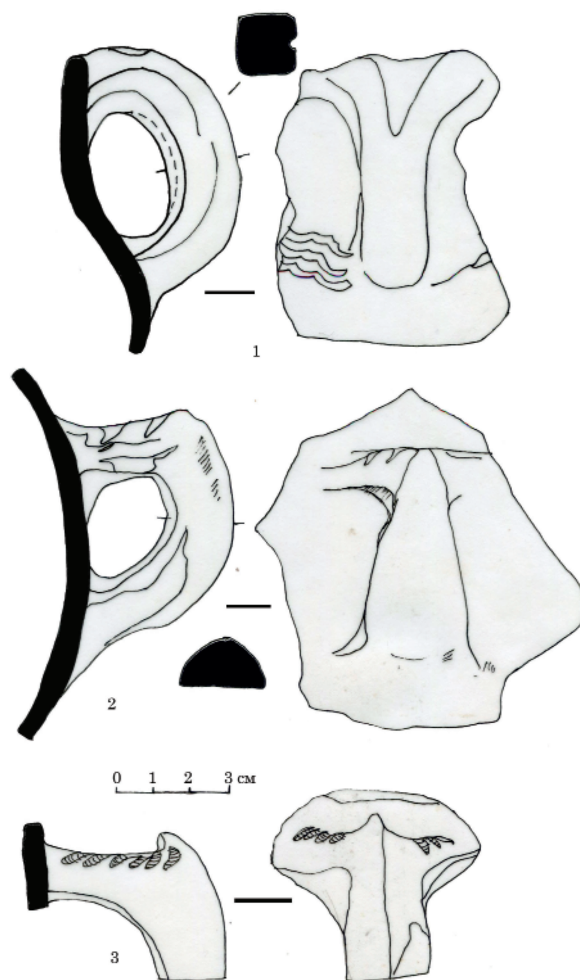

Рис. 6. Селище Песчаный остров. Ручки от сосудов с примесью крупнозернистого песка (1) и толченой раковины (2,3). *1* – НМ РТ, В-1880/1980; раскоп III, участок 45, пласт 3; *2* – НМ РТ, В-1880/1361; раскоп IV, участок 10, пласт 3; *3* – НМ РТ, В-1880/1554; раскоп IV, участок 13, пласт 3.
Fig. 6. Peschany ostrov settlement. Vessel handles with an admixture of coarse sand (*1*) and smashed shell (*2,3*). *1* – NM RT, B -1880/1980; excavation III, area 45, layer 3; *2* – NM RT, B -1880/1361; excavation IV, area 10, layer 3; *3* – NM RT, B -1880/1554; excavation IV, area 13, layer 3.

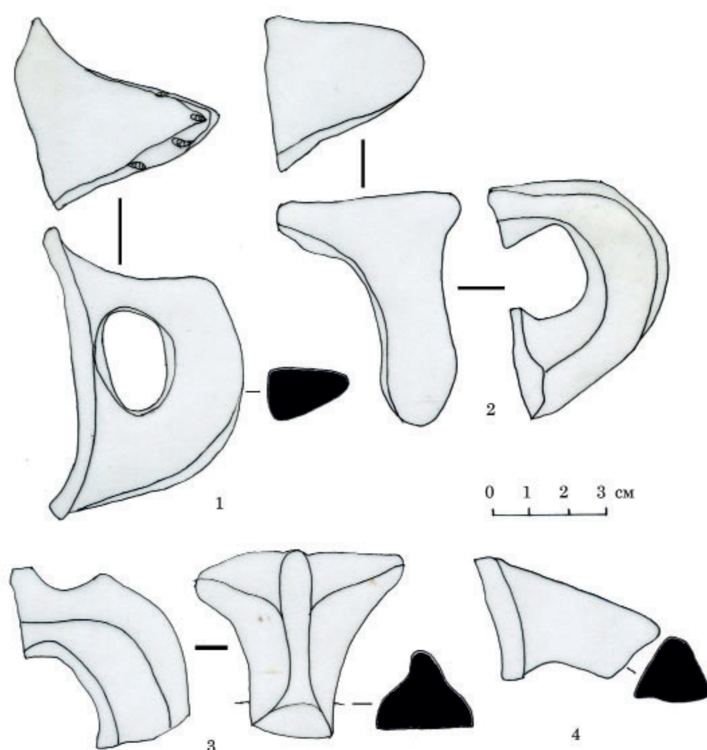

Рис. 7. Селище Песчаный остров. Ручки сосудов с примесью крупнозернистого песка. *1* – НМ РТ, В-1880/309; раскоп II, участок В/3, пласт 3; *2* – НМ РТ, В-1880/1599; раскоп III, яма 28; *3* – НМ РТ, В-1880/2; раскоп III, яма 4а,б, выборка 5; *4* – НМ РТ, В-1880/2; раскоп III, участок А, пласт 1-2.

Fig. 7. Peschany ostrov settlement. Vessel handles with an admixture of coarse sand. *1* – NM RT, B -1880/309; excavation II, area B/3, layer 3; *2* – NM RT, B -1880/1599; excavation III, pit 28; *3* – NM RT, B -1880/2; excavation III, pit 4a, б, sampling 5; *4* – NM RT, B -1880/2; excavation III, area A, layer 1-2.

Из новаций можно отметить использование поворотного столика или гончарного круга для формовки сосудов, также как примесь в тесте стал чаще использоваться песок наряду с мелкотолченой раковиной или, чуть позже, без нее. На селище достаточно много переходных форм, отсюда и неустойчивость форм венчиков, вариации с ручками сосудов, орнаментацией и т. п.

На селище зафиксирована керамика с крупнозернистым песком в тесте, которая обычно относится к **XIII группе** по Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1988, с. 31, 32, рис. 15). Она имеет примесь крупнозернистого песка в тесте, округлодонную горшковидную форму и орнаментацию в виде многорядной волны (Руденко, 1998, рис. 12: 35). Керамика этой группы выделена на памятниках домонгольского времени и была распространена именно в этот период. На Болгарском городище она встречается и в слоях золотоордынского времени, если, конечно, это не результат перекопов. По мнению Н.А. Кокориной, керамика XIII группы бытовала весь золотоордынский период (Кокорина, 2002, с. 91, рис. 45, 46). Впрочем, она имеет существенные отличия от домонгольской.

Песчаноостровные сосуды с признаками керамики XIII группы имеют свои особенности, например, вертикальную шейку высотой 3 см, с приостренным венчиком, иногда с небольшим наплывом изнутри (НМ РТ, КП: В-18880/2130;912,1274). Встречаются и небольшие чаши или горшковидные формы с венчиком с наплывом снаружи без орнамента или, иногда, с оттисками гребенчатого штампа в верхней части тулова и по срезу венчика (рис. 8) (НМ РТ, КП: В-18880/258,489,612,1084,1597). У некоторых из них имеются лепные баранковидные ручки (рис. 6: 1). У них достаточно много вариаций, связанных с оформлением внешней части, в том числе имеются экземпляры и с плоской верхней площадкой. Это отразилось и на сечении этих ручек (рис. 7: 1–4).

В основном эти сосуды встречаются на усадьбе «А» и, скорее всего, появились в быту жителей этого поселения в начале XIV в. Здесь же зафиксированы горшковидные округлодонные сосуды, но вместо наклонной волны орнамент был выполнен гребенчатым штампом, оттиск которого имел овальную или треугольную форму; оттиски были сделаны в одну линию с наклоном влево (НМ РТ, КП: В-18880/1301). Они довольно стандартны. Размеры их: высота 15 см, диаметр венчика 15 см, наибольшее расширение тулова в средней части составляет 20 см.; венчик

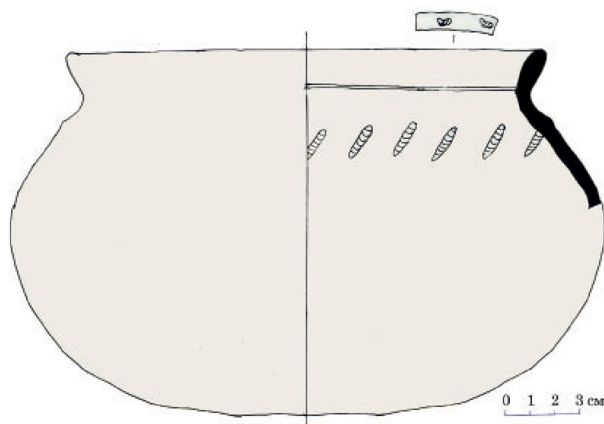

Рис. 8. Селище Песчаный остров. Сосуд, подправленный на гончарном круге, с примесью крупнозернистого песка. НМ РТ, В-1880/1597; раскоп III, яма 28.
Fig. 8. Peschany ostrov settlement. A vessel, corrected on a potter's wheel with an admixture of coarse sand. NM RT, B -1880/1597; excavation III, pit 28.

блоковидный с наплывом изнутри или вертикальный, утолщенный и отогнутый наружу. Орнамент – наклонные оттиски гребенчатого «личинковидного» штампа (НМ РТ, КП: В-18880/1259,1258, 1597).

Таким образом, судя по материалам селища Песчаный остров, первые его поселенцы-основатели в конце XIII в. использовали в быту лепную керамику верхнекамских истоков с примесью органики и мелкой толченой раковины в тесте, котловидных или горшковидных форм с боковыми ручками или без них. Производной от этой посуды стали сосуды XVIII группы керамики, которые постепенно к началу XIV в. на этом поселении вытеснили предыдущие типы изделий. В их производстве использовался поворотный столик или простейший гончарный круг, а в глиняное тесто, наряду с толченой раковиной, стало добавляться больше песка. Одновременно на селище стали завозиться круговые сосуды, как тарные, так и столовые. В первой – второй четверти XIV в. материальная культура поселенцев второго и третьего поколений включала в себя привозные чугунные котлы, мелкие бытовые предметы и украшения. Среди последних отметим металлические зеркала (Руденко, 1998, рис. 9: 18, 19; 11: 25).

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 71–82.

Казаков Е.П. Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 117–129.

Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 77–102.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972 – 1988 гг.) // ТА. 2004. № 1–2 (10–11). С. 47–99.

Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник («у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. С. 121–139.

Руденко К.А. К вопросу о датировке II горизонта селища Песчаный остров // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. Тезисы научной конференции. Казань: НЦАИ ИИ АН РТ, 1996. С. 12–13.

Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993-94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1 / ред. Ю. А. Зеленеев, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 60–71

Руденко К.А. Хронология булгарских древностей. Часть II. Золотоордынское селище и могильник Песчаный остров // Проблемы хронологии волжских болгар. Тезисы научной конференции / Отв. ред. Е. П. Казаков. Казань: НЦАИ ИИ АН РТ, 1998. С. 14–15.

Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 61–76.

Руденко К.А. К вопросу о булгаро-пермских контактах в золотоордынскую эпоху (на примере селища Песчаный остров) // Пермское Прикамье в истории Урала и России (материалы Всероссийской научной конференции) / Отв. ред. В. В. Шилов. Березники: ПГУ, 2000. С. 54–58.

Руденко К.А. Селище и могильник «Песчаный остров» в Татарстане и их округа (к вопросу об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в золотоордынское время) // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000) / Отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: НГПУ. 2001. С. 46–49.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. 242 с.

Руденко К.А. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье (К постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 308–320.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 189–211.

Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

Руденко К.А. Кочевники Булгарской области Золотой Орды: анализ археологических источников // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 315–316.

Руденко К.А. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Казань-Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 325–378.

Руденко К.А. Историческая география Болгарского улуса // Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6. / Под общ. ред. А.Г. Ситдиков, отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 212–242.

Руденко К.А., Казаков Е.П. Коминтерновское III селище эпохи Золотой Орды в Татарстане // Поволжская археология. 2022. № 4 (42). С. 101–112. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.101.112

Руденко К.А., Казаков Е.П. Средневековые археологические памятники Семеновского острова в Татарстане: история изучения и некоторые итоги исследований // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 129–148. DOI: 10.24852/pa2023.4.46.129.148.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 90–113.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Kazakov, E. P. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i mongolskoe nashestvie (Volga Bolgaria and the Mongol Invasion).* Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 71–82 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117–129 (in Russian).

Kokorina, N. A. 1999. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 4–5 (1–2), 77–102 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kokorina, N. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 10–11(1–2), 47–99 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of the Volga Finns)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History, 121–139 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1996. *In Epokha bronzy Nizhnego Prikam'ya. Tezisy nauchnoy konferentsii (Bronze Age of the Lower Kama region. Abstracts of the scientific conference).* Kazan, 12–13 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1998. In Zeleneev, Yu. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 60–71 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1998. In Kazakov, E. P. (ed.) *Problemy khronologii volzhskikh bolgar. Tezisy nauchnoy konferentsii (Issues of the chronology of the Volga Bolgars. Abstracts of the scientific conference).* Kazan, 14–15 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1999. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 4–5 (1–2), 61–76 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. In Shilov, V. V. (ed.). *Permskoe Prikam'e v istorii Urala i Rossii. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Perm Kama Region in the History of the Urals and Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference*). Berezniki: Perm State University, 54–58. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. In Guseva, T. V. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka. Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya Germana Alekseevicha Fedorova-Davydova (1931-2000) (Volga region in the Middle Ages. Abstracts of papers of the All-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of German A. Fyodorov-Davydov (1931-2000))*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 46–49 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI–XIV vv. (Material culture of the Bulgars settlements in the Lower Kama during the 11th–14th cc.)* Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 308–320 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 189–211 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992-1996)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress))*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 315–316 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan–Chisinau: "Stratum Plus" Publ., . 325–378 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period).* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 212–242 (in Russian).

Rudenko, K. A., Kazakov, E. P. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 42 (2), 101–112DOI: 10.24852/pa2022.4.42.101.112 (in Russian).

Rudenko, K. A., Kazakov, E. P. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 46 (4), 129–148 DOI: 10.24852/pa2023.4.46.129.148 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*: *keramika, torgovlia, byt* (*Golden Horde Cities in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life*). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov G.A. (ed.) *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on craft activities).* Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Nabiullin, N. G. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 90–113 (in Russian)..

About the Authors:

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan State Institute of Culture, Orenburgsky tract St., 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

Кавказ

УДК 930.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.158.163

ГОРОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА СТРАНИЦАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ СОЧИНЕНИЙ

©2024. Э.Г. Сайфетдинова

В статье предлагается рассмотреть процесс фиксирования названия золотоордынских городов в средневековых арабских источниках. Материалами исследования выступили арабоязычные сочинения XIII–XV вв. В результате исследования было отмечено отсутствие устойчивого названия золотоордынского государства. В большинстве случаев арабские хронисты делали привязку названия государства к имени правителя, либо к определенному географическому местоположению золотоордынского государства. Сведения средневековых арабских сочинений о золотоордынских городах фрагментарны и описательны, не дают полной картины средневекового города. Большинство из представленных сведений касаются оседлых территорий золотоордынской империи. Несмотря на повествовательный стиль сведений о городах Золотой Орды, они в общем дают информацию, которая дополняет сведения других исторических источников.

Ключевые слова: археология**,** история, средние века, города, источниковедение, арабские историографы, письменные источники, Золотая Орда, правители.

GOLDEN HORDE CITIES ON THE PAGES OF MEDIEVAL ARABIC WORKS

E.G. Sayfetdinova

The article considers process of fixing the names of the Golden Horde cities in medieval Arabic sources. The materials of the study were Arabic-language writings of XIII–XV centuries. As a result of the study it was noted that there was no stable name of the Golden Horde state. In most cases Arab chroniclers linked the name of the state to the name of the ruler or to a certain geographical location of the Golden Horde state. The information of medieval Arabic works about the Golden Horde cities is fragmentary and descriptive, and does not give a complete picture of a medieval city. Most of the presented information concerns the settled regions of the Golden Horde Empire. Despite the narrative style of the reports about the cities of the Golden Horde, they generally provide information that complements the data of other historical records.

Keywords: archaeology, history, Middle Ages, cities, source study, Arab historiographers, written sources, Golden Horde, rulers**.**

Государство Золотая Орда как часть истории мировой цивилизации оказало большое влияние на судьбу народов Евразии, стала важным этапом в истории тюрко-татарских народов (Измайлов, 2009, с. 16). В результате тесного взаимодействия оседлого и кочевнического мира были созданы условия для развития новой культуры XIII–XIV вв. При этом нужно отметить, что самоназвание «Золотая Орда» как наименование государства закрепилось гораздо позже, уже после распада средневековой империи. В научной литературе термин «Золотая Орда» стал использоваться с опорой на сведения из «Казанского летописца», исторической повести о взятии Казани анонимного автора XVI века. В настоящее время термин «Золотая Орда» прочно вошел в научную терминологию и используется наравне с названием «Улус Джучи».

В территорию Золотой Орды вошли как оседлые области Хорезма, Северного Кавказа, Крыма, Волжской Булгарии, а также степные пространства Поволжья, Подонья, Северного и Западного Казахстана и Волгоуралья.

Цель данной статьи проанализировать процесс фиксации наименований городов Золотой Орды в средневековых арабских источниках.

В арабо-персидской летописной традиции XIII-XIV вв. термин «Орда/ Урду» ассоциировался с понятием ханской ставки. Согласно сведениям персидского историка Рашид

ад-Дина ставка Чингиз-хана носила название «Урду-и зарин бузург / Большая золотая орда» (Рашид-ад-дин, 1952, с. 230). Арабский путешественник Ибн Баттута указывал на то, что под названием «Урда» подразумевается ставка, однако это не только ставка правителя, но и в целом «большой город, движущийся со своими жителями» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 289).

В большинстве случаев арабские хронисты делали привязку названия государства к имени правителя «царство Берке», либо к определенному географическому местоположению «Северные страны», «Северное царство», «земли Дешта». Соответственно и титул правителей также давался в связке с местом их локации «царь Кыпчакский», «султан Дештский» и т. д.

Несмотря на преобладание кочевнического образа жизни, к концу XIII столетия на территории Золотой Орды возникает значительное количество городов. «В период стабильного существования империи города становятся центрами международной торговли, центрами собственных периферий в ремесле и ближней торговли, центрами духовной жизни, различных форм интеллектуальной и полиэтнической культуры» (Крамаровский, 2009, с. 567). Города, находившиеся на территории Улуса Джучи (Золотой Орды) были описаны во многих средневековых письменных источниках, отдельный пласт составляют арабские сочинения, в которых содержатся некоторые сведения о золотоордынских городах отмеченные путешественниками, купцами.

В сочинении ал-Омари приводятся воспоминания Бадреддина Хасана ал-Руми, в которых упоминаются города, находящиеся на территории Золотой Орды: «Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Болгар» (Из сочинений Ибнфедааллаха ал-Омари, 1884, с. 236). Путешественник Ибн Баттута о владениях Узбек хана, правителя Золотой Орды, писал: «Владения его обширны и города велики. В числе их: Кафа, Крым, Маджар, Азов, Судак, Хорезм и столица его (султана) Сарай» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 290). По мнению М.Г. Крамаровского: «Всего Ибн Баттута в своих записках отметил посещение двенадцати золотоордынских городов» (Крамаровский, 2014, с. 67). Особенностью золотоордынских городов является то, что они «имеют усадебно-уличную планировку, в них нет четкой структуры, и не выделяется укрепленная цитадель, как в большинстве городов Востока, Руси и Запада» (Зиливинская, 2014, с. 9).

Наибольшее количество сообщений средневековых арабских источников касается столицы – Сарая (Сарая ал-Джедида). Описывая границы «северных стран», многие египетские летописцы отмечали: «Это царство (Золотая Орда – *С.Э.*) находится в странах Северных, землях Тюрков и Кыпчаков, столица его город Сарай» (Из энциклопедии Эннувейри, 1884, с. 149). Красотой города Сарая (Сарая Берке, Сарай-ал-Джедида) восхищался и путешественник Ибн Баттута, побывавшей в Золотой Орде в 30-е гг. XIV столетия: «Приехали мы в город Сарай. Известен под именем Сарая Берке. Это столица султана Узбека. Город Сарай (один) из красивейших городов, достигшей чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами». Подробно Ибн Баттута также останавливался на территориальных границах города, целенаправленно объехав его вдоль и поперек: «Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, совершили (там) молитву полуденную, поели и добрались до (нашего) жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня, и (все) это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 306). Ал-Омари ссылался на воспоминания переводчика-толмача Шуджа ад-дин Абдерахман ал-Хорезми отмечал: «Город Сарай построен Берке ханом на берегу Туранской реки (Итиля). Он (лежит) на солончаковой земле, без всяких стен. Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого (находится) золотое новолуние, (весом) в два кынтрая[1] египетских. Дворец окружают стены, башни да дома, в которых проживают эмиры его. В этом зимнем дворце их зимние помещения… Он то есть Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место куда направляются товары. Посредине его (находится) пруд, вода которого (проведена) из этой реки… Расстояние его (Сарая) от Хорезма около 1 ½ месяца (пути), между ним (Хорезмом) и Сараем - города Хива

и Кутлукент» (Из сочинений Ибнфедааллаха ал-Омари, 1884, с. 241-242). По сведениям, ал-Омари золотоордынский Сарай никогда не был стеснен стенами, не содержал укреплений вроде кремля. Важной отличительной частью города были его базары (рынки), которые представляли собой социально-коммуникативный мир. «Основная черта городского рынка – определенная специализация; его функция – быть связующим звеном с близлежащими ремесленными поселениями, сельской округой и окружающей кочевой степью. Среди важнейших социальных функций рынка – коммуникативная, роль особенно важная с точки зрения налаживания межэтнических и межрелигиозных связей» (Крамаровский, 2009, с. 572).

Особый интерес для них представляла религиозная и этническая ситуация в городах Золотой Орды. Ибн Баттута подчеркивал, что в столице золотоордынского правителя Узбек хана: «13 мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того еще чрезвычайно много (других) мечетей. В нем (живут) разные народы, как то Монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ее); некоторые из них мусульмане; Асы, которые мусульмане; Кипчаки; Черкесы; Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и др. мест живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 306).

Наряду с многогранной этнической составляющей столицы Золотой Орды, Ибн Арабшах также отмечал важность Сарая ал-Джедида как культурного и научного центра: «Столица Дешта – Сарай. Это город мусульманской постройки, чудной крепости… Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась (такая) добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его. Между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 года. Это был один из величайших городов по положению (своему) населеннейший по количеству народа». (Из сочинений Ибнарабшаха, 1884, с. 463).

Города Крымского полуострова представлены как портовые и торговые центры. Бейбарс ал-Мансури отмечал, что в XIII веке город Кафа располагался между Стамбулом и Крымом и принадлежал генуэзским франкам (Из летописи Рукнеддина Бейбарса, 1884, с. 111). Уже прибывший в Кафу в XIV веке арабский путешественник Ибн Баттута также отмечал, что большая часть населения города – генуэзцы: «Это большой город, который тянется вдоль берега морского. Населяют его христиане, большая часть которых генуэзцы» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 280).

Путешественник отметил, что Крым (Солхат) представляет собой « город большой и красивый из владений султана великого Мухаммеда Узбек хана. С его стороны поставлен над ним эмир имя которого Тулуктимур» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 280). О значимости Солхата как административного центра, «столицы округа Кырым» представленного «сорока поселениями» писал и ал-Калкашанди (Крамаровский, 2009, с.573). Зафиксировано описание торгового города Азака в заметках путешественника Ибн Баттуты, который отмечал его как побережный город, в который прибывают торговцы с товарами» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 284).

О городе Судак, Ибн Баттута представляет его как Сурдак, путешественник рассказывает историю этого приморского городка и отмечает, что гавань его «одна из самых больших и самых лучших гаваней. Вокруг него сады и воды; населяют их Тюрки и под их покровительством, несколько Византийцев, которые занимаются ремеслами. Большая часть домов его деревянные. Город этот (прежде) был велик, но большая часть его была разрушена по причине раздора, которая произошла между Византийцами и Тюрками в котором победа осталась за Византийцами. Тогда Тюркам помогли их сообщники, (которые) перебили Византийцев страшнейшим образом и выгнали большую часть их. Часть же их остается (там) под покровительством (Тюрков) до сего времени» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 303). Другой автор ал-Айни называет город Судак «наибольшим из городов Кипчакских, в котором чрезвычайно много товаров, одежд, бобровых и беличьих мехов» (Из летописи Элайни, 1884, с. 502).

Отдельное внимание в средневековых арабских источниках уделено области Хорезма. Ал-Омари определяет местоположение города Хорезма на Джейхуне (Амударье) «между двумя рукавами его, похожими на шаровары. В Хорезме 100 домов еврейских и 100 домов христианских, не более» (Из сочинений Ибнфедааллаха ал-Омари, 1884, с. 242). Ал-Омари отождествляет Хорезм как «область отрезанная от Хорасана и Мавереннехра; со всех сторон его окружают пустыни»… «в области несколько городов» (Из сочинений Ибнфедааллаха ал-Омари, 1884, с. 242). Ибн Баттута описывая посещение города Хорезма отмечал богатство и густонаселенность этого города, его прославленные базары: «Это один из самых больших, значительных и красивых Тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами » (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 308).

Ибн Баттута также посетил Маджар « город большой, (один) из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 287). Путешественник также интересовался этимологией названия городов, так рассказывая о Хаджитархане (сов. Астрахань) он отмечал: «Тархан, значит у них место, изъятое от податей… Город этот получил название свое от тюркского хаджи (паломника), одного из благочестивцев, поселившихся в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно и оно стало деревней; потом оно увеличилось и сделалось городом. Это один из лучших городов, с большими базарами, построенный на реке Итиль, которая одна из больших рек мира». (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 301). В записках Ибн Баттуты также покрытый тайной Бабасалтук, который обрел свое имя от некоего прорицателя Салтука, «но про него рассказывают (такие) вещи, которые закон запрещает. Этот город самый крайний из тюркских городов; между ним и между первыми владениями Византийцев 18 дней (пути) степью, без всякой оседлости, в том числе 8 дней без воды в ней. Запасается для них вода и везется в мехах и бурдюках на арбах». (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 303). При посещении Сарайчика Ибн Баттута отметил, что его имя означает Малый Сарай и располагается вдоль реки Улусу (совр. Урал), на водах его проложен мост из судов, как «мост Багдадский (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 307).

В описании городов Золотой Орды зафиксирован и город Укек, расположенный на Саратовской земле и являющемуся одним из доказательств существования развитой городской культуры в золотоордынский период. Город Укек считался одним из ранних и довольно крупных городов Золотой Орды, его формирование складывалось на рубеже 40-х начале 50-х годов XIII в.

Об этом городе писал Абу Фида[2] в «Таквим ал-Булдан» (Укек): это город на Итиле (Волги) с западной стороны, и он (расположен – *С.Э.*) между Сараем и между Булгаром и она середина дороги между ними и он от каждой из них около 15 мархаля и в Укеке заканчивалась Орда царство татар в стране Берке и она (Орда – *С.Э.*) не выходила за пределы ее (Рамзи, 2002, с.394). Этот отрывок со ссылкой на «Таквим ал-булдан» Абу-л Фида, использовал и ал-Калькшанди. Однако перевод этого отрывка из сочинения ал-Калькашанди на русский язык интерпретирован по-другому: «Укек. Он [находится] на берегу реки Итиль, с западной стороны, между Сараем и Булгаром, приблизительно на полдороге между ними. И он от каждого из них на расстоянии примерно 15 дневных переходов. Этот Укек перешел по наследству к Орда-хану (Урду ал-кан) — владыке этого государства, а в нем, как говорилось выше, есть другие города» (Григорьев, Фролова, 2002, с. 285). Скорее всего, сведения Абу-л Фиды, представляются более убедительными, поскольку передача в наследство Укека некоему Урда хану не основана на каких либо исторических фактах.

Ибн Баттута также упоминал об Укеке, рассказывая о своем путешествии из Хаджи Тархана в Константинополь: «Город средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей. Между ними и между Сараем, столицею султана десять дней пути, а на один день пути от этого города (находятся) горы Русских» (Из описания путешествий Ибн Баттуты, 1884, с. 303).

Таким образом, сведения средневековых арабских сочинений о золотоордынских городах фрагментарны, не дают полной картины средневекового города. Большинство из представленных сведений касаются оседлых территорий золотоордынской империи, так называемых «старых городов», больше сведе-

ний о градостроительстве связано со столицей Золотой Орды городом Сараем. Особенностью «новых» городов является их усадебная застройка, при этом города возводились без крепостей и стен, то есть не имели фортификацию. Важными составляющими золотоордынского города по мнению средневековых арабских сочинений было наличие административной власти, развитой системы торгово-ремесленных отношений, являлся сосредоточием культурной и религиозной жизни. В целом несмотря на повествовательный стиль сведений о городах Золотой Орды, они, в общем, дают информацию, которая дополняет сведения других исторических источников.

Примечания:

[1] Один египетский кантар был весом 44,928 кг.

[2] Абу-ль-Фида, (1273 Дамаск - 1331 Хама) - историк и географ из династии Аюбидов, занимал пост эмира Хамы в 1310/1311 гг. Отличился своим мужеством в походах против крестоносцев. Должность эмира Хамы получил от мамлюкского султана ан-Насира Мухаммада Калавуна. Его сочинение под названием «Таквим ал-булдан» (Упорядочение стран) была изучена европейскими учеными и переведена на ряд европейских языков. Отдельные отрывки были переведены на русский язык, его сообщения использовал ал-Калькашанди.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001 / Ред. С.Г.Кляшторный. М. Восточная литература, 2002. С. 261–280.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Из летописи Рукнеддина Бейбарса // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 76–123.

Из летописи Элайни // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 475–534.

Из описания путешествий Ибн Баттуты // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 278–314.

Из сочинений Ибнарабшаха // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 455–474.

Из сочинений Ибнфедааллаха ал-Омари // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 207–251.

Из энциклопедии Эннувейри // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. С. 128–171.

Измайлов И.Л. Улус Джучи и Золотая Орда: официальное название страны и историческая традиция. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 16–18.

Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 567–588.

Крамаровский М.Г. Ибн Баттута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 64–74.

Рамзи М. Талфик ал-ахбар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 2002. 736 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л.: АН СССР, 1952. 320 с.

Информация об авторе:

Сайфетдинова Эльмира Гаделзяновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017; adulya2@yandex.ru

REFERENCES

Grigor'ev, A. P. Frolova, O. B. 2002. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2001 (Collected Papers on Turkic Studies 1)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 261–280 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

In Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 76–123 (in Russian)

In Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 475–534 (in Russian)

In Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 278–314 (in Russian)

In Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 455–474 (in Russian)

In Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 207–251 (in Russian).

In Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 128–171 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 16–18 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 567–588 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 1 (3). 64–74 (in Russian).

Ramzi, M. 2002. *Talfik al-akhbar fi vakai' Kazan va Bulgar va muluk at-tatar*. Beyrut: Dar al-kutub al-'ilmiya (in Arabian).

Rashid-ad-Din. 1952. *Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* Vol 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Author:

Sayfetdinova Elmira G., Candidate of Historical Sciences, Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences. Baturin Str., 7A, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017;adulya2@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902.2 (903.5) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.164.171

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЛОЙ ПОСЕЛЕНИЯ ХУДУТЕПЕ

©2024 г. А.М. Агаларзаде, Л.Ш. Насирова, М.М. Гусейнова

В статье сообщается об образцах материальной культуры, выявленных из средневекового слоя многослойного памятника – поселения Худутепе в Джалилабадском районе на юго-востоке Азербайджана. Как известно, в период развитого средневековья (IX–XIII вв.) на территории Азербайджана возникали многие феодальные государства. Часть из них со временем усиливалась и играла важную роль в культурно-экономическом росте своей эпохи. Следует отметить, что при раскопках поселения обнаружена богатая поливная и неполивная керамика, стеклянные украшения развитого средневековья, металлические орудия и медная монета. Образцы материальной культуры из средневекового слоя Худутепе указывают на интенсивную обитаемость поселения сельского типа на Мугани в исследуемом периоде. Расположение поселения на выгодной географической территории указывает на формирование жизни Худутепе в XI–XIII вв.

Ключевые слова: археология, юго-восток Азербайджана, Худутепе, период Ильханидов, средневековье, поливная и неполивная керамика, стеклянные украшения, металлические орудия, монета

MEDIEVAL LAYER OF THE KHUDUTEPE MULTI-LAYER SETTLEMENT IN THE MUGAN STEPPE

A.M. Agalarzade, L.Sh. Nasirova, M.M. Huseynova

The paper considers samples of material culture identified in the medieval layer of a multi-layered site – the Khudutepe settlement in the Jalilabad District in the south-east of Azerbaijan. As is known, during the High Middle Ages (IX–XIII centuries) many feudal states emerged on the territory of Azerbaijan. Some of them strengthened over time and played an important role in the cultural and economic growth of their era.The location of the settlement in a favorable geographical area shows that intensive life was formed in Khudutepe in the XI–XIII centuries. It should be noted that during excavations of the settlement, rich glazed and unglazed pottery, glass jewellery from the High Middle Ages, metal tools and copper coins were discovered. Samples of material culture from the medieval layer of Khudutepe indicate intensive habitation of a rural-type settlement on Mugan in the period under study. The location of the settlement on an advantageous geographical territory indicates the formation of life in Khudutepe in the XI–XIII centuries.

Keywords: south-east of Azerbaijan, Khudutepe, Elkhanid period, Middle Ages, unglazed and glazed pottery, glass ornaments, metal tools, copper coin.

Введение. Большинство средневекового населения Азербайджана проживало в селах. Наличие культурного слоя на территории некоторых современных сел указывает на возникновение их в эпоху средневековья и непрерывного существования до современного периода. В результате монгольских завоеваний и войн между Ильханидами и Золотой Ордой (XIII в.) большинство данных поселений, в особенности расположенных на равнинах и в придорожье, было уничтожено (Агаларзаде, 2012, с. 94). Одним из таких поселений является средневековый слой многослойного памятника Худутепе.

Описание памятника. «Джалилабадская археологическая экспедиция» Института Археологии и Антропологии в сезоне полевых исследований 2021 и 2023 гг. осуществила археологические раскопки на многослойном поселении Худутепе на территории села Чеменли (рис. 1). Памятник на участке около 7 га расположен на высоком естественном холме, который находится севернее от 23 км шоссейной дороги Шилаванга-Ярдымлы, между селами Чеменли и Джалаир. Впервые этот памятник выявил в 1978 г. местный историк Рза Рзаев. В 1992 г. археолог Фарман Махмудов провел его первичный осмотр и на основе некоторых наземных материалов определил его как поселение эпохи энеолита. До 2021 г. на Худутепе не проводились развернутые археологические раскопки.

Во время раскопок юго-западной части основания холма, на участке в 100 кв. м. был

Рис. 1. Поселение Худутепе и топографический план памятники
Fig. 1. Khudutepe settlement and topographic plan of the site

Рис. 2. Средневековые тандыры
Fig. 2. Medieval tandoor

выявлен толстый культурный слой. Верхний слой памятника представлен материалами эпохи средневековья. Нижние слои относятся к периодам ранней бронзы, поздней бронзы-раннего железа. На самом нижнем слое выявлены артефакты эпохи энеолита, керамические образцы сосудов аликомектепинского и лейлатепинского типов. Доматериковый культурный слой памятника указывает на наличие интенсивной жизни здесь, начиная с VI тыс.

Рис. 3. Бытовые котлы и водные кувшины
Fig. 3. Household caldrons and water jugs

до н.э. и до позднего средневековья. Одним из основных факторов, обуславливающих продолжительность и непрерывность жизни на Худутепе, является наличие вокруг холма множества долин древних рек и их притоков. Существование обильных водных ресурсов было необходимым и выгодным для хозяйственной жизни и быта древних жителей.

В результате проведенных раскопок на Худутепе, в культурном слое эпохи средневековья были обнаружены танды ры (печи для выпечки хлеба) и очажные места (рис. 2). В западной части III квадрата раскопочного участка на глубине 1,5 м был выявлен обломок подземного тендира с диаметром 78–82 см, толщины 5 см. Внутри тендира были фрагменты керамических сосудов. В 70 см от него найден фрагмент другого тендире толщиной 7 см на той же глубине и с одинаковыми размерами. Аналогичные обломки тендиров известны из Шабрана (Abbasova, 2002, IX tablo) и других памятников синхронного периода Азербайджана (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 237, 30-cu tablo).

На юго-западной стороне II квадрата на глубине 80 см выявлен обломок печи диаметром 60 см. Его уцелевшая часть – 40 см, толщина – 5 см. Рядом с печью, поверх очажного места найден целый керамический коте л (рис. 3: 1). Венчик красного сосуда из глины с примесью песка и со слабым обжигом имел вывернутую наружу кайму. На тулове сосуда имелись канальчатые узоры. Поверхность была полностью покрыта копотью и внутри содержались остеологические остатки, что дает основание говорить об использовании посуды в целях приготовления еды.

В северной части I квадрата на глубине 80 см рядом с обломком тандыра была найдена водопроводная труба длиной 43 см, изготовленная из хорошо отмученной глины красного цвета. Её верхняя часть сужена, нижняя расширена (рис. 4).

На той же глубине квадрата была найдена одна монета (рис. 5: 3). Эта медная монета чеканена от имени хана Абу Саида Бахадура, девятого правителя династии Ильханидов (1317–1335). Следует отметить, что государство Ильханидов включало в себя территории Ирана, Азербайджана, Грузии, Армении, Ирака, Турции, Афганистана и некоторые части Пакистана. Монету исследовал нумизмат А.Гулиев.

При Абу Саиде государство Ильханидов испытывало острый недостаток в серебре. Для покрытия дефицита серебра были предприняты некоторые финансовые меры. Так, было увеличено за счет снижения веса количество выпускаемых серебряных монет. Кроме того, для обращения на внутренним рынке чеканились медные монеты различного номинала. Обычно к таким мерам государство

Рис. 4. Керамический водопровод
Fig. 4. Ceramic water pipe

Рис. 5. Металлические инструменты и медная монета
Fig. 5. Metal tools and copper coin

прибегало в тех случаях, когда теряло прежнюю экономическую силу. Наличие большого числа медных монет Абу Саида позволяет выделить в них 31 тип (Сейфеддини, 1981, с. 30). Найденная на Худутепе медная монета относится к 14 типу. Оно отчеканена в Султании в 731 г.х. – 1330-1331 гг. н.э. (вес = 3,98, d = 19 мм).

Лицевая сторона: в центре маленького круга выбит орнамент и все вместе окаймлено ободком. Между кругом и ободком на арабском языке надпись «Чеканена в Султании в 731 году». Оборотная сторона: в центре круга арабская надпись мусульманский символ веры в форме треугольника. У нижнего ребра «нет бога кроме Аллаха», у правого «Мухаммед», у левого – «посланник Аллаха» (Сейфеддини, 1981, с. 34). Аналогичная монета найдена в джалилабадском кладе (Сейфеддини, 1994, с. 72–73).

В целом в результате проведенных раскопок была проведена статистика археологических материалов памятника. Установлено, что верхний слой эпохи средневековья богат археологическими находками. Если учесть, что раскопки велись у окраины поселения, то предполагалось наличие в его центральной части богатого слоя эпохи средневековья. Согласно первичным статистическим данным, из средневекового слоя были выявлено 2012 артефактов поливной и неполивной керамики, 8 фрагментов стеклянных браслетов и орудия

труда разного назначения. Все это указывает на интенсивность обитания данного холма в исследуемый период.

Керамические изделия. Образцы керамического искусства Азербайджана как по своим художественным особенностям, так и по назначению делятся на две большие группы: во-первых, это бытовые керамические изделия, во-вторых, это – изразцы, используемые в архитектуре. Керамические изделия, обнаруженные при раскопках, указывают на то, что в XI–XV вв. в селах и городах Азербайджана в большом количестве использовались орнаментированные керамические сосуды разной формы (Əfəndi, 2007, s. 40–41). Керамические изделия разной формы и назначения из археологических раскопок играют важную роль как источник изучения социально-общественного состояния поселений сельского типа в средневековом Азербайджане. Всесторонний анализ керамических образцов является важным фактором изучения социально-экономической истории сельских поселений, производственного хозяйства, отдельных ремесленных сфер, духовной жизни, демографического положения и динамики развития средневеково сельского населения Азербайджана (Наджафов, Асадов, Агаларзаде, 2016, с. 82). Находки из средневекового слоя поселения Худутепе отличаются своим разнообразием. Так, поливные и неполивные керамические изделия изящно изготовлены и разнофункциональны. Большинство находок эпохи средневековья является образцом IX–XIII вв.

Выявленные из данного слоя поселения Худутепе материалы представлены поливными и неполивными керамическими изделиями (рис. 6). Неполивная керамика состоит из бардагов, сахангов (кувшины для жидкости), раструбных сосудов, котлов, кюпов, крышек и светильников.

Фрагменты бардагов с лентовидными ручками в основном светло-зеленого и красного цветов. Они изготовлены из чистой глины. Фрагменты раструбов светло-желтого и красного цветов из хорошо отмученной глины. Аналогичные образцы известны из синхронных памятников (Ağalarzadə, 2015, s. 38–39).

Среди котлов встречались образцы с толстой стенкой коричневого и светло-бурого цветов из глины хорошего обжига с примесью песка. Края их венчиков широко вывернуты наружу. На некоторых из них имеются неаккуратные следы лощения, которые четко отличаются от концентрических внутренних линий, изготовленных на гончарном круге. Ручки котлов орнаментированы насечками; поверхность некоторых из них украшена косыми насечками.

Глиняные котлы – гуваджи, в большинстве выявленные во фрагментах, были широко распространены в быту средневекового населения. Их огнеупорность определяется составом глины, и для этого в нее добавляли растительность и смесь кварца с песком (Ağalarzadə, 2012, s. 98).

Фрагменты сахангов (сосуды для воды) изготовлены из чистой глины светло-красного цвета. В основном это длинные и узкие горловины. Горловину с плечиковой частью соединяли плоские и широкие ручки. На краях венчиков имеются канальчатые рубцы: В эпоху средневековья саханги традиционно использовались для воды. Почти во всех археологически изученных памятниках средневековья выявлены саханги в целом или фрагментарном виде. Орнаментированы они, как правило, просто, с процарапанными или насечковыми узорами. Иногда на горловине были узоры из параллельных толстых круглых вмятин (Abbasova, 2002, s. 87).

Кувшины (кюпы) с ручками и без ручек. Светло-желтые кюпы с ручками с толстой стенкой изготовлены из чистой глины с хорошим обжигом. Обе стороны тулова сосуды с налепными плоскими широкими ручками. Ручка имеет длинный налепной узор. Края венчиков кувшинов среднего размера украшены косичковидным узором. Фрагменты кувшинов без ручек имеют толстые стенки, красный цвет и изготовлены из глины с примесью песка. Широкая горловина плавно переходит в плечиковую часть, на которой следы фестонов. Венчики и горловины подобных кувшинов, как правило украшены простым орнаментом (Ağalarzadə, 2015, s. 99).

Среди находок количественно преобладают фрагменты крышек. Их ухваты квадратной формы с роговидными выступами по сторонам изготовлены из коричневой глины с примесью песка и со слабым обжигом. До обжига на крышки наносились вмятины. Наличие изнутри толстого слоя копоти указы-

Рис. 6. Поливные сосуды, светильник и кувшин
Fig. 6. Glazed pottery, lamp and jug

вает на широкое использование крышек в быту. Их аналогии встречаются в синхронных памятниках (Асадов, Наджафов и др., 2015, с. 44; Ağalarzadə, 2012, s. 110–111).

Глиняные светильники составляют большинство среди находок средневекового слоя памятника. Они разной формы и величины; изготовлены из глины красного, светло-желтого и бурого цветов. Один миниатюрный фрагмент светильника имеет тонкие стенки, светло-розовый цвет, изготовлен из чистой глины хорошего обжига. Светильник, похожий на чайник, имел сломанный сливной носик. Другой светильник из чистой глины красного цвета хорошего изготовления. Узкая и длинная горловина имеет аккуратно вывернутый наружу венчик. Горловину с венчиком соединяет лентовидная ручка, сливной носик также разрушен. Тулово имеет биконическую форму. Эти светильники относятся ко второй группе, так называемым гарачырагам. У них короткая горловина, маленький корпус, ручка и носик для фитиля. В XI–XIII вв. тулово светильников было небольшим. Круглые, лентовидные ручки прикреплялись к горловине сосуда. Светильники этого типа известны на всем Южном Кавказе (Ağalarzadə, 2007, s. 21–22; Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 124–125; Ахмедов, 1992, с. 52).

Среди поливных керамических изделий из археологических раскопок были сосуды, украшенные разноцветными красками. Они имели на дне концентрические круги, внутри которых переплетенные процарапанные узоры. На эти сосуды белого, зеленого, желтого, коричневого цветов сверху наносилась прозрачная глазурь. Орнамент в основном геометрический: из прямых, перекрещенных и сетчатых линий. Интересен один фрагмент блюда с хорошей поливой, на дне которого зеленые узоры сверху темно-коричневой поверхности с эпитафией «Ya Əli» («Ей Али!»).

Среди поливной посуды встречались фрагменты чаш. На белом дне одного фрагмента были коричневые, зеленые, точечные, скрещенные толстые узоры, сверху покрытые слоем прозрачной глазури. В целом подобный тип поливной посуды характерен для керамической школы Нахчывана. Эта керамика прозрачного, голубого, бледно-бирюзового, светло-зеленого, темно-синего, зеленого, коричневого, черного, кофейного цветов. Ее орнаментация состоит из геометрических и растительных узоров (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 127; Ağalarzadə, 2012, s. 97).

Во время исследований стало ясно, что в этот период на территории Азербайджана использовался белый, розовый и желтый ангоб. В исследуемый период для керамических изделий характерно нанесение сверху ангоба орнаментации с последующей поливкой глазури (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 129; Ağalarzadə, 2012, s. 98).

Стеклянные изделия. При раскопках поселения были найдены стеклянные брасле-

ты зеленого и синего цветов, изготовленные способом витья. Один зеленый браслет был с насечковым орнаментом. Следует отметить, что в первой половине IX–XIII вв. в Азербайджане расширяется производство и качество стеклянных изделий. В отличие от многих ремесленных отраслей стеклопроизводство являлось сферой городского ремесла. Так, оно требовало создания особых печей с рядом технологически сложенных устройств, а также высокого профессионализма мастеров. Именно все эти элементы и были характерны для городской культуры (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 130). Аналогичные стеклянные браслеты известны из средневековых поселений Мугани (Ağalarzadə, 2012, s. 105).

Металлические изделия. При раскопках найдены железные серп и нож. Железный нож, как орудие для жатвы, изготовлен в дуговидной форме. Деревянная рукоятка сгнила и на месте соединения рукоятки с серпом остались гвозди (рис. 5: 1). Несмотря на сильную коррозию, орудие сохранилось. Длина его 24 см, ширина 1,5–3 см. Средневековые серпы по своей форме в целом близки к современным орудиям. Сильным отличительным признаком является небольшая вогнутость венчиков у древних орудий. Современные серпы в форме полумесяца. Аналогичные находки известны из памятников Бейлагана, Габалы (İbrahimov, 1988, s. 43), Нахчывана (Хараба шехер, Юрдчу) (Bəşirov, 2015, s. 77–78).

Другим орудием является для быта и хозяйства является длинный, широкий и немного дуговидный нож (рис. 5: 2). Тонкое лезвие вставлено в деревянную рукоятку. Предмет подвергся сильной коррозии. Его длина 10,5 см, ширина 15 см. Выявленные из раскопок ножи по своей форме мало отличаются от ножей, изготовленных современными кузнецами. Следует отметить, что формы ножей IX-XIII вв. мало отличаются друг от друга, что объясняется отсутствием продолжительных технологических изменений в их изготовлении (İbrahimov, 1988, s. 51–53). Именно поэтому железные ножи одинаковой формы известны из всех средневековых памятников Нахчывана (Bəşirov, 2015, s. 81) и других синхронных поселений Азербайджана (Azərbaycan arxeologiyası, 2018, s. 340, tablo 33).

Заключение. Первичные археологические раскопки на поселении Худутепе были завершены выявлением многочисленных образцов материальной культуры. В основном это артефакты из керамических сосудов разной формы и назначения сообщают о высоком уровне жизни данной территории в эпоху средневековья. Данные керамические изделия, изготовленные качественно и высокохудожественно, указывают на высокий уровень гончарного ремесла.

Широкомасштабные комплексные археологические исследования поселения в будущем позволят выявить еще более интересные научные факты.

ЛИТЕРАТУРА

Агаларзаде А.М. Первичные сведения о поселении Ширванлы // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» (Батуми, 7-8 сентября 2006 г.) / Отв. ред. Г. Гамбашидзе Тбилиси: Универсал, 2007. С. 21–23.

Ахмедов Р.Д. Керамика Баку IX-XVII вв. Баку: Элм, 1992. 152 с.

Ибрагимов Ф.А. Металлообрабатывающее ремесло в средневековых городах Азербайджана IX-XIII вв. Баку: Элм, 1988. 176 с.

Наджафов Ш.Н., Асадов В.А., Агаларзаде А.М. Место и роль керамики в изучении истории средневековых поселений Азербайджана // "Dцvlət və din". İctimai-fikir toplusu. Aprel 2016 №2 (43). S. 73–82.

Сейфеддини М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII-XV вв. Книга II. Баку: Элм, 1981. 243 с.

Сейфеддини М.А. Средневековые монетные клады Азербайджана (1968-1983 гг.). Баку: Элм, 1994. 196 с.

Abbasova F.Ə. Şabran (tarixi-arxeoloji tədqiqat). Bakı: Elm, 2002. 280 s.

Ağalarzadə A.M. Cəlilabad rayonundakı Qoşatəpə orta əsr kənd tipli yaşayış məskəni haqqında // "Dцvlət və din", ictimai fikir toplusu. Yanvar-Fevral 2012. № 1 (27). S. 94–101.

Ağalarzadə A.M. XV-XVII əsrlərə aid Dirovdağ yaşayış məskəni haqqında // "Dцvlət və din". İctimai-fikir toplusu. Aprel 2015 № 4 (33). S. 99–112.

Azərbaycan arxeologiyası. 2008. Altı cilddə, VI cild. / Baş red: M.N.Rəhimova. Bakı: Şərq-Qərb, 2008. 632 s.

Bəşirov R.Y. *Naxçıvanın orta əsr metalişləmə sənəti (IX-XVII əsrlər).* Bakı: "Nafta-Press", 2015. 232 s.

Əfəndi R. *Azərbaycan incəsənəti.* Bakı: Şərq-Qərb, 2007. 60 s.

Əsədov V.A, Nəcəfov Ş.N., Ağalarzadə A.M., Əbdьrəhmanov Ə.Ə. Faxralı orta əsr yaşayış yerinin arxeoloji materialları və qəbir abidələri // "Dųvlət və Din". İctimai fikir toplusu. Sentyabr. 2015. № 9 (38). S. 38–50.

Информация об авторах:

Агаларзаде Анар Мирсамид оглы, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник, археолог, Институт археологии и антропологии Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); anararxeoloq@mail.ru

Насирова Лала Шахбал кызы, научный сотрудник, археолог, Институт археологии и антропологии Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); all.ulviyya@mail.ru

Гусейнова Матанат Махаммад кызы, научный сотрудник, археолог, Институт археологии и антропологии Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); metanet_huseyn@mail.ru

REFERENCES

Agalarzade, A. M. 2005. In Gambashidzhe, G. (ed.). *Arkheologiya, etnografiya, fol'kloristika Kavkaza (Archaeology, Ethnology and Folklore of the Caucasus).* Tbilisi: "Universal" Publ. 21–23 (in Russian).

Akhmedov, R. D. 1992. *Keramika Baku IX–XVII vv. (Ceramics of Baku of the IX-XVII centuries).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Ibragimov, F. A. 1988. *Metalloobrabatyvayushchee remeslo v srednevekovykh gorodakh Azerbaydzhana IX–XIII vv. (Metalworking in the medieval cities of Azerbaijan in the IX–XIII centuries).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Nadzhafov, Sh., N., Asadov, V. A., Agalarzade, A. M. 2016. In *Dųvlət və din". İctimai-fikir toplusu* 43 (2), 73–82 (in Russian).

Siefeddini, M. A. 1981. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Azerbaydzhane XII-XV vv. (Coinage and money circulation in Azerbaijan of the XII–XV centuries*) II. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Siefeddini, M. A. 1994. *Srednevekovye monetnye klady Azerbaydzhana (1968-1983 gg.) (Medieval coin hoards of Azerbaijan (1968-1983)).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Abbasova, F.Ə. 2002. *Şabran (tarixi-arxeoloji tədqiqat).* Baku: "Elm" Publ. (in Azerbaijani).

Ağalarzadə, A. M. 2012. In *Dųvlət və din". İctimai-fikir toplusu* 27 (1), 94–101 (in Azerbaijani).

Ağalarzadə, A. M. 2015. In *Dųvlət və din". İctimai-fikir toplusu* 33 (4), 99–112 (in Azerbaijani).

Rakhimova, M.N. (ed.). 2008. Azərbaycan arxeologiyası. 2008. Altı cilddə, VI cild. Bakı: Şərq-Qərb (in Azerbaijani).

Bəşirov, R. Y. 2015. *Naxçıvanın orta əsr metalişləmə sənəti (IX-XVII əsrlər).* Bakı: "Nafta-Press" Publ. (in Azerbaijani).

Əfəndi R. 2007. *Azərbaycan incəsənəti.* Bakı: Şərq-Qərb (in Azerbaijani).

Əsədov, V. A, Nəcəfov, Ş. N., Ağalarzadə, A. M., Əbdьrəhmanov, Ə.Ə. 2015. In *Dųvlət və din". İctimai-fikir toplusu* 33 (4), 99–112 (in Azerbaijani).

About the Authors:

Agalarzade Anar M. PhD of History. Associate Professor in the Specialist of Archaeology, senior scientific worker, archaeologist. Azerbaijan National Academy of Sciences Institut Archaeology and Antropology. H.Javid av.-115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; anararxeoloq@mail.ru

Nasirova Lala Sh. Azerbaijan National Academy of Sciences Institut Archaeology and Antropology. H.Javid av.-115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; all.ulviyya@mail.ru

Huseynova Matanat M. Azerbaijan National Academy of Sciences Institut Archaeology and Antropology. H.Javid av.-115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; metanet_huseyn@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.172.185

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЖИЗНЬ В КЕРПИДЖЛИТЕПЕ – ПЕРИОД СЕЛЬДЖУКОВ И ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

© 2024 г. В.А. Асадов, Ш.Н. Наджафов

Средневековый памятник Керпиджлитепе находится на высоте 208–210 метров над уровнем моря, на западе Азербайджанской Республики, недалеко от села Борсунлу Геранбойского района, на берегу реки Газанбулаг. Название памятника связано с наличием на его поверхности многочисленных обломков обожженных кирпичей. В 2016–2018 годах археологические раскопки проводились в три этапа с небольшими перерывами на территории Керпиджлитепе. Исследования показывают, что в XXIII веков на этой территории стоял феодальный замок. Некоторые исследователи полагают, что на этой территории находится караван-сарай, как типичный сооружения для средневекового Востока. Во время раскопок большая часть феодального замка была выявлена. Из имеющихся четырех полукруглых форпостов хорошо сохранились только фасадные две. При раскопках также найдены остатки жилищ, кирпичных печей, богатые находки керамики, металла, кости, стекла и камня, медные монеты и т. д. объявлено. Возможно, Керпиджлитепе в X–XIII веков превратился в плотно заселенное поселение городского типа и поддерживал связи со многими ремесленными, торговыми и культурными центрами Азербайджана и особенно с такими городами как Шамкир и Гянджа.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Борсунлу, Керпиджлитепе, сельджуки, феодальный замок, печь, медные монеты, монгольское завоевание.

MEDIEVAL LIFE IN KERPIJLITEPE – SELJUK AND AFTER THE MONGOL CONQUEST PERIODS

V.A. Asadov, Sh.N. Nadzhafov

The medieval monument of Kerpijlitepe is located at an altitude of 208–210m sea level, in the west of the Republic of Azerbaijan, near the village of Borsunlu of the Goranboy district, on the bank of the Gazanbulag River. The name of the site is associated with the presence of numerous shards of burnt bricks on its territory. In 2016-2018, archaeological excavations were conducted in 3 phases with short breaks in Kerpijlitepe. Archaeological studies demonstrate that in the XIII centuries there was a medieval castle on this territory. Some specialists believe that there is a "caravanserai" on this territory, a typical structure for the medieval East. During excavations, a large part of the medieval castle was uncovered. Of the four semicircular outposts, only the front two are well preserved. During the excavations, remains of dwellings, brick kilns, rich finds of ceramics, metal, bone, glass and stone, copper coins, etc. were also found. In the X–XIII centuries Kerpijlitepe turned into a densely populated urban settlement and maintained ties with many craft, trade and cultural centers of Azerbaijan, and especially with cities such as Shamkir and Ganja.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Borsunlu, Kerpijlitepe, Seljuks, castle, kiln, copper coins, Mongol conquest

Данные письменных источников и результаты археологических исследований документируют оживление городской жизни в Азербайджане в IX-X веках и ускоренное развитие городов в XI-XII веках. Известно, что урбанизация и связанные с ней процессы являлись важным феноменом. Ускорение процесса урбанизации на мусульманском Востоке нашло свое воплощение в расширении деятельности городского планирования, укреплении городского образа жизни, изменении социально-психологического контекста, формировании города нового типа. Концентрацией производственного, культурного и интеллектуального потенциала, становлением военно-административным, ремесленным, торговым, религиозно-культурным центром, несением управленческой функции по отношению к сельским районам города обладали ведущей позицией. Анализ письменных

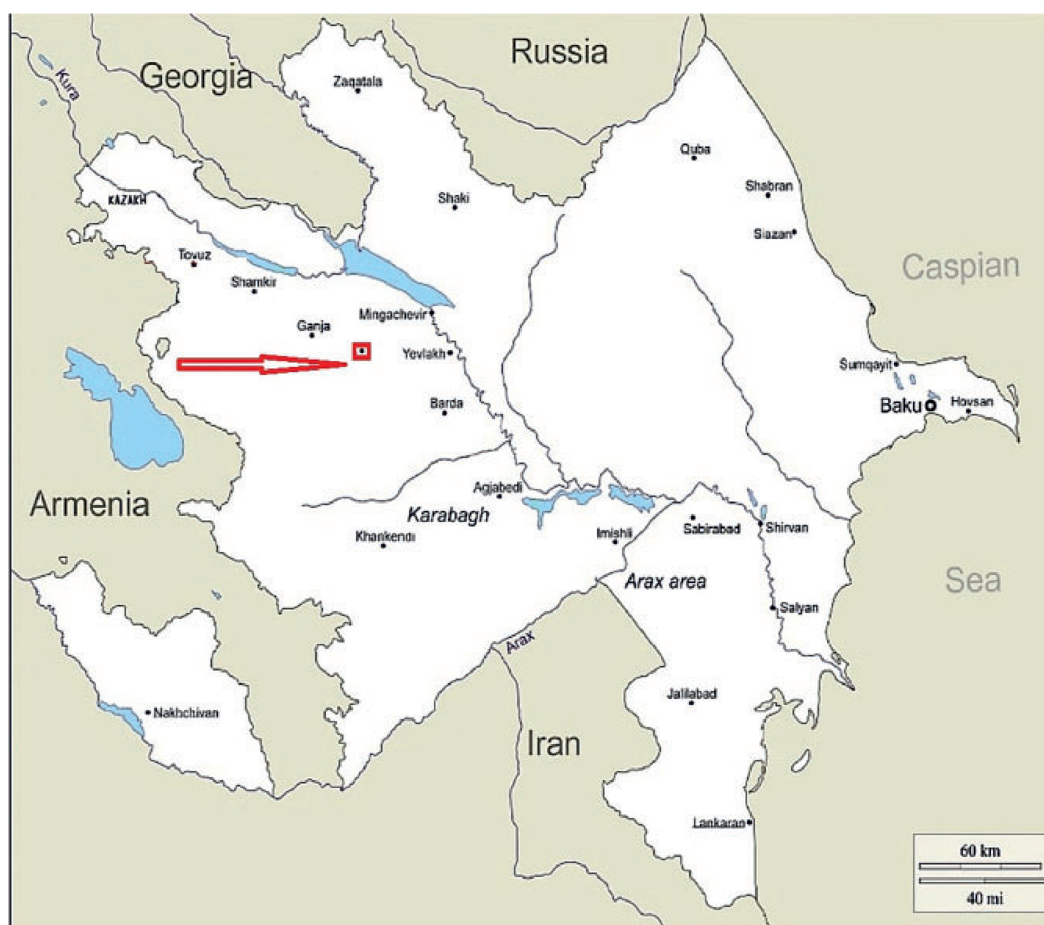

Рис. 1. Месторасположение Керпиджлитепе на карте Азербайджана.
Fig. 1. Location of the Kerpijlitepe on the map of Azerbaijan.

источников и результаты археологических раскопок дают возможность выделить три типа феодальных городов:

1) крупные города с укрепленной площадью около 100 гектаров в разные периоды являлись столицами или же важными центрами феодальных государств Азербайджана. Их экономика основывалась на ремесла и торговлю. Эти города являлись главными центрами концентрации интеллектуального потенциала страны. Барда, Гянджа, Дабил, Нахичеван, Тебриз, Ардебил, Марага, Шемаха, Дербент были такими городами. Население этих городов составляло около 100 тысяч или же еще больше.

2) в ряды городов средней степени, являющимися в основном провинциальными центрами с укрепленной площадью около 20-60 гектаров, можно отнести такие города как Бейлаган, Ахар, Зенджан, Баку, Кабала, Шабран, Шамкир и другие.

3) в ряды малых городов, состоявших из окружных центров местного значения, с общей площадью не более 20 гектаров можно отнести развалины средневекового города Керпиджлитепе, раскопанного в селе Борсунлу Геранбойского района, о чем будет рассказано, городище Торпаггала, идентифицируемый с городом Хунан (Товузский район), Шахергях, расположенный на берегу реки Гилгилчай и другие.

В Гяндже-Газахском регионе Азербайджана, куда относится также Керпиджлитепе, известны средневековые поселения как городского, так и сельского типа. Среди них нужно особенно отметить такие величественные средневековые города как Гянджа и Шамкир. В результате проведенных раскопок стало известно, что начиная с VIII-IX веков они сформировались как крупные города. Город Гянджа по уровню развития выделялся среди городов региона и даже был столицей государств Шеддадидов и Атабеков.

Памятник Керпиджлитепе находится на высоте 208-210 метров от уровня моря, примерно на 1 км юго-восточнее от села

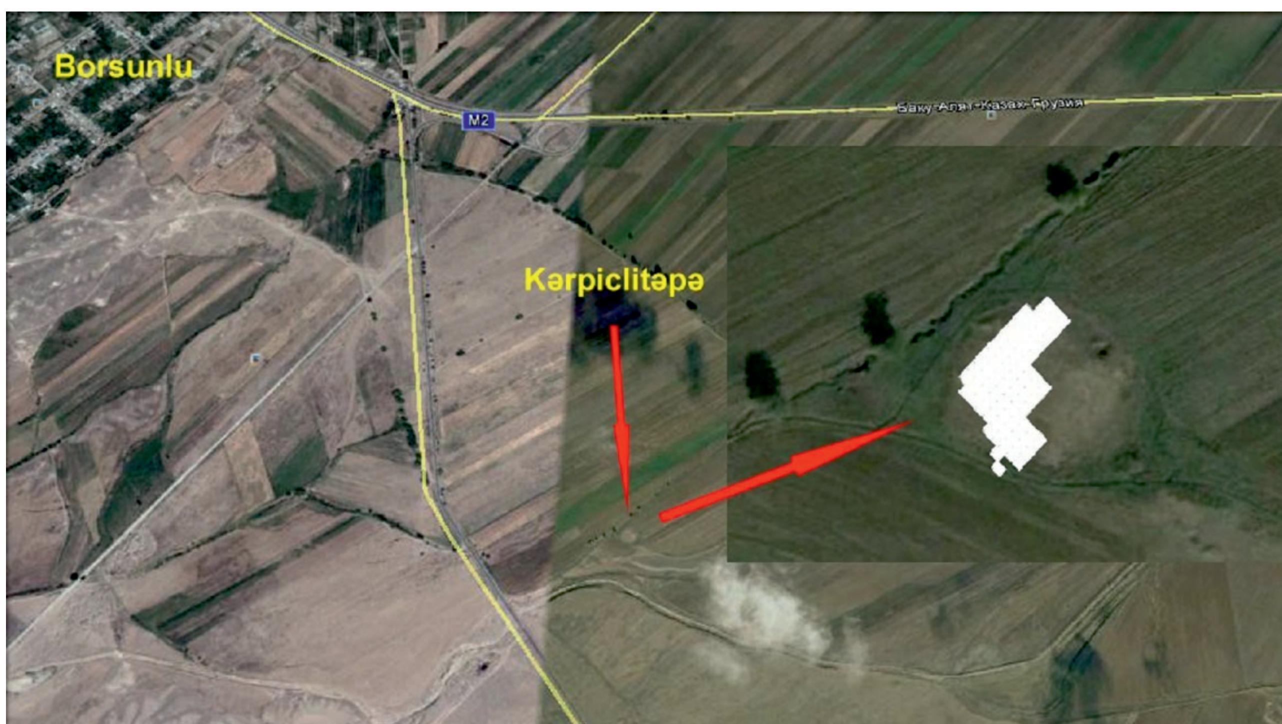

Рис. 2. Общий вид археологического памятника (аэросъёмка).
Fig. 2. General view the archaeological site (airborne imagery).

Борсунлу Геранбойского района (рис. 1, 2). Название памятника связано с наличием на его поверхности многочисленных обломков обожженных кирпичей. Памятник граничит с севера посевными участками, а с юга руслом реки Газанбулаг, сопровождаемой широкими оврагами. Рельеф участка равнинный. Нахождение средневековых городов и поселений городского типа в основном вблизи речных русел, во все времена воспринималось как зависимость обитания населения от фактора естественно-географических условий. То, что средневековые обитатели Керпиджлитепе поселились вблизи русла реки Газанбулаг также связано с этим фактором. Позиция Керпиджлитепе, расположенного в выгодном географическом месте, очень благоприятна, с точки зрения постоянного местожительства (рис. 2). Наличие вокруг плодородных участков земли и постоянного источника воды, для организации земледельческого хозяйства, а также широких пастбищ для скотоводства указывает на уровень экономическо-хозяйственного потенциала Керпиджлитепе в средние века.

Оборонительные сооружения Азербайджана XI-XIII веков, куда относится также Керпиджлитепинский замок, соответствовали общему уровню развития военного дела и успешно противостояли против атак стенобитных машин. Безусловно, что далеко не все мало-мальски укрепленные города занимали одинаковую позицию в оборонительной системе страны. Больше всех оборонялись столицы и резиденции властей. В отличие от городов, в замках военные функции превышали экономические и административные функции, а также здесь размешались постоянные гарнизоны, снабженные запасами оружия и продуктов. Основные обязанности этих гарнизонов, учрежденных для обороны тех или иных важных центров страны, заключались в том, чтобы со своими небольшими силами в течении возможно в течении долгого времени связать по рукам вражескую армию (Əliyeva, 1999, s. 72).

Из данных письменных источников становится ясно, что IX-XII века, когда был возведен Керпиджлитепе и когда интенсивность жизни была более плотной, оцениваются как период большого прогресса в хозяйственной жизни, развитии ремесла, расширении торговых связей в Азербайджане. Этот период истории характеризуется ускорением процесса урбанизации, превращением Ислама в господствующую религию и глубоким влиянием в духовность (Dadaşzadə, 1985). Распространение исламской религии позволило устранению

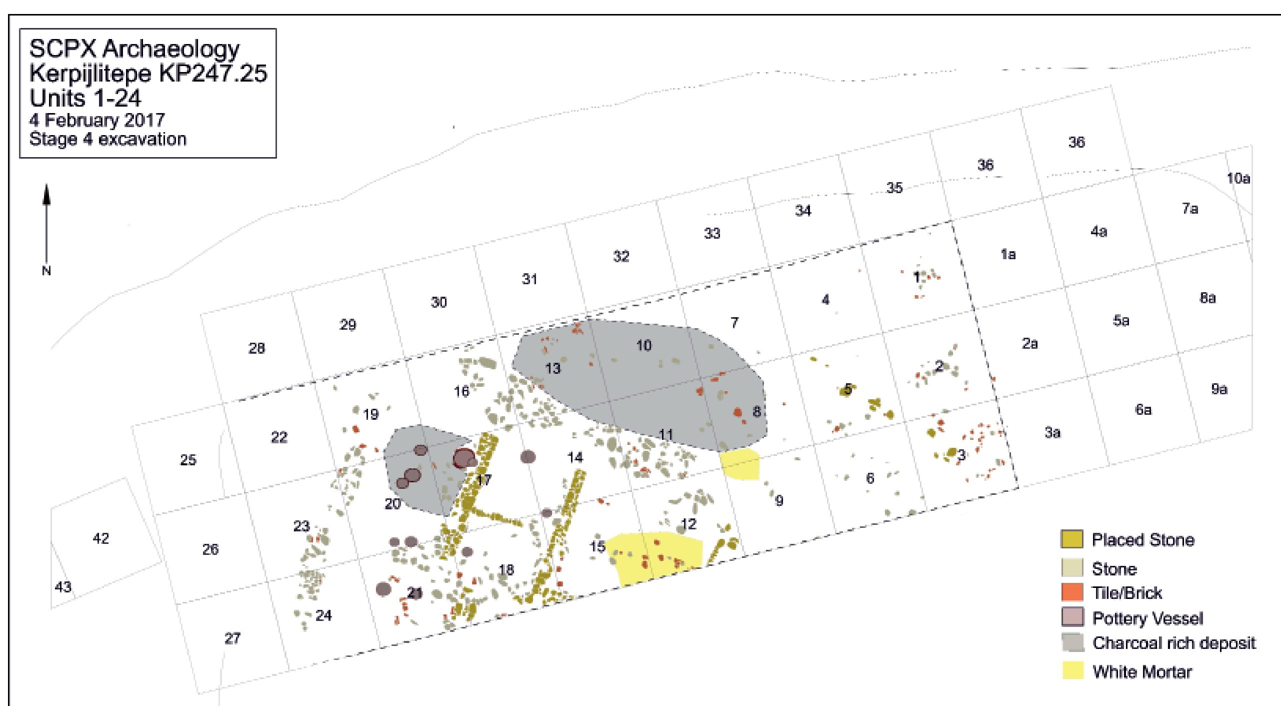

Рис. 3. Компьютерные макеты раскопа, показывающие функции, выявленные на сегодняшний день.
Fig. 3. Excavation site layouts showing features identified to date.

различий в материальной и духовной культуре в северных и южных регионах страны, сформированию единой культуры.

Во второй половине XI века Южный Азербайджан и Арран входят в состав государства Великих Сельджуков (Nəcəf, 2010, s. 139-175).

А с первой половины XII века на фоне усиления конфликтов между феодалами, в условиях расстройства стабильности в империи Великих Сельджуков в Азербайджане возвышается государство Атабеков (Bünyadov, 2007). Атабеки, за исключением Мараги, присоединяют к своему составу также земли Южного Азербайджана. В результате борьбы, ведущемся между Ширваншахами и Атабеками Азербайджана за объединение Азербайджанских земле, Атабеков даже удалось взять под контроль управление Иракским Сельджукским султанатом (Bünyadov, 2007, s. 66-75). Столицей Атабеков Азербайджана были города Гянджа, Нахичеван, Тебриз, а Ширваншахов Шемаха и Баку (Nəcəf, 2010; Şərifli, 2013, s. 104, 325-327).

Начало с IX-X веков расширяются связи с соседними государствами. Начинается возвышение духовной культуры и в XII веке она достигает своего пика. Несмотря на то, что исламская религия постепенно широко распространялась, в некоторых горных районах – в Шеки-Загатальском и Карабахском регионах христианство все еще держалось.

XI-XIII века были периодом расцвета Керпиджлитепе Во время раскопок большая часть феодального замка была выявлена (рис. 3). Из имеющихся четырех полукруглых форпостов хорошо сохранились только фасадные две (рис. 4: 2, 5: 1-2). В сохранности осталась также некоторая часть крепостных стен. Внутренняя сторона краев их фундамента была вымощена тротуаром, состоящим из обожженных кирпичей. Кроме трех контрфорсов северного форпоста, напротив части стены, тянувшейся в юго-восточную сторону, были также выявлены еще три контрфорса, возведенных из обожженных кирпичей в 3-4 ряда и расположенных в некотором расстоянии друг от друга. Внутренные рубежи, тянувшиеся паралельно с внешними стенами замка, состояли из крупных булыжников, выложенных в один ряд. Соответственно эти рубежи также тянулись паралельно с внешними стенами на 11 метров по направлению к северо-западу и на 10,7 метров к юго-востоку. Между внешними и внутренними стенами остается пустой участок, который можно назвать «улицей». Мелкая по составу

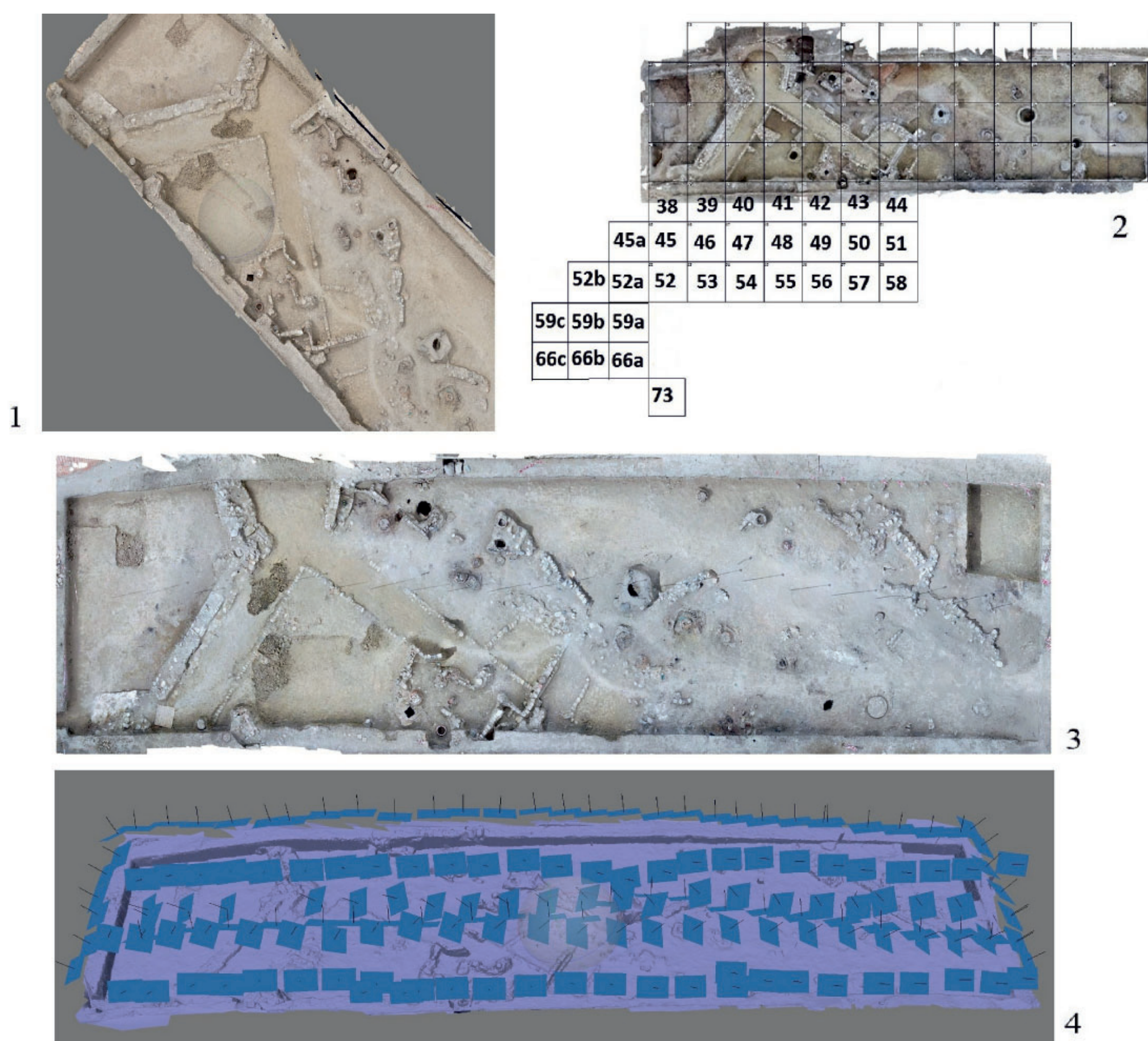

Рис. 4. План исследованных участков (3D): *1* – угловой вид; *2* – квадратное деление территории раскопок; *3* – общий план; *4* – ортофотоплан раскопа.
Fig. 4. Plan of the excavations site (3D): *1* – angle view; *2* – square division of the excavation area; *3* –general plan; *4* – orthophotoplan of the excavation.

земля улицы имеет желтоватый цвет, в составе ее не были встречены материально-культурные образцы (рис. 6).

Стены феодального замка возведены из рядов, где булыжники чередуются с обожженными кирпичами. Булыжники отделяются друг от друга парными обожженными кирпичами, поставленными на попа. В средневековой архитектуре такая кладка называется «Гянджинской завязкой». Как было отмечено, подобные кладки возвышаются на 5 рядов. Самая высокая точка сохранившейся стены 1,15 м. Ясно, что над этой кладкой возвышалась остальная часть стены, которая позднее была разрушена. Это доказывается остатками камней и кирпичей, оставшимися на стенах (рис. 6, 7).

Во время раскопок были выявлены разнообразные и редкие находки. Изящные браслеты, изготовленные из стекла, глиняные сосуды, украшенные разными цветами и ораментами, костяные и каменные орудия, бытовой и хозяйственный инвентарь лишь малая часть этих находок. Каждый из этих предметов, изготовленных местными мастерами, являются образцами редкого и изящного искусства. Возможно, Керпиджлитепе в это время превратился в плотно заселенное поселение городского типа и поддерживал связи со многими ремесленными, торговыми и куль-

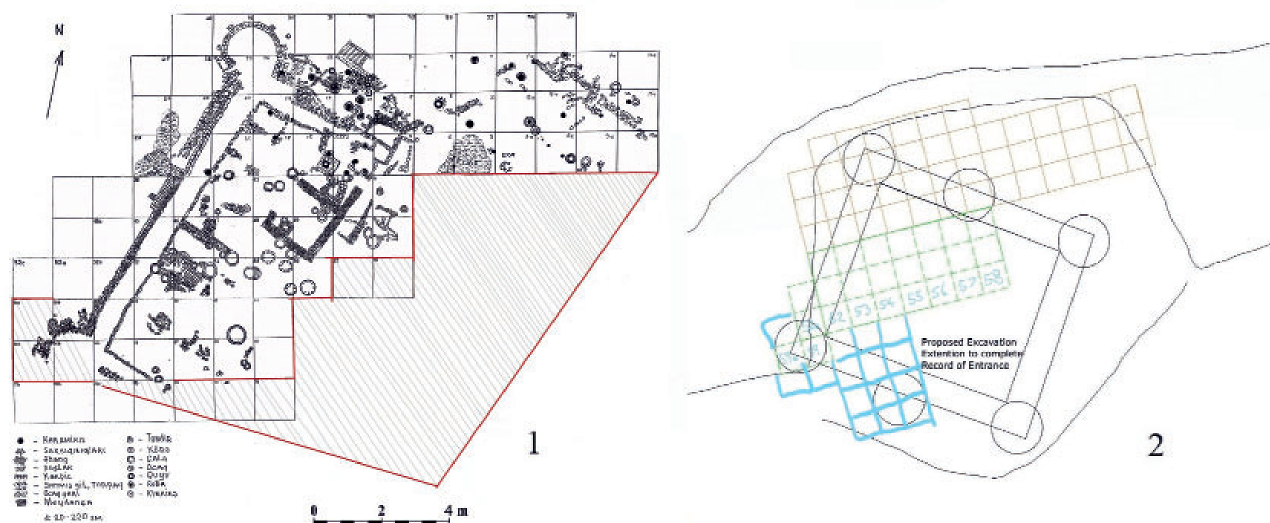

Рис. 5. *1* – генплан памятника Керпиджлитепе; *2* – графическая реконтрукция феодального замка
Fig. 5. *1* – general plan of the Kerpijlitepe site; *2* – the graphic reconstruction of the feudal castle.

Рис. 6. Стены феодального замка и полукруглых форпостов.
Fig. 6. Walls of the castle and semicircular outposts.

Рис. 7. Стены феодального замка «Гянджинской завязкой».
Fig. 7. The walls of the castle by "Ganja tie".

Рис. 8. Четырехугольная печь для обжига кирпичей и керамических сосудов.
Fig. 8. Quadrangular kiln for firing bricks and pottery**.**

турными центрами Азербайджана и особенно с такими городами как Шамкир и Гянджа.

Археологические находки можем разделить на следующие виды:

- орудия труда: каменные зернотерки, ступки, точилы, железные серпы, каменные и глиняные пряслицы.

- бытовые предметы: глиняные и стеклянные сосуды, железные ножи, скрепки для теста, каменные буравы

- оружие: бронзовые и железные наконечники стрел

- украшения: стеклянные и бронзовые браслеты, агатовые и стеклянные бусы, костяной гребень

На северной стороне памятника Керпиджлитепе была обнаружена большая четырехугольная печь для обжига кирпичей, возможно и керамических сосудов (рис. 8). На это указывало наличие плоских кирпичей, собранных в юго-западном углу сооружения. Сферическое покрытие печи было разрушено, в связи с чем ее обломки посыпались внутрь печи. Несмотря на то, что стенки печи были сооружены из сырцового кирпича, из-за воздействия огня и тепла они приобрели розовый оттенок. Нижняя часть этой печи была сооружена в яме в виде полуземлянки, с целью лучшего сохранения тепла. Печь изнутри была разделена шестью перегородками в виде арок. Общая площадь печи составляла 4,9 м (запад-восток) х 3,4 м (север-юг).

Выявление такой совершенной и достаточно большой печи для обжига кирпичей, указывает на то, что наряду с импортом глиняных изделий, определенная их часть производилась на месте. Не исключено, что изготовленная здесь продукция наряду

Рис. 9. Художественная глазурованная керамика.
Fig. 9. Art glazed pottery.

с удовлетворением потребностей местных жителей, экспортировались также на близлежащие места. Отметим, что достаточно хорошо сохранившаяся печь этого периода может считаться уникальной находкой.

Во время раскопок на памятнике Керпиджлитепе были обнаружены также остатки глиняных труб. Это говорит о существовании в тот период системы водоснабжения. Глиняные трубы найдены во многих средневековых городищах Азербайджана, в том числе в Гяндже (Məmmədov, Əliyev, 2012, s. 258), Кабале (Cəbiyev и др., 2010, s. 249-250, рис. 6 a-b; Eminli, 2012, s. 285, рис. 9), Шабране (Əsədov и др., 2013, с. 60, рис. 14-15). В ходе проведенных археологических раскопок были также выявлены остатки помещений, многочисленные тендиры и очаги, колодцы и хозяйственные ямы.

Были также найдены медные монеты. Монеты обнаружены во всех местах раскопочного участка, во всех глубинах, в одиночном и кучном виде. Некоторые из них были изучены специалистами и датированы периодом Атабеков (Ильдегизи́дов) (XI-XII вв.).

На поверхности керамических сосудов наряду с полихромными и монохромными узорами с геометрическими и растительными мотивами, с разнообразием использованной глазури, широко встречаются также изображения животного мира, взятого из природы – джейранов, оленей, жеребцов, лощадей, рысей, львов, горных козлов, зайцев и т.д., а также изображения разных птиц и рыб (рис. 9, 11, 12, 13, 14). Встречались также керамические сосуды с надписями, нанесенными арабской вязью. В двух случаях был обнаружен черепок сосуда с изображением сельджукско-

Рис. 10. Сосуды с изображением сельджукского воина.
Fig. 10. Vessels with the image of a Seljuk warrior.

го воина (рис. 10). Гончарные художники того периода постарались запечатлеть животных в динамике, здесь рыси, пантеры и львы даны в атакующем положении с широко раскрытой пастью, что подчеркивает их хищнические инстинкты, отображает вызываемый ими ужас, демонстрирует дикость и силу. Изображения птиц также занимают широкое место на глиняных сосудах. Хищные птицы с когтями – соколы, орлы, ястребы, совы и др. основательно отличаются от фазанов, павлин, голубей, являющихся символами красоты, спокойствия, мира.

Растительные, зооморфные и антропоморфные изображения широко представлены в украшении керамики этого периода (Əsədov, Fərmanov, 2021). Глиняные изделия, украшенные сюжетными рисунками составляют

Рис. 11. Керамические сосуды
Fig. 11. Pottery

Рис. 12. Поливная керамика
Fig. 12. Glazed pottery

Рис. 13. Глиняные крышки.
Fig. 13. Clay covers.

интересную группу продукции керамического ремесла XI-XII веков (Наджафова, 1964).

Для того, что эти или другие изображения получались более впечатлительными и жизненными, гончары мастерски использовали красочные декоры и технические методы (Orucov, 1989, s. 32-33). В следующие этапы средних веков создание узоров возвышается до неповторимого уровня. Начиная с X-XI веков в Азербайджане на внешней стороне донышек некоторых сосудов мастера стали ставить свои печати (клейма) (Исмизаде, Ибрагимов, 1983). Глазурованные сосуды с клеймом были встречены во многих городах, где проводи-

Рис. 14. *1-4* – глиняные лампы; *5-8* – чернильницы
Fig. 14. *1-4* – clay lamps; *5-8* – inkwells

лись археологические раскопки (Бейлаган, Гянджа, Кабала, Баку, Шемаха, Шабран и др.), в некоторых поселениях (Бяндован, Гушгона, Кехна Вайхыр, Керпиджлитепе, Фахралы, Шыхнедул и др.) и в крепостях (Гюлстан) (İbrahimov, 1963; Əliyev, 1965; Ciddi, 1967; Orucov, 1989, s. 8; Достиев, 1989; Dostiyev и др., 2002, с. 132, таб. 3, рис. 19; Əsədov, 2018; Nəcəfov, 2018). В Бейлагане и Кабале были найдены лишь сами печати (Ахмедов, 1959; Новрузлу, 1993). Рисунки большинства гончарных печатей состоят из геометрических фигур, условных знаков небесных тел, иногда же изображений животных и птиц (Кабала, Баку, Бяндован). Интересно, что печатание поддонов сосудов на Южном Кавказе больше характерен для Азербайджана и наверно это не является случайностью и связано с определенными социальными корнями. Скорее всего, печатание сосудов не зависело только от качества сосуда. Печатание поддонов глазурованных сосудов более широко распространилось в XI- начале XIII века (Исмизаде, Ибрагимов, 1983, с. 50-56).

Социально-экономический, политический и культурный рост Азербайджана по восходящей линии был приостановлен нашествием монголов (Bünyadov, 2007, s. 99-105). В результате монгольского завоевания в первой половине XIII века политическая карта Среднего и Ближнего Востока основательно поменялась. Азербайджан подпал под власть монголов и вошел в состав пятого монгольского улуса – государства Хулагуидов (Ильханидов), обладавшего широкой территорией от Дербента до Персидского залива (Nəcəf, 2010). Азербайджан являлся центральной провинцией этого огромного государства, столицей которой был город Тебриз.

В результате монгольского нашествия был нанесен тяжелый урон Азербайджану, а городская жизнь региона получила более сокрушительные удары (Piriyev, 2003; Bünyadov, 2007). Многие города региона превратились в развалины. Другие же потеряли свое прежнее великолепие и больше не смогли возвыситься до уровня развития XII века (Piriyev, 2003). Результаты археологических исследований подтверждают превращение большинства городов и сел в развалины в связи с монгольским завоеванием. Например, археологические исследования средневековых памятников Северо-Восточного Азербайджана указывают на то, что здесь в середине XIII века лишь в десяти из 36-и поселений продолжалась жизнь (Достиев, 1999; Dostiyev, 2001). Другие же были покинуты населением. Равнинные и предгорные зоны подверглись более большим разрушениям.

В результате проведенных исследований на памятнике Керпиджлитепе и анализа материально-культурных остатков было определено, что памятник относится к развитым средним векам, к X-XIII векам. Остатки строений замкового типа, богатство и разнообразие полученных многочисленных археологических материалов, строения, возведенные использованием передовых архитектурных методов своего времени, остатки глиняных труб, указывающие на систему водоснабжения, обилие монет и «чернильниц» (они больше всего были обнаружены в средних слоях), говорящие о высоких торговых отношениях и уровне грамотности, сообщают, что этот памятник является не поселением сельского типа, а феодальным поместьем замкового типа. По мнению О.Г. Большакова, исследу-

ющего города Ближнего Востока указанного периода: «создается такое впечатление, что для современников крестовых походов, крепостные стены, наряду со всеми другими равными условиями, являлись самым важным критерием, отделяющим город от деревни» (Большаков, 1984). Это можно сказать и о стенах, окружающих феодальные замки. В общем, «… XII- начало XIII века характеризуется обострением противоречий между растущими городами и старыми, завершающими свое время феодальными замками» (Усейнов и др., 1963, с. 46).

Монгольские набеги и войны, притеснение кочевой знатью местного населения был одним из факторов, оказывающих отрицательное влияние на развитие хозяйственной жизни и городской культуры в стране в том числе в Гянджи и в Арране. Городское ремесло и торговля переживали упадок. В результате этого, после монгольского завоевания использовалась по назначению лишь одна десятая часть возделываемых до нашествия земель.

Стабильная социальная жизнь и динамичное экономическое развитие в Керпиджлитепе в начале XIII века, вероятно ослабли, понесли большие уроны во время феодальных междоусобиц, население стало по частям покидать это место. Постепенный упадок же поселений городского типа происходил и накануне монгольского нашествия. Во время монгольского нашествия эти земли, также, как и многие другие территории были беспощадно разорены, поселение понесло большой урон.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов Г.М. Неполивная керамика Орен-кала IX-XIII вв. // Труды Азербайджанской (Оренкалинской) Экспедиции. Т. 1 / МИА. № 67 / Отв. ред. А.А. Иессен, К.Х. Кушнарева. М.; Л.: Наука, 1959. С. 186–227.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII в.). М.: Наука, 1984. 345 с.

Достиев Т.М. Поливная керамика средневекового города Шабрана (XI-XIII вв.) // СА. 1989. № 3. С. 193–206.

Достиев Т.М. Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX – середина XIII века). Баку: Изд-во Бакинского ун-та, 1999. 154 с.

Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку: Элм, 1983. 108 с.

Наджафова Н.Н. Художественная керамика Азербайджана XII-XV вв. Баку: АН АзССР, 1964. 140 с.

Новрузлу А.И. Средневековая керамика Азербайджана (IX-XVII вв.). Баку: Элм, 1993. 200 с.

Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А.Р. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963. 396 с.

Bünyadov Z.M. Azərbaycan Atabəyləri dövləti 1136-1225-ci illər. Bakı, Şərq-Qərb, 2007. 258 s.

Ciddi H.Ə. Gülüstan qalası (Şamaxı qız qalası). Bakı, Elm, 1967. 115 s.

Cəbiyev Q.C., Abbasova E.İ., Nemətov S.D. Qəbələ orta əsrlərdə // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2009. Bakı, Xəzər Universiteti nəş-tı, 2010, S. 244–251.

Dadaşzadə M.A. Azərbaycan xalqının orta əsr mənəvi mədəniyyəti (tarixi-etnoqrafik tədqiqat). Bakı, Elm, 1985. 216 s *Əliyeva N.A.* Azərbaycan Yaqut əl-Həməvinin əsərlərində. Bakı, Çaşıoğlu, 1999. 244 s.

Dostiyev T.M., Əliyev İ.N., Ələkbərov A.İ. Şıxnədul orta əsr yaşayış yeri // Azərbaycan arxeologiyası. 2002. № 3-4. S. 129–136.

Dostiyev T.M. Şimal-şərqi Azərbaycan IX-XV əsrlərdə. Bakı, Bakı Universiteti, 2001. 396 s.

Eminli C.T. Qəbələ (Səlbir) şəhər yerində arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011. Bakı, Xəzər Univesiteti nəşr-tı, 2012, S. 278–296.

İbrahimov F.Ə. Quşqana yaşayış yeri haqqında ilk məlumat // Azərbaycan SSR EA-nın Məruzələri. 1963. XIX cild. № 9. S. 97–102

Əliyev V.H. Köhnə Vayxır orta əsr yaşayış yeri // Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. 1965. VI cild. S. 252–256.

Əsədov V.A., Babayeva T.V., Əbdürəhmanov Ə.İ., Bağırova A.F., Babayev T.D. Şabran şəhər yerindən aşkar edilmiş keramika məmulatlarının xüsusiyyətləri // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. 2013. № 2. S. 52–61.

Əsədov V.A. CQBKG boru kəməri marşrutunun 247.250-ci km-də yerləşən Kərpiclitəpə yaşayış yerinin qazıntısı haqqında geniş elmi hesabat / AMEA AEA Arxivi. 2018. 163 s.

Əsədov V.A., Fərmanov F.S. Kərpiclitəpə keramikası üzərindəki naxışlar // Azərbaycan arxeologiyası. 2021. № 1. S. 119–131.

Məmmədov A.M., Əliyev T.V. Gəncədə arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011. Bakı, Xəzər Universiteti nəş-tı, 2012, S. 266–270.

Nəcəf Ə.N. Səlcuqlu dövlətləri və atabəyləri tarixi (oğuzların ortaya çıxmasından XIV əsrədək). Bakı, Qanun, 2010. 781 s.

Nəcəfov Ş.N. CQBKG boru marşrutunun 267.450-ci km-də yerləşən Faxralı yaşayış yerinin qazıntısı haqqında geniş elmi hesabat / AMEA AEA Arxivi. 2018, 144 s.

Orucov A.Ş. İlk orta əsrlərdə Azərbaycanda dulusçuluq (III-VIII əsrlərdə). Bakı: Elm, 1989. 72 s.

Şərifli M.Ş. IX əsrin ikinci yarısı-XI əsrlərdə Azərbaycan feodal dövlətləri. Bakı: Elm, 2013. 398 s.

Информация об авторах:

Асадов Вагиф Арифович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); asadov@gmail.com

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); shamil_necefov@mail.ru

REFERENVES

Akhmedov, G. M. 1959. In Iessen, A. A., Kushnareva, K. Kh. (ed.). *Trudy Azerbaydzhanskoy (Orenkalinskoy) Ek*Akhmedov, G. M. 1959. In Iessen, A. A., Kushnareva, K. Kh. (ed.). *Trudy Azerbaydzhanskoy (Orenkalinskoy) Ekspeditsii (Proceedings of the Azerbaijan (Oren Kala) Archaeological Expedition)* 1. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 67. Moscow: "Nauka" Publ., 186–227 (in Russian).

Bolshakov, O. G. 1984. *Srednevekovyy gorod Blizhnego Vostoka (VII – seredina XIII v.) (Medieval city of the Middle East (VII -XIII century)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dostiyev, T. M. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 193–206 (in Russian).

Dostiev, T. M. 1999. *Srednevekovye arkheologicheskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbaydzhana (IX – seredina XIII veka) (Medieval Archaeological Sites of North-Eastern Azerbaijan (9th – Mid-13th Century))*. Baku: Baku State University Publ. (in Russian).

Ismizade, O. Sh., Ibragimov, F. A. 1983. *Khudozhestvennaya shtampovannaya keramika srednevekovogo Baku (Art stamped pottery of medieval Baku)* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Nadzhafova, N. N. 1964. *Khudozhestvennaya keramika Azerbaydzhana XII–XV vv. (Art pottery of Azerbaijan of the XII–XV centuries)* Baku: Academy of Sciences of the AzSSR (in Russian).

Novruzlu, A. I. 1993. *Srednevekovaya keramika Azerbaydzhana (IX–XVII vv.) (Medieval ceramics of Azerbaijan (IX–XVII centuries)* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Useynov, M. A., Bretanitskiy, L. S., Salamzade, A. R. 1963. *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana (History of architecture of Azerbaijan)* Moscow: "Gosstroyizdat" Publ. (in Russian).

Bünyadov, Z. M. 2007. *Azərbaycan Atabəyləri dövləti 1136-1225-ci illər. (State of Atabays of Azerbaijan 1136-1225 years)* Bakı: "Şərq-Qərb" Publ. (in Azerbaijani).

Ciddi, H. Ə. 1967. *Gülüstan qalası (Şamaxı qız qalası). (Gulistan Castle (Shamakhi Girl's Castle)* Bakı: "Elm" Publ. (in Azerbaijani).

Cəbiyev, Q. C., Abbasova, E. İ., Nemətov, S. D. 2010. *Qəbələ orta əsrlərdə.* In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2009. (Gabala in the Middle Ages)* Bakı: "Xəzər Universiteti" Publ., 244–251 (in Azerbaijani).

Dadaşzadə, M. A. 1985. *Azərbaycan xalqının orta əsr mənəvi mədəniyyəti. (Medieval spiritual culture of the Azerbaijani people)* Bakı: "Elm" Publ. (in Azerbaijani).

Dostiyev, T. M., Əliyev, İ. N., Ələkbərov, A. İ. 2002. *Şıxnədul orta əsr yaşayış yeri*. *(Shikhnadul medieval settlement)* In *Azərbaycan arxeologiyası* 3-4, 129-136 (in Azerbaijani).

Dostiyev, T. M. 2001. *Şimal-şərqi Azərbaycan IX-XV əsrlərdə. (The north-east Azerbaijan in the 9th-15th centuries)* Bakı: "Bakı Universiteti" Publ. (in Azerbaijani).

Eminli, C. T. 2012. *Qəbələ (Səlbir) şəhər yerində arxeoloji tədqiqatlar. (Archaeological research in Gabala (Salbir) urban site)* In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011*. Bakı: "Xəzər Univesiteti" Publ. (in Azerbaijani).

İbrahimov, F. Ə. 1963. *Quşqana yaşayış yeri haqqında ilk məlumat*. *(First information on the habitat of the settlement Sparrow-hawk)* In *Azərbaycan SSR EA-nın Məruzələri* XIX, 9, 97–102 (in Azerbaijani).

Əliyev, V. H. 1965. *Köhnə Vayxır orta əsr yaşayış yeri*. *(Old Vaikhir medieval settlement)* In *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti* VI, 252–256 (in Azerbaijani).

Əsədov, V. A., Babayeva, T. V., Əbdürəhmanov, Ə. İ., Bağırova, A. F., Babayev, T. D. 2013. *Şabran şəhər yerindən aşkar edilmiş keramika məmulatlarının xüsusiyyətləri*. *(Characteristics of ceramic products found in Shabran city)* In *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* 2, 52–61. (in Azerbaijani).

Əsədov, V. A. 2018. *CQBKG boru kəməri marşrutunun 247.250-ci km-də yerləşən Kərpiclitəpə yaşayış yerinin qazıntısı haqqında geniş elmi hesabat. (Extensive scientific report on the excavation of the Karpiclitape settlement located at km 247,250 of the SCPK pipeline route)* AMEA AEA Arxivi 163 (in Azerbaijani).

Əsədov, V. A., Fərmanov, F. S. 2021. *Kərpiclitəpə keramikası üzərindəki naxışlar*. *(Patterns on Karpiclitape ceramics)* In *Azərbaycan arxeologiyası* 1, 119–131 (in Azerbaijani).

Məmmədov, A. M., Əliyev, T. V. 2012. *Gəncədə arxeoloji tədqiqatlar*. *(Archaeological research in Ganja)* In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011*. Bakı: "Xəzər Universiteti" Publ., 266–270 (in Azerbaijani).

Nəcəf, Ə. N. 2010. *Səlcuqlu dövlətləri və atabəyləri tarixi*. *(History of Seljuk states and Atabays)* Bakı: "Qanun" Publ. (in Azerbaijani).

Nəcəfov, Ş. N. 2018. *CQBKG boru marşrutunun 267.450-ci km-də yerləşən Faxralı yaşayış yerinin qazıntısı haqqında geniş elmi hesabat*. *(Extensive scientific report on the excavation of the Fakhrali settlement at km 267,450 of the SCPX pipeline route)* AMEA AEA Arxivi 144 (in Azerbaijani).

Orucov, A. Ş. 1989. *İlk orta əsrlərdə Azərbaycanda dulusçuluq (III–VIII əsrlərdə)*. *(Pottery vessels in Azerbaijan in the early Middle Ages (III–VIII centuries)* Bakı: "Elm" Publ. (in Azerbaijani).

Şərifli, M. Ş. 2013. *IX əsrin ikinci yarısı-XI əsrlərdə Azərbaycan feodal dövlətləri (Azerbaijan feudal states in the second half of IX–XI centuries).* Bakı: "Elm" (in Azerbaijani).

About the Authors:

Asadov Vagif A. PhD of History (Candidate of Historical Sciences), Associate Professor. Senior researcher at the Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid Str., 115, Baku, AZ1143, the Republic of Azerbaijan; asadov@gmail.com

Nadzhafov Shamil N. PhD of History (Candidate of Historical Sciences), Associate Professor. Senior researcher at the Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid Str., 115, Baku, AZ1143, the Republic of Azerbaijan; shamil_necefov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.94(47).03.94(479.24) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.186.192

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА НАХЧЫВАНА ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

©2024 г. Б. И. Ибрагимли

После нашествия монголов, в начале XIII века, городская жизнь в Нахчыванском крае пришла в упадок. Только к началу XIV века в некоторых городах постепенно оживляется экономика, налаживаются торговые связи, крупные населенные пункты постепенно превращаются в новые города. Одним из таких молодых городов Нахчывана был город Аза, который существовал всего чуть больше трех веков. В конце XVI века в ходе Османско-Сефевидских войн город был разрушен дотла, потеряв статус города. В настоящее время материальная культура города Аза представлена мемориальными и общественными постройками. Сохранились остатки оборонительных стен самой цитадели и из жилых кварталов города небольшой участок на пологом склоне горы «Рус тепеси». Археологические исследования позволили изучать планировку города, особенности архитектуры и ремесленное производство.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Нахчыван, Аза, средневековый город, цитадель, мавзолей, поливная керамика, каменные надгробные сундуки, эпиграфика, монеты.

MEDIEVAL CITIES OF NAKHCHIVAN AFTER THE MONGOL CONQUESTS

B.I. Ibrahimli

After the invasion of the Mongols at the beginning of the XIII century, urban life in the Nakhchivan region declined. Only by the beginning of the XIV century, the economy gradually recovered in some cities, trade relations were established, and large settlements progressively turned into new cities. One of such young cities in Nakhchivan was the city of Aza, which existed for just over three centuries. At the end of the XVI century, during the Ottoman-Safavid wars, Aza was destroyed and lost the status of a city. Nowadays, the material culture of the city of Aza is represented by memorial and public buildings. The remains of the defensive walls of the citadel and a small part of the residential quarters of the city are preserved on the gentle slope of the Rus Tepesi Mountain. Archaeological research has made it possible to study the layout of the city, architectural features and craft production.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Nakhchivan, Aza, medieval city, citadel, mausoleum, glazed ceramics, stone gravestone chests, epigraphy, coins.

После нашествия монголов городская жизнь в Нахчыванском крае пришла в упадок. Города были полностью разрушены, население угнано в плен. Только к началу XIV века в некоторых городах постепенно оживляется экономика, налаживаются торговые связи, крупные населенные пункты постепенно превращаются в новые города. В это же время на территории края образовались три новых города: в западной части – Карабаглар, к востоку от города Нахчыван – Алинджа, и на самом западе края – Аза.

Аза как селение существовало еще в начале I тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют Урартские клинописи. «Страна племени Аза» упоминается в «Хорхорских летописях» Аргишти I (786–764 гг. до н. э.) – сына Менуа (Меликишвили, 1954, с. 223–224). До Средних веков Аза в письменных источниках больше не упоминается. Видимо, еще в античное время Аза был поглощен большим городом Киран (расположенным очень близко) и был превращен в пригородный поселок. Когда город Киран был разрушен монголами в 1221 и 1231 гг. и больше не восстанавливался, Аза стал постепенно развиваться, превратился в город и стал административным центром края. В XIV веке в устье реки Гиланчай письменные источники уже упоминают только город Аза (Азад) (Пириев, 2004, с. 25). Расположенный на равнинном месте и простирающийся по берегам реки Гиланчай город не был обведен оборонительными стенами. Только цитадель города имела мощные трехкратные

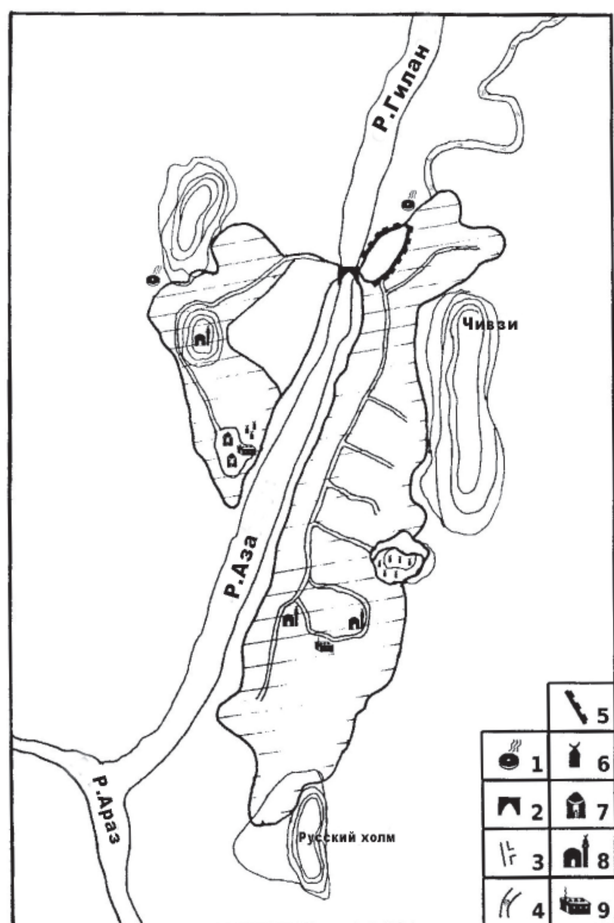

Рис. 1. План городища Аза: 1 – мельница; 2 – мост; 3 – дороги; 4 – арык (канал); 5 – крепостные стены; 6 – кладбище; 7 – мавзолей; 8 – мечеть; 9 – баня.
Fig. 1. Plan of Aza city: 1 – mill; 2 – bridge; 3 – roads, 4 – aryk; 5 – fortress walls; 6 – cemetery; 7 – mausoleum; 8 – mosque; 9 – bath-house.

оборонительные стены. Но и эти мощные стены не спасли город от нашествия Тамерлана. В конце XIV века город подвергся сильному разрушению.

Аза как город существовал всего чуть больше трех веков. В конце XVI века в ходе Османско-Сефевидских войн Аза был разрушен дотла, потеряв статус города. В настоящее время материальная культура города Аза представлена мемориальными и общественными постройками. Из жилых кварталов города сохранился небольшой участок на пологом склоне горы «Рус тепеси», на левом берегу реки Аракс. Остальная часть жилых кварталов города осталась под современными домами и дворами селений Юхары (верхний) Аза, Ашагы (нижний) Аза и Дер.

Мемориальные памятники городища Аза всегда привлекали внимание путешественников, историков и археологов. На расстоянии одного километра от цитадели, ближе к основным жилым кварталам города, расположено самое большое кладбище города. В середине XIX века здесь насчитывалось более 10 надгробных каменных изваяний барана, более 30 надгробных каменных сундуков.

К юго-западу от средневекового кладбища находится «Пир» – место паломничества. Второе святилище (так называемое Кюндали пир) расположено на юго-восточной окраине городища. Оба святилища действуют и ныне.

В южной части селения Ашагы Аза недалеко друг от друга сохранились баня и мечеть. Типичная средневековая азербайджанская баня работала до семидесятых годов прошлого века. «Старая мечеть» действует и в настоящее время.

От соборной мечети с известным минаретом ничего не сохранилось, кроме груды обожжённых кирпичей. Минарет был построен отдельно от мечети и имел ширину 16 м в фундаменте (Сысоев, 1929, с. 197). Соборные мечети по всему мусульманскому миру имели единую планировку и схожий интерьер (Dostiyev, 2016, c. 76; Səfərli, 2018, c. 14–15)

До середины XIX века на правом берегу реки Гиланчай, ниже к югу от селения Дер, сохранились развалины мечети, два мавзолея, одна баня и десятки надгробных каменных сундуков. В настоящее время сохранился один разрушенный мавзолей (конец XIV – начало XV вв.) и остатки бани.

В 1926–1928 гг. экспедиция под руководством В.М. Сысоева провела исследования на территории Нахчыванского края. В статье В.М. Сысоева («Отчет о поездке летом 1927 г.») впервые были широко описаны мемориальные и общественные постройки города Аза (Сысоев, 1929, с. 123–215).

В 1979 году на территории города, которая находится на правом берегу реки Гиланчай, провела раскопки экспедиция под руководством К. Мамедзаде (Мамедзаде, 1979, с. 45–46; 63; рис. 24–29).

В 2013 и 2017–2018 годах Хараба-Гиланская археологическая экспедиция провела раскопки на территории цитадели, в жилом квартале, который расположен на западном пологом склоне горы «Рус тепеси», и около мечети. Также были раскопаны две гажевые печи, которые находились в «Бал дереси», в 3 км к северу от города. По всему городищу

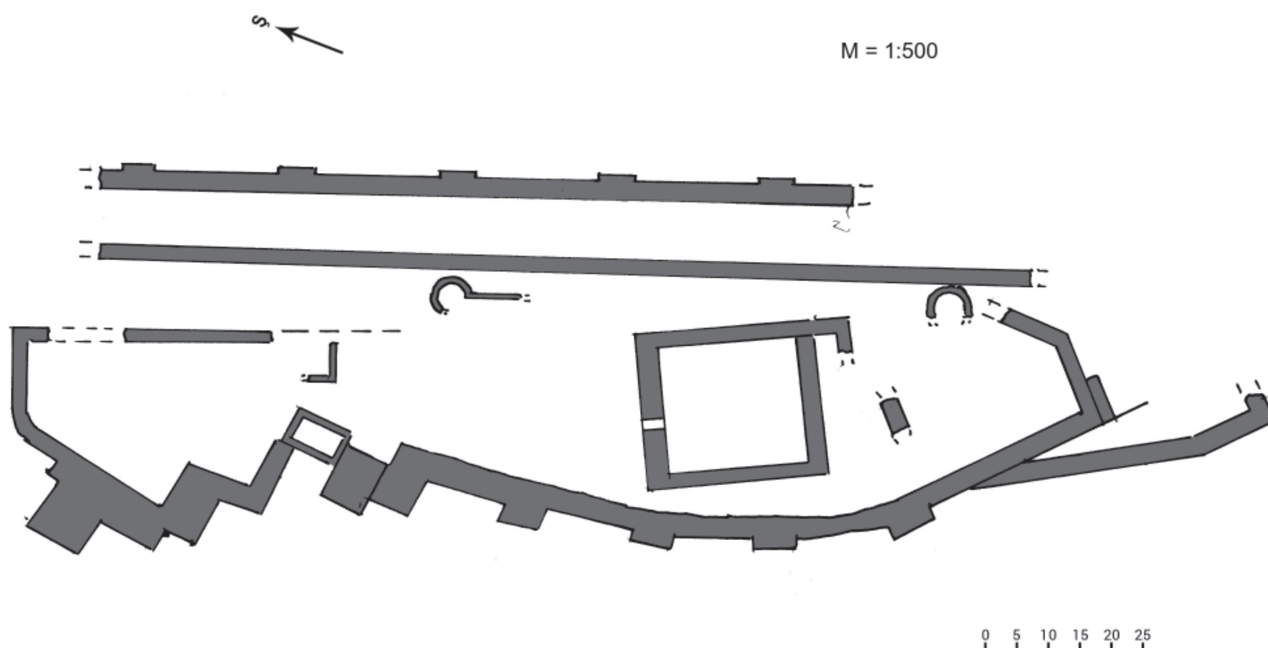

Рис. 2. Схематический план цитадели городища Аза.
Fig. 2. Sketch-map of the inner fortress of Aza city.

только в жилом квартале «Рус тепеси» был обнаружен нетронутый культурный слой. Этот жилой квартал находится на самой южной окраине города, в 2 км от цитадели, на левом берегу реки Аракс.

Цитадель города была обнаружена в 2013 году при разведочных работах Хараба-Гиланской археологической экспедиции под руководством Б.И. Ибрагимли. До этого о её существовании нигде не упоминалось. Цитадель города Аза находится на левом берегу реки Гиланчай, на вершине горы. Западная сторона горы – крутой обрыв высотой до 50 м. Эта сторона горы укреплена оборонительной стеной. Восточная сторона горы пологая и поэтому защищена тремя оборонительными стенами.

В 2018 году Хараба-Гиланская археологическая экспедиция провела раскопки в двух местах внутри цитадели (раскопано административное здание в центре цитадели и заложены шурфы на северной части, вблизи оборонительной стены), изучила стратиграфию культурных слоев и составила схематический план цитадели (рис. 3; 4).

Административное здание, стены которого построены из крупных камней местной породы, находится на самой высокой точке цитадели. Оно четырехугольное в плане, площадь по внешнему периметру составляет 687,5 кв. м. (27,5×25 м). С южной стороны к зданию было пристроено еще одно узкое помещение (5,4×5,2 м). Входная дверь имеет ширину 1,2 м и расположена в западной части северной стены ближе к центру. У стены перед дверью сохранены две ступени и боковые камни лестницы. Эти останки позволяют предположить, что перед дверью на цоколе была каменная лестница высотой 1,5 м. Стены здания сохранились на высоте 50–70 см в северо-восточном и юго-восточном углах. Восточная сторона здания, обращенная к склону холма, является цоколем здания. Стены цоколя высотой 1,8–2,0 м и шириной 2 м построены из камня, засыпаны изнутри и доведены до уровня фундамента западной стены. В северо-восточном углу здания был обнаружен каменный пол, который относится к периоду повторного использования здания – началу XIX века. На внешней поверхности северной стены сохранились несколько слоев известковой штукатурки. На восточной стене здания на высоте 1,5 м от земли, между рядами камней, уложен слой толстого дерева. Этот антисейсмический метод широко использовался на территории Нахчывана в Средние века.

На северной стороне цитадели было три оборонительных стены. Из них сохранилась только фундаментная часть стены шири-

Рис. 3. Остатки оборонительной стены цитадели города Аза.
Fig. 3. Remains of the defensive wall of the inner fortress of Aza.

ной 2 м, ближе к вершине замка. Северная оборонительная стена длиной 15 м является продолжением третьей восточной оборонительной стены. Она, поворачиваясь полукругом, соединяется с западной оборонительной стеной цитадели. В этой части западной оборонительной стены находится самая большая башня. Башня выступала из стены замка на отвесную сторону на 12,5 м и соединялась с другой башней с южной стороны. К второй башне с юга присоединена третья башня. Ширина первой и второй башен составляет 9 м, а ширина третьей башни – 6 м. Все башни построены из довольно крупных камней. От третьей башни оборонительная стена шириной 4 м продолжается в южную сторону на 8,2 м. Поворачиваясь на 90 градусов на восток, через 11 м она соединяется с четырехугольным помещением, стены которого шириной 1 м. Длина помещения 8,4 м, ширина 4,8 м. К югу от этой комнаты находятся остатки еще двух башен, соединенных вместе. Первая башня имеет ширину 8,2 м и длину 9,6 м, вторая башня – ширину 7,4 м и длину 10 м. Оборонительная стена между башнями имеет ширину 2 м. Причина такого плотного расположения башен в северо-западной части цитадели заключается в том, что эта часть горы относительно невысокая.

После башен западная оборонительная стена цитадели тянется на юг в форме дуги. Ширина западной оборонительной стены на этом месте составляет 4,8–5,0 м, а южная часть – 3,2 м. Западная оборонительная стена, кроме вышеизложенных башен, имеет еще четыре симметрично расположенных контрфорса. Первый контрфорс (7,5×2,5 м) расположен в 15 м южнее от последней башни. Второй контрфорс расположен в 16 м южнее первого контрфорса и выступает из стены на 1,5 м, его длина 7,5 м. Третий контрфорс находится в 15 м к югу от второго контрфорса, имеет длину 7,5 м и ширину 1,5 м. Четвертый контрфорс находится в 16,5 м к югу от третьего, имеет длину 7,5 м и ширину 1,5 м. За этим контрфорсом крепостная стена шириной 3,2 м поворачивает на юго-восток, продолжается на протяжении 32,5 м и соединяется с южной оборонительной стеной цитадели. Повсюду, кроме западной стороны цитадели, существовало три слоя оборонительных стен.

Длина западной и восточной оборонительных стен цитадели Аза составляет более 200 м. Западная оборонительная стена построена максимально в соответствии с рельефом, в плане имеет форму открытой арки, имеет необычные башни и контрфорсы. На восточной стороне цитадели расположены две заградительные стены, параллельные друг другу. Расстояние между восточными оборонительными стенами составляет 10–11 м. Длина третьей восточной оборонительной стены 128 м, ширина 3 м. Сохранилось пять контрфорсов этой оборонительной стены, расположенных на одинаковом расстоянии (20 м) друг от друга. Длина контрфорсов 5 метров, выступ 0,8 м. Вторая восточная оборонительная стена расположена параллельно первой, расстояние между ними 10 м. Сохранившаяся часть этой стены имеет длину 152 м и ширину 2,5 м, без контрфорсов. Толстые материковые плиты обеспечивают

Рис. 4. Остатки восьмигранного мавзолея.
Fig. 4. Remains of an eight-sided mausoleum.

прочность стены так, что в некоторых местах ширина основания стены достигает 3–4 м в зависимости от местности. Плиты толщиной до 1 м придают стене величественный монолитный вид (рис. 4; 3).

Археологическое изучение построек цитадели Аза позволяет предположить, что в XIII–XVI веках здесь располагалась крепость с мощной и сложной оборонительной системой.

Обнаруженный жилой квартал городища Аза находится в 280–300 м от северного берега реки Аракс, на северо-западных склонах горы «Рус тепеси». Подъемный материал состоит из поливной и неполивной керамики. Стены жилого дома обнаружились на глубине 20–30 см, построены из местного камня вулканической породы (туфит). На территории раскопочного участка обнаружены и очищены три комнаты и прихожее помещение жилого дома (İbrahimli, Səfərli, Əliyev, Xəlilov, 2015, с. 305–310). Стены жилого дома имеют ширину 70 см, сохранились на высоте 50–110 см. Назначение помещений разное: первое и второе помещения имеют хозяйственное назначение. Первое помещение с площадью около 11 кв. м (3,7×2,9) имеет в центре тандыр в земле глубиной 1,0 м, диаметром 75 см. Тандыры такого типа традиционны для Нахчыванского края. Второе помещение площадью около 14 кв. м находится к востоку от первого и служило амбаром – продуктовым складом жилого дома. Об этом свидетельствует хранилище для пшеницы, так называемое «кянди» (83–72 см), расположенное в северо-восточном углу помещения. Эти цилиндрические по форме сооружения диаметром до 1,5 м обычно имеют высоту 2,0–2,5 м. Верхняя часть относительно узкая, внизу имеет специальное отверстие. Третье помещение (10,4 кв. м) имело несколько назначений, как во всех небогатых домах. Оно служило одновременно спальней, гостевой и столовой.

Квартал, в котором раскопан жилой дом, находится на самой окраине города, на пологом склоне горы. Архитектура домов и находки свидетельствуют о том, что здесь жили небогатые люди. Жилые дома XIV–XVI вв. по плану и по архитектурному стилю не отличались от домов XIX–XX вв.

Мемориальные памятники городища Аза представлены мавзолеями, надгробными каменными изваяниями барана и каменными сундуками.

Мавзолеи находятся на правом берегу реки Гиланчай. Археологи и архитекторы, посетившие городища, пишут об остатках трех мавзолеев (Саламзаде, Мамедзаде, 1979, с. 46). Ныне сохранился один мавзолей в полуразрушенном виде. Этот мавзолей хорошо изучен и опубликован. По стилистическим данным мавзолей можно отнести к началу XV в. (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963, с. 223).

Мавзолеи Аза относятся к послемонгольскому периоду Нахчыванской архитектурной школы. Эти мемориальные памятники по объему и по сложности орнаментов усту-

пают мавзолеям XII века. Мавзолеи города Аза исследованы в 1893, 1926, 1945 и 1980 годах. Об эпиграфике мавзолеев нет никаких сведений. Из них более или менее сохранился центральный (по расположению) восьмигранный мавзолей. Внутреннее пространство центрального мавзолея состоит из трех расположенных одно над другим помещений. Необходимо отметить ещё некоторые отличительные черты архитектурного стиля в этом мавзолее. В первую очередь привлекает внимание то, что у восьмигранного мавзолея четыре грани открыты. Эти открытые грани завершаются дугообразной аркой, а закрытые грани – стрельчатой (рис. 4).

Рис. 5. Медная монета Насираддина Артук Арслана (1201–1239) из Артукидов Мардина.
Fig. 5. A copper coin belonging to Nasir al-Din Artuq Arslan (1201–1239) of the Artuqids of Mardin.

Архитекторы называют его «единственным трёхъярусным мавзолеем» (73, 16–17). Мавзолей города Аза – новый тип башенных мавзолеев и логично отнести его к типу «открытых» мавзолеев.

В результате археологических исследований, проведенных археологической экспедицией Хараба Гилан, был составлен общий план города (рис. 1).

В истории города Аза было много важных исторических событий – это и войны, и бедствия. Однако тяжкие периоды сменялись периодами расцвета, во время которых строились мавзолеи, шестиарочный мост и соборная мечеть, известная высоким минаретом. Город Аза, находившийся на международных торговых путях, имел тесные торгово-экономические связи с городами приурмийских и восточно-анатолийских областей, о чем свидетельствуют многочисленные нумизматические находки – медные монеты сефевидов и румийских (анатолийских) артукидов (рис. 5).

Итак, город Аза, начиная с конца XIII века, во времена государств Каракоюнлу (1375–1468), Аккоюнлу (1378–1501) и первых Сефевидов, постепенно развивался, расширялся и охватил оба берега реки Гиланчай. Однако пришел в упадок в результате продолжающихся войн и в конце XVI века потерял статус города. С начала XVII века административным центром региона стал город Ордубад.

ЛИТЕРАТУРА

Меликишвили Г.А. Наири-Урауту. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1954. 446 с.

Сысоев В.М. Нахичеванский край (Нах. ССР). (Отчет по поездке летом 1927 г.) // Известия Азербайджанского Комитета охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. 4. тетрадь 2. Баку, 1929. С. 123–215.

Саламзаде А.В., Мамедзаде К.М. Памятники на Араксе. Баку: Элм, 1979, 72 с.

Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А.В. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963, 396 с.

Dostiyev Tarix. Azərbaycanın orta əsr şəhərləri (IX-XIII əsrin əvvəlləri). Bakı, Elm və Təhsil, 2016, 200 s. s. 76

İbrahimli B.İ., Səfərli F.Y., Əliyev Q.Ə., Xəlilov T.F. Aza orta əsr şəhər yeri (2013-2014-cü illər. // Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar. 2013-2014. Bakı, "Xəzər Universiteti" nəşriyyatı, 2015. S. 305–310.

Piriyev Vaqif. Naxçıvan tarixindən səhifələr. (XIII-XIV əsrlər). Bakı: "Müəllim", 2004, 126 s.

Səfərli Hacıfəxrəddin. Naxçıvanın məscid və ziyarətgahları. Naxçıvan: "Əcəmi", 2018, 216 s.

Информация об авторе:

Ибрагимли Бахлул Имран оглы, кандидат исторических наук, зав. отделом, Института археологии и антропологии Национальной Академии Наук Республики Азербайджан (г. Баку, Азербайджан); ibrahimlib@mail.ru

REFERENCES

Melikishivili, G. A. 1954. *Nairi-Urautu (Nairi-Urautu)*. Tbilisi: The Academy of Sciences of Georgian SSR (in Russian).

Sysoev, V. M. 1929. In *Izvestiya Azerbaydzhanskogo Komiteta okhrany pamyatnikov stariny, iskusstva i prirody (News of the Azerbaijan Committee for the protection of ancient monuments, art and nature)* 4 (2). Baku, 123–125 (in Russian).

Salamzade, A. V., Mamedzade, K. M. 1979. *Pamyatniki na Arakse (Monuments on the Araks River)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Useynov, M. A., Bretanitsky, L. S., Salamzade, A. V. 1963. *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana (History of architecture of Azerbaijan).* Moscow: "Gosstroyizdat" Publ. (in Russian).

Dostiyev Tarikh. 2016. *Azərbaycanın orta əsr şəhərləri (IX-XIII əsrin əvvəlləri) (Medieval cities of Azerbaijan (beginning of IX–XIII)).* Baku: "Elm və Təhsil" Publ. (in Azerbaijani).

İbrahimli, B. İ., Safarli. F. Y., Aliyev. G. A., Khalilov. T. F. 2015*. Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar. 2013-2014 (Archeological Researches in Azerbaijan .(2013–2014)).* Baku: "Khazar University" Publ., 305–310 (in Azerbaijani).

Piriyev Vaqif. 2004. *Naxçıvan tarixindən səhifələr. (XIII-XIV əsrlər) (Pages from the history of Nakhchivan. (XIII–XIV centuries)).* Baku: "Müəllim" Publ. (in Azerbaijani).

Safarli Hajifakreddin. 2018. *Naxçıvanın məscid və ziyarətgahları (Mosques and shrines of Nakhchivan).* Nakhchivan:" Ajami" Publ. (in Azerbaijani).

About the Author:

Ibrahimli Bahlul Imran, Doctor of Philosophy in History, Assistant professor, Institute of Archeology and Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences. AZ1073, Baku. H. Javid pr. 115, Azerbaijan; ibrahimlib@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.193.201

STATE FORMATIONS IN ANCIENT TURKIC STEPPE SOCIETIES[1]

© 2024 Yıldırım K., Yıldırım E.

The Turks are one of the oldest nations of the world, and there is evidence that they had established states very early in their history. The masses of the Turks living a nomadic life in the steppes had formed political structures different from the state systems of settled societies, and we can call these "steppe states". The most important feature of the steppe states was that they did not have fixed centers and ruled over expansive territories using their well-trained armies. Nomadic steppe states were unions of tribes. They were established not by settled states or cities, but by the gathering of nomads who had the power of war. A family with authority to rule ("kut" in ancient Turkic), which was received from God and could be held by legitimacy, established the state. The strength of the centralized structure depended on the ability to intervene in the remote corners of the state; otherwise, the dynamics of the steppe would bring about the rebellion of the connected tribes. The Turkic state existed in tribes formed by families connected to each other by blood kinship, and the state emerged from the tight, disciplined cooperation among these tribes. This gave the state a military character. Since the soldiers, horses and weapons were always ready for war, the expansion of the state was inevitable. Starting from the Huns until the 9th century, the center of these great states, which had a nomadic structure before Islam came onto the scene, was Ötüken, which was originally thought to be in the Orkhun Valley. After the 9th-10th centuries, Turkic states were established by Muslim horse warriors who combined urban and nomadic steppe traditions, making rich trade networks their political centers.

Keywords: Turkic peoples, Turkic steppe societies, Turkic name, state-building, war tradition, nomadism, social stratification, töre, world state thought, centralized state mentality.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ СТЕПНЫХ ОБЩЕСТВАХ[2]

Йылдырым К., Йылдырым Э.

Тюрки – один из самых древних народов в мировой истории, и имеются доказательства, что они основали государства на очень раннем этапе своей истории. Тюркские общности, ведущие кочевой образ жизни в степях, создали отличающиеся от государственных формирований оседлых обществ политические структуры, т.н. "степные государства". Наиболее важной особенностью степных государств было то, что они не имели постоянных центров и в управлении обширными территориями опирались, прежде всего, на военную силу. Степные государства кочевников представляли собой союзы племен. Они были созданы не на основе оседлых государств или городов, а объединением кочевников, обладавших военной властью. Государство было создано родом, наделенным Богом исключительной властью ("кут" по-древнетюркски) и имевшим легитимное право на верховенство в представлении кочевников. Незыблемость центральной власти зависела от способности контролировать самые отдаленные территории государства, в противном же случае вспыхивали восстания племен. Тюркское государство создавалось племенным объединением древних тюрок, связанным между собой родами, на основе сплоченности и установленного порядка. Всё это придавало государству военный характер. Поскольку воины, лошади и оружие всегда были готовы к военным действиям, покорение новых земель было неизбежным. Начиная с гуннов и до IX века центром этих великих государств, которые до принятия ислама имели кочевую структуру, являлся Отукен, который первоначально считался расположенным в долине Орхун. После IX–X веков тюркские государства создавались мусульманами, которые объединили городские и кочевые степные традиции, сделав богатые торговые регионы своими политическими центрами.

1 This study has been supported by Coordinatorship for Scientific Researches Projects of Istanbul University (SBA-2022-38757).

2 Исследование выполнено при поддержке Управления координации научно-исследовательских проектов Стамбульского университета (SBA-2022-38757).

Ключевые слова: тюрки, тюркские степные общества, тюркское имя, государственное строительство, военная традиция, кочевничество, социальная стратификация, обычай, мировая государственная мысль, централизованный государственный менталитет

Turkic State and Turkic Name

Those under Turkic rule would be named after the state or founder, meaning that everyone under the state had the same name. This deep-rooted state tradition epitomized a developed political culture. In Turkestan during the Selcuk and Ottoman eras, whenever a Turkic group took over the administration, they would call all the Turks under their rule by the same name (Ögel, 2001, p. 8). There are examples of this from the early periods. The Hun ruler Modu sent a letter to the Chinese Emperor in 176 BC in which he said: "With God's help, our officials and soldiers are in good condition, our horses are strong and powerful, we have destroyed the Yuezhi, all of them have either been beheaded, killed, or subjugated and dealt with. Loulan, Wusun, Hujie and all 26 countries on their side became Huns" (Han Shu, 1997, p. 3756-3757). As it is understood from these statements, regardless of their origin and name, everyone under the state was now called a "Hun". This phenomenon is present throughout Turkic history. Those under the umbrella of the Gok-Turk Kaganate were also called Turks. The Chinese, who knew this very well, often called all people north of the Chinese borders Turks (Xin Tang Shu, 1997, p. 5173). When statemen of Turk Khaganate, Bilge Tonyukuk talked about the population of the Turk Kaganate, he called all the people under the state "Turks" (Xin Tang Shu, 1997, p. 5174). There are also statements in the Orkhon Inscriptions where the tribes within the Turk Khaganate are referred to as Turks: "The Turgish Khan was our Turk, our nation" (Köl Tigin, East/18); "The Nine Oghuz nation was our nation" (Köl Tigin, North/4); "Turk Sir Nation" (Tonyukuk, West/3) (Ergin, 2009, p. 15, 25, 65). When Bilge Kagan addressed the people under him, he always said "Turkic nation" (Türk budun).

In the Gok-Turkic era, the name Turk was not just the name of the individual Turkic tribe, but rather a broad term for the Turkic state. "Fifty years have passed since the Turkic state was founded by God," Isbara Khan told the Emperor of China. Historical inscriptions show that the word Turk was mostly in the form of "Turk budun", which meant the Turkic nation. The words "Turkic tradition", "Turkic Khan", "Turkic İl", etc., were not just for a small group of Turks who founded the state. They must have been meant for a big state, the Turkic Khaganate (Ögel, 2001, p. 9-11). The Turkic term "il" was a word that corresponded to today's understanding of the state. According to the ancient Turks, bodun (i.e. nation) and land were the two important elements that constituted the state. A state without land was unthinkable. The Gok-Turk word budun corresponded to the concept of the nation. And the nation came before both the state and the kagan. The province, i.e. the state, was completed by the khaganate. There was no such thing as a province without a kagan or a kagan without a province. According to Ögel, the word il, the state, came before kagan in all inscriptions, implying that ancient Turks attached more importance to it than to the kagan (Ögel, 2016, p. 315-317).

State-building and Independence

State-building brought an independent life, and the Turkic identity was shaped accordingly. In fact, it should not be forgotten that national identities need both a state and independence in order to fully develop. According to Ayhan Bıçak, in their thousands of years of history, Turks have been able to maintain their existence by fighting life and death with every civilization they encountered (Bıçak, 2019, p. 29). This struggle has always kept the idea of independence alive. Bıçak explains the link between state-building and independence as follows: "The basic category of statehood is independence. Therefore, independence constitutes the essence of statehood" (Bıçak, 2019, p. 86-87). “Oksizlik” expresses independence in the Old Turkic Inscriptions, and has constituted the common desire of the Turkic nation (Kafesoğlu, 2004, p. 233), which established states in early periods of history. It is thanks to these states that the Turkic identity has developed and progressed to the way we understand it today. Turks have always tried to protect their national identity. After Modu's death in 174 BC, his son Jiyu became enamored with Chinese-style life, clothing, and food. Zhonghang Yue, who was in the position of advisor or prime minister, warned him, saying, "The total population of the Huns is not equal to the population of one

province of China. What makes the Huns strong is the difference in their clothes and food, and not being dependent on China. Today, Chanyu has changed its traditions and likes Chinese products. At this rate, not even two tenths of Chinese products will be consumed and the entire Huns will be subject to China" (Han Shu, 1997, p. 3759). Zhonghang Yue said that independence could be achieved by preserving the Hun way of life. This is national culture, which is the direct expression of national identity. This event reinforces the notion that national identity was linked to independence for the Huns. When some Huns advocated for a stronger connection to China in 54 BC, the following objection was made in the assembly: "Oh no. In the tradition of the Huns, being strong is honored, being of service is despised. The Huns built their state by fighting on horseback, that is why they are respected by all mankind. To die in battle is the work of strong men. Today, brothers and sisters are fighting each other for the state, if not the brother, then the sister. Despite the dead, dignity will exist, sons and grandsons will always be the heads of states" (Han Shu, 1997, p. 3797). This speech shows that the Turks considered independence to be a guarantee of national existence. Another important event showing that the Turkic identity could be preserved was Tonyukuk's warnings. In response to the construction of Buddha temples by Bilge Kagan, Tonyukuk opposed such a move, saying that such a move would destroy the spirit of struggle and warriorism (Jiu Tang Shu, 1997, 5174). The Orkhon Inscriptions recall the Chinese captivity between 630-680, recording how the Turks had lost their independence, the nation abandoned their traditions, their children became servants, and finally the Turk gentlemen (“beg”) abandoned the Turkic name (Köl Tegin Inscription, East/7-9; Ergin, 2009, p. 11). In the inscription, giving up the name "Turk" was taking on the role of a servant-slave and losing independence.

War Tradition

Turkic steppe states developed deep-rooted traditions of warfare. Throughout their millennia of history, Turks were able to survive by fighting other civilizations through both military and culture wars. War tradition includes many issues such as why war is important, the value of the warrior in society, the production and use of war tools, war tactics, who the enemies are, under which conditions war should be fought, definitions of strong or weak armies, the qualities of the ruler, and the honor of dying in war. The study of these tradition of war reveals the Turks' perspective on life, their understanding of the state and the individual, and how they viewed other societies. The Turks' constant need to fight is directly related to the continuity of their social existence, and the tradition of war constitutes an important element of Turkic thought (Bıçak, 2019, p. 29-30).

Conscious Nomadism

In the states established by the ancient nomadic Turks, the mobile lifestyle lent itself to the development of an advanced military. The warrior masses were strong men with high energy who had grown up with all kinds of difficulties from childhood, who knew how to ride horses and shoot, who practiced war with hunting games even in peacetime, and who were fed with meat and kımız in the vast region of the steppes. The state had to avoid destroying the source of its soldiers. As a matter of fact, in a Chinese record of the Asiatic Huns, Zhonghang Yue warned, "If you buy China's silk weavings and ride horses, your clothes and trousers will be torn and shredded in the grass and thorns. Then you will see that they are not as strong and beautiful as felt and leather; when you throw away Chinese food and products, you will see that they are not as useful and beautiful as koumiss" (Han Shu, 1997, p. 3759). Tonyukuk stated that what made the Turks strong was that they were always on the move, always armed, and always hunting (Jiu Tang Shu, 1997, p. 5174). The Turks' meat-heavy diet surprised some ancient writers. Al-Jahiz said that there was no one on earth who ate as much meat as the Turks, and that anyone other than a Turk would get sick if he ate so much meat (El-Cahiz, 1967, p. 68). It is known that ancient Turkic states deliberately kept some masses nomadic. For example, it is known that the Qarakhanid rulers ensured that certain Turks maintained their nomadic lifestyle so that they would not lose their warrior skills (Cezar, 1977, p. 14). The Turks made a clear distinction between those who lived in the city and those who did not. In ancient Uighur writings, the words "durucu, oturucu in the city and ulush" were frequently encountered. The city was also an administrative organization. According to Ögel, the state organization of the ancient Turks had two main tenets: i) administration based on tribes, and ii) administration based on cities. The organization based on tribes was

more important than cities for the Turks. Both the city and the province belonged to the state. The word "il-ulush" in the Old Uighur inscriptions could be explained as "iller-ulushlar", i.e. "countries and cities", although it is not certain (Ögel, 2000, p. 209–213).

The states established by ancient nomadic Turks did not have cities or fixed administrative centers. The reason for this was that the society was based upon animal husbandry/herding, and the herds had to move based on the season. In fact, the masses had to move several times a year depending on water and grass resources, temperature, and precipitation. In these migrations, families carried all their possessions, belongings, and household equipment with them, as they did not have houses with locked doors where they could keep their assets. This was also how state officials lived. Wherever they went, they would travel with their entire entourage and all their possessions. There was also a fundamental concern regarding sedentary life. According to this, if one lived in a fixed place, in a city, the entire population, statesmen and their possessions could be destroyed by a sudden raid of the crowded enemy armies. Several times in Turkic history, statesmen wanted to establish cities, but were dissuaded from doing so due to these fears. The Huns decided to build cities against the Chinese armies in 83 BC. Hundreds of pits were dug and thousands of timbers were cut. It soon became clear that the Huns would not be able to protect the cities and that everything would fall into the hands of the Chinese, so the city-building activities were stopped (Han Shu, 1997, p. 3782). Bilge Tonyukuk expressed the danger of being destroyed by Chinese raids if cities were built and inhabited, and opposed Bilge Kagan's idea of building cities (Jiu Tang Shu, 1997, p. 5174). Perhaps the most important move Tonyukuk made to preserve the conscious nomadism of the Turks was to prevent Bilge Kagan from building cities and temples. The settlement of the warrior and dynamic steppe Turks, on which the Turkic states were based, into cities would render the Turkic nation unable to establish great states again, and unable to go to distant lands to establish a home. Thus, modern day Turkish people would not have made it to the land where they live today and establish great states like they did. Of course, it is a fallacy to make interpretations based on assumptions in history, but it is historical fact that a significant portion of the Turks who settled in cities developed small feudal structures and lost their warrior skills and their desire to establish global states. Tonyukuk asserted that the population of the Turks was not even one percent of that of the Chinese, and that if they settled in cities and villages, the nation could be destroyed by sudden and crowded raids, Because of this, he suggested they go on campaigns in times of strength and live in the mountains and forests in times of weakness. In this way, even if the numbers were small, the Chinese could be defeated with the strength and warriorism of nomadism. Moreover, the Turks who devoted themselves to worship in temples would weaken and forget how to fight (Jiu Tang Shu, 1997, p. 5174). The Turks had wanted to establish cities before. When the Hun ruler Jiyu emulated the Chinese, his statesman Zhonghang Yue warned him with the same words nearly nine centuries before Tonyukuk: "The total population of the Huns is not equal to the population of one province of China" (Han Shu, 1997, p. 3759).

It is very easy for nomadic steppe states to dominate settled states and societies. Turks even dominated huge nations such as China and established states there from time to time. Dynamic warriors from the nomadic world could easily prevail over the static people of the settled world. In Chinese history, this was achieved by peoples other than the Turks, such as the Mongols, Tungus (and later their successors, the Manchus) and Tibetans. The population of these outsiders was very small compared to the society they ruled. In a populous territory like China, these outsiders quickly melted away, leaving only their names behind. Apart from the population factor, China's potential to dissolve foreign cultures within itself, the attractive nature of a Chinese-style life to nomads, and the fact that the steppe people liked the Chinese life because of its stability, peace, and tranquility also played a role. There were warnings from statesmen on this issue. Bilge Kagan says the following about not going to China: "... It gives gold, silver, silk and silks without any trouble. The Chinese nation's word is sweet and silk fabric is soft. With sweet words and soft silk cloth, he would deceive and bring the distant nation closer. After they are brought near, they think of bad things at that time. He would not make a good, knowledgeable person and a good, brave person walk. You have died, Turk nation, you have died. Turk nation, you will die!" (Köl Tegin Inscription, South/5-6; Ergin, 2009, p. 5).

Indeed, Turkic communities such as the Tabgachs became Chines-ized shortly after they ruled China and established their own state inside China. Turkic nobles and large Turkic families who went and settled in China were completely absorbed into Chinese culture within a few short generations[1]. While the Turks who established a state in China held the military bureaucracy in their hands, the civil bureaucracy naturally remained in the hands of local administrators. The Turks had nothing else to do with a small number of people in a crowded and completely alien culture. The civilian bureaucracy, on the other hand, quickly brought the Turkic nomads under control because Turkic soldiers had lost their mobility in peace and became complacent with the blessings of the settled culture. The Chinese, who initially had a softening effect on the steppe people, were soon able to make a counterattack. Turks, who were in a minority position, had become increasingly passive and even Chines-ized, were living off the tribute they received from the society, became the target of the civil bureaucracy that controlled the society. Eventually, the military power of the Turks came to an end with the Chinese revolts against the foreign power. After that, the masses of remaining Chines-ized Turks who had completely lost their power were all that remained. With the exception of the Mongolian Yuan dynastic family, these masses did not seek to recover everything and return to the steppe. Bilge Tonyukuk did not find it right to conquer China or settle in China. The main reason for this was the different lifestyles shaped by geography. The fact of the matter was that the geography of China was not suitable for Turks. According to Tonyukuk, the Chinese could be challenged since the Turks were in a state of constant readiness for war (Jiu Tang Shu, 1997, p. 5174). Bilge Kagan even went so far as to lament the death of the Turkic nation for thinking of a move to China: "If you go to those places, the Turkic nation will die" (Bilge Kagan Inscription, North/6).

Social Stratification

It is generally believed that there were no distinct social classes in the steppe Turkic society, and thus, a state structure that does not conform to the classical theories of state based on stratification is mentioned. However, the steppe gave rise to stratification in various aspects. Livestock production created social differences among steppe people. Undoubtedly, this was mainly caused by livestock ownership. The number of livestock was the criterion for the accumulation of wealth, and this led to stratification. Those who accumulated herds and other goods had the upper hand in the use of pastures, water sources, and hunting grounds (Danilov, 2004, p. 31). Even though the pastures were the common property of all, in the distribution of the pastures, of course, the one with more animals was given more and better space. Nevertheless, there was no privileged class based on economic wealth in the steppes of the ancient Turks. The Chinese used expressions such as "their life is very simple," "everyone is a soldier," "everyone is equal" for the Turks in the steppes. Everyone individual could find himself in the literary works of the ancient Turks, from the topmost sultan to the lowest soldier (Soysal, 2002, p. 48). On the other hand, it was also true that there was a differentiation. As a matter of fact, all the heroes and main personalities of the epics were members of the noble class, i.e. beys, and the common people were not given much attention (Sümer, 1960, p. 418). It was essential to merge the concept of alliance with that of beylik to emphasize the charismatic personality and to see beylik as possible only through bravery. According to those who try to fit this into their social theory, the ancient Turks had a simple stratification with a khan or tribal head at the top, an aristocratic stratum (beys) below him, and finally the lower classes, or common people (Mardin, 2004, p. 82). In fact, in ancient Turkic societies, there was no strictly defined categorization and a class consciousness based on it, although there was a kind of social stratification and ranking (Türkdoğan, 1981, p. 12). Since the steppe Turks did not have a class structure, the state did not act in line with the interests of any one class, and each of the elements of social order was valid for the whole of society (Bıçak, 2019, p. 78-79).

As can be seen in the Dede Korkut Epics, the determination of where everyone would sit in the assembly was a matter of "orun", which was obtained through courage, bravery and giving (İnan, 1998, p. 241-254). Ultimately, the Turks' stratification was based on blood. When giving and receiving daughters, the steppe Turks attached importance to the lineage of the family they were dealing with, and so a blood-based nobility took shape. In the steppe Turkic states, there were large families that had a say in power (Yıldırım, 2017). For example, there were four big families in the Huns. At the center

of the steppe Turkic state, certain noble families were influential. For example, in the Uighur Khaganate, nine families named Yaglakar (kagan family), Huduoge, Duoluowu, Mogexiqi, Awudi, Gesa, Huwasu, Yaowuge and Xiyewu ruled the state (Jiu Tang Shu, 1997, p. 5198; Xin Tang Shu, 1997, p. 6114).

In ancient Turkic society, the tribes that came together to form a state were considered equal to one other. However, the tribes that joined the state later were relatively inferior. Those who had been defeated in war and incorporated into the union found themselves at the bottom of the hierarchical structure. For example, the Uighur Khaganate was founded by tribes such as Pugu, Hun, Bayırku, Tongra, Sijie, Qibi, Ediz, who were part of the Nine Oghuz unity. The Uighurs later defeated the Basmil and Karluks and annexed them, so the nine tribes became eleven tribes with the addition of the Basmil and Karluks. Afterward, these two tribes were on the front lines whenever the union went to war (Jiu Tang Shu, 1997, p. 5198).

Töre

The most important record of the place of ceremony is found in the Orkhon Inscriptions: "Turk, Oghuz beys, nation, hear: if the sky above did not press down and the earth below did not pierce, Turkic nation, who would be able to disrupt the province and töre?" (Köl Tegin, East/22). The word Töre appears as *törü* in Kâşgarlı Mahmud's Dîvânu Lugâti't-Türk and means "order" (Kâşgarlı Mahmud, 2006, I, p. 106) or "peace" (Kâşgarlı Mahmud, 2018, p. 52). Kâşgarlı Mahmud also cites the proverb "il kaldı törü kalmas," meaning "the country was abandoned, but töre was not abandoned" (Kâşgarlı Mahmud, 2006, I, p. 240). In this respect, "il" and "töre" were always used together. According to Ziya Gökalp, Turks were migrating from provinces captured by enemies to places where their national traditions prevailed. In addition to written laws, unwritten customs were also part of töre, and there were even religious and moral töres alongside legal töres. Töres were so important that, according to Gökalp, even the word "Turk" could mean “töreli” (“the people who has töre”) (Gökalp, 1975, p. 8–9). According to Bıçak, the state and the people being in order is one of the main conditions for their overall survival. The basis of the social order provided through the state was the töre, and the töre also represented order and tradition. Regardless of the status of the person, be it a ruler or an ordinary citizen, the töre was applied in the same way without bias (Bıçak, 2019, p. 72–80). Even if the province was gone, the töre remained. In essence, the preservation of the töre took precedence over the continued existence of the province. If necessary, the province, i.e. the state, would be destroyed and a new state would be established with the preserved töre. Tradition was defined as the order, foundation, and therefore, the power of the state. When a new state was established, a big congress would be held to determine and establish the töre. In fact, the töre of that state was named after the founder of the state, like tore of Oghuz Khan (Ögel, 2016, p. 104–105). A töre is a set of values that emerges from traditions and must be followed. The decisions made by the ruler and the decisions of the assembly are also included in the töre. Töre binds everyone equally and is applied regardless of one's position. Actions that do not comply with the töre are punished, and thus the sanctioning power of the töre is revealed. The importance of the töre in the state order is emphasized by the constant use of the expression "the töre was organized" when inscriptions refer to the establishment of the state. Since social order is the foundation of both töre and the state, order is considered the most fundamental principle of human existence (Bıçak, 2016, p. 79-80).

World State Thought

The ancient Turkic steppe states had the desire and ambition to become world states. In a letter sent to the Chinese Emperor in 176 BC, Modu Chanyu, the ruler of the Great Hun State, introduced himself as "the Great Chanyu of the Huns, enthroned by God," and continued, "All 26 countries have now become Huns" (Han Shu, 1997, p. 3756–3757). In this way, the state was being handed over to a ruler authorized by God to rule the world. Furthermore, this state was not only the state of the Huns, but many other countries had joined the state and all of them were made "Huns". Bilge Kagan said, "When the blue sky was created above and the greasy earth below, the son of man was created between the two. My ancestors Bumın Khan and Istemi Khan sat on the human being" (Köl Tegin, East/1). This was a world state ruling over all mankind. According to Ayhan Bıçak, the conception of the universe plays an important role in Turkic thought. For the ancient Turks, God was responsible for the orderly functioning of the universe and controlled it with his power. Although sometimes referred to as the "Turkic God", the notion that this God was

the God of all people was valid. This idea necessitated the establishment of a state order that encompassed all people. Bıçak argues that the Legend of Oghuz Kagan presents a state model closely related to the conception of the universe. The archetype of the Turkic state and its ruler is created within the framework of this model (Bıçak, 2019, p. 62–63, 66). Again, according to Bıçak, the Ottoman idea of Nizam-ı alem (order of the world) constituted the theoretical basis of the world state. It was assumed that this order was based on a divine origin, and at the same time it was supposed to abolish oppression and evil on earth (Bıçak, 2000, p. 124). According to the ancient Turks, the people of the whole world were the people of the Turkic state and the Turkic ruler was the ruler of the world. Modern researchers call this the universal state. A striking similarity existed between the world order and the state organization. The Turkic conception of the state was a system that was molded by life experience free from mysticism, and was the highest example for all central Asian states. Nevertheless, the state understanding and principles of the Turks were also rooted in the unchanging systems of time and space (Ögel, 1989, I, p. 274).

The Question of Dependence on Settlers

It is generally accepted that steppe Turkic states were economically dependent on sedentary states and that nomads needed certain goods to survive the winter. Moreover, when the sedentary state, which had established a state monopoly in foreign trade, played with the prices of goods or stopped trade, the steppe states, which were in a difficult situation, had no other option but to fulfill their needs by looting (Eberhard, 2008, p. 5). In this respect, the goods that the steppe state would receive from the sedentary state through trade or tribute were very important. Zhonghang Yue, who was with Jiyu, the Chanyu of Huns, scolded the Chinese envoy for this: "Chinese envoy, don't talk anymore. Look, the silk weaving, rice, fermented liquor that the Chinese brought to the Huns must be of good quality and of good quality. What more can you say? If what you give is excellent and of good quality, fine. If it is not excellent and of good quality, if it is bad, wait for the fall, our galloping horses will trample the crops in your fields" (Han Shu, 1997, p. 3760). Goods such as silk and cloth, which were taxed, played a role in the Turks' trade with other countries.

The steppe people, who made raids to open trade and obtain needed products, were seen by the Chinese as greedy. Moreover, the Chinese accused the steppe people of being immoral and dishonest because they did not conform to Chinese values. The Tabgach Emperor Xianwen (reigned 466-471) said of the Rourans: "Rourans are like animals, they are greedy and immoral" (Wei Shu, 1997, p. 2296). Like other steppe peoples, the Rourans were called greedy because they always wanted more from their plundering expeditions or the gifts (or taxes) they received from China. For example, volume 35 of the Wei Shu records the following about the Rourans: "In autumn they gather together with their herds, migrate to the temperate lands in the south to avoid the cold, to plunder" (Wei Shu, 1997, p. 818). The image of the nomads as marauding, parasitic steppe dwellers is essentially the creation of modern scholars. According to Beckwith, this stereotypical understanding is based on distortions of extremely biased Chinese sources. It does not consider the biases and internal contradictions of these sources or the more reliable information appearing in the same sources that contradicts this point of view (Beckwith, 2009, p. 329-330). The idea that the lifestyle of the nomads impoverished them, that they were unable to meet their needs, and that they therefore plundered the settled farmers and wealthy peoples and obtained everything they needed and wanted, is a prejudiced view of the nomads in today.

Centralized State Mentality

The ancient Turkic steppe state, established across vast territories, was firmly centered. At the beginning of the Great Hun State, although the privileges and principalities of the local populations and the tribe lords had not yet completely disappeared, they all seemed to have merged into a strict military discipline. For the Huns, the highest priest was the Hun ruler, as there was no separate high priest or clergy. The sovereign participated in the major sacrificial ceremonies, while minor ceremonies were held in the sovereign's ottoman. Taxation was the most important job after military service, as was also true in later Turkic states. In addition to the accumulation of taxes, interest and even delay penalties of the accumulated taxes were calculated and collected from the trade cities that were attached to the Hun state (Ögel, 2001, p. 64–68). According to Bahaeddin Ögel, all tribes, cities and regions were administered by officials sent from the capi-

tal city. Despite centralization, there were two main characteristics of the ancient Turkic states: i) they showed great tolerance to the local population, and ii) they did not interfere with their daily economic life (Ögel, 2001, p. 134–138). In addition to this, Turkic tribes were sent to each conquered region in masses so those territories could be kept under control. The centralist state understanding was also reflected in the inscriptions. For the Gok-Turks, the center of the world was the Ötüken region. The mountain in the center of Ötüken was believed to be both the pillar of the sky and the axis of the world. It was also the sacred center.

Note:

[1]There is a book written by me on this subject: Yıldırım, 2017.

REFERENCES

Beckwith, Christopher I. 2009. *Empıres Of The Silk Road A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*, Princeton and Oxford: Princeton University.

Bıçak, Ayhan. 2019. *Türk Düşüncesi I Kökenler,* İstanbul: Dergâh.

Bıçak, Ayhan. 2020. *Devlet Felsefesi Eleştiriler ve Öngörüler*, İstanbul: Dergâh.

Cezar, Mustafa. 1977. *Anadolu Öncesi Türklerde Şehir ve Mimarlık*, İstanbul: İş Bankası.

Danilov, S. V. 2004. *Goroda v Koçevıh Obşçestvah Tsentralnoy Azii*, Ulan-Ude.

Donuk, Abdülkadir. 1990. *Türk Hükümdarı*, İstanbul, Türk Dünyası Araştırmaları.

Eberhard, W. 2008. “Orta Asya Göçebe Kavimlerinde Devlet Kurma Süreci”, Trans., O. G. Özgüdenli, *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi*, 18, 1-8.

El-Cahiz Ebu Osman Amr b. Bahr. 1967. *Hilâfet Ordusunun Menkıbeleri ve Türklerin Fazîletleri*, çev. Ramazan Şeşen, Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü.

Ergin, Muharrem. 2009. *Orhun Abideleri*, İstanbul: Boğaziçi.

Gökalp, Ziya. 1975. *Türk Töresi*, İstanbul: Türk Kültür.

Han Shu, 1997. Beijing: Zhonghua Shuju.

İnan, Abdülkadir. 1998. *Makaleler ve İncelemeler*, I, Türk Tarih Kurumu: Ankara.

Jiu Tang Shu. 1997. Beijing: Zhonghua Shuju.

Kafesoğlu, İbrahim. 2004. *Türk Milli Kültürü*, İstanbul: Ötüken.

Kafesoğlu, İbrahim. 2014. *Umumî Türk Tarihi Hakkında Tespitler, Görüşler, Mülâhazalar*, İstanbul: Ötüken.

Kâşgarlı Mahmud. 2006. *Divanü Lûgat-it-Türk*, I, trans. Besim Atalay, Ankara: Türk Dil Kurumu.

Kâşgarlı Mahmud. 2018. *Dîvânu Lugâti't-Türk*, Haz. A. B. Ercilasun-Z. Akkoyunlu, Ankara: Türk Dil Kurumu.

Mardin, Ş. 2004. “Tabakalaşmanın Tarihsel Belirleyicileri: Türkiye'de Toplumsal Sınıf ve Sınıf Bilinci”, *Türkiye'de Toplum ve Siyaset Makaleler 1*, ed. M. Türnöke, İstanbul: İletişim.

Ögel, Bahaeddin. 2000., *Türk Kültür Tarihine Giriş*, I, Ankara: Kültür Bakanlığı.

Ögel, Bahaeddin. 1989. *Türk Mitolojisi*, I, Ankara: Türk Tarih Kurumu.

Ögel, Bahaeddin. 2001., *Dünden Bugüne Türk Kültürünün Gelişme Çağları*, İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı.

Ögel, Bahaeddin. 2003. *İslâmiyetten Önce Türk Kültür Tarihi*, Ankara: Türk Tarih Kurumu.

Ögel, Bahaeddin. 2016. *Türklerde Devlet Anlayışı*, İstanbul: Ötüken.

Soysal, M. O. 2002., *Eski Türk Edebiyatı Metinleri*, Ankara: Milli Eğitim Bakanlığı.

Sümer, F. 1960. “Oğuzlara Ait Destani Mahiyette Eserler”, *Dil ve Tarih Coğrafya Dergisi*, XVII/3-4, 359-455.

Türkdoğan, Orhan. 1981. “Türk Toplumunda Sanayinin Gelişimi”, *Milli Eğitim ve Kültür*, 6, 16-29.

Xin Tang Shu. 1997. Beijing: Zhonghua Shuju.

Yıldırım, Kürşat. 2017. *Bir Zamanlar Türk İdiler Türk Kökenli Çin Aileleri*, İstanbul: Ötüken.

Yıldırım, Kürşat. 2020. "Devlet Aklı Bakımından Bilge Tonyukuk", *Tonyukuk Kitabı*, ed. Kürşat Yıldırım, İstanbul: Türk Ocakları, 381-387.

Yıldırım, Kürşat. 2023. "Eski Türklerde Şehir Yapısı ve Kültürü Üzerine Bazı Değerlendirmeler", *Avrasya İncelemeleri Dergisi*, XII/1, 81-89.

About the Authors:

Yıldırım, Kürşat Prof. Dr., Istanbul University, Faculty of Letters, History Department, Ordu Cad., No: 6, Fatih, İstanbul, Türkiye; kursat.yildirim@istanbul.edu.tr

Yıldırım, Elvin Assoc. Prof., Istanbul Aydın University, Faculty of Science and Literature, History Department, Beşyol, Inönü Cad., No: 38, Küçükçekmece, İstanbul, Türkiye; elvinyildirim@aydin.edu.tr

Информация об авторах:

Куршат Йылдырым, профессор, доктор наук, Стамбульский университет, факультет литературы, кафедра истории, ул. Ordu, № 6, Фатих, Стамбул, Турция; kursat.yildirim@istanbul.edu.tr

Элвин Йылдырым, доцент, Стамбульский университет Айдын, факультет науки и литературы, кафедра истории, ул. Beşyol, Inönü, №: 38, Кучукчекмедже, Стамбул, Турция; elvinyildirim@aydin.edu.tr

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.202.213

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА ТАВРИКИ-КРЫМА В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

© 2024 г. А.М. Байбуртский

Армянские древности Таврики-Крыма рассматриваются как совокупность археологических объектов, включающих материальные свидетельства присутствия армян на территории полуострова в золотоордынское время (середина XIII–XV вв.). Проблематика их выделения из массива средневековых памятников полуострова связана с выявлением в изучаемых комплексах т.н. «этнических маркеров» – объектов эпиграфики, архитектуры, декора. При этом, в археологическом плане материальное наследие крымских армян XIV–XV вв. включает культурные напластования и строительные остатки древних городов, селений, монастырей и могильников. Нижняя хронологическая граница функционирования памятников относится к первой половиной XIV в., а верхняя в большинстве случаев определяется XVI–XVIII вв., что связано с фактом продолжения деятельности армянской общины на полуострове уже в османское время.

Ключевые слова: археологические памятники, Таврика-Крым, армянские древности, золотоордынское время, археологические памятники, этнокультурная атрибуция; хронология.

ARMENIAN COMMUNITY OF TAURICA-CRIMEA IN THE GOLDEN HORDE TIME: ARCHAEOLOGICAL SITES

A.M. Bayburtsky

The Armenian antiquities of Taurica-Crimea are considered as a complex of archaeological sites, including material evidence of the presence of Armenians on the peninsula in the Golden Horde period (middle of the XIII–XV century). The problem of their identification from the array of medieval archeological sites of the peninsula is connected with the detection of so-called "ethnic markers" in the studied complexes – objects of epigraphy, architecture, decoration. At the same time, in archaeological terms, the material heritage of the Armenians in Crimea in the XIV–XV centuries includes cultural strata and construction the remains of ancient cities, villages, monasteries and burial grounds. The lower chronological boundary of the functioning of the sites dates back to the first half of the XIV century, and the upper one in most cases is determined by the XVI–XVIII centuries, that is due to the fact that the Armenian community continued to exist on the peninsula already in the Ottoman period.

Keywords: archaeological sites, Taurica-Crimea; Armenian antiquities, Golden Horde time, ethnic-cultural attribution, chronology.

Изучение материальной культуры христианских этноконфессиональных общин (греки, армяне[1], латиняне)[2] Таврики-Крыма золотоордынского времени (ЗВ) – один из важнейших аспектов археологического исследования средневековых древностей региона, что обусловлено культурной самобытностью перечисленных религиозных групп и их влиянием на исторические процессы, проходившие на территории полуострова и Северного Причерноморья в указанный период (1230–1470 гг.).

Сведения о разных аспектах материальной культуры[3] крымских армян ЗВ[4] содержатся в многочисленных письменных (нарративных и эпиграфических[5]) источниках XIII–XVII вв., прежде всего в армянских[6] и латинских[7]. Согласно им, массовая миграция армянского населения в пределы Таврики-Крыма ЗВ, приходится на конец XIII – первую половину XIV вв. (Байбуртский, 2023). В указанный период многочисленные армянские общины формируются на полуострове во владениях Улуса Джучи и Генуэзкой Газарии – в городах Солхат-Крым (рис. 1: 4) (Кирилко, 2008; Байбуртский, 2019) и Каффа (рис. 1: 1) (Айбабина, Бочаров, 1998, с. 212). Армяне заселяют в них отдельные кварталы (см.: Понамарев, 2000, с. 431) и некоторой частью оседают в сельских округах, ими основыва-

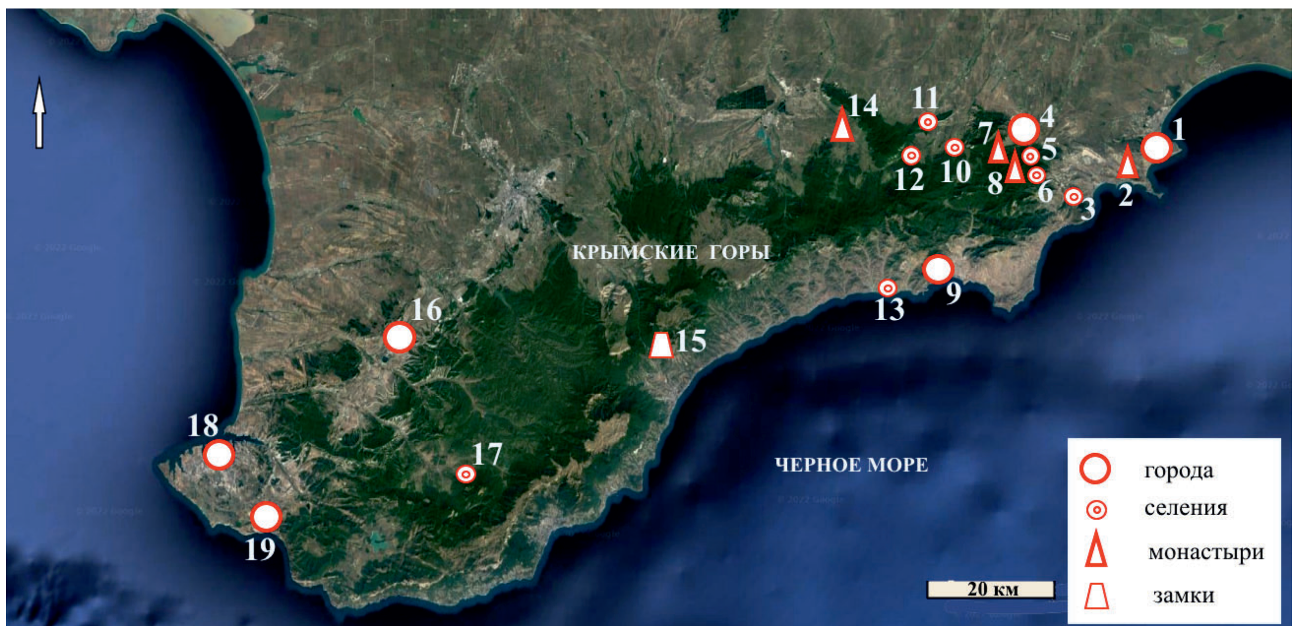

Рис. 1. Спутниковая карта Google Earth южной и юго-восточной части Крымского полуострова с указанием, упоминаемых в статье средневековых городов (1 – Каффа; 4 – Солхат-Крым; 9 – Сугдея-Солдайя; 16 – Бахчисарай; 18 – Херсон; 19 – Чембало), селений с храмами (3 – Падилкой; 5 – Эски-Юрт; 6 – Алан-Тепе 2; 10 – Сала; 11 – Кишлав; 12 – Топлы; 12 – Ай-Фока; 17 – Богатыр), монастырей (2 – св. Иоанна Предтечи; 8 – Сурб Хач; 9 – Сурб Степанос; 14 – св. Спасителя) и замков (15 – Фуна).
Fig. 1. Google Earth satellite map of the southern and southeastern part the Crimean Peninsula with an indication of the medieval cities mentioned in the article (1 – Caffa; 4 – Solkhat-Crimea; 9 – Sugdea-Soldaya; 16 – Bakhchisarai; 18 – Kherson; 19 – Chembalo), settlements with temples (3 – Padilka; 5 – Eski-Yurt; 6 – Alan-Tepe 2; 10 – Sala; 11 – Kishlav; 12 – Toply; 12 – Ai-Foka; 17 – Bogatyr), monasteries (2 – St. John the Baptist; 8 – Surb Hach; 9 – Surb Stepanos; 14 – St. the Savior) and castles (15 – Funa).

ются монастыри. Вероятно, численно пополняется армянская община в Сугдее-Солдайе (рис. 1: 9), старинном византийском портовом поселении, который наряду с Херсоном (рис. 1: 18) являлся одним из древнейших центров расселения армян на полуострове (Коу, 2008, с. 54). К описываемым событиям относится стихотворная памятная запись из Четьих-Миней, переписанных в Крыму писцом Давидом Крымеци в 1690 г., информация из которой, несмотря на очевидные преувеличения в цифрах и историческую недостоверность в отдельных деталях (Хачикян, 2014, с. 30–31, 33–36), характеризует масштабность происшедшего заселения: «Они [армяне – Б.А.М.] поселились… в Феодосии, Газарате[8], Суркате и их окрестностях. Это случилось в 779 году армянского летоисчисления (соответствующее 1330 году от Р. Х.)… умножились, обогатились и наполнили постройками деревни и целые области… покрыли церквями и монастырями равнины и горы, которые простираются от… Карасу-Базара до Сурката (ныне Старый Крым, или Эски-Крым)… построили на этом пространстве сто тысяч домов и тысячу церквей и окружили город Феодосию стеною[9] для защиты от нападения гуннов (турок)» (цит. по: Айвазовский, 1867, с. 552). Как следует из вышеприведенной записи, армяне в XIV в. заселяют значительные территории в Юго-Восточном Крыму, где ими предпринимаются обширные строительные работы. Последнее событие, как и сам факт существования армянской общины в XIV–XV вв. на полуострове, подтверждается многочисленными материальными свидетельствами: это прежде всего сохранившиеся в регионе до наших дней памятники культовой архитектуры, каменной пластики и резьбы. В археологическом плане материальное наследие крымских армян ЗВ включает культурные напластования и строительные остатки древних городов, селений, монастырей и могильников.

Армянские древности Таврики-Крыма, рассматриваемые как совокупность архео-

логических объектов, включающих материальные свидетельства присутствия армян на территории региона в золотоордынское и османское время, в качестве предмета исследования попадают в поле зрения ученых уже с конца XVIII – первой трети XIX вв. (Паллас, 1999, с. 112, 115; Кеппен, 1837, с. 17, 20, 22–23, 27–28, 79–80; и др.). При этом преимущественно изучались памятники архитектуры – отдельные храмовые сооружения и монастырские комплексы с их эпиграфикой и декором. Впервые свод указанных памятников публикуется в 1830 г. М. Бжишкянцем (Бжшкянц, 1830, с. 230–364)[10]. С середины XX в. на полуострове проводятся профильные архитектурные исследования армянских древностей (Якобсон, 1956; Халпахчьян, 2019; и др.), а с 1970-х гг. осуществлялось планомерное и системное археологическое изучение части этих объектов, расположенных на северном и южном макросклоне Крымских гор и у их подножия (рис. 1). Исследования проводились на территории средневековых городов: Каффы (рис. 1: 1) (Айбабина, 1979; 1981; Айбабина, Бочаров, 1997; 1998), Сугдеи-Солдайи (рис. 1: 9) (Майко, Фарбей, 2008), Бахчисарая (рис. 1: 16) (Байбуртский, 2021), Чембало (рис. 1: 19) (Адаксина, Мыц, 2015; 2016) и их посадов и округов – монастырей Сурб Хач (рис. 1: 7, 2) и Сурб Степанос (рис. 1: 8) (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 32–42, 70–77), в долине Двуякорной бухты (рис. 1: 2) (Бочаров, 2019, с. 748) и др. поселений – Эски-Юрт (рис. 1: 5) (Гаврилов, 2008, с. 350–353), Сала и Кишлав (Бор-Кая) (рис. 1: 10–11) (Байбуртский, 2008; Гаврилов, 2008, с. 366), Падилкой (Карадаг) (рис. 1: 3) (Тур, 1999), Богатыр (рис. 1: 17) (Белый и др., 1993) и др. По результатам указанных исследований из массива средневековых армянских памятников Таврики-Крыма учеными выделяется группа историко-археологических объектов ЗВ.

Наиболее полные и актуальные обобщающие сведения об армянских памятниках ЗВ на полуострове, как сохранившихся, так и утраченных, приводит В.П. Кирилко в обзоре золотоордынской архитектуры Крыма (Кирилко, 2016, с. 454–485). По Солхат-Крыму (рис. 1: 4) автор, основываясь на данных С. Палласа, И. Лютова, М. Бжишкяна, М. Иванова и исследованиях М.Г. Крамаровского, локализует на городище христианские/армянские кварталы с шестью храмами (Кирилко, 2016, с. 454–463, рис. 376–379). В округе города им дается описание монастырей Сурб Хач (рис. 1: 7, 2) и Сурб Степанос (рис. 1: 8), храмов на поселениях Эски-Юрт (рис. 1: 5) и Алан-Тепе 2 (рис. 1: 6), расположенных на склонах горы Грыця (Св. Креста) (Кирилко, 2016, с. 463–467, рис. 381–386). В Каффе (рис. 1: 1) – храмов св. Сергия, св. Архангелов, св. Иоанна Предтечи и св. Стефана, и в округе города – монастыря св. Иоанна Предтечи в Двуякорной бухте (рис. 1: 2) и храма на поселении Падилкой (Карадаг) на горе Сююрю-Кая (рис. 1: 3) (Кирилко, 2016, с. 468, 473, рис. 387, 392–394). В Сугдее-Солдайе (рис. 1: 9) и в округе в перечень включены храмы у XI куртины и в портовой части городища, св. Георгия на склоне одноименной горы и на мысе Ай-Фока на территории поселения XIII–XV вв., расположенного к востоку от села Морское (рис. 1: 13) (Кирилко, 2016, с. 467–468, 471–472, рис. 388, 390–391). Приведенный выше список дополним: в Каффе – храмами второй половины XIV – XV вв. св. Георгия и св. Иоанна Богослова, на территории последнего проводились раскопки в 1977–1978 гг. (Айбабина, 1979); в Кишлавской котловине[11] – пещерным храмом на поселения Кишлав XIII–XV вв. на юго-западном склоне горы Бор-Кая (рис. 1: 11) (Гаврилов, 2008, с. 366; Байбуртский и др., 2012).

По остальным известным в Крыму армянским памятникам культовой архитектуры, к примеру, храмам св. Сергия и св. Урпата в Топлах (современная Тополевка) (рис. 1: 12) и в монастыре св. Спасителя[12] в Бахчи-Эли (современное Богатое) (рис. 1: 14), проверенные археологические данные по их хронологии (ранее XVI в.) отсутствуют. Данные отсутствуют или недостаточны для анализа и по поселенческим объектам в регионе там, где их возможно территориально связать с армянским присутствием, к примеру, квартальная застройка Каффы и Солхат-Крыма. Слои ЗВ на указанных памятниках на значительных площадях перекрыты или уничтожены поздними напластованиями и недоступны для исследования. По тем же причинам специально не изучались и армянские погребальные памятники ЗВ (грунтовые могильники), за исключением отдельных артефактов – надгробных плит (Каковкин, 1982).

Этнокультурная атрибуция памятников. Проблематика выделения армянских древно-

Рис. 2. Монастырь Сурб Хач. Вид на храм Сурб Ншан (1358 г.) и притвор с юго-востока. Фото Н. Н. Клепинина, 1900-е гг.
Fig. 2. Surb Khach monastery. View of the Surb Nshan temple (1358) and the vestibule from the south-east. Photo by N. N. Klepinin, 1900s.

стей из массива средневековых памятников полуострова с начала их изучения связывалась с выявлением (присутствием) в археологических комплексах т. н. «этнических маркеров». Таковыми исследователи определяли объекты: эпиграфики – лапидарные памятники, созданные на армянском языке (рис. 4: Б, 5); архитектуры – культовые здания, выполненные в определенных объемно-планировочных и литургических решениях (рис. 2–3: 1–2); каменной резьбы, металлопластики и иконографии – хачкары (крест-камни) (рис. 5), сюжетные рельефы, образцы настенной живописи и т. д. Перечисленные объекты являются неотъемлемыми компонентами средневековой материальной культуры армян Крыма – рассмотренные в совокупности, они и определяют базовые признаки «армянских древностей».

В контексте вопроса этнокультурной атрибуции памятников примечательно заключение, сделанное В.П. Кирилко на примере св. Архангелов в Каффе и в монастыре св. Спасителя в Бахчи-Эли. Он характеризует армянское зодчество позднесредневековой Таврики-Крыма как «достаточно специфическое явление», сформированное в условиях поликонфессиональной культурной среды. Как проявление данного явления, в частности, отмечается влияние армянских мастеров на православную культовую архитектуру на территории Феодоро (надвратная церковь XV в. в укреплении Фуна (рис. 1: 15) и др.) и в Генуэзкой Газарии (Кирилко, 2016, с. 468–470, 474 –485). В связи с чем принадлежность некоторых памятников к армянским отрицается или подвергается сомнению. Примеры: Храм середины XIV – начала XV вв. с могильником на ул. Полины Осипенко в Старом Крыму (городище Солхат-Крым (рис. 1: 4)), исследованный в 1985–1986 гг. М. Г. Крамаровским. По результатам раскопок ученый конфессионально определил его греческим, как и прилегающий к нему могильник (Крамаровский, 2004; 2012, с. 67). При этом ряд авторов, основываясь на письменных, картографических и архитектурных источниках, относят здание к армянским памятникам (Якобсон, Таманян, 1992, с. 49–50; Кирилко, 2008, с. 41–43; Халпахчьян, 2019, с. 57–61; и др.). Храм XIV(?)–XV вв. на поселении Падилкой (Карадаг) (рис. 1: 3), исследователь которого В.Г. Тур по итогам раскопок памятника 1998 г. писал, что его «трактовка… как «армянской церкви» пока не нашла подтверждения, т. к. в данном строении не прослеживается особенностей армянской церковной архитектуры» (Тур, 1999, с. 238). Данный вывод автор делал безотносительно более ранних находок на памятнике строительных надписей на армянском языке (Халпахчьян, 2019, с. 275).

Хронология и периодизация памятников. Материалы раскопок храма Иоанна Предтечи в Каффе (Айбабина, 1981), монастырей – в Двуякорной долине (Бочаров, 2019, с. 748), Сурб Хач и Сурб Степанос в округе Солхат-Крыма (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 32–43, 70, 75–76) в комплексе со строительными и посвятительными надписями обозначают время основания перечисленных обителей первой половиной – серединой XIV в. Для остальных из перечисленных в настоящей

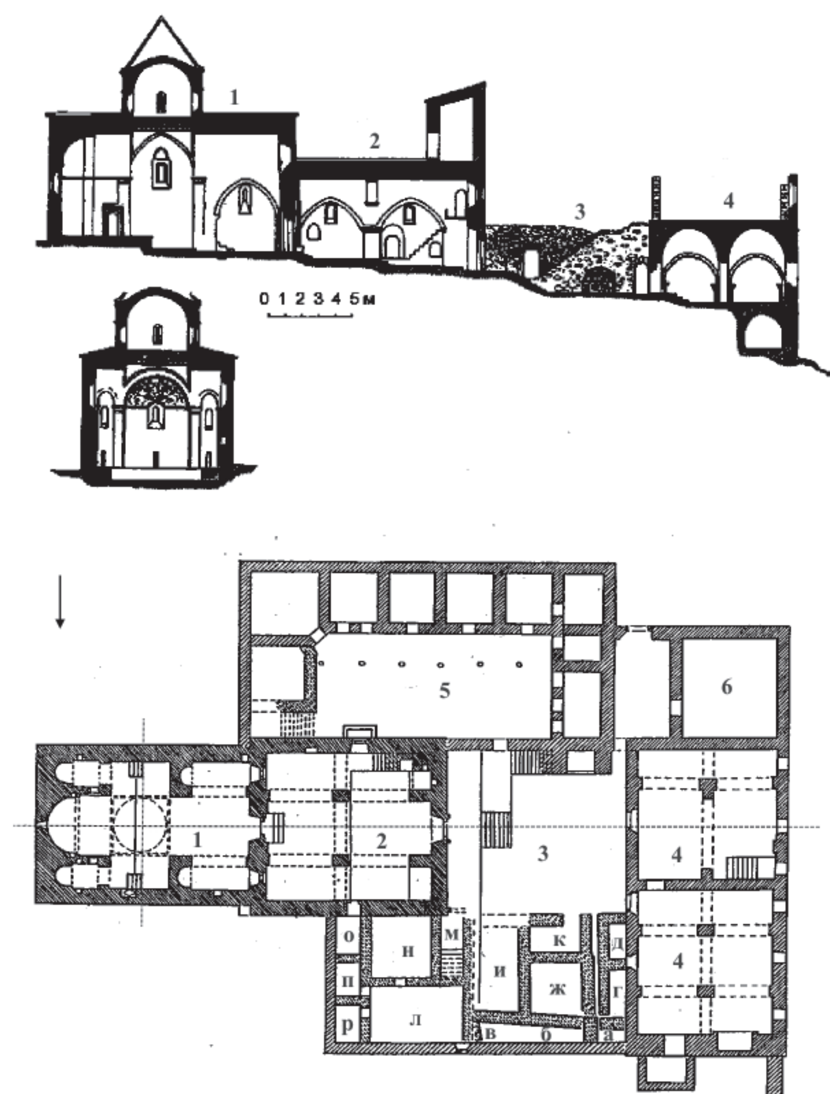

Рис. 3. Монастырь Сурб Хач. Общий план, продольный разрез храма, притвора, центрального двора, трапезной и поперечный храма (по В. А. Сидоренко): 1 – храм; 2 – притвор; 4 – трапезная; 5 –братский корпус с двориком; 6 – предвратный комплекс; 3 – центральный двор с строительными остатками, открытыми в 1973, 1976, 1979 гг.
Fig. 3. Surb Khach monastery. General plan, longitudinal section of the temple, vestibule, central courtyard, refectory and cross section of the temple (after V. A. Sidorenko): 1 – temple; 2 – vestibule; 4 – refectory; 5 – brethren's building with courtyard; 6 – entrance complex; 3 – central courtyard with building remains, discivered in 1973, 1976, 1979.

публикации армянских памятников ЗВ узкие датировки затруднительны либо они более поздние и по времени начала функционирования относятся ко второй половине XIV – середине XV вв. Верхняя граница для изучаемых древностей в большинстве случаев выходит за хронологические рамки ЗВ и определяется в пределах XVI–XVIII вв. Данное обстоятельство обуславливает многослойный характер культурных напластований на памятниках и напрямую связано с фактом продолжения деятельности армянской общины на полуострове уже в османское время, вплоть до переселения 1778 г.

Проиллюстрируем данный тезис материалами раскопок центрального двора монастыря Сурб Хач (рис. 3: 3), проведенных в 1973, 1976 гг. О.И. Домбровским, О.А. Махневой и В.А. Сидоренко (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 94–102; Сидоренко, 1988, с. 121–122; Бабаян, Корхмазян, 2000, с. 28, рис. 2а). В ходе раскопок были прослежены слои XIV–XIX вв. и зафиксированы разновременные строительные остатки, ориентация которых совпала с направлениями осей храма. По результатам работ были выделены два ранних строительных периода, последний из которых, вероятно, предшествовал постройке трапезной

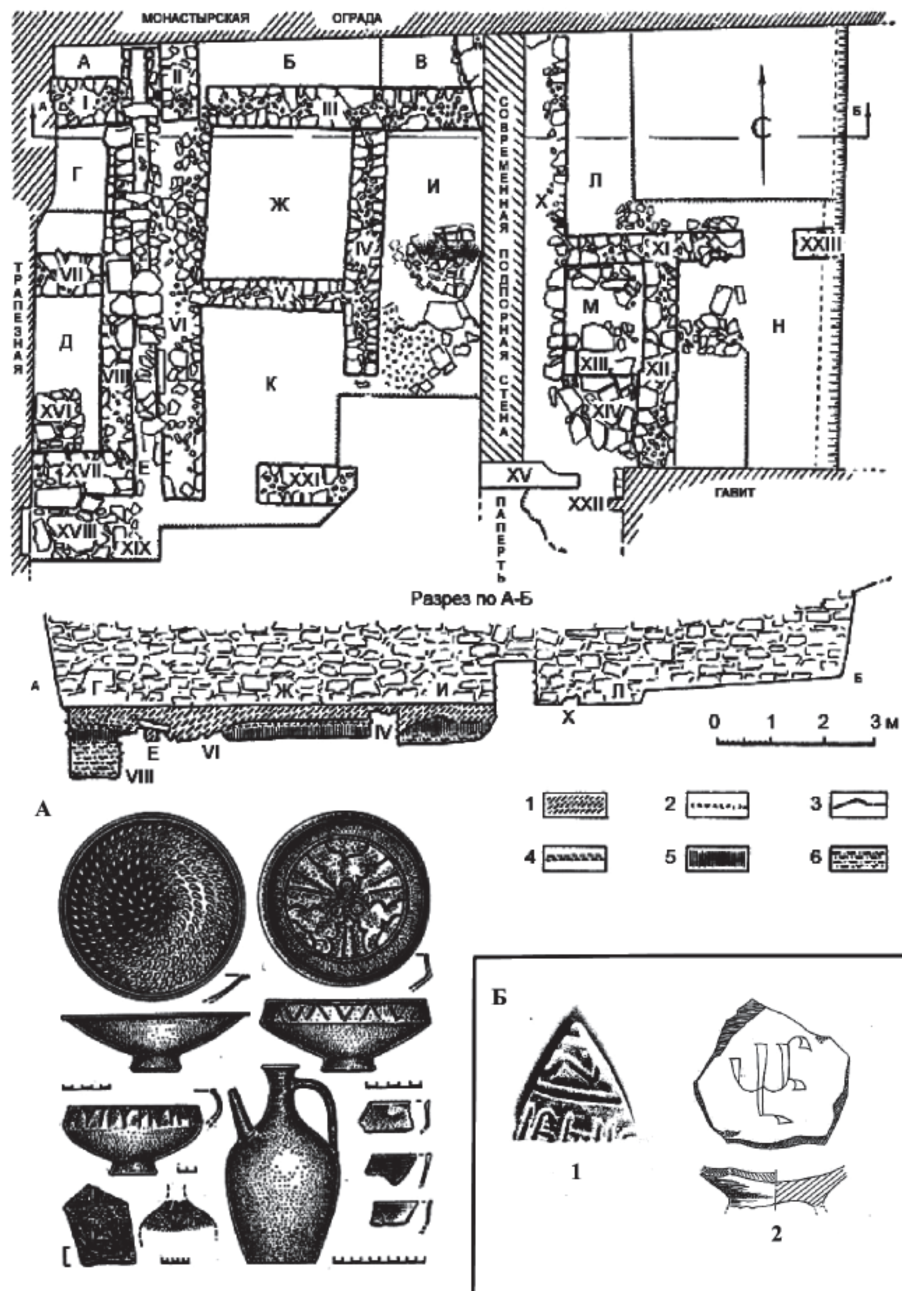

Рис. 4. Монастырь Сурб Хач. **А.** Раскопки 1973, 76 гг. в центральном дворе (по О. И. Домбровскому, В. А. Сидоренко). 1 – поверхностный слой темно-серой окраски; 2 – строительный мусор и известковый раствор; 3 – прослойка гари; 4 – прослойка керамического боя; 5 – темно-серый слой с фрагментами керамики; 6 – глинистый слой с керамикой XIII–XIV вв. Керамика из раскопок. **Б.** Фрагменты керамических сосудов с надписями на армянском языке: 1 – по Ф. С. Бабаян; 2 – по А. Г. Герцену, В. А. Сидоренко.

Fig. 4. Surb Hach monastery. A. Excavations in 1973, 1976 in the central courtyard (after O.I. Dombrovsky, V.A. Sidorenko). 1 – dark gray surface layer; 2 – construction waste and lime mortar; 3 – streak of cinder; 4 –layer of ceramic breakage; 5 – dark gray layer with ceramic fragments; 6 – clay layer with ceramics of the XIII–XIV centuries. Ceramics from the excavations. Б. Fragments of ceramic vessels with inscriptions in Armenian: 1 – after F.S. Babayan; 2 – after A.G. Gertsen, V.A. Sidorenko.

(не позднее первой половины XVIII вв.). Фундаменты сооружений первого периода, к которым была отнесена стена 3 и смежные помещения «Ж», «К», впущены в глинистый нижний слой с керамикой XIV в. (рис. 4: А, 6). Датировка подтверждалась находкой в слое золотоордынской серебряной монеты XIV в. Вышеперечисленные сооружения утратили свое значение одновременно, но задолго до строительства сооружений второго периода,

Рис. 5. Храм монастыря Сурб Степанос. Раскопки 1994 г. Строительный блок с рельефным изображением процветшего креста (хачкар) с надписью 1460 гг., врезными крестами и граффити (фонды ЛХМ). Известняк. Размеры: высота 0,33 м, ширина 0,4 м, толщина 0,24 м. Рельеф 0,2–0,3 см.
Fig. 5. Church of the St. Stepanos monastery. Excavations in 1994. Building block with a relief image of a flourishing cross (khachkar) with an inscription of 1460, carved crosses and graffiti (funds of LHM). Limestone. Sizes: height 0.33 m, width 0.4 m, thickness 0.24 m. Relief is 0.2–0.3 cm.

которыми они частично были перекрыты. Прекращение функционирования последних стратиграфически привязывается к прослойке пожара, перекрывшей значительную часть двора и датированной по монетам Крымского ханства не ранее 1740 гг.[13] (рис. 4: А, 3). Выше нее в слое зафиксирован материал конца XVIII – XIX вв. (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 95–99). Выводы, сделанные учеными, подтвердились и по результатам раскопок 1993 г., проведенных Ф.С. Бабаян в верхнем ярусе центрального двора на участке, не затронутом предшествующими исследованиями. По итогу работ в толще культурных напластований было выделено два самостоятельных слоя. В верхнем из них залегала медная монета XVII в., а в нижнем – фрагменты двух десятков керамических сосудов XIV в. и медная монета времени хана Тохтамыша (1376–1395 гг.) (Бабаян, Корхмазян, 2000, с. 25–28, рис. 2а, 17).

В заключение отметим, что хронология и периодизация памятника, установленные по результатам раскопок в центральном дворе монастыря Сурб Хач в общих чертах, отражают основные этапы развития материальной культуры крымских армян XIV–XVIII вв., которые в свою очередь напрямую соотносятся с культурно-историческими процессами, протекавшими на полуострове в указанное время.

Примечания:

[1] Армянский этнический массив в Крыму ЗВ конфессионально был неоднороден (Свод…, 2010, с. 9). Армяне по вероисповеданию относились к пастве Армянской апостольской церкви – численно преобладавших армян-монофиситов («hайк»), выделяемых в отдельную этноконфессиональную группу «армяне», Папской курии – армян-католиков («франк»), и Вселенского патриарха – армян-халкидонитов («hай-hором», «цаты»).

[2] О сосуществовании в Крыму ЗВ перечисленных этноконфессиональных групп на примере христианской общины Солхат-Крыма см.: Крамаровский, 2022.

[3] Включающей: поселенческие комплексы – города (квартальная застройка и фортификационное строительство), селения, укрепления, монастыри с сельскохозяйственной и ремесленной округами с коммуникационными системами жизнеобеспечения (поселенческая структура), погребальные комплексы – грунтовые могильники; культовую и гражданскую архитектуру с конструктивными и декоративными элементами; изделия каменной пластики и резьбы (хачкары, надгробные плиты и стелы, рельефы); ритуальные изделия, украшения, орудия труда, оружие, элементы одежды, бытовую утварь и средства передвижения.

[4] В их числе сведения о путях миграций армянского населения в средневековый Крым, география расселения, численность и род его занятий на полуострове, названия изучаемых археологических объектов, даты их возникновения или существования, в отдельных случаях их описание и сведения из строительной истории.

[5] Представлены надписями, высеченными или вырезанными в стенах зданий, на надгробных и закладных плитах и выгравированными на керамических и металлических изделиях (текстами, монограммами) строительного, посвятительного и поминального характера.

[6] Памятные записи на полях рукописей (hишатакараны), стихотворные поэмы, исторические хроники XIV–XVIII вв.

[77] Нотариальные акты и массарии XIII–XV вв., статуты Каффы 1316, 1449 гг. и т. д.

[8] Казарат – «городо-село» в окрестностях Солхат-Крыма (Бжшкянц, 1830, с. 328; Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 89–91).

[9] Территория Феодосийского Карантина, известного из средневековых армянских письменных источников под названием Айоц Берд (Армянская крепость) (Бжшикянц, 1830, с. 333).

[10] В книге «Путешествие в Польшу и другие места, населенные армянами, выходцами из древнего столичного города Ани…», изданной в 1830 г. в Венеции на грабаре. В ней автор дает подробный обзор (местоположение, топография, архитектура, эпиграфика) армянских древностей, расположенных на полуострове от Армянского Базара до Керчи. Часть указанной книги под названием «Армянские древности Таврического полуострова» с отдельными главами, посвященными Армянскому Базару, Карасу-Базару, району от последнего до Судака, Эски-Крыму и монастырю Сурб Хач, была переведена на русский язык Х. Кушнеровым и опубликована в 1877 г. (Кушнеров, 1877, с. 441–451).

[11] Сельский район компактного проживания армян до переселения 1778 г.

[12] Датировка здания храма XIV в. не обоснована (см: Кирилко, 2016, с. 469).

[13] Масштабные разрушения сооружений монастыря в указанное время, в том числе и вследствие пожара, вызвали необходимость проведения общих восстановительных работ обители в 1751 г. (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 23–24, 66).

ЛИТЕРАТУРА

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2014 году / Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XII. СПб., Севастополь: ГЭ, 2015. 204 с.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2015 году / Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XIII. СПб., Севастополь: ГЭ, 2016. 166 с.

Айбабина Е.А. Раскопки средневековой армянской церкви Иоанна Богослова в Феодосии // Тезисы IV Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении. Ереван, 1979. С. 153–154.

Айбабина Е.А. Плиты с рельефами из раскопок церкви Иоанна Предтечи в Феодосии // Вестник общественных наук. 1981. № 6. С. 86–92.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. / Отв. ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Сонат, 1997. С. 16–18.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. 1998. № 57. С. 211–233.

Айвазовский Г. Заметка о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. Т. VI.Одесса, 1867. С. 550–557.

Бабаян Ф.С., Корхмазян Э.М. Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван: Гитутюн, 2000. 244 с.

Байбуртский А.М. Новые данные по истории средневековой армянской общины в Кишлавской котловине. Поселения Бор-Кая и Сала // МАИАСК. Вып. 1. / Ред.-сост. В.В. Хапаев, М.М. Чореф. Севастополь, 2008. С. 77–88.

Байбуртский А.М. Армянская община Солхат-Крыма в золотоордынское время // Азак и мир вокруг него: материалы Международной научной конференции (14–18 октября 2019 года, г. Азов) / Отв. ред. Е. Е. Мамичев. Азов: Азовский музей-заповедник, 2019. С. 35–37.

Байбуртский А.М. Храм Григория Просветителя XVII–XVIII вв. с армянским кладбищем на улице Пушкина в Бахчисарае: краткий обзор результатов археологического исследования культового комплекса в 1996–2003, 2020 г. // История и археология Крыма. Вып. XIV/ Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 259–292.

Байбуртский А.М. О переселение армян в Крым XIII – XIV вв. К историографии вопроса и археологический аспект // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29–5 июня 2023 г) Т. 1 / Отв. ред. В.В. Лебединский; ред. сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. М.: ИВ РАН, 2023. С. 18–22.

Байбуртский А.М., Джанов А.В., Днепровский Н.В., Фарбей А.М. Культовое пещерное сооружение в урочище Бор-Кая // МАИАСК. 2012. № 4. С. 207–242.

Байбуртский А.М., Тимиргазин А.Д. Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму. Монастыри Сурб Хач и Сурб Степанос, поселения Эски-Юрт и Алан-Тепе 2. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. 180 с.

Белый А.В., Белый О.Б., Лобода И.И. Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма / Отв. ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1993. С. 161–165, 375–377.

Բժշկեանց Մ: (Бжишкянц М.) Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան եւ այլ կողմանս բնակեալս ի հայազանց, սերելոց ի նախնեաց Անի քաղաքին, շարադրեալ հանդերձ զանազան բանասիրական տեղեկութեամբք: (Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани). Венеция: Тип. монастыря Святого Лазаря, 1830. 424 с. (на арм. яз.).

Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275-1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 741–770.

Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. Вып. III / Гл. ред. Н.М. Куковальская. Киев-Судак: Академпериодика, 2008. С. 331–384.

Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: Таврия, 1978. 126 с.

Каковкин А.Я. Новый памятник армянской эпиграфики из Крыма // Историко-филологический журнал. 1983. № 3. С. 231–234.

Кеппен П. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская академия наук, 1837. 408 с.

Кирилко В.П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1 / Ред. Т.А. Авакян. Симферополь: Феникс, 2008. С. 37–43.

Кирилко В.П. Архитектура Золотоордынского Крыма // Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. Т. 1 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 420–496.

Коу П. Религиозное значение армянской общины в Крыму в XIII–XV столетиях // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1 / Ред. Т.А. Авакян. Симферополь: Феникс, 2008. С. 54–59.

Крамаровский М.Г. Средневековая базилика на городище Солхата // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвящённой памяти А. В. Банк / Ред. В.Н. Залесская. СПб.: ГЭ, 2004. С. 68–76.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Крамаровский М.Г. Христианская община Солхата XIII-XIV веков: принципы формирования и векторы развития // Византия в контексте мировой культуры / Труды Государственного Эрмитажа. Т. CXIII / Ред. В.Н. Залесская. СПб.: ГЭ, 2022. С. 223–252.

Кушнеров Х. Армянские древности Таврического полуострова // ЗООИД. Т. X, отд. 3. Одесса, 1877. С. 441–451.

Майко В.В., Фарбей А.М. Армянские памятники средневекового Судака // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1 / Ред. Т.А. Авакян. Симферополь: Феникс, 2008. С. 60–65.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.

Пономарев Л.А. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. Вып. 4 / Ред. С.П. Карпов. М., СПб.: Алетейя, 2000. С. 317–443.

Свод армянских памятных записей 14–15 вв., относящихся к Крыму и сопредельным регионам / составление, русский перевод, введение и примечания Т. Э. Саргсян. Симферополь: Сонат, 2010. 312 с.

Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Под ред. С.Н. Бибикова. Киев: Наукова думка, 1988. С. 115–128.

Тур В.Г. Археологические исследования средневекового христианского храма на горе Сююрю-Кая (Карадаг) // Vita antiqua. Київ, 1999. № 2. С. 235–239.

Халпахчьян О.Х. Архитектура крымских армян / сост., автор коммент. и научн. ред. Т. Э. Саргсян. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2019. 380 с.

Хачикян Л.Х. Армяне в древней Москве и на путях ведущих в Москву. Ереван: Наири, 2014. 164 с.

Якобсон А.Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. 1956. Т. VIII. С. 166–191.

Якобсон А.Л., Таманян Ю.А. Армянская архитектура в Крыму. Ереван: Айастан, 1992. 60 с.

Информация об авторе:

Байбуртский Аркадий Михайлович, младший научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); surbhachark@rambler.ru

REFERENCES

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2014 godu Report on archaeological research of the medieval fortress of Chembalo (Balaklava) in 2014).* Series: Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition) 12. Saint Petersburg; Simferopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2016. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v* 2015 *godu Report on archaeological research of the medieval fortress of Chembalo (Balaklava) in* 2015*).* Series: Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition) 13. Saint Petersburg; Simferopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Aibabina, E. A. 1979. *Tezisy IV Respublikanskoi nauchnoi konferentsii po problemam kul'tury i iskusstva Armeni (Abstracts of papers of the IV Respublican scientific conference on the issues of culture and art of Armenia).* Erevan, 153–154 (in Russian).

Aibabina, E. A. 1981. *Vestnik obshchestvennykh nauk (Bulletin of social sciences)* 6, 86–92 (in Russian).

Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 1997. In Kutaisov, V. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Archaeological Studies in the Crimea).* Simferopol: “Sonat” Publ., 16–18 (in Russian).

Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 1998. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (57), 211–233 (in Russian).

Aivazovsky, G. 1867. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 10. Odessa, 550–557 (in Russian).

Babayan, F. S., Korkhmazyan, E. M. 2000. *Armianskie monastyri Surb Khach i sviatogo Stepanoca bliz goroda Staryi Krym (Surp Khach and Saint Stepanos Armenian monasteries near the city of Staryi Krym).* Erevan: “Gitutyun” Publ. (in Russian).

Baiburtsky, A. M. 2008. In Khapaev, V. V., Choref, M. M. (eds.). *Materialy po istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the history of ancient and medieval Crimea)* 1. Sevastopol, 77–88 (in Russian).

Baiburtsky, A. M. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego* (*Azak and the World Around It*). Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 35–37 (in Russian).

Baiburtsky, A. M. 2021. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* XIV. Simferopol: “Arial” Publ., 259–292 (in Russian).

Baiburtsky, A. M. 2023 In Lededinsky, V. V. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka (Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East)*. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 18–22 (in Russian).

Baiburtskii, A. M., Dzhanov, A.V., Dneprovskii, N.V., Farbei, A.M. 2012. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea)* 4. Sevastopol'–Tiumen', 207–242 (in Russian).

Baiburtskii, A. M., Timirgazin, A. D. 2008. *Armyanskie drevnosti gornykh massivov Svyatogo Kresta i Machuk v Vostochnom Krymu. Monastyri Surb Khach i Surb Stepanos, poseleniya Eski-Yurt i Alan-Tepe 2. (Armenian antiquities of the mountain massifs of the Holy Cross and Machuk in the Eastern Crimea. Surb Khach and Surb Stepanos monasteries, Eski-Yurt and Alan-Tepe 2 settlements).* Simferopol: “Predpriiatie Feniks” Publ. (in Russian).

Belyi, A. V., Belyi, O. B., Loboda, I. I. In Mogarichev, Yu. B. (ed.). 1993. *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma (History and Archaeology of South-Western Crimea).* Simferopol: “Tavriia” Publ., 161–165, 375–377 (in Russian).

Բժշկեանց Մ: (Bzhshkiants M.) 1830. *Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան եւ այլ կողմանս բնակեալս ի հայազանց, սերելոց ի նախնեաց Անի քաղաքին, շարադրեալ հանդերձ զանազան բանասիրական տեղեկութեամբք (Journey to Poland and other places inhabited by Armenians descended from ancestors from the city of Ani).* Venetsiia (in Armenian).

Bocharov, S. G. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde).* 2. Kazan; Chisinau: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 741–770 (in Russian).

Gavrilov, I. B. 2008. In Kukovalskaya, N. M. (ed.). *Sugdejskii sbornik (Sugdaia Collection)*. 3. Kiev; Sudak: “Akademperiodika” Publ., 331–384 (in Russian).

Dombrovskii, O. I., Sidorenko, V. A. 1978. *Solkhat i Surb-Khach (Solhat and Surb-Hach).* Simferopol: “Tavriia” Publ. (in Russian).

Kakovkin, A. Ya. 1983. In *Istoriko-filologicheskiy zhurnal (Historical and Philological Journal)* 3, 231–234 (in Russian).

Keppen, P. I. 1837. *Krymskii sbornik (Crimean Collection).* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Kirilko, V. P. 2008. In Avakyan, T. A. (ed.). *Issledovaniya po armenistike v Ukraine (Armenian studies in Ukraine)* 1. Simferopol: “Feniks” Publ., 37–43 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 420–496 (in Russian).

Kou, P. 2008. In Avakyan, T. A. (ed.). *Issledovaniya po armenistike v Ukraine (Armenian studies in Ukraine)* 1. Simferopol: “Feniks” Publ., 54–59 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2004. In Zalesskaya, V. N. (ed.). *Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury: materialy konferencii, posvyashchennoj pamyati A.V. Bank (Byzantium within the Context of World Culture. Proceedings of the conference dedicated to the memory of A.V. Bank.* Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 68–76 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: “Evraziya” Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2022. In Zalesskaya, V. N. (ed.). *Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury (Byzantium within the Context of World Culture).* Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum) CXIII. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 223–252 (in Russian).

Kushnerov, Kh. 1877. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 10. Odessa, 441–451 (in Russian).

Maiko, V.V., Farbei, A.M. 2008. In Avakyan, T. A. (ed.). *Issledovaniya po armenistike v Ukraine (Armenian studies in Ukraine)* 1. Simferopol: “Feniks” Publ., 60–65 (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. (Observations made during a Journey across the Southern Governorates of the Russian State in 1793–1794).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ponomarev, L. A. 2000. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor’e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 4. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 317–443 (in Russian).

Sargsyan, T. E. 2010. (comp.). *Svod armyanskikh pamyatnykh zapisey 14–15 vv., otnosyashchikhsya k Krymu i sopredel'nym regionam* (*Code of Armenian aide-memoirs of the 14th-15th centuries related to the Crimea and neighboring regions)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

Sidorenko, V. A. 1988. In Bibikov, S. N. (ed.). *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural and Archaeological Studies in the Crimea).* Kiev: “Naukova dumka” Publ., 115–128 (in Russian).

Tur, V. G. 1999. *Vita antiqua* (2), 235–239 (in Russian).

Khalpakhch'yan, O. Kh. 2019. *Arkhitektura krymskikh armyan (Architecture of Armenians in Crimea)*. Simferopol: I. Gasprinsky Media Center (in Russian).

Khachikyan, L. Kh. 2014. *Armyane v drevney Moskve i na putyakh vedushchikh v Moskvu (Armenians in ancient Moscow and on the routes leading to Moscow).* Erevan: “Nairi” Publ. (in Russian).

Yakobson, A. L.1956. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (8), 166–191 (in Russian).

Yakobson, A. L., Tamanyan, Yu. A. 1992. *Armyanskaya arkhitektura v Krymu (Armenian architecture in Crimea).* Erevan: “Aiastan” Publ. (in Russian)

About the Author:

Bayburtsky Arkadiy M. Junior research scientist of the Department of medieval archeology Institute of Archeology of the Crimea RAS, Akad. Avenue Vernadsky, 2, Simferopol, 295007, Russian Federation; surbhachark@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 94(47).31 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.214.224

ГОРНАЯ ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТАВРИКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА(ПО ДАННЫМ НАРРАТИВНЫХ И ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XIII–XIV ВВ.)[1]

©2024 г. П.В. Кузенков, Ю.М. Могаричев

В статье рассматривается один из наименее изученных периодов в истории Горной Юго-Западной Таврики, 2-я половина XIII в. В этот период происходит коренная трансформация политической системы всего Причерноморского региона, началом которой послужило разрушение Византийской империи в 1204 г., а катализатором выступили монгольские завоевания. Начиная с 20-х гг. XIII в., Крымский полуостров подвергается вторжениям армий Чингисхана и его потомков, однако процесс его интеграции в структуру Улуса Джучи (Золотой Орды) протекает неравномерно и растягивается на многие десятилетия. На основе комплексного анализа нарративных и эпиграфических источников авторы изучают специфику ранней фазы золотоордынского периода на территории Горного Юго-Западного Крыма, где представлены такие значительные археологические памятники, как Эски-Кермен и Мангуп. Сделаны выводы о том, что в рассматриваемый период регион сохранял определенную форму независимости от ханской власти и управлялся местными полиэтничными элитами, которые сохраняли приверженность греческому православному христианству, но при этом стремились вписаться в формирующийся привилегированный класс Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, средневековый Крым, Золотая Орда, Крымская Готия, греческая эпиграфика, Мангуп, Эски-Кермен, элиты, титул бег/бек/бей.

MOUNTAINOUS SOUTHWESTERN TAURICA AT THE INITIAL STAGE OF THE GOLDEN HORDE PERIOD (ACCORDING TO NARRATIVE AND EPIGRAPHIC SOURCES OF THE XIII–XIV CENTURIES)[2]

P.V. Kuzenkov, Yu.M. Mogarichev

The article deals with one of the least studied periods in the history of mountainous southwestern Taurica, the second half of the XIII century. During this period, a radical transformation of the political system of the whole Black Sea region took place, which began with the destruction of the Byzantine Empire in 1204, and the catalyst was the Mongol conquests. Since the 1320s, the Crimean peninsula was subject to invasions by the armies of Genghis Khan and his descendants, but the process of its integration into the Ulus of Jochi (Golden Horde) proceeded unevenly and stretched over many decades. The study, based on a comprehensive analysis of narrative and epigraphic sources, focuses on peculiarities of the early phase of the Golden Horde period in history of the mountainous southwestern Crimea, where such significant archaeological sites as Eski Kermen and Mangup are located. The conclusion is made, that during this period the region maintained a certain form of independence from the khans' power and was ruled by local multi-ethnic elites who still adhered to Greek Orthodox Christianity, but at the same time sought to fit into the emerging privileged class of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, medieval Crimea, Golden Horde, Crimean Gothia, Greek epigraphy, Mangup, Eski Kermen, elites, title beg/bek/bey.

История Горной Юго-Западной Таврики XIII в. является одним из малоизученных периодов крымского средневековья. С эпохи раннего средневековья данный регион (известный по византийским источникам как страна Дори, Готия, Климаты) пребывал в составе Византийской империи. После взятия в 1204 г. крестоносцами Константинополя и распада Византии часть бывших византийских владений в Таврике попала под власть

1 Работа подготовлена (П.В. Кузенковым) в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования РФ, соглашение № 075-15-2022-1130.

2 Research is conducted (by P.V. Kuzenkov) at the Sevastopol State University and supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, agreement No. 075-15-2022-1130.

империи Великих Комнинов с центром в Трапезунде. Как показывают источники, по крайней мере до середины 20-х гг. XIII в. сюда поступали ежегодные подати с Херсона и т. н. Климатов Готии (Карпов, 2007, с. 413–414). Однако, несмотря на то, что «Заморье» оставалось в титулатуре Великих Комнинов вплоть до XV в., степень их контроля над территориями Горной Таврики не могла быть значительной, особенно после утраты Синопа, который с 1214 г. (хотя и с перерывами) находился во владении Сельджукидов Рума.

В поствизантийской Таврике резко усилился процесс упадка политико-административных структур, наметившийся уже в предшествующий период. Он характеризовался переходом власти в руки местной аристократии, усилением локальных динатов, «приватизацией» функций государства (Степаненко, 2018, с. 714–716; Цукерман, 2019, с. 243–244). В первые десятилетия XIII в. автономизация бывших византийских владений в Таврике проходила на фоне усиления военной активности Румского султаната, в результате которой под контроль Коньи попал важнейший в то время центр трансчерноморской торговли — Сугдея (Судак) (Мыц, 2023, с. 84–96). Однако дальнейшая экспансия Сельджукидов была прервана появлением в регионе намного более могущественной политической силы.

Зимой 1222/23 г. в Крыму появились передовые отряды армии Чингисхана; следующее вторжение произошло зимой 1238/39 г. Начался процесс интеграции полуострова во владения Великой Монгольской империи и обособившегося от нее Улуса Джучи (Золотой Орды). В первую очередь под контроль монголов попали степные территории, где ранее доминировали половцы. Однако поселения Горного Крыма, сначала очевидно, сохраняли определённую независимость. Особый интерес представляет ситуация в юго-западной части Горного Крыма. Источники позволяют предположить, что процесс подчинения этого региона ханам занял многие десятилетия. По всей вероятности, уже первые монгольские вторжения не обошли его стороной: венецианец Марино Санудо Старший в «Книге секретов» (1307 г.) упоминает Готию среди стран, разорённых татарами, в одном ряду с Газарией, Сугданией и Зикией (Bongars, 1611, p. 217). При этом Иоанн де Плано Карпини, в 1246 г. проезжавший из Польши в Монголию как посол папы Римского и собиравший актуальные сведения, в длинный список покорённых монголами народов включил «газаров», но о готах не упоминает. Более того, среди немногих не покорившихся захватчикам народов он называет неких «саксов» (Saxi), приводя рассказ о том, как они мужественно отбили нападение на свой «город» (civitas Saxorum), с помощью «машин и баллист» уничтожив осадные орудия и вытеснив врагов даже после того, как те проникли в город через подкоп (Beazley, 1903, p. 68). А.А. Васильев посчитал, что данный этноним — это дубликат народа Sassi, и отождествил их с «сасонами» Птолемея и чеченцами (Vasiliev, 1936, p. 165). Однако такая точка зрения не может быть принята: во-первых, чтение Sassi принято лишь в издании Р. Хаклюйта, но в рукописях читается Cassi (Beazley, 1903, p. 262, n. 31); во-вторых, Sassi (Cassi) отнесены Плано Карпини к подчинённым народам, а «саксов» папский посол прямо называет свободными.

На пути монгольских армий было немного городов, выдержавших натиск их осадно-штурмовых операций. Одним из регионов, где могло произойти описанное у Плано Карпини событие, с большой долей вероятности, следует признать Крымскую Готию, что предполагал еще Рокхил (Rockhill, 1900). Данная точка зрения подкрепляется информацией другого участника того же посольства, Бенедикта Поляка, который сообщает, что во время путешествия по «Комании» справа (т. е. к югу) лежали земли христианских народов — «саксов, газаров, аланов, черкесов и грузин», и саксов он прямо отождествляет с готами («Saxonum, quos nos credimus esse Gotos») (Benedictus Polonus, 1839, p. 776). Подобное сопоставление крымских готов с саксами уже в XVI в. проводили О. де Бусбек и Г. Торкват (Ганина, 2011, с. 82, 97).

Сведения папских послов, а также отсутствие источников о захвате татарами городов Горного Крыма до начала 40-х гг. XIII в. (Айбабин, 2020, с. 506) позволяют предположить, что жители «Готии» сумели отбить первые волны монгольского нашествия. Этому, очевидно, способствовало не только их военное искусство, но и наличие мощных крепостей. Если информация Плано Карпини не является легендарной (напомним, он делал свои записи фактически по следам события), то претендентов на город, отбивший монголь-

ское нападение среди поселений Горной Юго-Западной Таврики не так много. Очевидно. следует исключить Херсонес, который с готами в источниках не отождествлялся. Не может им быть и Мангуп-Дорос, центр Крымской Готии и столица будущего княжества Феодоро (конец XIII – начало XIV вв. – 1475 г.). В указанное время жизнь здесь после катастрофы середины XI в. замирает и возобновляется только с конца XIII в. (Герцен, Науменко 2016, с. 247–258; Науменко, 2020, с. 232). Соответственно, можно предположить, что речь идет или об Эски-Кермене, который в рассматриваемый период переживает подъем (Айбабин, 2014) или о Кырк-Ере–Чуфут-Кале. Хотя последний в источниках традиционно соотносится не с крымскими готами, а аланами (Герцен, Могаричев, 2016, с. 135–142). Это наиболее крупные городища Юго-Запалной Таврики, функционировавшие в первой половине XIII в.

Подробности развития отношений жителей Юго-Восточного Горного Крыма с монголами во 2-й половине XIII в. остаются неизвестны ввиду скудости источников. Писавший около 1310 г. византийский историк Георгий Пахимер, рассказывая об орде Ногая, оформившейся в Северном Причерноморье в 60-е гг. XIII в., представляет ее как некий симбиоз пришлых кочевников и местных племён: «С течением же времени жители внутренних земель, то есть аланы, зикхи, готы, рос и различные соседние народы, смешиваясь с [монголами], обучаются их обычаям, а вместе с обычаем перенимают язык и одежду и становятся их союзниками» (Georges Pachymérès, 1984, p. 445).

По-видимому, процесс включения Горной Таврики в политическую систему Улуса Джучи протекал постепенно, начиная с середины XIII в. На первом этапе эта зависимость едва ли выходила за рамки выплаты дани и военного союза. Скорее всего, была продолжена практика предыдущего периода, когда крымские города платили дань половцам — очевидно, рассматривая эти выплаты как откуп от грабежей (Могаричев, 1992, с. 104–105; Герцен, Могаричев, 2016, с. 141).

Переломным моментом в истории Крыма стал конец XIII в. После вероломного убийства внука Ногая Актаджи, прибывшего в Крымский улус для сбора дани, посланная его дедом карательная экспедиция разрушила зимой 1298/99 г. не только столицу улуса город Кырым (Старый Крым), но и другие города, из которых египетский историк Байбарс называет Кырк-Ер (Чуфут-Кале), Сары-Кермен (Херсон?) и Керчь (Тизенгаузен, 1884, с. 111–112; ср. Мыськов, 2003, с. 136–140). Из других источников известно о сожжении Сугдеи в декабре 1298 г. (Νυσταζοπούλου, 1965, σ. 104; Тизенгаузен, 1884, с. 195–196). К этому же времени, по данным А.И. Айбабина, относится и гибель Эски-Кермена (Айбабин, 2014, с. 245–250).

Нет убедительных оснований считать, что разгром городов Юго-Западного Крыма сопровождался их включением в состав Золотой Орды. Едва ли Ногай, имевший династические связи с Византией (его женой с 1272 г. была дочь византийского императора Михаила VIII Палеолога), стал бы расширять свои владения за счёт бывших византийских территорий; более вероятно, что он ограничился мерами устрашения с целью укрепления своего контроля над Крымским улусом (Герцен, Могаричев, 2016, с. 135–142). А уже в 1299 г. Ногай погиб в войне с ханом Токтой (Мыськов, 2003, с. 140).

Захват татарами Кырк-Ера источники позволяют более или менее уверенно отнести лишь ко времени хана Джанибека (1342–1357 гг.), что хорошо согласуется с политической обстановкой того времени. В 40-х гг. XIV в. Джанибек начал войну с генуэзцами и попытался захватить Каффу. Ханская армия продвинулась в юго-западную часть Крымского полуострова и сумела занять Чембало (совр. Балаклаву), но в итоге была вынуждена отступить. Вероятно, тогда и была захвачена Кырк-Ерская крепость, которую ордынские правители полуострова сделали опорным пунктом своей власти над Юго-Западным Крымом (Герцен, Могаричев, 2016, с. 135–142).

Согласно наблюдениям А.Г. Герцена и В.Е. Науменко, крепость Феодоро в 1-й половине – середине XIV в. также входила в систему золотоордынских владений в Крыму в качестве «протектората». Местное население продолжало использовать греческий язык и сохраняло приверженность православному христианству; в городе находилась резиденция митрополита Готской епархии Константинопольского патриархата (Герцен, Науменко 2016, с. 247–258). Позже те же исследователи несколько скорректировали начало золо-

тоордынского периода истории Феодоро, обоснованно сдвинув его границу с начала XIV на конец XIII в. (Науменко, 2020, с. 232) В.Е. Науменко обратил внимание на обилие монет хана Токты (1291–1313), присутствующих практически на всех археологических объектах Мангупа, где присутствуют культурные напластования золотоордынского периода, и сделал вывод: «Возможно, эти монеты отмечают начальный этап установления контроля администрацией Крымского улуса над стратегически важным пунктом в юго-западной части Таврики» (Науменко, 2020, с. 237, 246).

Ввиду скудости письменных источников одним из важнейших аргументов в пользу той или иной гипотезы по истории Таврики 2-й половины XIII в. традиционно выступают археологические данные, в частности, следы пожаров этого времени, выявленные при изучении археологических слоев Херсонеса и ряда поселений Горного Юго-Западного Крыма (Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен, Сюйрень). Однако их точная хронологическая привязка затруднена: археологические материалы позволяют датировать пожары лишь в широком диапазоне середины – 2-й половины XIII в. (Мыц, 2021, с. 32; Голофаст, 2021, с. 108).

Ценным дополнением к нарративным и археологическим источникам по истории Крыма в рассматриваемый период выступают эпиграфические памятники. Они нередко подаются точной датировке и отражают изменения в именослове и титулатуре. В этой связи представляют особый интерес крымские грекоязычные надписи XIII–XIV вв., содержащие формант – бег (-бей / -пей). Тюркский термин bäg (восходящий, вероятно, к среднекит. *pɒk «сотник, младший начальник») с древности имел широкое распространение у кочевых народов Центральной Азии в значении «глава рода, клана, племени» (Clauson, 1972, p. 322–323). Однако в Восточной Европе он до XIII в. имеет почти исключительно титулярное значение и прилагается только к правителям высокого ранга. У хазар он приобрел специальный характер высшего титула (Калинина и др., 2014, с. 78–80); титулярный характер имеет и привлекаемое иногда сюда же слово συβηγη древнеболгарских надписей, смысл которого дискутируется (Stepanov, 2001). Сельджукиды прилагали титул bek к правителям высшего и среднего ранга (Bowen, 1986). У половцев до XIII в. титул не зафиксирован, хотя, возможно, и бытовал, соответствуя «младшим князьям» русских летописей (Плетнева, 2010, с. 141).

И лишь с XIII в. данный термин (в формах bek, bäk, bäg, beg, big, bey, biy, bi и т. п.) получает широкое распространении, приобретая характер маркера верхнего слоя привилегированного сословия; в XIV в., в ходе реформ хана Узбека, данный статус был признан только за теми представителями ордынской знати, которые приняли ислам (Арапов, Мейер, 2005). В XIII–XIV вв. этот статусный маркер добавляли к своим именам представители христианских элит, входивших в сферу влияния Золотой Орды. Т. н. Codex Cumanicus, предположительно составленный католическими миссионерами в Крыму около 1300 г., содержит формы beg = princeps «государь» и bey = baronus, dominus «феодал, господин» (Grønbech, 1954, s. 54).

В надгробной надписи (ныне утерянной) IOSPE³ V 224, которая была обнаружена при раскопках Эски-Кермена и датируется не позднее конца XIII в., упоминается «раб Божий» Ла[нк?]ули-би (Λα[νκ]ουλι-βη), имеющий чин «первого разряда (θέσεως) 3-й части» (Виноградов, 2015, V 224). Этот представитель местной христианской знати носил восточное имя (возможно, с тюркским формантом *-кулы* «раб, слуга») и татарский статусный эпитет в форме, отражающей произношение «бий/би» (А.Ю. Виноградов читает -βει, но на фото ясно видна именно «ита»).

Иная форма того же ономастического элемента использована в другой эпитафии из того же региона, IOSPE³ V 166, найденной Н.И. Репниковым в с. Красный Мак (бывш. Биюк-Каралез) и хранящейся в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ, М-1/63). В ней упомянуты «раб Божий» Татар-пей (Ταταρ-πέης) и его сын Тини-пей (Τινι-πέης) с супругами (Виноградов, 2015, V 166). А.Ю. Виноградов датирует надпись в широком диапазоне XIII–XV вв., но осторожно допускает её происхождение из Эски-Кермена — что сдвигает хронологию в XIII–XIV вв.

В одном ряду с этими надписями следует, по нашему мнению, рассматривать ещё один эпиграфический памятник из Горного Юго-Западного Крыма, мангупскую строительную

Рис. 1 Вид на «надпись топотирита». Фото А.Г. Герцена.
Fig. 1. View of the "topoteretes' inscription". Photo by A.G. Gertsen.

надпись IOSPE³ V 172. Она находится in situ на западной стене (внешняя сторона) башни укрепления А.XI (Главная линия обороны) в балке Табана-Дере (рис. 1; 2; 3)[1]. Греческий текст надписи гласит (в нормализованной орфографии): + Ἐκτίσθη ὁ τῦχος [sc. τοῖχος] τ(οῦ)τος ὑπὸ ἡμερὸν [sc. ἡμερῶν] τ[ο]ποτηρίτου Τζουλαβηγη υ(ίο)ῦ Πολετα. Ἔτος ͵ςφγ´ [resp. ͵ςωγ´] :— Перевод: «+ Построена эта стена во дни топотирита Цулавиги, сына Полеты. Год 6503 [или 6803]».

Впервые надпись опубликовал в 1902 г. В.В. Латышев (по эстампажу М.И. Скубетова), который прочитал дату как ͵αφγ´ (1503) и увидел в этом год от Р.Х. (Латышев, 1902, с. 32). Эта датировка, помещавшая данный эпиграфический источник в контекст османского периода истории Феодоро, принималась учеными и в конце XX в. (Белый, Соломоник, 1984, с. 174). Однако в 2009 г. А.Ю. Виноградов предложил новое прочтение даты как ͵ςφγ´ (6503), что в переводе с византийской эры дает 994/995 г. н.э. (Виноградов, 2009, с. 262–271). Автор новой датировки обоснованно заключил, что первая буква в обозначении года, принятая за альфу, является цифровым обозначением 6000. Кроме того, он указал, что термин «топотирит» в XVI в. бытовал только в церковной среде («местоблюститель» кафедры), тогда как в средневизантийское время это был распространенный военный чин. Имя строителя стены А.Ю. Виноградов трактует как «Цула-бег» и сопоставляет с фамильным прозвищем Цул, действовавших в Северном Причерноморье в конце X – XI в. (Виноградов, 2015, V 172).

В 2020 г. Мангупской экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского были проведены археологические исследования укрепления А.XI (три разведочных шурфа). Авторы раскопок пришли к выводу, что один из выявленных ими археологических слоев относится к концу X в. и отражает ремонт фортификационного сооружения, зафиксированный в надписи 994/5 г. (Душенко, 2022, с. 281; Науменко, 2022, с. 175–179).

Датировка А.Ю. Виноградова выглядит более убедительно, чем ранее господствовавшее мнение. Однако и она вызывает ряд вопросов. Авторы данной статьи в ряде публикаций уже обратили внимание на несоответствие рассматриваемого эпиграфического источника «кругу византийской эпиграфики» X–XI вв. и предложили датировать его 1294/5 г., читая дату как ͵ςωγ´ (Кузенков, Могаричев, Сазанов, 2023; Кузенков, Могаричев, Сазанов, 2024). Напомним и расширим наши аргументы.

1. В надписи отсутствует индикт, что крайне необычно для X в. В это время византийская эра, лишь недавно оттеснившая александрийский вариант летосчисления от сотворения мира, еще не стала настолько привычной, чтобы употребляться без указания на индикт — самый общеизвестный с ранневизантийского времени способ датировки.

2. Потестарным хронологическим маркером в надписи выступает не царствование императора, а правление топотирита — весьма низкого по рангу чиновника. В т. н. Эскориальском тактиконе конца X в. топотириты фигурируют как заместители доместиков, «сатрапов» и «этнархов» и находятся в самой нижней части табели о рангах (Oikonomidès, 1972, p. 273). Использование имени носителя этой должности в хронологических целях без

Рис. 2. «Надпись топотирита». Фото А.А. Душенко.
Fig. 2. “Topoteretes’ inscription”. Photo by A.A. Dushenko.

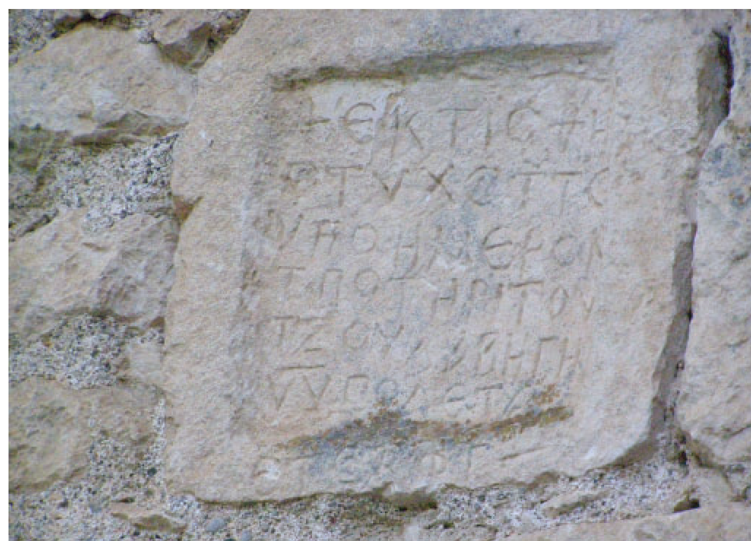

Рис. 3 Надпись топотирита». Фото А.Г. Герцена.
Fig. 3. “Topoteretes’ inscription”. Photo by A.G. Gertsen.

упоминания императора или хотя бы фемного стратига вызывает недоумение. Тем более, когда речь идет о строительстве укрепления в стратегически важном регионе в момент обострения внешних угроз (буквально через несколько лет после известного корсунского похода русского князя Владимира Святого).

3. Сама формула, которой вводится упоминание топотирита, «ὑπὸ ἡμερῶν» (букв. «под днями»), не свойственна греческой литературной норме и не встречается в письменных источниках до начала XV в., когда она вдруг начинает регулярно употребляться в надписях правителей Феодоро.

4. Имя топотирита, Τζουλαβηγη, по всей вероятности, содержит тюркский элемент -βηγ(ης). Характерно, что сам А.Ю. Виноградов, вопреки своей датировке, признает, что это именно «татарский титул *бей*» (Виноградов, 2015, V 166, комм. к строкам 3–4) и предлагает сопоставлять его с рассмотренными выше эпиграфическими памятниками XIII в. (V 166 и V 224), где тот же элемент присутствует в формах «бий» и «пей» (что доказывает неустойчивость его передачи в данный период). Важно, что данный элемент является расширением именно *личного* имени, а не фамилии, что заставляет отказаться от идеи связать строителя стены с родом Цул.

5. Обозначением числа «6000» в надписи служит не обычный для IX–XI вв. знак ѕ (заимствованный в кириллицу как «зело»), а один из ранних вариантов т.н. стигмы (ς), распространившейся в византийских надписях лишь в XII–XIV вв.

6. Наиболее уязвимым элементом гипотезы о датировке мангупской надписи топотирита концом XIII в. является форма знака для числа столетий, которая выглядит очень похожей на

Ф (600). Тем не менее, невозможно исключить, что здесь мы имеем дело со специфическим вариантом «омеги», Ꙍ (800). Похожее начертание, хотя и редко, встречается в греческой эпиграфике. Это дает возможность прочитать дату в надписи как ͵ςωγ´ (6703) и передатировать данный эпиграфический памятник 1294/5 годом. Новая датировка снимает все из поставленных выше вопросов, а сама надпись оказывается органично вписанной как в топографический, так и в исторический контекст мангупских надписей конца XIII вв.

Что же касается археологических аргументов, то они представляются выдвинутыми ad hoc, поскольку контексты, связанные с ремонтом стены под руководством «топотирита Цулы» в конце X в., отсутствуют (Кузенков, Могаричев, Сазанов, 2023; Кузенков, Могаричев, Сазанов, 2024).

В конце 2023 г. была опубликована статья В.Е. Науменко «Турмархия Готия и византийский топотерит [sic!][2] на Мангупе в конце X – начале XI века». Ее автор вновь поддержал датировку А.Ю. Виноградова, которая, по его словам, «получила полную поддержку в работах, посвященных общим проблемам истории и археологии Горной Таврики в период включения региона в состав византийской фемы»[3], и на основании этого заключил, что надпись топотирита является «единственным свидетельством об этом византийском чиновнике в истории Мангупа» (Науменко, 2023, с. 53–54). К сожалению, уважаемый Валерий Евгеньевич воздержался от обсуждения альтернативной датировки, заявив, что «точная хронология источника … позволяет считать неаргументированной критику со стороны исследователей, … никогда не проводивших натурное изучение самой надписи» (Науменко, 2023,с. 54).

Это вызывает сожаление, поскольку в случае убедительных ответов на поставленные нами вопросы сторонники «ранней» датировки могли бы совершить *настоящий переворот в истории византийской Таврики конца X в.* Они бы объяснили, какие именно обстоятельства позволили мелкому чиновнику проигнорировать императора Василия II (только что триумфально завершившего гражданскую войну) и приписать одному себе дорогостоящее крепостное строительство в стратегически важном регионе империи. Также стало бы понятно, по каким причинам эта нетривиальная выходка оказалась на века запечатлена в памятной надписи, выставленной на всеобщее обозрение. Наконец, мы бы узнали, что заставило византийского офицера приставить к своему имени «татарский титул бей», а также почему в официальной надписи он не привел своего крещального имени и проигнорировал самую распространённую в то время в империи систему летосчисления. Убедительные ответы на эти и другие вопросы, несомненно, заставили бы и нас отказаться от своих возражений. Но пока таковых не последовало, мы хотели бы добавить к уже высказанным аргументам ещё один.

Среди памятных записей в армянских рукописях, имеющих отношение к Крыму, сохранилась заметка 1365 г., когда священник Карапет из Каффы закончил переписывать для своего заказчика, некоего абега Мкртича, богослужебный Лекционарий (Матенадаран, № 7458). То было «горькое и трудное время, — пишет Карапет, — когда показался в сем году нэр из рода исмаелского и разрушитель, мечом изрубивший род христианский, который зовется именем Чалибэг» (Саргсян, 1999, с. 157). Издательница русского перевода Татевик Саргсян отождествляет упомянутого Чалибега с известным по арабским источникам Алибеком, сыном Исы, правившим в Крымском улусе и окружившим его столицу Солхат мощными укреплениями. Отметим, что имя Չալիբէգ (Čalibēg), стоящее в армянском тексте (Хачикян, 1970, стб. 537), почти в точности повторяет греческое Τζουλαβηγ(ης) мангупской надписи, а его статус и характер деятельности довольно близко соответствует статусу хозяина мангупской надписи топотирита. Ничто не мешает предположить, что за два-три поколения до мусульманина Чалибега, сына Исы, христианин Цулабиг (Чулабег), сын Полеты (Булата?), носивший чин автономного наместника (топотирита) Горного Юго-Западного Крыма, обладал достаточной властью и ресурсами, чтобы самостоятельно начать возведение оборонительных сооружений на плато Мангупа. Находившаяся там в запустении с середины XI в. древняя крепость уже через несколько лет прославится как блистательная столица княжества Феодоро.

Примечания:

[1]Мы сознательно отказались от публикации собственных фотографий, чтобы исключить возможные упреки в необъективности представленного иллюстративного материала.

[2]Используемая в данной статье форма «топотерит» некорректна: греч. τοποτηρητής можно транскрибировать либо как «топотерет», либо как «топотирит».

[3]Утверждая о «полной поддержке» данной интерпретации надписи В.Е. Науменко приводит ссылку на статью А.И. Айбабина и две свои публикации (Науменко, 2023, с. 54). Конечно, данные авторы, несомненно, уважаемые и авторитетные ученые, однако ими, насколько нам известно, не ограничивается круг исследователей истории и археологии Горной Таврики «фемного периода».

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. 19. С. 240–277.

Айбабин А.И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. 25. С. 493–513.

Арапов Д.Ю., Мейер М.С. Бей // БРЭ. Т. III. М., 2005. С. 176.

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2001. 478 с.

Белый А.В., Соломоник Э.И. Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1984. С. 170–175.

Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Т. 39. С. 262–271.

Виноградов А.Ю. Византийские надписи // IOSPE³. 2015. T. V. Доступно по URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.172-ru.html (дата обращения 25.03.2024).

Ганина Г.А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя, 2011. 286 с.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 247–258.

Голофаст Л.А. Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. 26. С. 107–142.

Душенко А.А. Укрепление А.XI Главной линии обороны Мангупа // История и археология Крыма. Вып. 16 / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 271–310.

Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 208 с.

Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2007.624 с.

Кузенков П.В., Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. К вопросу датировки и интерпретации мангупской надписи из Табана-Дере // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая -5 июня 2023 г.). Т. 2 / Отв. ред. В.В. Лебединский. М.: ИВ РАН, 2023. С. 9–13.

Кузенков П.В., Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Надпись топотирита из Табана-дере (Мангуп, Юго-Западный Крым): к вопросу о датировке и интерпретации // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. Вып. № 1 (83). (В печати).

Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. // Известия ИАК. № 3. СПб., 1902. С. 21–57.

Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1992. С. 5–131.

Мыц В.Л. Основные этапы завоевания Таврики монголами: 1223–1278 гг. // Вестник Владимирского гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: социальные и гуманитарные науки. 2021. № 1 (29). С. 26–37.

Мыц В.Л. Крым в XIII–XV вв.: Историко-археологическое исследование. Дисс. … докт. ист. наук. Казань, 2023. 1431 с.

Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: ВолГУ, 2003. 178 с.

Науменко В.Е. Об исторической топографии и политико-административной статусе Мангупа в Золотоордынский период // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии / Ред. И.М. Миргалеев. М.; Казань: Исламская книга, 2020. С. 232–249.

Науменко В.Е. Два примера реконструкции Главной линии обороны Мангупской крепости в фемный период // АДСВ. 2022. Вып. 50. С. 165–184.

Науменко В.Е. Турмархия Готия и византийский топотерит на Мангупе в конце X – начале XI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 6. С. 51–61.

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 204 с.

Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.): к постановке проблемы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. 23. С. 713–720.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб, 1884. 588 с.

Хачикян Л.С. Памятные записи армянских рукописей XIV в. Ереван, 1970. 286 с. (на арм. яз.).

Цукерман К. Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // Χερσῶνος θέματα: Империя и полис. Материалы XI научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 237–244.

Beazley C. R. The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. London, 1903. 345 p.

Benedictus Polonus. De itinere fratrum minorum ad Tartaros // Recueils de voyages et de mémoires. Paris, 1839. T. IV. P. 774–779.

Bongars J. Orientalis Historia. Hannover, 1611. Vol. II. 361 p.

Rockhill W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World 1253-1255 as narrated by himself, with two accounts of the earlier Journey of John of Plan de Carpine. London: The Hakluyt Society, 1900. 368 p.

Bowen H. Beg // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: Brill, 1986. Vol. I. P. 1159.

Busbequius A.G. Omnia quae extant. Graz, 1968. 575 p.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. 989 p.

Georges Pachymérès. Relations historiques / Ed. A. Failler. Paris, 1984. T. II. 667 p.

Grønbech K. Komanisches Wörterbuch: Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942. 315 s.

Stepanov Ts. The Bulgar title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΙ: reconstructing the notions of divine kingship in Bulgaria, AD 822–836 // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10. P. 1–19.

Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. 292 p.

Νυσταζοπούλου Μ.Γ. Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαΐα, ἀπὸ τοῦ ΙΓ΄ μέχρι τοῦ ΙΕ΄ αἰῶνος. Ἀθῆναι, 1965. 189 σ.

Информация об авторах:

Кузенков Павел Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению Византийского Причерноморья; доцент, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); pk407@mail.ru

Могаричев Юрий Миронович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г, Симферополь, Россия); заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (г. Симферополь, Россия); mogara@rambler.ru

REFERENCES

Aibabin, A. I. 2014. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria) (*19), 240–277 (in Russian).

Aibabin, A. I. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (25), 493–513 (in Russian).

Arapov, D. Yu., Meyer, M. S. 2005. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). Vol. 3. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 176 (in Russian).

Beyer, H.-V. 2001. *Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro (The history of the Crimean Goths as an interpretation of the Mathew's Tale about the city of Theodoro).* Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Belyi, A. V., Solomonik, E. I. 1984. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XIV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 170–175 (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2009. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 39, 262–271 (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2015. In *Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea.* Vol. 5. Available at URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.172-ru.html/ (accessed 12.02.2023) (in Russian & English).

Ganina, N. A. 2011. *Krymsko-gotskiy yazyk (Crimean Gothic language).* Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Gertsen. A. G., Mogarichev. Yu. M. 2016. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost na kraiu sedmogo klimata: Issledovanie. Putevoditel. Albom* (*Qirq Yer – Chufut-Kale. Fortress at the edge of the seventh climate: Research work. Guide. Album*). Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).

Gertsen. A. G., Naumenko, V. E. 2016. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 9, 247–258 (in Russian).

Golofast, L. A. 2021. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (26), 107–142 (in Russian).

Dushenko, A. A. 2022. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* 16. Simferopol: "Arial" Publ., 271–310 (in Russian).

Kalinina, T. M., Flerov, V. S., Petruhin, V. S. 2014. *Khazariya v krosskul'turnom prostranstve (Kazaria in the cross-cultural space)*. Moscow: "Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi " Publ. (in Russian).

Karpov, S. P. 2007. *Istoriia Trapezundskoi imperii. (History of the Empire of Trebizond Contents)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Kuzenkov, P. V., Mogarichev, Yu. M., Sazanov, A. V. 2023. In Lededinsky, V. V. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka (Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East)*. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 9–13 (in Russian).

Kuzenkov, P. V., Mogarichev, Yu. M., Sazanov, A. V. 2024. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 83 (1) (in print) (in Russian).

Latyshev, V. V. 1902. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 3. Saint Petersburg, 21–57 (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. 1992. In Mogarichev, Yu. M. (ed.). *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu (Issues of history of the "cave towns" in Crimea).* Simferopol: "Tavriya" Publ., 5–131 (in Russian).

Myts, V. L. 2021. In *Vestnik Vladimirskogo gos. un-ta im. A.G. i N.G. Stoletovykh. Serija: social'nye i gumanitarnye nauki (Science Journal of Vladimir State University.* Social sciences and humanities*)* 1 (29), 26–37 (in Russian).

Myts, V. L. 2023. *Krym v XIII–XV vv.: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Crimea in the XIII–XVcenturies: Historical and archaeological research)*. Diss. of Doctor of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2003. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (1236–1313 gg.) (Political history of the Golden Horde, 1236–1313).* Volgograd: Volgograd State University. (in Russian).

Naumenko, V.E. 2020. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Oazisy shelkovogo puti: istoricheskie istoki integratsionnykh protsessov v Evrazii (Oases of the Silk Road: historical origins of integration processes in Eurasia)*. Moscow; Kazan: "Islamskaya kniga" Publ., 232–249 (in Russian).

Naumenko, V. E. 2022. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 50, 165–184 (in Russian).

Naumenko, V. E. 2023. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 6 (28), 51–61 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1990. *Polovtsy (The Cumans.).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Stepanenko, V. P. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (23), 713–720 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings).* Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Khachikian, L. S. 1970. *ŽD dari hayeren dzer‘agreri hišatakaranner (Aide-memoirs of Armenian manuscripts of the XIV century).* Yerevan: Haykakan SSH GA hratarakc‘ut‘yun 268 p. (in Armenian).

Zuckerman, K. 2019. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Χερσῶνος θέματα: Imperiya i polis. Materialy XI nauchnoy konferentsii (Empire and polis. Proceedings of the 11th scientific conference).* Simferopol, 237–244 (in Russian).

Beazley, C. R. 1903. *The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis.* London: Hakluyt Society.

Benedictus Polonus, 1839. In *Recueils de voyages et de mémoires* IV. Paris: Société de Géographie (in Latin).

Bongars, J. 1972. *Orientalis Historia,* II. Hannover: typis Wechelianis (in Latin).

Rockhill, W. W. 1900. *The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World 1253-1255 as narrated by himself, with two accounts of the earlier Journey of John of Plan de Carpine*. London: The Hakluyt Society.

Bowen, H. 1986. *The Encyclopaedia of Islam.* I. Leiden: Brill.

Busbequius, A. G. 1968. *Omnia quae extant*. Graz.

Clauson, G. 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.* Oxford: Clarendon Press.

Georges Pachymérès. 1984. *Relations historiques,* ed. A. Failler, II. Paris: IFEB.

Grønbech, K. 1942. *Komanisches Wörterbuch: Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus*. Kopenhagen.

Stepanov, Ts. 2001. In *Early Medieval Europe* 10/1, 1–19 (in English).

Vasiliev, A. 1936. *The Goths in the Crimea.* Cambridge (Mass.): The Medieval Academy of America (in English).

Nysatzopulu, M.G. 1965. *He en te Taurike Chersoneso polis Sugdaia, apo tu 13 mechri tu 15 aionos (The city of Sugdaia in the Tauric Chersonesos, from the 13th to the 11th century).* Athens: University of Athens (in Greek).

About the Authors:

Kuzenkov Pavel V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Historical and Archaeological Laboratory for the Comprehensive Study of the Byzantine Black Sea Region; Associate Professor, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University Universitetskaya., 33 str., Sevastopol, 299053, Russian Federation; pk407@mail.ru

Mogarichev Yurii M., Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Leading Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; Head of the Department of Humanity and Social Science, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education. Lenin., 15 str., Simferopol, 295001, Russian Federation; mogara@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 9.904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.225.240

МУСУЛЬМАНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ОТУЗЫ (С. ЩЕБЕТОВКА, РЕСПУБЛИКА КРЫМ)[1]

©2024 г. Д.А. Ломакин, Е.А. Айбабина

В исследовании, посвященном средневековым древностям поселения Отузы, располагавшемся в юго-восточном Крыму, рассмотрены мечеть и надгробия XIV в. Надгробные памятники, относящиеся к первоначальному золотоордынскому периоду истории поселения, принадлежавшие выходцам из Малой Азии и Ирака, являются примером начальных связей с крупными мусульманскими центрами и распространения религии ислама на полуострове. Установлено, что к настоящему моменту большинство средневековых памятников поселения полностью или частично утрачено. Проанализированы письменные и эпиграфические источники, изделия каменной пластики, графика и фотоснимки XIX – начала XX вв. Выявленные графические работы К. Ф. фон Кюгельхена, А. де Палдо, Ф. Дюбуа де Монпере дают представление о поселении, сохраняющем в XIX в. средневековую планировку и застройку. Определена топография размещения мечети и некрополя в местности Бешик-Азиз на вершине г. Мал-Кая. Религиозный комплекс располагался в юго-западной части поселения. Определена архитектурная стилистика мечети и минарета, не сохранившихся к настоящему времени. Здание мечети относится к типу построек, получивших широкое распространение на полуострове в период Крымского ханства. Сделано предположение о том, что в Отузах могла размещаться летняя резиденция правителей Солхата, центра улуса Золотой Орды в Крыму.

Ключевые слова: Республика Крым, с. Отузы, надгробный памятник, мечеть, текие, история изучения.

MUSLIM MEDIEVAL MONUMENTS OF OTUZ SETTLEMENT (SHCHEBETOVKA, REPUBLIC OF CRIMEA)[2]

D.A. Lomakin, E.A. Aibabina

The study, dedicated to the medieval antiquities of the Otuz settlement, located in the southeastern Crimea, examines the mosque and gravestones of the XIV century. Gravestones dating back to the early Golden Horde period of the history of the settlement, belonging to natives of Asia Minor and Iraq, are an example of the initial links with major Muslim centers and the spread of Islam on the peninsula. It is established that by now most of the medieval sites of the settlement have been completely or partially lost. Written and epigraphic sources, stone sculptures, graphics and photographs of the XIX – early XX centuries were analyzed. The identified graphic works by K.F. von Kügelgen, A. de Paldo, F. DuBois de Montperreux give an idea of the settlement that preserved medieval planning and development in the XIX century. The topography of the location of the mosque and necropolis in the Beshik-Aziz area on the top of the Mal-Kaya hill has been determined. The religious complex was located in the southwestern part of the settlement. The architectural style of the mosque and minaret, which have not survived to this day, has been determined. The mosque building belongs to the type of structures that became widespread on the peninsula during the period of the Crimean Khanate. An assumption has been made that Otuz could have housed the summer residence of the rulers of Solkhat, the center of the ulus of the Golden Horde in Crimea.

Keywords: Republic of Crimea, Otuz, gravestone, mosque, shrine, history of study.

[1] Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

[2] The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as a part of the state task № FZEG-2023-0004 on the theme "Historical experience of interethnic interaction in Crimea from ancient times to the modern era".

Поселок Щебетовка (до 1945 г. – Отузы) расположен в юго-восточной части Крымского полуострова, входит в состав Феодосийского городского округа. Находится у западного подножия горного массива Кара-Даг в северо-западной части живописной долины р. Отузки, притоки которой (Кабакташский и Монастырский, или Кизилташский, ручей (Белянский, Лезина и др., 1998, прил., л. B-14)) впадают в нее на южной окраине населенного пункта. Отузская долина протяженностью 7,5 км ограничена на северо-западе г. Курбанка, с северо-востока – горным массивом Кара-Даг, с юго-запада – хребтом Эчки-Даг, с юго-востока – побережьем Черного моря.

В середине XIII в. владения Византии в юго-восточном Крыму, включая Сугдею с округой, вошли в состав Улуса Джучи. Согласно С.Г. Бочарову, «датой окончательного включения восточного Крыма в монгольское государство следует признать апрель 1249 г., когда в Сугдее новыми завоевателями была проведена перепись податного населения» (Бочаров, 2011, с. 254; Бочаров, 2015, с. 93). Мусульманское поселение Отузы основано во второй половине XIII в. в 6 км от существовавшего к тому моменту греческого селения Калиера, располагавшегося на морском побережье (в настоящее время – пос. Курортное) (Бочаров, 2012, с. 63). Однако уже в 1365 г., воспользовавшись усобицами в ордынском государстве, генуэзцы захватили Сугдею и ее сельскую округу, включая Отузскую долину (Бочаров, 2012, с. 63). В 1387 г., после окончания Солхатской войны, эта территория была окончательно закреплена за коммуной Кафы (Basso, 1991, p. 15). С целью стабильного контроля региона и удобной гавани в центральной части побережья Отузской бухты на вершине холма Кордон-Оба построен генуэзский замок (Бочаров, 2001, с. 89–90). В середине XV в. Отузы упоминались в массариях Каффы уже в составе генуэзских владений (Бертье-Делагард, 1920, с. 30; Desimoni, 1867, p. 271) и оставались таковыми вплоть до османского завоевания полуострова, когда селение было включено в Судакский кадылык санджака Кефе (до 1558 г., в 1558–1774 гг. – эялета).

О нерядовом статусе поселения Отуз свидетельствует участие в его основании выходцев из сельджукской Малой Азии. И.Н. Бороздин подчеркнул, что «целый ряд вещественных памятников <…> и местные предания и легенды, говорящие о «ханских садах» и дворце, свидетельствуют об историческом существовании этого татарского селения, тесно увязанного со Старым Крымом, бывшего его какой-то дачной местностью, летней резиденцией» (Бороздин, 1927б, с. 24–25). В Солхате южные крепостные ворота, находившиеся в районе караван-сарая, защищали доступ в город именно со стороны Отуз, куда шло ответвление от основного торгового тракта, соединяющего юго-западный и восточный Крым (Кирилко, 2016, с. 452). Существенное значение поселению придавало наличие порта в Отузской долине, вероятно использовавшегося правителями Солхата.

Начало научных изысканий на территории поселения связано с деятельностью экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения под руководством профессора И.Н. Бороздина. 22 августа 1926 г. членами научного коллектива была предпринята однодневная исследовательская поездка в Отузы в целях «ознакомления с близ расположенными памятниками татарской истории и культуры» (Бороздин, 1927в, с. 18). Еще в мае того же года селение совместно с экскурсией учащихся крымско-татарской опытно-показательной девятилетней школы посетил О.-Н.А. Акчокраклы, обнаружив ряд средневековых надгробий. На Верхнем (Старом) кладбище удалось выявить три монумента XIV в. (рис. 1), располагавшихся недалеко друг от друга, обнесенных каменной оградой, почитаемых местными жителями в качестве азизов. Один из них воздвигнут над прахом местного жителя, два других – над могилами шейхов, прибывших из Ирака и Конии (Бороздин, 1927б, с. 25). Перевод эпитафий представлен О.-Н.А. Акчокраклы:

1. «Кончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного праведного шейха Якуба Конийского. Да будет над ним мир божий. 729 г. х.» (1328/1329 г.) (рис. 2).

2. «Бог. Могила покойного мученика Идриса, сына Хаджи Яхья Отузского. Месяца сафара, 763 г. х.» (1361 г.) (рис. 3).

3. «Кончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного праведного подвижника шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского. Да будет над ним мир Божий. 782 г. х.» (1380 г.) (Акчокраклы, 1927, с. 17) (рис. 4).

Рис. 1. Участники Солхатской экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения на кладбище в Отузах у надгробия шейха Якуба Конийского. Стоит слева от памятника, положив на него руку – И.Н. Бороздин, сидит слева от памятника – А.С. Башкиров, стоит справа от памятника, положив на него руку – О.-Н. А. Акчокраклы, сидит крайний справа – У.А. Боданинский. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 493, рис. 491).

Fig. 1. Members of the Solkhat expedition of the All-Union Scientific Association of Oriental Studies at the cemetery in Otuz at the gravestone of Sheikh Yaqub Koniysky. Standing to the left of the monument with his hand on it – I.N. Borozdin, sitting to the left of the monument – A.S. Bashkirov, standing to the right of the monument with his hand on it – O.-N. A. Akchokrakly, sitting on the far right – U.A. Bodaninsky. Photo.1926 (Miras–Nasledie…, 2016, p. 493, fig. 491).

В отузской мечети была выявлена массивная каменная плита, «вставленная в стену у входа. Плита эта обнаружена во дворе одного крестьянина и затем перенесена в мечеть. На плите весьма изящным шрифтом рельефно высечена надпись» (Акчокраклы, 1927, с. 9):

«Сей благословенный колодец построил в дни владычества великого султана, столпа мира и религии ... хана, да будет вечно царство его, по …нию великого эмира Кутлуг Тимур бека, да будет долга жизнь его, покорный и бедный раб Идрис, сын Хаджи Яхья, 760 г. х.» (1358 г.) (Акчокраклы, 1927, с. 17) (рис. 5).

Прочтение О.-Н.А. Акчокраклы слова «колодец» вызвало сомнения у местного жителя Абдулы Эфенди, предложившего трактовать его как «граница», считая, что плита могла располагаться в пограничной стене или воротах. О.-Н.А. Акчокраклы, отстаивая свое чтение, отметил: «Возникает вопрос – какая тут была граница, да еще благословенная. Генуэзско-татарская?» (Акчокраклы, 1927, с. 9). И.Н. Бороздин был склонен считать, что последний вариант прочтения возможен: «Само собой разумеется, что здесь не могло идти речи о политической границе, да еще о генуэзско-татарской. Здесь могли упоминаться границы какого-либо владения, чьей-либо определенной территории. Возможно, была, например, граница дервишского текие» (Бороздин, 1928, с. 91). О.-Н.А. Акчокраклы также не исключал существования в Отузах культового центра: «Судя по званиям «шейх», можно сказать, что в Отузах в XIV веке существовало текие – монастырь дерфишей – и прибывали сюда шейхи из Сельджукии (Кония и Ирак)» (Акчокраклы, 1927, с. 9). Кроме того, он отметил, что плита была преднамеренно повреждена, часть текста оказалась сбитой, в

частности имя хана. В дальнейшем, по преданиям старожилов, эпиграфический памятник был восстановлен «неумелой рукой» муэдзина мечети, вставившего вместо утраченного фрагмента слово «Мухаммед». Плита находилась возле здания мечети, в которой в 30-е гг. XX в. размещалась электростанция, после депортации – общественная баня (Усеинов, 2020, с. 184–185).

Не исключено, что Идрис, упомянутый на плите и надгробии, одно и то же лицо. В 1358 г., за три года до смерти, им был сооружен колодец (фонтан), за что был удостоен соответствующей коммеморативной надписи. Попытки отожествить Хаджи Яхья, отца Идриса, с Хаджи Яхья из Ирака, умершего в 1380 г., по мнению И.Н. Бороздина, не имеют достаточных оснований (Бороздін, 1927а, с. 474). О.-Н.А. Акчокраклы придерживался противоположного мнения, считая, что «памятник принадлежит мученику Идрису <…>, очевидно, сыну Хаджи Яхья Иракского, похороненного рядом с отцом. Но сын называл себя Отузским потому, что он родился в Отузах, а отец приехал из Ирака. Даты указывают, что сын Идрис умер (1361) раньше отца (1380)» (Акчокраклы, 1927, с. 9). Последнюю точку зрения подтверждает близость расположения захоронений (рядом, в каменной ограде) и почитание обеих в качестве азизов.

В фондах Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника среди рисунков У.А. Боданинского выявлены его зарисовки отузских эпиграфических памятников[1] – опубликованы в 2020 г. (Боданинский, 2020, с. 247–248, 323). Важно, что на рисунках директора Бахчисарайского музея указана местность, где они были обнаружены – Бешик-Азиз. «Бешик» (Beşik) в переводе с крымско-татарского означает «колыбель», «детская люлька».

Кроме приведенных эпиграфических памятников И.Н. Бороздиным упомянут еще один – надгробие Таджи, дочери Хаджи Шабана, с орнаментом, «аналогичным традиционному старокрымскому» (Бороздин, 1927г, с. 272). В работе О.-Н.А. Акчокраклы не представлено, дальнейшая судьба не установлена. Также вызывает интерес снимок с изображением «двурогого» надгробия с орнаментом, не имеющего надписей[2], который также не был удостоен внимания в работах участников экспедиции 1926 г. (рис. 6).

В 2007 г. во время совместной историко-этнографической экспедиции Крымскотатарского музея искусств (Симферополь, в настоящее время – Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия) и НИЦ крымско-татарского языка и литературы при Крымском инженерно-педагогическом университете (г. Симферополь) во дворе действующей мечети была выявлена плита с надписью 1358 г., куда была перенесена в 90-е гг. (Усеинов, 2020, с. 184–185). В 2012 г. крымско-турецкой экспедицией под руководством Х. Кырымлы среди фрагментов надмогильных плит на территории Нового мусульманского кладбища обнаружен фрагмент памятника 1328/1329 г. (Абдульвапов, 2013, с. 7–8). В настоящее время выявлено две части этого надгробия. Первая, с четвертой и пятой строками, обнаруженная в 2012 г., находится на Новом мусульманском кладбище (район пересечения ул. Ленина и ул. Македонского), основание надгробия – на г. Мал-Кая, рядом с участком, на котором памятник был зафиксирован экспедицией И.Н. Бороздина в 1926 г. (Усеинов, 2020, с. 180).

В 2017 г. сотрудниками Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани на территории современного мусульманского кладбища среди частей надгробий XVIII–XIX вв., собранных здесь местными жителями, были идентифицированы фрагменты памятников 1361 г. и 1380 г. В 90-х гг. XX в. они были обнаружены при разборе каменной ограды у административного здания по ул. Ленина и перенесены на территорию кладбища. Вероятно, в послевоенный период памятники были разбиты и использованы в качестве строительного материала (Усеинов, 2020, с. 179). От первого памятника сохранился фрагмент с частью третьей и четвертой строк, от второго – фрагмент с частью четвертой и пятой строк. Место нахождения остальных частей надгробий не установлено (Поездка в Отуз…, 2017, с. 200).

Формы вышеуказанных отузских надгробий – характерные для мусульманских погребений региона восточного Крыма стелы со стрельчатым завершением и «рогатое» надгробие. Размеры надгробий установлены (по рисункам У.А. Боданинского[3]) частично: стела Якуба Конийского – ширина 0,49 м, толщина 0,20 м, высота надписи 0,92 м (рис. 2); стела Идриса, сына Хаджи Яхья Отузско-

Рис. 2. Отузы. Надгробие шейха Якуба Конийского 729 г. х. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 486, рис. 484).
Fig. 2. Otuz. Gravestone of Sheikh Yaqub Koniysky, 729 AH. Photo. 1926 (Miras-Nasledie..., 2016, p. 486, fig. 484).

Рис. 3. Отузы. Надгробие Идриса, сына Хаджи Яхья Отузского, 763 г. х. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 489, рис. 487).
Fig. 3. Otuz. Gravestone of Idris, son of Haji Yahya Otuzsky, 763 AH. Photo. 1926 (Miras–Nasledie…, 2016, p. 489, fig. 487).

го – ширина 0,52 м, высота надписи 1,00 м, ширина надписи 0,32 м (рис. 3); стела Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского, имеет размеры, приближенные к стеле Идриса (рис. 4). Памятники выполнены из тонких известняковых плит. Представлены две разновидности: с ровными (рис. 2, 3) и с фестончатыми краями с более или менее заостренным завершением – форма пальметты (?) (рис. 4, 7–8). Текст надписи расположен на лицевой стороне, обрамлен широкими полями и находится как бы под сенью стрельчатой арки. Нижняя часть стел оставлена без резьбы. Стелы почти одинаковы, с незначительной разницей в размерах. На одном из надгробий поле занимает вместо надписи пышный, изысканный орнамент в виде медальона из переплетенных между собой полупальметт с большими «глазками» (рис. 8). Двурогое надгробие с резным орнаментом двух видов – пальметным и плетеным – представляет еще один тип надгробий отузского могильника (рис. 6). Изготовлено из известняка. Размеры не установлены, при этом выявленные фотоснимки позволяют предположить его длину – около 1,50 м. Резьба на боковых сторонах выполнена традиционным способом декорирования подобных надгробий.

Ближайшие аналогии, причем многочисленные, формам и резьбе отузских надгробий находятся в каменной пластике Солхата (Мирас – Наследие…, 2016, с. 310, рис. 306; с. 364, рис. 360; с. 368, рис. 364; с. 379, рис. 375; с. 382, рис. 378; с. 388, рис. 384; с. 407, рис. 403).

Рис. 4. Отузы. Надгробие шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского, 782 г. х. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 492, рис. 490).
Fig. 4. Otuz. Gravestone of Sheikh Haji Yahya, son of Muhammad Iraqsky, 782 AH. Photo. 1926 (Miras–Nasledie..., 2016, p. 492, fig. 490).

Это стелы с надписями, с пальметтным орнаментом (Мирас – Наследие…, 2016, с. 392, рис. 388; с. 418, рис. 415 и др.) и двурогие надгробия (Мирас – Наследие…, 2016, с. 421–423, рис. 418–420). Нет сомнения, что именно солхатские резчики могли выполнить заказанные жителями Отуз надгробия. Этому способствовали близость Солхата, города с развитым камнерезным ремеслом, что подтверждается стилистически однотипной массовой продукцией, а также влияние столичного духовного центра с крупными культовыми мусульманскими учреждениями (Айбабина, 2001, с. 174–177). Подобные надгробия также были найдены среди памятников золотоордынского некрополя Кырк-Азизлер (на современной территории г. Бахчисарая) (Мирас – Наследие…, 2016, с. 54–55, рис. 47–49; с. 88, рис. 82 и др.). Выразительность и изысканность сельджукской резьбы – пальметтные мотивы нескольких типов, плетенки, розетки – были восприняты населением полуострова, копировались и многообразно воспроизводились. Рисунок пальметты с «глазком», имеющий малоазийское происхождение, использовался в архитектурном декоре периода Золотой Орды в Крыму, например, в резьбе портала мечети Узбека (1314 г.) и в надгробиях (Солхат, Чуфут-Кале) (Айбабина, 2001, с. 166, рис. 73; табл. LVII, LVIII). Вероятно, одной из причин широкого распространения сельджукских мотивов среди мусульманского населения полуострова послужило их применение в резьбе культовых зданий – на порталах и михрабах мечетей, текие, медресе.

Ряд косвенных факторов свидетельствует о том, что в селении Отузы либо в прилегающей к нему местности в период Средневековья мог находиться религиозный или культовый центр. Главным доводом в пользу этой гипотезы является наличие двух надгробий шейхов. Термин «Шейх» (араб. شيخ – «старец») имеет множество значений, охватывающих религиозные, социокультурные и политические аспекты. Однако, прежде всего в исламе, он выступает в качестве почётного титула. Шейх должен обладать глубокими знаниями в исламском богословии, нередко выполняя функции наставника, способного руководить общиной. В суфизме, популярном на территории Крымского полуострова вплоть до 30-х гг. XX в., шейх являлся руководителем суфийской общины, ведущим своих последователей по духовному пути. Согласно энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, шейх – «значит старец, так у мусульман называются настоятели духовных орденов или религиозных общин, потомки чтимого святого и вообще духовные руководители» (Энциклопедический словарь…, 1903, с. 378). Согласно трактовке одного из современных словарей, шейх – «в суфизме – руководитель суфийской обители; духовный лидер общины, тариката. По функциям близок к учителю, не только преподает предмет, но и устанавливает духовную связь с учениками и является их духовным наставником <…>» (Али-Заде, 2007, с. 386). Важно, что оба похороненных в Отузах шейха не являлись местными жителями, а прибыли из Анатолии и Ирака, возмож-

Рис. 5. Отузы. Закладная плита, сообщающая о постройке фонтана Идрисом, сыном Хаджи Яхьи, 760 г.х. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 488, рис. 486).
Fig. 5. Otuz. Inscription on the slab, telling about the construction of the fountain by Idris, son of Haji Yahya, 760 AH. Photo. 1926 (Miras–Nasledie…, 2016, p. 488, fig. 486).

Рис. 6. Отузы. Двурогое надгробие с орнаментом. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 487, рис. 485).
Fig. 6. Otuz. Double-horned gravestone with ornament. Photo.1926 (Miras–Nasledie…, 2016, p. 487, fig. 485).

Рис. 7. Отузы. Мусульманское надгробие. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 490, рис. 488).
Fig. 7. Otuz. Muslim gravestone. Photo.1926 (Miras–Nasledie..., 2016, p. 490, fig. 488).

Рис. 8. Отузы. Мусульманское надгробие с орнаментом. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 491, рис. 489).
Fig. 8. Otuz. Muslim gravestone with ornament. Photo. 1926 (Miras–Nasledie..., 2016, p. 491, fig. 489).

но выполняя миссионерскую функцию, основав текие.

Свою роль мог сыграть и географический аспект. Отузская долина, хорошо защищенная природными факторами от неприятеля, скрытая от «посторонних глаз», являлась подходящим местом для обустройства духовной обители. Также важна близость к Солхату – центру Крымского улуса Золотой Орды, что позволяло получать необходимую военную и финансовую поддержку в кратчайшие сроки.

Обязательным атрибутом суфийской обители в Крыму являлось наличие святых мест – азизов. В результате работы экспедиции И.Н. Бороздина установлено, что надгробия шейхов были обнаружены в местности Бешик-Азиз, широко почитаемой у местных жителей. Происхождение топонима не установлено. При этом, опираясь на перевод слова «Бешик» («колыбель», «люлька»), конечно же, имеется соблазн связать его происхождение с зарождением суфизма в данной местности, местом начала его распространения посредством деятельности служителей духовной обители.

Внешний вид мечети поселка Отузы (Верхние Отузы) в XIX – начале XX вв. установлен посредством анализа выявленного изобразительного материала: графики и фотоснимков. Мечеть находилась в западной части поселения на левом берегу Монастырского (Кизилташского) ручья, ниже по течению сливающегося с Кабакташским ручьем, образующим р. Отузку. Долина, в которой располагается поселение, окружена горами со скальными вершинами, выходящими к берегу моря.

На рисунках отузской местности, выполненных К.Ф. фон Кюгельхеном в 1824 г. и позднее (в Германии), мечеть изображена в долине, окруженной горами, у самого берега полноводного ручья. В нижнем углу одного из рисунков (рис. 9) слева на возвышенности располагается мусульманское кладбище с высокими прямоугольными камнями надгробий. В ограде мечети также изображены надгробные стелы и небольшое дюрбе (фонтан?) с арочным проемом. Подобные памятники встречаются на мусульманских некрополях, в частности в Восточном Крыму, в близко расположенном поселении Козы (пос. Солнечная Долина)[4], в степном Крыму (Мирас – Наследие…, 2016, с. 528, рис. 526; с. 529, рис. 527; с. 562, рис. 560). Вероятно, зарисовано кладбище, находящееся на вершине г. Мал-Кая, исследование которого проводил И.Н. Бороздин в 1926 г.

Второе изображение долины (рис. 10) композиционно почти повторяет предыдущее, лишь приближает мечеть к зрителю и слегка разворачивает угол к южной стороне, показывая михрабную стену с двумя окнами, но без полукруглого выступа кладки в месте михраба. На обоих рисунках на западной стене мечети художник расположил окна в два яруса, верхние, вероятно, освещали антресоли. Мелкие неточности, например, разная форма крыши мечети, количество окон на западной стене, не влияют на восприятие тождественности изображения. Тонкие, мастерски выполненные работы К.Ф. фон Кюгельхена передают картину прекрасной населенной долины (дома, ограды участков, тополиные деревья, люди с птицей), раскинувшуюся среди вели-

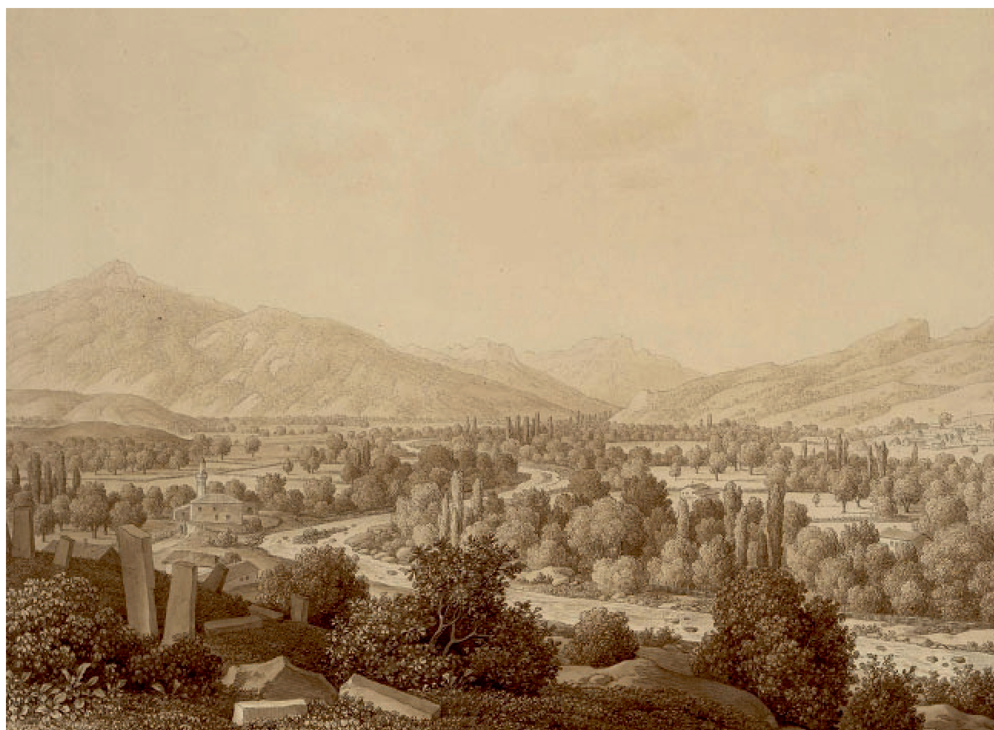

Рис. 9. К. Ф. фон Кюгельген. Отузская долина. 1824 г. Бумага, сепия. 31,6 x 41,5 см. Номер в Госкаталоге: 5637225.
Fig. 9. K.F. von Kügelgen. Otuz Valley. 1824. Paper, sepia. 31.6 x 41.5 cm. State Catalogue number: 5637225.

Рис. 10. К. Ф. фон Кюгельген. Отузская долина. Начало XIX в. Бумага, сепия, карандаш. 18,2 x 24,2 см. Номер в Госкаталоге: 27177381.
Fig. 10. K.F. von Kügelgen. Otuz Valley. Beginning of the XIX century. Paper, sepia, pencil. 18.2 x 24.2 cm. State Catalogue number: 27177381.

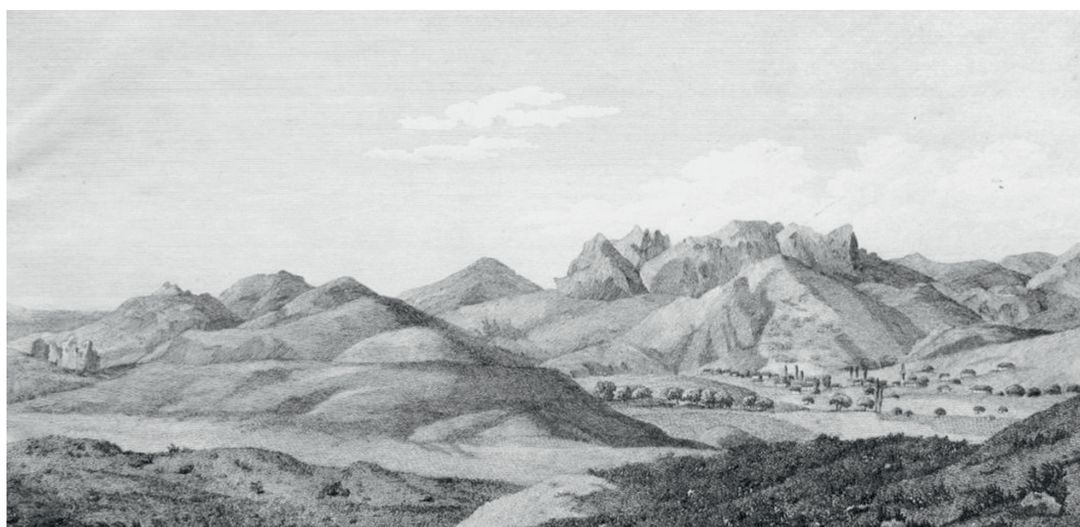

Рис. 11. Художник А. де Палдо, гравер А. Я. Колпашников. Отузы. 1805 г. Гравюра на меди. 22 х 38,5 см (Сумароков, 1805, илл. 30).
Fig. 11. Artist A. de Paldo, engraver A.Ya. Kolpashnikov. Otuz. 1805. Copper engraving. 22 x 38.5 cm (Sumarokov, 1805, fig. 30).

Рис. 12. Дюбуа де Монпере. Вид Отуза и порта тавроскифов. Лист XLIV (Дюбуа де Монпере, 2009, цв. вклейка).
Fig. 12. DuBois de Montperreux. View of Otuz and the Tauroscythian port. Sheet XLIV DuBois de Montperreux, 2009, color insert).

чественных гор. Автор выбрал мечеть как наиболее интересную, выделяющуюся своей архитектурой постройку в поселке.

Еще более величественную картину поселка в долине среди горной страны представляет гравюра А. де Палдо, иллюстрирующая сочинение П.И. Сумарокова «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» 1805 г. (Сумароков, 1805) (рис. 11). Здесь узнается отузская мечеть с минаретом, представленная в отдалении и потому лишенная деталей.

Ф. Дюбуа де Монпере зарисовал отузскую долину с мечетью на переднем плане в 1833 г. (рис. 12). Вид со склона горы, мечеть у ручья, больше построек в долине, разделенной на

Рис. 13. Отузы. Мечеть Кучук-Джами. Вид с запада. Фотоснимок 1926 г. (Мирас–Наследие…, 2016, с. 464, рис. 462).
Fig. 13. Otuz. Kuchuk-Jami Mosque. View from the west. Photo. 1926 (Miras–Nasledie…, 2016, p. 464, fig. 462).

участки владений, рядом с мечетью – дом с башней и портиком у входа – лютеранская церковь (?), усадьба (?). Мечеть имеет заброшенный вид: ограды нет, верхняя часть минарета отсутствует. Крыши основного здания и пристройки, в отличие от всех иных рассматриваемых изображений, – двускатные. Место расположения мечети, тот же постамент минарета – все указывает на идентичность постройки с описанной выше. Значение этой работы, помимо художественности изображения, представляющего пасторальный пейзаж с ветряной мельницей, жителями, занимающимися мирным трудом, горными массивами, выходящими к морю, обширным небом, в фиксации тех изменений, которые произошли с постройкой (и, вероятно, с мусульманской общиной) в середине XIX в. Возможно, уже на рубеже XIX–XX вв. мечеть была восстановлена такой, какой видим ее на фотографиях. Сопоставляя графические изображения отузских построек, необходимо учитывать субъективность авторского художественного подхода к изображаемому материалу, которая может при этом присутствовать в той или иной степени.

Архитектура мечети в начале XX в. прослеживается на фотоснимке, выполненном с западной стороны в 20-х гг. (рис. 13). Мечеть расположена на берегу ручья. Представляет собой большое прямоугольное, почти квадратное в плане, одноэтажное здание с белеными каменными стенами, вальмовой крышей (покрыта круглой черепицей). Небольшие окна с деревянными рамами имеют верх стрельчатой формы (три на западной стене). К северо-западному углу пристроен минарет на высоком каменном постаменте. Перед ним видны каменные стены небольшого сооружения без крыши с широким дверным западным проемом, возможно, это остатки ранее существовавшей пристройки. Постамент призматической формы, высокий, сложен из тесаного камня, ствол десятигранный, балкон-шерфе каменный с выпуклыми украшениями в виде розеток, поддерживается резными фигурными каменными консолями. Башенка круглой формы, завершается острой конусной крышей с алемом, крытой металлическим листом. Минарет подобен многим минаретам крымских мечетей, построенных в период Крымского ханства. Сохранность мечети и архитектура минарета позволяют предположить, что мечеть сохраняла свое месторасположение и в целом свой вид по крайней мере с начала XIX в.

На второй фотографии (рис. 14), снятой в тот же период, мечеть представлена с юго-восточного угла, видна южная стена с двумя стрельчатыми окнами, широко разведенными к углам, в интерьере окна находятся с обеих сторон от михраба. Фотоснимок интересен передачей поселковой застройки района выше левого берега ручья: невысокими, с низкими и плоскими кровлями домами, типа, характерного для старинной национальной архитектуры. Мечеть представляет собой распространенный вид здания с вальмовой четырехскатной крышей, известный в городах и поселках восточного Крыма, Бахчисарая[5]. При всем различии в некоторых элементах композиции и разнообразии деталей архитек-

Рис. 14. Отузы. Мечеть Кучук-Джами. Вид с юго-востока. Фотоснимок 20-х гг. XX в.
Fig. 14. Otuz. Kuchuk-Jami Mosque. View from the southeast. Photo. 1920s.

турного декора (или их отсутствии), а также в материалах подобные мечети представляют собой широкий круг построек (сохранившихся или утраченных), массовое строительство которых было характерно для Крымского Ханства. Изображений внутренней части сооружения не выявлено, неизвестны и размеры здания. Интерес представляют обрамления окон стрельчатой формы, что встречаются в постройках мечетей, жилых домов[6]. Стрельчатость деталей и ряда композиционных элементов в мусульманской архитектуре – явление распространенное, являющееся художественным приемом, своеобразным показателем этнической идентичности и религиозной принадлежности.

Особую выразительность отузской мечети Кучук-Джами придает ее высокий минарет, украшенный резными деталями. Подобные минареты на призматическом постаменте имеют и прямоугольные в плане с четырехскатной крышей и кубовидные купольные мечети, находящиеся в разных районах полуострова[7]. Каменное обрамление балкона-шерфе декорировано розетками, которые являются одним из излюбленных мотивов каменной пластики полуострова.

Вопрос о датировке мечети в Отузах остается открытым. Мечеть и, возможно, культовый комплекс (текие, азиз) существовали в Отузах с начала основания поселения. Сооружения, которые отражены в графике XIX в., несомненно, были построены несколько ранее этого – подобные формы архитектуры, появились на полуострове, например в Бахчисарае, с XVI–XVII вв., а ближайшими образцами для Отуз могли быть постройки Солхата и Карасубазара. Приведенные примеры подобных мечетей либо не имеют датировки, либо были сооружены в XVIII–XX вв. Минареты подобной формы у мечетей в степном Крыму возводились в раннеосманский период (Ломакина, 2020, с. 88). В начале XIX в. высокий минарет Кучук-Джами уже стоял (показан на рисунке А. де Палдо). Изобразительный материал (графика и фотоснимки) позволяет последовательно, в разные периоды ее существования вплоть до начала XX в., воссоздать одну из ранних утраченных мусульманских архитектурных древностей полуострова.

Примечания:

[1] 1. БИКАМЗ. КП-10182/63, инв. № Г-1330. Надгробие Идриса, сына Хаджи Яхья Отузского (слева), надгробие шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского (справа). Рисунок, бумага, графитный карандаш, 19×23,1; 2. КП-10182/43, инв. № Г-1310. Надгробие шейха Якуба Конийского. Рисунок, бумага, графитный карандаш, 21×25,6; 3. КП-10182/56, инв. № Г-1323. Закладная плита, сообщающая о постройке фонтана Идрисом, сыном Хаджи Яхьи. Рисунок, бумага, графитный карандаш, 19×23,6.

[2] ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

[3] БИКАМЗ. КП-10182/63, инв. № Г-1330; КП-10182/43, инв. № Г-1310.

[4] Литография Николе Эркюля с рисунка Ф. Дюбуа де Монпере «Селение Козы в Крыму». 39,4×55,4 см. ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. № Г-75956, № в Госкаталоге: 12106899.

[5] Мечеть Биюк-Хан-Джами, Карасубазар (г. Белогорск) (Мирас – Наследие…, 2016, с. 466, рис. 464); мечеть Салачик Асма-кую (г. Бахчисарай) (Ломакина, 2020, с. 334–335); мечеть Тахталы-Джами (г. Бахчисарай) (Свод памятников…, 2016а, с. 47–49); мечеть Вахит-Джами, с. Отарчик (с. Ново-Ульяновка Бахчисарайского р-на) (Свод памятников…, 2016б, с. 73).

[6] Жилой дом в г. Бахчисарае (Свод памятников…, 2016а, с. 46); мечети в с. Нижний Аргуль (с. Голубинка Бахчисарайского р-на) (Свод памятников…, 2016б, с. 8, 77).

[7] Мечеть Биюк-Хан-Джами (г. Белогорск) (Мирас – Наследие…, 2016, с. 466, рис. 464); минарет (г. Белогорск) (Ломакина, 2020, с. 266–267); мечети с. Карагоз (с. Первомайское Кировского р-на), с. Колечь-Мечеть (с. Новопокровка Кировского р-на) (Мирас – Наследие…, 2016, с. 471, рис. 469; с. 473, рис. 471).

ЛИТЕРАТУРА

Абдульвапов Н. О некоторых крымских эпиграфических находках последнего времени, касающихся периодов Золотой Орды и Крымского ханства // V научные чтения памяти У. Боданинского: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, 23–27 октября 2013 г., Бахчисарай / под ред. В. Е. Науменко. Симферополь: Антиква, 2013. С. 7–8.

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: «СОНАТ», 2001. 280 с.

Акчокраклы О.[-Н. А.] Старокрымские и отузские надписи XIII – XV веков // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). Т. 1 (58). / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1927. С. 5–17.

Али-Заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.

Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия: краткий словарь. Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. 160 с.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). 1920. № 57. С. 1–136.

Боданинский У.А. Собрание сочинений: в 3- т. Т. 3: Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934) / Наследие Крыма. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.

Бороздін І.М. До вивчення старо-кримських надгробків // Записки Історико-археологічного відділу АН УРСР. 1927а. № 51: Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія. С. 471–475.

Бороздин И.Н. Два мусульманских памятника в Отузах // Труды секции археологии РАНИОН. Т. 4 / под ред. В. М. Фриче, А. А. Захарова. М.: Мосполиграф, 1928. С. 90–92.

Бороздин И.Н. Из Отузской старины: надгробие шейха Якуба из Конии 729 г. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). Т. 1 (58). / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1927б. С. 24–26.

Бороздин И.Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 года. М.: Искра революции, 1927в. 21 с.

Бороздин И.Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 года // Новый восток. 1927г. № 16/17. С. 256–274.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: ХНУ. 2001, С. 89–90.

Бочаров С. Г. Отуз и Калиера // Золотоордынское наследие: материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Вып. 2 / Отв. ред. Миргалеев И.М. Казань: Фолиант, 2011. С. 252–263.

Бочаров С.Г. Генуэзская крепость Калиера и золотоордынское селение Отузы в Восточном Крыму // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. 2012. Вып. 8(3). С. 62–66.

Бочаров С.Г. Генуэзский замок Калиера // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 47–98.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6 / Перевод, предисловие и примечания Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

Кирилко В.П. Архитектура Золотоордынского Крыма // М МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах. Т. 1 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 420–496.

Ломакина М.А. Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника / Биобиблиография крымоведения. Вып. 30. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 448 с.

МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах. Т. 2 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2016. 572 с.

Поездка в Отуз (пгт. Щебетовка, Феодосийского горсовета, 13 мая 2017 г.) // Крымское историческое обозрение. 2017. № 2. С. 199–200.

Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1: Бахчисарай / Ред. Р. С. Хакимов. Симферополь: Форма, 2016а. 168 с.

Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 2: Бахчисарайский район / Ред. Р. С. Хакимова. Симферополь: Форма, 2016б. 184 с.

Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду: в 2-х ч. Ч. 2. СПб.: Имп. типография, 1805. 244 с.

Усеинов М.А. Мусульманские эпиграфические памятники золотоордынского периода в селении Отузы // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том IV: Старый Крым / Ред. Р. С. Хакимов. Казань; Симферополь, 2020. С. 180.

Энциклопедический словарь. Т. XXXIX (77): «Чугуев–Шен» / сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1903. 491 с.

Basso E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // Studi genuensi: Nuova Serie. 1991. Vol. 8. P. 11–26.

Desimoni C, Belgrano L.T. Atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1867. Vol. V. P. 5–271.

Информация об авторах:

Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); LomakinDA@mail.ru

Айбабина Елена Акимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры геометрического и компьютерного моделирования энергоэффективных зданий Института «Академия строительства и архитектуры» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); AibabinaE@mail.ru.

REFERENCES

Abdul'vapov, N. 2013. In *V chteniia pamiati U.Bodaninskogo: tez. dokl. i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Bakhchisarai, 23-27 oktiabria 2013 g.) 5th Readings in Memory of U. Bodaninsky: Abstracts and Reports of the International Scientific Conference (Bakhchisaray, October 23–27, 2013).* Simferopol: "Antikva" Publ., 7–8 (in Russian).

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV—XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th—18th Centuries).* Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Akchokrakly, O. [-N.A.]. 1927. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 1 (58). Simferopol, 5–17 (in Russian).

Ali-Zade, A. A. 2007. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Islamic Encyclopedic Dictionary)*. Moscow: "Ansar" Publ. (in Russian).

Belianskii, I. L., Lezina, I. N., Superanskaia, A. V. 1998. *Krym. Geograficheskie nazvaniia: kratkii slovar' (Crimea. Geographical names: shorter dictionary)*. Simferopol: "Tavriia-Plus" Publ. (in Russian).

Bert'e-Delagard, A. L. 1920. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 57, 1–136 (in Russian).

Bodaninskii, U. A. 2020. *Sobranie sochinenii (Collected works)* (3). Kazan, Simferopol: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Borozdin, I. M. 1927. In *Zapiski Istoriko-arkheologichnogo viddilu AN URSR (Notes of the Historical and Archaeological Department of the Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)*. Kiev, 471–475 (in Ukrainian).

Borozdin, I. N. 1928. In Freche, V. M., Zakharov, A. A. (eds.). *Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia RANION (Proceedings of the Department for Archaeology of the Archaeology Institute and Art Studies of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences)* 4. Moscow: "Mospoligraf" Publ., 90–92 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1927. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 1 (58). Simferopol, 24–26 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1927. *Novye dannye po zolotoordynskoy kul'ture v Krymu: raboty arkheologicheskoy ekspeditsii 1926 goda (New data on the Golden Horde culture in Crimea: works of the archaeological expedition in 1926)*. Moscow: "Iskra revolyutsii" Publ. (in Russian).

Borozdin, I. N. 1927. In *Novyi vostok (New East)* (16/17), 256–274 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2001. In Sorochan, S. B. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaelogy of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 89–90 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2011 In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.)." March 17, 2009)* 2. Kazan: "Fan" Publ., 252–263 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2012. In *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura (The Black Sea Region. History, Politics and Culture)* 8 (3) series A, 62–66 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan, Simferopol, Kishinev: "Stratum plus" Publ., 47–98 (in Russian).

Dyubua de Monpere, F. 2009. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziyu, Armeniyu i v Krym. V 6 tomakh. Parizh*, *1843. (Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée). In 6 vol. Paris, 1843)* 5, 6. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

Kirilko, V. P. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: "Aster Plyus" Publ., 420–496 (in Russian).

Lomakina, M. A. 2020. *Krymskie drevnosti v akvarelyakh K. F. Bogaevskogo: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika (Crimean antiquities in watercolors by K.F. Bogayevsky: to the 150th anniversary of the artist's birth)*. Series: Biobibliografiya krymovedeniya (Biobibliography of Crimean studies) 30. Simferopol: "N. Orianda" Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). 2016. *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 2. Kazan: "Aster Plyus" Publ. (in Russian).

2017. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* (2). 199–200 (in Russian).

Khakimov, R S. (ed.). 2016. In *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* 1. Simferopol: "FORMA" Publ. (in Russian).

Khakimov, R S. (ed.). 2016. In *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* 2. Simferopol: "FORMA" Publ. (in Russian).

Sumarokov, P. I. 1805. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu (Leisure of the Crimean judge or the second trip to Tavrida)*. Part 2. Saint Petersburg: Imperial Printing House (in Russian).

Useinov, M. A. 2020. In Khakimov, R S. (ed.). *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* 4. Kazan; Simferopol: “FORMA” Publ., 180 (in Russian).

Brokgauz F. A., Efron I. A. (eds.). 1903. *Enciklopedicheskii slovar' (Encyclopedic Dictionary).* (77). Saint Petersburg: “I. A. Efron” Publ. (in Russian).

Basso E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro // Studi genuensi: Nuova Serie. 1991. Vol. 8. P. 11–26.

Desimoni C, Belgrano L.T. Atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1867. Vol. V. P. 5–271.

About the Authors:

Lomakin Dmitry. A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, 295007; Republic of Crimea, Russian Federation; LomakinDA@mail.ru

Aibabina Elena. A., Candidate of Historical Sciences, Associate professor of the Department of geometric and computer modeling of energy-efficient buildings of the Academy of construction and architecture of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, 295007; Republic of Crimea, Russian Federation; AibabinaE@mail.ru.

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.241.252

О ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА И ЕГО ОКРУГИ

©2024 г. А.Н. Масловский, И.Б. Папка

В статье проводятся расчеты численности населения золотоордынского Азака и его округи на основе анализа результатов многолетних раскопок золотоордынского Азака. Наиболее достоверные данные имеются для периода около 1340 г., когда численность населения города составляла 54 тыс. человек. Для определения динамики развития города расчёты приведены также для периодов около 1290 и 1395 гг., когда население города составляло около 3,0-3,5 и 12,5-13,5 тыс. жителей. Численность кочевников на территориях, тяготеющих экономически к Азаку, может быть оценена в 250 тыс. человек. Это число скорее является верхним пределом. Неясным остается вопрос о численности некочевого населения округи Азака, поскольку неизвестно даже примерное число оседлых поселений. Поэтому, предложенная в статье оценка в более чем 300 тысяч человек является умозрительной. При всей приблизительности расчётов, подобные исследования необходимы для правильного понимания истории Золотой Орды. Данные, несомненно, будут уточняться, но порядок чисел вряд ли изменится. Численность населения Азака говорит о том, что он был в период своего расцвета одним из крупнейших городов не только Восточной Европы, но Европы в целом. Такие размеры указывают на то, что он выступал не только как центр посреднической трансконтинентальной торговли, но как торгово-ремесленный центр большого региона. Подобные исследования в будущем должны быть проведены и для других регионов Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, кочевники, демография, плотность застройки, реконструкция численности населения.

ABOUT DEMOGRAPHICS OF THE GOLDEN HORDE AZAK AND ITS DISTRICT

A.N. Maslovsky, I.B. Papka

The paper presents calculation of the population of the Golden Horde Azak and its district based on the analysis of the results of long-term excavations of the Golden Horde Azak. The most reliable data are available for the period around 1340, when the population of the city was 54 thousand inhabitants. To determine the dynamics of the city's development, calculations are also given for the periods around 1290 and 1395, when the city's population was about 3.0-3.5 and 12.5-13.5 thousand inhabitants. The number of nomads in territories economically gravitating towards Azak can be estimated at 250 thousand people, this number is rather an upper limit. The question of the size of the non-nomadic population of the Azak district remains unclear, since even the approximate number of sedentary settlements is unknown, therefore the estimate of more than 300 thousand inhabitants proposed in the article is speculative. Despite the approximate calculations, such studies are necessary for a proper understanding of the history of the Golden Horde. The data presented in this paper will be updated, but the order of the numbers will most likely not change. Based on data on the population of Azak, we can conclude that during its heyday it was one of the largest cities not only in Eastern Europe, but in Europe as a whole. Based on the data on the size of the city, it allows us to conclude that it acted not only as a center of intermediary transcontinental trade, but also as a trade and craft center of a large region. Research similar to that presented in this article should be carried out in the future for other regions of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, nomads, demographics, urban density, reconstruction of the population.

В самом понятии археологии как исторической дисциплины, изучающей прошлое по вещественным источникам, предполагается, что итогом нашей работы станет получение нового знания в виде реконструкции древнего общества. Важной её частью является построение социально-экономических моделей изучаемых обществ, неотъемлемой частью которых является оценка демографических характеристик. Эта работа проводится

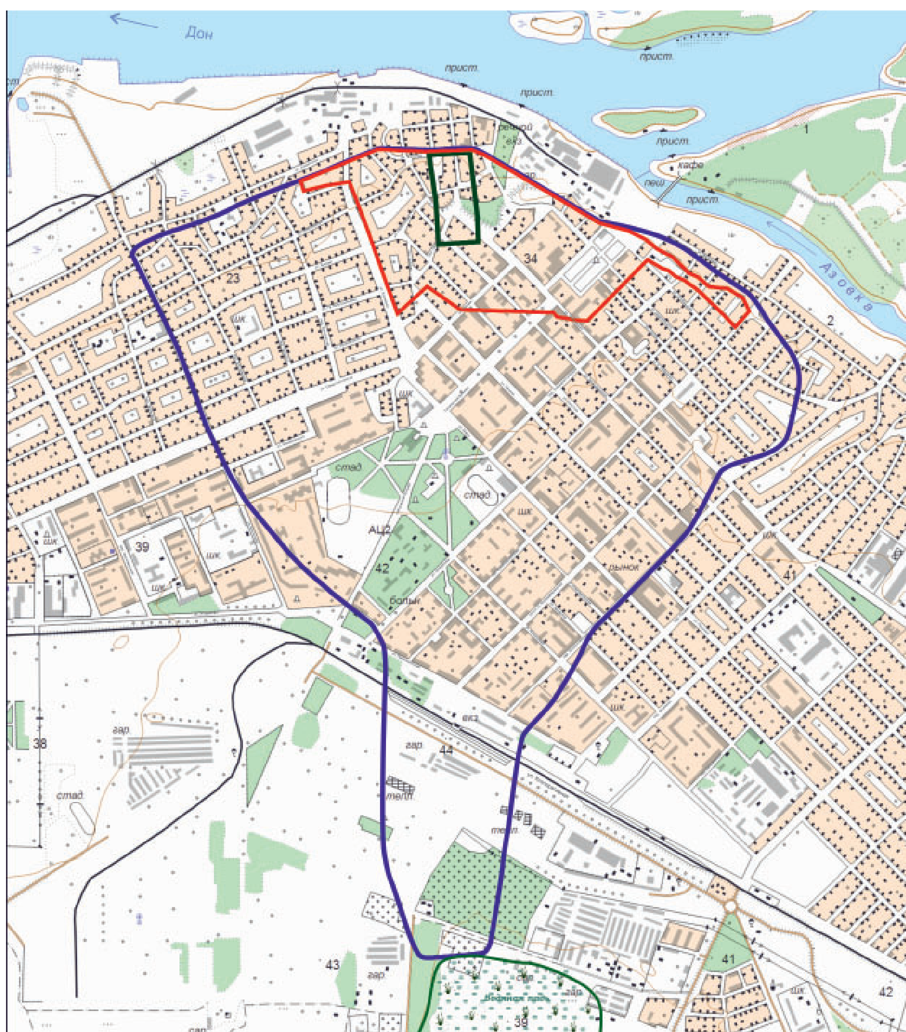

Рис. 1. Азак. 1290 год.
Fig. 1. Azak. 1290.

уже длительное время и на настоящий момент существует большое число научных работ, затрагивающих различные аспекты палеодемографии (Урланис, 1941; Большаков, 2001, с. 98-141; Ливи Баччи, 2010). В условиях, когда данных письменных источников мало или они представляются недостоверными, привлечение данных археологии является весьма эффективным (Кучкин, 2013).

Проблемами реконструкции численности населения в эпоху средневековья активно занимаются и археологи, изучающие памятники Восточной Европы (Макаров, 2017). Сочетание анализа данных археологии о площади жилой усадьбы и письменных источников о численности семей позволило дать оценку средней плотности населения древнерусских городов в 110 человек на 1 га (Кучкин, 2013, с. 86). Основной сложностью является невозможность определить точные значения основных переменных. В силу этого, реконструкции численности населения имеют очень большой разброс возможных значений. Например, число всех горожан Северо-Восточной Руси оценивается в интервале от 46.200 до 71.500 человек (Макаров, 2017, с. 65). Для поздневизантийского Херсона, с использованием разных систем подсчёта жителей квартала, общая численность горожан определена в 3600-5000 человек на площади в 22 га (Романчук, 2000, с. 188-191).

Отдельные предположения о численности населения выдвигались и относительно городов Золотой Орды. Для Солхата была сделана оценка численности жителей в 10-11 тыс. человек при площади города внутри стен в 2,2 кв. км и оценке плотности населения 50 человек на 1 га (Крамаровский¸ 2009, с. 582). Даже эта цифра М.Г. Крамаровскому представляется завышенной и в более поздней работе она была им уменьшена до 8-9 тысяч человек (Ахиезер, Крамаровский, 2023, с. 84). Объясняется такая оценка предположением о низкой плотности застройки и полуаграр-

ным характером города, в котором по сообщению Перо Тафура, между домов стояли юрты (Крамаровский¸ 2009, с. 581-582). Для подобных выводов, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Нельзя переносить данные источника XV в., когда Солхат переживал упадок, на период его расцвета в XIV в. Неясно насколько оценка низкой плотности городской застройки Солхата опирается на данные археологических исследований.

Численность населения Укека была оценена в 9-10 тысяч человек при площади более 205 га (и это только сохранившаяся площадь) (Недашковский, 2000, с. 3). Почему приводится именно такая оценка не объясняется, но вероятно предполагается, что в Укеке также господствовала свободная городская застройка, которая и даёт плотность около 50 человек на 1 га (Большаков, 2001, с. 102). Учитывая сложный рельеф территории городища, такое предположение представляется разумным, но всё же с существенными оговорками. На отдельных участках могла существовать уличная застройка с более высокой плотностью населения. Пока Укек не исследован с достаточной полнотой, чтобы можно было вынести однозначное суждение по этому вопросу.

Как мы видим, при существовании разработанных методик, проблема исследования демографии Золотой Орды упирается в недостаток конкретных исходных данных. Прежде чем предпринимать попытки оценки демографии Золотой Орды в целом, попробуем опробовать методику на примере отдельно взятого региона - Азака и его округи. Прежде всего, речь идет о самом Азаке, одном из крупнейших городов Золотой Орды, который в бассейне Дона бесспорно доминировал.

Говоря далее об округе Азака, мы имеем в виду не некий административный округ, границы которого с помощью археологии определить не представляется возможным, а регион, население которого было связано с Азаком экономически сильнее, чем с другими крупными региональными центрами. Например, применительно к кочевникам, в интересах элиты которых в первую очередь и создавались эти города, включение их в орбиту экономического влияния города означает, что они имели возможность хотя бы раз в год прямо или через посредников сбывать свою животноводческую продукцию (скот, молочные и мясные продукты, шерсть, кожи), рабов и другие возможные товары в обмен на товары, поступавшие на территорию Золотой Орды из-за её пределов, а также ремесленные изделия самих горожан и сельскохозяйственную продукции некочевого населения. Конкретный клан мог и не прикочевывать к Азаку никогда, а осуществлять связи через региональные центры более низких рангов - безымянные для нас городки на притоках Дона или купцов, посещавших кочевья. Учитывая размах перекочевок, в пределы округи Азака должны быть включены достаточно удалённые от него территории, о чём несколько позже.

Третий из элементов этой региональной системы, вышеупомянутые небольшие городские центры и оседлое сельское население, в пределах тех же границ, которые были перед этим определены для кочевников.

Методика оценки численности населения городов разработана достаточно давно и проста. Нужно высчитать площади районов города с застройкой разного типа и умножить их на плотность населения. В данной работе нет необходимости изобретать что-то новое. Для средневековых городов Ближнего Востока такая методика с успехом применена и для отдельных городов, и для всего региона в целом (Большаков, 2001, с. 102-141). При анализе данных переписей населения городов с традиционной застройкой в Новое время выделяется четыре типа городской застройки (Большаков, 2001, с. 102-103). Проблемы начинаются исключительно в плоскости практического применения имеющихся методик, поскольку нам неизвестны точные значения переменных для конкретных памятников.

Города Золотой Орды по своей структуре и характеру застройки не имеют точных аналогов в других регионах. Существуют заметные различия даже между отдельными крупными городами. Поэтому у нас нет возможности сопоставления наших наблюдений с данными переписей XIX - начала XX в.

Напрямую переносить оценки плотности населения на единицу площади, полученные на основе изучения этнографии городов Европы или Ближнего Востока не вполне корректно. Тем более, что и здесь зафиксированные колебания плотности населения очень велики. Поэтому исследователям необходимо в каждом конкретном случае высчитывать плотность населения на основе эмпирических данных.

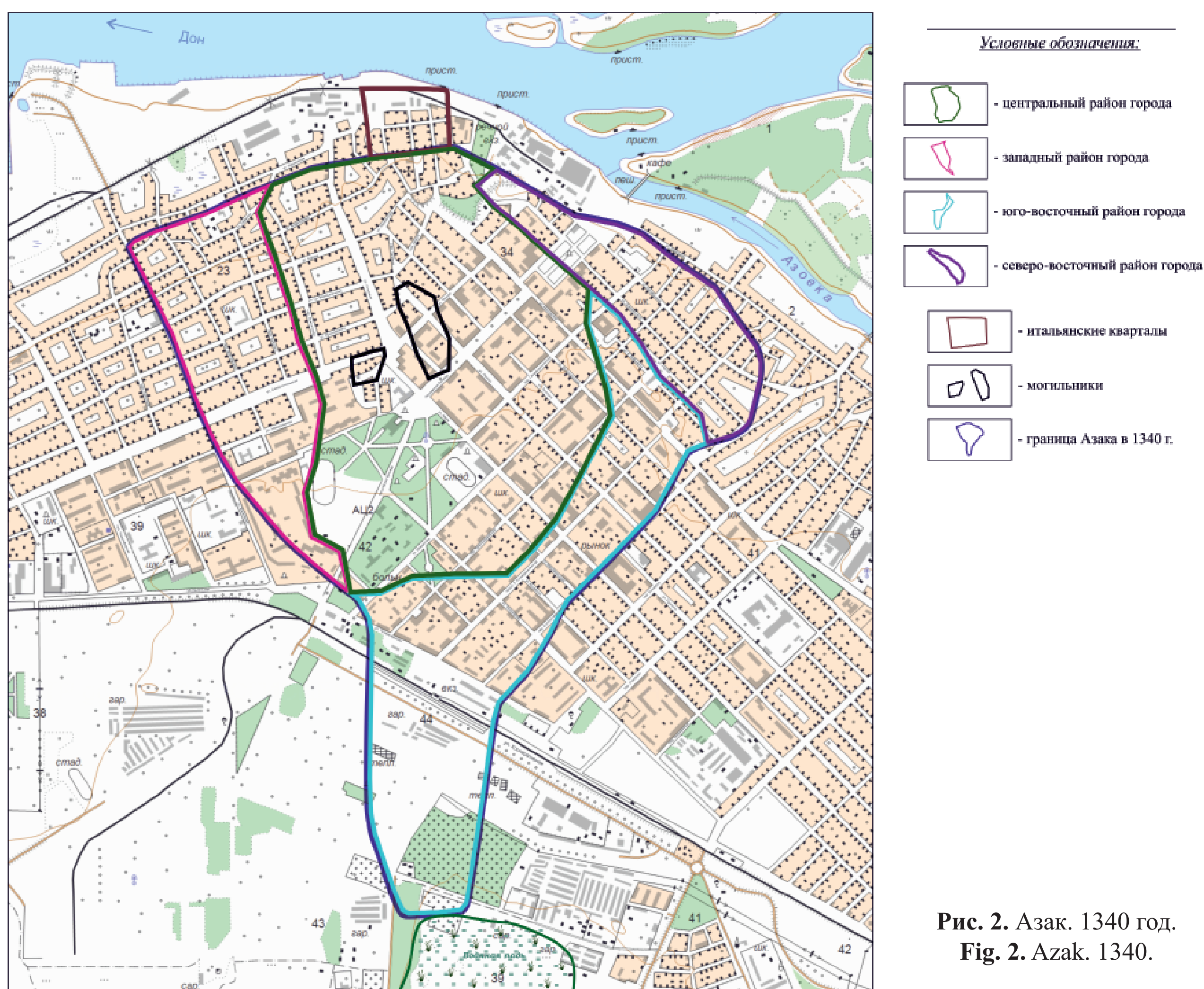

Рис. 2. Азак. 1340 год.
Fig. 2. Azak. 1340.

Здесь существуют значительные сложности, поскольку даже площадь городов Золотой Орды установить точно проблематично. К тому же, поскольку они неоднородны по характеру застройки, необходимо определить не только их общий размер, но также площадь отдельных районов и плотность застройки в них.

В случае с Азаком, за несколько десятилетий регулярных раскопок, как нам кажется, накоплен достаточный материал для того, чтобы сделать подсчёты на приемлемом уровне точности. Можно предпринять попытку проследить изменения численности городского населения в разные периоды.

Площадь сплошного распространения культурного слоя в конце 1330-гг., без учета итальянских кварталов и Джудекки, а также полосы могильников внешней дуги и отдельных усадеб, может быть оценена в 363 га. При этом, городская застройка очень неоднородна. По разнице в её плотности на настоящий момент можно выделить следующие районы – центр, западный, северо-восточный, юго-восточный (рис. 2).

Центральный район локализуется внутри внутренней дуги могильников (Масловский, 2019, с. 642, 648). Его территория сформировалась в основном уже в первом десятилетии XIV в. В свою очередь, центральный район тоже не является однородным. Выделяется полоса шириной до 300 м вдоль главной магистрали, протянувшаяся с севера на юг к востоку от главного городского могильника, с наиболее частой и однородной застройкой. На остальной территории центрального района плотность населения неравномерна. В юго-западной его части выявлены аристократические усадьбы с обширными участками без жилой и хозяйственной застройки. Вместе с тем, в этих же усадьбах выявлены цепочки домов, расположенных на расстоянии метра друг от друга, чего в районе центральной

магистрали не отмечено. Ближе к могильникам плотность заселения снижается, но неравномерно в разных направлениях.

При определении конкретных показателей плотности застройки Азака мы сталкиваемся со значительными сложностями. Ограды усадеб, вероятно, имели вид легкого плетня и за единичными исключениями не фиксируются при раскопах. Большинство жилищ Азака (около 80 %) (Масловский, 2014, с. 401) составляли наземные жилища с достаточно легкими по конструкции турлучными стенами и земляными полами. Они залегают на небольшой глубине 0,2-0,5 м и поэтому очень сильно пострадали от современной застройки. Остатки турлучных стен фиксируются в большинстве своём только в виде, прокаленных в огне, обломков в заполнении хозяйственных ям погребов. Хотя зафиксирована не одна сотня наземных жилищ, ни одного из них, которое сохранилось бы на 100 %, исследовано не было. Прослеживаются только фрагменты стен или полов, отопительные сооружения. Тем более, нет уверенности, что нам удается выявить все существовавшие на исследованном участке жилища. Существуют сложности и с точной датировкой наземных построек, что делает проблематичным выявление всех комплексов одного временного отрезка.

Лучше сохраняются землянки и полуземлянки, но они характерны преимущественно для первой половины XIV в. и даже в этот период отмечены не на всех участках города и не составляли большинства. Для подсчётов следует брать большие по площади раскопы, чтобы уменьшить фактор случайности. Умозрительно можно попытаться определить число домохозяйств по числу и расположению хозяйственных ям синхронно функционировавших на участке раскопа. Такие постройки в Азаке сооружались очень основательно и фиксируются даже при аварийных раскопках в незаконных строительных котлованах. Однако, эта работа очень трудоёмка и оставлена для будущих исследований.

В качестве модельного раскопа с очень хорошей для Азака сохранностью жилых построек, прежде всего, рассмотрим участок на улице Толстого, 41 исследовавшийся в 2000-2003 гг. Здесь на площади 1252 кв. м было зафиксировано 50 жилищ, 95 хозяйственных ям и отдельно расположенные ремесленные мастерские. В пределах раскопа имелись всё же значительные перекопы, и поэтому, вероятно, число жилищ на данном участке было на несколько единиц больше. Дома располагались по обе стороны главной улицы города шириной 8 м, прослеженной на протяжении 40 метров. Фрагментарно в пределы раскопа попали ряды жилых построек, выходивших на две параллельные главной улицы, одна из которых также попала в пределы раскопа.

Конечно, не все эти жилища были синхронны. Есть несколько случаев перекрывания жилыми комплексами более ранних построек, в. ч. строительства нового наземного дома на месте засыпанной землянки. Только за время правления Узбека здесь была проведена одна серьёзная перепланировка. Более-менее уверенно можно говорить о том, что в конце правления Узбека одновременно на участке раскопа функционировало не менее 8-10 жилищ, 2 из которых относились к числу больших, вероятно, преимущественно купеческих домов от которых сохраняются только подвалы. Площадь этих подвалов составляла от 50 кв. м и могла достигать более 500 кв. м (Масловский, 2014, с. 402-403). Размер городской семьи обычно оценивается в 4-5 человек. Для домонгольских городов Руси было предложено усредненное значение в 4,4 человека (Кучкин, 2013, с. 86). В больших купеческих домах могла проживать не только семья купца, но и его приказчики, рабы. Помещения в них могли сдаваться для жилья в аренду. Поэтому целесообразно считать купеческие дома жилищем для двух условных семей.

Таким образом, на участке раскопа по улице Толстого, 41 около 1340 г. могло проживать 40-60 человек. Это дает нам плотность населения в 320-480 человек на 1 га. Если мы примем минимально возможное число жилищ и размер семьи в 4,4 человека, то плотность населения составит 352 человека на 1 га. Может показаться, что эти цифры велики, но они далеко не рекордные для средневековой городской застройки (Большаков, 2001, с. 102-104). При этом площадь одного домохозяйства в центре Азака оказывается меньше, чем в Дамаске. Данный раскоп не является исключением. На участке по улице Московской, 16 на площади 32 кв. м было зафиксировано 5 жилищ. Хотя эти постройки по большей части разновременные, такая строительство нового жилья на одном и том же месте указывает на малый размер участ-

ков. Такая плотность населения для Азака была, вероятно, всё-таки максимальной и её нельзя проецировать на весь центральный район. Она характерна для полосы шириной в 300-400 м с несколькими улицами, вытянутыми от реки на юг.

Скорректировать её можно сопоставив с результатами исследований на другом раскопе. В 2019 г., в ходе благоустройства Петровского бульвара, были исследованы траншеи под коммуникации в центральной части современного Петровского бульвара на площади 2737 кв. м. Здесь было обнаружено 44 жилища, 112 хозяйственных ям и большое число сооружений других типов. К сожалению, сохранность культурного слоя здесь гораздо хуже из-за нескольких предыдущих реконструкций бульвара и поэтому дать достоверную оценку количества жилых построек затруднительно.

Можно с большой осторожностью предполагать, что на этой площади около 1340 г. располагалось не менее 12-14 жилищ, из которых минимум 3 купеческих дома. Примем, что в них проживало 15 семей со средним размером 4,4 человека. Тогда плотность населения в пределах исследованной зоны будет составлять около 241 человека на 1 га. При этом, в пределы раскопа попало несколько улиц, включая центральную и магистраль, перпендикулярную ей, городская площадь на пересечении двух магистралей, три крупные архитектурные постройки и окраина центрального городского могильника. Это избавляет нас от необходимости использовать понижающие коэффициенты.

Плотность застройки падала ближе к границам центрального района, но оценить это снижение в цифрах в настоящий момент затруднительно. Для хозяйственных ям, при движении от центральных улиц к границам района, плотность уменьшается примерно на 1/4.

Примем за среднюю плотность населения в центральном городском районе 250 человек на 1 га. В таком случае, при площади центрального района 162,2 га (после вычета площади двух крупных могильников) численность его населения составит 40,5 тыс. человек.

Юго-Восточный район располагается между двух дуг могильников Азака (Масловский А.Н., 2019, с. 648-649) и выходит за пределы внешней дуги могильников в южном направлении до Водяной пади (рис. 2). В качестве модельного раскопа для расчётов выбран раскоп на улице Привокзальной, 12Б (2008 г.). Здесь на площади в 2250 кв. м было изучено 10 земляночных жилищ, 56 хозяйственных ям и 30 горнов для выжига древесного угля. Дома образуют два параллельных ряда с обширной незастроенной территорией внутри квартала. Следует оговориться, что строители сумели уничтожить весь культурный слой до верхнего горизонта погребенной почвы, поэтому нет уверенности, что на участке не было наземных жилищ и поэтому, представленные для данного участка расчёты, будут скорее минимальными. Периодом около 1340 г. датируется 4 жилища. Добавим данные по расположенному поблизости раскопу на улице Привокзальной, 10Б, где на площади 384 кв. м было зафиксировано 2 жилища этого же периода. Одно из них является подвалом купеческого дома. Таким образом, на площади 2634 кв. м проживало 7 семей (считая, что в большом купеческом доме проживало две условных семьи). Это даёт нам плотность населения в 117 человек на 1 га. Из-за того, что как уже было сказано, часть жилищ могла быть уничтожена до начала раскопок, данное число является скорее минимальным. Сравнимые результаты мы можем получить при сложении результатов исследований на нескольких небольших раскопах этого района. В пределы юго-восточного района оказались включены некоторые могильники, суммарный размер которых в настоящее время определить не представляется возможным. Поэтому считаем нужным при оценке численности населения данной части города сократить предполагаемую плотность населения до 100 человек на 1 га. При площади района в 101 га численность его населения можно определить в 10 тыс. человек.

Северо-восточный район находился между внутренней дугой могильников и береговым обрывом до Кирсановой балки на востоке. Определить плотность застройки здесь сложнее, из-за её значительной неоднородности и повреждения слоя в период XVIII-XX вв. Ни на одном из раскопов не расчищено более одного жилища. Единичны выявленные улицы. Наряду с раскопами, где плотность размещения хозяйственных ям лишь незначительно меньше, чем в центральном районе, встречены участки, где не встречено ни одного комплекса. Среди находок нередки фрагмен-

ты дигирных сосудов. Всё это позволяет предположить, что данный район имел полуаграрный характер. Группы усадеб чередовались с обширными участками, использовавшимися под сельхозугодия. Представляется возможным определить плотность застройки данного района в 50 человек на 1 га. При площади района в 38 га, численность его населения можно оценить примерно в 2 тыс. человек.

Западный район Азака находился между двух дуг городских могильников. Несмотря на выявленную уличную сеть, регулярной застройки данный район, вероятно, не имел. Отдельные скопления усадеб чередовались с могильниками, ремесленными мастерскими, пустырями. На участке по улице Макаровского, 66 исследована даже мечеть. Зафиксировано несколько отдельных пятен культурного слоя и хозяйственных ям к западу от улицы Васильева в промежутках между могильниками. Характер застройки этого района, вероятно, следует определить как сельский, с плотностью в 25 человек на 1 га. При площади района в 56 га, с учетом отдельных групп усадеб к западу от него, численность населения западного района можно определить в 1,5 тыс. человек.

Суммируя полученные выше данные, мы получаем численность населения золотоордынского Азака около 1340 г. в 54 тысячи человек. За пределами нашего внимания остались отдельные усадьбы к востоку от Кирсановой балки и в районе между переулками Кошевого и Безымянным. Последний изучен совершенно недостаточно и, возможно, не имел постоянного населения. Относительности численности населения итальянских кварталов, Джудекки и усадеб между ними, которые упоминаются в письменных источниках, археологические данные отсутствуют.

Округлим для дальнейших подсчётов число жителей Азака до 50 тысяч. Чтобы представить динамику изменения численности населения следует определить её для двух других временных точек – 1290 и 1395 годов.

Несмотря на то, что Азак XIII в. изучен неплохо, по сравнению с другими городами Золотой Орды, но и здесь материалы начального этапа истории теряются среди более поздних находок. Не исследовано ни одного жилища этого периода, хотя куски турлука в заполнении ям встречаются. Размеры города на момент около 1290 г. можно определить по исследованным комплексам в которых встречены амфоры группы клейма SSS, византийская полива «комплекса Кабарди», отсутствует или не превышает нескольких процентов керамика 1 группы производства Азака. Город этого времени вытянут вдоль края коренного берега от современного переулка Красноармейский до улицы Фрунзе. Южная его граница проходит через двор Азовского музея и у перекрестка улицы Чехова с улицей Толстого и далее до появившегося к этому моменту могильника у перекрестка улиц Чехова и Ленина (рис. 1). Его площадь ориентировочно составляла 51,5 га. За этими пределами, вероятно, существовали отдельные усадьбы. Одна из них выявлена у перекрестка улиц Московской и Чеботарева, где в последующем городская застройка отсутствовала.

Плотность населения в это время была существенно меньше, чем во времена расцвета города. До сих пор не выявлено ни одной улицы этого периода. Во всяком случае, уличной сети как в 1 половине XIV в., ещё не существовало. По насыщенности хозяйственными ямами выделяется участок в районе современного спуска Р. Люксембург (ныне Александра. Невского). Для этого района площадью 5,3 га можно допустить плотность населения несколько выше 100 человек на 1 га. На остальной территории (46,2 га), где, видимо, существовала свободная застройка, плотность населения, вероятно, не превышала 50 человек на 1 га. Таким образом, численность населения Азака в этот момент составляла около 3,0-3,5 тысяч человек.

Азак 1395 г. известен значительно лучше (рис.3). Он представлял собой вытянутую с севера на юг территорию с южной границей в районе перекрестка современных улиц Кондаурова и Измайлова. Большая часть материалов этого времени встречена в полосе шириной, примерно, в 300 м, вдоль главной городской магистрали (магистралей), которые продолжали в это время функционировать. Судя по раскопу на улице Толстого, 41, плотность застройки на главной улице города в это время сохранилась примерно на том же уровне, что и во времена правления хана Узбека. Площадь этой полосы составляет примерно 42,5 га. При вероятной плотности в 250 человек на 1 га, численность населения этого центра города составляет около 10,5 тысяч человек. На остальной территории распространения мате-

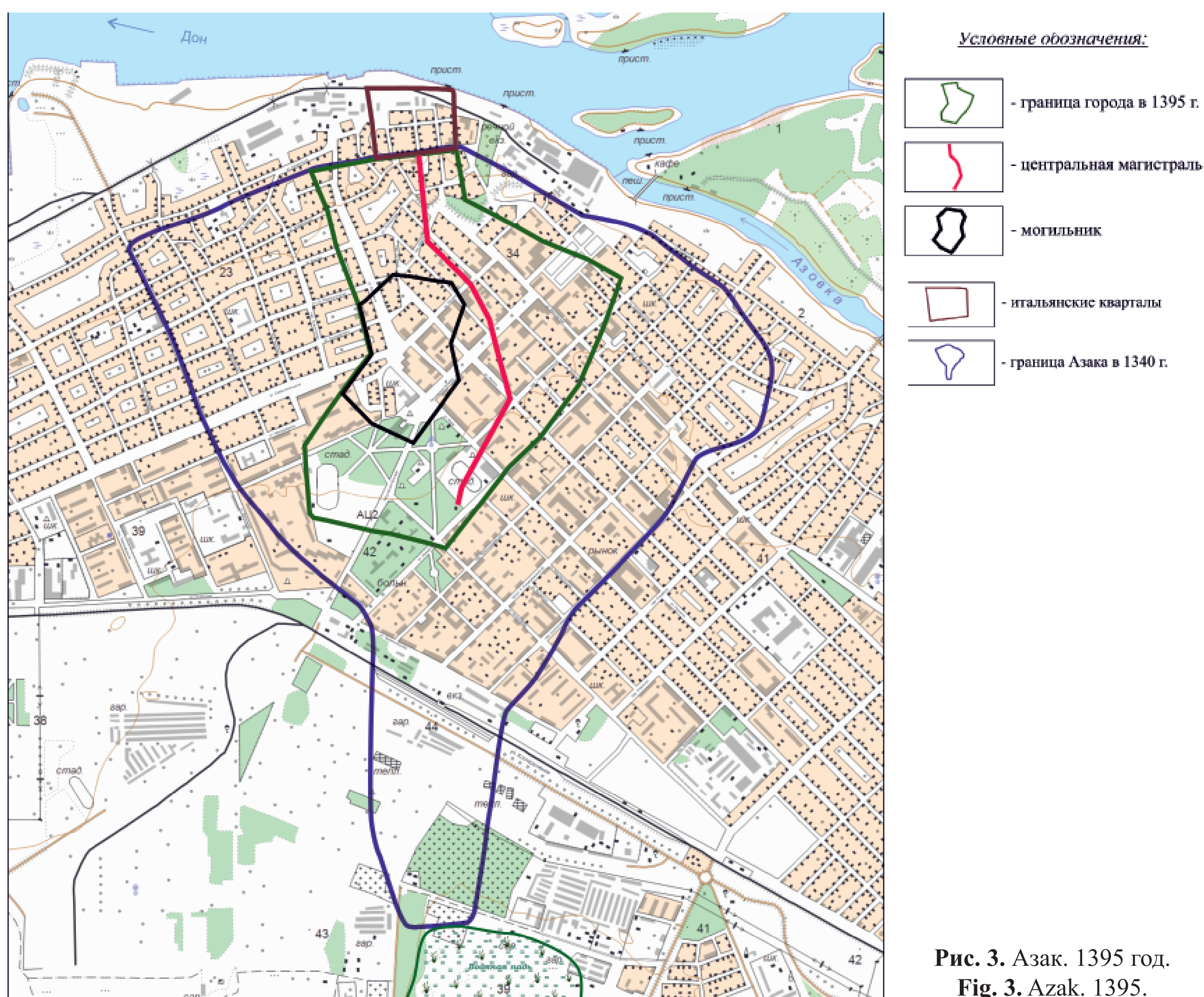

Рис. 3. Азак. 1395 год.
Fig. 3. Azak. 1395.

риалов этого периода (53,1 га) уличная сеть в это время, вероятно, уже не существовала. Между отдельными комплексами существуют обширные участки, где находки этого времени не обнаружены. Это позволяет определить плотность на этой территории в 50 человек на 1 га, а численность населения городских окраин последних лет жизни золотоордынского Азака в 2,5 тысячи человек. Общая численность населения города накануне тимуровского погрома составляла примерно 12,5-13,5 тысяч человек.

Для определения численности кочевого населения округи Азака необходимо определить её границы. При этом мы руководствуемся\. прежде всего, географическими ориентирами и проводим их на примерно равном удалении от Азака и соседних крупных региональных центров Золотой Орды – Солхата, Мохши, Укека, городов в районе современного Волгограда, Хаджи Тархана, Маджара. Северная граница проведена по пределу распространения подкурганных захоронений в бассейне Дона. На наш взгляд, границы региона Азака нужно проводить от Азовского моря по Кальмиусу, Донецкому кряжу, Осколу, устью Воронежа междуречью Битюга и Хопра, западнее Чира, озеро Маныч-Гудило, по междуречью Калауса и Егорлыка до Кубани и вдоль её правого берега до заболоченного побережья Азовского моря.

В дальнейшем можно спорить об отдельных участках этого периметра, но в первом приближении размеры региона Азака следует обрисовать именно так. Эти границы могут быть проверены, например, путем картографирования находок монет чеканки Азака и находок керамики её производства, а также выявлением в материалах Азака керамики, произведенной на этих территориях.

Площадь очерченной области составляет около 212 тысяч кв. км. Определение возмож-

ной численности кочевников на конкретной территории не составляет особых затруднений, поскольку она определяется продуктивностью пастбищ и значительно изменена быть не может.

Демографами давно предложена для южнорусских степей оценка плотности кочевого населения в 1,2 человека на 1 кв. м (Урланис, 1941, с. 88). Сделана она была именно для Донских степей, с учётом продуктивности пастбищ и численности кочевников в более позднее время. За последние несколько десятилетий целый ряд археологов предпринимал попытки заново определить эту плотность, также опираясь на данные о продуктивности пастбищ.

Некоторые из этих исследований отличаются сложным детальным анализом информации о пастбищах конкретных районов с введением всевозможных поправочных коэффициентов (Тортика, 2016). В результате большой работы плотность кочевого населения степного Крыма, исходя из приведённых в работе подсчётов, составляла 1,3 человека на 1 кв. км (Тортика, 2016, с. 228). Как мы видим, это мало чем отличается от оценок, предложенных задолго до этого демографами. Столь сложные расчёты представляются излишними. Наука давно достигла пределов возможной для анализа этой проблемы точности. Ведь очень во многом нам приходится опираться на допущения и предположения, проверить которые у нас нет возможности.

Например, о том, что кочевое хозяйство было абсолютно замкнутым натуральным, и весь полученный продукт потреблялся самими степняками. Или что они использовали пастбища максимально рационально и эффективно. Между тем, само наличие городов рядом с кочевой степью уже предполагает продажу части животноводческой продукции кочевников. С другой стороны, кочевники могли получать продукты от оседлого населения или сами заниматься земледелием. Не вся очерченная территория была занята кочевниками о чём чуть ниже.

Таким образом, простой расчет показывает, что на площади в 212 тыс. кв. км при плотности в 1,2 человека на 1 кв. км могло проживать около 250 тыс. человек кочевников.

Определить численность третьего компонента населения региона Азака сложнее всего, поскольку сбор исходной информации всерьёз даже и не начат. В непосредственной округе Азака за последние десятилетия выявлено более сотни поселений. Некоторые из них имеют очень значительные размеры. Например, Пешково I имеет площадь более 200 га. Даже если допустить минимальную плотность населения для сельского поселения в 15 человек на 1 га, то и тогда численность жителей здесь составит свыше 3 тысяч человек. Для большинства же памятников площадь определена очень приблизительно, а зачастую отсутствуют даже представительные сборы подъемного материала. Число неизвестных памятников оценить невозможно.

Здесь пришло время вспомнить, определенную нами, численность населения Азака в 1340 г. в 50 тыс. жителей. Для эпохи средневековья удельная доля горожан, даже в наиболее развитых регионах типа Египта, Сирии, некоторых областей Италии, Испании не превышала 20 % всего населения (Большаков, 2001, с. 136, 138). Она не могла иметь такого значения в Золотой Орде или тем более быть выше. При всей уникальности Золотой Орды, аргументы о том, что её города имели полуаграрный характер, горожане сами себя кормили, города обслуживали караванную торговлю, их кормили кочевники и др., никак не могут оспорить, приведенных выше расчётов. Города – места концентрации и перераспределения прибавочного продукта и их размеры напрямую зависели от численности сельского населения и развитости сельского хозяйства их округи. Ведь для снабжения Азака только зерновыми культурами нужно было ежегодно поставлять сюда 12,5 тыс. тонн зерна. И это при том, что зерно шло ещё и на экспорт.

В виде предположения, подкреплённого главным образом тезисом об уникальности Золотой Орды, а также плодородием донских черноземов примем, что уровень урбанизации в регионе Азака мог составлять 10 %. Тогда негородское население здесь должно было составлять 450 тысяч человек. А ведь, помимо Азака, здесь имелись и города более низкого ранга (Кравченко, 2015, с.445-462) и даже если читать, что это были преимущественно аграрные города, торгово-ремесленное население проживало не только в Азаке. Выше численность кочевников была определена в 250 тыс. человек. Следовательно, численность некочевого сельского населения долж-

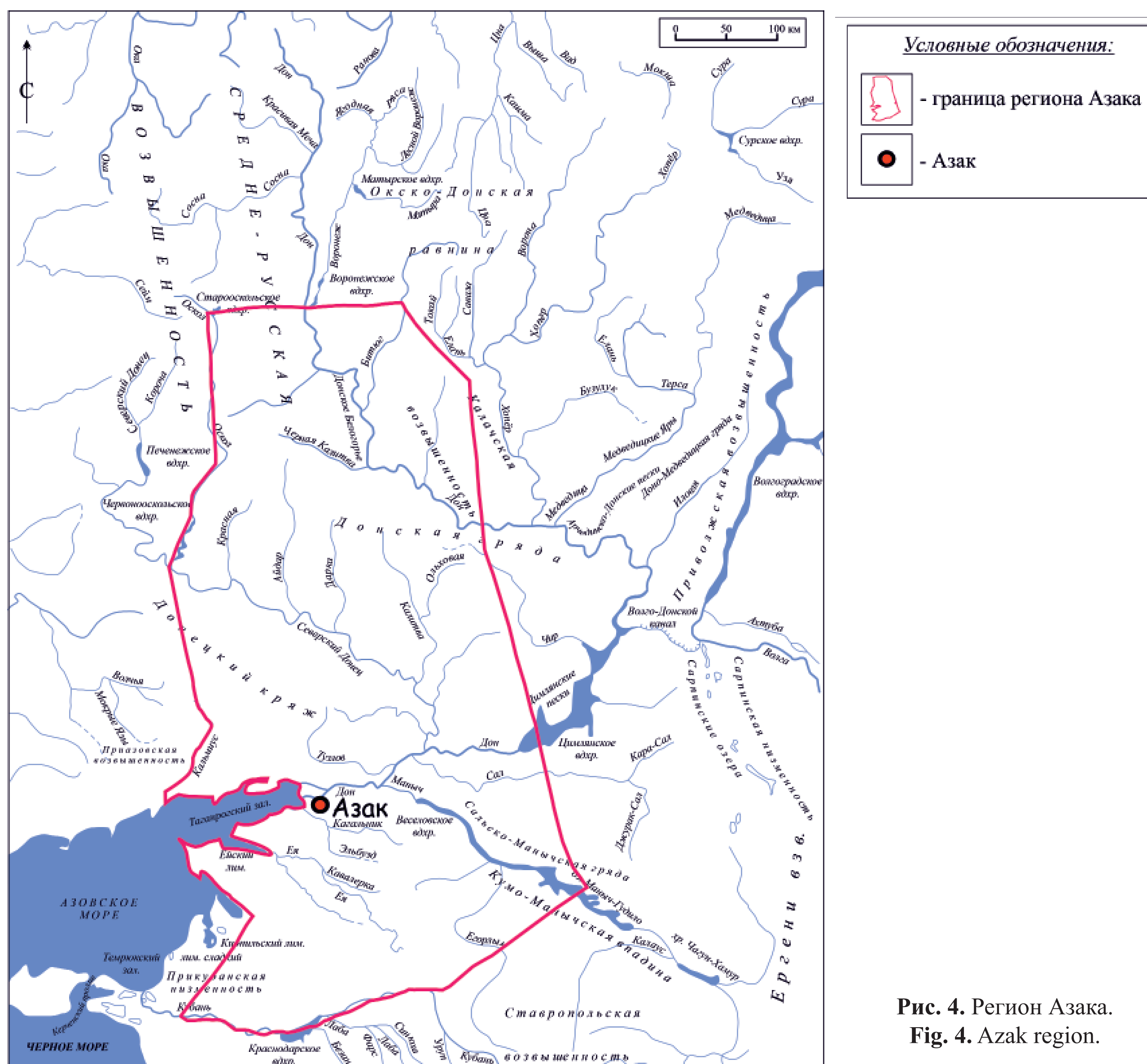

Рис. 4. Регион Азака.
Fig. 4. Azak region.

на была составлять около 200 тысяч? Нет. это не так. Самое замкнутое крестьянское хозяйство будет производить больше прибавочного продукта для города, чем кочевники, максимально вовлечённые в товарные отношения, даже если допустить, что значительная их часть занималась в качестве побочного занятия земледелием. Тем более, что подобная трансформация неизбежно привела бы к изменению хозяйственного типа. В таком случае не произошло бы кризиса и гибели политической структуры и оседлой жизни в Золотой Орде или они имели бы совершенно другой характер.

Поэтому численность оседлого сельского населения региона Азака должна была значительно превышать число кочевников, т. е. составлять от 300 тысяч человек и выше. Между тем, для проживания и ведения хозяйства они должны были использовать значительные территории, которые таким образом изымались из хозяйства кочевых племён, а значит, их численность следует оценивать ниже. Это оседлое население является своеобразной «тёмной материей» золотоордынской археологии и изучение этой категории памятников следует интенсифицировать.

Хотя приведённые выше подсчёты дают лишь приблизительные числа, они позволяют определить порядок величин численности разных групп населения и их соотношения. В будущем, несомненно, расчёты будут уточняться. Однако, порядок чисел не изменится в разы. Без ясного представления о демографии Золотой Орды невозможно создать адекватные модели её структуры, оценить масштабы

социальных изменений, проходивших на её территории и представить себе её историю во всей её полноте.

Оценка численности населения Азака около 50 тысяч человек позволяет отнести его к числу не только самых крупных городов Восточной Европы, но ставит его в ряд одного из самых крупных городов всей Европы, Ближнего и Среднего Востока. Например, в Сирии только три города (Халеб, Рамла и Дамаск) имели аналогичные размеры (Большаков, 2001, с.137). Такой численности населения нельзя было достичь, исключительно обслуживая транзитную торговлю и интересы кочевой элиты. Прежде всего, Азак стал торгово-ремесленным центром большого региона.

В будущем исследования подобного характера необходимо выполнить и для других регионов Золотой Орды. Это позволит решать многие вопросы её истории опираясь на более прочное фактологическое основание.

ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер Г., Крамаровский М.Г. Еврейские общины средневекового Солхата по археологическим и рукописным источникам: историко-культурные аспекты // Золотоордынское обозрение. 2023. №11 (1). С. 79–108.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII - середина XIII в.: Социально-экономические отношения. Издание второе, дополненное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 344 с.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 411–478.

Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 567–589.

Кучкин В.А. Население Руси в канун Батыева нашествия // Образы аграрной России IX–XVIII вв. / Отв. ред. Е. Н. Швейковская. М.: Индрик, 2013. С. 67–88.

Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: Александрия, 2010. 304 с.

Макаров Н.А. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII в.: размеры городских территорий // РА. 2017. № 4. С. 57–69.

Масловский А.Н. Домостроительство золотоордынского Азака // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 401–403.

Масловский А.Н. Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 641–656.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 390 с.

Тортика А.А. Историческая география кочевников Крыма во второй половине V – начале VII вв.: экология хозяйства и численность населения // Боспорские исследования. Вып. XXXIII / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 210–240.

Тортика А.А., Михеев В.К. Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15 / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 141–161.

Урланис Б.Ц. Рост народонаселения в Европе (Опыт исчисления). М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. 436 с.

Информация об авторе:

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Азовский музей-заповедник (г. Азов. Россия); maslovskiazak@mail.ru

Папка Инесса Бовна, археолог. Азовский музей-заповедник (г. Азов. Россия); captainpapka@mail.ru

REFERENCES

Akhiezer, G., Kramarovsky, M. G. 2023. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 11 (1), 79–108 (in Russian).

Bol'shakov, O. G. 2001. *Srednevekovyi gorod Blizhnego Vostoka. VII – seredina XIII v. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya (Medieval Town of the Middle East. 7th - mid-13th centuries.* Socio-economic relations*).* Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde).* Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 411–478 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 567–589 (in Russian).

Kuchkin, V. A. 2013. In Shveikovskaya, E. N. (ed.). *Obrazy agrarnoy Rossii IX–XVIII vv. (Images of agrarian Russia of the IX–XVIII centuries).*Moscow: “Indrik” Publ., 67–88 (in Russian).

Livi Bachchi. 2010. *Demograficheskaya istoriya Evropy (Demographic history of Europe).* Saint Petersburg: “Aleksandriia” Publ. (in Russian).

Makarov, N. A. 2017. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 57–69 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: “Otechestvo” Publ., 401–403 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde).* 2. Kazan; Kishinev: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 641–656 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs).* Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Romanchuk, A. I. 2000. *Ocherki istorii i arkheologii vizantiyskogo Khersona (Essays on the history and archaeology of Byzantine Kherson).* Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Tortika, A. A. 2016. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XXXIII. Kerch: “Kerchenskaya gorodskaya tipografiya” Publ., 210–240 (in Russian).

Tortika, A. A., Mikheev, V. K. 2001. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 15. Voronezh: Voronezh State University, 141–161 (in Russian).

Urlanis, B. Ts. 1941. *Rost narodonaseleniya v Evrope (Opyt ischisleniya) (Growth of population in Europe (Calculation experience)).*Moscow: “OGIZ- Gospolitizdat ” Publ.” (in Russian).

About the Authors:

Maslovsky Andrey N., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department, Archaeological excavations of Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Papka Inessa Bovna, archaeologist, Archaeological excavations of Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; captainpapka@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.253.262

ГОРОДА КРЫМА XIII-XV ВЕКОВ И НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

©2024 г. В.Л. Мыц

Города, спеси полны,
Кичливый ведут спор –
Один – от прибрежной волны,
Другие – с отрогов гор.
Р.Киплинг

После завоевания Крыма монголами (1223–1278 гг.) на территории полуострова сложились благоприятные условия для формирования новых городских структур. Ввиду того, что в XIII–XV вв. через Крым проходили трансконтинентальные торговые артерии, связывавшие Восток и Запад, Север и Юг, здесь отмечено взаимодействие трёх цивилизационных парадигм: поздневизантийской, золотоордынской и лигурийской, представленных тремя формами государственных образований. Несмотря на традиционную для средневекового городского населения полуострова полиэтничность и поликонфессиональность, они обладали существенными различиями. Наиболее чёткими отличительными признаками являлись градостроительная структура, архитектурный характер гражданских, культовых, фортификационных и жилых строений. Основными городами полуострова являлись поздневизантийские Херсон и Феодоро, золотоордынский Солхат и генуэзская Каффа. Несмотря на длительное изучение и обилие публикаций, современная историография средневекового Крыма лишена работ монографического характера, посвящённых Феодоро, Солхату, Сугдее, Каффе и др.

Ключевые слова: археология, города Крыма XIII–XV вв.: византийские, ордынские, генуэзские, Херсон, Солхат, Каффа, Феодоро.

CRIMEAN CITIES OF THE XIII–XV CENTURIES AND SOME FEATURES OF THEIR HISTORICAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS

V. L. Myts

After the Mongols conquered Crimea (1223–1278), the peninsula had favorable conditions for the formation of new urban structures. Due to the fact that in the XIII–XV centuries transcontinental trade arteries passed through Crimea, connecting East and West, North and South, the interaction of three civilizational paradigms was noted here: late Byzantine, Golden Horde and Ligurian, represented by three forms of state formations. Despite the traditional polyethnicity and polyconfessional character of the medieval urban population of the peninsula, they had significant differences. The most distinct distinguishing features were the urban planning structure, the architectural character of civil, religious, fortification and residential buildings. The main cities of the peninsula were the late Byzantine Cherson and Theodoro, the Golden Horde Solkhat and the Genoese Caffa. Despite a long study and a great number of publications, the modern historiography of the medieval Crimea is devoid of monographic works dedicated to Theodoro, Solkhat, Sougdaia, Caffa, etc.

Keywords: archaeology, Crimean cities of the XIII–XV centuries: Byzantine, Golden Horde, Genoese, Cherson, Solkhat, Caffa, Theodoro.

В XIII–XV вв. в Крыму происходило динамичное взаимодействие трёх цивилизационных парадигм: поздневизантийской, золотоордынской и лигурийской, представленных тремя формами государственных структур. Несмотря на традиционную для средневекового городского населения полуострова полиэтничность и поликонфессиональность (Байер, 2005. с. 194–228; Якобсон, 1956, с. 166–191; Крамаровский, 2012, с. 122–163), они обладали ярко выраженными различиями (Мыц, 1999, с. 170–174). На базе регионального золотоордынского Улуса Джучи (1240–1440-е гг.), административным центром которого являлся город Кырым (Солхат) (Бочаров, 2021, с. 121–135), к 40-м гг. XV в. возникает

Крымское ханство (1443–1783 гг.) с первоначальной столицей в Кырк-Йере (Зайцев, 2012, с. 97–101; Гулевич, 2018, с. 209). Лигурийской республике Св. Георгия (Генуе) удаётся на протяжении 1270–1380-х гг. захватить побережье Крыма и создать в Северном Причерноморье систему торговых факторий (состоявшую из городов, крепостей и селений), получивших название Генуэзская Газария со столицей в Каффе (Бочаров, 2019, с. 741–770). Именно Каффа станет крупнейшим торговым портом Чёрного моря XIV–XV вв. (Карпов, 2017, с. 316–358). В 1360–1380-х гг. лапидарные (греческие) и нарративные (латинские) источники свидетельствуют о появлении на территории горного Крыма (исторической Готии) поздневизантийского государства (княжества) со столицей Феодоро (Мыц, 2009, с. 25–37). Завоевание Мехмедом II в 1475 г. Генуэзской Газарии и Феодоро привело к превращению Чёрного моря в «Турецкое озеро» (Орешкова, 2005, с. 18–35) и со временем способствовало установлению протектората Османской империи над Крымским ханством.

Византийская Таврика (VI–XIII вв.) унаследовала градостроительную традицию от античного периода, оставившего на территории полуострова только два городских центра – Херсон и Боспор (Айналов, 1905; Антонова, 1976, с. 3–8; Бертье-Делагард, 1907, с. 1–207; Домбровский, 1986, с. 535–548; Голофаст, 2009, с. 275–377; Макарова, 1998, с. 345–362; Романчук, 1986, Якобсон, 1950; 1959, с. 229–244; Яшаева, Денисова и др., 2011; Яшаева, 2017, с. 101–132; и др.). Небольшие города Боспора были руинированы в период великого переселения народов IV–VII вв. При императоре Юстиниане I (527–565) Крым вновь оказывается в поле зрения Византии, когда восстанавливаются оборонительные стены Херсона и Боспора, а на Южнобережье возводятся две сторожевые крепости (*фрурионы*): Алустон и в Горзубитах. Империя продолжает усиление оборонительной системы горного Крыма и побережья до времени правления Маврикия Тиберия (582–602). Длинные стены Юстиниана, устроенные в горных проходах, дополняются сторожевыми крепостями. Кроме того, на побережье возникают важные опорные пункты, контролировавшие каботажное плавание между Херсоном и Боспором: Каламита, Симболон, Сугдея (Бертье-Делагард, 1918, с. 1–44; Баранов, 1986, с. 46–61; Филипенко, 1997; Лопушинская, 1991; Опочинская, 1986, с. 253–265; Скржинская, 2006; Секиринский, 1955; Бочаров, 2019, с. 321–330). К X в. византийские крепости превращаются в городские центры. В Юго-Западном Крыму некоторые из них становятся относительно крупными городами Эски-Кермен и Кырк-Йер, а в Юго-Восточном Крыму – Сугдея. В Горном Крыму и на Южнобережье превалируют малые города («*полисмы*» и «*кастра*» письменных источников): Бакла, Тепе-Кермен, Сюйрен, Мангуп, Каламита, Симболон, Ялита, Гурзувий, Партенит, Алустон (Сорочан, 2016, с. 91–100; Айбабин, 2003, с. 277–306; 2022, с. 7–85). Некоторые из этих византийских населённых пунктов, появившись на исторической карте полуострова в VI в., продолжают существовать и до наших дней (Каламита – Инкерман, Симболон – Чембало – Балаклава, Ялта, Гурзуф, Партенит, Алушта, Судак) (Мыц, 2021, с. 500–502).

По своим размерам и предполагаемой численности населения византийские города можно условно разделить на «большие», «средние» и «малые». К «большим» византийским городам (с населением более 3 тыс. человек) относились Херсон (Якобсон, 1961, с. 154–165) и Сугдея. К числу «средних» – города с населением 2–3 тыс. человек (Эски-Кермен, Кырк-Ер); к группе «малых» – население которых совместно с жителями посада не превышало 1–1,5 тыс. человек (Сюйрен, Бакла, Тепе-Кермен, Алустон, Партенит, Гурзуф, Ялта) (Мыц, 2021, с. 505–507).

Распад Византии после завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. стимулировал переход бывших владений империи на территории Таврики под протекторат Трапезунда. Вне подчинения Трапезунду осталась Сугдея, которую завоевали в 1217 г. сельджуки. Появление в 1223 г. в Северном Причерноморье монголов привело к тому, что к 1278 г. вся территория полуострова оказалась во власти Орды. Разгром византийских городов 1278 г. (предположительно им руководил бек Ногай), оставил наиболее яркие следы пожаров и разрушений. После этого ряд городов (Эски-Кермен, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла) прекратили своё существование. Повторный погром, предпринятый беком («*ханом*») Ногаем в 1298/99 гг., города Крыма вынуждены были пережить во время граж-

данской войны в Орде (1298–1300 гг.) (Мыц, 2021, с. 522–524).

После погромов 1278 и 1298/99 гг. жизнь в некоторых городах Крыма постепенно возрождалась. Большую живучесть проявляли поселения побережья. В начале XIV в. поздневизантийский Херсон размещался на 1/5 территории прежнего города и занимал портовую часть. Бухта Херсона использовалась для стоянки кораблей и погрузки соли до конца XIV и в XV в., когда феодоритами на месте «*башни Зенона*» возводится замок.

Последствия монгольского завоевания для Восточного и Юго-Западного Крыма были различными. Если в западной части полуострова отмечается упадок городской жизни, то в восточной с конца XIII в. идёт стремительное формирование новых административных, ремесленных и торговых центров – Солхат-Крым (Крамаровский, 1989, с. 141–157; 1997, с. 101–106; 2012, с. 5–254) и Каффа (Карпов, 2017, с. 316–358). Причиной данного явления послужило перемещение международных торговых путей в Восточный Крым. В 60-х гг. XIII в. город Крым (Солхат) становится столицей Крымского улуса Золотой Орды. Приток нового населения из Малой Азии, Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии, Балкан и Поволжья создаёт благоприятные условия для демографического и экономического подъёма восточной части полуострова. Для городов Восточного Крыма второй половины XIII – первой половины XIV вв. характерно быстрое развитие всех городских структур. На протяжении нескольких десятилетий Солхат (Крым) из небольшого посёлка превращается в административный центр Крымского Улуса Джучи с населением в 10–11 тыс. человек (Крамаровский, 1989, с. 141–157). Он занимал территорию в 230 га и делился на кварталы с проживавшими в них мусульманами, православными, католиками, иудеями, армянами и др. Письменные источники 1260–1280-х гг. отмечают строительство мечетей, и к началу XIV в городе начинает доминировать мусульманское население (Халит, 2014, с. 243–281; Айбабина, 2016, с. 510–543; Кирилко, 2016, с. 420–496). Солхат становится центром мусульманского паломничества, направленного к местам захоронения суннитских шейхов Кемаль-Ата (1278 г.) и Чобан-Ата. При изучении города и его окрестностей обнаружены надгробия с названиями городов, являвшихся центрами суфизма: Бухара, Тебриз, Конья, Эрбиль, Алеппо.

С 1270-х гг. активность в Чёрном море проявляют купцы латинских стран: генуэзцы строят Каффу, а венецианцы временно размещаются в Сугдее. Более прочные позиции в Причерноморье смогли завоевать генуэзцы. Фактории Генуэзской Газарии на протяжении 1270–1470-х гг. подчинялись строгой регламентации. Управление основывалось на уставах Каффы. До конца XIV в. консульство Каффы представляло территориальное образование с двойным подчинением. Помимо Генуи консулы признавали сюзеренитет ханов, для чего в Орду посылались регулярные подарки (*exenia*), составлявшие до 10% бюджета города. На строительных плитах Каффы генуэзцы помещали изображения тамги правящего хана (Яровая, 2010). К 1398 г. Каффа достигла своего могущества и под её управлением находились фактории восточной половины Чёрного моря: города Чембало (1345 г.) (Адаксина, Мыц, 2017, с. 105–141), Сугдея и Воспоро (1365 г.), Тана; консулаты (Копа, Себастополис, Луста, Партенит, Гурзувиум, Ялита), замки (Матрега, Калиера, Тассили, Симеиз, Иличе) и не менее 40 сельских поселений (Бочаров, 2019, с. 741–770). Наиболее полно административное устройство факторий отражено в Уставе Каффы 1449 г. Монголы неоднократно совершали нападения на Каффу (1307/8, 1344–1346, 1385 гг.), что вынудило генуэзцев окружать свои города и замки каменными стенами с башнями. К 1474 г. Каффа представляла собой сильнейшую крепость Причерноморья, оснащённую огнестрельным оружием и тремя линиями обороны, усиленной рвом и барбаканами (Бочаров, 1998, с. 82–116). По своей территории Каффа примерно вдвое уступала Солхату, но за счёт плотности застройки её население достигало 35 тыс. (Халпахчьян, 1976, с. 35–49).

Кризис 1340-х гг., охвативший обширный регион Евразии, привёл к распаду монгольских империй и нарушению международного товарообмена (Карпов, 2017, с. 314–362; 2021; Еманов, 2018). Происходит смена вектора коммерческих интересов генуэзцев в направлении освоения местных рынков. Во второй половине 1340–1380-х гг. Генуя добилась права на владение побережьем Газарии. Реализации генуэзцами плана территори-

альных захватов способствовала длительная (1359–1380 гг.) междоусобица в Орде.

На территории Юго-Западного Крыма в XIV–XV вв. продолжают существовать два города, культурный облик которых резко отличался, – это Кырк-Йер (Якобсон, 1964, с. 80–82; Герцен, Могаричев, 2016) и Феодоро (Кирилко, 1997, с. 89–98; Науменко, Герцен, Иожица, 2021, с. 255–281). Реальных сведений XIV в., как архитектурно-археологических, так и данных письменных источников, об этих городах чрезвычайно мало. В массарии Каффы 1374 г. упоминается анонимный правитель Кырк-Йера – *diminus Chercharum*. К 1287 г. здесь уже находились францисканцы, а в 1346 г. в Кырк-Йере обосновывается мусульманская община, о чём свидетельствует фрагмент надписи и руины мечети (13,60×10,65 м). Перестройка данной мечети датируется 1454/55 гг. и связывается с деятельностью хана Хаджи-Гирея, который в 1449 г. переносит в Кырк-Йер свою резиденцию и возводит в пригороде дворец.

Город Феодоро и его правителей в XIV в. отмечают эпиграфические и нарративные источники. Надпись *турмарха* (тысячника) Хуитани 1361/62 г. повествует о восстановлении Феодоро и «*почтенной Пойки*». Надпись 1383 г. (?) сообщает о столкновении с татарами. Третий эпиграфический памятник (1380/81–1397/98 гг.) свидетельствует о строительных работах *гекатонтарха* (сотника) Цицикия. В латинском документе 1382 г. упоминается господин Феодоро, названный по имени *Аффендизи*, которое, вероятно, происходит от греческого *аффентис* (князь, правитель). Наиболее интересным и спорным источником является «*Сказание о городе Феодоро*», представляющее собой поэму, написанную на греческом языке иеромонахом Матфеем в 1395/96 г. (?). Автор упоминает город, увиденный им полупустым. Сцена семилетней осады «*полками агарян*» даёт учёным повод связать повествование с вторжением в 1395 г. на полуостров армии эмира Тимура. Но следует признать, что археологическими раскопками до сих пор не выявлены следы гибели Феодоро в 1395 г., какие, например, обнаружены раскопками в Тане. Также не обнаружены разрушения этого времени в Херсоне, Солхате, Сугдее, Каффе и Алуште.

Город Феодоро занимал плато *Баба-даг* (высота 595 м) площадью 90 га. Доступ на вершину преграждали три линии стен с башнями. Видимые сейчас развалины относятся к XV в. Горная фортификация гармонично вписывалась в скальный рельеф и дополнялась архитектурными доминантами города в виде большой базилики, двухэтажного дворца, цитадели с донжоном, октагональным храмом, квартальными и монастырскими (в том числе и пещерными) церквями с фресковой росписью. Территория плато никогда не заполнялась городской застройкой, т. к. жизнь концентрировалась у источников воды. Расцвет Феодоро относится к середине XV в. Численность жителей города не превышала 3–4 тыс. Население княжества, по мнению исследователей, приближалось к 150–180 тыс.

Имеющиеся исторические источники позволяют прийти к заключению, что процесс возникновения и развития средневековых городов Крыма неотъемлемо связан с утверждением на полуострове того или иного государственного образования, придававшего облику и функциональному назначению городов вполне определённое культурно-историческое своеобразие. В XIII–XV вв. можно отметить на территории полуострова три формы государственных образований, которым соответствуют и культурные типы городов: «византийские», «золотоордынские» и «западноевропейские». В провинциально-византийских городах Юго-Западного Крыма (Бакла, Кырк-Йер, Тепе-Кермен, Сюйрен, Мангуп, Эски-Кермен) в XIII в. население преимущественно занималось сельским хозяйством. Часть жителей Херсона и Сугдеи была инкорпорирована в посредническую транзитную торговлю. Малые города «*Поморья*» (Каламита, Симболон) и Южнобережья (Ялта, Гурзуф, Партенит, Алушта) являлись эмпориями, в которых проводились местные сезонные ярмарки и ими обеспечивались условия организации каботажного плавания (Адаксина, Мыц, 2015, с. 12–18). Провинциально-византийский характер во второй половине XIV–XV вв. сохраняет и культура населения Феодоро. Для византийских городов Таврики характерен медленный эволюционный путь развития с сохранением основных культурно-хозяйственных форм. Утрата ими к концу XIII в. оборонительной функции ведёт к быстрому их угасанию или превращению в обычные сельские поселения, т. е. для них

важнейшей являлась военно-административная функция.

Византийский город Херсон, население которого на протяжении нескольких столетий существовало в основном за счёт посреднической торговли, после погромов 1278, 1298/99, 1345 и 1365 гг. не может возродиться. Последняя попытка восстановить значение Херсона относится ко времени правления в Феодоро князя Исаака (1465–1475), построившего в портовой части замок. Попытка оказалась неудачной ввиду неблагоприятных внешнеполитических условий.

Золотоордынские города возникли в результате концентрации в одном месте ремесленников и торговцев, переселённых из других районов, завоёванных монголами, и способных существовать только в условиях сильного централизованного государства. С изменением в 1360-х гг. военно-политической обстановки их общины вынуждены направить усилия на создание оборонительных сооружений, чтобы избежать грабежей и поборов. Крепостные стены Солхата, Кыр-Йера и Феодоро возводятся во время правления Тохтамыша, вступившего в борьбу с эмиром Тимуром.

Следует отметить, что ордынские завоевания Крыма в XIII в. создали на территории полуострова благоприятную среду для возникновения и развития новых городских центров. Даже после завоевания турками-османами в 1475 г. Генуэзсклй Газарии и княжества Феодоро жизнь городов не угасает. При содействии крымских ханов в конце XV в. растут новые города, стоявшие на торговом пути: Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв. Из средневековых городских центров XIII–XV вв. до настоящего времени продолжают существовать не менее 14: Воспоро (Керчь), Феодосия (Каффа), Солхат (Старый Крым), Сугдея (Судак), Карасубазар (Белогорск), Ак-Мечеть (Симферополь), Бахчисарай (Староселье, Кырк-Йер), Инкерман (Каламита), Чембало (Балаклава), Гезлёв (Евпатория), Ялта, Гурзуф, Партенит, Алушта, практически не изменившие свои названия. Некоторые из них покинули узкие пределы средневековых оборонительных стен.

Таким образом, после завоевания Крыма монголами (1223–1278 гг.) на территории полуострова сложилась благоприятная среда для формирования новых городских структур. Ввиду того, что в XIII–XV вв. через Крым проходили трансконтинентальные торговые артерии (Шамильоглу, 2009, с. 287–294; Еманов, 2018, с. 23–24), связывавшие Восток и Запад, Север и Юг, здесь отмечено взаимодействие трёх цивилизационных парадигм: поздневизантийской, золотоордынской и лигурийской, представленных тремя формами государственных образований. Несмотря на традиционную для средневекового городского населения полуострова полиэтничность и поликонфессиональность, они обладали существенными различиями. Наиболее чёткими отличительными признаками являлись градостроительная структура, архитектурный характер гражданских, культовых, фортификационных и жилых строений. Основными городами полуострова являлись поздневизантийские Херсон и Феодоро, золотоордынский Солхат и генуэзская Каффа. Несмотря на длительное изучение и обилие публикаций, современная историография средневекового Крыма лишена работ монографического характера, посвящённых Феодоро, Солхату, Сугдее, Каффе и др.

ЛИТЕРАТУРА

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345-1475 гг.) // Таврические студии. Исторические науки. 2015. № 7. С. 12–18.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Генуэзская крепость Чембало: этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города в XIV−XV вв. // Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк / Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX / Отв. ред. В.Н. Залесская, Е.В. Степанова. СПб.: ГЭ, 2017. С. 103−139.

Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII – XIV вв. по археологическим свидетельстам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. X. 2003. С. 277–306.

Айбабин А.И. Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века // Город на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и в Новое время / Ред. Д.В. Конкин, Э.А. Хайреддинова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 7–85.

Айбабина Е.А. Мусульманская каменная резьба Крыма // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах. Т. 1 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Издат-Принт, 2016. С. 510–543.

Айналов Д.В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. Развалины храмов. М.: Тов-во типографии А.И.Мамонтова, 1905. 153с.

Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. Вып. 11. Свердловск, 1976. С. 3–8.

Байер Х.-Ф. Этнический состав Сугдеи и её хинтерланда в 1253 г. по данным Виллельма ван Рюбрука // АДСВ. 2005. Вып.36. С. 194–228.

Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во: Ростовского ун-та, 1989. С. 46–61.

Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // Известия ИАК. Вып. 21. 1907. С. 1–207.

Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). 1918. № 55. С. 1–44.

Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. 1 / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: МГУ, 1991. С. 8–172.

Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII - вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. Вып. 3 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: Алетейя, 1998. С.

Бочаров С.Г. Балаклава: введение в историческую топографию османского города 1475-1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus. 2019. № 6. С. 321–330.

Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 741–770.

Бочаров С.Г. Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 121–135.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.

Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. XV. 2009. С. 275–377.

Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым 1399-1502 гг. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 492 с.

Домбровский О.И. Херсонес // Археология Украинской ССР. Т. 3 / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова Думка, 1986. С. 535–548.

Зайцев И.В. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как фактор политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 18-20 апреля 2012 / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 97–102.

Еманов А.Г. Между полярной звездой и полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. Санкт-Петербург: Алетея, 2018. 368 с.

Карпов С.П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма. Т. 1 / Отв. ред. А.В.Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. С. 314–362.

Карпов С.П. История Таны (Азов) в XIII–XV вв.: в 2-х т. Т. 1: Тана в XIII-XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.

Кирилко В.П. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. 1997. № 1. С. 89–98.

Кирилко В.П. Архитектура Золотоордынского Крыма // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах. Т. 1 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Издат-Принт, 2016. С. 420–496.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Ред. Г.И. Смирнова. Л.: ГЭ, 1989. С. 141–157.

Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // ТА. 1997. № 1. С. 101–106.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Лопушинская Е.И. Крепость в Судаке. Киев: Будивельник, 1991. 104 с.,ил.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 1998. Вып. 6. С. 345–362.

Мыц В.Л. Некоторые черты историко-культурной характеристики средневековых городов Крыма // Культура народов Причерноморья. 1999. Вып. 6. С. 170–174.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке: Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.:ил.

Мыц В.Л. Юго-Западный Крым в XIII-XV вв. // История Севастополя в трёх томах. Том I. Юго-Западный Крым с древнейших времён до 1774 года / Под общей ред. Ю.А. Петрова. М.; Севастополь: Историческая литература, 2021. С. 493–540.

Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2021. Вып. XXVI. С. 255–281.

Опочинская А.И. Судакская крепость // Архитектурное наследство. 1986. № 34. С. 253–265.

Орешкова С.Ф. «Турецкое озеро»: Чёрное море в XV-XVII вв. // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2005. № 3. С. 18–35.

Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск: Красноярский ун-т, 1986. 192 с.

Секиринский С.А. Очерки истории Сурожа IX - XV вв. Симферополь: Крымиздат, 1955. 104 с.

Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академпериодика, 2006. 380 с., ил.

Сорочан С.Б. К вопросу об облике городищ-полисм и «кастра племён» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII - первой половине IX в. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки». 2016. Том 2 (68). № 3. С. 91–100.

Филиппенко В.Ф. Каламита – Инкерман: крепость и монастырь. Севастополь, 1997. 108 с.

Халит Н. Архитектура Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 243–281.

Халпахчьян О.Х. Этапы планировки и застройки Феодосии (с древнейших времен до конца XVIII в.) // Археологическое наследство. 1976. № 25. С. 35–49.

Шамильоглу Ю. Торговля Улуса Джучи со странами Средиземноморья // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 287–294.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV) / МИА. № 17. М.; Л.: АН СССР, 1950. 256 с.,ил.

Якобсон А.Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. 1956. Т. VIII. С. 166–191.

Якобсон А.Л. К изучению позднесредневекового Херсонеса // Херсонесский сборник. 1959. Вып. V. С. 229–244.

Якобсон А.Л. О численности населения средневекового Херсонеса // Византийский временник. 1961. Т. XIX. С. 154–165.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб.: ГЭ, 2010. 208 с.,ил.

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона / Севастополь: Телескоп, Остин : ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.

Яшаева Т.Ю. Византийская археология Херсонеса Таврического // История и археология Крыма. Вып. VI / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. С. 101–132..

Информация об авторе:

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

REFERENCES

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2015. *Tavricheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies. Historical Sciences)* 7, 12–18 (in Russian).

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2017. In Zalesskaya, V. N., Stepanova, E. V. (eds.). *Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury: materialy konferencii, posvyashchennoj pamyati A.V. Bank (Byzantium within the Context of World Culture. Proceedings of the conference dedicated to the memory of A.V. Bank).* Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum) LXXXIX. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 103−139 (in Russian).

Aibabin, A. I. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (10), 277–306. (in Russian).

Aibabin, A. I. 2022. In Konkin, D. V., Khaireddinova, E. A. (eds.). Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka i v Novoe vremya *(A city on the Inner ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and in Modern Times).* Simferopol: LLC “Antiqua” Publ., 7–85 (in Russian).

Aibabina, E. A. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar Town and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: “Izdat-Print” Publ., 510–543 (in Russian).

Ainalov, D. V. 1905. *Pamyatniki khristianskogo Khersonesa. Vyp. 1. Razvaliny khramov (Monuments of Christian Chersonesos. Issue 1. Ruins of temples).* Moscow: “A. I. Mamontov” Publ. (in Russian).

Antonova, I. A. 1976. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 11. Sverdlovsk, 3–8 (in Russian).

Bayer, H.-F. 2005. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 36,194–228 (in Russian).

Baranov, I. A. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (manag. ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniiakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th–16th Centuries).* Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 46–61 (in Russian).

Berthier-Delagard, A. L. 1907. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 21, 1–207 (in Russian).

Berthier-Delagard, A. L. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 55, 1–44 (in Russian).

Bogdanova, N. M. 1991. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (1). Moscow: Moscow State University Publ., 8–172 (in Russian).

Bocharov, S. G. 1998. In Karpov S.P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Pontic Sea Region in the Middle Ages).* (3). Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 82–116 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2019. *Stratum plus* (6), 321–330 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 741–770 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 36 (2), 121–135 (in Russian).

Herzen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2016. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost na kraiu sedmogo klimata: Issledovanie. Putevoditel. Albom* (*Qirq Yer – Chufut-Kale. Fortress at the edge of the seventh climate: Research work. Guide. Album*). Simferopol: “Antikva” Publ. (in Russian).

Golofast, L. A. 2009. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (15), 275–377 (in Russian).

Gulevich, V. P. 2018. *Ot ordynskogo ulusa k khanstvu Gireev: Krym 1399-1502 gg. (From the Horde ulus to the Gireev Khanate: Crimea 1399-1502).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Dombrovsky, O. I. 1986. In Baran, V. D. (ed.). *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 3. Kiev: "Naukova Dumka" Publ., 535–548 (in Russian).

Zaitsev, I. V. 2012. In Mel'nikova, E. A. (ed.). Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Migratsii, rasselenie, voyna kak faktor politogeneza. XXIV Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 18-20 aprelya 2012 (*Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Migration, settlement, war as a factor of political genesis. XXIV Readings in memory of Corresponding member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto. Moscow, April 18-20, 2012).* Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 97–102 (in Russian).

Emanov, A. G. 2018. *Mezhdu polyarnoy zvezdoy i poludennym solntsem. Kafa v mirovoy torgovle XIII–XV vekov (Between the Polar Star and Midday Sun. Cafa in the World Trade of 13th – 15th Centuries)*. Saint Petersburg: "Aleteya" Publ. (in Russian).

Karpov, S. P. 2017. In Yurasov, A. V. (ed.). *Istoriya Kryma (The history of the Crimea)* 1. Moscow: "Kuchkovo pole" Publ., 314–362 (in Russian).

Karpov, S. P. 2021. *Istoriya Tany (Azov) v XIII–XV vv.: v 2-kh t. T. 1: Tana v XIII–XIV vv. (The history of Tana (Azov) in the XIII–XV centuries: in 2 volumes. Vol.1: Tana in the XIII–XIV centuries).* Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Kirilko, V. P. 1997. *Arkheologiia Kryma (Archaeology of Crimea)1. 1997,* 89–98 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: "Izdat-Print" Publ., 420–496 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of archaeological expeditions of the State Hermitage Museum).* Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157

Kramarovskii, M. G. 1997. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1), 101–106 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).

Lopushinskaya, E. I. 1991. *Krepost' v Sudake (Fortress in Sudak).* Kiev: "Budivelnik" Publ. (in Russian).

Makarova, T. I. 1998. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (6), 345–362 (in Russian).

Myts, V. L. 1999. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* (*Culture of the peoples of the Black Sea region)* 6, 170–174 (in Russian).

Myts, V. L. 2009. Kaffa i Feodoro v XV veke: Kontakty i konflikty (*Kaffa and Feodoro in the XV century: Contacts and conflicts).* Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2021. In Petrova, Yu. A. (ed.). Istoriya Sevastopolya v trekh tomakh (*History of Sevastopol in three volumes)* Vol. 1. Yugo-Zapadnyy Krym s drevneyshikh vremen do 1774 goda (*Southwestern Crimea from ancient times to 1774).* Moscow; Sevastopol: "Istoricheskaya literature" Publ., 493–540 (in Russian).

Naumenko, V. E., Herzen, A. G., Iozhitsa, D. V. 2021. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (26), 255–281 (in Russian).

Opochinskaya, A. I. 1986. In Arkhitekturnoe nasledstvo (*Architectural heritage)* 34, 253–265 (in Russian).

Oreshkova, S. F. 2005. *Vostok. Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' (East. Afro-Asian Societies: History and Modernity)* 3, 18–35 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1986. *Khersones XII–XIV vv.: istoricheskaya topografiya (Chersonesos of the XII–XIV centuries: historical topography).* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University (in Russian).

Sekirinsky, S. A. 1955. *Ocherki istorii Surozha IX–XV vv. (Essays on the history of Surozh in the IX - XV centuries).* Simferopol: "Krymizdat" Publ. (in Russian).

Skrzhinskaya, E. Ch. 2006. *Sudakskaya krepost'. Istoriya – arkheologiya – epigrafika (Sudak fortress. History – archeology – epigraphy).* Kiev; Sudak; St. Petersburg: "Akademperiodika" Publ. (in Russian).

Sorochan, S. B. 2016. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. T.* 3(69) (*Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Hystorical sciences. V.* 2 (68)) (2), 91–100 (in Russian).

Filippenko, V. F. 1997. *Kalamita – Inkerman: krepost' i monastyr' (Kalamita - Inkerman: fortress and monastery).* Sevastopol (in Russian).

Khalit, N. 2014. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)*. 2. 243–281 (in Russian).

Khalpakhchyan, O. Kh. 1976. *Arkheologicheskoe nasledstvo (Archaeological heritage)* 25, 35–49 (in Russian).

Shamiloglu, Yu. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 287–294 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyy Khersones (XII–XIV) (Medieval Chersonese (XII–XIV))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 17. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Yakobson, A. L. 1956. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (8), 166–191 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1959. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)*. V. Sevastopol, 229−244 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1961. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (19), 154–165 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1964. *Srednevekovyj Krym. Ocherki istorii i istorii material'noj kul'tury (The Medieval Crimea. Essays on the History and History of material culture.).* Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yarovaya, E. A. 2010. *Geral'dika genuezskogo Kryma (Heraldry of the Genoese Crimea).* Saint Petersburg: State. Hermitage (in Russian).

Yasheva, T., Denisova, E., Ginkut, N., Zalesskaya, V., Zhuravlev, D. 2011. *Nasledie vizantiiskogo Khersona (The Legacy of Byzantine Kherson)*. Sevastopol, Austin: "Telrskop" Publ., Texas University (in Russian).

Yashaeva, T. Yu. 2017. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriya i arheologiya Kryma (The History and the Archaeology of the Crimea).* VI. Simferopol: "Brovko A. A." Publ., 101–132 (in Russian).

About the Author:

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902:94(47).031 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.263.282

СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ ОПОРНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1978-2023 ГГ.

©2024 г. Э.И. Сейдалиев

В статье представлены результаты анализа материалов, происходящих из раскопок некоторых опорных археологических комплексов золотоордынского городища Солхат. В ходе долговременных систематических исследований золотоордынской столицы Крыма был получен значительный массив археологических материалов, которые введены в научный оборот лишь частично. На основании этих исследований, анализа архитектурных памятников, материалов письменных источников и данных картографии была составлена основная хронология истории Солхата. В то же время публикация ряда материалов и анализ стратиграфической ситуации позволяет конкретизировать и детализировать хронологию некоторых показательных комплексов городища. Для анализа в настоящей публикации были привлечены данные раскопок из центральной части городища: медресе-мечеть Узбека, так называемой «мечети Бейбарса». Показательными также являются археологические комплексы происходящие с окраин городища, это материалы из раскопок караван-сарая, мавзолея на отроге горы Малый Агармыш и средневековой бани. Для анализа стратиграфии и хронологии отобраны были в основном закрытые археологические комплексы: хозяйственные ямы, землянки, отдельные культурные напластования, перекрытые более поздними сооружениями и нивелировочными поверхностями. Это позволило выделить определенный комплекс находок (в основном массовый материал), являющихся хроноиндикаторами. Корреляция данных из этих комплексов с материалами, происходящими из других объектов как на территории Солхатского городища, так и за его пределами, будет способствовать определению культурной и хронологической принадлежности этих археологических памятников и находок обнаруженных на них в процессе раскопок.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, Солхат, Крым, медресе Инджибек-хатун, мечеть Узбека, караван-сарай, мавзолей, дюрбе, стратиграфия, хронология.

STRATIGRAPHY AND CHRONOLOGY OF SOME REFERENCE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE GOLDEN HORDE SOLKHAT BASED ON EXCAVATIONS IN 1978-2023

E.I. Seidaliev

The article presents the results of an analysis of materials from excavations of some reference archaeological complexes of the Golden Horde city of Solkhat. During long-term systematic studies of the Golden Horde capital of Crimea, a great number of archaeological materials was obtained, which were only partially introduced into scientific circulation. Based on these studies, analysis of architectural monuments, materials from written sources and cartographic data, a basic chronology of the history of Solkhat was compiled. At the same time, the publication of a number of materials and analysis of the stratigraphic situation makes it possible to specify and detail the chronology of some representative complexes of the city. For the analysis in this publication, we used excavation data from the central part of the city: the madrasah-mosque of Uzbek, the so-called «Beybars mosque». The archaeological complexes from the outskirts of the city are also indicative: materials from the excavations of a caravanserai, a mausoleum on the offshoot of Maly Agarmysh mountain and a medieval bathhouse. For the analysis of stratigraphy and chronology, mainly closed archaeological complexes were selected: household pits, dugouts, separate cultural layers covered by later structures and leveling surfaces. This made it possible to identify a certain set of finds (mostly mass material) that are chronological indicators. Correlation of data from these complexes with materials from other objects both on the territory of Solkhat and beyond will help determine the cultural and chronological affiliation of these archaeological sites and the finds discovered on them during excavations.

Keywords: archaeology, Ulus of Jochi; Golden Horde; Solkhat; Crimea; stratigraphy; chronology

Золотоордынское городище Солхат расположено в юго-восточной части Крымского полуострова и занимает большую часть современного города Старый Крым. Периодизация истории золотоордынской столицы Крыма впервые была разработана руководителем Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа М.Г. Крамаровским в конце 80-х гг. прошлого века. Результаты археологических и архитектурных исследований, анализа письменных источников и данных картографии позволили выделить четыре крупных периода в истории городища:

Догородской (40–80-е гг. XIII в.) период, который знаменуется появлением на месте будущего города небольшого поселения (Крамаровский, 1989, с. 153). По предположению М.Г. Крамаровского, оно вначале могло представлять собой почтовую станцию – «ям», которая обеспечивала гонцов и посольские миссии лошадьми. В дальнейшем ям перерастает в поселение деревенского типа, которое перерастает в город, что отмечается началом чеканки мелкой медной монеты (Крамаровский, 2022, с. 5–7).

Период бурного развития городской культуры Солхатского городища (конец XIII – первая половина XIV вв.). Поселение приобретает городские черты, формируется его градостроительный облик в виде строительства архитектурных доминант – мечети Узбека (1314 г.) и медресе (1333 г.). Это период активного строительства в городе: принесенная строительными артелями из Малой Азии архитектурная традиция закладывает программу сооружения общественных и культовых зданий на многие годы вперед (Крамаровский, 1989, с. 154). Вокруг этих сооружений (мусульманских, христианских и иудейских) начинает формироваться квартальная система застройки (Крамаровский, 2022, с. 9).

Период общего упадка и кризиса (середина – 80-е гг. XIV в.). Он знаменуется общим упадком Золотоордынского государства, и, хотя по инерции градостроительная политика в городе продолжается, наступает предкризисное состояние. Вокруг города возводятся защитные сооружения в виде вала, рва и впоследствии крепостные стены (Крамаровский, 1989, с. 154). Причинами их сооружения становятся опасность, исходящая от Великого княжества Литовского, и противостояние темника Мамая с итальянской Каффой (Крамаровский, Сейдалиев, 2020, с. 316–336; Крамаровский, 2012, с. 226–227).

Период угасания города и переноса столицы (конец 80-х XIV – первые десятилетия XV вв.). Краткий период относительной стабильности в государстве при Тохтамыше сменяется дальнейшим кризисом. Солхат теряет контроль над экономической и политической ситуациями. После переноса его столицы в Кырк-Йер при хане Хаджи Герае Солхат постепенно приходит в упадок (Крамаровский, 1989, с. 153–154).

Как уже отмечалось, эти этапы развития города были выделены в основном по итогам длительного и систематического изучения археологических комплексов городища. Однако в научный оборот введены лишь некоторые закрытые археологические комплексы, происходящие из раскопок ремесленных поселений (Крамаровский, Гукин, 2002; Крамаровский, Гукин, 2004; Крамаровский, Гукин, 2006; Крамаровский, Гукин, 2007), и отдельные категории находок, в то время как основной массив полученных материалов до сих пор не опубликован. Введение их в научный оборот позволит уточнить и детализировать периодизацию истории города и продемонстрировать особенности материальной и духовной культуры его населения.

Для построения стратиграфии и хронологии городища были отобраны отдельные показательные археологические комплексы, происходящие из раскопок архитектурно-археологического ансамбля медресе-мечети хана Узбека, караван-сарая, средневековой бани в Георгиевской балке и некоторые другие памятники (рис. 1). Отметим, что количество раскопанных за период с 1978 по 2023 гг. объектов на территории Солхата столь велико, что невозможно охарактеризовать их в рамках одной отдельной статьи и работа в данном направлении будет продолжена.

Важным с точки зрения стратиграфии и хронологии объектом является **комплекс медресе-мечети хана Узбека**. В комплекс включены два архитектурных объекта: медресе Инджибек-хатун и мечеть Узбека, которым посвящено значительное количество публикаций, что избавляет нас от повторений. Впервые исследования на его территории проводились еще в 20-е гг. и продолжились 70–80-х гг.

Рис. 1. Карта Старого Крыма с размещенными на нем внутрикомплексными объектами археологии городища Солхат (XIII-XVIII вв.): 1 – архитектурно-археологический комплекс медресе-мечеть Узбека; 2 – мечеть №2 (т.н. «мечеть Бейбарса»); 3 – караван-сарай; 4 – мавзолей №2 (на отроге г. Малый Агармыш); 5 – средневековая баня в Георгиевской балке.

Fig. 1. The map of Staryi Krym with the intra-complex objects of the archeology of Solhat city (XIII-XVIII centuries): 1 – the architectural and archaeological complex of madrasah-mosque of Uzbek Khan; 2 – mosque No. 2 (so-called "Baybars mosque"); 3 – caravanserai; 4 – mausoleum No. 2 (on the offshoot of Maly Agarmysh mountain); 5 – medieval bathhouse in the Georgievskaya balka.

XX в. Работами экспедиции Государственного Эрмитажа удалось установить, что данная территория развивалась в три этапа. Первый период (конец XIII – первая треть XIV вв.) – это время функционирования хозяйственных или производственных комплексов до строительства медресе. На втором этапе на этой территории строится и функционирует медресе. По сообщению османского путешественника Эвлия Челеби, медресе построено в 1333 г. По-видимому, этот период следует датировать второй третью XIV – началом XVI вв. И наконец на третьем этапе к северной стене медресе была перенесена и пристроена так называемая «мечеть Узбека». Этот период истории комплекса определен автором раскопок М.Г. Крамаровским как «слой города XVI–XIX вв.», что выходит за рамки публикации. Культурные слои и отдельные объекты на территории комплекса датировались в основном по обнаруженным в них монетам и другим находкам.

Силами экспедиции Государственного Эрмитажа, а в дальнейшем Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова и Института археологии Крыма РАН (с 2009 года работы проводят совместно все три организации) комплекс медресе-мечети Узбека и прилегающая территория были изучены несколькими раскопами и шурфами. Непосредственно на комплексе медресе-мечети были заложены раскопы I, II, VI и 39 (с 2013 года нумерация продолжилась арабскими цифрами). Раскоп II был разбит к северу от мечети Узбека, в дальнейшем в отчете 1985 года фигурирует как раскоп VI.

На территории раскопа I исследования начались в 1978 г. Он расположен на стыке северной стены медресе Инджибек-хатун и западной стены мечети Узбека (рис. 2: 1). В

Рис. 2. Общий вид на участки исследований на территории комплекса медресе-мечети Узбека. 1 – СКАЭГЭ-1978, Раскоп I, Яма 2; 2 – СКАЭГЭ-1985, Раскоп VI; 3 – СКАЭГЭ-2013, Шурф 1/13; 4 – СКАЭГЭ-2013, Раскоп 39; 5 – СКАЭ-2023, Яма 1/2023.

Fig. 2. General view of the study area on the territory of the complex of the madrasah-mosque of Uzbek Khan. 1 – СКАЭГЭ-1978, excavation I, pit 2; 2 – СКАЭГЭ-1985, excavation VI; 3 – СКАЭГЭ-2013, test pit 1/13; 4 – СКАЭГЭ-2013, excavation 39; 5 – СКАЭ-2023, pit 1/2023.

одном из хозяйственных объектов, обозначенном в археологическом отчете за 1978 г. как сооружение 2 или яма 2, были выявлены фрагменты глазурованной посуды с орнаментом в технике «сграффито», покрытые зеленой глазурью (рис. 3: 1), кашинного сосуда с бирюзовой глазурью (рис. 3: 2), изделия из селадона (рис. 3: 3) и неопределенная джучидская монета. Яма локализована на участках 9 и 10 раскопа, ее верхняя часть была срезана траншеей под фундамент стены медресе, что может свидетельствовать в пользу датировки ее временем до 1333 г., то есть ранее даты строительства медресе (Крамаровский, 1979, с. 7).

В 2013 г. к западу от раскопа I с внешней стороны северо-западного угла медресе был заложен шурф 1/13 (рис. 2: 3). На глубине 0,9

м от современной дневной поверхности были обнаружены выступ бутового фундамента стен медресе и пятно хозяйственной ямы, заполнение которой фиксировалось отдельно. Верхняя часть ямы с южной стороны была повреждена при закладке траншеи под фундамент медресе, но оставшаяся часть ямы осталась нетронутой, что позволяет рассматривать ее сохранившееся заполнение как закрытый археологический комплекс, который может быть датирован временем до 1333 г. В яме были найдены фрагменты красноглиняной посуды. Среди глазурованных находок преобладают сосуды под зеленой или желтой глазурью, с подглазурной росписью ангобом и орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и «шамплеве» (рис. 3: 4); также обнаружен один фрагмент незаконченного изделия. Присутствуют среди находок и археологически целые формы сосудов так называемой «зевксиповой» керамики и кашинной посуды. Монетный материал из ямы, к сожалению, не атрибутирован в силу плохой сохранности, а монеты, обнаруженные в верхних слоях заполнения шурфа или непосредственно над ямой, датируются в основном в пределах 40-х гг. XIV – начала XV вв. Стратиграфическая ситуация позволяет датировать яму концом XIII – первой третью XIV вв. (Крамаровский, Сейдалиев, 2013, с. 11; Крамаровский, Науменко, Сейдалиев, 2013, с. 67–68). Примечательно, что в 2023 году в 10 м к западу от этого шурфа местной мусульманской общиной, в пользовании которой находится мечеть Узбека, было начато обустройство выгребной ямы. В этой связи силами экспедиции на этом месте был заложен шурф 1/23 (рис. 2: 5). В ходе работ в шурфе была обнаружена хозяйственная яма, которая изначально использовалась как колодец (?), поскольку имела нехарактерный для подобных сооружений разрез – стенки ее ровные. В то время как хозяйственные ямы в Солхате обычно имеют грушевидное или колоколовидное сечение. Сооружение имело следующие размеры: глубина – ок. 2,65 м, диаметр – ок. 1,6 м. Вероятно, уже после строительства медресе колодец был заброшен и стал использоваться как мусорная яма. Заполнение ямы – однородный рыхлый темно-серый грунт, насыщенный фрагментами керамических сосудов (неглазурованная тарная керамика, глазурованные сосуды местного производства (рис. 3: 6) и импортные сосуды – китайский селадон (рис. 3: 7) и фарфор, кашин, византийская (рис. 3: 8) и среднеазиатская керамика), металлических и стеклянных изделий, присутствуют в слое и монеты, к сожалению пока неатрибутированные. Керамический материал в большинстве представлен глазурованными сосудами местного производства (мастерские Бокаташа и «караван-сарая»), которые датируются в основном серединой – второй половиной XIV в. Вероятно, после строительства медресе колодец был заброшен и использовался как мусорная яма. Судя по богатству представленных в яме материалов, время ее заполнения может относиться к периоду расцвета Солхата. С осторожностью можно сузить датировку этого хозяйственного комплекса до 30–50 гг. XIV в., но для уточнения хронологии требуется дальнейшая обработка археологических находок из заполнения ямы.

На территории раскопа VI, заложенного в 1985 г. к северу от мечети Узбека, было выявлено сооружение, впоследствии идентифицированное как дюрбе (рис. 2: 4). Эти раскопки продолжили исследования 1978 г., обозначенные как раскоп II. Автор исследований М.Г. Крамаровский предложил следующую периодизацию для этой территории. В ходе первого этапа (вторая половина XIII – XIV в.) на данном участке городища появляются объекты, характерные для догородского и раннего городского периодов развития городища. После чего эта часть Солхата, в связи со строительством и функционированием расположенного рядом медресе, приходит на некоторое время в запустение. На втором этапе происходит возведение и использование мавзолея (дюрбе) в XVI–XVII вв. Местность вокруг дюрбе нивелируется, уже не функционирующие объекты засыпаются. При этом ведущий специалист в области золотоордынской архитектуры Э.Д. Зиливинская датирует это дюрбе концом XIV – началом XV вв. (Зиливинская, 2014, с. 133). Заключительный, третий период приходится на время разрушения мавзолея, предположительно в XVII–XVIII вв., когда своды сооружения обрушились и оно пришло в запустение. Тем не менее территория вокруг дюрбе, вероятно, продолжала использоваться в качестве мусульманского кладбища (Крамаровский, 1986, с. 3–12).

Важными в данном случае представляются наблюдения, сделанные относительно

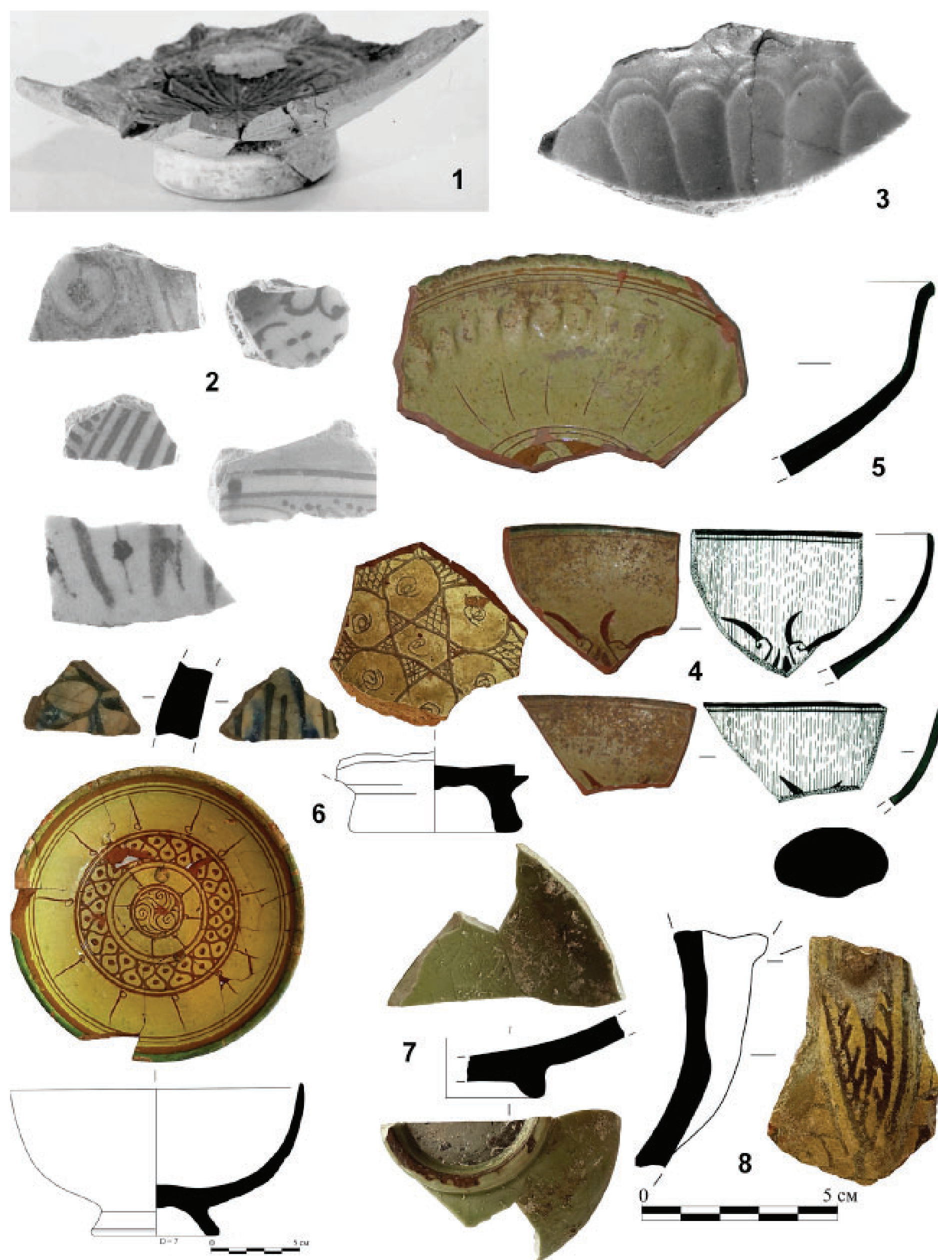

Рис. 3. Фрагменты керамических сосудов из раскопок на территории комплекса медресе-мечеть Узбека.
Fig. 3. Fragments of pottery from excavations on the territory of the complex of the madrasah-mosque of Uzbek Khan.

раннего периода истории этой территории. Ко времени до строительства дюрбе относится полуземлянка, локализованная в виде светлого пятна правильной четырехугольной формы размерами 2,00×2,00 м, с «отростком» (вход?) с севера. Это сооружение было выявлено на уровне предматериковой поверхности у северной стены мавзолея. При зачистке поверхности пятна полуземлянки обнаружены одна византийская монета XII–XIII вв. и две джучидские монеты XIV в. На глубине 1,6 м внутренняя часть полуземлянки была заполнена плотным слоем зеленоватой глины мощностью 20–25 см. Под этим слоем выявлено значительное количество фрагментов глазурованной керамики и костей домашних животных. Ниже фиксируются остатки деревянных плах, упавших со стен или с кровли сооружения. М.Г. Крамаровский отнес этот комплекс к «предмонгольскому» времени, поскольку в заполнении полуземлянки обнаружена византийская монета и развал красноглиняной ангобированой амфоры XII–XIII вв. с дипинти (Крамаровский, 1986, с. 4). Учиты-

вая, что домонгольский период на городище представлен единичными находками и явно атрибутированные для этого времени комплексы пока отсутствуют, следует все же с осторожностью предположить, что полуземлянка относится к сельскому периоду истории Солхата. По вышеприведенной периодизации это период 40–80-х гг. XIII в. или, учитывая монеты XIV в. в верхних слоях землянки, середина XIII – начало XIV вв. Позднее автор раскопок, анализируя один из сосудов, обнаруженных при исследовании этой полуземлянки, датировал ее концом XIII в. (Крамаровский, 2012, с. 298).

В 2013 г. также был изучен еще один важный с точки зрения стратиграфии археологический комплекс на **территории медресе Инджибек-хатун**. На предпортальной части и вдоль восточной стены медресе был заложен раскоп 39, состоящий из нескольких участков (рис. 2: 4). В средней части участка А1 на уровне материковой поверхности был локализован, а впоследствии расчищен канал водоотводящей противоливневой системы (далее – канал), впервые открытой еще в 1983 г., но тогда неисследованной. В 2013 г. было изучено около 22 м этого канала глубиной 0,7–0,8 м и шириной 0,8–0,9 м. Канал был выкопан в материке, его стенки и дно были обложены каменными плитами на известковом растворе, а верх был перекрыт такими же плоскими каменными плитами неправильной конфигурации (размеры плит перекрытия: 1,0–1,2×0,4–0,8 м).

Заполнение этого канала было взято отдельным археологическим контекстом на всем участке исследований. Канал был забит темно-серым грунтом, содержащим фрагменты керамики, мелкие металлические изделия, монеты и кости животных. Вероятно, канал функционировал долгое время и после гибели медресе, но постепенно забился грязью и перестал использоваться (Крамаровский, Сейдалиев, 2013, с. 7–8).

Керамика из заполнения водоотводного канала представлена в основном неглазурованными и глазурованными сосудами местного производства, с подглазурной росписью ангобом или орнаментом, выполненными в технике «сграффито» (рис. 3: 5), импортной кашинной и красноглиняной посудой византийского круга, а также штампованными сосудами. Значительный монетный материал, происходящий из комплекса, датируется периодом 20-х гг. XIV – начала XV вв. (Крамаровский, Сейдалиев, 2013, с. 7–8; Крамаровский, Науменко, Сейдалиев, 2013, с. 67–68), незначительное количество монет 70-х гг. XIII в., вероятно, не может свидетельствовать о начале функционирования канала в это время, и, возможно, они попали сюда случайно с потоками воды (?). С учетом датировки основной массы монет и того, что канал проходит под полами южных помещений медресе, следует отнести его появление ко времени, предшествующему сооружению архитектурного комплекса медресе. В целом заполнение водоотводного канала может иметь и более широкий хронологический диапазон, поскольку точное время его функционирования нам неизвестно, а содержащиеся материалы, в том числе нумизматические, датируются в пределах 70-х гг. XIII в. – начала XV в.

Керамический материал из приведенных археологических комплексов представлен также посудой с орнаментацией в технике «сграффито» и «шамплеве» из плотной глиняной массы с включениями шамота, что позволяет отнести их к продукции местных гончарных центров. Такие материалы встречаются и на других памятниках городища, в том числе на поселении Бокаташ II. Часть керамических находок относится к сосудам с росписью линиями ангоба под желтой глазурью и изделиям из кашина, что характерно для золотоордынских памятников Крыма и синхронных памятников за пределами полуострова. К изделиям византийского круга принадлежат фрагменты так называемой «Зевксипповой керамики» и полихромной поливной посуды с орнаментом в технике «сграффито». По структуре глиняной формовочной массы можно предположить, что производство этих изделий связано с одним из гончарных центров Крыма – Каффой, Чембало, Алустоном или Сугдеей, где они изготавливались в XIV в. (Крамаровский, Науменко, Сейдалиев, 2013, с. 6–69).

Вторым ключевым объектом в центральной части городища является так называемая «мечеть Бейбарса», исследования которой проводились в 1979–1980, 1986 гг. В отчетах изначально это сооружение называлось «мечетью № 2» (рис. 4). В ходе исследований тут выделены три основных культурных горизонта: «современного происхождения», слой функционирования города XVI–XIX

Рис. 4. Общий вид на раскоп на территории мечети №2
Fig. 4. General view of the excavation on the territory of the mosque No. 2

вв. и слой золотоордынского периода. Для понимания стратиграфической ситуации на объекте необходимо подробно остановиться на яме 2/79 участка 3 (сооружение 2 в археологическом отчете). Яма была локализована как пятно овальной формы на уровне материка. В заполнении ямы содержатся фрагменты кашинных сосудов с росписью кобальтом (середина – вторая половина XIV в.) (Герцен, Науменко, 2016, с. 45), а также медные монеты XIV в., одна из которых была отчеканена в 1315–1316 гг. (715 г. х.) на монетном дворе Крым (Крамаровский, 1980, с. 18–19). Стратиграфически яма относится ко времени до строительства мечети и связана с хозяйственной деятельностью на этой территории.

Другим важным объектом с точки зрения нашего исследования является сооружение 1 (яма 1), открытое в 1986 г. работами Старокрымской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского во время раскопок во внутренней части т. н. «мечети Бейбарса». Это сооружение, вероятно землянка, было обнаружено на участках 3–4/86. Северная часть землянки была перекрыта портальной стеной мечети, поэтому сооружение было вскрыто частично. Размеры открытой части землянки 3,6×4 м. Фундамент портальной стены мечети впущен в землянку и практически достигает пола сооружения 1, на котором сохранились следы пожара и остатки известковой обмазки. По мнению руководителя раскопок, к моменту строительства мечети землянка уже не функционировала и, вероятно, использовалась как хозяйственная яма. Вероятно, именно поэтому тут в заполнении выявлено значительное количество костей животных, фрагментов столовой и кухонной посуды (рис. 5: 1–10), кроме того, здесь также обнаружены фрагменты стеклянных и бронзовых изделий, в том числе зеркал. В момент строительства мечети поверхность на этой территории была снивелирована, и землянка превратилась в закрытый археологический комплекс. Нумизматический материал из заполнения землянки представлен 117 джучидскими монетами, наиболее ранние из которых были отчеканены во время правления хана Токты (1291–1312), а самые поздние – относятся ко времени ханов Абдаллаха (70-е гг. XIV в.) и Тохтамыша (1379–1395). М.Г. Крамаровским было высказано справедливое замечание, что землянка перестает функционировать как жилище на рубеже XIII–XIV в. или в первые годы правления хана Узбека (1312–1341), после чего используется как мусорная яма, вплоть до времени строительства мечети в 80-х гг. XIV в.

Развитие города, естественно, приводило к расширению его границ, в связи с этим важным

Рис. 5. Фрагменты керамических сосудов из раскопок на территории мечети №2
Fig. 5. Fragments of pottery from excavations on the territory of the mosque No. 2

представляются наблюдения, сделанные не только в центральной части городища, но и на его окраинах. Одним из таких комплексов является караван-сарай, исследования которого проводились в Старокрымской археологической экспедицией под руководством М.Г. Крамаровского в 1980 и 1987–1994 гг. (рис. 6) Тут был заложен раскоп XII, по результатам исследований на котором было выделено три этапа функционирования объектов на территории караван-сарая. Первый относится к концу XIII – началу XIV вв., второй связан с хозяйственными комплексами первой трети/середины – последней трети XIV вв., третий относится к строительству стен караван-сарая в последней трети XIV в.

Ко второму этапу жизни на этой территории относится гончарная мастерская, состоящая из печи (горна) и навеса. Этот комплекс был исследован в 1990–1991 гг. и локализован на

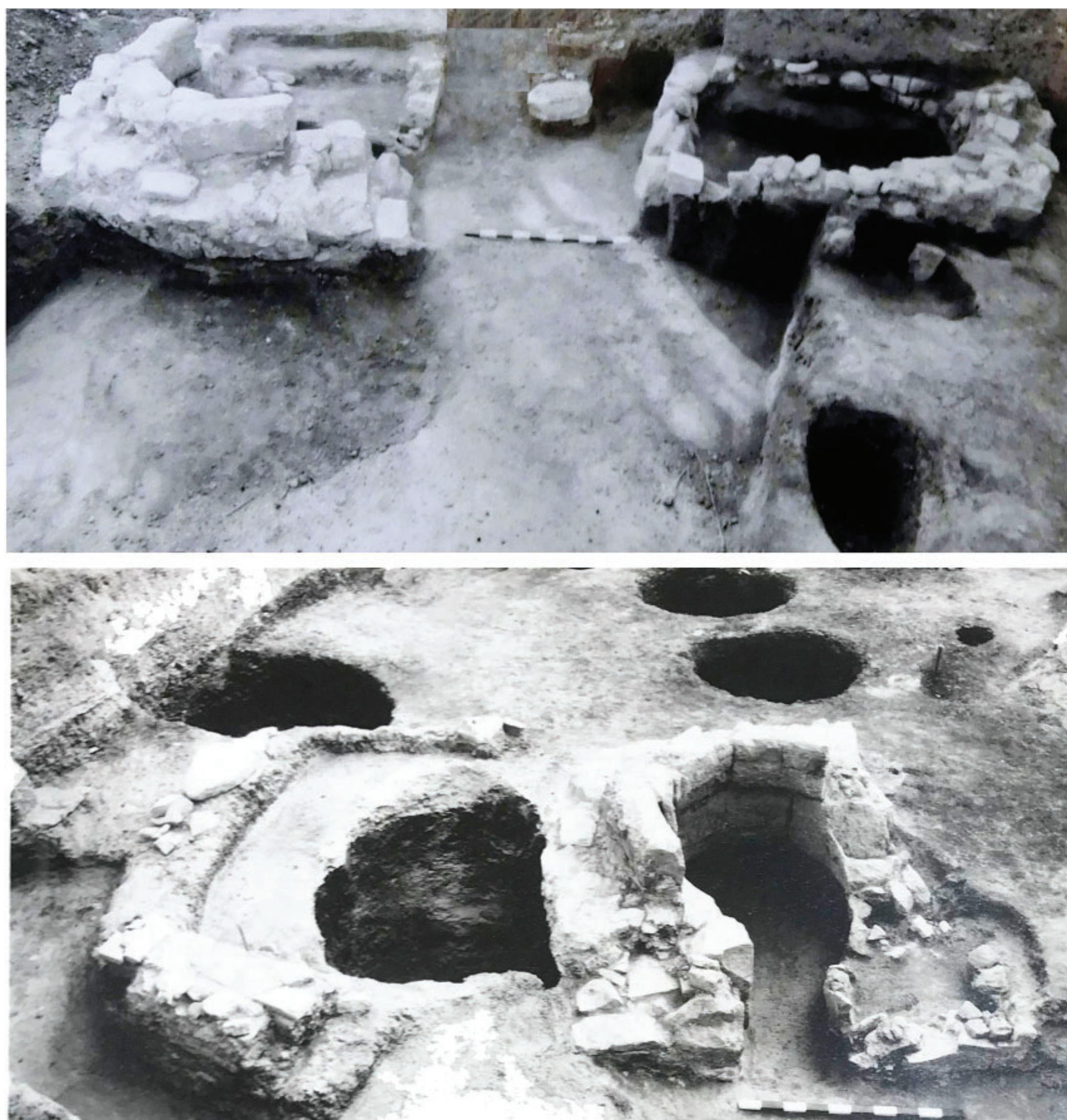

Рис. 6. Общий вид на гончарные печи на раскопе XII, караван-сарай Солхата.
Fig. 6. General view of pottery kiln on the excavation XII, caravanserai of Solkhat.

участках 51, 63 и 64 раскопа. Границы мастерской, вероятно, были обозначены столбовыми ямами, и площадь ее составила около 25 м^2. В южном углу комплекса располагалась массивная печь и припечная яма. Топочная камера горна была сооружена из крупных каменных блоков, хорошо обработанных и плотно подогнанных друг к другу. Стенки печи были возведены на каменном основании, укрепленном известковым раствором. При строительстве южной стены караван-сарая часть печи была разрушена. Находки из заполнения горна и припечной ямы не указывают прямо на функциональное назначение комплекса. Нумизматический материал в основном относится к 20-м гг. XIV в. Автор исследований предположил, что мастерская погибает около середины XIV в., а на ее месте появляется иной хозяйственный комплекс с тандыром. В пределах мастерской также была локализована хозяйственная яма 1, расположенная под глинобитным полом и пифосом. Стратиграфически она предшествует яме 1а, с которой практически совпадает по контуру. В заполнении ямы 1а обнаружены фрагменты глазурованной керамики и монеты второй половины XIV в. Заполнение ямы 1 включало большое количество фрагментов керамики, в том числе глазурованной, штампованной и бракованной при обжиге и в процессе покрытия глазурью, незаконченные копилки (без прорези), матрицы-калыпы (рис. 7: 2), сепаи (рис. 7: 1), а также

Рис. 7. Находки из предполагаемой ремесленной мастерской на территории караван-сарая.
Fig. 7. Finds from the supposed craft workshop on the caravanserai site .

остатки сырой глины, отличной от материковой. Все эти находки, а также камни с пробами глазури и куски застывшей глазури (рис. 7: 3) свидетельствуют о наличии на этой местности до строительства караван-сарая ремесленной мастерской (Крамаровский, 1993, с. 5–6; Крамаровский, 1994, с. 19–20). Произведенные в этой мастерской керамические изделия встречаются и на других памятниках Солхата, в частности исследователи отмечают такие находки на территории комплекса медресе-мечети Узбека, бани в Георгиевской балке и др. (Сейдалиев, Сейдалиева, 2022, с. 16–17).

В 1992 г. в ходе исследований на участке 39 раскопа XII была обнаружена и раскопана гончарная печь 2, также перекрытая южной стеной караван-сарая. Печь 2 относится к тому же производственному центру, что и раскопанная тут печь 1, поскольку обе они имеют одну припечную яму.

Печь 2 сохранилась хуже, чем печь 1, так как располагалась стратиграфически выше и при строительстве южной стены караван-сарая была сильно разрушена. Конструкция ее также отличается: сложена она из мелких камней, а на поде печи не прослежены следы обмазки, он представлял собой прокаленный глинистый грунт. Находки, обнаруженные тут, представлены фрагментами ошлакованного стекла, костяными поделками (в том числе обнаружена шахматная пешка), обломками керамических сосудов – горло светло-

Рис. 8. Общий вид на раскоп на территории мавзолея №2.
Fig. 8. General view of the excavation on the territory of the mausoleum No. 2.

глиняной амфоры (Крамаровский, 1993, табл. 40а), фрагмент поливного сосуда с орнаментом в технике «сграффито» с изображением птицы (Крамаровский, 1993, табл. 44а) (рис. 7: 4), два донца от сосудов с монограммами греческими буквами (Крамаровский, 1993, табл. 43а) (рис. 7: 5), фрагменты глазурованных красноглиняных сосудов с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 7: 6) и кашинных сосудов (рис. 7: 7) (Крамаровский, 1993, табл. 43б, 45а). Монетный материал, происходящий из комплекса, не был определен (Крамаровский, 1993, с. 7–8). При этом один из обнаруженных тут фрагментов сосуда с монограммой относится к византийским импортным изделиям группы «Elaborate Incised Ware», которые датируются в пределах второй половины XIV – первой половины XV вв. (Майко, 2019, с. 288). Стратиграфическая ситуация на раскопе позволяет сузить его хронологию до середины – последней трети XIV в.

В ходе исследований 1991 г. был выявлен тандыр с двумя периодами использования. Более ранний комплекс – диаметром 0,86 м, более поздний, немного смещенный к югу – 1,07 м. В обоих случаях основание тандыра было укреплено кольцевыми обкладками из плоских округлых камней. Под нижней обкладкой был выявлен зольник диаметром до 1,00 м и глубиной до 0,60 м. Отвесные стенки зольника в западной части сохранили следы чистки ямы в период бытования инструментом с узким лезвием. В заполнении зольника были выявлены красноглиняный кувшин, покрытый монохромной зеленой глазурью, и дирхем хана Узбека, монетного двора Крым и чеканеный в 1320 г. Снаружи тандыр был обложен фрагментами стенок керамических сосудов, в том числе покрытых глазурью. Рядом были обнаружены два золотоордынских анонимных пула XIII в. В восточном направлении основание тандыра перекрывало массивное сооружение из камня на глиняном растворе. В его заполнении обнаружены монеты 50–60-х гг. XIV в. (Крамаровский, 1992, с. 6–7). Предположительно тандыр был построен одновременно с каменной вымосткой, залегавшей на 0,7 м выше его первоначального основания. На уровне вымостки в 1990 г. найдено большое количество фрагментов глазурованной посуды с монетами XIV в. (Крамаровский, 1992, с. 6–7).

Анализируя вышеприведенные материалы, можно предположить, что данная территории в своем развитии прошла три основных этапа. Наиболее ранний датируется концом XIII – первыми двумя десятилетиями XIV в. и представлен остатками тандыра. На втором этапе – не ранее середины XIV в. – на месте тандыра сооружается хозяйственный комплекс с гончарной мастерской, продукция которой известна на других памятниках городища. Последний период связан со строительством караван-сарая и относится к последней трети

XIV в. (Крамаровский, 1992, с. 11). Этот период в истории городища обычно связывают с общеордынским кризисом, тем более странным выглядит строительство такого большого объекта. Однако вспомним, что именно в этот период в Солхате строится новая мечеть (т. н. «мечеть Бейбарса»), а сам город обзаводится крепостной стеной, что также было достаточно масштабным проектом (Крамаровский, Сейдалиев, 2020). Связано ли строительство караван-сарая, который некоторые исследователи относили в укрепленному дворцу местного правителя (Зиливинская, 2019, с. 50), с последним этапом реализации защитного пояса Солхата, могут показать лишь дальнейшие исследования на его территории.

Изменения в городской топографии прослеживаются и в северных секторах городища. В северо-восточной части города в 1991 году, на отроге горы Малый Агармыш, был обнаружен **мусульманский мавзолей (дюрбе) № 2**, который раскапывался в 1992 и 1993 гг. (Крамаровский, 1992; Крамаровский, 1993; Крамаровский, 1994; Крамаровский, 1995). Раскопками была открыта площадь в 225,7 м^2 (рис. 8). На объекте прослеживаются два уровня культурных напластований: «современный» и «золотоордынский». Несмотря на то, что материалы этих исследований уже неоднократно вводились в научный оборот, публикацию их нельзя назвать полной (Зиливинская, 2014, с. 133; Сейдалиев, 2022). В нижних слоях золотоордынского времени содержится значительное количество сгнившей органики, в верхних (слой разрушения мавзолея?) содержатся строительные остатки мавзолея. Во втором помещении дюрбе выявлены фрагменты поливных изразцов с полихромной подглазурной росписью и рельефом, изготовленные из глиняного теста темно-красного и бурого цветов. Учитывая обстоятельства обнаружения этих материалов, можно предположить, что изразцы использовались для декора внутреннего пространства мавзолея. На площади этого раскопа, а также на участках исследований вокруг были обнаружены изразцы иного типа, также красноглиняных, но покрытых бирюзовой глазурью (рис. 9). Облицовочные плитки такого типа обычно использовались для покрытия купола мавзолеев. Аналогии таким находкам известны достаточно широко, производились они на территории Золотой Орды, Средней Азии и

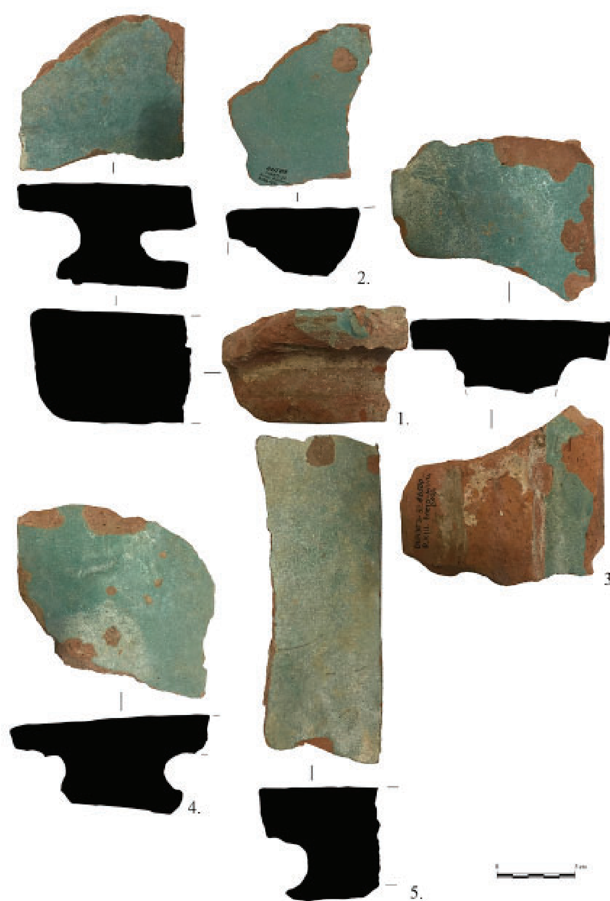

Рис. 9. Фрагменты поливных изразцов из раскопок дюрбе №2.
Fig. 9. Fragments of glazed tiles from excavations of türbe No. 2.

Ирана в XIV–XVI вв. (Коваль, 2010, с. 182). Датируется дюрбе по данным стратиграфии и нумизматики. Одна из трех обнаруженных тут монет (анонимный пул) датируется 50–60-ми гг. XIV в., вторая, с тюркской надписью «48 – один ермак», точно не атрибутирована, но относится к разновидностям монет 70-х гг. XIV в. Третья монета (также анонимный пул) была обнаружена на полу дромоса у входа в погребальную камеру, датируется второй половиной XIV в., чекан Крыма. На основании этих данных дюрбе может быть датировано 50–60-ми гг. XIV в. (Крамаровский, 1993, с. 6, 8–9).

Еще одним объектом северной части городища, содержащим четко стратифицированные закрытые комплексы, является **баня в Георгиевской балке**, обнаруженная и раскопанная в ходе исследований 2011 г. экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины (в настоящее время Институт археологии Крыма РАН) под руководством

Рис. 10 Общий вид на раскоп на территории бани в Георгиевской балке.
Fig. 10 General view of excavations on the territory of the bathhouse in the Georgievskaya balka.

В.В. Майко. Общая изученная площадь составила 112 м^2. Результаты работ неоднократно публиковались, хоть и не полностью (Майко, 2012; Майко, Сейдалиев, Душенко, 2012; Гаврилов, Майко, 2014, с. 168–177). Сооружение представляло собой прямоугольную в плане постройку из трех помещений, обозначенных автором раскопок как помещения А, Б и В (рис. 10).

Стратиграфия помещения А включает пять культурных напластований, среди которых интерес представляют следующие. В первом слое (серая плотная глина с мелкими камнями) содержится большое количество фрагментов тарных кувшинов, столовой керамики под зеленой кроющей глазурью, в том числе тарелок с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 11: 1). Перечисленные фрагменты относятся к посуде местного (солхатского) производства (датируется не ранее второй половины XIV в.). В слое также наличествует кашинная керамика (рис. 11: 2), железные гвозди и галька, покрытая толстым слоем прозрачной глазури (рис 11: 3). Такие камни, покрытые глазурью, встречаются на территориях ремесленных мастерских, но нельзя исключать их использование тут в качестве фрагментов декоративного украшения интерьера бани (Майко, 2012, с. 306).

Следующий слой (коричневой рыхлой глины (слой № 2)) содержит фрагменты тарных сосудов, в том числе амфор константинопольского производства, кувшины, оранжевоглиняные неполивные подсвечники и обломки керамических водопроводных труб (рис. 11: 6). Тут также обнаружено множество фрагментов столовой посуды, покрытой светло-желтой, желтой и зеленой глазурью, в том числе тарелок с орнаментом в технике «сграффито», сосудов с рельефным орнаментом под кроющей глазурью светло-желтого, желтого и зеленого цветов (рис. 11). В этом слое также найдены изделия из стекла, камня, железа, бронзы. Автор исследований связывает этот горизонт со временем, когда баня уже перестала использоваться по своему прямому назначению. Второй слой также содержит несколько медных золотоордынских монет, в частности два анонимных пула времени хана Токты (1291–1312) крымского чекана с трилистником и тамгой рубежа XIII–XIV вв., монету хана Абдаллаха (1363–1369), два анонимных пула типа «Сарай-ал-Джедид» с «цветочной розеткой» выпуска периода 1350–1360 гг.

Под вторым слоем в бане зафиксирован каменный завал (слой № 3), образовавшийся в результате обрушения ее стен. Слой содержит большое количество изделий из камня (рис. 11: 5), фрагменты керамических водопроводных труб, красноглиняные кувшины разных типов, обломки тарелок на кольцевых поддонах, покрытых поливой желтого цвета и с орнаментом в технике «сграффито», фраг-

Рис. 11. Основные находки из раскопок на территории бани в Георгиевской балке.
Fig. 11. Main finds from excavations on the territory of the bathhouse in the Georgievskaya balka.

менты кашинных тарелок и изразцов, железные гвозди, фрагменты бронзовых и костяных изделий (рис. 11).

Далее следует слой пережженной ярко-оранжевой глины (слой № 4), который, вероятно, образовался в результате функционирования помещения А (т. н. производственный слой). В его заполнении обнаружено немного находок, и, вероятно, этот слой непосредственно связан с функционированием системы подогрева полов бани (Майко, 2012, с. 303–304).

Такая же стратиграфическая ситуация наблюдается в помещениях Б и В. Анализируя нумизматические материалы и другие археологические находки из бани в Георгиевской балке, можно прийти к выводу, что она датируется в пределах первой четверти – последней четверти XIV в.

Подводя итоги всему вышеизложенному, следует отметить, что на территории Солхата выявлены комплексы, содержащие ранний археологический материал. Прежде всего это полуземлянка на территории мавзолея перед мечетью Узбека, которая датируется догородским этапом развития Солхата, поскольку в ее заполнении обнаружена византийская монета и развал красноглиняной ангобированой амфоры XII–XIII вв. с дипинти. Заполнение этого комплекса содержит фрагменты и развалы целых керамических сосудов, покрытых монохромной зеленой глазурью без росписи, с подглазурной росписью плотным белым ангобом и с орнаментом в технике «сграффито». Следует констатировать, что этот период в истории городища в настоящее время наименее раскрыт, сопровождается самым незначительным комплексом находок и требует дальнейшего археологического изучения.

Второй период существования города (конец XIII – первая половина XIV вв.) прослеживается по ряду объектов на территории архитектурно-археологического комплекса медресе-мечети Узбека. Это хозяйственные ямы (яма 2, раскоп I, 1978 г., яма 3, 1984 г., яма в шурфе 1/13, 2013 г., яма в шурфе 1/23, 2023 г.). В этих комплексах содержаться фрагменты селадоновых и кашинных сосудов и посуды с орнаментом в технике «сграффито», покрытой зеленой глазурью, сосуды под зеленой или желтой кроющей глазурью, с подглазурной росписью ангобом и орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и «шамплеве». Отдельно отметим фрагменты и археологически целые формы сосудов типа «Zeuxippus Derivate», «Zeuxippus Influence Ware», «Zeuxippus Ware Family», которую относят к керамике византийского культурного круга. Хронологически к этому периоду относится землянка, а также ямы конца XIII – начала XIV в. на территории т. н. «мечети Бейбарса», содержащие такой же материал.

Комплексы бани в Георгиевской балке также относят к первой – третьей четвертям XIV в., после этого времени здание, вероятно, использовалось по иному назначению. Поэтому можно отнести разные слои этого памятника как ко **второму периоду**, так и к **третьему**. Тут встречается уже упомянутая продукция солхатского керамического производственного центра, которая датируется временем не ранее второй половины XIV в.

Четвёртый этап, характеризующийся **общим упадком и кризисом** (середина – 80-е гг. XIV в.) в Улусе Джучи, представлен рядом археологических комплексов караван-сарая. Тут в середине XIV в. возникает хозяйственный комплекс, состоящий из гончарных печей, хозяйственных ям и других сооружений, где содержится значительное количество фрагментов глазурованной посуды с орнаментом в технике «сграффито», сосуды с монограммами в виде греческих букв (один из которых относится к византийским импортным изделиям группы «Elaborate Incised Ware», датируется в пределах второй половины XIV – первой половины XV вв.).

Отметим, что комплексы **последнего этапа функционирования города** золотоордынского времени (конец 80-х XIV – первые десятилетия XV вв.) на территории городища невыразительны и немногочисленны, что связано и с запустением города, и со слабой их изученностью. С этим периодом, вероятно, связаны комплексы, возникшие в период строительства или перестройки таких сооружений Солхата, как т. н. «мечеть Бейбарса» и мечеть Куршун-Джами (Крамаровский, Сейдалиев, 2022).

Как видим, стратиграфическая ситуация на внутрикомплексных археологических объектах Солхата достаточно точно коррелируется с общей периодизацией городища. Наличие нумизматического материала детализирует хронологию археологических комплексов, представленных в настоящей публикации. Это позволяет уточнить хронологию бытования археологических объектов или их отдельных археологических контекстов. В то же время детальный анализ определенных групп материала (например, керамики местного производства) из четко стратифицированных слоев позволяет конкретизировать хронологию как городища в целом, так и ряда его внутрикомплексных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (Материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. «Между Золотой Ордой и Романией…» // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 36–57.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. II. Гражданское зодчество. Казань: АН РТ, 2019. 353 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1978 г. на городище Солхат (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым – Л., 1979. 127 с. // Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1979 г. на городище Солхат (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым – Л., 1980. 147 с. // Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1985 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым – Л., 1986. 59 с. // Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: ГЭ, 1989. С. 141–157.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Старый Крым – СПб, 1991-1992. 94 с.// Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Старый Крым – СПб, 1992-1993. 129 с.// Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым – СПб, 1994. 160 с.// Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1994 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым- СПб., 1995. 221 с. // Архив отдела Востока ГЭ.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб: Евразия, 2012. 496 с.

Крамаровский М.Г. К идентификации «мечети Бейбарса» в Солхате // IV Международная научная конференция «Научные чтения памяти У. А. Боданинского»: тез. докл. и сообщ. (Бахчисарай, 17–19 октября 2012). Симферополь: Антиква, 2013. С. 23.

Крамаровский М.Г. Солхат/Крым в эпоху глобализации (XIII-XV вв.). К истории города и его культуры // Сборник научных трудов конференции I Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма / Ред. Э.И. Сейдалиев, Р.Р. Кадыров. Симферополь: АРИАЛ, 2022. С. 5–14.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Криничкиi II (Результаты полевых исследований). Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 гг. / Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. I. СПб.: ГЭ, 2002. 183 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 г.). Раскопки в Старом Крыму в 2001–2003 гг. / Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. II. СПб.: ГЭ, 2004. 391 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). Раскопки в Старом Крыму в 2004 г. / Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. III. СПб.: ГЭ, 2006. 314 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2005 г.). Раскопки в Старом

Крыму в 2005 г. / Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. IV. СПб.: ГЭ, 2007. 261 с.

Крамаровский М.Г. Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И. Глазурованная керамика из двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (по материалам исследований 2013 г.) // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5–8 сентября 2014 г.). Тез. докл. Севастополь, 2014. С. 64–69.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Отчет об полевых исследованиях 2013 года на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) объединенной археологической экспедицией Отдела Востока Государственного Эрмитажа и КРУ Бахчисарайского историко-культурного заповедника по изучению архитектурно-исторического комплекса «Мечеть и медресе Солхата» [рукопись]. Старый Крым; Бахчисарай; СПб, 2013-2014. 362 с.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Мечеть Куршун-Джами (Крым, XIV в.) и сельджукская традиция Анатолии // Археология Евразийских степей. 2020. № 4 С. 242–249

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Оборонительные сооружения средневекового Солхата (историко-археологический комментарий) // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 316–336.

Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.

Майко В.В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. XXIV. С. 288–311.

Майко В.В., Сейдалиев Э.И., Душенко А.А. Баня средневекового Солхата (по материалам исследований 2011 г.) // IV Международная научная конференция «Научные чтения памяти У. А. Боданинского»: тез. докл. и сообщ. (Бахчисарай, 17–19 октября 2012). Симферополь: Антиква, 2013. С. 26–27.

Майко В.В. Средневековые бани Керчи и Солхата. К вопросу о месте в городской инфраструктуре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. Вып. XIII / Ред.сост. В.Н, Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2012. С. 304–309.

Сейдалиев Э.И. Мавзолеи-дюрбе городища Солхат (XIII–XVIII вв.) по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Археология Евразийских степей. 2020. № 4. С. 250–258.

Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Керамический комплекс бани средневекового Солхата (по материалам раскопок 2011 г.) // Сборник научных трудов конференции I Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма / Ред. Э.И. Сейдалиев, Р.Р. Кадыров. Симферополь: АРИАЛ, 2022. С. 15–24.

Информация об авторе:

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник ФГБНУ Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); codexcummanicus@gmail.com

REFERENCES

Gavrilov, A. V., Maiko, V. V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym) (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Staryi Krym Town)*. Simferopol: "Business-Inform" Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2016. In Seidaliev, E. I. (ed.). *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (Crimea in the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of a Vanished Empire: Exhibition Catalog).* Simferopol: "Tarpan" Publ., 36–57 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2019. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 2. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1979. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1978 g. na gorodishche Solkhat (Krym) arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 1978 on Solkhat city (Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage).* Staryy Krym; Leningrad. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1980. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1979 g. na gorodishche Solkhat (Krym) arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 1979 on Solkhat city (Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage).* Staryy Krym; Leningrad. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1986. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1985 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 1985 on Solkhata (Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage).* Staryy Krym; Leningrad. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1991-1992. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1991 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiey Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 1991 on the medieval city of Solkhat (Krym, Staryi Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage)*. Staryy Krym; Saint Petersburg. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1992-1993. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1992 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiey Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 1992 on the medieval city of Solkhat (Krym, Staryi Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage).* Staryy Krym; Saint Petersburg. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1994. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1993 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazh (Report on field research in 1993 on Solkhat city (Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage).* Staryy Krym; Saint Petersburg. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1995. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1994 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 1994 on Solkhat city (Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage).* Staryy Krym; Saint Petersburg. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2013. In *IV chteniia pamiati U.Bodaninskogo: tez. dokl. i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Bakhchisarai, 17–19 oktiabria 2012 g.) 4th Readings in Memory of U. Bodaninsky: Abstracts and Reports of the International Scientific Conference (Bakhchisaray, October 17–19, 2012).* Simferopol: "Antikva" Publ., 23 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2022. In Seydaliev, E. I., Kadyrov, D. E. (eds.). Sbornik nauchnykh trudov konferentsii I Solkhatskie chteniya. Prichernomor'e v epokhu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma *(Collected scientific papers of the conference I Solkhat Readings. Black Sea region in the era of globalization: East and West in the culture of Crimea)*. Simferopol: "ARIAL" Publ., 5–14 (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2002 *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki II (Rezul'taty polevykh issledovaniy). Raskopki v Starom Krymu v 1998–2000 gg. (Golden Horde Krinichki II settlement. Materials of the Staryi Krym archaeological expedition. Excavations in staryi Krym in 1998–2000. (Results of field research).* Series: Materialy Starokrymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Staryi Krym archaeological expedition) 1. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2004. *Poselenie Bokatash II (Rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 gg. Raskopki v Starom Krymu v 2001–2003 gg.). (Bokatash II Settlement (Results of Field Studies of the Golden Horde Archaeological Expedition of the State Hermitage in 2001–2003. Excavations in the Old Crimea in 2001-2003).* Series: Materialy Starokrymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Staryi Krym archaeological expedition) 2. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2006. *Poselenie Bokatash II (Rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 g. Raskopki v Starom*

Krymu v 2004 g.). (Bokatash II Settlement (Results of Field Studies of the Golden Horde Archaeological Expedition of the State Hermitage in 2004. Excavations in the Old Crimea in 2004). Series: Materialy Starokrymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Staryi Krym archaeological expedition) 3. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2007. *Poselenie Bokatash II (Rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2005 g. Raskopki v Starom Krymu v 2005 g.). (Bokatash II Settlement (Results of Field Studies of the Golden Horde Archaeological Expedition of the State Hermitage in 2005. Excavations in the Old Crimea in 2005).* Series: Materialy Starokrymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Staryi Krym archaeological expedition) 4. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Naumenko, V.E., Seidaliev, E. I. 2014. In *Mezhdunarodnyy nauchnyy seminar «Polivnaya keramika Prichernomor'ya Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu vizantiyskoy tsivilizatsii» (Sevastopol', 5–8 sentyabrya 2014 g.). (International scientific seminar "Glazed ceramics of the Black Sea Mediterranean region as a source for the study of Byzantine civilization" (Sevastopol, September 5–8, 2014). Abstracts of papers).* Sevastopol, 64–69 (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Seidaliev, E. I. 2013-2014. *Otchet ob polevykh issledovaniyakh 2013 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryy Krym) ob"edinennoy arkheologicheskoy ekspeditsiey Otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha i KRU Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika po izucheniyu arkhitekturno-istoricheskogo kompleksa «Mechet' i medrese Solkhata» (Report on field research in 2013 on the medieval city of Solkhat (Staryi Krym) by a joint archaeological expedition of the Department of the East of the State Hermitage and the KRU of the Bakhchisarai Historical and Cultural Reserve on study the architectural and historical complex "Mosque and madrasah of Solkhat")*. Staryy Krym; Bakhchisaray; St. Petersburg (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Seidaliev, E. I. 2022. In *Arheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 242–249 (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Seidaliev, E. I. 2020. In *Arheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 316–336 (in Russian).

Lomakin, D. A. 2015. *Musulmanskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriia izucheniia, sovremennoe sostoianie (Muslim Monuments of Stary Krym of the 13th –15th cc.: the History of Studying and the Contemporary State).* Simferopol: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).

Maiko, V. V. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials ín the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXIV. 288–311 (in Russian).

Maiko, V. V., Seidaliev, E. I., Dushenko, A. A. 2013. In *IV chteniia pamiati U.Bodaninskogo: tez. dokl. i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Bakhchisarai, 17–19 oktiabria 2012 g.) 4th Readings in Memory of U. Bodaninsky: Abstracts and Reports of the International Scientific Conference (Bakhchisaray, October 17–19, 2012).* Simferopol: "Antikva" Publ., 26–27 (in Russian).

Maiko, V. V. 2012. In Zin'ko, V. N. (ed.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanizatsii Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Urbanization problems. Bosporan Readings)* XIII. Simferopol, Kerch: "Kerchenskaya gorodskaya tipografiya" Publ, 304–309 (in Russian).

Seidaliev, E. I. 2022. In *Arheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 250–258 (in Russian).

Seidaliev, E. I., Seidalieva, D. E. 2022. In Seydaliev, E. I., Kadyrov, D. E. (eds.). *Sbornik nauchnykh trudov konferentsii I Solkhatskie chteniya. Prichernomor'e v epokhu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma (Collected scientific papers of the conference I Solkhat Readings. Black Sea region in the era of globalization: East and West in the culture of Crimea)*. Simferopol: "ARIAL" Publ., 15–24 (in Russian).

About the Author:

Seidaliev Emil I., Candidate of Historical Sciences, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Uchebny pereulok Str. 6, Simferopol, 295015, Russian Federation; Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, the Republic of Crimea, Russian Federation; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Baturina Str., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; codexcummanicus@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902.64, 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.283.295

ХЕРСОН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – XIV ВВ.: К ХРОНОЛОГИИ РАЗРУШЕНИЯ ГОРОДА

© 2024 г. М. Л. Цымбал

В статье кратко освещены основные подходы к рассмотрению истории Херсонеса на последних этапах существования (во второй половине XIII – XIV вв.) и дана критическая оценка некоторых из них. Работа разделена на две части. В первой части выполнена попытка уточнить датировку пожара, охватившего большую часть города в третьей четверти XIII в. и выдвинута гипотеза о возможности наличия двух слоев (в третьей четверти и конце XIII в.), связанных с разрушениями. Во второй части работы рассмотрены различные версии о разрушении города в XIV в. На основе анализа письменных источников и сопоставлении их с археологическим материалом сделано предположение о разрушении Херсона в ходе похода Мамая летом 1365 г. Вероятно, наряду с Херсоном, в значительной степени могла пострадать и его округа. Среди мест, которые могли пострадать во время похода Мамая – скит на мысе Виноградный.

Ключевые слова: археология, слой пожара XIII в., разрушение XIV в., Херсонес, Херсон, археологический комплекс, поливная керамика, Херсон в XIII-XIV вв.

CHERSON IN THE SECOND HALF OF THE XIII – XIV CENTURIES: TO THE CHRONOLOGY OF THE DESTRUCTION OF THE CITY

M.L. Tsymbal

The article briefly highlights the main approaches to considering the history of Chersonesus in the last stages of its existence (in the second half of the XII – XIV centuries) and gives a critical assessment of some of them. The work is divided into two parts. In the first part, an attempt was made to clarify the dating of the fire that engulfed most of the city in the third quarter of the XIII century and a hypothesis was put forward about the possibility of the presence of two layers (in the third quarter and the end of the XIII century) associated with destruction. The second part of the work examines various versions of the destruction of the city in the XIVcentury. Based on the analysis of written records and comparing them with archaeological material, an assumption was made about the destruction of Cherson during Mamai’s campaign in the summer of 1365. Probably, along with Cherson, its surrounding area could have suffered significantly. Among the places that could have been affected during Mamai's campaign is the skete on the Cape Vinogradny.

Keywords: archaeology, fire layer of the XIII century, destruction of the XIV century, Chersonesus, Cherson, archaeological complex, glazed pottery, Cherson in the XIII –XIV centuries.

К вопросу разрушения Херсона во второй половине XIII в.

В истории Херсона одной из наиболее «острых» вопросов, вызывающих дискуссии исследователей, является финальный период жизни города. Наиболее значительные споры идут о датировке пожара, произошедшего во второй половине XIII в., и характере жизни Херсона после этой катастрофы. На данный момент, учитывая, что опубликована только малая часть археологических материалов (подробнее: Ушаков, Байбуртский, 2022; Ушаков и др., 2020), мы имеем сравнительно полное, хотя и не исчерпывающие представление о составе комплексов разрушения города в ходе пожара XIII в. (например, Голофаст, Рыжов, 2003). Исходя из различных обоснований, исследователи предлагают различные датировки, среди которых наиболее популярными являются следующие: 1250–1260-е гг. (Сазанов, 2005, с. 211; Алексеенко, 1997, с. 190), середина – третья четверть XIII в. (Седикова, 2018, с. 428), 1278 г. (Мыц, 1997, 2016), 1298/9 г. (Айбабин, 2014, с. 245, 249). При этом, если первые две предложены в первую очередь на основании археологического материала, то вторые – в большей степени основаны на анализе письменных источников.

Археологическую датировку пожаров, произошедших в большей части городов Таврики, на данный момент можно установить достаточно точно – в пределах второй поло-

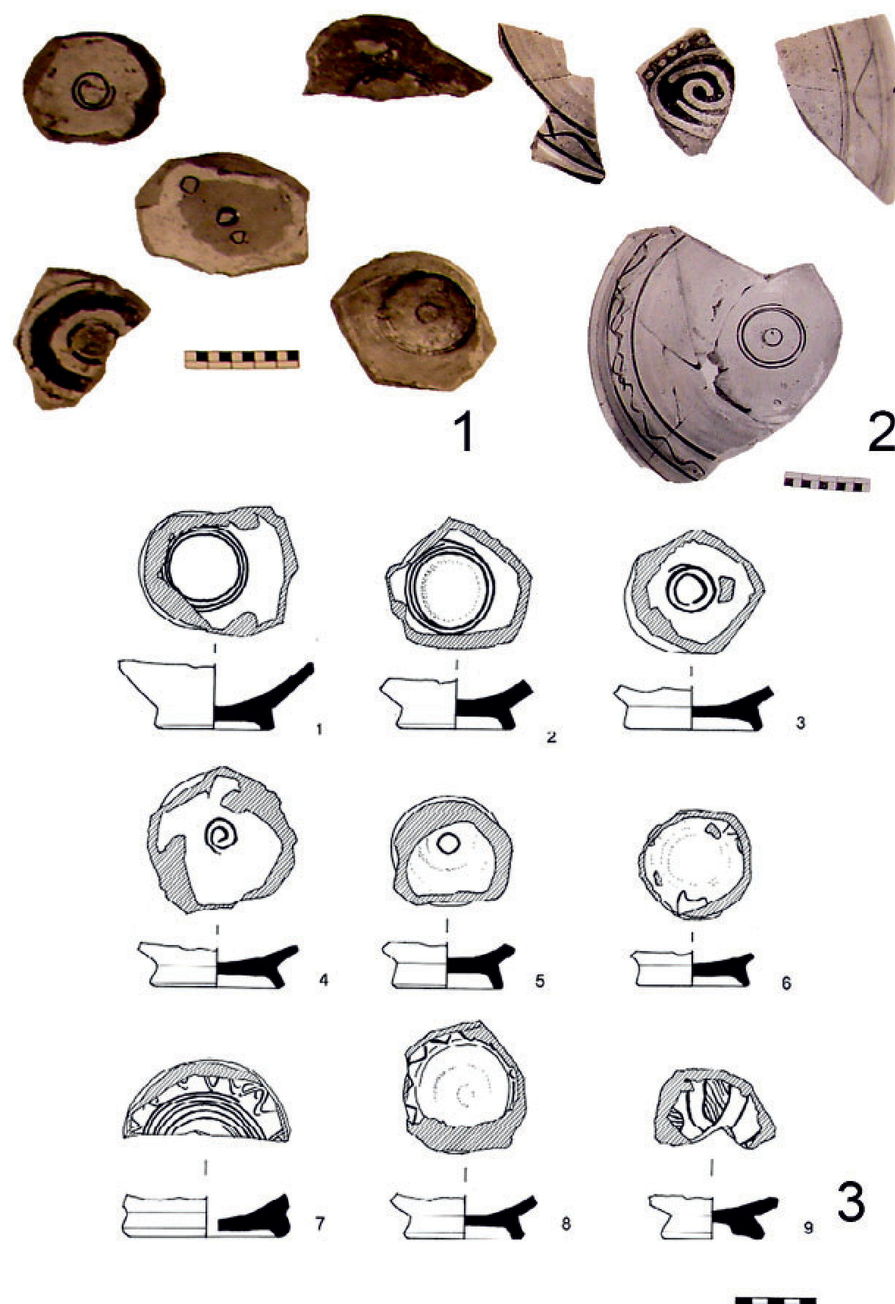

Рис. 1. Поливная керамика последней трети XIII – первой четверти XIV вв. из раскопок Херсонеса. 1-2 – поливная керамика из первого слоя (над уровнем выявления помещений) из раскопок внутренней части оборонительной стены 1966 г. (по И. А. Антоновой); 3 – красноглиняная поливная керамика из верхних слоев засыпи цистерны (по В.А. Нессель).

Fig. 1. Glazed pottery of the last third of the XIII – first quarter of the XIV century from the excavations of Chersonesus. 1-2 – glazed pottery of the first layer (above the level of identifying premises) from excavations of the inner part of the defensive wall in 1966 (after I.A. Antonova); 3 – red clay glazed pottery from the filling upper layers of the cistern (after V.A. Nessel).

вины 1250-х гг. – середины/второй половины 1260-х гг. Нижним хронологическим индикатором, предположительно, может выступать золотая монета никейского императора Феодора II Ласкаря (1254–1258), найденная в слое разрушения при раскопках Эски-Кермена в 1936 г. (Репников, 1941, с. 279–280). Верхнюю хронологическую позицию можно установить на основании появления керамики сграффито с концентрическими кругами и спиралями в

качестве базового элемента декора (группа «SCC», группа 2 по: Бочаров, Масловский, 2012), которая не встречается в комплексах разрушения третьей четверти XIII в. На основании материалов, проанализированных И.Б. Тесленко (Тесленко, 2018, с. 463–468) и включающих в себя: комплексы Новосветского кораблекрушения (Waksman, Teslenko, 2010; Waksman and etc., 2009; Дергачева, Зеленко, 2013), закрытого комплекса из портовой части Судака середины XIII в. с находками трех пулов 1260-х и 1270-х гг.(Майко, 2013), раннего комплекса Азака второй половины третьей четверти XIII в. (не ранее 1263–1269 гг.) (Масловский, 2006) и комплекса Кабарди (не ранее 1261 г. и не позднее третьей четверти XIII в.) (Волков, 2005), – появление группы «SCC» в Северном Причерноморье можно отнести к времени не позднее 1270-х гг. К сожалению, мы не имеем письменных источников, которые можно связать с этими археологическими комплексами, что и рождает многочисленные дискуссии, не завершенные и по сей день.

В то же время отдельного рассмотрения заслуживают письменные источники, отчетливо фиксирующие разрушение города в конце XIII в., наиболее полно рассмотренные А.И. Айбабиным (Айбабин, 2022, с. 55–66) и В.Л. Мыцом (Мыц, 2016, с. 73–78). Слои пожара XIII в., фиксирующиеся на большой части городища, с начала XX в. исследователи связывали с одним из исторических событий того периода, из чего и следовали дальнейшие интерпретации событий истории Херсона. В рамках данной работы выдвигается гипотеза о наличии двух слоев разрушения Херсонеса в третьей и четвертой четвертях XIII в. В качестве иллюстрации слоев, предположительно связанных с разрушением 1298/9 г., можно предложить первый (после современных напластований) и второй слои помещения № III из раскопок И.А. Антоновой 1966 г. у внутренней стороны оборонительной стены портового района. *Первый слой* представлял собой остатки разрушения оборонительной стены над уровнем выявления помещений, и, согласно отчету, представленные на иллюстрации сосуды, кроме двух-трех фрагментов, «характерны для самых поздних лет существования Херсонеса» (Антонова, 1966, л. 20). В иллюстрациях отчета (рис. 2: 1, 2) представлены две группы материалов. Первая

Рис. 2. Поливная керамика из раскопок скита на м. Виноградный. 1, 3 – прорисовки 1896 г. (по К. К. Костюшко-Валюжиничу); 2, 4 – фото из коллекции Государственного Эрмитажа (по В. Н. Залесской).

Fig. 2. Glazed pottery from the excavations of the skete at the Cape Vinogradny. 1, 3 – drawings of 1896 (after K.K. Kostyushko-Valyuzhinich); 2, 4 – photo from the collection of the State Hermitage (after V.N. Zalesskaya).

(8 из 9) относится к группе, орнаментированной концентрическими кругами и спиралями, не встречающаяся в слоях разрушения третьей четверти XIII в., – это группа «SCC», получившая наибольшее распространение в последней трети XIII – первой четверти XIV в. Вторая группа, представленная на иллюстрациях, относится к керамике крымского производства (группа ЮВК (?)) с росписью белым ангобом (slip-painted decoration), появление которой относят к первой четверти XIV в., а широкое распространение – к середине – второй половине XIV в. Идентичные сосуды происходят из раскопок в Партените (Тесленко и др., 2019, с. 315, 331, рис. 6: 18–22). *Второй слой* помещения № III в отчете не представлен иллюстративным материалом, но по описанию также может быть идентифицирован. Там было найдено небольшое количество амфорного материала и черепицы, а число фрагментов глазурованной керамики весьма значительно – 38 фрагментов. Поливная керамика описана весьма подробно: все фрагменты «принадлежат мискам и тарелкам, орнаментированным геометрическими врезными широкими линиями, чаще всего с

кругом по центру донышка, сделанным двойной широкой линией. Полива желтого, коричневого и зеленого оттенков, плохого качества. Встречаются фрагменты мисок, выполненные в технике «в набрызг» и немногочисленные фрагменты поливных кувшинов. В последнем случае, как правило, рисунок состоит из широких вертикальных полос, чередующихся под поливой из покрытых ангобом и без него» (Антонова, 1966, л. 28). Судя по тексту отчета, в данном слое присутствовали: 1) поливная керамика группы «SCC»; 2) изделия с декором «брызгами марганца» (группа «MPW», группа 3 по: Бочаров, Масловский, 2012, и т. д.), получившая распространение в Северном Причерноморье в конце XIII – первой трети XIV в., причем наиболее массово – в первой четверти XIV в. (уже к середине XIV в. импорт прекращается); 3) кувшины с росписью полосами белого ангоба (группа 3 по: Зеленко и др., 2012), характерная для комплексов последней трети XIII – первой половины XIV в. К вышеупомянутым контекстам, вероятно, можно отнести и наиболее позднюю часть поливной керамики из засыпи цистерны, опубликованной В.А. Нессель (Нессель, 2006) (рис. 2: 3). Среди наиболее поздней поливной керамики, являющейся «примесью сверху», можно выделить две группы. Первая, наиболее многочисленная группа – «SCC», упомянутая ранее. Ко второй группе относится керамика с разнообразным орнаментом сграффито (Группа «LBSW», группа 3 по: Бочаров, Масловский, 2012, и т. д.). Рассмотренные комплексы относятся к последней трети XIII – началу XIV в., и, исходя из исторического контекста, кажется обоснованным предполагать возможность их появления в связи с походом 1298/9 г.

К вопросу разрушения Херсона в XIV в.

Теория о разрушении Херсона в XIV в., так же как и вопрос о двух разрушениях города, была предложена А.Л. Якобсоном и представлена в первой его монографии, посвященной последнему периоду жизни Херсона (Якобсон, 1950, с. 42), хотя в последующих его работах представления о разрушении города в конце XIV в. немного видоизменялись (подробнее: Мыц, 2015, с. 99–101). Попытки проиллюстрировать жизнь города после XIII в. предпринимались с 1980-х гг. А.И. Романчук. Несмотря на достаточно значительную источниковедческую (археологическую) базу, она смогла лишь представить отдельные предметы XIV в., причем не всегда отделяя их хронологически от комплексов разрушения города третьей четверти XIII в. Особенно яркой иллюстрацией этого может быть работа 1982 г. «Материалы к истории Херсона XIV–XV вв.», в которой А.И. Романчук опубликовала весьма богатый керамический комплекс помещения 10 усадьбы 3 Портового района Херсонеса (Романчук, 1982), относимого автором к XIV в., но впоследствии датированного А.В. Сазановым в пределах 1250–1260-х гг. (Сазанов, 2005). В данном случае важна, однако, не критика предложенных при раскопках и первичной публикации датировок, а тот факт, что к 1980-м гг. исследователям Херсонеса не удавалось четко разделить археологический материал (в частности, поливную керамику) на короткие хронологические отрезки. Впоследствии А.И. Романчук сосредоточилась на обосновании своей точки зрения с использованием письменных и нумизматических источников, а также публикации отдельных предметов, относящихся к XIV в., что за некоторым исключением ей удалось сделать. Основываясь на работах предшественников, Алла Ильинична также связывала гибель Херсона в XIV в. с событиями 1395–1396 гг. (Романчук, 1982, с. 90; 1997, с. 280; и т. д.)

Представления своих предшественников о разрушении Кафы, Херсона и ряда других городов Крымского полуострова в последнем десятилетии XIV в. достаточно убедительно, на основании пересмотра ряда источников, опроверг В.Л. Мыц, которого впоследствии поддержали другие исследователи (С.П. Карпов, В.В. Майко, И.Б. Тесленко, А.Н. Масловский и др.) В то же время следует отметить, что источники, позволявшие говорить о «крымском походе» Тимура, трактуются исследователями по-разному. Если В.Л. Мыц говорит о том, что данный «поход» является «вымыслом историографов» (Мыц, 2015, с. 120), то С.П. Карпов находит в арабских источниках несостоявшийся поход, который Тимур в 1401 г. готовил «в Крым и на Каффу» (Карпов, 2020, с. 40). Несколько иную трактовку предлагает С.В. Громенко: говоря о предложенной В.Л. Мыцом версии, он утверждает, что мысль об полном отсутствии походов «представляется абсурдной» (Громенко, 2015, с. 46). По его представлению, в 1397 г. между Тохтамышем с одной стороны и Идигеем с ханом Тимуром-Кутлугом с другой стороны

произошло столкновение «на границах округа Кафы: достаточно далеко от города, чтобы генуэзцы не придали бою значения, но достаточно близко, чтобы летописцы… смогли локализировать сражение» (Громенко, 2015, с. 50). Предложенная С.В. Громенко версия отчасти была поддержана И.Б. Тесленко (Тесленко, 2022, с. 19–20). Однако вне зависимости от правоты одной из предложенных версий событий «крымского похода Тимура» стоит отметить, что данные события никак не могли повлиять на разрушение Херсона, так что версию о разрушении города в конце XIV в. следует исключить.

Взамен «традиционной» версии о разрушении Херсона в конце XIV в. В.Л. Мыц предлагает три других события («татарские погромы»), приведших к значительному запустению как города, так и его округи. Данные события хронологически привязаны к трем датам: 1345, 1365 и 1374/5 гг.

В монографии «Каффа и Феодоро» В.Л. Мыц, рассматривая события войны 1344–1346 гг. между ханом Джанибеком и генуэзцами, отмечает рассказ источников о том, что в ходе строительства крепости Чембало татары, чтобы не допустить укрепления генуэзцев, сжигают все оборонительные сооружения, в то время как генуэзцы, «бросив все, бежали в горы». Данные письменных источников автор подтверждает и археологическими свидетельствами из раскопок Чембало (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 32–35). На основании этого В. Л. Мыцом было сделано предположение о том, что «летом 1345 г., наряду с Чембало, от нападения татар мог в какой-то степени пострадать и Херсон, где в то время находилась генуэзская торговая фактория и католическая епископия» (Мыц, 2009, с. 57). Впоследствии выдвинутое в работах В.Л. Мыца предположение переросло в утверждение, причём если в коллективной монографии «История Севастополя в трех томах» В.Л. Мыц лишь пересказывает данные источников о данном событии (Мыц, 2022, с. 527–533), то в автореферате своей диссертации он говорит уже о том, что «раскопками выявлены следы погромов 1345, 1365, 1374/75 гг., приведших к запустению Херсона» (Мыц, 2023, с. 15). К событиям, произошедшим в Чембало, стоит добавить и сведения из Р. Мороццо делла Рокка (Morozzo Della Rocca, 1962, p. 288), где приводятся данные об участии Херсона в данном конфликте: «… Херсон, откуда Каффа получала зерно морем, был по приказу хана оставлен жителями, чтобы зерно из его порта не поступало в Каффу» (Карпов, 2015, с. 29). Примечательно, однако, что данный конфликт мало затрагивал жителей прибрежных поселений. Исходя из письменных источников, стоит предложить несколько иную трактовку событий. Вероятно, во время попытки блокировать Каффу и обострения конфликта между Золотой Ордой и Республикой Святого Георгия были сожжены строящиеся защитные сооружения в крепости Чембало. Для реализации морской блокады Джанибек приказал жителям Херсона временно оставить город, однако через небольшое время жители вернулись обратно.

Наиболее значительными для Херсона стали разрушения из-за похода Мамая в 1365 г. На данный момент мы имеем достаточно много письменных свидетельств, говорящих о данном событии. 1) В армянском лекционарии, написанном 23 августа 1365 г., говорится о том, что жители Крымского полуострова, спасаясь от войск Мамая, бежали в Солхат, где искали спасения: «…в (пору) многонародного возмущения, ибо вся страна от Кеча до Сарук'армана[1] здесь собрались – люди и скот, и Мамай в Карасу с бесчисленными татарами, и сей город (Крым) пребывает в сотрясении и содрагании…» (Саргсян, 2010, с. 158–160). 2) Во время правления патриарха Филофея (1364–1376) начинаются конфликты Херсонской митрополии с Готской и Сугедейско-Фульской митрополиями за право получать каноникон в округах Кинсанус и Элис (Богданова, 1986, с. 90–91). Данные области были впервые локализованы А.Л. Бертье-Делагардом (Бертье-Делагард, 1920, с. 35–53), а впоследствии эти локализации были уточнены С.Г. Бочаровым (Бочаров, 2017, 2023). Конфликт крымских иерархов начался не ранее вступления в должность митрополита Херсона Игнатия в июле 1365 г., так как до этого периода (не ранее 1351 г.) пост митрополита Херсона долгое время оставался вакантным. На своем посту Игнатий пробыл недолго, так как уже в октябре 1368 г. Херсонская митрополия находилась в управлении митрополита Готии. Точную дату этого перехода мы не знаем: можно лишь утверждать, что это произошло после сентября 1365 г., когда митрополит Кирилл участвовал в засе-

даниях Константинопольского собора, и не позднее октября 1368 г., когда Херсонская митрополия уже перешла под управление митрополита Готского (Богданова, 1991b, с. 23–25; Байер, 1995, с. 68–72). Очевидно, что споры церковных иерархов в первую очередь нужно связывать с разрушением Херсона, приведшего город и его округу в запустение, хотя не исключены и другие, менее значительные причины. 3) К косвенным свидетельствам, говорящим в пользу разрушения города в 1365 г., можно также отнести последнее упоминание номинального права на владение Заморьем (Περατεία) в титуле Трапезунтского императора Алексея III в документе, выданном венецианцам в 1364 г. (Мыц, 2009, с. 31).

Третий «погром» 1374–1375 гг. В.Л. Мыц связывает с походом на полуостров Мамая осенью 1374 г. из-за эпидемии и сильной засухи в Орде. К 1375 г., несмотря на попытки генуэзцев оставить за собой приобретенные области на небольшой срок (до 1380 г.), селения Сугдеи и Готии были переданы под контроль наместника Солхата. В то же время стоит признать, что в многочисленных письменных источниках по этому событию не упомянуты ни военные столкновения, ни разграбления в данный период. Судя по известным нам источникам, активное участие Херсона в политических играх между Генуей и Золотой Ордой кажется маловероятным. Стоит отметить и то, что в период с 1365 г. по 1390-е гг. письменные источники, упоминающие торговую деятельность в Херсоне, отсутствуют, а нумизматический материал представлен лишь одной монетой хана Абдуллаха, опубликованной Н.М. Богдановой с датировкой 1360-ми гг. (Богданова, 1991a, с. 162) Вероятно, та же самая монета представлена в работе Е.Ю. Гончарова с уточненной датировкой – 770 г. х. (1368–1369 гг.) (Гончаров, 2009, с. 131). Таким образом, на данный момент гипотеза о событиях 1374–1375 гг. (в отличии от событий 1345 и 1365 гг.) как одном из «татарских погромов», приведших к угасанию Херсона, кажется обоснованной недостаточно.

Говоря об археологическом контексте разрушении Херсона в XIV в., наиболее важным кажется обращение к стратиграфическому разделению слоев при раскопках Портового района: «...в слое разрушения найдены две монеты Тохты (1290–1313), а в засыпи, перекрывавшей его, – Узбека (1313–1339) и Джанибека (1339–1357). Всё это, без сомнения, позволяет говорить о том, что пожар, приведший к разрушению усадьбы, имел место не ранее 60-х годов XIV в.» (Романчук, 1996, с. 302). Анализируя археологический материал из раскопок Алустона и сравнивая их с опубликованными материалами из Херсона, И.Б. Тесленко приходит к выводу, что на данный момент археологический контекст «позволяет лишь ориентировочно очертить нижний хронологический рубеж очередного разорения Херсона (как и Алушты) временем около 60-х гг. XIV в., а верхний определить в рамках последней трети XIV в.» (Тесленко, 2022, с. 19–20). При сопоставлении херсонских аналогий с поливной керамикой Азака (Таны) А.Н. Масловский также склоняется к более ранней датировке слоя пожара XIV в.: «Совершенно исключена датировка слоя пожара, предлагаемая А.И. Романчук, – 1395–1396 гг.» (Масловский, 2017, с. 477). Исходя из анализа керамики с раскопок Азака, А.Н. Масловский также отмечает, что керамика группы ЮВК с изображениями сложных розеток из переплетающихся лент, занимающих всё орнаментальное поле, которая в Азаке имеет узкую датировку в пределах 1360-х гг., в Херсоне является одной из наиболее поздних (Масловский, 2017, с. 486). В работе Н.В. Гинькут, посвященной находкам импортной поливной западноевропейской керамики конца XIII – XIV в. в Херсоне (Гинькут, 2023), наряду с введением в научный оборот импортной керамики дается характеристика верхних слоев, относящихся к последнему периоду жизни города. Исходя из сопоставления групп материала, автор склоняется к датировке слоев серединой – второй половиной XIV в. К сожалению, данная работа не снабжена иллюстративным рядом и остается лишь надеяться на скорейшую публикацию материалов. В то же время стоит отметить, что некоторые упоминаемые в слоях находки имеют узкие датировки: так, отдельные формы группы Elaborate Incised Ware (далее – EIW), найденные в слоях двух помещений в Причерноморье, имеют датировку в пределах 1360–1380-х гг., что позволяет предположить более позднюю, чем 1345 г., дату слоя. Исходя из вышеизложенного, есть достаточные основания предположить, что именно летний поход Мамая 1365 г. наиболее значительно повлиял на судьбу Херсона в XIV в.

Вероятно, что в 1365 г. был разрушен не только Херсон, но и в значительной степени разорена его округа. Среди мест, предположительно пострадавших в ходе набегов Мамая, – скит на мысу Виноградный, открытый К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1896 г. (Костюшко-Валюжинич, 1898). Не останавливаясь на анализе всего археологического материала, полученного в ходе современных раскопок, стоит обратить внимание на материал из раскопок конца XIX в. Из него до нас дошло лишь две поливные чаши (рис. 2), представляющие интерес в связи с тем, что они позволяют достаточно узко датировать произошедшие события. Первая чаша, константинопольского (?) производства, с изображением барса (Группа «EIW», группа 6 по: Бочаров, Масловский, 2012; и т. д.) находит множество аналогий в Черноморском регионе. Наиболее точную датировку дают предметы, найденные в Азаке: все они встречаются в комплексах с монетами 1367–1369 гг. (Бочаров, Масловский, 2012, с. 33), что позволяет датировать данные чаши в пределах 1360–1370-х гг. Вторая чаша, с двухярусной монограммой, вероятно, относится к изделиям Юго-Восточного Крыма и по классификации чаш с монограммами В.В. Майко принадлежит к группе 4.2 (Майко, 2019, с. 294). Все исследованные чаши с монограммами автор относит к хронологическому пределу третьей четверти XIV в. – 1475 г., а их производство в Юго-Восточном Крыму В.В. Майко связывает с периодом не ранее середины XIV в. Исходя из датировки вышеупомянутой поливной керамики, а также письменных источников, можно выдвинуть предположение о разрушении данного монастырского комплекса летом 1365 г.

Таким образом, из «татарских погромов» XIV в. лишь разрушение Херсона в 1365 г. опирается как на некоторые археологические обоснования, так и на значительный ряд письменных источников, прямо или косвенно указывающих на данные события. События 1345 г. на жизнь города, вероятно, повлияли не очень значительно, а связь конфликта между Золотой Ордой и Генуей в 1374–1375 гг. с Херсоном и вовсе не доказана. На данный момент неизвестно, продолжил ли существовать город после его разрушения в 1365 г., однако уже к концу столетия жизнь в Херсоне возобновляется. В 1390-х гг. – начале XV в. на мертвом (?) поселении действовал порт, о функционировании которого на данный момент сообщают по крайней мере три письменных источника. К сожалению, мы имеем весьма ограниченное понимание характера существования Херсона в XIV–XV вв. в связи с тем, что сейчас опубликована только малая часть материалов. А изучение последнего периода истории Херсона после пожара третьей четверти XIII в., как и введение в научный оборот археологических материалов XIII–XV (?) вв., требует особенного внимания исследователей.

Примечание:

[1] Сарук'арман – армянское название Херсонеса, переводящегося как «гористая и каменистая местность». На армянский манер переведена с искажением от арабского названия «Сары Керман».

ЛИТЕРАТУРА

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. СПб.; Симферополь: ГЭ, 2005. 190 с.

Айбабин А.И. Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века // Город на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время / Гл.ред А.И. Айбабин. Симферополь: ООО "Антиква", 2022. С. 7–85.

Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. № 19. С. 240–277.

Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // Херсонесский сборник. 1996. №7. С. 187–191.

Антонова И.А. Отчет о раскопках портового квартала и оборонительных сооружений Херсонеса в 1966 г. // Архив ГМЗХТ. Д. 1606.

Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // АДСВ. 1995 № 27. С. 65–76.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). 1920. № 57. С. 1–135.

Богданова Н.М. Акты Константинопольского патриархата XIV века как источник по истории Херсона // Проблемы социальной истории и культуры средних веков / Отв. ред. Г. Л. Курбатов Л.: ЛГУ, 1986. С. 87–97.

Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв.: проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. 1 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб: Алетейя, 1991а. С. 8–172.

Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов / Ред. Г.Г. Литаврин и др.. М.: МГУ, 1991б. С. 23–32.

Бочаров С.Г. О причинах конфликта между иерархами Херсонской, Сугедейско-Фульской и Готской митрополии за приходы южного берега Крыма (вторая половина XIV в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 22. С. 46–55.

Бочаров С.Г. К вопросу о границах Херсонской митрополии в XIII–XV вв. // Византийское наследие в Крыму: Материалы круглого стола, приуроченного к 570-летию падения Византии / Ред. сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 9–12.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20–36.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X−XVIII вв. Т. I / ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 122–159.

Гинькут Н.В. Испанская и итальянская поливная керамика конца XIII-XIV в. из раскопок Херсонеса: к проблеме существования города в XIV в. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.). Т.1 / Отв. ред. В.В. Лебединский. М.: Т8 Издательские технологии, 2023. С. 61–72.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. №10. С. 182–260.

Гончаров Е.Ю. Восточная нумизматика Херсона (Вторая половина XII – первая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. Вып. 7 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб: Алетейя, 2009. С. 118–132.

Громенко С.В. Тимур, Токтамыш и Идигей в Крыму: Историографическая традиция и историческая реальность // Золотоордынское обозрение. 2015. №3. С. 43–51.

Дергачева Л.В., Зеленко С.М. Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет // Сугдейский сборник. Вып. III. / Отв.ред. Н.М. Куковальская. Киев-Судак: Академпериодика, 2008. С. 425–439.

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. СПб.: ГЭ, 2011. 256 с.

Зеленко С.М., Тесленко И.Б., Ваксман С.Й. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Збірка наукових праць / від.ред. Я.І. Морозова. Київ: СПД ФОП Чальцев, 2012. С. 129–148.

Карпов С.П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1341–1349 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. 9 / Под ред. С.П. Карпова. СПб.: Алетейя, 2015. С. 8–43.

Карпов С.П. О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия. // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 38–47.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1896 г. // Отчет императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 168–169.

Майко В.В. Закрытый комплекс середины XIII в. из раскопок в портовой части средневековой Сугдеи // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и права Юго-Восточного Крыма. Материалы VI Международной научной конференции (Новый Свет, 6–7 октября 2012 г.). Симферополь: Новый Свет. 2013. С. 185–194.

Майко В.В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. № 24. С. 288–311.

Масловский А.Н. О времени возникновения Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2006. С. 257–295.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017. С. 455–489.

Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6–11 июня 1997 г.). Тезисы докладов. Севастополь: Ахтиар, 1997. С. 65–67.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Мыц В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 93–117.

Мыц В.Л. Завоевания поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII вв. // Stratum plus. 2016. № 6. С. 69–106.

Мыц В.Л. Глава 8. Юго-Западный Крым в XIII–XV вв. // История Севастополя в трёх томах. Том I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года / Общ. ред. Ю.А. Петров, Е.Б. Алтабаева. М.: ИстЛист, 2021. С. 493–581.

Мыц В.Л. Крым в XIII–XV веках: историко-археологическое исследование. Автореф. Дисс… канд. ист. наук. Казань, 2023. 35 с.

Нессель В.А. Глава 6. Керамический комплекс // Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / Херсонесский сборник. Supplement I / Ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленин. Севастополь: Изд.дом «Максим», 2006. С. 95–139.

Репников Н.И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения / ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 277–282.

Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. // АДСВ. 1982. № 19. С. 89–114.

Романчук А.И. Херсон XIV в.: каким могли видеть свой город херсониты. // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В. И. Кадеева / Отв. ред. В.Ф. Мещеряков. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 272–289.

Романчук А.И. Заметки к истории Херсонеса XIV в. // Византийский временник. 1996. № 56 (81). С. 298–304.

Сазанов А.В. К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса // Причерноморье в средние века. Вып. 6 / Под ред. С.П. Карпова. СПб.: Алетейя, 2005. С. 195–213.

Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.) / Составление, русский перевод, введение и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2010. 312 с.

Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. № 23. С. 402–458.

Тесленко И.Б. Поливная керамика Византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. № 23. С. 459–498.

Тесленко И.Б. Керамика Крыма XV века. Киев: ИА НАН Украины. 2021. 308 с.

Тесленко И.Б., Паршина Е.А., Александрова И.А. Крымская поливная керамика XIV–XV вв. из раскопок в Партените (1985–1988 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. № 24. С. 312–334.

Ушаков С.В., Байбуртский А.М. Средневековый Херсонес во второй половине XIII в.: город, поселок, торговый пункт? // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 264–273.

Ушаков С.В., Байбуртский А.М., Игнатьева А.В. К финальной истории Византийского Херсона (Средневекового Херсонеса): Археологические комплексы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 284–286.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. № 17. М., Л.: АН СССР. 1950. 258 с.

Morozzo Della Rocca R. Notizie da Caifa // Studi in onore di A. Fanfanı. Vol. 3: Medioevo. Milano, 1962. P. 267–295.

Waksman S.Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology. 2010. Vol. 39.2. P. 357–375.

Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Swet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis // Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marso de 2006. T. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arceología Medieval. 2009. P. 851–856.

Информация об авторе:

Цымбал Марк Леонидович, студент 2 курса магистратуры НИУ «ВШЭ» (г. Москва, Россия); marostis@yandex.ru

REFERENCES

Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2005. *Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah srednevekovoj kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 g. (Report on archaeological research of the medieval fortress of Chembalo (Balaklava) in 2004).* Saint Petersburg; Simferopol: The State Hermitage (in Russian).

Aibabin, A. I. 2020. In Aibabin, A. I. (ed. In chief.). *Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka i Novoe vremya (City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and modern era).* Simferopol: “Antikva” Publ., 7–85 (in Russian).

Aibabin, A. I. 2014. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 19, 240–277 (in Russian).

Alekseenko, N. A. 1996. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection of papers)* 7, 187–191 (in Russian).

Antonova, I. A. 1966. *Otchet o raskopkakh portovogo kvartala i oboronitel'nykh sooruzheniy Khersonesa v 1966 g. (Report on excavations of the port quarter and defensive structures of Chersonesus in 1966).* Archive of the Scientific archive of the State memorial estate “Chersonese Taurian”. dossier 1606 (in Russian).

Baier, Kh.-F. 1995. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 27, 65–76 (in Russian).

Bert'e-Delagard, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 57, 1–135 (in Russian).

Bogdanova, N. M. 1986. In Kurbatov, G. L. (ed.). *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov (Issues on social history and culture of the Middle Ages).* Leningrad: Leningrad State University, 87–97 (in Russian).

Bogdanova, N. M. 1991. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 1. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 8–172 (in Russian).

Bogdanova, N. M. 1991. In Litavrin, G. G. et al. (eds.). *Vizantiya. Sredizemnomor'e. Slavyanskiy mir. K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (Byzantium. Mediterranean. Slavic world. To the XVIII International Congress of Byzantinists)*. Moscow: Moscow State University, 23–32 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. Seriia 4. History. Area Studies. International Relations)* (22), 46–55 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2023. In Maiko, V. V., Khairetdinova, E. A., Yasheva, T. Yu. (eds.). *Vizantiyskoe nasledie v Krymu: Materialy kruglogo stola, priurochennogo k 570-letiyu padeniya Vizantii (The Byzantine heritage in Crimea: Materials of the round table dedicated to the 570th anniversary of the fall of Byzantium).* Simferopol: “Arial” Publ., 9–12 (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 20–36 (in Russian).

Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries).* Kiev: “Stilos” Publ., 122–159 (in Russian).

Gin'kut N. V. 2023. In Lebedinsky, V. V. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sevastopol', 29 maya – 5 iyunya 2023 g.). (Historical, Cultural, Interethnic,*

Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Proceedings of the VII International Scientific Conference (Sevastopol, 29 May – 5 June 2023) 1. Moscow: "T8 Izdatel'skie tekhnologii" Publ, 61–72 (in Russian).

Golofast, L. A., Ryzhov, S. G. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 10, 182–260 (in Russian).

Goncharov, E. Yu. 2009. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 9. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 118–132 (in Russian).

Gromenko, S. V. 2015. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (3), 43–51 (in Russian).

Dergacheva, L. V., Zelenko, S. M. 2008. In Kukovalskaya, N. M. (ed.). In *Sugdejskii sbornik (Sugdaia Collection)* 3. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 425–439 (in Russian).

Zalesskaya, V. N. 2011. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiiskaia keramika IX–XV vekov (Masterpieces of Byzantine Applied Art. Byzantine Ceramics of the 9th –15th Centuries*). St. Petersburg: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Zelenko, S. M., Teslenko, I. B., Vaksman. S. I. 2012. In Morozova, Ya. I. (ed.). *1000 rokiv vizantiis'koї torgivli (V–XV stolittia) (Ten Centuries of Byzantine trade (5th—15th. Centuries)).* Kiev: "Chal'tsev" Publ., 129–148 (in Russian).

Karpov, S. P. 2015. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 9. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 8–43 (in Russian).

Karpov, S. P. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 38–47 (in Russian).

Kostsiushko-Valiuzhinich, K. K. 1898. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za* 1896 *g. (Report of the Archaeological Commission from* 1896*).* Saint Petersburg, 168–169 (in Russian).

Maiko, V. V. 2013. In *Aktual'nye voprosy istorii, kul'tury, etnografii i prava Yugo-Vostochnogo Kryma (Topical Issues Of History, Culture, Ethnography And Law Of The South-Eastern Crimea).* Simferopol: "Novyi Svet" Publ., 185–194 (in Russian).

Maiko, V. V. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 24, 288–311 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v* 2005 *godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region in* 2005*)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 257–295 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2017. In Bocharov, S. G., François, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th – 18th Centuries).* Kazan–Kishinev: Stratum Plus, 455–489 (in Russian).

Myts, V. L. 1997. In *Vizantiia i Krym (Byzantium and Crimea).* Sevastopol: "Akhtiar" Publ., 65–67 (in Russian).

Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and Conflicts).* Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde).* Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 93–117 (in Russian).

Myts, V. L. 2016. In *Stratum plus.* 6, 69–106 (in Russian).

Myts, V. L. 2021. In Petrova, Yu. A., Altabaeva, E. B. (eds.). *Istoriya Sevastopolya v trekh tomakh. Tom I. Yugo-Zapadnyy Krym s drevneyshikh vremen do 1774 goda (History of Sevastopol in three volumes. Vol. I. Southwestern Crimea from ancient times to 1774).* Moscow: "IstLit" Publ., 493–581 (in Russian).

Myts, V. L. 2023. *Krym v XIII–XV vekakh: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Crimea in the XIII–XV centuries: historical and archaeological study).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Nessel, V. A. 2006. In Biernatski, A. B., Klenina, E. Yu. (eds.). *Topografiya Khersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.) (The topography of Tauric Chersonesus. The water cistern of the house in the quarter VII (IX-XI centuries)).* Series: Khersonesskiy sbornik. Supplement I (Chersonesos collection. Supplement I). Sevastopol: "Maksim" Publ., 95–139 (in Russian).

Repnikov, N. I. 1941. In Golmsten, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia (Archaeological Investigations in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 277–282 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1982. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 19, 89–114 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1997. In Meshcheryakov, V. F. (ed.). *Antichnyi mir. Vizantiia. K 70-letiiu professora V. I. Kadeeva (Ancient world. Byzantium. To the 70th anniversary of professor V.I. Kadeyev).*Kharkov: "Inform" Publ., 272–289 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1996. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook).* 56 (81), 298–304 (in Russian).

Sazanov, A.V. 2005. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 6. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 195–213 (in Russian).

Sargsian, T. E. (comp.) 2010. *Svod armianskikh pamiatnykh zapisei, otnosiashchikhsia k Krymu i sopredel'nym regionam (XIV – XV vv.) (Collection of Armenian memorial records related to Crimea and the neighboring regions (14th-15th cc.)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Sedikova, L. V. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 23, 402–458 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 23, 459-498 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2021. *Keramika Kryma XV veka (Crimean ceramics of the XV century).* Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Teslenko, I. B., Parshina, E. A., Aleksandrova, I. A. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 24, 312–334 (in Russian).

Ushakov, S. V., Baiburtsky, A. M. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 264–273 (in Russian).

Ushakov, S. V., Baiburtsky, A. M., Ignat'eva, A. V. 2020. In Derevyanko, A.P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22th) All-Russian Archaeological Congress)* II. Samara: Samara State Social Pedagogical University, 284–286 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.) (Medieval Chersonesos. 12th –14th cc.).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 17. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Morozzo Della Rocca, R. 1962. In *Studi in onore di A. Fanfanı*. Vol. 3: Medioevo. Milano, P. 267–295 (in Latin)

Waksman, S. Y., Teslenko, I. 2010. In *International Journal of Nautical Archaeology*. 39 (2), 357–375.

Waksman, S. Y., Teslenko, I., Zelenko, S. 2009. In *Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marso de 2006*. T. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arceología Medieval, 851–856.

About the Author:

Tsymbal Mark L, 2nd year master's student, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Boulevard, 11, Moscow, 109028, Russian Federation; marostis@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

Сибирь и Дальний Восток

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.295.306

О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ЮАНЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРИМОРЬЕ[1]

©2024 г. А.Л. Ивлиев, Е.В. Асташенкова, С.Е. Бакшеева, Е.И. Гельман

В статье рассматриваются археологические свидетельства, которые используются в литературе для обоснования выделения памятников эпохи Юань на территории Приморья России. Анализируются эпиграфические данные, планировка так называемых юаньских памятников, плоская и полуцилиндрическая фронтальная черепица, стеклянные изделия, глазурованная керамика и фарфор сорта цычжоу, керамика с низкотемпературной зеленой глазурью. Авторы приходят к выводу, что не существовало какой-либо специфики в фортификации и устройстве городов в монгольское время, а характерная для ряда монгольских городов и поселений планировка не наблюдается на относимых к юаньской эпохе памятниках в Приморье. Стандарты черепицы и декор на предполагаемых юаньских памятниках имеет полные аналогии материалу известных в настоящее время чжурчжэньских памятников как на территории Приморья, так и в КНР, включая Верхнюю столицу Цзинь, не имеющую юаньского слоя. Стеклянные бусы и украшения также характерны для чжурчжэньских памятников Цзинь и Восточного Ся. Глазурованная посуда сорта цычжоу и с зеленой глазурью из Приморья не может рассматриваться как маркер присутствия монголов в Приморье. Анализ исторических сведений показывает, что на протяжении большей части XIII в. чжурчжэни в Приморье и на смежной территории Северо-Восточного Китая сохраняли свою государственность и управлялись со стороны Монгольской империи дистанционно, как вассальное владение. Предлагается корректнее использовать радиоуглеродные датировки, которые имеют широкий разброс, и даже могут прямо противоречить материалу.

Ключевые слова: археология, Приморье, династия Юань (1271–1368), Цзинь (1115–1234), Восточное Ся (1215–1233), черепица, городища, поселения, стеклянные украшения, глазурованная керамика, фарфор сорта *цычжоу*

ON THE PROBLEM OF IDENTIFYING SITES OF THE YUAN PERIOD IN PRIMORYE[2]

A.L. Ivliev, E.V. Astashenkova, S.E. Baksheeva, E.I. Gelman

The paper considers archaeological evidences which are used as a basis for identification of Yuan period sites in Primorye of Russia. The authors analyze epigraphic data, layout of so-called Yuan sites, flat and semi-cylindrical frontal tiles, glass items, glazed pottery, porcelain of *cizhou* kind and ceramics with low-temperature green glaze. It is concluded that there is no specificity in fortification and structure of cities in Mongol Empire epoch and that distinctive for a number of Mongolian cities and settlements layout is not observed in sites attributed to Yuan period in Primorye. Standards and ornaments of tiles from supposed Yuan sites find full similarity with materials of Jurchen sites both in Primorye and in PRC, including Supreme Capital of Jin Dynasty which has no Yuan layer. Glass beads and ornaments are also specific for Jurchen sites of Jin and Eastern Xia. *Cizhou* porcelain and green glazed ware found in Primorye cannot be considered as a marker of Mongols' presence in this territory. An analysis of historical data demonstrates that during the most of the XIII century Jurchen in Primorye and in adjacent areas of Northeast China kept their own statehood and were ruled by Mongol Empire remotely as a vassal state. It is proposed to use radiocarbon dating more correctly, which have a wide range, and may even directly contradict the material.

Keyswords: archaeology, Primorye, Yuan Dynasty (1271–1368), Jin Dynasty (1115–1234), Eastern Xia state (1215–1233), city sites, settlements, glass ornaments, glazed pottery, *cizhou* porcelain.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока».

2 The research was financially supported by RSF (РНФ) grant 20-18-00081 "Archaeology of the Far East".

В научной литературе появились работы, в которых ведутся поиски критериев для обоснования выделения памятников эпохи Юань на территории Приморья России. Эта проблема, несомненно, является очень важной и актуальной как для дальневосточной археологии, так и в целом для археологии времени монгольских завоеваний. Основной задачей нашей работы является анализ и оценка всех предложенных к настоящему времени другими исследователями аргументов для выделения памятников монгольского/юаньского времени в Российском Приморье.

О глазурованной керамике как индикаторе юаньской эпохи

В ряде статьей, посвященных характеристике памятников, которые авторы относят к монгольскому/юаньскому времени, в качестве аргумента для датирования предлагается использовать сорт китайской керамики цычжоу и изделия с зеленой глазурью (Болдин, Дьякова, 2017, 2018; Дьякова, 2016а, 2016б, 2019а, 2019б). Находки такой глазурованной керамики действительно встречаются на многих средневековых памятниках Приморья (Гельман, 1999, с. 69–71, 105–106; Артемьева, 2019, с. 38), на которые они в основном поступили в эпоху Восточного Ся (1215–1233), когда армия Пусяня Ваньну переместилась в этот регион вместе с частью гражданского населения. С этим периодом связано массовое строительство горных городищ. Конечно, некоторые образцы могли поступать и в период собственно государства Цзинь (1115–1234). Однако пока существует нерешенная проблема выделения однослойных цзиньских памятников, которые существовали до образования Восточного Ся. А с другой стороны, недостаточно полно опубликованы материалы чжурчжэньских памятников с двумя строительными горизонтами, где есть цзиньский слой, но неизвестно, обнаружена ли в нем глазурованная посуда, а если обнаружена, то к каким сортам она относится. Эти обстоятельства не позволяют ответить на вопрос: поступали ли изделия сорта цычжоу и керамика с зеленой глазурью на территорию Приморья до 1215 г.?

В любом случае следует пояснить, почему эти сорта китайской керамики не могут рассматриваться как «инновации» (Болдин, Дьякова, 2018), которые появляются в монгольское время. Археологические материалы свидетельствуют о начале производства печей Цычжоу на рубеже Северной Сун (960–1127) – Цзинь (1115–1234). Печи по производству этого сорта продолжили работать в период Цзинь и получили еще большую популярность в Юань (1271–1368), продукция выпускалась и позднее – в Мин (1368–1644), Цин (1644–1911). В настоящее время также производится продукция в стиле этого знаменитого сорта.

Уже в период становления сорта цычжоу гончары освоили все виды техники: роспись на белом ангобе, гравировку, резьбу, сграффито. В эпоху Цзинь в печах цычжоу, главном комплексе – Гуаньтай провинции Хэбэй, выпускались изделия с белой глазурью, черной глазурью, гравировкой на белом ангобе, с белой глазурью и зелеными и коричневыми точками, с коричневой и черной подглазурной росписью на белом ангобе и бесцветной глазурью, с зеленой, черной глазурью, красно-зеленой глазурью и др. (Печи цычжоу…, 2013). Формы сосудов цычжоу представлены мисками, тазами для умывания, чашами цилиндрической формы, чашками малых размеров и винными чашками, сосудами юй (небольшими сосудами эллипсовидной и шаровидной формы с суженными к венчику стенками), вазами и особо известными – керамическими подушками. Рядом с печами Гуаньтай располагались печи Пэньчэн, начавшие работать на рубеже Северной Сун – Цзинь, но наибольшую известность получили в эпоху Юань. А западнее Пэньчэн найдены печи Цинвань, где также обнаружены материалы с аналогичной датировкой. Раскопки соседних печей Линьшуй дали материал, относящийся к эпохам Тан, Северной Сун, Цзинь, Юань: селадоны, фарфор с беловатой прозрачной глазурью, с черной глазурью, с зеленым декором, расписные детские фигурки с позолотой. На одной из статуэток было написано «2-й год периода Тайхэ (1201 г.), 13-й день 8 месяца, Цуй Шанну». Вместе с тем печи Цычжоу рассматриваются как народные печи, так как стиль декора у этого сорта – свободный, особенно у расписных изделий, формы сосудов простые. На рубеже Северной Сун – Цзинь в качестве топлива вместо дров стал использоваться каменный уголь. Это повлияло на увеличение выпускаемой продукции.

Возможно, большая часть темноглазурованной керамики, которая часто встречается

на памятниках Восточного Ся в Приморье, а также с зеленой низкотемпературной глазурью произведена в печах группы Гуаньтай. Вместе с тем следует принять во внимание, что в Верхней столице Цзинь (г. Ачэн), также найдена плоская и полуцилиндрическая черепица с зеленой глазурью, в том числе диски с изображением дракона, как на кокшаровском экземпляре, а керамика цычжоу с белым ангобом и черно-коричневой росписью под бесцветной глазурью встречается нечасто, так же как и селадон, и другие сорта. При цзиньском императорском дворе предпочитали использовать фарфор сорта динъяо, как это делали и северосунские императоры (Институт культурных ценностей…, 2023).

Таким образом, рассматривать немногочисленные образцы цычжоу и изделия с зеленой глазурью в качестве датирующего материала для памятников монгольского времени не имеет надежных оснований. Скорее для датировки этой эпохи подошел бы ранний фарфор с кобальтовой росписью, однако в культурных отложениях чжурчжэньских памятников он никогда не встречался.

О черепице как хронологическом маркере монгольского и юаньского времени в Приморье

В археологической литературе часто предлагается использовать строительные материалы и их остатки в качестве надежно датирующего археологического источника. В первую очередь сюда относятся некоторые морфологические особенности черепицы и её конструктивные характеристики, такие как, например, черепица с отливом, черепица с подтреугольным завершением, декор, иногда – стандартность размеров и прочие признаки. Форма черепицы и ее типы обладали универсальностью, были до совершенства разработаны китайским мастерами. Черепица распространилась на обширной территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, что было связано в первую очередь с продвижением буддизма и китайской культуры в целом. В Приморье черепица получила свое широкое распространение на бохайских и чжурчжэньских памятниках. В период существования государства Бохай (698–926) здесь построены крытые черепицей храмы; на чжурчжэньских применение черепицы представлено более широко: это дворцовые, административные и культовые постройки.

Часто в качестве аргументации при выделении памятников монгольского/юаньского времени наряду с другими археологическими материалами приводятся и находки кровельной черепицы, например, черепица с «треугольным завершением и с изображением дракона» (Артемьева, 2019, с. 26); упоминается находка черепицы с зелёной поливой (Дьякова, 2016б, с. 202) и др., являющиеся, по мнению исследователей, свидетельством монгольского пребывания в регионе, установления их органов власти и управления. В рамках стоящей задачи – установить возможность применения черепичного материала для выделения юаньского слоя на обозначенной территории – необходимо было бы в первую очередь проанализировать его основные элементы: морфологию, ассортимент, декор, выявить особенности изготовления и установить размерные стандарты. Однако источниковая база для проведения полноценного исследования в настоящее время не существует, поскольку даже предлагаемые исследователями находки для анализа в Приморье пока единичны и весьма фрагментированы – например, это отдельные предметы из Кокшаровского-1 городища (Чугуевский район), материалы некоторых коллекций, собранных в г. Уссурийске, черепица с зелёной глазурью из Куналейского городища (Тернейский район)[1], а также изделия, происходящие из гончарной печи памятника Петровка-5 (Шкотовский район), первоначально датированной позднесредневековым временем. Обратимся к предлагаемым исследователями некоторым «маркерам» монгольского присутствия, отразившегося в черепице.

Так, некоторые зооморфные изображения на черепице трактованы исследователями как драконы и являются, по их мнению, характерной чертой монгольской черепицы XIII в. (Артемьева, 2019, с. 26). В качестве примеров приводятся изделия, найденные в виде подъёмного материала в северо-западной части городища Кокшаровка-1 (Галактионов, 1982, рис. 20)[2], и единственное подтреугольное завершение с зооморфным декором, обнаруженное в 1885 г. в Гарнизонном саду Ф.Ф. Буссе (Саранцева, 2013, с. 13, рис. 155). Черепица представлена фрагментарно, то есть и в том и в другом случае изображения сохранились частично. Условия их залегания в культурном слое специфичны, и они не были отне-

сены к какому-либо строительному объекту. Согласно последним данным, аналогичная черепица с зооморфным декором была обнаружена при раскопке вала Кокшаровского городища.

Однозначная трактовка зооморфного декора как изображения дракона несколько субъективна. Декор с изображениями звероподобного вида имеет широкое распространение на чжурчжэньских памятниках в Приморье (Саранцева, 2013, с. 67–72), как, впрочем, и на других средневековых памятниках Дальнего Востока XI–XIV вв. (Киселев, 1959, с. 170–174). На наш взгляд, необходимо различать зооморфный декор с головой/мордой дракона в фас и телом извивающегося дракона в профиль, поскольку это два совершенно разных вида изображения. Изображения на черепице в виде извивающегося дракона в профиль появляются на средневековых памятниках в Китае уже в конце IX в. (Visconti, 2006, с. 62); на чжурчжэньских памятниках, например, они хорошо известны в Верхней столице Цзинь (г. Ачэн, провинция Хэйлунцзян), причем применяются в одних комплексах с дисками с зооморфным декором в виде головы зверя в фас (Институт культурных ценностей, 2023, с. 36–38). Подтреугольные завершения плоских черепиц являются действительно редкостью для приморских объектов, имеются лишь в двух коллекциях[3], собранных на территории г. Уссурийска в дореволюционный период и, скорее всего, на Южно-Уссурийском городище, да и то принадлежат, вероятно, к разным типам черепицы.

Черепица, обнаруженная в обжигательной гончарной печи памятника Петровка-5, представлена плоской и плоской с орнаментированным отливом и имеет, на наш взгляд, вполне сопоставимый облик с черепицей чжурчжэньского времени. Черепица по своему декору и форме близка к изделиям, найденным на Николаевском городище (Партизанский район), и имеется в коллекциях черепицы, собранной в районе г. Уссурийска; аналогичные черепицы обнаружены на Новоникольском памятнике и представлены в коллекции А.З. Федорова (Саранцева, 2013, рис. 142). Аналогичная техническая особенность сочленения черепицы и отлива перед обжигом зафиксирована у черепицы монгольского времени, найденной в Забайкалье, однако размер отлива из Петровки-5 значительно крупнее изделий, например, из Хирхиры. Изначально памятник Петровка-5 датировался временем не раннее XIV в. (Дьяков, Дьякова, Сакмаров, 2002, с. 203). Позднее, согласно радиоуглеродному анализу, дата была уточнена: авторы пришли к выводу, что печь функционировала в монгольский период, и сделали вывод, что черепица вполне соотносится с ремесленной традицией чжурчжэней (Дьякова, 2019, с. 65)[4]. Этот же вывод вполне может относиться и к набору керамической посуды, найденной в горне.

Привлечение черепицы в качестве датирующего материала пока не позволяет однозначно обозначить какие-то её особенные черты, проявившиеся в такой ограниченный отрезок времени. Производство черепицы было трудоемким, она могла использоваться длительный период времени и даже применяться при перестройках. Выделение юаньского слоя в Приморье на основе единичных находок сильно фрагментированной черепицы, иногда даже не сохранившейся до наших дней в коллекциях памятников и стратиграфически не привязанной к какому-либо конкретному строительному объекту или слою *in situ*, в настоящее время является как минимум преждевременным.

Украшения и предметы декоративно-прикладного искусства из стекла

Найденные на чжурчжэньских памятниках стеклянные изделия стали одним из критериев для выделения на приморских археологических объектах монгольского периода и позволили существенно продлить период функционирования чжурчжэньских поселений (Дьякова, 2019б). Культурная атрибуция стеклянных артефактов основана на предположении о единой сырьевой базе, функционировавшей в монгольское время, и соответствии состава и формы чжурчжэньских изделий каракорумским (Дьякова, 2019б, с. 62). На наш взгляд, эти исходные положения ошибочны.

Исследования показывают, что по своему химическому составу стекла из приморских археологических памятников относятся либо к щелочно-силикатным (NaKCaSiO), либо к свинцово-калийным (KPbSiO) в зависимости от основных компонентов (Силантьев, 2017, с. 75; Murakushi et al., 2022, с. 521). До VII–X вв. в Приморье было известно преимущественно натриево-известковое стекло (Na_2O-CaO-SiO_2). С X–XII вв. начинают распростра-

няться и преобладать калийно-известковые (K_2O-CaO-SiO_2) и калийно-свинцовые стекла (K_2O-PbO-SiO_2), что может быть связано с социально-экономическими и политическими событиями в регионе: возникновением, развитием и падением государства киданей, с последовавшим вслед за этим процессом становления цзиньской империи, установлением ею контроля над северным Китаем, привлечением ремесленников из завоеванных территорий и использованием новых технологий (Murakushi et al., 2022, c. 528–529). Изделия из калийно-свинцового стекла найдены при раскопках Краснояровского, Николаевского, Шайгинского, Горнохуторского, Лазовского городищ (Murakushi et al., 2022, c. 525). Памятники датированы чжурчжэньским временем и относятся к первой трети XIII вв. (Крадин, 2018, с. 203–234), при этом археологические и эпиграфические данные подтверждают столичный статус Краснояровского городища в Восточном Ся (Артемьева, 2008). Очевидно, что артефакты из объектов, функционировавших как минимум с начала XIII века, нельзя однозначно связывать с юаньской эпохой и рассматривать в качестве надежных маркеров монгольского времени. Кроме того, несмотря на широкое распространение калийно-свинцового типа стекла в XII–XIII вв., он был известен в Приморье и раньше. На это указывают изделия, обнаруженные во время археологического изучения могильника Чернятино 5 (VII–IX вв.) и Посьетского грота (VIII–XII вв.) (Murakushi et al., 2022, c. 529). Такая же картина наблюдается и в отношении артефактов из калийно-известкового стекла, которые найдены как на памятниках периода Восточного Ся (городища Шайгинское, Краснояровское, Горнохуторское, Лазовское, Известковая Сопка), так и на более ранних объектах – VIII–XII вв. (Посьетский грот), IX–X вв. (Рощинский могильник) (Murakushi et al., 2022, c. 525). Стоит также отметить, что характерная для чжурчжэней техника изготовления бус способом навивки была известна в Приморье в VIII–X вв. (Силантьев, 2017, с. 52). Например, все проанализированные бусы Рощинского могильника выполнены именно так (Murakushi et al., 2022, c. 536–545).

Факт существования «единой сырьевой базы, функционировавшей в монгольское время» (Дьякова, 2019б, с. 62), не находит своего подтверждения. Г.Л. Силантьев отмечает, что стеклянные изделия чжурчжэньского периода по своей морфологии и технологии изготовления составляют отдельную группу, которая обладает признаками местного производства, и могут характеризовать средневековую дальневосточную школу стеклообработки (Силантьев, 2017, с. 120). Автор выделил даже отдельную категорию изделий (брелоки, пуговицы грибовидной формы, кубики, хомутки, накладки), которая обнаружена только на юге Дальнего Востока (Силантьев, 2017, с. 37). Но исследователь указывает, что центры, поставлявшие сырье на территорию юга Дальнего Востока, в настоящее время не определены, можно лишь предполагать, в рамках какой традиции изготовлено дальневосточное стекло. Возможно, сырье и готовые изделия поступали в процессе транзитной торговли по Шелковому пути или же стеклянная продукция производилась ближневосточными и среднеазиатскими мастерами, работавшими на территории цзиньской империи и сохранявшими свои производственные навыки (Силантьев, 2017, с. 83, 106). В качестве вероятного места производства калийно-известкового стекла X–XIV вв. исследователи называют Бошань (провинция Шаньдун) (Murakushi et al., 2022, c. 533). Информация об использовании каракорумских стеклянных плиток в стеклоделательных мастерских Шайгинского городища (Дьякова, 2019, с. 61) отсутствует. Г.Л. Силантьев в своем исследовании лишь отметил, что обнаруженные на Шайгинском городище стеклянные палочки молочного и бирюзового цвета, отражают распространенную практику использования полученных в результате торговли полуфабрикатов, которая бытовала на широкой территории и, возможно, в Каракоруме, где во время раскопок были найдены плитки бесцветного стекла (Силантьев, 2017, с. 113).

Утверждение о том, что ребристые и зонные бусы, «аналогичные каракорумским», подтверждают факт существования Шайгинского городища в монгольское время, необоснованно (Дьякова, 2019б, с. 61). Форма изделий в данном случае не говорит об их происхождении. Зонные бусы в период Средневековья имели очень широкое распространение на значительных территориях Европы и Азии (Силантьев, 2017, с. 34). Типология стеклянных бус Каракорума включает шаро-

видные и ребристые, но среди них есть те, которые встречаются в домонгольское время (Левашова, 1965, с. 299, 302). Также неубедительным выглядит предположение о сходстве стеклянных изделий Осиновского поселения с каркорумскими (Болдин, Дьякова, 2017, с. 115, 118; Болдин, Дьякова, 2018, с. 101). Сравнительных данных по химическому составу и технико-технологическим характеристикам приморских артефактов и каракорумских авторы не приводят, такой информации нет и в исследовании Г.Л. Силантьева (Силантьев 1987, Силантьев, 2017), морфология изделий соответствует чжурчжэньским.

Таким образом, наличие значительного количества стеклянных артефактов на чжурчжэньских памятниках Приморья не является доказательством их функционирования в юаньский период. Типы стекол, обнаруженные на приморских памятниках, имели хождение в широком хронологическом интервале, что не позволяет связывать их исключительно с появлением в этом регионе монголов. Не установлены сырьевые источники для приморского стекла. Выявление в общей массе стеклянных изделий продукции юаньского времени затруднено тем, что стратиграфически этот период на исследованных археологических памятниках не прослеживается, а многочисленные предметы материальной культуры, обнаруженные в культурном слое, в том числе предметы искусства и украшения, соответствуют чжурчжэньской эпохе и имеют аналогии на памятниках цзиньского периода.

О планировке городищ

При описании результатов исследований городища Батюки в Лазовском районе Приморского края автор публикации указывает на отмеченное исследователями этого памятника его типологическое сходство с монгольскими городами юаньской эпохи (Артемьева, 2019). К сожалению, не указывалось конкретно, в чем это сходство проявилось. В аспекте фортификации все городища XII–XIV вв. обладают сходными характеристиками. В отношении внутренней планировки для городищ именно монголов специфической чертой является расположение самых важных сооружений – дворцовых и административных зданий, запретного города – в южной или юго-восточной части (Крадин, 2018, с. 281–314), чего не наблюдается в планировке Батюков. В основной же массе юаньские города продолжали местные традиции градостроительства, не демонстрируя каких-либо специфически монгольских черт. Именно поэтому городище Баличэн в уезде Чжаодун провинции Хэйлунцзян со времени своего обследования на рубеже 50–60-х годов XX века по своей фортификации, планировке и материалам считалось классическим городищем «эпохи Цзинь» (Музей уезда Чжаодун, 1960). Только изучение письменных источников, в частности сведений о почтовых трактах, позволило определить этот памятник как юаньский город Чжаочжоу (Чжан Тайсян, 1988). В связи с этим можно заключить, что наиболее достоверным материалом, указывающим на монгольскую, включая юаньскую, атрибуцию памятников могут быть эпиграфические памятники, в частности печати.

До сих пор единственным достоверно юаньским предметом из Приморья является бронзовая гирька безмена с выгравированной на ней датой: 8-й год эры правления Чжи-юань. Это случайная находка, сделанная в с. Николаевка Михайловского района (Артемьева Н.Г., Артемьева П.А., 2022). Она не привязана к какому-либо памятнику.

В статье о позднесредневековых памятниках Приморья (Дьякова, 2019б) в качестве одного из свидетельств датировки Шайгинского городища юаньским временем приводится найденная на этом памятнике печать *чжичжуна.* К сожалению, автор не уточняет, почему данная печать свидетельствует о такой датировке. Ранее один из авторов данной работы посвятил печати *чжичжуна* отдельную статью, где показал, что наиболее вероятная датировка её приходится на время Восточного Ся (Ивлиев, 2006). Именно тогда печати чиновников достигли размеров, присущих печатям юаньской эпохи. При этом неупоминаемая в письменных источниках в Цзинь должность *чжичжуна* – помощника начальника области (*фу*), встречена на цзиньской 1213 года «печати *чжичжуна* области Синчжунфу», что подтверждает возможность наличия такой должности и в Восточном Ся, копировавшем цзиньскую административную систему. Учитывая общий культурный контекст Шайгинского городища и его эпиграфических материалов (Ивлиев, 2015), датировка печати *чжичжуна* юаньским временем маловероятна.

В историческом плане

Традиционно считалось, что основанное в 1215 г. цзиньским военачальником Пусянем Ваньну государство Восточное Ся (*Дун Ся*) прекратило своё существование после его разгрома монголами и пленения Пусяня Ваньну в конце 1233 года. Однако сведения ряда источников, в первую очередь корейской хроники «Корё са» («История Корё»), свидетельствуют о том, что Восточное Ся и после пленения Ваньну продолжало своё существование в качестве вассального монголам государства (Ван Шэньжун, Чжао Минци, 1990). Следует отметить, что в «Корё са» это государство называлось «Да Чжэнь» («Великое Чжэнь»), или «Дун Чжэнь» («Восточное Чжэнь»). При этом войска Дун Чжэнь вторгались в пределы Корё, совершали нападения на корёские города на протяжении сорока с лишним лет после пленения Пусяня Ваньну. Из «Корё са» мы узнаём, что на следующий год после покорения Восточного Чжэнь (1234) там были оставлены сто с лишним всадников монгольского войска, а все остальные возвращены назад (Материалы…, 1990, с. 134). Уже в 1235–1236 гг. войска Дун Чжэнь помогают монгольскому войску в военных действиях в Корё (Материалы…, 1990, с. 134). К 1247 году относится переписка дунчжэньского тысячника (*цяньху*) с властями Корё: «В 3-й месяц в письме тысячника государства Дун Чжэнь сообщалось: “Пятьдесят с лишним человек моего государства бежали в Ваше государство. Следует вернуть их”. В ответном письме говорилось: “От Вашего государства до наших рубежей горы высоки и дороги опасны, необъятные просторы безлюдны, пути сообщения прерваны. Ваше государство опрометчиво говорит о расследовании [дела] о беглецах, может это охотники в горах, двигаясь стремительно, пересекли границу. Как это соответствует императорскому эдикту о том, чтобы каждый жил спокойно на своем месте? С нынешнего дня запрещается беспричинно пересекать границу» (Материалы…, 1990, с. 134). «Императорский эдикт», о котором пишется здесь, это распоряжение монгольского хана. Судя по письму, обе стороны рассматривали себя в качестве вассалов, следующих распоряжениям своего монгольского сюзерена. Примечательна и должность правителя Дунчжэнь: *цяньху* – начальник тысячедворки, у чжурчжэней – *мэнъань*. Видимо, так был снижен его статус монголами. Собственно монгольская администрация над чжурчжэнями Восточного Ся учреждалась довольно долго. В 1235 году монголы создали два темничества (*ваньхуфу*): Кайюань и Наньцзин, фактически по названиям столиц Восточного Ся, однако их администрация была не в Кайюане и не в Наньцзине, а в Хуанлунфу, то есть в современном городе Нунъань в провинции Цзилинь («Юань ши», цз. 59, см.: Материалы…, 1990, с. 23; Ли Цзяньцай, 1985, с. 9). Видимо, и в дальнейшем, до установления единообразного административного устройства в 1286 г., эти темничества обеспечивали контроль над территорией Восточного Ся и поступлением оттуда дани. Как писали авторы «Истории Восточного Ся», «после Чингисхана… хан Угэдэй ещё более последовательно осуществлял политику обложения налогами. В местах, где условия позволяли осуществлять непосредственное управление, он учреждал чиновничьи должности, сохранял и восстанавливал бывшую здесь ранее феодальную систему, а на далеких окраинных местах, где условия для этого ещё не созрели, прибегал к политике сдерживания, позволял им [местным жителям – *перев.*] называться вассалами и приносить дань, опосредованно держа их в повиновении и умиротворяя. Именно так Восточное Ся после покорения смогло предоставить гарантии того, что больше не будет восставать и сопротивляться, и продолжило сохранять положение вассального владения» (Ван Шэньжун, Чжао Минци, 1990, с. 243). Таким образом, территория Восточного Ся на протяжении нескольких десятилетий после 1233 года управлялась монголами через чжурчжэньскую администрацию Восточного Ся без непосредственного присутствия монголов. При этом с этих территорий в Монгольскую империю шли и налоговые сборы. Так, в 1243 году годовой сбор в губернии Хэлань (соответствует Южной столице Восточного Ся – *А.И.*) составил 2000 кусков белой ткани, а в губернии Сюйпинь (Верхняя столица Восточного Ся Кайюань – *А.И.*) – 1000 кусков ткани (Ли Цзяньцай, 1985, с. 9). Поэтому вполне вероятно, что какое-то время после пленения Пусяня Ваньну города и селения Восточного Ся продолжали своё существование. Однако уже в сочинении «Юань и тунчжи» («Общее описание династии Юань»), составленном в период с 1291 по 1303 г., в разделе о древних

городах губернии (*лу*) Кайюань об описанных там столичных, окружных и уездных городах Восточного Ся и Цзинь сообщается: «Все это города, построенные Бохаем, Ляо и Цзинь, а в Юань упраздненные. Их фундаменты всё ещё сохраняются» (Материалы…, 1990, с. 61–62). Из этого следует, что города и селения Восточного Ся могли продолжать своё существование не дольше третьей четверти XIII века. Учитывая изложенное выше, материалы археологических памятников XIII века в Приморье должны сохранять чжурчжэньский культурный облик. Видимо, уже после того как чжурчжэньские города в Приморье были заброшены, в 90-е годы XIII века Хубилаем были предприняты меры по усилению контроля над окраинными территориями империи. Одной из таких мер стало строительство трактов с почтовыми станциями для смены лошадей на них. Описание этих дорог сохранилось в сочинении «Сицзинь чжи» («Описание Сицзиня» – так называлась юаньская столица Даду в районе современного Пекина). Одна из этих дорог проходила по территории современного Приморского края. Она проходила по долине р. Раздольной (в Китае р. Суйфэньхэ) через Уссурийск, где была станция «Кайюань», затем от устья Раздольной на юг вдоль побережья залива Петра Великого доходила до станции «Юнминчэн» где-то в районе Посьета-Краскино и далее в губернию (*лу*) Хэлань. Всего упомянуты названия девяти станций на пути от реки Муданьцзян до Юнминчэна (Чжан Тайсян, 1988, с. 161–163; Сюн Лосян, 1983, с. 123). Несомненно, что этот путь проходил здесь и во времена Бохая, и в Цзинь. Для нас здесь важно то, что станции строились империей Юань, и нахождение их следов как юаньских памятников вполне вероятно.

Заключение

В настоящее время для выделения памятников юаньского времени на территории Приморского края нет надежных археологических источников. В фортификации городов в монгольское время не существовало какой-либо специфики, все городища XII–XIV вв. обладают сходными характеристиками. Типичная для ряда монгольских городов и поселений планировка не наблюдается на относимых к юаньской эпохе памятниках в Приморье и на сопредельных территориях.

Глазурованная посуда сорта цычжоу и с зеленой глазурью, найденная на памятниках Восточного Ся, не может рассматриваться как маркер присутствия монголов, поскольку печи цычжоу функционировали на протяжении длительного исторического периода.

Стандарты черепицы и декор на предполагаемых юаньских памятниках имеют полные аналогии материалу исследованных в настоящее время чжурчжэньских памятников как на территории Приморья, так и в КНР, включая Верхнюю столицу Цзинь, на которой юаньский слой не выявлен.

Типы стекол, из которых изготовлены украшения и предметы декоративно-прикладного искусства, обнаруженные на приморских памятниках Восточного Ся, были известны из более ранних археологических объектов Приморья. Не выявлено специфических для монголов форм изделий и технико-технологических приемов их изготовления, которые позволили бы выделить продукцию их стеклоделательного производства из общей массы стеклянных предметов.

Анализ исторических сведений показывает, что на протяжении большей части XIII века чжурчжэни в Приморье и на смежной территории Северо-Восточного Китая сохраняли свою государственность и управлялись со стороны Монгольской империи дистанционно как вассальное владение. Вряд ли следует говорить о снабжении местных ремесленных центров сырьем из Кара-Корума, поскольку вся политика монголов заключалась в нещадной эксплуатации завоеванных территорий, а не в каком-либо обеспечении их. Скорее наоборот, именно чжурчжэньские земли Восточного Ся были одним из источников поступления всяких богатств в столицу Монгольской империи, чем и объясняется сходство между материалами Кара-Корума и памятниками Приморья.

Радиоуглеродные даты, приведенные в качестве доказательств функционирования приморских памятников в монгольское/юанское время, не могут быть использованы в этом качестве. Они имеют выборочный характер, охватывают слишком широкий период, в который укладываются эпохи Цзинь, Восточное Ся, Юань и в большинстве случаев противоречат археологическому материалу.

Примечания:

[1] Ныне, к сожалению, утрачена.

[2] К сожалению, нам не удалось отыскать эти материалы в фондах Музея археологии и этнографии ИИАЭ НДВ ДВО РАН. Находки, происходящие с этого же памятника, также хранятся в ПККМ им. В.К Арсеньева (г. Владивосток). Коллекции МПК 547-1/ А5-1195 и МПК 10319/ А-1-226.

[3] Подъемный материал.

[4] В последней опубликованной по этой теме работе с учетом всё той же радиоуглеродной даты датировка была вновь пересмотрена, причем кардинально, и памятник, по мнению авторов исследования, функционировал между 600 и 760 г. Обнаруженные материалы, в частности черепица датируется периодом династии Восточная Цзинь (317–420 гг.) и династии Восточная Вэй (534–550 гг.) (Дьяков, Дьякова, 2023, с. 144).

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н.Г. Кайюань – Верхняя столица чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215-1233 гг.) // Столетие Великого АПЭ (к юбилею академика Алексей Павловича Окладникова) / Тихоокеанская археология. Вып. 16 / Отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: ДВГУ, 2008. С. 291–305.

Артемьева Н.Г. Новые результаты исследования городища Батюки – памятника юаньского времени в Приморье // Россия и АТР. 2019. № 1. С. 24–42.

Артемьева Н.Г., Артемьева П.А. Бронзовая гиря с девизом правления хана Хубилая из Приморья // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 8–18.

Болдин В.И., Дьякова О.В. Осиновское поселение: Стратиграфия и культурная идентификация // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Мат-лы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н. П.Б. Коновалова / Отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетоологии СО РАН, 2017. С. 113–119.

Болдин В.И., Дьякова О.В. Осиновское поселение в Приморье (раскопы II-III-IV) // Биота и среда заповедных территорий. 2018. № 3. С. 97–114.

Галактионов О.С. Отчет об археологической разведке в Приморском крае в 1983 г. 1984 // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1. Оп. 2, Д. №195.

Гельман Е.И. Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1999. 222 с.

Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н.Крадин. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. 366 с.

Дьякова О.В. Династия Юань (1271-1368) и Приморье России // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тезисы докладов XXII Международной научной конференции (Москва, 12–13 октября 2016 г.) / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2016а. С. 136–137.

Дьякова О.В. Монгольский след в пещере Малая Пенсау в Приморье // Общество и государство в Китае. 2016б. Т. 46. № 2. С. 199–208.

Дьякова О.В. О времени падения чжучржэньского государства Дун Ся (Восточное Ся) // Общество и государство в Китае. 2019а. Т. 49. № 1. С. 207–213.

Дьякова О.В. Позднесредневековые памятники Приморья // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань-Кишинёв: Stratum Plus, 2019б. С. 53-67.

Дьякова О.В., Дьяков В.И. Гончарная печь памятника Петровка-5 в контексте археологии Дальнего Востока // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 136–145. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-136-145.

Дьяков В.И., Дьякова О.В., Сакмаров Д.А. Позднесредневековая гончарная печь памятника Петровка-5 в Приморье // Традиционная культура востока Азии. Вып. 4. / Отв. ред. Д.П. Болотин и А.П. Забияко. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 193–204.

Ивлиев А.Л. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С. 109–113.

Ивлиев А.Л. Шайгинское городище в свете эпиграфических данных // Средневековые древности Приморья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 25–33.

Киселев С.В. Из истории китайской черепицы: (В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока // СА. 1959. № 3. С. 159–179.

Левашова В.П. Бусы из Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: Наука, 1965. С. 297–307.

Саранцева С.Е. Чжурчжэньская черепица: по материалам чжурчжэньских памятниках Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2013. 348 с.

Силантьев Г.Л. Стеклообрабатывающее производство на юге Дальнего Востока СССР в средние века. Автореф. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1987. 17 с.

Силантьев Г.Л. Средневековое стекло Дальнего Востока России / Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Вып. 5. Владивосток: Дальнаука. 2017. 332 с.:илл.

Murakushi M., Arai S., Laptev S., Kojima Y., Nakamura K., Oguchi M., Nikitin Y.G., Artemieva N.G., Gelman E.I., Gorshkov M.V., Nakai I. Chemical composition and origin of glass beads excavated from Primorye (Vladivostok) and Amur (Khabarovsk) // Средневековые древности Приморья. Вып. 5 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2022. С. 517–611.

Visconti C. Architectural decorations and other finds from the excavation of the Fengxiansi Monastery in Longmen. Supplemento n. 96 agli Annali (sez. Orientale). Ed. Università degli Studi di Napoli L'Orientale. Vol. 66. 2006. 186 p.

王慎荣、赵鸣崎 (Ван Шэньжун, Чжао Минци). 东夏史 (История Восточного Ся). Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи, 1990. 304 с. (на кит. яз.)

黑龙江省文物考古研究所(Институт культурных ценностей и археологии провинции Хэйлунцзян). 黑龙江哈尔滨市阿城区金上京皇城东部建筑址2016 – 2017年发掘简报(Краткий отчет о раскопках сооружений в восточной части Царского города Верхней столицы Цзинь в районе Ачэна, города Харбин провинции Хэйлунцзян // 北方文物 (Бэйфан вэньу). 2023. № 5. С. 19–50 (на кит. яз.).

李健才 (Ли Цзяньцай). 关于东夏几个问题的探讨 (О некоторых проблемах, связанных с Восточным Ся) // 民族研究 (Миньцзу яньцзю). 1985. № 3. С. 4 – 10 (на кит. яз.).

Материалы…: 东夏史料 (Материалы по истории Восточного Ся) /王慎荣、赵鸣崎 汇编(Сост. Ван Шэньжун, Чжао Минци). [Чанчунь]: Цзилинь вэньши, 1990. (长白丛书 – «Библиотека Чанбай». Вып. 4) (на кит. яз.).

肇东县博物馆 (Музей уезда Чжаодун). 黑龙江肇东县八里城清理简报 (Краткий отчет об обследовании городища Баличэн в уезде Чжаодун провинции Хэйлунцзян) // 考古 (Каогу). 1960. № 2. С. 36–41 (на кит. яз.).

中国磁州窑 (Печи цычжоу в Китае) / 叶喆民主编 (Гл. ред. Е Чжэминь). Т. 1. Шицзячжуан: Изд-во Хэбэй мэйшу, 2009. 399 с. (на кит. яз.).

熊萝祥 (Сюн Лосян). 析津志辑佚 (Утраченные тексты «Описания Синьцзиня»). Пекин: изд-во Бэйцзин гуцзи, 1983 (на кит. яз.).

张泰湘 (Чжан Тайсян). 黑龙江古代简志 (Краткое описание Хэйлунцзяна в древности). Харбин: изд-во Хэйлунцзян жэньминь, 1988. 267 с. (на кит. яз.).

Информация об авторах:

Ивлиев Александр Львович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); ivlieval2@gmail.com

Асташенкова Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); astashenkova@mail.ru

Бакшеева Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); sarantceva@mail.ru

Гельман Евгения Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, зав. сектором, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); gelman59@mail.ru

REFERENCES

Artemieva, N. G. 2008. In Brodyansky, D. L. (ed.). *Stoletie velikogo A.P. (k iubileiu Alekseia Pavlovicha Okladnikova) (100th Anniversary of the Great A.P. (Dedicated to the Anniversary of Aleksey Pavlovich Oklad-*

nikov)). Series: Tikhookeanskaia arkheologiia (Pacific Archaeology) 16. Vladivostok: Far Eastern University, 291–305 (in Russian).

Artemieva, N. G. 2019. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 1, 24‒42 (in Russian).

Artemieva, N. G., Artemieva, P. A. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 8–18 (in Russian).

Boldin, V. I., D'yakova, O. V. 2017. In Bazarov, B. V. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii (Actual issues of archaeology and ethnology of Central Asia)*. Ulan-Ude: Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, 113–119 (in Russian).

Boldin, V. I., D'yakova, O. V. 2018. In *Biota i sreda zapovednyh territorij (Biodiversity and environment of protected areas)* 3, 97–114 (in Russian).

Galaktionov, O.S. 1984. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Primorskom krae v 1983 g. (Report on archaeological reconnaissances in Primorsky Krai in 1983)*. The Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far- Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Found 1. Inv. 2, dossier 195 (in Russian).

Gel'man, E. I. 1999. *Glazurovannaya keramika i farfor srednevekovykh pamyatnikov Primor'ya (Glazed pottery and porcelain from medieval sites of Primorye*). Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far- Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kradin, N. N. 2018 (ed.). *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka (Towns of the Medieval Empires of the Far East)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ (in Russian).

D’yakova, O. V. 2016a. In Ostrovsky, A. V. (ed.). *Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy. Tezisy dokladov XXII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 12–13 oktyabrya 2016 g.) (China, Chinese civilization and the world. History, modern times, prospects. Abstracts of papers of XXII International scientific conference.* Moscow: Institute of the Farf East of Russian Academy of Sciences, 136–137 (in Russian).

D’yakova, O. V. 2016b. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and state in China).* 46, (2), 199–208 (in Russian).

D’yakova, O. V. 2019a. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and state in China).* 49 (1), 207–213 (in Russian).

D’yakova, O. V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan–Chisinau: “Stratum Plus” Publ., 53–67 (in Russian).

D'yakova, O. V., D'yakov, V. I. 2023. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 2, 136–145. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-136-145 (in Russian).

D'yakova, O. V., D'yakov, V. I., Sakmarov, S. A. 2002. In Bolotin, D. P., Zabiiako, A. P. (eds.). *Traditsionnia kultura Vostoka Azii (Traditional Culture of the East of Asia)* 4. Blagoveshchensk: Amur State University, 193–204 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2006. In *Vestnik Dal’nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 2, 109–113 (In Russian).

Ivliev, A. L. 2015. In Artemieva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor’ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 3. Vladivostok: “Dal’nauka” Publ., 25–33 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) 3, 159–179 (in Russian).

Levashova, V. P. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns).* Moscow: “Nauka” Publ., 297–307 (in Russian).

Sarantseva, S. E. 2013. *Chzhurchzhen'skaya cherepitsa: po materialam chzhurchzhen'skikh pamyatnikakh Primor'ya (Jurchen tiles: on materials of the Jurchen sites in Primorye).* Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).

Silant'ev, G. L. 1987. *Stekloobrabatyvayushchee proizvodstvo na yuge Dal'nego Vostoka SSSR v srednie veka (Glass production in the south of the Soviet Far East in Middle Ages).* Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Silant'ev, G. L. 2017. *Srednevekovoe steklo Dal'nego Vostoka Rossii (Medieval glass in the Far East of Russia)* .Series: Aziatsko-Tikhookeanskiy region: arkheologiya, etnografiya, istoriya (Asia-Pacific region: archaeology, ethnography, history) 5. Vladivostok: “Dal’nauka” Publ. (in Russian).

Murakushi, M., Arai, S., Laptev, S., Kojima, Y., Nakamura, K., Oguchi, M., Nikitin, Y. G., Artemieva, N.G., Gelman, E. I., Gorshkov, M. V., Nakai, I. 2022. In Artemieva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ya (Medieval antiquities of Primorye)* 5. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 516–611 (in English).

Visconti, C. 2006. *Architectural decorations and other finds from the excavation of the Fengxiansi Monastery in Longmen*. Supplemento n. 96 agli Annali (sez. Orientale). Ed. Università degli Studi di Napoli L'Orientale. Vol. 66.

Wang Shenrong, Zhao Mingqi. 1990. *History of Dong Xia State.* Tianjin guji Publ. (in Chinese).

Institut kul'turnyh cennostej i arheologii provincii Hejlongjiang (Institute of Cultural Relics and Archaeology of Heilongjiang.Province). 2023. In *Beifang wenwu (Northern Cultural Relics).* No. 5. 19-50 (in Chinese).

Li Jiancai. 1985. In *Minzu yanjiu (Ethno-National Studies).* No. 3. 4-10 (in Chinese).

Materialy… 1990: *Dong xia shiliao (Materials on Dong Xia History) /* Compiled by Wang Shenrong and Zhao Mingqi. [Changchun]: Jilin wenshi Publ. (Changbai series. Iss. 4) (in Chinese).

Museum of Zhaodong County. 1960. In *Kaogu (Archaeology).* No. 2. 36-41 (in Chinese).

Pechi… 2009. *(Cizhou Kilns in China) /* Ye Zhemin (ed.). Vol. 1. Hebei meishu Publ. (in Chinese).

Xiong Luoxiang. 1983. *Xijin zhi jiyi (Lost texts of "Xijin zhi").* Beijing: Beijing guji Publ. (in Chinese).

Zhang Taixiang. 1988. *Heilongjiang gudai jianzhi (Brief Derscription of Heilongjiang in Ancient Time).* Harbin: Heilongjiang renmin Publ. (in Chinese).

About the Authors:

Ivliev Aleksandr L., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; ivlieval2@gmail.com

Astashenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; astashenkova@mail.ru

Baksheeva Svetlana E., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; sarantceva@mail.ru

Gelman Evgeniia I., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; gelman59@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 904(571.63) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.307.317

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСТБОХАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРЬЯ (ГОРОДИЩЕ КОКШАРОВКА-1, ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КОКШАРОВКА-8)[1]

© 2024 г. Н.А. Клюев, И.В. Белова

В статье освещены основные итоги исследований двух памятников - городища Кокшаровка-1 и погребального комплекса Кокшаровка-8, - относящихся к малоизученному на сегодняшний день периоду средневековой археологии Приморья X–XI вв. н.э. Хронологический диапазон после гибели государства Бохай и до образования чжурчжэньской империи Цзинь долгое время оставался без внимания исследователей. Изучение данных памятников позволяет пролить свет на постбохайский период в истории региона. Основным объектом раскопок на городище Кокшаровка-1 стал архитектурный комплекс, расположенный на искусственной земляной платформе в северной части памятника и состоящий из семи зданий с отопительной системой. Подобные сооружения, также возведенные на насыпной платформе, частично были раскопаны и в западной части памятника. Исследования погребального комплекса Кокшаровка-8 показали, что он напрямую связан с населением городища, построившего архитектурный ансамбль на северной платформе. Проведенные на территории городища Кокшаровка-1 геомагнитные исследования, выявившие различные типы планировки, а также полученный в ходе многолетнего изучения археологический материал, позволили установить, что памятник существовал длительное время и захватил как бохайский этап, так и постбохайский. Высказано мнение, что городище Кокшаровка-1 в постбохайское время было крупным административным центром племенного или государственного образования, некогда испытавшего бохайское влияние, и в значительной степени независимого от киданей. Отмечается также, что присутствующие в подъемных сборах обломки черепицы, датируемые XIII–XIV вв. не исключают, что городище могло функционировать и в более позднее время.

Ключевые слова: археология, городище Кокшаровка-1; погребальный комплекс Кокшаровка-8; Приморье; эпоха раннего Средневековья; постбохайское время

RESULTS OF STUDIES OF POST-BOKHAI SITES IN PRIMORYE (KOKSHAROVKA-1 SETTLEMENT, KOKSHAROVKA-8 BURIAL COMPLEX)[2]

N.A. Klyuev, I.V. Belova

The paper deals with the main results of the studies of two sites – Koksharovka-1 settlement and Koksharovka-8 burial complex – belonging to the period of medieval archaeology of Primorye in the X–XI centuries, which is poorly studied to date. The chronological range after downfall of the Bohai state and before the formation of the Jurchen Jin Empire remained without the attention of researchers for a long time. The study of these sites allows us to shed light on the post-Bohai period in the history of the region. The main object of excavations at the Koksharovka-1 settlement was an architectural complex located on an artificial earthen platform in the northern part of the site and consisting of seven buildings with a heating system. Similar structures, also built on an embankment platform, were partially excavated in the western part of the site. Studies of Koksharovka-8 burial complex have shown that it is directly related to the population of the settlement, which built the architectural ensemble on the northern platform. Geomagnetic studies carried out on the territory of Koksharovka-1 settlement, which revealed various types of layout, as well as archaeological material obtained during the long-term study, made it possible to establish that the site existed for a long time and covered both the Bohai and post-Bohai stages. It has been suggested that the Koksharovka-1 in the post-Bohai period was a

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России»)

2 This work was financially supported by RSF (РНФ) (project No. 20-18-00081 “Archaeology of the Russian Far East”)

major administrative center of a tribal or state entity that had once experienced Bohai influence and was largely independent of the Khitans. It is also noted that among the surface finds there were fragments of roof tiles, dating from the XIII–XIV centuries. It is not excluded that the settlement could have functioned at a later time.

Keywords: archaeology, Koksharovka-1settlement, Koksharovka-8 burial complex, Primorye, Early Middle Ages, post-Bohai period

Средневековый период в археологии Приморья изучен достаточно неравномерно. Долгое время основное внимание исследователей было уделено археологии раннесредневековых государств – Бохай (698–926 гг.), Цзинь (1115–1234 гг.) и Восточное Ся (1215–1233 гг.). Хронологические периоды после завоевания киданями государства Бохай и до образования чжурчжэньской империи Цзинь, а также после гибели этого государства и государства Восточное Ся от монгольского нашествия были изучены гораздо слабее. Одна из причин этому – сравнительно небольшое количество известных источников. Ситуация начала меняться в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Так, В.Э. Шавкуновым были проведены раскопки на ряде городищ в Приморье (Смольное, Шайга-Редут), материалы которых, наряду с уже имеющимися коллекциями с других памятников, позволили выделить ему смольнинскую культуру, датируемую VIII–XI вв. (Шавкунов, 2015, с. 13). В 2023 г. Н.Г. Артемьевой на городище Шайга-Редут были проведены широкомасштабные раскопки, но пока полученные материалы не введены в научный оборот. Ею же были продолжены работы А.Р. Артемьева на городище Батюки, где были получены артефакты, указывающие, по мнению исследователей, на то, что в Приморье существовали монгольские поселения в юаньское время (XIII–XIV вв.) (Артемьева, 2019, с. 25). Артефакты, предположительно датируемые этим временем, археологи находили и ранее, но они не носили массовый характер. Анализ таких коллекций провела О.В. Дьякова и выделила слои монгольского времени на девяти археологических памятниках Приморья (Дьякова, 2019, с. 65). Вопрос о наличии монгольских поселений в Приморье – это предмет дискуссий, и он нуждается в дальнейшей разработке. Самыми масштабными исследованиями по первому указанному периоду в 2000-е гг. стали раскопки городища Кокшаровка-1 и погребального комплекса Кокшаровка-8, обобщению результатов которых и посвящена настоящая статья. Оба памятника оказались уникальными для Приморья: на них обнаружены объекты, не имеющие пока аналогий в регионе. Как и все полевые исследования в археологии, они начались с предварительных работ, которые дали интересные результаты. Городище Кокшаровка-1 было известно с конца XIX в. Судя по опубликованному в 1908 г. плану, оно тогда имело двое ворот (Буссе, Крапоткин, 1908, приложение). В настоящее время их три, и появление третьего прохода связано с хозяйственной деятельностью современного человека. На территории городища располагаются огороды местных жителей, к которым нужна была дорога. В XX в. памятник достаточно часто посещался археологами (А.П. Окладников, Э.В. Шавкунов, В.И. Болдин. В.И. Дьяков и др.), которые проводили шурфовку и сбор подъемного материала. По мнению большинства исследователей, городище датировалось бохайским временем – VIII–X в. (Государство Бохай…, 1994, с. 59). Однако уже в то время на городище были сделаны находки, говорящие о более длительном существовании памятника. Так, О.С. Галактионовым в 1983 г. в северо-западной части городища на пахоте были обнаружены концевые диски черепицы с изображениями драконов и отливы с растительным орнаментом, характерные для юаньского времени (Галактионов, 1983, л. 7). Таким образом, вопрос о датировке и культурной принадлежности городища оставался открытым и мог быть только решен после развертывания широкомасштабных работ на памятнике. Такие исследования были начаты совместной российско-корейской экспедицией в 2008 г. и продолжались до 2014 г. На первом этапе был снят подробный топографический план памятника, осуществлены геофизические исследования (кстати, одни из первых в Приморье), проведена шурфовка различных участков городища, исследованы его окрестности.

Городище Кокшаровка-1 представляет собой укрепленное валом высотой от 4 до 6,2 м и рвом глубиной до 1 м поселение в форме неправильного четырехугольника площадью 16,45 га, расположенное в 3 км к северо-восто-

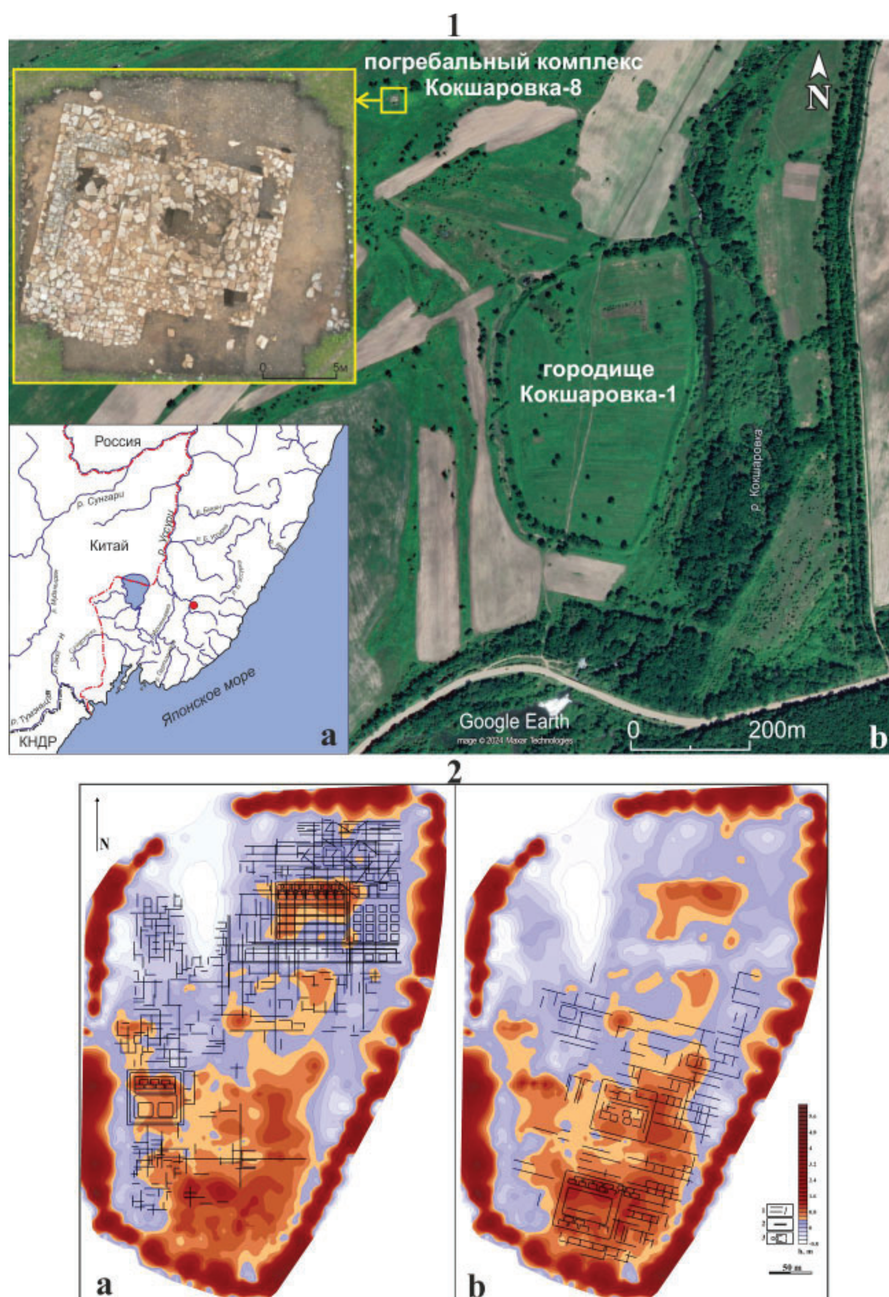

Рис.1. 1 – расположение городища Кокшаровка-1 и погребального комплекса Кокшаровка-8: а) на карте региона (местоположение отмечено красным кружком), b) на космоснимке Google Earth; 2 - типы структурной планировки городища Кокшаровка-1: а) прямоугольный, b) диагональный.

Fig.1. 1 – location of Koksharovka-1settlement and the Koksharovka-8 burial complex: a) on a map of the region (the location is marked with a red circle), b) on a Google Earth satellite image; 2 - types of structural layout of the Koksharovka-1settlement: a) rectangular, b) diagonal.

ку от с. Кокшаровки на террасе левого берега р. Кокшаровки – правого притока р. Уссури, в 2 км выше устья (рис. 1: 1). У городища двое ворот, оборудованных Г-образными траверсами. Топосъемка показала, что на внутренней поверхности городища фиксируется возвышенный участок, на котором были зафиксированы три платформы высотой до 1 м – прямоугольные возвышенности с выровненной поверхностью: «южная» размерами 100×70 м, «западная» размерами 70×70 м и «северная» размерами 100×60 м (Городище Кокшаровка-1…, 2012, с. 30). Как выяснилось позже, в ходе раскопок, на северной и западной платформе располагались архитектурные комплексы дворцового типа.

Геофизические исследования на памятнике, проведенные под руководством Е.А.

Бессоновой, дали следующие результаты: было выделено три типа структурной планировки архитектурной застройки городища – прямоугольная, диагональная-1 и диагональная-2 (рис. 1: 2). По мнению исследователей, они свидетельствуют о наличии на этом месте двух разновременных поселений. Первое – прямоугольное (более раннее) – занимало всю сегодняшнюю площадь городища и даже выходило за его пределы на юге. Второе – диагональное (более позднее) – компактно располагалось в центральной части и на юге памятника. Следует отметить, что второе поселение по занимаемой площади было на 30–40% меньше (Бессонова и др., 2012, с. 190).

Важным результатом геомагнитной съемки городища стала возможность планировать место для будущих раскопок исходя из наличия выявленных аномалий, указывающих на различные археологические объекты. Раскопки на северной и западной платформе подтвердили данные геофизических исследований.

Разведочная шурфовка на памятнике осуществлялась главным образом для проверки данных геомагнитной съемки. Одновременно в западной части городища был заложен небольшой разведочный раскоп площадью 30 кв. м. Была определена стратиграфия памятника, получен разнообразный археологический материал, который, с одной стороны, подтвердил ранее высказанное мнение о том, что городище возникло и существовало в бохайское время. На это достаточно четко указывала основная часть полученной керамической коллекции, по мнению Е.И. Гельман, отражающая основные стадии бохайского гончарства в период его высшего расцвета в IX – начале X в. (Городище Кокшаровка-1…, 2012, с. 161). С другой стороны, в коллекции присутствовала и отличная от бохайской керамика – сосуды с раздвоенными, а также с «трегубыми» венчиками, с горловинами с широким устьем, с приземистыми пропорциями тулова, дольчатые сосуды. В дальнейшем подобная керамика будет встречена и при раскопках дворцового комплекса на северной платформе городища.

Дало свои результаты и обследование окрестностей городища. В 0,6 км на северо-запад от северных ворот городища Кокшаровка-1 был обнаружен земляной курган округлой формы высотой до 1,35 м и диаметром основания до 22 м. Была проведена его геомагнитная съемка, которая показала наличие упорядоченных каменных конструкций внутри кургана. Курган был раскопан в 2012–2015 гг. Был выявлен погребальный комплекс, непосредственно связанный с обитателями городища Кокшаровка-1, оставившими архитектурный комплекс на северной платформе (рис. 1: 1).

Основной объем раскопок на городище Кокшаровка-1 был проведен на северной платформе. За период с 2008 по 2014 гг. было вскрыто 3675 кв. м, что составило более 50% ее площади. В результате была изучена большая часть архитектурного комплекса, состоящего из семи деревянных зданий с оштукатуренными стенами, расположенных в ряд в направлении восток – запад, с П-образными канами и выходами на юг (рис. 2). Общая площадь всех зданий составила 1133 кв. м. Весь комплекс по краям платформы был огорожен каменной стеной, имел внутренний двор, где с его восточной стороны находились хозяйственные постройки. Были раскопаны также центральные и дополнительные ворота, изучена часть каменной стены. Итоги работы на архитектурном комплексе достаточно хорошо освещены в научной литературе (Городище Кокшаровка-1…, 2012; Клюев, Ивлиев, 2013; Города средневековых империй…, 2018; Клюев, Ивлиев, Гридасова, 2018 и др.), поэтому остановимся на особенностях этого комплекса и вопросах его датировки, тем более что появились новые данные по этим вопросам.

Планировка участка, занимаемого архитектурным ансамблем на городище Кокшаровка-1, соответствует традициям средневековой восточноазиатской архитектуры в целом, включая китайскую и бохайскую, в частности – расположение административного центра в северной части городов, общая планировка всего комплекса, образующего единый обращенный на юг фасад, по длине сопоставимый с фасадами дворцов бохайских столиц. Имеющиеся в зданиях каны отличаются специфической конструкцией вынесенной далеко за пределы здания дымовой трубы. Такие же конструкции труб наблюдаются на городище Верхней столицы Бохая в Дунцзинчэне, во дворце № 4 (Клюев, Ивлиев, 2013, с. 114). В остальном каны, обнаруженные в зданиях на

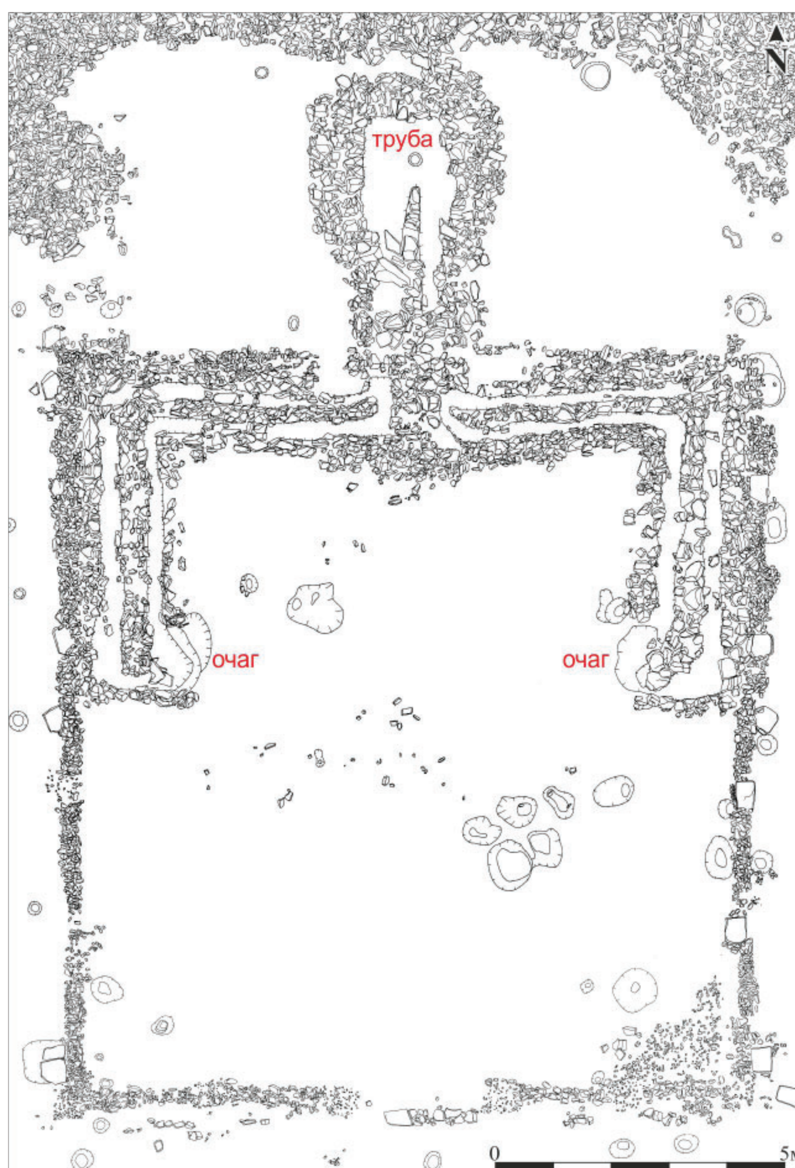

Рис. 2. Городище Кокшаровка-1. План здания №4 с отопительной системой.
Fig. 2. Koksharovka-1settlement. Plan of building No. 4 with heating system.

Кокшаровке, имеют аналогичное устройство дымоходов, как и на большинстве бохайских памятников.

Однако имеются и существенные различия в конструкции зданий. Так, обычно крыши дворцовых, административных или культовых сооружений в государстве Бохай покрывали черепицей. Это вообще было свойственно для архитектуры средневековых государств Восточной Азии. На городище Кокшаровка-1 при раскопках черепицы практически найдено не было. Обнаружено всего несколько мелких фрагментов. Гораздо больше ее было найдено при исследовании кургана Кокшаровка-8. Черепица с обоих памятников аналогична и необычна по своей технологии, резко отличающейся от распространенной в Средние века в Восточной Азии. На ней нет оттисков ткани на вогнутой стороне, она изготавливалась на шаблоне-колодке, позволяющей изготовить только одну черепицу за один прием, тогда как в практике средневековых мастеров Восточной Азии использовались цилиндрические шаблоны, дающие возможность делать их несколько за один раз. Следует согласиться с мнением С.Е. Саранцевой (Бакшеевой), изучавшей эту коллекцию, что мастера, изготовлявшие черепицу, явно имели представление о том, как она должна выглядеть, но не были знакомы с технологией ее изготовления (Археологические памятники…, 2015, с. 130).

Рис. 3. Городище Кокшаровка-1. Керамические подставки в форме пагоды.
Fig. 3. Koksharovka-1settlement. Pagoda-shaped ceramic pedestal.

Другое принципиальное отличие исследованного архитектурного ансамбля на городище от известных дворцовых комплексов Бохая – это каркасно-столбовая конструкция зданий, а не колоннадная, отсутствие высокой платформы-фундамента дворца, окружающей здание галереи. Есть и другие конструктивные отличия, которые позволяют прийти к аналогичным выводам, что и по отношению к черепице, а именно, обитатели городища Кокшаровка-1 построили свой дворцовый комплекс, опираясь на представления о дворцах бохайских столиц, но на основе собственного опыта строительства жилищ с канами.

При раскопках архитектурного комплекса была получена обширная археологическая коллекция, включающая изделия из обожженной глины, камня, металлов и органических материалов. Анализ керамики (развалы и фрагменты около 400 сосудов) показал, что основная ее часть имеет аналогии с материалами из бохайских памятников Приморья, как по технологии изготовления, так и по морфологии сосудов (вазы, вазовидные сосуды, корчаги, горшковидные сосуды, пароварки, миски, чаши на поддоне). Выделяются в керамической коллекции своим своеобразным обликом керамические подставки в форме пагоды, большая часть которых была обнаружена в коридоре между зданиями № 3 и 4 (рис. 3). Специальное исследование этих изделий, проведенное российскими и китайскими специалистами, определило их как ритуальные сосуды (Клюев, Белова, 2018, с. 128; Лян Хуэйли, 2023, с. 31), происхождение которых связано с Китаем эпохи династии Тан. В дальнейшем они появились в бохайских и киданьских памятниках. Китайский исследователь Лян Хуэйли не исключает того, что керамические подставки, найденные на городище Кокшаровка-1, имеют киданьское происхождение (Лян Хуэйли, 2023, с. 31).

Как и в разведочном раскопе, обратила на себя внимание та небольшая часть керамической коллекции (около 7% от общего количества), которая выделялась из ее основной массы по своим технико-технологическим признакам и была близка материалам покровской культуры, соседствующей на востоке и севере с бохайским населением и продолжавшей существовать после гибели государства Бохай вплоть до XIII в. К описанным выше признакам этой керамики следует добавить еще один, наиболее яркий – это наличие штампованного орнамента, который мог наноситься как одиночным, так и роликовым штампом в виде геометрических или антропоморфных фигур (рис. 4). Полученные данные свидетельствуют, с одной стороны, о взаимодействии жителей городища в бохайское время с представителями покровской культуры, с другой стороны, являются аргументом существования памятника и в постбохайское время. Раскопками установлено, что архитектурный комплекс на северной платформе существовал достаточно продолжительное время. Платформа была возведена на более раннем средневековом горизонте обитания, вероятно относящемся ко времени начала строительства городища. Она подвергалась перестройкам. Были выявлены два ее строительных горизонта. В ходе второго строитель-

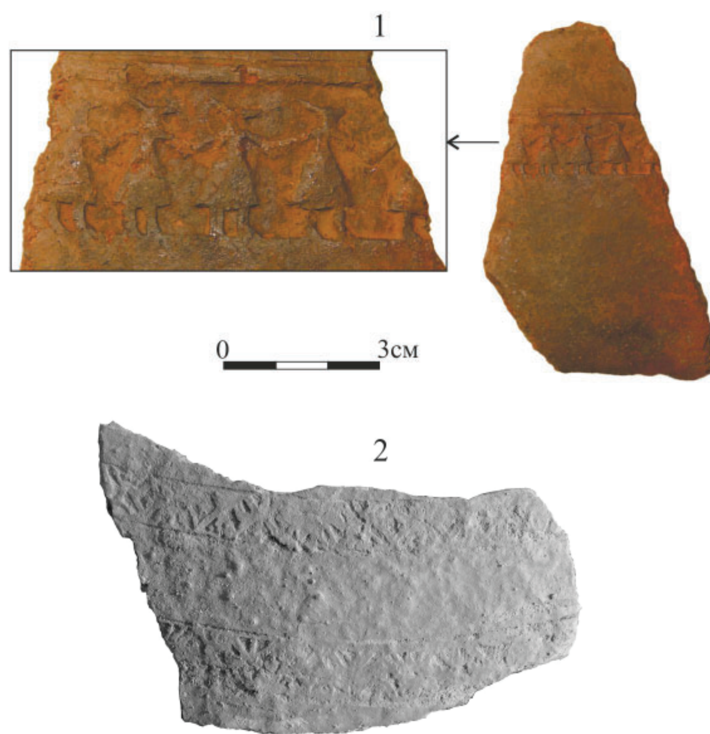

Рис. 4. Керамика покровской культуры, найденная на городище Кокшаровка-1.
Fig. 4. Pokrovsk culture ceramics found on the Koksharovka-1settlement.

ства платформа была надсыпана и расширена более чем на 3 м (Города средневековых империй…, 2018, с. 153). Сам архитектурный комплекс связан со вторым строительным горизонтом платформы. При раскопках выявлены следы его перестройки. Установлено, что в итоге он погиб от пожара. Было собрано около 20 образцов на радиоуглеродный анализ с различных участков архитектурного комплекса. Несмотря на имеющийся некоторый хронологический разброс полученных дат, большинство из них укладывается в промежуток с X по начало XI в., захватывая тем самым постбохайский период существования городища.

Кроме северной платформы на городище исследовались и другие участки, но в гораздо меньших объемах. Так, на западной платформе размерами 70×70 м был заложен раскоп площадью 220 кв. м. Выяснилось, что здесь, как и на северной платформе, располагался комплекс административных зданий. Одно из них было раскопано. По конструкции оно было аналогично зданиям на северной платформе. То же самое можно сказать и о полученном археологическом материале.

Завершили работы на городище Кокшаровка-1 исследования его фортификационных сооружений. Был разрезан южный вал городища и примыкающий к нему ров. Была выяснена технология сооружения вала, зафиксировано два этапа его сооружения. Судя по полученным радиоуглеродным датам, между этими этапами было не меньше 100–150 лет. На позднем этапе вал был увеличен в высоту и ширину. На его вершине была сложена скрепленная глиной каменная стена и укрепленная с внешней стороны деревянным палисадом.

Вал в своей основе земляной с включением камней. Насыпался он несколькими мощными слоями, расположенными под углом 40–45°, идущими от основания к вершине. Эта методика принципиально отлична от технологии насыпки валов большинства средневековых городищ Приморья, где мог применяться метод «ханту» (т. е. набивка земли слоями по 15–20 см), либо использоваться деревянные короба при возведении вала, или крепостные стены складывались из каменных блоков (Клюев, Якупов, 2019, с. 44). Таким образом, и при сооружении фортификационных сооружений обитатели городища использовали свой опыт, не следуя распространенным практикам.

Подводя итоги исследований на городище Кокшаровка-1, следует отметить следующие моменты. Во-первых, памятник существовал длительное время. В раскопах были встречены отдельные нестратифицированные находки, которые можно отнести к эпохе палеометалла (лепная керамика, шлифованный кинжал). В

эпоху раннего Средневековья человек заселил это место в бохайское время. Сначала было неукрепленное поселение, которое по данным геомагнитной съемки и исследований фортификационных сооружений выходило за пределы построенного позже вала и рва, который со временем был перестроен. Несомненно, городище существовало долгий период и захватило как бохайский этап, так и постбохайский, к которому отнесены раскопанные на северной и западной платформах архитектурные комплексы. Для этих этапов была характерна прямоугольная планировка городища. Однако геомагнитной съемкой на памятнике выявлена еще одна планировка («диагональная 1» и «диагональная 2», по Е.А. Бессоновой), которая является более поздней и приурочена к центральной и южной части городища. К сожалению, раскопки в этих частях не проводились, а шурфовка принципиально нового археологического материала не дала, поэтому вопрос атрибуции этой планировки так и остался открытым.

Следует отметить, что культурная идентификация постбохайского этапа существования городища Кокшаровка-1 вызвала дискуссию у исследователей. Так, по мнению О.В. Дьяковой, это городище являлось административным центром «киданьского государства Дундань, а позднее империи Ляо» (Дьякова, 2014, с. 281). Опирается в своих выводах исследователь на находки киданьской керамики на городище. Однако это не так. Небохайская керамика на памятнике есть, но она не киданьская, а относится к покровской культуре. Не подтверждают идею О.В. Дьяковой и имеющиеся исторические материалы. Это хорошо показал в своем исследовании А.Л. Ивлиев (Ивлиев, 2018).

Несомненно, что городище Кокшаровка-1 и в бохайское, и в постбохайское время было крупным административным центром. В этом плане можно присоединиться к мнению А.Л. Ивлиева, считающего, что городище являлось административным центром племенного или государственного образования, некогда испытавшего бохайское влияние и в значительной степени независимого от киданей. Как известно, на протяжении X – начала XI вв. отмечались неоднократные выступления бохайцев против владычества киданьской империи Ляо. На бывших бохайских землях возникали государственные образования, наиболее заметным из них было государство Динъань (Ивлиев, 2005, с. 470–472).

Вопрос о длительности существования городища Кокшаровка-1 в постбохайский период остается открытым. Пока мы можем вполне определенно говорить о X–XI вв. Отрицать более поздний возраст черепицы, найденной в свое время на памятнике О.С. Галактионовым, нельзя, поэтому вполне вероятно, что городище в каком-то виде функционировало и в XIII–XIV вв., но для подтверждения этого нужно провести дополнительные исследования и прежде всего в той части памятника, где была диагональная застройка.

Курган Кокшаровка-8 раскапывался в течение четырех полевых сезонов. Общая вскрытая площадь составила 482 кв. м. В результате было исследовано монументальное сооружение из каменных плит, не имеющее аналогий в археологии Приморья, выявлены этапы его сооружения и определено назначение. Это был погребальный комплекс для весьма знатной персоны. К сожалению, он был ограблен еще в эпоху Средневековья, но даже то, что досталось современным археологам, свидетельствует о богатом погребальном инвентаре, включающем изделия из драгоценных металлов, фарфоровую посуду, ритуальные сосуды. Сама погребальная камера не сохранилась, так как в этом месте располагался обширный грабительский пролом. Именно здесь были найдены 26 серебряных гвоздиков, две серебряные сбруйные бляхи и 44 листика, вырезанных из золотой фольги.

Могильное сооружение имело прямоугольную форму общими размерами 15×16 м. Три стенки у него были вертикальные. С южной стороны сооружения сохранился широкий пологий ступенчатый подъем из каменных плит. Были прослежены следующие этапы его строительства. Изначально сооружение представляло собой прямоугольную платформу размером 9,2×8,2 м, верхняя часть которой была оконтурена стеной шириной около 1 м. Общая высота сооружения не превышала 0,65 м. Вторым этапом строительства стало возведение вокруг первичного сооружения внешней кладки из гранитных плит, увеличившей размеры сооружения до 12,2×16,2 м. Были изменены и стены на верху постройки. Вдоль южной стороны строения на этом этапе был ряд деревянных столбов. Впоследствии

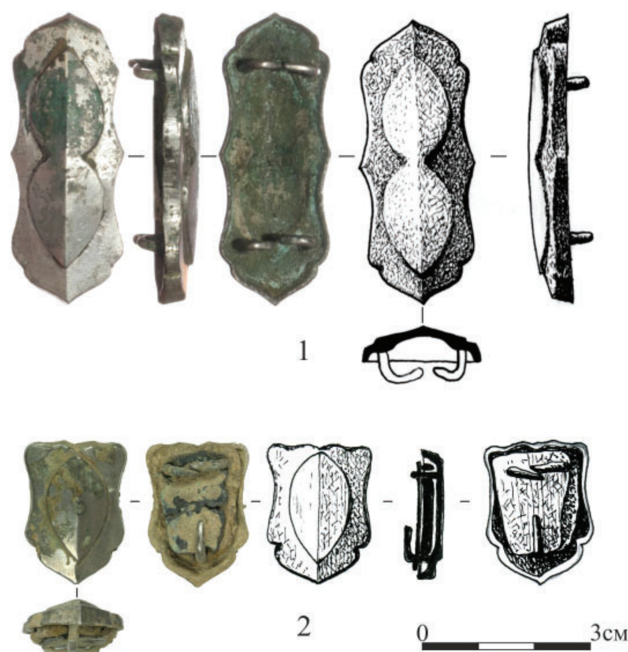

Рис. 5. Серебряные сбруйные бляхи из погребального комплекса Кокшаровка-8.
Fig. 5. Silver harness plaques from the Koksharovka-8 burial complex.

у западной половины южной стороны была пристроена лестница из гранитных плит. Следующим этапом стало возведение каменной стенки из крупнообломочного скальника, обрамляющей по верху с запада, севера и востока центральную надстройку. Скорее всего, после постройки этой каменной ограды над сооружением была возведена земляная насыпь. На завершающем этапе над курганом появилась черепичная крыша (Города средневековых империй…, 2018, с. 185–186).

Анализ полученного археологического материала и прежде всего керамической коллекции показал, что погребальный комплекс Кокшаровка-8 непосредственно связан с населением, жившим на городище и построившим архитектурный ансамбль на северной платформе. Прослеживаются прямые аналогии как в керамике в целом, так и наличии таких специфических изделий, как керамические подставки. Было получено несколько радиоуглеродных дат, которые укладывались в хронологический диапазон X–XI вв. Некоторые обнаруженные артефакты, такие как серебряные сбруйные бляхи с контуром в виде цветка мальвы (рис. 5), также подтверждают этот возраст, так как подобные находки были сделаны на ряде хорошо датированных памятников в Китае. Сама конструкция погребального комплекса находит близкие, но не тождественные аналогии на могильниках бохайской знати, обнаруженных в КНР – Людиншань, Хунцзуньюйчан и др. (Клюев, Ивлиев, Гридасова, 2018, с. 56–57).

В качестве выводов следует указать, что городище Кокшаровка-1 первоначально могло быть крупным административным центром государства Бохай, учрежденным в одном из покоренных мохэских племен. По мнению корейских археологов, это мог быть центр области Аньбяньфу (Городище Кокшаровка-1…, 2012, с. 171). Позже после гибели государства Бохай в начале X в. эта территория стала независимой и изолированной от таких центров цивилизации, как Северный Китай или империя Ляо. Именно поэтому здесь наблюдаются такие факты, как попытки изготовления черепицы и строительства дворцов без должного знания технологии. Как долго в постбохайский период продолжалось существование городища, пока не ясно. Необходимы дополнительные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н.Г. Новые результаты исследования городища Батюки – памятника юаньского времени в Приморье // Россия и АТР. 2019. № 1. С. 24–42.

Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012 – 2014 годах / Отв. ред. Н.А. Клюев. Тэджон: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2015. 220 с.

Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л., Клюев Н.А., Зверев С.А. Внутреннее устройство городища Кокшаровка-1 и его изменения под влиянием природного окружения // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 182–194.

Буссе Ф.Ф., Крапоткин Л.А. Остатки древностей в Амурском крае // Записки Общества изучения Амурского края. 1908. Т. 12. С. 1–66.

Галактионов О.С. Отчет об археологической разведке в Приморском крае. 1983 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 10177.

Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: ИВЛ, 2018. 367 с.

Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008-2011 годах. Ч. 1 / Науч. ред. Н.А. Клюев. Тэджон: Гос. исслед. ин-т культурного наследия, 2012. 320 с.

Государство Бохай (698 - 926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. М.: Наука, 1994. 219 с.

Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука, 2014. 319 с.

Дьякова О.В. Позднесредневековые памятники Приморья // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Кишинёв: Stratum Plus, 2019. С. 53–68.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.

Ивлиев А.Л. Государство Дундань и археология Приморья // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 177–186.

Клюев Н.А., Белова И.В. Ритуальная керамика городища Кокшаровка-1 и погребального комплекса Кокшаровка-8 в Приморье // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 125–128.

Клюев Н.А., Ивлиев А.Л. Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 104–116.

Клюев Н.А., Ивлиев А.Л., Гридасова И.В. Открывая неизвестные страницы средневековой истории Приморья (к итогам исследований памятников Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8) // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 47–63.

Клюев Н.А., Якупов М.А. Итоги исследований оборонительных сооружений городища Кокшаровка-1 в Приморье // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 44–56.

Лян Хуэйли. Вопрос о ступообразных сосудах (керамических подставках), раскопанных на городище Кокшаровка // (2-й) Китайско-российский симпозиум по исследованию мохэ и Бохая / Отв. ред. Сун Юйбинь. Харбин: Хэйлунцзянский университет, Управление культуры и туризма провинции Хэйлунцзян, 2023. С. 31.

Шавкунов В.Э. Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут) / АТР: археология, этнография, история. Вып. 4. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 164 с.

Информация об авторах:

Клюев Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора по научной работе, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); kluyev2006@yandex.ru

Белова Ирина Владимировна, младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); irceo@mail.ru

REFERENCES

Artem'eva, N. G. 2019. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 1, 24–42 (in Russian).

Klyuev, N. A. (ed.). 2015. In *Arkheologicheskie pamiatniki Koksharovka-1 i Koksharovka-8 v Primorie: itogi issledovanii rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2012-2014 godakh (Koksharovka-1 and Koksharovka-8 Archaeological Sites in Primorye: Results of Investigations by the Russian-Korean Expedition in 2012-2014).* Daejeon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS; State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).

Bessonova, E. A., Ivliev, A. L., Klyuev, N. A., Zverev, S. A. 2019. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 182–194 (in Russian).

Busse, F. F., Krapotkin, L. A. 1908. In In *Zapiski Obshchestva izucheniia Amurskogo kraia (Proceedings of the Amur Region Research Society)* 12, 1–66 (in Russian).

Galaktionov O.S. 1983 Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Primorskom krae. 1983 g. *(Report on reconnaissances in the Primorsky Krai)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 10177 (in Russian).

Kradin, N. N. (ed.). 2018. *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka (Towns of the Medieval Empires of the Far East)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Klyuev, N. A. 2012. (ed.). In *Arkheologicheskie pamiatniki Koksharovka-1 v Primorie: itogi raskopok rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2008-2011 godakh (Koksharovka-1 Archaeological Site in Primorye: Results of Investigations by the Russian-Korean Expedition in 2008-2011).* Daejeon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS; State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1994. (ed.). *Gosudarstvo Bokhay (698 - 926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii (The state of Bohai (698 - 926) and the tribes of the Russian Far East)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

D’yakova, O. V. 2014. *Gosudarstvo Bokhai: arkheologiia, istoriia, politika (Bohai State: Archaeology, History, Politics).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

D'yakova, O. V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 53–68 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2005. In Andreeva. Zh.V. (ed.) *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy (The Russian Far East in Prehistory and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 449–475 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2018. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS).* 20, 177–186 (in Russian).

Klyuev, N. A., Belova, I. V. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*. V 2 kn. Kn. 1 (*Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies*). In two wolumes. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 125–128 (in Russian).

Klyuev, N. A., Ivliev, A. L. 2013. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 3, 104–116 (in Russian).

Klyuev, N. A., Ivliev, A. L., Gridasova, I.V. 2018. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* 2, 47–63 (in Russian).

Klyuev N.A., Yakupov M.A. 2019. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (1), 44–56 (in Russian).

Lyan Khueyli. 2023. In Sun Yuibin’ (ed.) *(2-y) Kitaysko-rossiyskiy simpozium po issledovaniyu mokhe i Bokhaya. Sbornik statey ((2nd) Sino-Russian Symposium on Mohe and Bohai Research. Digest of articles)*. Harbin: Heilongjiang University, Heilongjiang Provincial Department of Culture and Tourism, 31 (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2015. *Pamiatniki smol'ninskoi kul'tury Primor'ia (po materialam raskopok gorodishch Smol'ninskoe i Shajga-Redut) (Monuments of the Smolninsky Culture of Primorye (Based on Materials from the Excavations of Smolninskoe and Shayga-Redut Hillforts)).* Series: ATR: arkheologiia, etnografiia, istoriia (Asia–Pasific Region: Archaeology, Ethnography, History) 4. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

About the Authors:

Kluyev Nikolay A. Candidate of Historical Sciences, assistant professor, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Pushkinskaya str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; kluyev2006@yandex.ru

Belova Irina V. Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Pushkinskaya str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; irceo@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.318.327

ВОПРОСЫ ПЛАНИГРАФИИ ХИРХИРИНСКОГО ГОРОДИЩА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ[1]

©2024 г. Н.Н. Крадин

Монгольская держава была самой крупной империей в доиндустриальную эпоху. Сами монголы были кочевниками, но по мере завоевания других стран стали строить крупные города. Их столицы поражали путешественников и торговцев из земледельческих государств. Были построены города с валами и без них, большие поселения без фортификации, отдельные усадьбы и загородные дворцы. В этой статье обсуждаются три города ранней имперской истории монголов без валов. Рассмотрена планиграфия Хирхиринского городища (Забайкалье) в сравнении с двумя другими известными городами Монгольской империи – Аварга (Восточная Монголия) и Хархулхан-балгас (Центральная Монголия). Выделены такие типичные черты, как отсутствие городских стен, расположение резиденции правителя на юге, строительство города слева, справа и сзади (север) от дворца, усадебная планировка, сезонный характер присутствия элиты.

Ключевые слова: археология, Хирхиринское городище, Монгольская империя, урбанизация, планиграфия, Есунке, Чингисов камень

ISSUES OF PLANIGRAPHY OF THE KHIRKHIRA CITY IN COMPARATIVE PERSPECTIVE[2]

N.N. Kradin

The Mongol power was the largest empire in pre-industrial history. The Mongols were nomads, but as they conquered settled countries they began to build large cities. Their capitals amazed travelers and traders from agrarian states. Cities with and without ramparts, large fortless settlements, individual homesteads and country palaces were built. The author discusses three cities of Mongol imperial history without fortification. It examines the planigraphy of the Khirkhira city (Transbaikalia) in comparison with two other famous cities of the Mongol Empire – Avarga (Eastern Mongolia) and Khar Khul Khaany Balgas (Central Mongolia). Also the typical features such as the absence of city walls, the location of the ruler's residence in the south, the construction of the city to the left, right and behind (north) of the palace, the homestead planning, and the seasonal presence of the elite were highlighted.

Keywords: archaeology, Khirkhira city, Mongol empire, urbanization, planigraphy, stele of Genghis Khan

В Монгольской империи существовали города и поселения самых различных типов – имперские столицы (Каракорум или Хархорин, Шанду, Даду), города – административные и хозяйственные центры, поселки ремесленников, а также отдельно стоящие дворцы и усадьбы (Киселев, 1957; 1958; Древнемонгольские города, 1965; Пэрлээ, 1958; 1961, Steinhardt, 1983; 2024; Данилов, 2004, Крадин, и др. 2016). Некоторые из них расположены на территории России в Забайкалье.

Один из самых известных памятников археологии монгольского времени – Хирхиринское городище, которое находится в России на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе (Древнемонгольские города, 1965; Крадин и др. 2019). Фактически это открытое поселение без фортификационных сооружений, состоящее из нескольких десятков усадеб и около 100 отдельных жилищ, объединенных в несколько кустов. Памятник вытянут по линии запад – восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север – юг. В западной части усадьбы расположены отдельно друг от друга, в восточной – объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков (рис. 1). К северу от Хирхиринского городища на ближайшей возвышенности находится

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда № 20-18-00081 "Археология Дальнего Востока России".

2 The work was financially supported by the Russian Science Foundation № 20-18-00081 "Archaeology of the Russian Far East".

Рис. 1. Хирхиринское городище. Цифры 1-9 – номера раскопов.
Fig. 1. Khirkhira city. The figures 1-9 – excavation numbers.

могильник Окошки монгольского времени (Киселев, 1961; Харинский и др., 2014; 2019). В юго-восточной части памятника в 350 м от берега Хирхиры располагалась ставка местного хана (110×100 м), окруженная валом с воротами и рвом. Внутри находился дворец (15×30 м), возведенный на искусственной платформе с пандусом. Дворец имел деревянные стены и 4-х скатную крышу, крытую черепицей, отапливался при помощи канов. Пол выложен сырцовым кирпичом. В результате раскопок под руководством С.В.Киселева в 1957 – 1959 гг. исследованы дворец, жилища с канами, ворота, найдено много строительных материалов (черепица, кирпичи), предметы труда и быта, вооружение, украшения (Древнемонгольские города, 1965, с. 23–58). С.В.Киселев датировал памятник XIII в. и предположил, что дворец погиб в результате пожара.

Начиная с 1997 г., в течение ряда лет памятник исследовался А.Р. Артемьевым (2005). Им были раскопаны две усадьбы. В первой, в восточной части города, находились два жилища с канами (одно с кирпичным полом). Во второй на западном краю памятника, был найдено здание с 12 базами от колонн и каном. Среди находок предметы быта, вооружение, украшения, бронзовый 12-летний календарь, железная вилка, скорее всего, попавшая из Европы. А.Р.Артемьев также получил радиоуглеродные даты по западной усадьбе (1330–1420 гг.), которые расширили время существования памятника (2005, с. 13–14).

Наши исследования на памятнике в 2013 – 2014 гг. проводились на другой усадьбе, расположенной в западной части города. В результате работ были вскрыты остатки здания колоннадного типа на насыпной платформе. Основой для поддержания крыши являлись каменные базы с деревянными колоннами, изготовленными из стволов лиственницы. Крыша, очевидно, была крыта соломой или камышом. Внутри найдены печь и остатки *кана* (отопительной системы) сложной конструкции. Найдено много костей домашних и диких животных, кости рыбы, гвозди, бусины, фрагменты фарфоровой и глазурованной керамики, в том числе больших сосудов – хумов. Находки фарфора с синей кобальтовой росписью подтверждают, что памятник существовал в XIV в. (Крадин и др. 2019).

Неподалеку от Хирхиринского городища, в в 9 км к северо-востоку, находится отдельно стоящая дворцовая усадьба Алестуй. Она представляет собой насыпную платформу размером примерно 17×28–32 м, вытянутую по линии север – юг. С южной стороны склон имеется пологий спуск - пандус. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0,3 м), близкой к квадрату формы размером примерно 71×71 м. К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямоугольной формы размером примерно 64×33 м. В процессе раскопок в 2009 – 2011 гг. нами были изучены северная и западная часть усадьбы, прилегающая к ней северная часть двора (Крадин и др., 2012; Крадин и др., 2014).

Платформа была сложена из плотной глины серого цвета. Трехканальный кан находился в северной части дома. Остальные несколько канов были исследованы во время раскопок западной части жилища. Они имели от 4 до 6 дымоходных каналов. В разных частях раскопа в различных пластах зафиксированы остатки кирпичных стенок.

В процессе исследований найдено 16 целых кирпичей и около 3 тыс. их фрагментов разной величины, черепица (около 24 тыс. фрагментов), каменные базы от столбовых конструкций, обломки различных железных и бронзовых изделий, железные гвозди разных размеров, железные наконечники стрел, два железных ножа, фрагменты железной пилы, обломок лемеха, обломки тигля, железный замок чжурчжэньского и монгольского типов, втулки ступицы колеса, венчик и куски стенки железных котлов, альчики, игральные фишки и др. Имеется одна сунская монета – *Чжи дао юань бао* (XI в.). Найдены фрагмент фарфорового изделия, фрагмент поливного сосуда и фрагмент глазурованной бутыли. По всей видимости, данная усадьба использовалась как сезонное поселение кем-то из представителей элиты Хирхиринского городища.

Принято считать, что Хирхиринское городище было ставкой Есунке (Исунке, Есунгу) – сына родного брата Чигис-хана Хасара (Древнемонгольские города, 1965, с. 56–57). Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле ("Чингисов камень"), которая сейчас хранится в Эрмитаже (рис. 2). Это древнейшая надпись на старомонгольском языке

Рис. 2. Чингисов камень. Государственный Эрмитаж.
Fig. 2. Stele of Genghis Khan. State Hermitage.

(1224-1225 гг.). До сих пор исследователи не достигли единства по поводу точного перевода данного текста, однако во всех вариантах присутствуют имена Чингис-хана и Есунке, который прославился стрельбой из лука на дальность полета (Банзаров 1851; Клюкин 1927; Murayama 1950; Srba 2012).

Его имя появляется в источниках в связи с политическим завещанием Чингис-хана. "Тайная история монголов" сообщает о том, что после похода над тангутами Чингис-хан ориентировочно в конце 1124 г. вернулся в монгольские степи и провел там лето (Козин, 1941, с. 189, § 264). У Рашид-ад-Дина приводятся более подробные данные, согласно которым ему приснился сон, предвещавший скорую смерть. Из близких родственников в тот момент рядом с ним находился только юный племянник Есунке. Чигнис хан спросил его: "Мои сыновья, Угедей и Толуй, находятся далеко или близко?" и повелел призвать

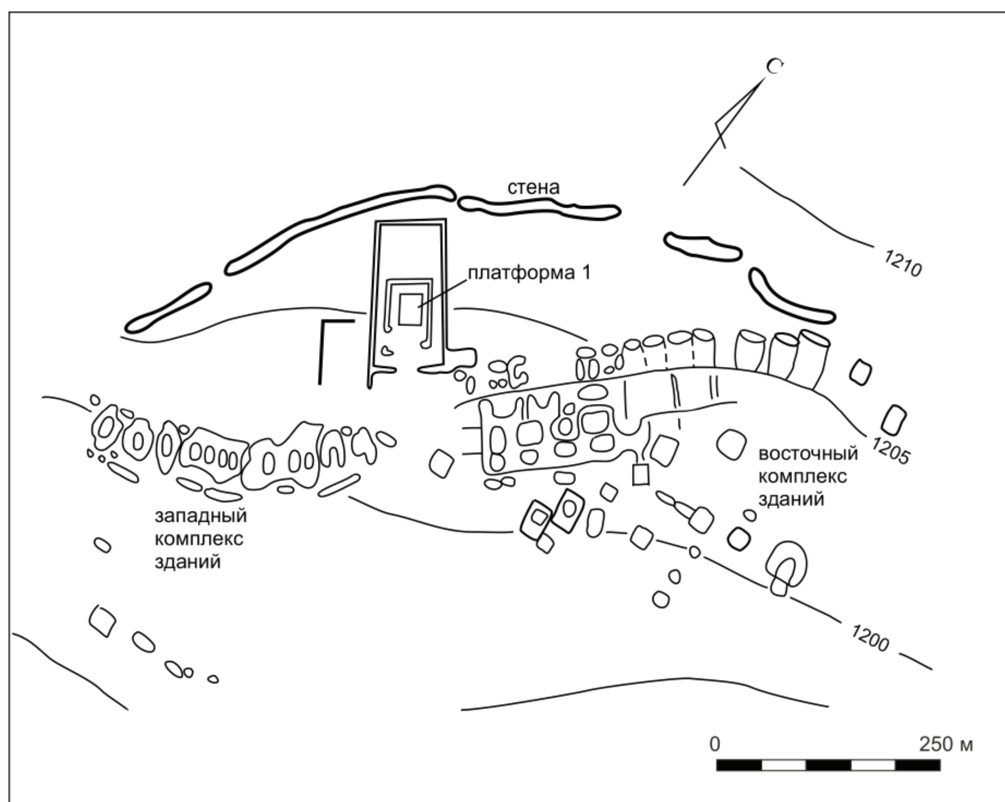

Рис. 3. Городище Аварга (Аврага).
Fig. 3. Avarga (Avraga) city.

их (Рашид-ад-Дин, 1952, с. 231–232). После их приезда он провел закрытое совещание, на котором были решены вопросы престолонаследия. Из данного текста получается, что Есунке был фактическим соучастником очень важных событий, когда решалась судьба политии – кто будет следующим правителем самой могущественной империи в мире того времени.

Согласно "Джама т-Таварих": "Есунгу был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду… Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма почитали и считались с ним. Согласно обычаю, он ведал войсками и племенем отца и своих старших и младших родичей. В то время, когда между Кубилай-кааном и Ариг-Бука случилась распря, Есунгу был у Кубилай-каана и принадлежал к числу его войска, как это будет обстоятельно изложено в летописи о Кубилай-каане. Говорят, что когда Кубилай-каан в семидесятипятилетнем возрасте прибыл на курилтай, [у него] еще ни один волос не поседел" (Рашид ад Дин, 1952, с. 52).

Иными словами, Есунке имел в Юаньской империи очень высокий статус, сопоставимый с наследными принцами. Его резиденция являлась настоящим городом, который имел, по всей видимости, широкий круг разнообразных функций – являлся административным центром, здесь проживали ремесленники и земледельцы, обслуживавшие потребности хана, его приближенных, а также степных кочевников.

Типологически с Хирхиринским городищем сопоставимы еще два города, находившиеся в метрополии Монгольской кочевой империи – городище Аварга (Аврага) и Хархулхан-балгас[1]. Первый памятник находится в месте изгиба Керулена на его левом берегу примерно в 10 км к югу от населенного пункта Дэлгэрхаан и на правом берегу небольшой одноименной речушки Аварга. В этом месте к северу от реки расположены около тридцати подквадратных насыпей, вытянутых в линию с запада на восток примерно на 1200 м. Возможно, это следы фундаментов жилых усадеб, ремесленных мастерских и иных сооружений над которыми возвышались юртообразные конструкции (рис. 3). Примерно по центру расположено главное сооружение – так называемая "платформа № 1". Платформа прямоугольной формы (11,1×

Рис. 4. Городище Хархулхан-балгас. План С.В.Данилова.
Fig. 4. Khar Khul Khaany Balgas city. Plan by S.V. Danilov.

7,9 м.). Она защищена двумя глиняными валами прямоугольной формы, с юга - вход. С севера все поселение отгорожено еле прослеживающимся дугообразным валом. Едва ли этот вал имел фортификационные функции.

Памятник, начиная с 2001 г. раскапывается японскими археологами (Shiraishi, 2005; 2006 etc.). Радиоуглеродные датировки их шурфов и траншей внутри платформы и рядом с ней показывают широкий разброс дат между серединой XIII и XV столетиями (Shiraishi, 2005, p. 13). Среди находок – большое количество костей лошадей, овец, коз, керамика, обломки чугунных котлов, втулки ступиц колеса, железные гвозди, пробои, костяные накладки на лук, бронзовые монеты и украшения, осколки фарфоровых изделий (некоторые фрагменты датируются серединой XV в.) и т.д. (Shiraishi, 2005, p. 77-88).

На памятнике выделено несколько культурных горизонтов. Первый, самый нижний, связывается с началом XIII в. В это время здесь была построена квадратная платформа со сторонами 17.6 м. – ханская юрта Чингис-

хана, по мнению Н.Шираиси. Горизонт 2а – восстановленный Угэдеем в 1229 г. дворец. Горизонт 2б – снова восстановленное на этом же месте примерно в середине XIII в. здание, которое являлось хранилищем алтаря духа Чингис-хана. Горизонт 3 – стерильная прослойка четвертой четверти XIII в. Четвертый, последний горизонт авторы относят к самому концу того же столетия и связывают с сооружением в этом же месте святилища, в память о монгольских хаганах.

Н. Шираиси связывает данный памятник со ставкой Чингис-хана, которая называлась *Аурух*. Он основывается на сообщение Чан-Чуня, согласно которому ставка располагается примерно в пяти днях пути на юго-запад от оз. Далайнор (Shiraishi, 2005, p. 11–13). Это предположение разделяется не всеми. И. Рахевилц (Rachewiltz, 2004, p. 499, 940) считал *Аурух*, собирательным названием ставки. По его мнению, этимология слова происходит из тюркского и обозначает нечто подобное "складу тяжелых вещей" или "лагерь". Он так и переводил этот термин на английский язык - *base camp* (основной лагерь). Из письменных источников следует, что *Аурух* не мог находится в одном месте (Козин, 1941 с. 173 § 233, 182 § 253). Ставка перекочевывала вместе с ее предводителем в зависимости от природно-климатических ритмов, политических и военных обстоятельств. На месте изучаемого японскими коллегами памятника могла быть, например, зимняя стоянка. С течением времени здесь мог сформироваться стационарный лагерь проживания какой-либо большой группы (например, обедневшие скотоводы и ремесленники).

Второй памятник, городище Хархулхан-балгас, находится в центральной части Монголии, в Архангайском аймаке в 180 км к северо-западу от Каракорума и примерно в 400 км от столицы современной Монголии – Улан-Батора. Впервые памятник был описан Г.Н. Потаниным как Улан-балгас и позднее его капитальный план был снят знаменитой экспедицией В.В.Радлова (1893, табл. 61). Поскольку здесь были возведены стены и существовала ставка локального предводителя в XVI-XVII вв., первоначально было принято считать, что памятник относится к позднему средневековью. Только в конце прошлого века японские археологи установили, что он относится ко времени Монгольской империи (Shiraishi 2001, p. 193). В 2011 г. памятник был обследован С.В.Даниловым в процессе его работы над Атласом городов Центральной Азии (Данилов и др., 2011). Наиболее тщательное обследование и тестирование памятника было сделано немецко-монгольской экспедицией (Reichert et al., 2022).

Город можно разделить на три части (рис. 3). При этом, нужно отметить, что стены и улицы ориентированы не по сторонам света, а примерно по линии СЗ – ЮВ. Первая часть, это крепость подквадратной формы на юго-востоке. Именно здесь расположены каменные стены более позднего времени. Размеры валов: северного – 302 м, южного – 314 м, западного – 332 м, восточного 314 м. В центре каждого вала ворота с двумя выступающими наружу башнями. От центра в направлении к северному валу – конструкция из трех зданий (дворец) на платформах, соединенными переходами. В чем-то он схож с Кондуйским дворцом. От платформы в сторону южных ворот проложена специальная дорожка. В юго-западном и северо-западном углах есть дополнительные здания.

Вторая часть – это находится еще несколько обвалованных участков со строениями внутри, расположенных к северу (ССВ) от крепости. Еще одна такая же обвалованная конструкция находится к юго-западу от крепости.

Наконец, третья часть, это собственно город, который расположен к северо-востоку от крепости. Он состоит из отдельных обвалованных участков (усадеб) со строениями (зданиями) внутри. Имеются две длинные улицы, разделяющие усадьбы в меридиональном направлении и две широтные улицы. Улицы делят городское пространство на 9 кварталов разных размеров.

Самым примечательным является северо-западный квартал, где внутри обвалованного участка расположен, вероятно, храм с 10 окружавшими его павильонами. Нужно заменить, что такая планировка очень похожа на планировку Кондуйского дворца. В юго-западном углу есть еще один павильон, который выбивается из общего плана. Скорее всего, он был построен позднее. С востока к храму примыкает еще один обвалованный участок меньшего размера, где находился, возможно, еще один храм и 4 павильона, расположенные с каждой из сторон света.

Рис. 5. Хирхиринское городище. Ханский дворец, улица и усадьбы с севера.
Fig. 5. Khirkhira city. Palace of khan, street and homesteads from the North.

На памятнике найдены чугунная наковальня, металлургические шлаки, фрагменты плуга. Керамики очень мало (всего 10 фрагментов). Все полученные даты относятся к XIII-XIV вв. (Reichert, et al., 2022, p. 406). Приблизительно в 2 км на север были найдены более десять печей для обжига классической формы для этого времени (в форме «копыта»). Здесь собрана большая коллекция строительной керамики. На кирпичах были обнаружены тамги различной формы (Reichert, et al., 2022).

Если сравнить все три города между собой, то налицо некоторые общие черты планировки, которые характерны для монгольской архитектуры этого времени. Первая общая черта, это отсутствие крупных оборонительных сооружений. Отсюда можно сделать вывод, что все эти города были построены в период расцвета Монгольской империи, когда монголы никого не боялись и не возводили вокруг городов стены. Вторая общая черта – это расположение дворцового комплекса в южной части города с обязательным открытым, незастроенным пространством к югу юг (монг. *хурээ*). Третья обязательная характеристика, это строительство усадеб элиты, жилищ простых жителей в направлении слева (восток), справа (запад) и сзади (север) от места расположения дворца и крепости (рис. 5). Наконец, элита проживала в городах, скорее всего, только часть времени. В этот период рядом со стационарными жилищами разбивались переносные палатки и юрты. В остальные сезоны в городах проживали ремесленники, земледельцы, обслуживающий персонал, возможно, бедняки. Еще одна типичная черта монгольских городов указанного времени – это наличие усадебных комплексов. Интересно, что усадьбы крылись соломой или камышом. При раскопках усадеб на Хирхиринском городище не было зафиксировано черепицы. Схожая ситуация была зафиксирована в Каракоруме – столице Монгольской империи. Только дворцовые здания и храмы были покрыты черепичной крышей.

Есть определенное сходство в планиграфии столиц и городов Монгольской империи. Если согласиться с мнением немецких коллег, что дворец Угедей-хаана в Каракоруме находился на месте современного монастыря Эрдэни-дзуу (Hüttel 2009), а объект раскопанный С.В. Киселевым (Древнемонгольские города, 1965), являлся храмом, то вырисовывается аналогичная Хирхиринскому городищу и Аварге система организации пространства с концентрацией значимых строений на юге. Дворец в Каракоруме, окруженный стеной квадратной формы, находится в южной части города. Пространство к югу от него открыто. Город окружен невысо-

ким подквадратным валом, который едва ли мог выполнять защитные функции. Столицу пересекают две улицы, одна в широтном направлении, другая в мередианальном. Они пересекаются в центре и разбивают город на четыре условные части. Две другие столицы – Шанду и Даду, построенные китайскими архитекторами при Хубилае, выполнены в синкретичной планировочной структуре, которая базируется на принципах китайской геомантии, однако включает некоторые черты организации пространства характерные для кочевников, где юг также занимает значимое место.

Примечание:

[1] На монгольском языке название данного памятника пишется четырьмя отдельными словами – *Хар хул хааны балгас*. Однако по причине неудобства склонения этого названия на русском языке была принята более удобная форма для русского языка. *Балгас* с монгольского языка переводится как крепость.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 3–18.

Банзаров Д. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-Хана // Записки императорского археологического общества. СПб., 1851. Т. III. С. 268–292.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии», 2011 г.) // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3 / Отв. ред. М.М. Содномпилова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. С. 97-119.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 371 с.

Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.

Киселев С.В. Древние города Забайкалья // СА. 1958. № 4. С. 107–119.

Киселев С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА. 1961. № 4. С. 103–127.

Клюкин И.А. Древнейшая монгольская надпись на Хорхираском («Чингисхановом») камне: К разбору древнейших памятников // Труды Государственного Дальневосточного университета. 1927. Сер. VI. № 5. С. 168–212.

Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.

Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д., Харинский А.В. Раскопки Хирхиринского городища в Юго-Восточном Забайкалье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 107-130.

Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Харинский А.В. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 17-43.

Крадин Н.Н., Бессонова Е.А., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В. 2014. Результаты геофизических исследований усадьбы Алестуй в Забайкалье // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 25-33.

Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Материалы III Междунар. научн. конф. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 381–387.

Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. 1957. № 3. С. 43-53.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундан ууийн хот суурины товчоон [Краткий очерк древних и средневековых городов и поселений на территории Монголии]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1961. 158 с. (монг. яз.).

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Вып. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. 8 с. 82 табл.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Перевод с персидского О.И. Смирновой. Примечания Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой, ред. проф. А.А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.

Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII−XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // РА. 2014. № 2. С. 62–75.

Харинский А.В., Рыкун М.П., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольский могильник середины XIII — начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 69–106.

Hüttel H.G. Royal Palace or Buddhist Temple? On Search for the Karakorum // Current Archaeological Research in Mongolia, Bonn, 2009. P. 535-548.

Murayama S. Über die Inschrift auf dem "Stein des Čingis" // Oriens. 1950. Vol. 3, № 1. P. 108–112.

Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Translated with a historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Vol. 1-2. Leiden and Boston: Brill, 2004. 1347 p.

Reichert S. Erdene-Ochir N., Linzen S., Munkhbayar L., Bemmann J. Overlooked—Enigmatic—Underrated: The City Khar Khul Khaany Balgas in the Heartland of the Mongol World Empire // Journal of Field Archaeology. 2022. Vol. 47, No 6. P. 397-420.

Shiraishi N. Chingisu-kan no Kōkogaku [Archaeology of Chinggis Khan]. Tōkyō: Dōseisha, 2001. 236 p.

Shiraishi N. 2005. Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site // The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Genghis Khan in Mongolia 2001–2004. Niigata: Niigata University. P. 7-14.

Shiraishi N. Avraga Site: The 'Great Ordu' Of Genghis Khan // Beyond the Legacy of Genghis Khan. Leiden and Boston: Brill, 2006. P. 83–93.

Srba O. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilaγun-u bičig) // Linguistica Brunensia. 2012. Vol. 60, № 1–2. P. 171–182.

Steinhardt N. Michigan Imperial Architecture along the Mongolian Road to Dadu // Ars Orientalis. 1988. Vol. 18 (1988). P. 59–93.

Steinhardt N. Yuan: Chinese Architecture in a Mongol Empire. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2024. 322 p.

Информация об авторе:

Крадин Николай Николаевич, академик РАН, доктор исторических наук, директор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); kradin@ihaefe.ru

REFERENCES

Artem'ev, A. R. 2005. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 2, 3–18 (In Russian).

Banzarov, D. 1851. In *Zapiski Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society)* (3). Saint-Petersburg: "Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag tipografi", 268–292 (in Russian).

Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshhestvakh Tsentral'noy Azii (Cities in the Nomadic Societies of Central Asia).* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Danilov, S. V., Imenokhoev, N. V., Nanzatov, B. Z., Simukhin, A. I., Ochir, A., Erdenebold, L. 2011. In Sondnompilova, M. M. (ed.). *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noy Azii (Cultural heritage of peoples of Central Asia)* 3. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 48–53 (in Russian).

Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Cities)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kiselev, S. V. 1958. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)* (2), 91–101 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1958. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)* (4), 107–119 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1961. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)* (4), 103–127 (in Russian).

Klyukin, I. A. 1927. *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta (Proceedings of the State Far Eastern University)* VI (5), 168-212 (in Russian).

Kozin, S. A. 1941. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaia khronika 1240 g. T. I. Vvedenie v izuchenie pamiatnika, perevod, teksty, glossarii (Arcane Narrrative. Mongolian Chronicle of 1240. Introduction to the Study of the Monument, Translation, Texts, and Glossaries)* I. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D., Kharinsky, A. V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan; Chisinau: “Stratum Plus” Publ., 107-130 (in Russian).

Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Kharinsky, A. V. 2016. In *Stratum Plus* (6), 17-43 (in Russian).

Kradin, N. N., Bessonova, E. A., Sarantseva, S. E., Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V. 2014. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i Dal'nem Vostoke (Humanities Research in the Russian Far East)* (4), 25-33 (in Russian).

Kradin, N. N., Sarantseva, S. E., Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V. 2012. In *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)* 3 (2). Ulaanbaatar: State University of Mongolia, 125–131 (in Russian).

Perlee, Kh. 1957. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)* (3), 45–53 (in Russian).

Perlee, Kh. 1961. *Mongol ard ulsyn ert, dundad uenin khot suuriny tovchoon (Brief sketch of ancient and medieval cities and settlements in Mongolia).* Ulaanbaatar: State Press Affairs Committee (in Mongolian).

Radloff, W. 1892. *Atlas drevnostey Mongolii (Atlas of the ancient monuments of Mongolia).* Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

In Semenov, A. A. (ed.). 1952. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kharinsky, A. V., Nomokonova, T. Yu., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 62–75 (in Russian).

Kharinsky, A. V., Rykun, M. P., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan; Chisinau: “Stratum Plus” Publ., 69-106 (in Russian).

Hüttel, H.G. 2009. In *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn, 535-548.

Murayama, S. 1950. In *Oriens*. 3 (1), 108–112.

Rachewiltz, I. de. 2004. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Translated with a historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Vol. 1-2. Leiden and Boston: Brill.

Reichert, S. Erdene-Ochir, N., Linzen, S., Munkhbayar, L., Bemmann, J. 2022. In *Journal of Field Archaeology*, Vol. 47, No 6, 397-420.

Shiraishi, N. 2001. *Chingisu-kan no Kōkogaku* [Archaeology of Chinggis Khan]. Tōkyō: Dōseisha (in Japanese).

Shiraishi, N. 2005. In *The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Genghis Khan in Mongolia 2001–2004*. Niigata: Niigata University, 7-14.

Shiraishi, N. 2006. In *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden and Boston: Brill, 83-93.

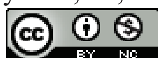
Srba O. 2012. In *Linguistica Brunensia*, Vol. 60, No 1–2, 171–182.

Steinhardt N. 1988. In *Ars Orientalis*, Vol. 18, 59-93.

Steinhardt N. *Yuan: Chinese Architecture in a Mongol Empire. Princeton and Oxford*: Princeton University Press, 2024.

About the Author:

Kradin Nikolay N. Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 89 Pushkinskaya str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; kradin@ihaefe.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

Средняя Азия

УДК 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.328.339

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МАВЗОЛЕЕВ В УРОЧИЩЕ КОПТАМ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

© 2024 г. А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский, Р.Ж. Жанузак

Целью статьи является публикация материалов археологических раскопок ранее неизвестных средневековых мавзолеев в Актюбинской области Западного Казахстана. Мавзолеи исследованы у поселка Таскопа в местности Коптам. Первый мавзолей – квадратный в плане, сооружен из обожжённого и сырцового кирпича. С фасадной стороны имеет портал. Внешние размеры сооружения: длина 7,8 м, ширина – 6,9 м. Толщина стен составляет 1,3-1,5 м. Внутри исследованы три погребения. Над каждым погребением сооружено кирпичное надгробие-мастаба. Погребение 1 – коллективное: два взрослых человека и ребенок. Погребения 2 и 3 – индивидуальные. Все погребенные лежат вытянуто на спине, головой на запад с отклонением к северу. Погребальный инвентарь отсутствует. Второй мавзолей небольших размеров и сильно разрешен. Длина составляет 8,0 м, ширина – 7,0 м, толщина стен – не больше 0,7м. Содержит погребение взрослого человека без вещей. Особенности архитектуры и погребального обряда позволяют датировать эти мавзолеи XIV в. Каноничность архитектуры и погребального обряда говорят о том, что данные мавзолеи сооружены городским мусульманским населением, возможно, переселенцами из Хорезма.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, Золотая Орда, кирпичный мавзолей, погребальный обряд.

STUDIES OF MEDIEVAL MAUSOLEUMS IN THE KOPTAM TERRAIN IN WESTERN KAZAKHSTAN

A.A. Bisembayev, A.I. Khavanskiy, R.Zh. Zhanuzak

The purpose of the article is to publish materials from archaeological excavations of previously unknown medieval mausoleums in the Aktobe region of Western Kazakhstan. The mausoleums were explored near the village of Taskopa in the Koptam area. The first mausoleum is square in plan, built of burned and mud bricks. There is a portal on the front side. External dimensions of the structure: length – 7.8 m, width – 6.9 m. Wall thickness is 1.3-1.5 m. Three burials were examined inside. A brick mastaba gravestone was built over each burial. Burial 1 is collective: two adults and a child. Burials 2 and 3 are individual. All the buried lie stretched out on their backs, with their heads to the west and a deviation to the north. There are no grave goods. The second mausoleum is small in size and heavily ruined. Length – 8.0 m, width – 7.0 m, wall thickness no more than 0.7 m. It contains the burial of an adult without goods. Features of architecture and funeral rites allow us to date these mausoleums to the 14th century. The canonicity of the architecture and funeral rites suggests that these mausoleums were built by the urban Muslim population, possibly by settlers from Khwarazm.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Golden Horde, brick mausoleum, burial rite.

Введение. Кирпичные мавзолеи – редкий, но специфический тип погребальных памятников эпохи Золотой Орды. Мавзолеи принадлежали социальной и политической элите средневекового общества. Поэтому оперативная публикация исследований ранее неизвестных мавзолеев имеет большое значение. Цель данной работы – введение в научный оборот мавзолеев, которые были изучены Актюбинской археологической экспедицией Института археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана АН РК в Западном Казахстане.

Основная часть

Комплекс Коптам 1, сооружение 1

Находится в Темирском районе Республики Казахстан в 6,19 км к западу от поселка Таскопа (рис. 1).

Состоит из нескольких десятков развалин кирпичных сооружений (часть из них имеет «курганный» вид), кулпытасов, а также могил

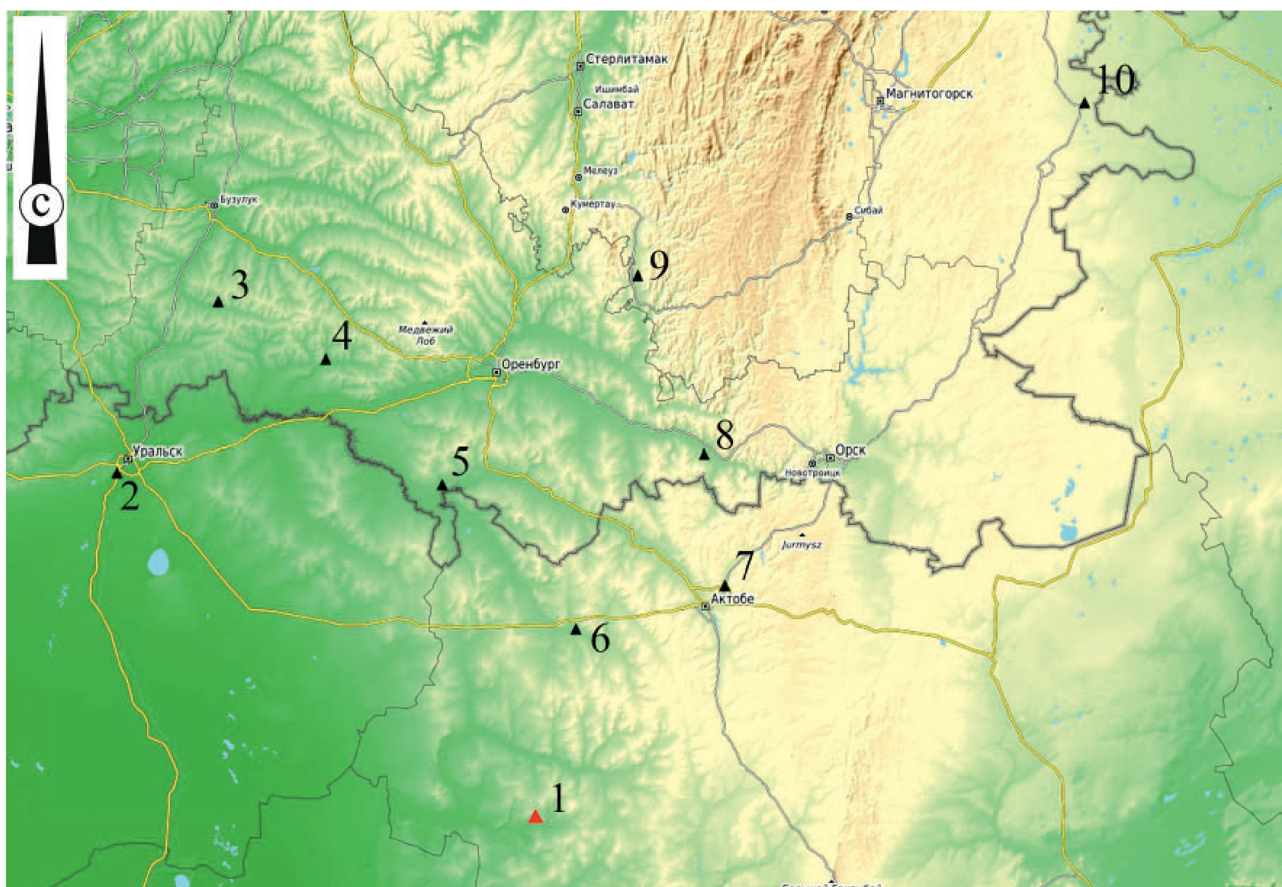

Рис. 1. Кирпичные мавзолеи Южного Приуралья и Западного Казахстана. 1 – Коптам 1 и Коптам 2; 2 – Уральск; 3- Тептяри; 4 – Мустаево V; 5 – Изобильное; 6 – Абат-Байтак; 7 – Жаксы-Каргал; 8 – Жангыз-Агаш; 9 – Бэндибике; 10 – Варна (Кесене).

Fig. 1. Brick mausoleums of the Southern Urals and Western Kazakhstan. 1 – Koptam 1 and Koptam 2; 2 – Uralsk; 3 – Teptyari; 4 – Mustaevo V; 5 – Izobilnoye; 6 – Abat-Baytak; 7 – Zhaksy-Kargala; 8- Zhangyz-Agash; 9 – Bandibike; 10 – Varna (Kesene).

этнографического времени. Подавляющая часть погребальных комплексов сосредоточена на правом берегу сая Коптамсай, по которому протекает сезонный водоток – правый приток р. Ащиуил. В 1,5 км к северо-западу от основной массы всхолмлений находится ферма Батырханова. Поле, на котором расположены всхолмления, пересекают старица и искусственные каналы (рис. 2).

Сооружение 1

Расположено в 200 м к юго-востоку от основного скопления всхолмлений, в отличие от них – на левом берегу Коптамсай. К моменту исследования сооружение 1 представляло собой слабо задернованный округлый холм высотой 0,8 м и диаметром 15 м.

На всхолмлении был заложен раскоп длиной 14 м и шириной 10 м, ориентированный по линии север – юг. После снятия дерна и поддернового слоя по всей площади раскопа были выявлены мощные развалы кирпича. После расчистки этих развалов было выявлено квадратное кирпичное сооружение, окруженное развалами его стен. Наиболее значительные развалы (фактически полностью упавшие стены) зафиксированы с северо-западной и северо-восточной сторон сооружения.

После расчистки завалов стен сооружения были выявлены следующие конструктивные особенности.

Сооружение представляет собой подквадратный в плане мавзолей, сооруженный из обожжённого и сырцового (саманного) кирпича. Внешние размеры сооружения: длина 7,8 м, ширина 6,9 м. Поскольку внешняя кирпичная кладка практически везде обвалилась, то внешние размеры могут быть установлены приблизительно. Внутренние размеры сооружения: длина 4,9 м, ширина 4,3 м. Толщина северо-западной, северо-восточной и юго-

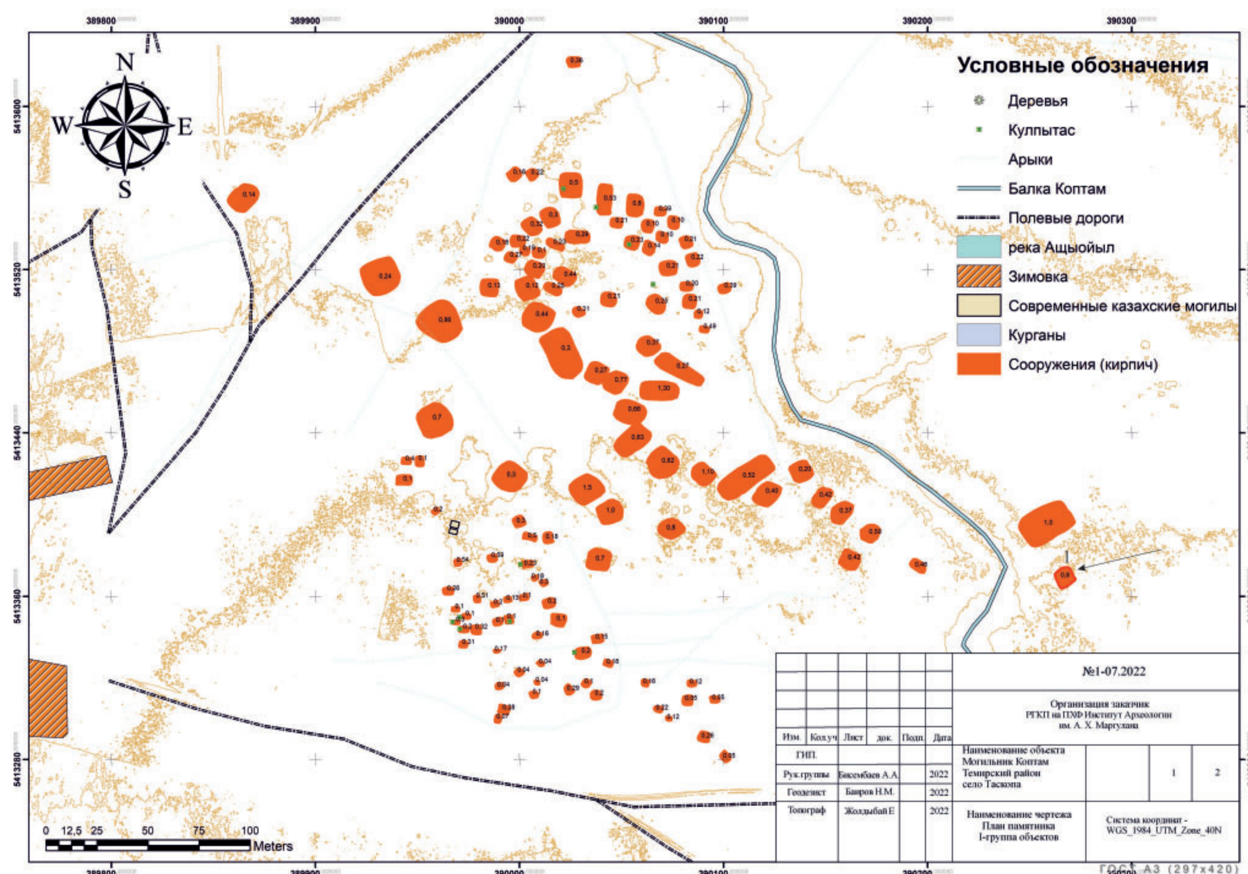

Рис. 2. Топографический план комплекса Коптам 1.
Fig. 2. Topographic plan of the Koptam 1 complex.

восточной стен составляет 1,3 м, а юго-западной (портальной) – 1,5 м за счет дополнительного ряда кирпичной кладки, которая образует портал (рис. 3).

Обожженный кирпич вторичный (имеются сколы, образовавшиеся до закладки кирпича). Выявлено три размерных типа кирпичей: тип 1 – 24×24×5 см, тип 2 – 23×14×5,5 см, тип 3 – 22×11×5,5 см. Для статистического распределения кирпичей по типам было собрано 146 целых кирпичей. Из них к типу 1 относилось 66% кирпичей, к типу 2 – 25% и 9% – к типу 3.

Среди развалов кирпичных стен найдены обожженные кирпичи с узорами, выполненными путем прочерчивания (рис. 4).

Конструкция всех стен однотипна: внешний и внутренний ряд кирпичной кладки образован обожженным кирпичом, между двумя рядами обожженного кирпича находится кладка из сырцового кирпича (рис. 5).

Пол мавзолея вымощен квадратным сырцовым кирпичом с размерами 40×40×10 см.

В северо-западной стене мавзолея находится пролом: произошел, вероятно, в результате разбора стен на строительный материал или в результате попытки ограбления, когда разрушенный мавзолей имел вид кургана (рис. 5; 6).

В мавзолее находилось три погребения (рис. 6).

Погребение 1 (рис. 6; 7)

Располагалось в центре мавзолея. Ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Длина 2,7 м, ширина 2,4 м, глубина от уровня пола мавзолея 1,1 м. Погребение совершено в кирпичном склепе. Основа склепа – подквадратная яма – вырыта в грунте. Затем верхняя часть в 3–4 ряда выложена в виде рамы обожженным кирпичом. Верхняя часть также заложена обожженным кирпичом.

В погребении находилось три костяка. Друг от друга погребенные отделены стенками из сырцовых кирпичей, из таких же сырцовых кирпичей сделаны перекрытия над каждым погребенным.

Погребенный 1. Находился у западной стенки. Взрослый. Покоился вытянуто на спине. Верхние конечности вытянуты вдоль

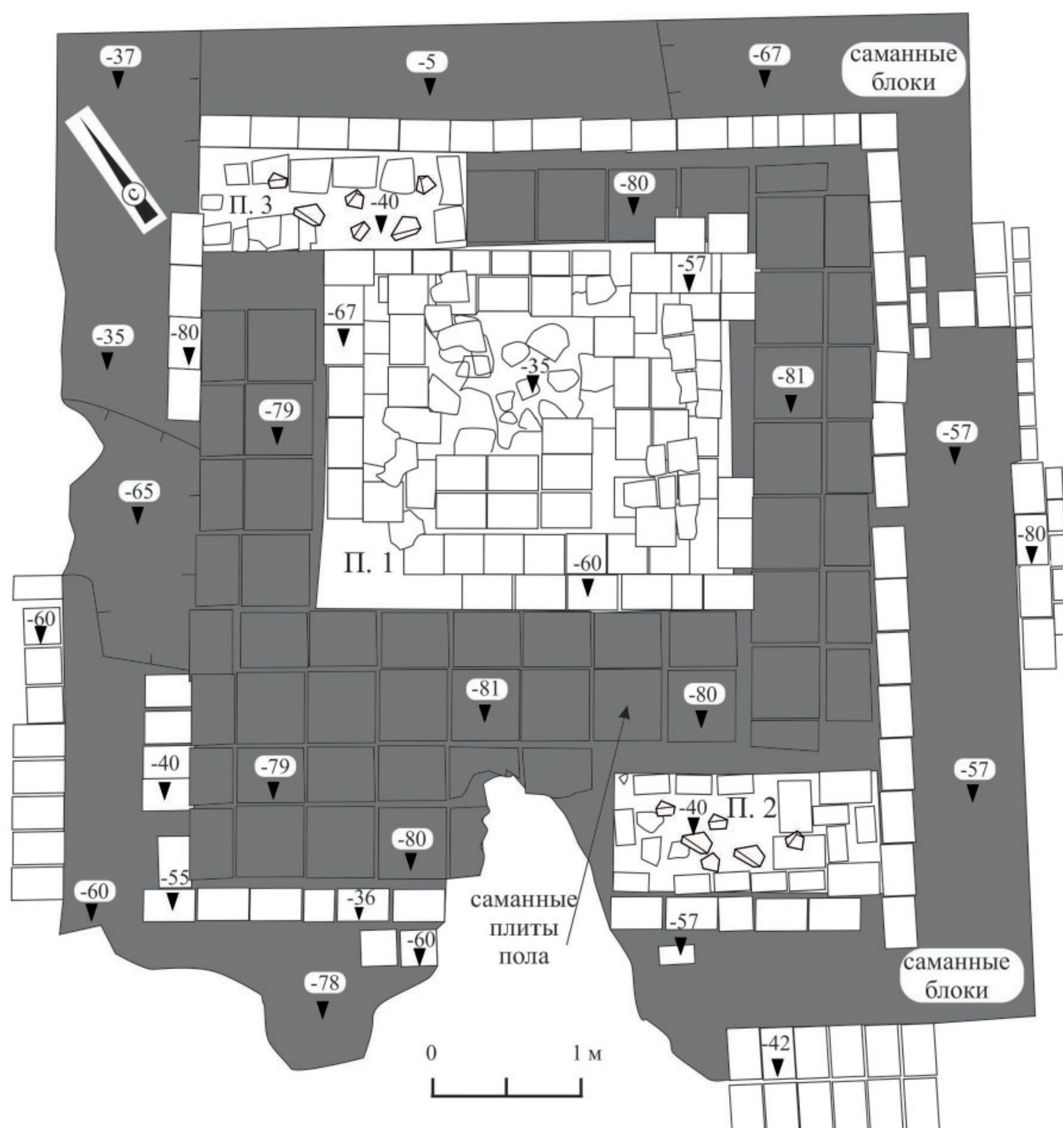

Рис. 3. План мавзолея Коптам 1 до вскрытия погребений.
Fig. 3. Plan of the Koptam 1 mausoleum before the opening of the burials.

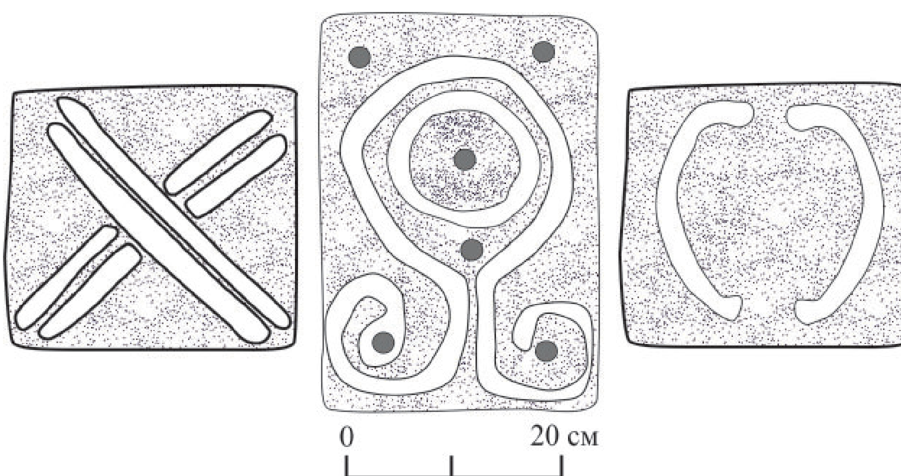

Рис. 4. Мавзолей Коптам 1. Кирпичи с узорами.
Fig. 4. Mausoleum of Koptam 1. Bricks with patterns.

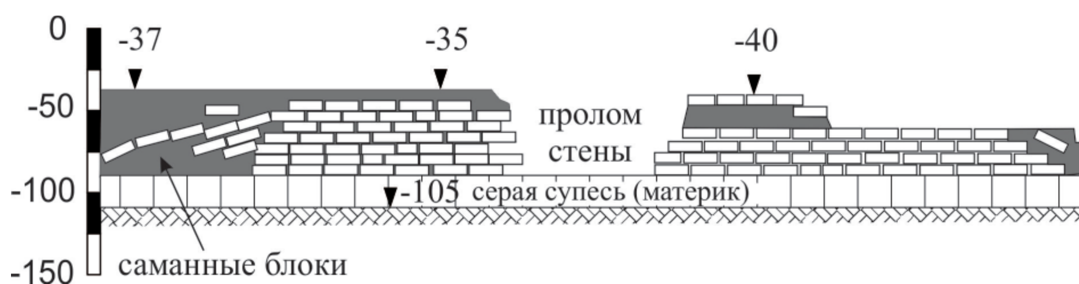

Рис. 5. Западный фас стены мавзолея Коптам 1.
Fig. 5. Western face of the wall of the Koptam 1 mausoleum.

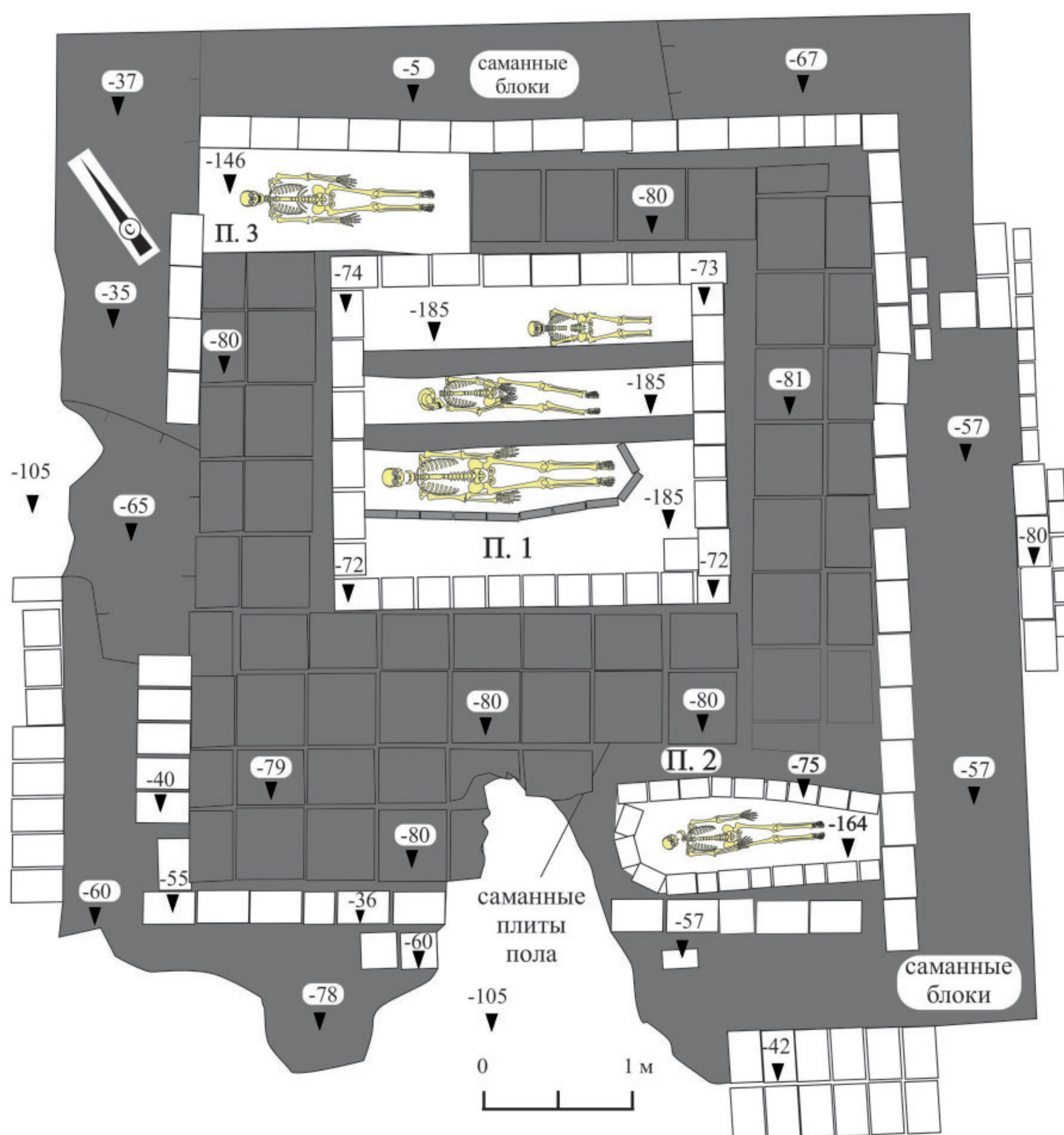

Рис. 6. План мавзолея Коптам 1 после вскрытия погребений.
Fig. 6. Plan of the Koptam 1 mausoleum after opening the burials.

тела. Ориентирован головой на северо-запад. Инвентарь отсутствует.

Погребенный 2. Находился в центре склепа. Покоился вытянуто на спине. Верхние конечности вытянуты вдоль тела, кисти рук покоились на тазе. Ориентирован головой на северо-запад. Голова повернута к югу. Инвентарь отсутствует.

Погребенный 3. Находился у восточной стенки склепа. Ребенок не старше 10 лет. Поко-

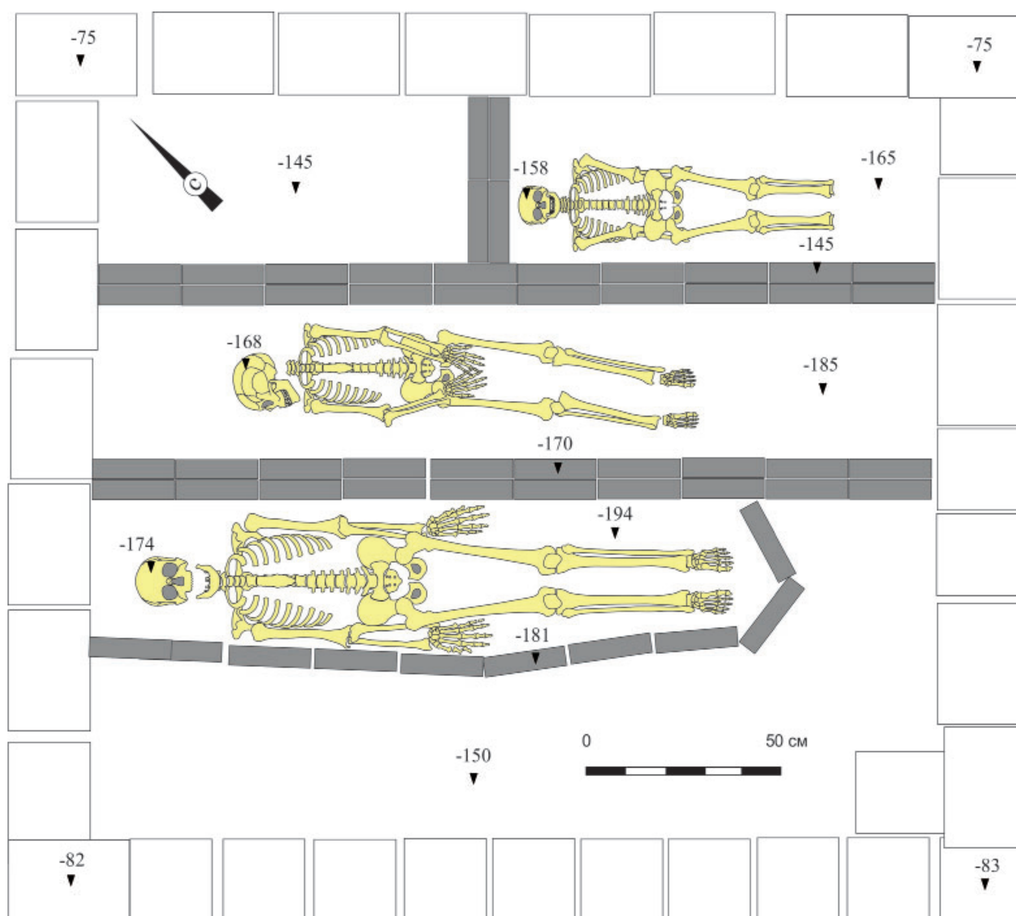

Рис. 7. Коптам 1. Погребение 1.
Fig. 7. Koptam 1. Burial 1.

ился вытянуто на спине. Верхние конечности вытянуты вдоль тела. Ориентирован головой на северо-запад. Инвентарь отсутствует.

Погребение 2 (рис. 8).

Находилось в южном углу мавзолея. Ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Длина 1,85 м, ширина 0,85 м, глубина от уровня пола мавзолея 0,85 м. Погребение совершено в склепе. Основа склепа – прямоугольная яма – вырыта в грунте. Затем все стенки ямы выложены обожженным кирпичом. Верхняя часть заложена также обожженным кирпичом. Верхняя часть погребальной конструкции имеет вид прямоугольного надгробия и сохранилась на высоту 0,4 м от уровня пола мавзолея.

Погребенный лежал по центру склепа. Костяк взрослого человека покоился вытянуто на спине. Верхние конечности вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки покоилась на тазовых костях. Ориентирован головой на северо-запад. Инвентарь отсутствует.

Погребение 3 (рис. 8)

Находилось в северном углу мавзолея. Ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Длина 1,75 м, ширина 0,65 м, глубина от уровня пола мавзолея 0,7 м. Погребение совершено в склепе. Основа склепа – прямоугольная яма – вырыта в грунте. Затем все стенки ямы выложены сырцовым кирпичом. Верхняя часть заложена обожженным кирпичом. Верхняя часть погребальной конструкции имеет вид прямоугольного надгробия и сохранилась на высоту 0,4 м от уровня пола мавзолея.

Погребенный лежал по центру склепа. Подросток. Покоился вытянуто на спине. Верхние конечности вытянуты вдоль тела. Ориентирован головой на северо-запад. У правой локтевой кости находился альчик животного.

Комплекс Коптам 2, сооружение 1

Находится в Темирском районе Республики Казахстан в 6,05 км к западу от поселка

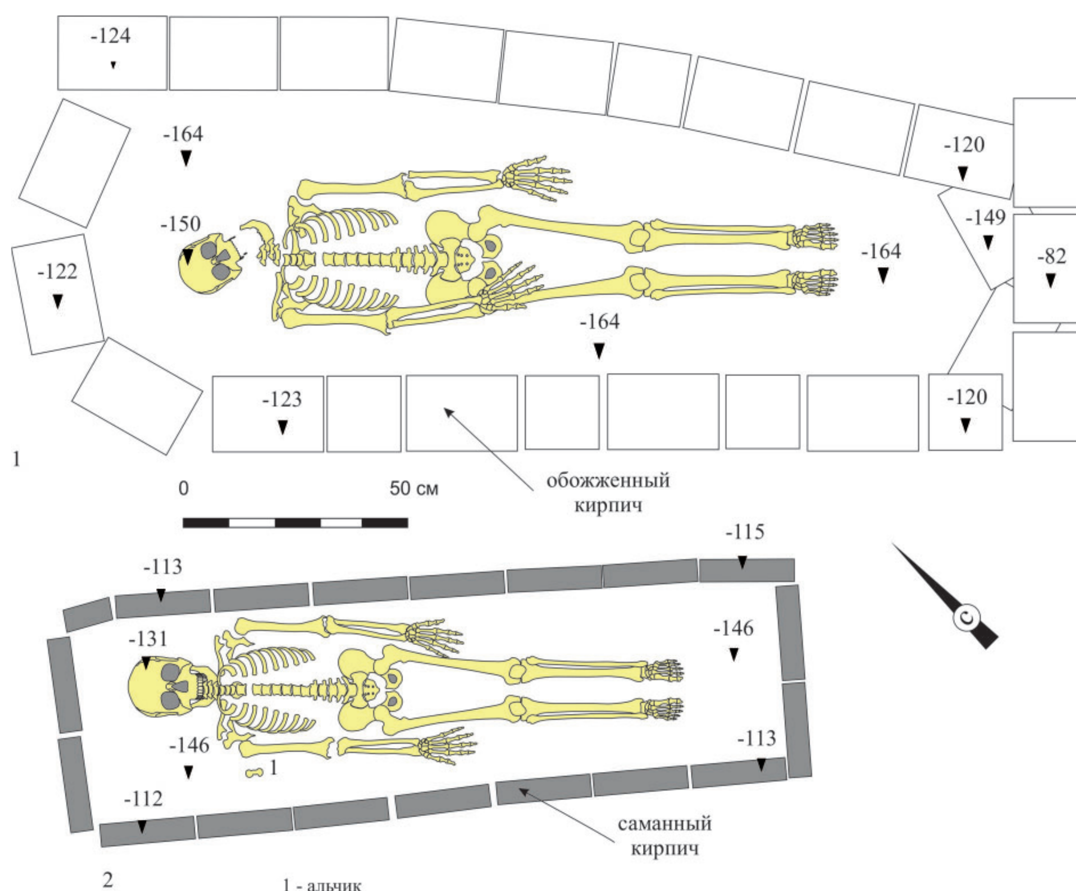

Рис. 8. Коптам 1. 1 – погребение 2, 2 – погребение 3.
Fig. 8. Koptam 1. 1 – burial 2, 2 – burial 3.

Таскопа и в 240 м к юго-востоку от комплекса Коптам 1.

Состоит из нескольких развалин кирпичных сооружений (часть из них имеет «курганный» вид). Комплекс находится на левом берегу сая Коптамсай, по которому протекает сезонный водоток – правый приток р. Ащиуил, между ответвлениями сая.

Сооружение 1 (рис. 9)

Расположено в 200 м к северу от берега Ащиуила. К моменту исследования сооружение 1 представляло собой слабо задернованный округлый холм высотой 0,3 м и диаметром 10–12 м.

На всхолмлении был заложен раскоп длиной 19 м и шириной 10 м, ориентированный по линии север – юг. После снятия дерна и поддернового слоя по всей площади раскопа были выявлены мощные развалы кирпича. После расчистки этих развалов было выявлено четырехугольное кирпичное сооружение, окруженное развалами его стен.

В отличие от сооружения 1 комплекса Каптам 1 данное сооружение сохранилось намного хуже. Фактически сохранилась только часть внутренней кладки стен на высоту 3–4 кирпича. Внешняя кладка разрушена полностью. Для того чтобы не разрушить остатки кладки, было принято решение не убирать внешние развалы стен, поскольку они поддерживали внутреннюю кладку.

После расчистки завалов стен сооружения были выявлены следующие конструктивные особенности.

Сооружение представляет собой прямоугольный в плане мавзолей, сооруженный из обожжённого и сырцового (саманного) кирпича. Внешние размеры сооружения устанавливаются только приблизительно: длина 8,0 м, ширина 7,0 м. Внутренние размеры сооружения: длина 6,5 м, ширина 5,3 м. Таким образом, толщина стен составляет около 0,7 м.

Конструкция всех стен однотипна: внешний и внутренний ряд кирпичной кладки образован обожженным кирпичом, между двумя рядами обожженного кирпича находится кладка из сырцового кирпича. При этом, в отличие от Коптам 1, здесь и во внешнем и

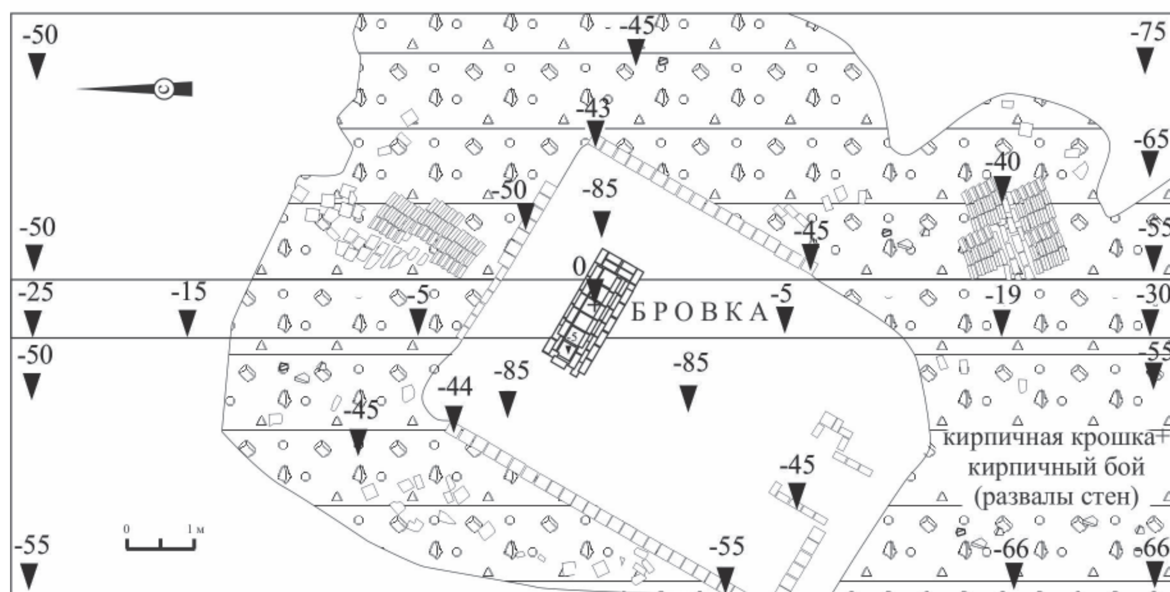

Рис. 9. План мавзолея Коптам 2.
Fig. 9. Plan of the Koptam 2 mausoleum.

внутреннем рядах кладки также используется сырцовый кирпич: один ряд кладки выполнен из обожжённого кирпича, второй – из сырцового, третий – из обожженного, и т. д.

Обожженный кирпич вторичный. В отличие от Коптама 1 здесь в основном используется только кирпич первого типа и в единичных случаях – третьего типа.

Пол мавзолея не имеет отмостки. Вместо этого он обмазан слоем коричневой глины толщиной 2–3 см.

В мавзолее находилось 1 погребение (рис. 10).

Располагалось в северной части мавзолея. Ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Надмогильная конструкция – мастаба имеет вид прямоугольной в плане и ступенчатой в разрезе пирамиды. Длина 2,3 м, ширина 1,2 м, высота от уровня пола 0,8 м.

Погребение совершено в кирпичном склепе. Основа склепа – подквадратная яма – вырыта в грунте. Затем верхняя часть в 3–4 ряда выложена в виде рамы обожженным кирпичом. Длина погребальной ямы 1,8 м, ширина 0,6 м, глубина от уровня пола мавзолея 1,2 м.

Погребенный: костяк взрослого человека покоился вытянуто на спине. Верхние конечности вытянуты вдоль тела. Кисть левой руки покоится на тазовых костях. Ориентирован головой на северо-запад. Череп повернут к югу. Инвентарь отсутствует.

Обсуждение результатов и выводы

Актюбинская область, оконтуренная с севера крупной магистральной рекой – Уралом, и рассеченная с юга на север самым крупным левобережным притоком, Илеком, в период Средневековья представляла собой хорошо освоенный район. Обширная территория между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, Устюртом на юге и долиной р. Урал с севера на юг имеет весь набор географических зон, указанных выше. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, лесостепь занимает северную часть рассматриваемого региона. Реликтовое урочище со сосредоточением лесных колков – Уркач (Оркаш) – уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори (Чибилев, 1987, с. 86–103).

На данной территории по берегам крупных рек, в восточных и западных отрогах Мугалжар сосредоточено большое количество археологических погребальных памятников средневековых кочевников, которые, наряду с синхронными поселениями и городищами, рудниками и культовыми объектами, образуют археологические микрорайоны, комплексное изучение которых позволит выйти на качественно новый уровень историко-культурных реконструкций.

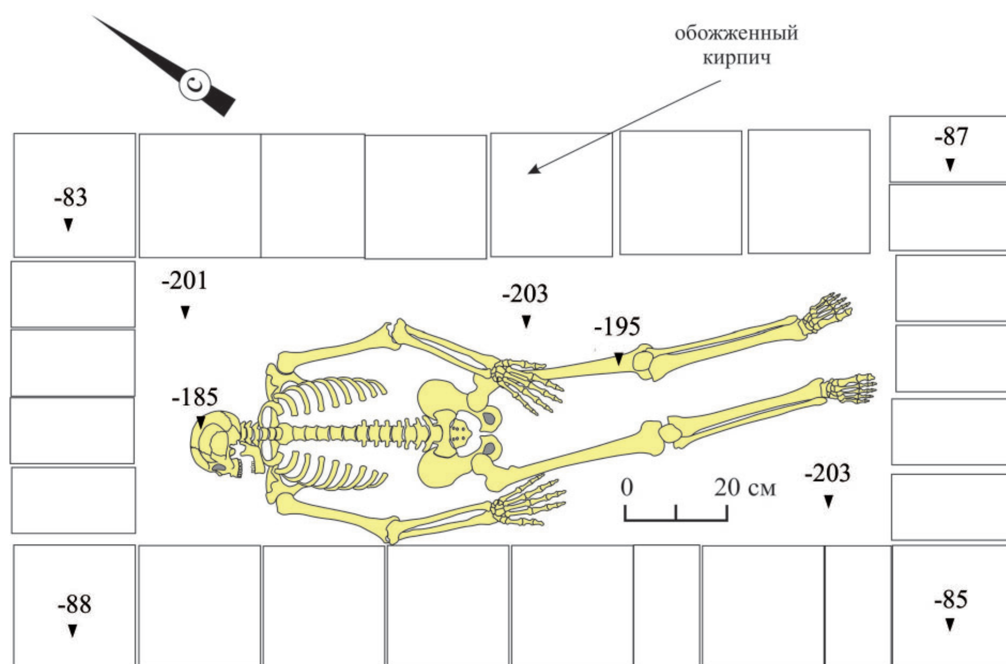

Рис. 10. Мавзолей Коптам 2. План погребения.
Fig. 10. Koptam 2 mausoleum. Burial plan.

Исследованные памятники локализуются в Уило-Кобдинском локальном микрорайоне, западном, охватывающем два административных района Актюбинской области, Кобдинский и Уилский, и северную часть Байганинского района. Река Большая Кобда течет в меридиональном направлении, Уил – по большей части в широтном, но в целом они представляют собой единый географический комплекс, что подтверждается данными этнографии – распространением некрополей одних и тех же казахских родов.

Археологические памятники периода Улуса Джучи, или Золотой Орды, XIII–XIV веков на территории Казахстана в количественном отношении превосходят памятники предыдущего периода, предмонгольского, кыпчакского, охватывающего середину XI – начало XIII вв. (Бисембаев, 2003, с. 121–169). Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности начинают отчетливо проступать результаты исламизации кочевого общества. Часть населения, особенно локализовавшаяся около городских центров, начинает хоронить своих покойников, максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря.

В исследованных мавзолеях захоронения не содержали инвентаря, поэтому их датировка возможна по особенностям архитектуры.

По всей вероятности, оба мавзолея представляли собой однокамерные квадратные портальные сооружения из обожжённого кирпича. Кирпич квадратной формы, длина стороны 24 см. Наиболее близкими по архитектуре можно назвать мавзолеи Абат-Байтак (Аджигалиев, 1983, с. 56–63) и Варненский мавзолей (Боталов, Маламуд, 2001, с. 162–167). Также определенную близость демонстрируют и Уральские мавзолеи (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2001, с. 168–184).

На сегодняшний день наиболее полно и обоснованно датировки кирпичных мавзолеев рассмотрены в работах Г.Н. Гарустовича (Гарустович, 2012; 2013). В итоге им было сделано заключение: «Время сооружения памятников культового мемориального зодчества Южного Урала и Западного Казахстана, возведенных из жженого кирпича, приходится на довольно узкий промежуток времени – XIV в.» (Гарустович, 2012, с. 130). Таким образом, и датировки Коптамских мавзолеев должны укладываться в XIV в.

Далее отметим несколько моментов.

Безынвентарность погребений. За исключением альчика в п. 2 мавзолея Коптам 1,

все погребения не содержат даже пуговиц от одежды. При этом в 71,4% мавзолеев Южного Урала и Западного Казахстана содержались те или иные вещи. А самые богатые наборы погребального инвентаря были найдены в мавзолеях, расположенных в северной части ареала их распространения (Мустаевский, Изобильненский, Тоцкие и Варненский) (Гарустович, 2014, с. 109). Это говорит о том, что погребенные в мавзолеях Коптама были мусульманами и, скорее всего, не в первом поколении. Поскольку довольно строго придерживались погребальных канонов ислама.

Значительное количество мавзолеев в могильнике. Было исследовано два мавзолея. Однако можно предполагать, что соседние «холмы» с обломками кирпича на дневной поверхности также содержат остатки мавзолеев. В таком случае мы имеем не менее 20 довольно крупных кирпичных мавзолеев, сконцентрированных в одном месте.

Мавзолеи – места захоронения элиты (Гарустович, 2014, с. 98). Большое количество кирпичных мавзолеев в одном месте говорит о том, что здесь похоронена элита не только кочевых коллективов, но и земледельцев. Тысячи стандартных золотоордынских кирпичей вряд ли могли произвести неспециалисты.

Эти факты позволяют сделать предположение, что в данной местности находится не только кладбище элиты XIV в. В ближайшей округе должно быть и поселение этого времени. Только элита золотоордынского поселения могла быть похоронена в десятках престижных мавзолеев. А изготовить кирпичи и возвести такие сложные архитектурные сооружения могло только большое количество строителей из данного поселения. Если отдельно стоящие мавзолеи, скорее всего, принадлежали кочевой элите, то группы мавзолеев типа Коптам надежно увязываются с расположенными рядом городищами (Бисембаев, Ахатов, 2016, с. 75). Соблюдение исламских канонов говорит о том, что пришедшие в Коптам люди были мусульманами не в первом поколении. Вкупе с владением развитой строительной техникой это свидетельствует о том, что они были переселенцами из каких-то крупных городских центров, возможно Хорезма (Гарустович, 2014, с. 98–99).

Таким образом, следует подчеркнуть, что крупные события в политической жизни кочевников степной полосы Евразии, получившие отражение в перестановках доминирующих племенных групп, приводили также к изменениям в этнокультурных процессах, что в свою очередь отразилось на археологическом материале. При всех изменениях общие тенденции погребальной обрядности поддаются реконструкции и позволяют прослеживать смену ритуальных моментов по хронологическим периодам. Территория Актюбинской области в период развитого и позднего Средневековья представляла собой один из политических центров кочевых объединений под эгидой Золотой Орды. Свидетельством тому являются крупные культовые архитектурные сооружения – мавзолеи Болгасын, Абат Байтак, Кызылтам (два последних – «двойники» мавзолея Кесене, в Челябинсой области РФ), для возведения которых должны были существовать необходимые условия: наличие оседлого населения, знакомого с архитектурными приемами и способного изготовить значительную массу обожженного кирпича, высокая концентрация людских ресурсов, значительные финансово-экономические возможности родовой группировки, возводившей подобные сооружения своему почитаемому сородичу, и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Аджигалиев С. Абат-Байтак – выдающийся комплекс памятников народного зодчества // Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1983. № 2. С. 56–63.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Некрополь Уральского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. № 1. С. 168–184.

Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск, 2003, 232 с.

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. Городища эпохи Золотой Орды на территории Западного Казахстана // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой

Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Ялта, Кишенёв: Stratum plus, 2016. С. 74–76.

Боталов С.Г., Маламуд Г.Я. Погребальный комплекс Кесене // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 162–167.

Гарустович Г.Н. Еще раз о датировках мусульманских кирпичных мавзолеев степной полосы Волго-Уральского региона // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 126–136.

Гарустович Г.Н. К вопросу хронологии кирпичных мавзолеев в степной полосе Южного Урала и Западного Казахстана // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2013. № 1 (63). С. 108–113.

Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 95–119.

Чибилев А.А. Река Урал. Л.: Гидрометеоиздат, 1987. 168 с.

Информация об авторах:

Бисембаев Арман Ауганович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи средневековья Института археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); abissembaev@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры СГН-1 «История» ФГБОУ ВО «МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (г. Москва, Россия); старший преподаватель кафедры «История и культурология» НИУ «Московский энергетический институт» (г. Москва, Россия); arkaim01@yandex.ru

Жанузак Рамазан Жаксыбайулы, младший научный сотрудник Лаборатории физической антропологии Института археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); rzhanuzak04@gmail.com

REFERENCES

Adzhigaliev, S. 1983. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriia filologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR.* Philological series*)* (2), 56–63 (in Russian).

Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2002. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 168–184 (in Russian).

Bisembaev A.A. 2003. *Arkheologicheskie pamiatniki kochevnikov Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.). (Archaeological monuments of the medieval nomads of Western Kazakhstan (8th-18th centuries).* Uralsk (in Russian).

Bisembaev, A. A., Akhatov, G. A. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde).* Kazan; Yalta; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 74–76 (in Russian).).

Botalov, S. G., Malamud, G. Ya. 2001. In Fedorov, V. K. (ed.) *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 3. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 162–167 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization) 5*. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 126–136 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2013. In *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoy akademii (Bulletin of the Eastern Economics and Law Humanities Academy)* 63 (1), 108–113 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (2), 95–119 (in Russian).

Chibilev, A. A.1987. *Reka Ural (The Ural River).* Leningrad: “Gidrometeoizdat” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bissembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Khavansky Aleksei I., Candidate of Historical Sciences, Bauman Moscow State Technical University. 2nd Baumanskaya str., 5, build. 1, Moscow, 105005, Russian Federation; National Research University "Moscow Power Engineering Institute". Krasnokazarmennaya 14, build. 1,Moscow, 111250, Russian Federation; arkaim01@yandex.ru

Zhanuzak Ramazan Zh., Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; rzhanuzak04@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.340.363

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР КАРАВАН-САРАЕВ ПЛАТО УСТЮРТ

©2024 г. М.Д. Калменов, А.Е. Бижанова, С.Б. Курманалин

Статья посвящена караван-сараям, расположенным на плато Устюрт. В период государства Улуг Улуса (Золотоя Орда) приоритетным караванным сообщением становится дорога через плато Устюрт, обустроенная грандиозными, хорошо укрепленными гостиными дворами – караван-сараями. Торговые караваны из Ургенча попадали в город Сарайчик на реке Жайык (Урал), и далее направлялись в столицу Золотой Орды, город Сарай-Бату на Волге. Укрепленные «гостиницы» – караван-сараи – были привязаны к колодцам или искусственно созданным хранилищам – водонакопителям сезонных осадков, располагавшимся на расстоянии одного или двух дней перехода каравана. Главная постройка в виде небольшой крепости служила гостиницей для купцов и состоятельных путешественников. Здесь имелись небольшие комнаты, кухня, столовая, возможно, баня, а также складские помещения для хранения перевозимых товаров. Караван-сараи выполняли и роль почтовых станций, где гонцы могли поменять лошадей. Небольшой военизированный отряд, расквартированный поблизости, был призван охранять и контролировать торговую трассу на этом участке. Вблизи караван-сараев возникали небольшие селения для обслуживающего караваны персонала – погонщиков, охранников, мигрирующего населения. На сегодня, на плато Устюрт известно 10 караван-сараев – Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук, Кусшы ата, Коптам (Белдеули) и у родника Коскудук (Есетбулак), также в направлении Каспийского моря расположены Уали и Маната. Караван-сараи вытянуты по прямой с юго-востока на северо-запад. Между крайними обследованными памятниками расстояние составляет около 270 км.

Ключевые слова: археологические памятники, средневековье, плато Устюрт, караван-сарай.

HISTORICAL AND TOPOGRAPHICAL REVIEW OF CARAVANSERAIS ON THE USTYURT PLATEAU

M.D. Kalmenov, A.E. Bizhanova, S.B. Kurmanalin

The paper deals with the caravanserais located on the Ustyurt plateau. During the period of the state of Ulug Ulus (Ulus of Jochi, Golden Horde), the priority caravan route became the road across the Ustyurt plateau, equipped with grandiose, well-fortified complex of buildings where travelers (caravaners) could have a rest – caravanserais. Trade caravans from Urgench reached the city of Saraichyq, situated on the Jajyk River (Ural), and then went on to the capital of the Golden Horde, the city of Sarai-Batu on the Volga. Fortified “hotels” – caravanserais – were tied to wells or artificially created storage facilities – water reservoirs for seasonal precipitation, located at a distance of one or two days of the caravan's journey. The main building, in the form of a small fortress, served as a hotel for merchants and wealthy travelers. There were small rooms, a kitchen, a dining room, possibly a bathhouse, as well as warehouses for keeping goods. Caravanserais also served as postal stations where messengers could change horses. A small military detachment stationed nearby was called upon to guard and control the trade route in this area. Near the caravanserais, small settlements arose for the personnel serving the caravans – drovers, guards and migrating population. To date, 10 caravanserais are identified on the Ustyurt plateau – Uchkuduk, Azhikeldi, Beleuli, Kosbulak and Churuk, Kusshy ata, Koptam (Beldeuli) and near the Koskuduk spring (Esetbulak), also in the direction of the Caspian Sea are Uali and Manata. The caravanserais are stretched in a straight line from southeast to northwest. The distance between the extreme examined sites is about 270 km.

Keywords: archaeological sites, Middle Ages, Ustyurt plateau, caravanserai.

Историческое развитие Западных регионов средневекового Казахстана в X-XIV вв. освещено в литературе очень неравномерно. Наименее исследованными оказались археологические памятники плато Устюрт. Если в предшествующее время памятники сопредельных регионов (Средняя Азия и Поволжье), как свидетельства письменных источников изучены и обобщены в исторических построениях сравнительно неплохо, то эпоха, наступившая после вхождения данного региона в состав Улуса Джучи (Золотой Орды),

с полным привлечением всего комплекса источников, прежде всего археологических, рассматривалась не полностью. Связано это с тем, что материальная культура плато во всех ее составляющих, в комплексе, никогда не анализировалась, некоторое исключение составляет только Юго-Восточная часть плато (Толстов, 1952, с. 538; Толстов, 1948а, с. 182; Толстов, 1958, с. 16; Толстов, 1948б, с. 320 с.; Толстов, 1962, С. 310 с; Ягодин, 1963, с. 207; Ягодин и др., 1973, с. 96–98.; Бижанов, 1967, с. 26 с.; Бижанов, 1965, с. 64–67.; Бижанов, 1966, с. 96–98.; Бижанов, Лоховиц, 1969, с. 59–61.; Бижанов, 1970, с. 56–60.; Древняя и средневековая культура…, 1978, с. 326 с.; Манылов, 1982, с. 125 с.; Манылов, Юсупов, 1982. с. 175–186.).

В настоящее время, количество известных только по разведкам и раскопкам памятников Устюрта составляет более несколько десятков. При этом ни один известный археологический памятник не рассматривался комплексно. В связи с этим, безусловно, необходимо учитывать недостаточную археологическую изученность региона. Но это не объясняет данный феномен, учитывая, что поселения этого интересуемого нас периода в небольшом количестве, но есть.

Плато Устюрт – регион, расположенный между Каспийским и Аральским морями, в связи со сложностью организации исследовательских работ и сложившихся представлений о бедности и малозначительности археологических памятников на нем, до недавнего времени оставалось археологически мало изученным. Территория Устюрта с древнейших времен была важнейшей контактной зоной народов и культур Центральной Азии. Особенности истории данной территории известны до сего момента лишь из скудных данных письменных источников, которые малоинформативно, но, позволяют реконструировать отдельные стороны экономики, культуры, социальной дифференциации и этническую историю в целом. Рассматривая эту сложную и дискуссионную тематику – о взаимосвязи населявших эту территорию народов, исследователи в основном опирались на письменные и лингвистические данные, не уделяя должного внимания археологическим источникам. Многочисленные археологические материалы до сих пор не введены в научный оборот, а они являются основным источником по воссозданию картины исторической действительности данной территории. В связи с накоплением новых археологических материалов, вновь поднимается вопрос о необходимости более тщательного сопоставления археологических памятников этого региона, находившихся в круговороте исторических событий. Анализ и интерпретация новых источников позволяют расширить наши представления о различных сферах жизнедеятельности средневековых народов, проживавших на данной территории. Большое значение для решения проблемы исследования памятников Устюрта в X-XIV вв. имеет изучение малоисследованных проблем взаимосвязей кочевых и оседлых народов. Достаточно высокая информативность археологического источника с одной стороны и совершенно недостаточная степень изученности проблемы – с другой, обусловливают актуальность избранной темы исследования.

Следует отметить, что необходимо максимальное расширение источниковой базы. Во-первых, за счет максимально полного использования всех археологических материалов. Во-вторых, за счет сравнительного анализа одновременных памятников всего средневекового Устюрта и сопредельных территорий. В-третьих, за счет привлечения всех существующих письменных свидетельств и других категорий источников (сфрагистических, эпиграфических, нумизматических) для анализа процесса исторического развития данного региона. При таком подходе, появляется возможность впервые определить особенности культуры, ее общие и специфические черты по сравнению с другими регионами сопредельных территорий. Это позволяет более обосновано реконструировать все стороны жизнедеятельности населения и те исторические процессы, которые протекали на этой территории в средневековье в рассматриваемый хронологический период.

Обзор письменных источников. Расцвет Западнотюркского каганата приходится на первую половину VI века. Возможно, территория Устюрта в то время входила в состав Западно-Тюркского государства. Еще с середины VI в. в Арало-Каспийских степях можно проследить влияние каганата, о чем свидетельствуют маршруты посольства кагана во главе с согдийцем Маниахом и византийского

посла Земарха (Ажигали, 2001, с. 19.). Обратный путь последнего лежал через Северное Приаралье (а может быть и Юго-Запад, с выходом на Устюрт, как и впоследствии ибн Фадлан?) к Эмбе (Их), Яику (Даукс), Волге (Атилл, Итиль) и далее (Бартольд, 1965, с. 37–67.; Гафуров, 1972, с. 220.). В эту эпоху Северо-Восточный Прикаспий включился в сферу торгово-дипломатических отношений Средней Азии с Поволжьем, с одной стороны – через Мангистау и Каспий (морем), с другой – через Устюрт, Эмбу и Яик. Торговля эта была стимулирована появлением в низовьях Итиля (Волги) Хазарского каганата, постепенно вовлекавшего в сферу своего политического влияния территории Западного Казахстана. По данным письма хазарского кагана Иосифа в середине X в. придворному Кордовского халифа Хасдаю ибн Шафруту, население Восточного Прикаспия на протяжении месяца пути до Гургана (т.е. до Юго-Восточного угла Каспия) платило дань кагану (Коковцов, 1932, с. 81-83). Как известно, сведения эти преувеличены и относятся к более раннему времени – IX в. (Плетнева, 1976, с. 11.). Однако земли, непосредственно граничившие в ту эпоху с территорией хазарского домена (низовья Итиля-Волги), а именно: Северо-Восточное побережье Каспия, Мангистау – входили в сферу каганата. Это, видимо, нашло отражение в таком важном источнике: в труде аль Бируни «Масудов Свод», где в пятом климате указана «гора Ян*х*шлаг» т.е. Мангистау с горами Каратау и Актау, которая находится в стране хазар (Мандельштам, 1971, с. 164-165).

Очень ценным по времени и значению является источник IX в. – «Книга завоевания стран» крупнейшего арабского историка и поэта Абу-л-Аббас Ахмед Ибн Яхья Ибн Джабир Ал-Белазури (Ал-Белазури, 1939, с. 62). Данный источник известен нам только в сокращенной редакции, но полный его текст был использован в XIII в. Якутом в его географическом словаре. Писал свою книгу Ал-Белазури в 892/3 г. Для нас особенно важны первые сведения об огузах. Другой важный источник арабского писателя IX в. – Ахмеда Ибн Абу-Якуб Ибн Джафар Ибн Вахб Ибн Вадих Ал-Якуби (Ал-Якуби, 1939, с.78). Он дает много интересных сведений, в частности об образе жизни огузов. Наряду с этими источниками надо отметить арабского писателя начала X в. Абу-Али Ахмед Омар Ибн Русте и его труд «Книга драгоценных ожерелий» (Ибн Русте, 1939, с. 150). Он представляет собой энциклопедию по разным вопросам. Здесь мы находим сведения об Устюрте и о расселении огузов на огромной территории, в частности Устюрта. Следует особо отметить Абу-Исхах Ибрагима Ибн Мухаммеда ал-Фариси ал-Истахри, создавшего «Книгу путей и стран» около 951 года, в которой каждой стране посвящена особая глава и карта в красках. Эту работу ал-Истахри, в свою очередь, подверг обработке Абу-л-Касим Ибн Хаукаль (Ибн-Хаукал, 1939, с. 83-86). Он по просьбе ал-Истахри взялся за исправление и дополнение его труда и закончил работу в 977 году. В труде ал-Истахри и Ибн Хаукаля содержатся очень ценные сведения об Устюрте и Мангистау (Сякух) об огузах, территории их расселения и взаимоотношениях с Хорезмом. Наряду с ал-Истахри и Ибн Хаукалем классическим представителем арабской географической науки и ее расцвета в X в. был Абу-Абдаллах Ибн Ахмед Ибн Абу Бекр ал-Мукаддаси (или ал-Макдиси) (Ал-Макдиси, 1939, с. 184). Его сочинение «Наилучшее распределение для познания стран», написанное в 985 году, отличается точностью и детальностью. В нем содержатся сведения о торговле огузов с Хорезмом.

Важным для нас первоисточником является своеобразное произведение Ахмеда Ибн Фадлана. В 921–922 гг. (309–310 гг. Хиджры) посольство и торговый караван Халифа Мухтадира (908–932 гг.) было отправлено к царю Волжских Булгар с целью установления политического союза халифата в Булгарии. Участник и секретарь посольства Ибн Фадлан составил докладную записку с подробным описанием маршрута. В ней подробно указан маршрут через Хорезм и Устюрт. Также, в этом документе приводится ряд ценных живых наблюдений об Устюрте и Огузах, имеются важные сообщения об образе жизни огузов, обычаях и т.д. (Ковалевский, 1956, с. 97–98). Надо отметить историка и географа Абу-л-Хасан Али Ибн ал-Хусейн ал-Масуди и его историко-географическую энциклопедию «Золотые луга и россыпь самоцветов», написанную в 947–950 гг. (Ал-Масуди, 1939, с. 166). В этой работе содержатся сведения об образе жизни огузов.

Заслуженной известностью пользуется великий хорезмийский ученый-энциклопе-

дист своего времени Абу Рейхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Беруни (973-1048 гг.) (Абу Рейхан ал-Беруни, 1939, с. 219). В его произведениях содержатся сведения о сложных взаимоотношениях огузов с Хорезмом. Из позднейших арабских географов следует отметить труды Якута (Якут, 1939, с. 171–177). В трудах Якута имеются важные для нас сведения о торговых путях – как сухопутных, так и судоходных – шедших с нижней Волги через Устюрт в Хорезм. В этом отношении интересны также сведения, приведенные в сочинениях Изз-ад-дин Абу-л-дин Абу-л-Хасан Али Ибн Мухаммед Ал-Асира (1160–1233/4 гг.) (Ал-Асир, 1930, с. 138). Как мы отметили выше, важные для нас сведения содержатся и в персоязычной литературе.

Среди трудов, написанных на персидском языке для нас важен географический трактат под названием «Границы мира» – «Худуд-ал-алем», составленный неизвестным автором в 982/983 гг. Единственная рукопись его была обнаружена в 1892 г. в г. Бухаре А.Туманским (Худуд-ал-алем, 1939, с. 209-210). В ней имеются сведения об огузах, об их образе жизни и о землях, в состав которой входили и интересующие нас территории.

Надо также отметить персидский труд исторического содержания под названием «Украшение повествования» Абу Саид Абдалхай ибн ал-Зиххак ибн Мухаммед Гардизи (Бартольд, 1897, с. 93-94). В данной работе мы находим ясное подтверждение о караванном пути из Хорезма через Устюрт на Нижнюю Волгу. Письменные источники послемонгольского периода в основном односторонние, но для нашего исследования исторически важны. Это путевые записки европейских и иных путешественников, таких как Плано Карпини, ибн Баттута и Бальдучи Пегалотти и др. Труды данных авторов посвящены в основном вопросам торговли и караванным дорогам Хорезма, в частности, Устюрта.

В начале VII в. начинается ослабление Западно-Тюркского каганата, и степные племена северных народов Средней Азии начинают добиваться независимости. В IX-XI вв. в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи и примыкавших к нему степях Западного Казахстана сложилось раннефеодальное государство огузских племен. В это историческое время интересующая нас территория была заселена племенами огузов. Самое раннее упоминание о них в арабской географической литературе относится к первой половине IX в. Восточные авторы, оставившие подробное описание огузов, дают весьма противоречивые сведения об образе их жизни. Так, Ибн Фадлан, сам побывавший у огузов Устюрта, Ал-Якуби и неизвестный автор «Худуд-ал-алем» описывают огузов как кочевников. Они, по данным названных авторов, не имели никаких городов, постоянно перемещались с места на место и жили в войлочных юртах (Ковалевский, 1956, с. 101.; Худуд-ал-алем, 1939, с. 210).

Другие авторы – Ибн-Хаукал, Ал-Идриси и Ал-Масуди – сообщают, что у огузов были и постоянные поселения, в которых они жили оседло (Ибн-Хаукал, 1939, с. 166-167). В этом противоречии источников, по мнению С.П. Толстова, нашли свое отражение различия между разными этническими компонентами огузского объединения, которые стояли на разных ступенях развития (Толстов, с. 70–102). По существующему ныне в литературе мнению, огузы представляли собой очень неоднородную массу, включавшую в себя остатки древних масс ирано-язычных, дахо-массагетских и сармато-аланских племен и пришельцев племен, передвинувшихся в Приаралье и степи современной территории Казахстана (Толстов, 1938, с. 199). По свидетельству источников IX–XI вв., огузы занимали огромную территорию в степях к северу от низовий Сырдарьи, до Хазар, вокруг Аральского моря (Ковалевский, 1956, с. 178). Автор «Худуд-ал-алем» пишет, что вокруг Аральского (Хорезмского) моря «все места принадлежали огузам» (Худуд-ал-алем, 1939, с. 210). Ал-Истахри отмечает, что «с севера и запада Хорезм граничит с (землями) огузов» (Бартольд, 1965, с. 56).

Сведения об огузах, и о их образе жизни имеются у Ибн Фадлана. Направляясь к волжским Булгарам, он проехал через страну огузов и познакомился с ее населением. Рассказ Ибн Фадлана дает ценнейший материал для характеристики общественного строя огузов. У них налицо уже явное имущественное неравенство: с одной стороны, владельцы тысячи голов овец и лошадей, с другой – бедняки, выпрашивающие лепешки хлеба (Ковалевский, 1956, с. 101). Распространено было и рабство. Так, по свидетельству Ибн Фадлана, если заболеет один из огузов, имеющий

рабынь и рабов, то они ухаживали за ним, если же он был рабом или бедняком, они бросают его в дикой местности и отъезжают от него. Управлялись огузы родовыми старейшинами, главный из которых носил титул «ябгу». Его заместитель именовался «козергин». Большим влиянием пользовался начальник войска, но его власть была невелика. Особым почтением пользовались также родовые старейшины и «главарь». У них и спрашивали совета в важных делах. Но в то же время старая родовая демократия еще была сильна. Дела решались «общим советом», причем, по словам Ибн Фадлана, даже после того, как решение состоялось, «приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и унижает то, на чем они сошлись» (Ковалевский, 1956, с. 159). Характерный для родового строя, обычай гостеприимства приобрел у огузов особые формы, в связи с посещением их страны купцами из других стран. Яркое описание этих обычаев дает рассказ Ибн Фадлана (Ковалевский, 1956, с. 161). Покойников огузы хоронили в большой могиле, куда вместе с умершим клали его имущество. Ибн Фадлан особо отмечает лук и деревянную чашу с опьяняющим напитком. Могилы покрываются деревянным настилом, наверху сооружают подобие юрты из глины (курган). На могиле помещают вырезанные из дерева фигуры лошадей, по числу убитых умершим врагов, надеясь, что они будут служит умершему в загробном мире.

Огузы, видимо, как и другие тюрки, почитали Бога Тенгри. По словам «Худуд-алалем», «…они поклоняются каждой вещи, которая (чем-нибудь) хороша и удивительна. Они почитают лекарей (шаманы), распоряжаются и жизнью, и имуществом их…» (Ковалевский, 1956, с. 160). Ибн Фадлан в своих рассказах об огузах отмечает также, что они проявляют определенный интерес к исламу, охотно слушают чтение Корана, расспрашивают об Аллахе и даже по-своему, по-тюркски, иногда молятся единому Богу (Ковалевский, 1956, с. 111).

Оживленные торговые контакты с кочевым и полукочевым миром важны были не только для Хорезма, но и для огузов, занимавших окраинное положение. В.В.Бартольд пишет, что самая оживленная торговля происходила в пограничных пунктах Хорезма, в числе которых письменные источники называют Гит (Пулжай) (Материалы по истории туркмен…, 1939, с. 188) и Ургенч (Материалы по истории туркмен…, 1939, с. 178). Кочевники сами пригоняли свои стада, не дожидаясь пока придут хорезмийские купцы в их степи (Бартольд, 1965, с. 564). Но эта торговля, как указывает ал-Истахри, происходила только в мирное время (Материалы по истории туркмен…, 1939, с. 179–180). С другой стороны, все исторические сочинения X в. утверждают, что огузы время от времени совершали набеги на земледельческий Хорезм. По сообщению ал-Бируни, набеги степняков заставили царей Хорезма каждую осень выходить с войсками к границам степи и охранять от них пределы своего государства (Материалы по истории туркмен…, 1939, с. 219). «Война с огузами, пишет С.П. Толстов, – явление повседневного быта хорезмийцев X в.» (Толстов, 1948, с. 244). К концу X в. все чаще стали возникать политические конфликты между огузами и правителями огузских племен, находясь на торговом пути в Поволжье, вступая в военные союзы с русскими князьями, становятся серьезной угрозой для Хорезма, издавна связанного с Хазарией и опасавшегося захвата ее другими государствами. По этому поводу С.П. Толстов пишет, что успехи Хорезма в Поволжье были достигнуты благодаря непрерывным войнам с сильными соперниками – северными соседями Хорезма, тюрками-огузами, территория которых лежала из пути Хорезма на Волгу (Толстов, с. 246), а также, что «…к правлению Текеша относится темное свидетельство Гарнати о сорокалетней борьбе Хорезмшаха Аллауддина с гузами за город Саксин в низовьях Волги…» (Бартольд, 1948, с. 275). Однако, в основном, отношения огузов с Хорезмом были мирными. Так, В.В. Бартольд указывает, что «в документе, написанном в 1156 г., Хорезмшах Атсыз напоминает Дуданбеку, что он, хорезмшах, часто оказывал гузам гостеприимство в Хорезме, очевидно, они приходили туда (в Хорезм) на зимовку, как в XI в. при Алтунташе» (Бартольд, 1965, с. 582). На основании сообщений письменных источников можно составить достаточно ясное представление об устюртских торговых путях, шедших из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье, а также морской путь на Нижнюю Волгу. Устюрт в средние века пересекало два караванных пути, один из которых шел из Ургенча через Замджан, называемой «Воротами

тюрок» (Баб-ат-тюрк), и селение Хабаб (Ковалевский, 1956, с. 158). Затем дорога поднималась на плато Устюрт, как полагал Я.Г.Гулямов (Гулямов, 1957, с. 139), по одному из наиболее удобных подъемов Караумбетскому, далее шла на Эмбу, а оттуда к Волге, разветвляясь на два пути, к хазарам (Материалы по истории туркмен…, 1939, с. 178) и к булгарам. Другая дорога шла из Ургенча на запад, поднималась (подъем Каскажол) на плато Устюрт и, обходя сор Барсакелмес, направлялась на Мангистау, отсюда по Каспийскому морю плыли до Нижней Волги (Бартольд, 1965, с. 56).

Устюртский караванный путь из Хорезма в Поволжье, известен нам благодаря подробному описанию этого пути Ибн Фадланом. Караван, с которым следовал Ибн Фадлан в 922 году прошел через Ургенч к Устюрту, затем на Эмбу, Жайык (Урал) к Самаре до Булгар. Гардизи, автор XI в. описывая путь, идущий из Хорезма (Ургенча) через Устюрт к печенегам, пишет: «Дорога к ним на гору Хорезм, от этой горы идет к печенегам, подходит к озеру Хорезма, оставляя озеро по правую руку, далее через степи до печенегов» (Бартольд, 1965, с. 45). Караванные пути, судя по всему, в это время еще не были оборудованы караван-сараями (трудно предположить, чтобы Ибн Фадлан не заинтересовался ими и не описал их).

Возросшее к XII–XIII вв. значение интересующего нас торгового пути подчеркивается стремлением Хорезма к захвату Мангистау. В.В. Бартольд по поводу этой дороги пишет, что в XII в. единственным государством, которое могло думать о захвате этой дороги, был Хорезм (Бартольд, 1965, с. 582–588). Степные дороги по Устюрту обеспечивались сетью колодцев и караван-сараев. Огузы и печенеги – кочевые скотоводы – как и раньше, нуждались в этой торговле, поставляя в обмен на необходимые им товары продукты кочевого хозяйства. После первой четверти XIII в. развитие интересующей нас территории было временно прервано монгольским завоеванием. Войдя в состав Золотой Орды, Хорезм заново начал экономически развиваться. Во второй половине XIII в. его ирригационная система, если не вся, то, во всяком случае, в большей своей части, была восстановлена (Бартольд, 1965, с. 587). Начало возрождаться и ремесленное производство. Вместе с ростом ремесла оживилась городская жизнь Хорезма. Как сообщают письменные источники, чингизиды, утвердившись у власти, начали восстанавливать города, разрушенные ими при завоевании, и даже строить новые. Тогда же начали налаживаться прежние торговые связи Хорезма с другими областями. Так, по свидетельству Ибн ал Асира, почти сразу же восстановился торговый путь в Дешти-Кипчак, заброшенный во время походов на него Джебе и Субедея (Якубовский, 1930, с. 28).

Наиболее ранние упоминания о некоторых археологических памятниках Устюрта имеются в труде персидского историка XV в. Мирхонда (Мухаммед ибн Хавандшах ибн Махмуд) «Раузат ас сафа» (Сад чистоты) (Мирхонд, 1939, с. 538), а также в сочинении внука Мирхонда и продолжателя его трудов, талантливого историка конца XV – начала XVI вв. Хондемира (Гийяс ад-Дин ибн Хумад ад-Дин Мухамад Хаванд Амир). Так, например, в рассказе Хондемира о походе султана Хусейна в 1460 г. впервые упоминаются Адак и Везир (Бартольд, 1965, с. 67). Упоминание тех же крепостей имеется у Мирхонда (Мирхонд, 1939, с. 539). Описание Везира и его окрестностей в дни его процветания мы находим у английского путешественника А. Дженкинсона (Английские путешественники…, 1937, с. 176–177). Эти крепости (Адак и Везир) упоминаются также в трудах хивинских историков конца XVIII – начала XIX вв., в частности, в книге хана – историка Абулгази (Гулямов, 1957, с. 173–174) и в хивинской хронике Муниса и Агахи (Гулямов, 1957, с. 188). Древнерусские летописи также отмечают, что в золотоордынский период продолжали функционировать те же два основных пути на Ургенч, которые были известны на Руси и до чингизидов, во-первых, через Саксин и позднее Астрахань, и, во-вторых, степью через Яик (Рогожская летопись (Лурье, 1976, с. 37-38), Никоновская летопись XIV в.). Во время Золотой Орды караванные пути находились в благоприятных условиях. В этом отношении интересно сообщение Ибн Арабшаха, характеризующее торговые пути этого времени: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут к себе на телегах спокойно до самого Крыма… Караваны не брали с собой проводников вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у (живших там) людей».

Ю.А.Якубовский пишет, что в течение почти 150 лет Золотая Орда обеспечивала караванной торговле благоприятные условия (Якубовский, 1931, с. 91).

Насколько велика была в это время роль Хорезма в международной торговле, можно судить по данным Бальдуччи Пегалотти, агента Флорентийской торговой фирмы. В своем наставлении купцам, написанном около 1340 года, он отметил, что в Ургенче в его время можно было закупить все интересные для европейского рынка товары» (Бартольд, 1965, с. 62–64).

Рассмотрим историю исследования археологических памятников. Рассмотрение сложного и противоречивого комплекса письменных источников неоднократно становилось предметом специальных источниковедческих и исторических исследований. Сразу необходимо оговориться, что весь огромный и сложнейший массив письменных свидетельств по истории взаимоотношений государств X-XIV вв. не является непосредственно темой. Эта работа в значительной степени проделана и проделывается, как отечественными, так и зарубежными специалистами на протяжении более 150 лет. Для нас представляют интерес, оригинальные сообщения, связанные с рассматриваемым в статье регионом. Традиционно историю исследования памятников источников рассмотрим – на исследования памятников Устюрта до начала XX в.,

В конце XVII в. начинается активное экономическое и политическое проникновение царской России в Среднюю Азию. Рост интереса России в первой половине XIX в. к среднеазиатскому рынку сопровождался усилением деятельности русских дипломатов в среднеазиатских ханствах, а также началом мирового научного изучения политического и экономического состояния ханства, караванных путей в Среднюю Азию, ее водных артерий и т.д. (История Узбекской ССР, 1956, с. 81).

Наиболее ранние сведения об археологических памятниках Устюрта мы находим на картах, составленных А.Бекович-Черкасским. Они считаются наиболее правильными и точными для первой половины XVIII в. (Княжеская, 1964, с. 94). На «чертеже, тушованном разными красками», составленным А. Бекович-Черкасским и его помощниками, отмечена башня Караумбет (Княжеская, 1964, с. 112).

В 1732 г. в Хиву через Устюрт была отправлена торговая миссия во главе с И.Гербером, отметившим на плато развалины трех городов. Первый – Ирнак – находился в районе Мынсуалмас, второй – в урочище Дзясле, третий – в районе песков Сам, известный под названием Дели-урус (Григорьев, 1870, с. 46–47). О наличии развалин городищ у Мынсуалмас оставил сведения также самарский купец Д. Рукавкин, направлявшийся в Хиву в 1753 г. (Руссов, 1840, с. 35–36).

Значительный материал по истории Оренбургского края и прилегающих к нему степей имеется в книге «Топография Оренбурга» коллежского советника и корреспондента Императорской Академии Наук Петра Рычкова (Рычков, 1762, с. 59–60). Книга изобилует различного рода сведениями – историческими, географическими, геологическими, этнографическими, торговыми, военными и т.п. – и выходит за пределы собственно Оренбургской губернии, включая некоторые сведения о Средней Азии, в частности, об Устюрте. Описаны караванные пути из Средней Азии, а вместе с тем и связанные с ними памятники, такие, как Сарайчик, Бокачи, Учкан, Чурук, Белеули.

В 1825–1826 гг. для изучения Устюрта снаряжается первая русская научная экспедиция под руководством Ф.Ф.Берга. В материалах этой экспедиции имеются данные о направлении торговых путей через плато, о развалинах Белеули, городища Давлетгирей (Курганча) на западном берегу Аральского моря и аналогичного памятника между заливами Улы-Кулмагыр и Киши-Кулмагыр (Первые русские научные …, 1963, с. 102-103, 213). В более поздних исследованиях об этом городище не упоминается. Возможно, оно было разрушено в результате оползней чинка Устюрта (Древняя и средневековая культура…, 1978, с. 10).

В 1832 г. вышла книга А. Левшина, в которой несколько страниц уделено путям сообщения через Устюрт и его историческим памятникам. Особый интерес представляет перечисление всех караван-сараев, начиная от Сарайчика до Ургенча, и караванных путей. Тут же мы находим упоминание о развалинах Давлетгирея. О караван-сарае Белеули Левшин пишет: «Строения сии еще не совсем сохранились доныне. Они были сделаны из каменных плит с кирпичными сводами. При

них находился колодец глубиною сажень в 30. Стена, окружавшая сие строение, составляла род замка и имела 4 ворот, покрытых сводами» (Левшин, 1832, с. 210). Аналогичные сведения имеются и в очерке П.И. Небольсина. Анализируя состояние торговли Средней Азии с Россией в середине XIX в., автор характеризует караванные пути через Устюрт и попутно упоминает о некоторых археологических памятниках. Он приводит краткое описание городища Курганча (Давлетгирей) и башни на плато: «Бековича крепость, называемая хивинцами Давлетгирей, а киргизами Курганче. Она верстах в двух от моря. Теперь сохранилась только одна стена и под ней колодец, а сверху остаток шихана – род башенки, насыпь или кучка глины, сделанная, сколько можно судить, для дозора». Из памятников центрального Устюрта он выделяет караван–сарай Белеули (Небольсин, 1855, с. 109–111).

В 1842 г. по Восточному чинку Устюрта в Хиву направился Ф.И. Базинер. Он приводит краткое описание руин Давлетгерея, Урги и 12 башен. Ф.И. Базинер считает, что эти укрепления служили караван-сараями и были связаны с башнями (Древняя и средневековая культура…, 1978, с. 11).

В 1853 г. подпоручик Алексеев производил топографическое описание северной части Устюрта. Во время исследования им были отмечены развалины Уйоба, по-видимому, сигнальной башни. Он упоминает также о развалинах крепости, очевидно, караван-сарая Коскудук у Мынсуалмас и дает описание старых казахских мавзолеев (Первые русские научные…, 1964, с. 251–265).

О сигнальной башне на Устюрте вблизи озера Айбугир сообщает участник посольства 1858 г. в Хиву Е. Килевейн. Возведение этой башни, как и многих других, приписывались местными жителями А. Бекович-Черкасскому, однако Е. Килевейн указывает, что эта башня обозначена еще на карте греческого путешественника XVIII в. Ватаци и относится к более древнему периоду (Килевейн, 1861, с. 5–11).

В 1803 г. директором Оренбургской торговой таможни П.Е. Величко было составлено «Описание хивинского ханства и дорог туда из Сарайчиковой крепости», в котором автор весьма подробно рассматривает пути в Хиву через Устюрт. Одновременно отмечены развалины крепостей и караван-сараи вдоль дорог. При П.Е. Величко это описание не вышло в свет, и лишь В. Григорьев издал его в 1861 г., снабдив своими ценными комментариями (Григорьев, 1861, с. 112–115).

О развалинах крепости Девлетгерей сообщает М.Н. Галкин, следовавший в 1858 году через Устюрт по западному берегу Аральского моря из Оренбурга в Хиву (Галкин, 1868, с. 311).

Участники Хивинского похода 1873 г. Ф.И. Лобысевич и Н.И. Гродеков сообщают о развалинах древней крепости Алан на Устюрте, сооружение которой казахи приписывают Тимуру (Гродеков, 1888, с. 237; Лобысевич, 1873, с. 47–66).

М.Алиханов-Аварским описана башня Караумбет и городище Алан, строительство которых приписывалось Давлетгирею или Тимуру (Алиханов-Аварский, 1899, с. 109–111).

Подробное описание Давлетгирея дает другой участник Хивинского похода 1873 года (Д.К., 1873, с. 11). К этому же времени относятся сведения о развалинах Девкескен, собранные Л.Ф.Костенко (Костенко, 1880, с. 197).

О некоторых археологических памятниках Устюрта имеются упоминания в работах русских географов и геологов конца XIX и начала XX вв.

В 1876–1877 гг. под руководством Н.Г. Петрусевича была организована экспедиция для исследования старых русел Амударьи и Сарыкамышской котловины. Н.Г. Петрусевич упоминает о развалинах Девкескен и Адак (Петрусевич, 1878, с. 252).

Большой интерес представляет работа полковника Белявского, пересекавшего Устюрт дважды, в 1884 и 1885 гг. У него мы находим упоминание о караван-сарае Учкудук и об одноименном колодце: «Место их расположения обозначается белою, издалека видною могилою. Там же имеются остатки небольшой калы». Им отмечены также башни у спуска Тайлы: «Вправо от спуска Тайля, по берегу чинка находятся развалины сторожевой башни, которая видна верст за пять, не доходя до нее». Он упоминает о развалинах башни у спуска Караумбет и дает краткое описание развалин Алан-кала: «Около родника развалины калы около 10 сажень в квадрате из каменных плит песчаника и известняка неправильной формы; высота стен 6 и толщина 2,5 аршин» (Дополнительные сведения о пути..., 1887, с. 180–201).

Рис. 1. Расположение караван-сараев Устюрта. 1 – Учкудук; 2 – Ажикелди; 3 – Косбулак; 4 – Белеули; 5 – Чурук; 6 – Кусшы; 7 – Коптам; 8 – Коскудук; 9 – Уали; 10 – Ман ата.
Fig. 1. Location of the Ustyurt caravanserais. 1 – Uchkuduk; 2 – Azhikeldi; 3 – Kosbulak; 4 – Beleuli; 5 – Churuk; 6 – Kusshy; 7 – Koptam; 8 – Koskuduk; 9 – Uali; 10 – Man ata.

В 1892 г. Общество Рязанско-Уральской железной дороги снарядило экспедицию в Зауральские степи и Устюрт для выяснения вопроса о возможности прокладывания железнодорожных линий от района реки Урала до Аральского моря через Устюрт. С.Н. Никитин в главе «Устюрт и пути к Кунграду» подробно описывает все известные ему дороги через плато Устюрт, указывает пункты – колодцы и исторические памятники, через которые эти дороги проходят, самым тщательным образом наносит все эти данные на приложенную к сочинению карту (Никитин, 1893, с. 43–86). Повторяя маршруты С.Н. Никитина с той же целью, инженер А.Н.Рябинин в 1899 г. прошел Прикаспийские степи и Устюрт – от реки Урал до низовьев Амударьи и издал в 1905 г. свои путевые наблюдения. Путь его лежит через Сагыз и Эмбу (у Бокачи) через три ключа Учкан, затем урочище Устюрта – Мынсуалмас и Туйемойыншапкан, через колодцы Кусшы, Чурук, Белеули, Косбулак, Учкудук на спуске Шыбынды (Рябинин, 1905, с. 37-38).

И, наконец, в 1910 г. вышла работа И.А. Кастанье «Древности киргизской степи и Оренбургского края». В ней автор ничего нового не рассказал, но, собрав отрывочные материалы о жизни этого края, разместил их в надлежащем порядке и в таком виде издал. Он приводит выдержки из сообщений А. Левшина и В. Григорьева (Кастанье, 1910, с. 98–99, 188–190).

Особо надо отметить, что с этого времени внимание ученых привлекают кремневые находки. Так, М.В.Баярунас в опубликованной в 1916 г. статье «К геологии Гурьевского уезда Уральской области» отмечает находки кремневых орудий вместе с обломками раковин Didacna trigonides в урочище Мынсуалмас у подножия северных чинков Устюрта (Баярунас, 1916, с. 72–74). Несмотря на крайнюю скудость, сведения об археологических памятниках интересующей нас региона были привлечены в работах крупнейшего русского ориенталиста В.В. Бартольда; на основе источников описываются некоторые археологические памятники (Пулжай и др.), делается попытка локализации городища Адака, Везира (Бартольд, 1965, с. 92). Но слабая археологическая изученность этой области не позволила сделать это достаточно точно.

Таким образом, до начала XX в. сведения об археологических памятниках сводились к попутным упоминаниям или кратким описаниям. Сбор сведений носил случайный харак-

тер. На карты наносились наиболее крупные сохранившиеся каменные постройки. Вопрос о датах картированных и охарактеризованных памятников, их значении для понимания исторического прошлого оставался открытым. Для определения функционального назначения и времени возведения сооружений привлекались лишь легенды и предания. Установление функций каменных построек только в некоторых случаях (например, Ф.И. Базинер о башнях и караван-сараях по Восточному чинку) соответствовало материалам археологических исследований последних лет.

Результаты археологических исследований в караван-сараях Устюрта дали богатый и разнообразный материал для характеристики поселений и других памятников, существовавших в X–XIV вв. Основное внимание археологов, было направлено на выяснение стратиграфии, топографии и хронологии караван-сараев и отдельных памятников. Изучение памятников в плане их исторической интерпретации, уточнение их хронологии позволило выдвинуть гипотезу о регулярном экономическом обмене между земледельческим, ремесленным Хорезмом с одной стороны и кочевой степью, и государствами Восточной Европы – с другой.

На основе средневековых источников намечены два направления торговых путей из Хорезма: на северо-запад и на побережье Каспия. В XIII–XIV вв. первый путь служил основной караванной артерией, связывавшей Восток с Западом. Путь от Сарайчика до Ургенча издавна привлекал внимание исследователей и довольно хорошо известен. По всей трассе этой караванной дороги, отрезок которой шел из Сарайчика прямо на восток до р. Сагиз, через которую был устроен брод из обтесанных камней, пролегал по пустынным безводным районам. На расстоянии, примерно соответствующем одному дневному переходу, были построены караван-сараи (Байпаков, 2016, с. 14).

После арабских завоеваний на Востоке складывается достаточно стандартный и хорошо узнаваемый тип постоялого двора, предназначенного для купеческих караванов. В арабских странах такие постройки назывались *караван-сарай*, то есть дворец для караванов, а в областях, где преобладали тюркские языки к ним применялось название *хан*. Также известен такой термин как *фундук*, но он чаще применяется к городским постоялым дворам (Зиливинская, 2018, с. 24). В первые века Хиджры, во время арабских завоеваний, на Востоке возводились крепости для борцов за веру *газиев*, которые назывались *рибаты*. Впоследствии, в более спокойные времена, они превращаются в придорожные гостиницы, часто сохраняя название *рибат* или *рабат* (Немцева, 1983, с. 139–141.; Хмельницкий, 1992, с. 180.; Hillenbrand, 1994, p. 331–332). В XI–XII вв. в постоялые дворы были перестроены и некоторые замки (кешки) (Пугаченкова, 1958а, с. 166–167). Караван-сараи возводились вдоль караванных путей на расстояниях, которые равнялись дневному переходу (около 35–45 км.). Эти постройки сохранили вид хорошо укрепленных крепостей с мощными стенами и единственными воротами. Углы могут быть фланкированы круглыми башнями, а к стенам пристроены полубашни. Прямоугольник стен окружает обширный двор, внутри которого вдоль стен тянутся галереи помещений различного назначения: стойла для вьючных животных, складские помещения для товаров, комнаты для гостей. В хорошо благоустроенных караван-сараях были сделаны банные помещения, и почти всегда находилась мечеть. Некоторые крупные караван-сараи, такие как, например, Рабат-и Малик (особенно во втором периоде), действительно напоминали загородные дворцы и, вполне возможно, в составе помещений имели покои, в которых останавливались правители и другие важные гости во время путешествий. Для защиты караванов от разбойников в придорожных гостиницах мог быть небольшой военный гарнизон. Рядом обязательно находились источники воды – колодцы или сардоба. Караван-сараи играли важную роль не только для торговли, но и для всей системы коммуникаций в средние века. Часто с караванами купцов пускались в странствие дипломаты, паломники, просто путешественники (Зиливинская, 2018, с. 32).

В период правления золотоордынского хана Узбека (1312–1340 гг.) приоритетным караванным сообщением становится дорога через плато Устюрт, обустроенная грандиозными, хорошо укрепленными гостиными дворами – караван-сараями. Теперь торговые караваны из Ургенча попадали в город Сарайчик

на реке Жайык (Урал), и далее направлялись в столицу Золотой Орды, город Сарай-Бату на Волге. Укрепленные «гостиницы» – караван-сараи – были привязаны к колодцам или искусственно созданным хранилищам – водонакопителям сезонных осадков, располагавшимся на расстоянии одного или двух дней перехода каравана. Главная постройка в виде небольшой крепости служила гостиницей для купцов и состоятельных путешественников. Здесь имелись небольшие комнаты, кухня, столовая, возможно, баня, а также складские помещения для хранения перевозимых товаров. Караван-сараи выполняли и роль почтовых станций, где гонцы могли обменять лошадей. Небольшой военизированный отряд, расквартированный поблизости, был призван охранять и контролировать торговую трассу на этом участке. Вблизи караван-сараев возникали небольшие селения для обслуживающего караваны персонала – погонщиков, охранников, мигрирующего населения. На сегодня на плато Устюрт известно 10 караван-сараев – Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук, Кусшы ата, Коптам (Белдеули) и у родника Коскудук (Есетбулак), также в направления Каспийского моря расположены Уали и Маната. Караван-сараи вытянуты по прямой с юго-востока на северо-запад. Между крайними обследованными памятниками расстояние составляет около 270 км.

С юго-восточного чинка Устюрта первым располагается караван-сарай **Учкудук.** Памятник расположен на северном крае Барсекельмесской котловины, в 10 км восточнее ж/д разъезда Абадан. Без раскопок читается прямоугольник сильно оплывших стен со значительным понижением в центральной части. Караван-сарай размером 31,70×28,45–28,65 м ориентированной по сторонам света. Стены шириной 0,76–0,84 м сохранились на высоту 1–1,5 м. они возведены из вертикально поставленных плит размером 0,8–1,14×0,8–1,0×0,11-0,28 м на алебастровом растворе. Углы фасадной стороны оформлены башнями круглой в плане диаметром 1,85–1,88 м. Они сложены из плит толщиной 0,25-0,34 м. Башни обмазаны тонким слоем алебастрового раствора. Вход шириной 4,7 м располагается в середине южной стены. По его бокам расположены пилоны длиной 2,07–2,10 м, выступающие из плоскости стен на 0,42–0,47 м. На расстоянии 2,22 м от фасадной стороны пилонов вход становится уже и достигает ширины 3,9 м. Центральную часть памятника занимает двор размером 18–18,1×21,3 м, связанный проходами почти со всеми жилыми и хозяйственными помещениями. Вдоль западной и восточной стен расположено по семь жилых помещений. Вдоль северной стены вытянуто помещение – двор размером 26,9×3,8 м. Оно отделено от внутреннего двора стеной шириной 0,9 м. Во время раскопок были найдены фрагменты неполивных терракотовых плит с резьбой, возможно, они были составными частями украшения свода портальной ниши. Западнее от караван-сарая открыт карьер по добыче камня (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

В 25 км северо-западнее от памятника, на дне большой котловины глубиной 6-7 м по отношению окружающей местности, расположен следующий караван-сарай – **Ажикелди.** Караван-сарай прямоугольной формы, размером 29,3×24,3 м ориентирован углами по сторонам света. Стены шириной 0,65×0,90 м построены из глиняных кирпичей со значительной примесью песка размером 27-29×27-29×5 см. Въезд шириной 3,8 м находится в середине юго-западной стены. По бокам въезда выступают пилоны размером 1,113-1,22×0,6 м. На расстоянии 1,117 м от фасадной стороны пилонов ворота становятся уже на 0,48 м. Длина ворот – 5,48 м. На углах фасадной стены – башни диаметром 1,05 м. О наличии башен на северо-восточной стене можно высказать только предположение. Центральную часть караван-сарая занимает двор размером 19,3×15,3 м, из которого ведут проходы во все жилые и хозяйственные помещения. Всего в караван-сарае насчитывается 18 помещений (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Караван-сарай **Косбулак** расположен от Ажикелди в северо-западном направлении на 33 км. Его название от пяти одноименных колодцев. Он, как и предыдущий, ориентирован углами по сторонам света. Его размеры – 39×33,5 м. Въезд шириной 3,7 м находится в середине юго-западной стены. По его бокам расположены пилоны шириной 2,95 м, выступающие из плоскости стен на 0,4 м. Углы фасадной стороны оформлены крупными в плане башнями диаметром около 6,4 м. Стены караван-сарая построены из кирпичей размером 22×22×5, 28-30×6–8 см. Кирпич сформо-

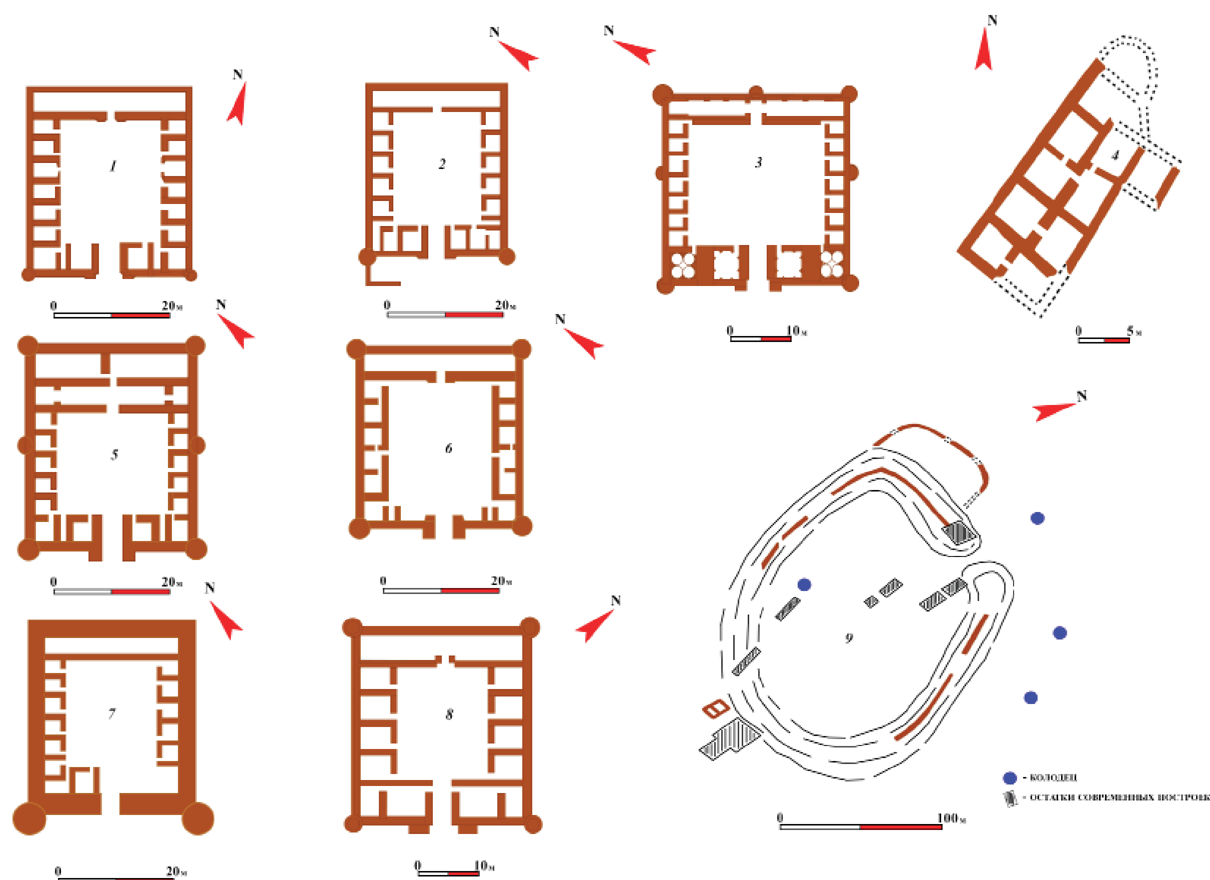

Рис. 2. Планы караван-сараев плато Устюрт. 1 – Учкудук (по Ю.Манылову и Н.Юсупову); 2 – Ажикелди (по Ю.Манылову и Н.Юсупову); 3 – Коскудук (по А.Астафьеву и М.Калменову); 4 – Ман ата (по Ю.Манылову и Н.Юсупову); 5 – Белеули (по Ю.Манылову и Н.Юсупову); 6 – Чурук (по Ю.Манылову и Н.Юсупову); 7 – Косбулак (по Ю.Манылову и Н.Юсупову); 8 – Коптам (по Ю.Манылову и Н.Юсупову); 9 – Уали (по Ю.Манылову и Н.Юсупову).

Fig. 2. Plans of caravanserais on the Ustyurt plateau. 1 – Uchkuduk (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 2 – Azhikeldi (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 3 – Koskuduk (according to A. Astafyev and M. Kalmenov); 4 – Man ata (according to Yu. Manylov and N. Yusupov) ; 5 – Beleuli (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 6 – Churuk (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 7 – Kosbulak (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 8 – Koptam (according to Yu. Manylov and N. Yusupov).; 9 – Uali (according to Yu. Manylov and N. Yusupov).

ван из местной глины, в которой содержатся значительное количество песка. Толщина наружных стен различная – от 2,8 до 3,8 м. Центральную часть занимает двор размером 18,55–18,60×26,3–27,1 м, который связан проходами шириной 0,96-1,00 м со всеми жилыми и хозяйственными помещениями (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Караван сарай **Белеули** размером 35,3×29 м находится в 54 км северо-западнее колодцев Косбулак и ориентирован углами по сторонам света. Стены памятника толщиной 1,0-1,2 м возведены из прямоугольных плит известняка разных размеров. Углы караван-сарая укреплены башнями, круглыми в плане, диаметром около 3,2 м. Внутрибашенные помещения отсутствуют. В средних частях северо-западной и юго-восточных стен отмечены полукруглые башни, выступающие из плоскости стен на 1,32 м. Въезд в караван-сарай, находится в середине юго-западной стены между двумя прямоугольными пилонами размером 2,01×1,92 м. Расстояние между ними – 3,8 м. Портал возвышается на 1,66 м. Пилоны служили опорой свода стрельчатых очертаний, перекрывающего пространство 3,8×1,90-1,92 м. Высота сводчатого проема равна 6,66 м, высота арки от уровня пят до щипца – 2,8 м. В тимпанах арок до 1972 года

находились барельефные изображения львов. Плиты размером 0,98×0,82 м, на которых они выполнены, имеют прямоугольные очертания с одним срезанным углом. Центральная часть караван-сарая занята двором размером 19,2-19,3×17,8 м, в средней части которого наблюдается понижение. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположено по семь помещений. В 50 м северо-восточнее караван-сарая зафиксировано восемь сардоб. В 350 м северо-западнее от памятника расположен некрополь, занимающий площадь 2,5 га. Около 600 м в том же направлений расположены пять карьеров по добыче известнякового камня (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Следующий караван-сарай **Чурук** расположен у одноименных колодцев в 54 км северо-западнее от караван-сарая Белеули. Памятник размером 31,70×29,55 м с круглыми башнями на углах диаметром 2,72–2,80 м, ориентирован углами по сторонам света. Башни построены из плит плотного известняка длиной по окружности 0,60–1,18 м и толщиной 0,23–0,44 м. Плиты в башнях выложены только по окружности. Наружные стены караван-сарая шириной 1,1 м возведены из плит известняка длиной 0,76–0,87, 1,28–1,38 м и толщиной 0,20–0,45 м. Вход расположен в середине юго-западной стены между двумя пилонами размером 2,02×2 м. Длина ворот выслежена на 3,5 м. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположено по шесть помещений. Среднюю часть караван-сарая занимает двор размером 24,8×19 м. В его южном и западном углах расположены лестницы шириной соответственно 1,12 и 1,30 м. Лучше сохранилась лестница в южном углу (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Из всех перечисленных памятников хуже других сохранился караван-сарай **Кусшы ата**, расположенный у юго-восточной кромки песчаного массива Сам. Памятник расположен на южном борту песков Сам (Калменов, 2007, с. 278–282; Калменов, 2012, с. 65–70). На данный момент здесь располагается некрополь, в который насчитывается около 300 нагробных памятников: саганатамы, койтасы, кулпытасы (надгробные сооружения казахов), ограждения из необработанных камней и средневековых красных кирпичей. Особо выделяется 5 мавзолеев с куполом, которые датируется XVIII – началом XX вв. Недалеко от некрополя расположена группа колодцев, которые имеют более и менее пресную воду на глубине 4–12 м (Вялов, 1934, с. 136). Местами встречаются фрагменты сероглиняной штампованной керамики золотоордынской эпохи, то, что в постройках погребальных памятников нового времени в очень большом количестве присутствуют средневековые красные кирпичи, говорит о том, что в средневековье здесь была крупная постройка. В «Журнале расспросов Экспедиции 1825–26 гг.» при определении пути от Сарайчика в Хиву упоминается колодец Кушчи, но о каких-либо строениях нет никакого упоминания (Первые русские научные …, 1963, с. 68–82). Почему мы считаем, что здесь был караван-сарай? Во-первых, место находится на транзитном пути от Хорезма, во-вторых, Кусшы находится между Чуруком и Коптамом. Караван-сарай Чурук расположен к юго-востоку в 35 км, а караван-сарай Коптам на 46 км к северо-западу, исследованные караван-сараи Каракалпакии расположены на расстоянии 25–57 км, то есть в однодневном пути для вьючих караванов. На основе расположения объекта на караванном пути, выявления средневековых кирпичей в постройках надгробных памятников в некрополе, и наличия в подъемном материале фрагментов золотоордынских керамики, а также колодцев, предполагаем, что в средние века (XIV вв., на основе керамики) в этом месте был караван-сарай. Важные результаты были получены в 1997 г. когда здесь побывала Казахстанско-Каракалпакско-Французская археолого-этнографическая экспедиция. Одной из особенностей данного комплекса является использование в поздних памятниках XVIII–XIX вв. (мавзолеях, оградках, ступенчатых надгробиях) обожженных кирпичей средневекового стандарта. Тогда местные жители показали «источник» этих кирпичей – расположенный в 150–200 м к северу от некрополя холм, подквадратной в плане формы, размером 25×30 м. Поверхность его покрыта в большом количестве обломками квадратных жженых кирпичей с размерами: 22–23×22-23×5–5,5 см. Здесь же встречаются фрагменты керамики, в том числе относящиеся к хорезмшахскому времени. Обнаруженный памятник, является остатками караван-сарая, функционировавшего в

системе торговой трассы Хорезм – Поволжье. Достаточно убедительно об этом свидетельствует оптимальное местоположение данного пункта, как недостающего звена в ряду выявленных уже караван-сараев трассы (Ажигали, 2002, с. 528). Судя по рвам, оставшимся после выборки кирпича, караван-сарай имел квадратную в плане форму и размер 25×25 м.

Следующий после Кусшы ата памятник – караван-сарай **Коптам (Белдеули).** Памятник располагается в 20 км к северо-западу от населенного пункта Туруш (Калменов, 2007, с. 278–282; Калменов, 2012, с. 65–70). В 2011 году были произведены археологические раскопки (Кожа, Самашев, 2014, с. 486–489; Онгарулы А. и др., 2017, с. 51–54). Остатки караван-сарая располагаются в центре обширной котловины, на дне которой имеется пять колодцев, два из которых засыпаны, остальные три – с водой. На топографической карте местность и колодцы носят название Бескудук. В каменном бутовом заполнении стен местами используется обожженный кирпич 26×26×5 см. Максимально развалы стен возвышаются над современной поверхностью на 1,4 м. Участок фундамента караван-сарая на месте входа сильно разобран на камень. Караван-сарай имеет правильную четырехугольную форму 27×24 м с ориентацией длинной оси по линии СЗ–ЮВ. Вход устроен в середине юго-восточной стены. Его предполагаемая высота около 3 м, а протяженность 7 м. Фундаменты пилонов портальной арки полностью разобраны, но, вероятно, сохранили свои очертания по бутовому заполнению. Толщина внешних стен составляет 1,1 м, за исключением боковой юго-западной, имеющей толщину 0,9 м. Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Почти полностью сохранился фундамент северной башни, имевший диаметр 2 м. Наличие остальных башен подтверждается упавшими крупными облицовочными плитами с округлой обработкой лицевой стороны. У восточной башни упавшая облицовка просматривается на длину в 4 м. Помещения внутри башен отсутствуют. Внутренняя планировка помещений караван-сарая местами прослежена по остаткам фундамента, местами воспроизведена зеркальным повторением согласно оси симметрии устройства всего сооружения. Справа и слева от входа располагаются по две комнаты размером 5,1×4,2 м и 2,7×4,2 м. Между комнатами правого крыла, вероятно, была устроена каменная лестница шириной 1,25 м. Дверные проемы помещений, скорее всего, устраивались на углу со стороны главного входа. Караван-сарай имеет обширный четырехугольный двор 17×14 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение. Вдоль северо-восточной и юго-западной стен постройки устроены небольшие жилые помещения, по 4 у каждой стены. Конструктивно стены помещений выполнены из массивных обработанных плит известняка, установленных вертикально в два ряда с бутовым заполнением. Ширина стены со стороны двора и перегородок составляет 0,8-0,9 м. Средние размеры помещений 4,3×3,2 м. Со стороны двора с востока, по плоскости поперечных стен помещений, устроены дверные проемы шириной 0,8-0,9 м. Вдоль всей задней стены устроено помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение. Это помещение отделено от двора стеной толщиной 1 м с одним центральным проходом шириной 1,25 м. Вход со стороны двора был оформлен, вероятно, утопленной аркой шириной 2,6 м, глубиной 0,7 м. С внутренней стороны проход оформлен двумя прямоугольными тромпами 0,8×0,4 м. Внутренняя ширина помещения составляет 3,3 м. Подъемный материал изобилует керамикой золотоордынской эпохи. Среди завала камней найден фрагмент резной глиняной штуки, выполненного из пластичной обожженной глины кремового цвета. Мы определили его как фрагмент тимпана. Как нам известно, в караван-сарае Белеули до 1972 года находились барельефные изображения львов. Плиты с размером 0,98×0,82 м, на которых они выполнены, имели прямоугольные очертания с одним срезанным углом (Толстов, 1958, с. 15; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175). В 50–60 м северо-восточнее караван-сарая на небольшом возвышении имеются 5 скоплений бутового камня от небольших разобранных построек.

Самой грандиозной постройкой на устюртском отрезке караванного пути являлся караван-сарай **Коскудук** (Калменов, 2007, с. 278–282; Калменов, 2012, с. 65–70). Его первые исследования были произведены экспедицией С.П. Толстова в 1950 г. (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с.

175–186). Памятник с хозяйственно-бытовыми постройками и синхронным кладбищем располагается на краю чинка плато Устюрт в северо-западной оконечности местности Мынсуалмас. Край чинка террасирован двумя невысокими уступами. Непосредственно под чинковым уступом, на удалениях около 1,5 км на север от караван-сарая, находится родник Есетбулак с малым дебитом воды. В районе родника встречаются фрагменты красноглиняной станковой керамики. Здание караван-сарая возведено почти на краю верхней террасы с небольшим понижением рельефа. Остатки сооружения хорошо просматриваются по каменно-грунтовым валам, образовавшимся при разборке стен на камень. Стены памятника возводились из крупных обработанных плит известняка толщиной 15-25 см, устанавливаемых вертикально в два ряда, с каменно-грунтовой забутовкой внутреннего пространства. Камень добывали из обнажения скальных террас. Часть строительного камня была взята на возведение надгробий казахской части кладбища Есетмола, но основная масса камня, вероятно, увезена отсюда в 30-х годах XX в. в период активного строительства, эпохи коллективизации. Высота сохранившихся фундаментов относительно уровня дневной поверхности составляет 1,4–2,5 м. Среди каменных завалов, образовавшихся от выборки камня и рухнувших перекрытий, хорошо прослеживаются очертания части внешних стен, башен и внутренних помещений. При небольшой дополнительной зачистке, без проведения археологических раскопок, удалось практически полностью воспроизвести масштабный архитектурный план всей постройки. Сооружение имеет правильную четырехугольную форму 41,6×40,8 м. с ориентацией плоскостей стен близкой к сторонам света (смещение 11° к западу). Вход устроен в середине западной стены. Его ширина 3,8 м. С фасадной стороны сохранились фундаменты двух пилонов шириной 2,7 м выступающих от плоскости стен на 1,2 м. Расстояние между пилонами 4,8 м, глубина портальной арки 2,5 м, длина прохода 7,2 м. С фасадной стороны, напротив фундаментов пилонов, располагается два широких каменных вала, в которых просматриваются ряды упавших каменных кладок, протяженностью до 8 м. Эти валы следует расценивать как остатки упавшего П-образного оформления портала, достигавшего высотой около 10 м. Толщина внешних стен составляет 1,5 м, за исключением задней, имеющей толщину 1,2 м. Планировка внутренних помещений караван-сарая практически полностью читается, без проведения раскопочных работ. Справа и слева от входа, зеркально располагаются по две больших, квадратных в плане комнаты размером 5,7×5,7 м. Стены этих помещений сохранились на наибольшую высоту, до 2,5 м, благодаря чему хорошо прослеживается конструкция сводчатых перекрытий. На высоту 1,5–1,7 м от уровня полов (по исследованиям караван-сарая Коскудук, осуществленным ХАЭЭ АН СССР в 1950 г.) (Толстов, 1958, с. 15) стены возводились из массивных вертикально установленных плит. Далее сводчатое перекрытие выполнялось обработанными в форме кирпичей плитками известняка, средним размером 20×20×5 см и 20×30×5 см. В описываемых помещениях своды выводились при помощи тромпов – промежуточных опорных выступов в стенах, с которых выводились полукружия углов помещения. Помещения, примыкавшие к входу, имели простенки в виде неглубоких ниш, оформленных стрельчатыми арками. Края ниш оформлены треугольными выступами, поддерживавшими по углам комнаты полусводы, вероятно, стрельчатых очертаний, с которых, в свою очередь, выводилось основное сводчатое перекрытие. Угловые комнаты имели немного иное перекрытие. Здесь тромпы сильно выступали из плоскости стен, и располагались в ее средней части. До настоящего времени на поверхности развалин этих комнат хорошо сохранились крестовидные очертания кладок нижнего сечения выводимых полусводов, также когда-то удерживавших купольное перекрытие. Вероятно, все помещения постройки имели алебастровое оштукатуривание поверхностей. Между комнатами каждого крыла были устроены каменные лестницы шириной 1,2–1,3 м, выходившие, вероятно, на уровень стрелковых площадок стен караван-сарая. Ступени правого крыла сохранились на высоту 2,4 м при средней ширине и высоте ступеней в верхней части 26 и 26 см соответственно. Это позволило предположить, что сохранившийся лестничный марш, может содержать 9 или 10 ступеней, а с учетом его возможной длины количество ступеней могло определяться 22-24 ступенями. Из этого

следует, что стрелковая площадка могла располагаться на высоте 5,5-6 м. Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Башни со стороны ворот и три промежуточные по периметру сооружения имеют диаметр 3,3 м, а две угловые башни с тыльной стороны – диаметр 4 м. Внутрибашенные помещения отсутствуют. Караван-сарай имеет обширный четырехугольной двор 30,5×25,5 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение. Вдоль северной и южной стен постройки устроены небольшие жилые помещения, по 7 у каждой стены. Очертания помещений хорошо просматриваются ближе к углам караван-сарая. Очертания центральных помещений восстановлены относительно общей планировки караван-сарая. Конструктивно стены помещений выполнены из массивных обработанных плит известняка, установленных вертикально, в два ряда с бутовым заполнением на высоту 1,6–1,7 м. Ширина стены со стороны двора составляет 1,2 м, а ширина перегородок – 1м. Средние размеры помещений 2,7×2,8–3 м. Помещения перекрывались сводами типа «балхи» из обработанных под кирпич плиток известняка. Со стороны двора, с востока по плоскости поперечных стен помещений устроены дверные проемы, шириной 0,9 м. Вдоль восточной стены устроено помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение. Это помещение отделено от двора стеной толщиной 1,6 м с одним центральным проходом шириной 2,5 м. Внутренняя ширина помещения 3,6 м. От входа помещение поделено парными прямоугольными тромпами (ширина 1 м, выступают на 0,5 м, ширина арки 2,8 м) для удержания арочного перекрытия на два симметричных крыла. Каждое крыло делится еще на четыре сектора, поделенных тоже арочными проемами (промежуточные по внешней стене караван-сарая, также имели тромповые выступы (ширина 0,5 м, выступают на 0,3 м. ширина арки 3,3 м). Подобная конструкция стен позволяет высказать предположение о многокупольном перекрытии. Угловые помещения немного заужены – 2,7×3,8–4 м. Они, вероятно, тоже имели широкий арочный проем и купольное перекрытие, которое прослеживается на поверхности в виде просевших кладок из обработанной известняковой плитки, располагающихся по полупериметру помещений. В 20 м напротив главного входа караван-сарая имеются остатки каменного фундамента многокомнатного помещения размером 24×6 м. Помещение длинной осью ориентировано по линии СЮ. Фундамент местами возвышается на 0,2 м от уровня современной поверхности, где сохранилась массивная вертикально установленная облицовочная плита. Вблизи северной стены караван-сарая, на краю невысокой террасы располагается каменный фундамент второго помещения размером 12×9 м. Высота фундамента до 0,4 м от уровня дневной поверхности. Фундамент третьего двухкомнатного сооружения, 11×6 м, хорошо просматривается на удалении 30 м от северо-западной башни караван-сарая. Вблизи фундаментов этих построек отмечается наибольшая концентрация мелких обломков станковой керамики второй половины XII–XIV вв. Эта же керамика встречается вокруг караван-сарая с разной плотностью концентрации на площади более 3 га. В 130 м южнее юго-западной башни караван-сарая сохранился фундамент четвертой постройки, определенной как сигнальная башня. На месте этого сооружения сохранился лишь фундамент размером 6х6 м, облицованный массивными, вертикально установленными плитами обработанного известняка, просматривающихся на уровне современной поверхности высотой до 0,3 м. Внутреннее пространство башни заполнено грунтом и обломками красного кирпича размером 22×22×6 см. Грунтовое заполнение сохранилось в виде оплывшей насыпи высотой 1,2 м. В 30 м северо-восточнее караван-сарая сохранилась каменно-грунтовая запруда, перегораживающая небольшое русловое понижение. Запруда имеет полукруглые очертания. Ее длина составляет около 35 м, ширина 2 м при высоте 1 м. Западная часть плотины смыта паводковыми водами. Подъемный материал изобилует фрагментами красноглиняных станковых сосудов, мелкими обломками глазурованной керамики, а также фрагментами стенок штампованной сероглиняной керамики золотоордынского периода. Местами встречаются обломки стеклянных изделий. Около портальной части караван-сарая найдена буса из стеклянной пасты. В 100 м юго-западнее караван-сарая располагается большое кладбище, состоящее из средне-

векового комплекса надгробий и казахских захоронений XVIII-XIX вв. Комплексы надгробий не разграничены территориально, а устроены вперемешку. К средневековым надгробиям следует отнести фундаменты 7 разобранных на камень мавзолеев и более 100 надгробий в виде одно-, двух- или трехступенчатого постамента и «пирамидки» с навершием в виде двухскатной крыши. Обитаемая зона составляла около 4 га. На площади караван-сарая и на удалении до 150–200 м встречаются фрагменты станковой керамики XI–XII вв. Керамика, по-видимому, относится к периоду хорезмшахов. С востока к первому котловану примыкает могильник (13-15 захоронений), определяемый по каменным вымосткам, наброскам и каменным ящикам. Еще один могильник (около 20 захоронений) расположен в 200 м северо-восточнее караван-сарая на противоположном борту сухого русла. По фрагментам керамической посуды установлено, что караван-сарай существовал в период XI–XIV вв.

В 6 км на северо-запад от 6-го разъезда выявлен городище **Уали 1** (Калменов, 2013). Городище площадью 10 га. читается по остаткам земляного вала высотой до 2 м и шириной 30–35 м, в плане имеющего овальную планировку 300×170 м, длинной осью ориентированную по линии ВЗ. В северо-западном секторе вал имеет разрыв шириной 10 м. На вершине вала местами сохранились участки цокольной двухрядной кладки каменной стены шириной 2 м. На северо-западном секторе в районе прохода по валу просматриваются очертания четырехугольной постройки. Здесь же сохранилась цокольная однорядная кладка пристройки к валу размером 70×30 м. Еще один фундамент двухкомнатного помещения 14×10 м находится у основания вала в юго-восточном секторе. В пределах вала, с концентрацией в западном секторе, встречаются фрагменты станковой красноглиняной керамики тюркского периода (XI–XIII вв.). Судя по географическому расположению памятника, мы можем предположить, что городище в ранний период был сооружено как караван-сарай.

На устюртском подъеме Маната были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики. Археологическое обследование выявило, что это остатки небольшого караван-сарая периода Улуса Джучи. Памятник был назван караван-сарай **Маната.** Караван-сарай находится в 27 км на северо-восток от пос. Жетыбай (Калменов, 2013). Остатки караван-сарая расположены недалеко от удобного спуска с плато. Памятник сохранился очень плохо, на уровне цокольных кладок. Девятикомнатное сооружение имеет подпрямоугольную форму 24×11 м, вытянутую по линии СВ-ЮЗ. Восточный угол имел пристройку в одну комнату 5×4,5 м. Северо-восточная стена имеет полукруглую в плане пристройку. Стены сложены методом двухрядной кладки с грунтово-щебнистой забутовкой в сочетании с вертикально установленными плитами. Ширина стен 0,9–1,2 м. На площади караван-сарая и восточнее его на удалении до 150–200 м встречаются фрагменты станковой керамики XIV в. Восточнее и юго-восточнее от караван-сарая находятся 3 могильника, синхронные по времени караван-сараю, и два казахских кладбища нового времени. Возможно, памятник, кроме обслуживания торговых караванов, выполнял и иную задачу, такую как контроль над одним из наиболее удобных спусков с плато. На основе найденных фрагментов керамики памятник датируется XIV в.

Таким образом, результаты археологического изучения памятников Устюрта, исследования археологического материала и письменных источников позволяют сделать следующие выводы – на плато Устюрт, ставших в XIII в. частью Улуг Улуса (Золотая Орда), караван-сараи существовали задолго до прихода чингизидов. Сведения письменных источников о караванных дорогах, о поселениях, расположенных вдоль этих путей, в основе своей относятся к X–XI вв., когда эти дороги еще только начинают функционировать. В результате завоеваний войсками чингизидов некоторые из них были заброшены, а некоторые восстановлены и использовались и в золотоордынское время. В начале XIII вв. на караванных дорогах, которые расположены на плато, появляются оборудованные караван-сараи – Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук, Кусшы ата, Коптам (Белдеули) и у родника Коскудук (Есетбулак), также в направления Каспийского моря расположены Уали и Маната свидетельствует о росте их значимости. Во-вторых, памятники расположены цепочкой, практически по прямой линии, идущей с юго-востока, на северо-запад от северного борта шора Барса-

кельмес до края чинка плато Устюрт в его северо-западной оконечности ущелья Мынсуалмас. Возможно, это караванный путь был не единственным на Устюрте в золотоордынское время. Западный путь, ведущий от Ургенча через плато Устюрт к полуострову Мангистау, был известен, по крайней мере, с хазарского времени. Он также был оборудован караван-сараями, но все известные постройки датируются доордынским периодом (Астафьев, 2010, с. 56–60). В-третьих, исследованные караван-сараи Устюрта свидетельствует о том, что все они относятся к одному типу планировки. Все здания представляют собой однодворовые постройки квадратные или близкие к квадрату в плане, с одним входом. Застройка вдоль стен секционно-галерейная вдоль четырех стен в один ряд. Причем к трем стенам примыкают жилые секции и общественные помещения, а к противоположному входу стене – хозяйственная галерея. В XIII–XIV вв. караван-сараи используется особенно интенсивно, что свидетельствует о стабильном политико-экономическом положении региона.

ЛИТЕРАТУРА

Ал-Асир. Извлечения из рукописи А.Туманского. С введением и указателем В.В.Бартольда. Л., 1930. 138 с.

Ажигали С.Е. Очерк этнической истории аридной зоны Арало–Каспия // История и культура Арало-Каспия. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ажигали. Алматы: Құс жолы, 2001. С. 7–37.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии. Алматы: Ғылым, 2002. 652 с.

Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (Кавказских отрядов) 1873 г. Степь и оазис. СПб.: Паровая Скоропечатня Я.И. Либермана, 1899. 320 с.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье; Отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л., 1937. 306 с.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга III. Часть 1. Алматы: Институт археологии МОН РК, 2016. 594 с.

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 15–96.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. / Записки Императорской АН по историко-филологическому отделению. Т. 1. № 4. СПб.: тип. Акад. Наук, 1897. 151 с.

Бартольд В.В. Мангышлак // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 479–480.

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 97–236.

Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Сочинения. Т. II. М.: Наука, 1965. С. 547–626.

Баярунас М.В. К геологии Гурьевского уезда Уральской области // Труды Петроградского общества естествоиспытателей. 1916. Т. 38. Вып. 5. Отд. Геологии и минералогии. С. 72–74.

Бижанов Е.Б. Археологические памятники Юго-Восточного Устюрта. Автореф. Дисс. … канд. ист. наук. Нукус, 1967. 26 с.

Бижанов Е.Б. Средневековая крепость Давлетгирей на Устюрте // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1965. № 4. С. 64–67.

Бижанов Е.Б. Ширван-кала – специализированное поселение горнорабочих-ремесленников // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1966. № 3. С. 96–98.

Бижанов Е.Б. Юго-восточный Устюрт. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1979. № 3. С. 56–60.

Бижанов Е.Б., Лоховиц В.В. Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1969. № 2. С. 59–61.

Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1868. 336 с.

Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. 310 с.

Григорьев В.В. О путешествия Гербера в Хиву 1732 г. // ИРГО. Т. 6. Отд. 1 / Ред. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Безобразова, 187. С. 46–47.

Григорьев В.В. Описание Хивинского ханства и дорог туда из Сарайчиковой крепости. // Записки РГО. Кн. 2. СПб., 1861. С. 112–115.

Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 г. Действие Кавказских отрядов. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 470 с.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: АН УзССР, 1957. 314 с.

Д.К. Усть–Урт, ночлег на Аджибай-Аксауте, в одном переходе от мыса Урга и хивинской крепости Джаныкала, 3 мая 1873 г. // Уральские войсковые ведомости. 1873. № 24. С. 11.

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред.С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1978. 327 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

Извлечения из «Китаб Футух ал-Булдан ал-Беларузи» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 62–77.

Извлечения из «Китаб ал-Булдан» ал-Я'куби // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 78–86.

Извлечения из «Китаб ал-алак ан-нафиса» Ибн Русте // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 150.

Извлечения из «Ахсан Ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим ал-Макдиси // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 184–186.

Извлечения из «Китаб ал-асар ал Бакия ан ал-курун ал-хилия» Абу-Рейхана ал-Беруни // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 219–220.

Извлечения из «*Худуд-ал-алем»* – анонимного персидского географического сочинения (перевод под редакцией А.А.Ромаскевича) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 209–217.

Извлечения из «Китаб мурудж аз-захаб» ал-Мас'уди // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 166–167

Извлечение из 4 тома «Раузат ас-сафа» Мирхонда. (Пер. А.А.Ромаскевича) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 450–469.

История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 2 / Ред. М.Г. Вахабов и др. Ташкент: АН УзССР, 1956. 497 с.

Калменов, М.Д. Средневековые караван-сараи, расположенные на территории Мангистау // Материалы Междун. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2007» / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2007. С. 278–282.

Калменов М.Д. Караванный тракт через плато Устюрт // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1. С. 65–70.

Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Оренбург: типо-литография т-ва "Каримов, Хусаинов и К°", 1910. 332 с.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М.: Наука, 1980. 312 с.

Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964. 119 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.

Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 2. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1880. 261 с.

Килевейн Е. Отрывок из путешествия в Хиву // Записки РГО. Кн. 1. СПб., 1861. С. 5–11.

Кожа М., Самашев З. О раскопках караван-сарая Белдеули // Восхождение к вершинам археологии. Сб. материалов междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахста-

на», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 486–489.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 264 с.

Лобысевич Ф.И. Взятие Хивы и Хивинская экспедиция 1873 г. // Вестник Европы. 1873. Кн. 8. С. 47–66.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л.: Наука, 1976. 286 с.

Мандельштам А.М. К данным аль-Бируни о Закаспии // Страны и народы Востока. Вып. X. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история / Под общ. ред. Д.А. Ольдерогге. Отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 163–169.

Манылов Ю.П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1 / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1982. С. 93–122.

Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сараи Центрального Устюрта // СА. 1982. № 1. С. 175–186.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. 612 с.

Немцева Н.Б. Рабат-и Малик // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. / Ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1983. С. 139–141.

Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией // Записки РГО. Т. 10. Кн. 5. СПб., 1855. С. 109–111.

Никитин С.Н. Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральскую область и Устюрт. Снаряженной Акционерами Общества Рязанско-Уральской Ж.Д., С.П. и П.П.Фон Дервиз и Геоглогическим Комитетом. Под начальством С.Н.Никитина, с приложением отчетной карты и 6 таблиц профилей. СПб. Типография А.Якобсона, 1893. 127 с.

Оңғарұлы А., Қожа М., Чотбаев А., Байтлеу Д., Қиясбек Ғ. Ортағасырлық Белдеулі керуен-сарайында атқарылған зерттеу жұмыстарының нәтижелері // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Путешествия Ибн Баттуты по Шелковому Пути: продвигая диалог между культурами» / Отв. ред. Г.К. Кайыргалиева. Атырау: Типография Атырауского госуниверситета им. Х. Досмухамедова, 2017. С. 51–54.

Первые русские научные исследования Устюрта / Отв. ред. А.Л. Яншин, Л.А. Гольденберг. М.: АН СССР, 1963. 326 с.

Петрусевич Н.Г. Предварительный отчет об исследованиях Дарьялыка (Узбой) и местности между Аму-Дарьей и Сарыкамышской котловиной // Известия Кавказского отдела Императорского РГО. 1878. Т. 5. Вып. 4. С. 241–256.

Плетнёва С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. 94 с.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: АН СССР, 1958. 493 с.

Руссов С.В. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г., с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донине. СПб.: тип. М-ва вн. дел , 1840. 56 с.

Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Ч. 2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1762. 262 с.

Рябинин А.Н. По Прикаспийским степям и Устюрту от р. Урала до устья Аму-Дарьи (Путевые наблюдения 1859 г.) // Горный журнал. 1905. Т. 1. Февраль. С. 37–38.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1945–1948 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948 / ТХАЭЭ. Т. 1 / Отв. ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1952. С. 7–46.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Акажемии Наук СССР в 1946 году // Известия АН СССР. Серия истории и философии, Т. IV. №2. М., 1947. С. 182–190.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 326 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит-ра, 1962. 322 с.

Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1. С. 176–203

Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / ТХАЭЭ. Т. 2 / Отв. ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1958. С. 7–258.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига: Continent, 1992. 344 с.

Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи / Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.: АН СССР, 1963. 207 с.

Ягодин В.Н., Бижанов Е.Б, Мамбетуллаев М.М., Юсупов Н. Ю. Разведки на Устюрте // АО – 1972 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 473–482.

Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Т. 5 / Отв. ред. В.В. Бартольд. Л.: АН СССР, 1930. С. 551–582.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке / ИГАИМК. Т. 8. Вып. 2-3. 1931. С. 91.

Информация об авторах:

Калменов Мурат Дабылович, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета (г. Уральск, Казахстан); kalmenoff@mail.ru

Бижанова Алия Ермековна, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета (г. Уральск, Казахстан); aaliyka@mail.ru

Курманалин Самат Бакитжанович, кандидат исторических наук, профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета (г. Уральск, Казахстан); Samatbk71@mail.ru

REFERENCES

Al-Asir. 1930. *Izvlecheniya iz rukopisi (Extracts from the manuscript)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Azhigali, S. E. 2001. In Azhigali, S. E. (ed.). *Istoriya i kul'tura Aralo-Kaspiya (History and culture of the Aral-Caspian Sea region).* Almaty: “Құs zholy” Publ., 7–37 (in Russian).

Azhigali, S. E. 2002. *Arkhitektura kochevnikov. Fenomen istorii i kul'tury Evrazii (The architecture of the nomads. The phenomenon of the history and culture of Eurasia).* Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).

Alikhanov-Avarsky, M. 1899. *Pokhod v Khivu (Kavkazskikh otryadov) 1873 g. Step' i oasis (A campaign to Khiva (Caucasian troops) in 1873. Steppe and oasis).* Saint Petersburg: “Ya.I. Liberman” Publ. (in Russian).

Gotie Yu. V. (ed.). 1937. *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke (English Travelers in Muscovy in 16th Century)*. Moscow: “Sotsekgiz” Publ. (in Russian).

Baipakov, K. M. 2016. *Drevniaia i srednevekovaia urbanizatsiia Kazakhstana (Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan)* Book III, Part 1. Almaty: Institute of Archaeology (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 15–96 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1897. *Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu v 1893-1894 gg. (Report on a trip to Central Asia for scientific purposes in 1893-1894).* Series: Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences) I (4). Saint Petersburg (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 479–480 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 97–236 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 547–626 (in Russian).

Bayarunas, M. V. 1916. In *Trudy Petrogradskogo Obshchestva estestvoispytateley (Proceedings of the Petrograd Society of Naturalists).* 38 (5), 72–74” (in Russian).

Bizhanov, E. B. 1967. *Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Vostochnogo Ustyurta (Archaeological sites of the southeastern Ustyurt).* Thesis of Candidate of Historical Sciences. Nukus. (in Russian).

Bizhanov, E. B. **1965**. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 4, 64–67 (in Russian).

Bizhanov, E. B. 1966. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 3, 96–98 (in Russian).

Bizhanov, E. B. 1979. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 3, 56–60 (in Russian).

Bizhanov, E. B., Lokhovits, V. V. 1969. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 2, 59–61 (in Russian).

Galkin, M. N. 1868. *Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu (Ethnographic and Historical Materials on Central Asia and Orenburg Region).* Saint Petersburg: "Ya. A. Isakov Publ". (in Russian).

Gafurov, B. G. 1972. *Tadzhiki. Drevneyshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoriya (The Tajiks. The most ancient, ancient and medieval history).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Grigor'ev, V. V. 1870. In Osten-Saken, F. R. (ed.). *Izvestija Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)* 6. Saint Petersburg: "V. Bezobrazov Tipography" Publ., 46–47 (in Russian).

Grigor'ev, V. V. 1861. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* 2. Saint Petersburg, 112–115 (in Russian).

Grodekov, N. I. 1888. *Khivinskiy pokhod 1873 g. Deystvie Kavkazskikh otryadov (The Khiva campaign of 1873. The operation of the Caucasian troops).* Saint Petersburg: "V. S. Balashev" Publ. (in Russian).

Gulyamob, Ya. G. 1957. *Istoriya orosheniya Khorezma s drevneyshikh vremen do nashikh dney (The history of irrigation in Khwarazm from ancient times to the present day).* Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).

D.K. 1873. In *Ural'skie voiskovye vedomosti (Ural Military News)* 24, 11 (in Russian).

Kamalov, S. K. (ed.). 1978. *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura Yugo-Vostochnogo Ustyurta (Ancient and medieval culture of the southeastern Ustyurt).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2018. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 2. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Architecture).* Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 62–77 (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 78–86 (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 150 (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 184–186 (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 219–220 (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 209–217 (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 166–167 (in Russian).

In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 450–469 (in Russian).

Vakhabov, M. G. et al. (eds.). 1956. *Istoriya Uzbekskoy SSR (History of Uzbek SSR)*. Vol. 1, book 2. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2007. In Bisembaev, A. A. (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kadyrbaevskie chteniia – 2007" (Proceedings of International Research Conference "Kadyrbaev Readings – 2007")* Aktobe: Aktobe Regional Historical and Local Lore Museum, 175–188 (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2012. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 65–70 (in Russian).

Kastan'e, I. A. 1910. *Drevnosti kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya (Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region).* Series: Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission) 22. Orenburg: "Karimov, Khusainov and Co" Publ. (in Russian).

Kloss, B. M. 1980. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI-XVII vv. (The Nikon Code and the Russian chronicles of the XVI-XVII centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Knyazhetskaya, E. A. 1964. *Sud'ba odnoy karty (The fate of one map).* Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).

Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921—922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921-922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

Kostenko, A. P. 1880. *Turkestanskiy kray. Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga (Turkestan region. The experience of the military statistical review of the Turkestan Military District)* 2. Saint Petersburg: "Obshchestv. Pol'za" Publ. (in Russian).

Kilevein, E. 1861. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* 1. Saint Petersburg, 5–11 (in Russian).

Kozha M., Samashev, Z. 2014. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Voskhozhdenie k vershinam arkheologii (Towards the Apex of Archaeology)*. Almaty: Institute for Archaeology, 486–489 11 (in Russian).

Levshin, A. I. 1832. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey (Description of the Kirgiz-Cossack, or Kirgiz-Kaysak hordes and steppes)* 1. Saint Petersburg: "Karl Kray" Publ. (in Russian).

Lobysevich, F. I. 1873. In *Vestnik Evropy (Bulletin of Europe)* 8, 47–66 (in Russian).

Lur'e, Ya. S. 1976. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. (All-Russian chronicles of the XIV–XV centuries).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mandelshtam, A. M. 1971. In Olderogge, D. A., Romodin, V. S. (eds.). *Strany i narody Vostoka (Countries and peoples of the East)* 10. Moscow: "Nauka" Publ., 163–169 (in Russian).

Manylov, Yu. P. 1982. In Kamalov, S. K. (ed.). *Arkheologiya Priaral'ya (Archeology of the Aral Sea region)* 1. Tashkent: "Fan" Publ., 93–122 (in Russian).

Manylov, Yu. P., Yusupov, N. Yu. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 175–186 (in Russian).

Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Nemtsova, N. B. 1983. *Khudozhestvennaya kul'tura Sredney Azii IX–XIII vv. (The artistic culture of Central Asia of the IX–XIII centuries).* Tashkent: "Literature and Art" Publ. (in Russian).

Nebol'sin, P. I. 1855. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* 5 (10). Saint Petersburg, 109–111 (in Russian).

Nikitin, S. N. 1893. *Otchety ekspeditsii 1892 g. v Zaural'skie stepi Ural'skuyu oblast' i Ustyurt. Snaryazhennoy Aktsionerami Obshchestva Ryazansko-Ural'skoy Zh.D., S.P. i P.P. Fon Derviz i Geoglogicheskim Komitetom. Pod nachal'stvom S.N. Nikitina, s prilozheniem otchetnoy karty i 6 tablits profiley (Reports of the 1892 expedition to the Trans-Ural steppes, the Ural region and Ustyurt. Equipped by the Shareholders of the Ryazan-Ural Railway Company, S.P. and P.P. Von Derviz and the Geological Committee. Under the supervision of S.N. Nikitin, with the application of a report card and 6 profile tables).* Saint Petersburg; "A. Yakobson, Publ. (in Russian).

Ongaruly, A., Khozha, M., Chotbaev, A., Baitleu, D., Khiyasbek, F. 2017. In Kaiyrgalieva, G. K. (ed.). *Puteshestviya Ibn Battuty po Shelkovomu Puti: prodvigaya dialog mezhdu kul'turami (Ibn Battuta's journey along the Silk Road: promoting dialogue between cultures).* Atyrau: Atyrau State University, 51–54 (in Kazakh).

Yanshin, A. L., Goldenberg, L. A. (eds.). 1963. *Pervye russkie nauchnye issledovaniya Ustyurta (The first Russian scientific study of Ustyurt).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Petrusevich, N. G. 1878. In *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva (Proceedings of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society)* 5 (4), 241–256 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1976. *Khazary (Khazars).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1958. *Puti razvitiia arkhitektury Iuzhnogo Turkmenistana pory rabovladeniia i feodalizma (Ways of Development of South Turkmenistan Architecture during Slavery and Feudalism)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Russov, S. V. 1840. *Puteshestvie iz Orenburga v Khivu samarskogo kuptsa Rukavkina v 1753 g., s priobshcheniem raznykh izvestiy o Khive s otdalennykh vremen donyne (The journey from Orenburg to Khiva of the Samara merchant Rukavkin in 1753, with the introduction of various news about Khiva from ancient times to the present).* Saint Petersburg: Ministry of Internal Affairs (in Russian).

Rychkov, P. I. 1999. *Topografiia Orenburgskoi gubernii (Topography of the Orenburg Province)* Part 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Ryabinin, A. N. 1905. In *Gornyi zhurnal (Mining Journal)* I, 37–38 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1952. In Tolstov, S. P, Zhdanko, T. A. (eds.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1945–1948 (Archaeological and Ethnographic Activities of the Khwarezm Expedition in 1945–1948).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–46 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1947. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii (Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Historical and Pholosofy Series)* 2 (4), 182–190 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii (By the traces of the ancient Khwarazmian civilization).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta (Alongside Ancient Deltas of the Oxus and the Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Tolstov, S. P. 1947. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 55–102 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1938. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (1), 176–203 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1958. In Tolstov, S. P, Zhdanko, T. A. (eds.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographic Activities of the Khwarezm Expedition in 1949–1953)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–258 (in Russian).

Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdu arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turkics: Architecture of Central Asia in 9th—10th Centuries)*. Berlin; Riga: "Continent" Publ. (in Russian).

Yagodin, V. N. 1963. *Marshrutnye arkheologicheskie issledovaniya v levoberezhnoy chasti Priaral'skoy del'ty Amu-Dar'I (Archaeological studies in the left-bank part of the Aral delta of the Amu Darya).* Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Yagodin, V. N., Bizhanov, E. B., Mambetullaev, M. M., Yusupov, N. YU. 1973. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 goda (Archaeological Discoveries of 1972)*. Moscow: "Nauka" Publ., 473–482 (in Russian).

Yakubovich, A. Yu. 1930. In Bartol'd, V. V. (ed.). *Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR (Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences)* 5. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 551–582 (in Russian).

Yakubovich, A. Yu. 1931. *K voprosu o proishozhdenii remeslennoi promyshlennosti Saraia Berke (The Issues of the Origin of the Handicraft Industry of the Sarai of Berke)* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture) Vol. 8 (2–3). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

About the Authors:

Kalmenov Murat D., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, West Kazakhstan Innovation and Technology University. N. Nazarbayev Ave., 208, Uralsk, 090000, Republic Of Kazakhstan; aaliyka@mail.ru

Bizhanova Aliya E., Candidate of Historical Sciences, Associate , West Kazakhstan Innovation and Technology University. N. Nazarbayev Ave., 208, Uralsk, 090000, Republic Of Kazakhstan; aaliyka@mail.ru

Kurmanalin Samat B., Candidate of Historical Sciences, Professor, West Kazakhstan Innovation and Technology University. N. Nazarbayev Ave., 208, Uralsk, 090000, Republic Of Kazakhstan; Samatbk71@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903/904 (574/575) + 811.512.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.364.374
МРНТИ 03.41.91

СВЯТЫЕ МЕСТА УЛУСА ДЖУЧИ: САРАЙЧИК И БАРЧИНКЕНТ[1]

©2024 г. Д.А. Талеев

Изучение истории возникновения и развития средневековых городов Казахстана остается одной из наиболее сложных и важных задач современных исследований. Комплексное изучение памятников позволяет определить как общие черты развития городов, так и особенности формирования отдельных городских поселений. Города Сарайчик на реке Жайык и Барчинкент в низовьях Сырдарьи являлись не только крупными торгово-экономическими, но и духовными центрами Улуса Джучи. Сложившись как города в монгольский период, они сыграли важную роль в политической жизни Золотой Орды. Судьба городов Сарайчик и Барчинкент тесно связана с общим ходом истории этого государства. Данные письменных источников и материалы многолетних археологических исследований свидетельствуют, что расцвет обоих городов совпадает со временем подъема, а начало упадка и запустения – с началом распада Золотой Орды. Интронизация в Сарайчике ханов Берке, Жанибека и других Джучидов, а затем возникновение некрополя, где упокоены останки ряда правителей Золотой Орды, обусловили начало сакрализации места. Барчинкент к XIV в. приобрел известность как город, где проживали многие проповедники ислама и знатоки шариата, сыгравшие заметную роль в распространении мусульманской религии среди населения Улуса Джучи. Раскопки в Сарайчике и Барчинкенте (городище Кышкала) позволили идентифицировать местонахождение и исторические названия городов, время их возникновения и роста, а также определить особенности функционирования как центров международной торговли, ремесла и культуры.

Ключевые слова: археологические исследования, Улус Джучи, Золотая Орда, Сарайчик, Барчинкент, Кышкала, письменные источники.

HOLY PLACES OF THE JOCHI ULUS: SARAICHYQ AND BARCHINKENT[2]

D.A. Taleev

The study of the history of the emergence and development of medieval cities in Kazakhstan remains one of the most difficult and important tasks of modern research. A comprehensive study of the sites allows us to determine both the general features of urban development and the peculiarities of the formation of individual urban settlements. The cities of Saraichyq on the Jaiyk River and Barchynkent in the Lower Syr Darya River were not only large trade and economic, but also spiritual centers of the Ulus of Jochi. Having developed as cities during the Mongol period, they played an important role in the political life of the Golden Horde. The fate of Saraichyq and Barchinkent closely connected with the general course of the history of this state. Written sources and materials of long-term archaeological studies indicate that the heyday of both cities coincides with the time of rising, and the beginning of decay and desolation – with the beginning of the collapse of the Golden Horde. The enthronement of khans of Berke, Janibek and other representatives of Juchids in Saraychyq, and then the emergence of a necropolis where a number of rulers of the Golden Horde buried, led to the beginning of the sacralization of the place. By the XIV century, Barchinkent became famous as a city where many preachers of Islam and Sharia scholars lived, who played a significant role in spreading the Muslim religion among the population of the Ulus of Jochi. Excavations in Saraichyq and Barchinkent (Kyshkala ancient urban settlement) made it possible to identify the location and historical names of cities, the time of their emergence and growth, as well as to reveal the peculiarities of their functioning as centers of international trade, crafts and culture.

1 Работа выполнена при поддержке Фундаментальный научный исследовании МНВО РК 2023-2025 BR20280993

2 The work was supported by the Fundamental Scientific Research of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023-2025 BR20280993

Keywords: archaeological studies,Ulus of Jochi, Golden Horde, Saraychyq, Barchinkent, Kyshkala, written sources, archaeological studies.

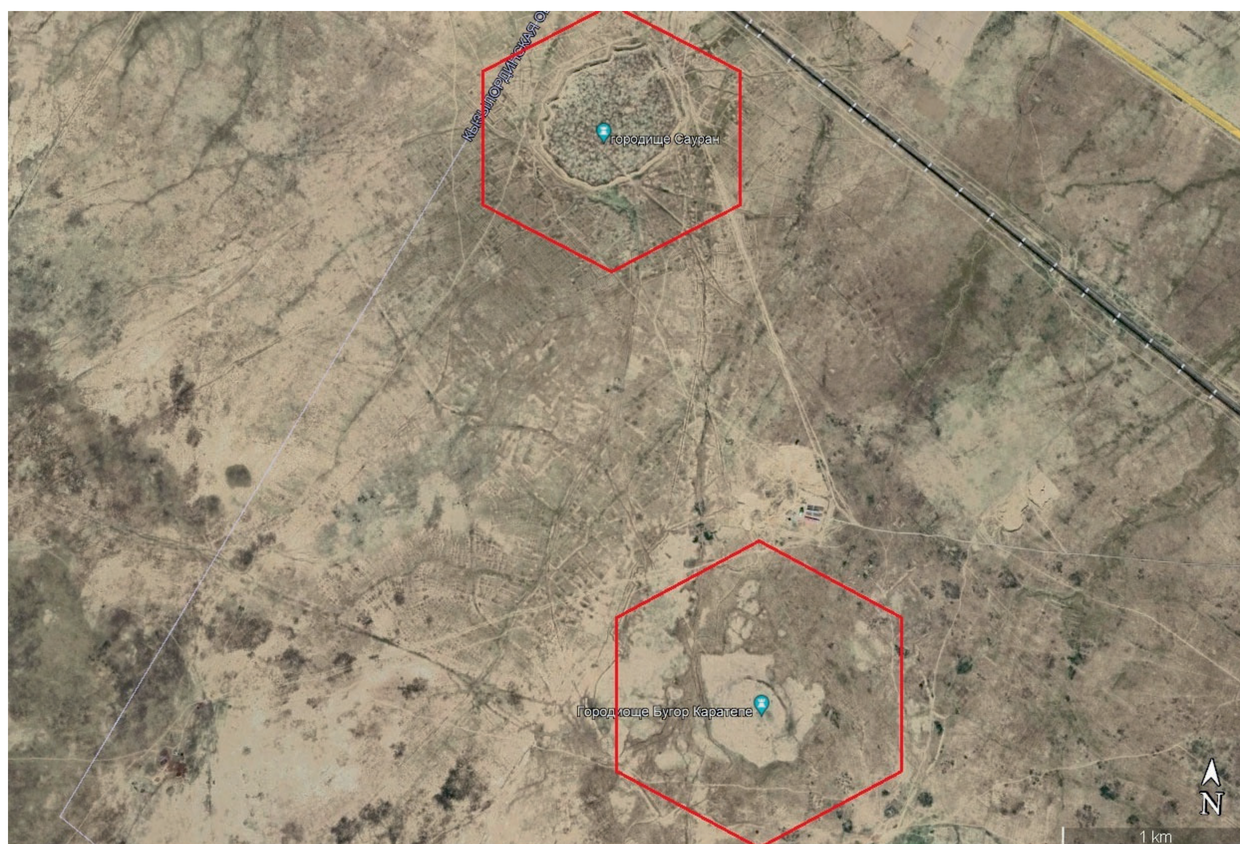

Рис. 1. Расположение древнего и средневекового города Сауран на карте
Fig. 1. The location of the ancient and medieval city of Sauran on the map

Введение

В исторических трудах отмечается, что вторжение войск Чингисхана надолго приостановило не только политическое и экономическое, но и культурное, социальное и этническое развитие народов Средней Азии и Казахстана (История Казахстана, 1998, с. 89). Однако, судя по письменным источникам, по данным современных археологических и нумизматических исследований, разрушенные города на территории юга Казахстана вскоре вновь возродились и стали не только крупными политико-экономическими, но и торговыми и культурными центрами (Байпаков, 2016, с. 5–7; Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 8). Среди таких городов – Отрар, Сайрам, Сауран, Суткент, Аркук, Созак и Сыганак, хотя некоторые из них отстроены заново на новом месте. Так, современные исследования казахстанских археологов показали, что города Сауран, Созак, Суткент и Аркук имели разное местонахождение до монгольского нашествия и в эпоху Золотой Орды. Как установлено Е.А. Смагуловым, домонгольский Сауран – это нынешнее городище Каратобе, расположенное в 3 км к югу от величественных руин одноименного города позднесредневекового периода (рис. 1). Археологические раскопки показали, что городская жизнь на Каратобе завершается в самом начале XIII в., а культурные слои городища Сауран соответствует эпохе Золотой Орды и Казахского ханства (Смагулов, 2010, с. 7–11). По-видимому, та же судьба постигла и город Сузак на северо-восточном склоне Каратау. Еще середине прошлого века А.Х. Маргулан говорил, что древнейшей частью Созака было городище Тарса-Тюбе лежащее, в 2 км на северо-восток от современного Созака. (Маргулан, 1950, с. 51) а мы со свой стороны говорим городище Оркакпа (в центре села Созак) относится к эпохе Золотой Орды и Казахского ханства. (рис. 2) (Талеев, 2021, с. 39–40)

Известно, что города Суткент и Аркук, расположенные в среднем течении Сырдарьи,

Рис. 2. Расположение древнего и средневекового города Созак на карте.
1 – Тарсатобе, 2 – Оркакпа, 3 – план Оркакпа
Fig. 2. The location of the ancient and medieval city of Sozak on the map.
1 – Tarsatobe, 2 – Orkakpa, 3 – Orkakpa plan

за свою многовековую историю неоднократно меняли свое местоположение, при этом культурные слои монгольского периода достигают на них нескольких метров (Талеев, 2022, с. 61–62, 65–66). Очевидно, несмотря на то что монгольское нашествие нарушило жизнь этих городов, в дальнейшем они пережили новый подъем в своем развитии.

Наряду со старыми городами, возродившимися на новом месте, известны также поселения домонгольского периода, динамичное развитие которых как крупных торговых и культурных центров началось только после вхождения в Улус Джучи. К числу таковых относятся Сарайчик и Барчинкент. На основе письменных источников и материалов археологических исследований ниже раскрывается значение этих городов в золотоордынский период.

Методы и материалы исследования

Остатки средневекового города Сарайчик уверенно отождествляются исследователями с руинами одноименного городища на правобережье Жайыка в 50 км к северу от современного г. Атырау. Археологические раскопки на городище Сарайчик, впервые выполненные А.Х. Маргуланом в 1950 г., были продолжены казахстанскими исследователями в конце прошлого века и позволили получить обильные материалы, включая нумизматическую коллекцию, которые характеризуют развитие крупного торгово-ремесленного города в XIII – конце XIV в. (Маргулан, 1950; Самашев, Кожаков, Талеев, 1998). Локализация города Барчинкент на современной археологической карте Казахстана была окончательно установлена только в наши дни, при этом данные средневековых письменных источников о местонахождении города нашли убедительное подтверждение в нумизматических материалах, полученных в ходе археологических раскопок в 2018–2023 гг. на городище Кышкала (Елеуов и др., 2023). Памятник находится в 25 км к юго-западу от Кызылорды, на правобережье Сырдарьи. Стратиграфический разрез в центральной части городища позволил изучить культурные слои XI–XIV вв. (Taleev, Moldakhmet, 2023, p. 156–157); археологическая разведка в окрестностях городища выявила состав и планиграфию памятников (поселения, ирригационные каналы), входивших в сельскохозяйственную округу средневекового Барчинкента. За пределами городских укреплений исследованы три мавзолея

сложной архитектуры, датировка которых по типологическим параллелям планировке, строительной технике и материалов установлена в пределах XIV–XV вв.

Особое значение для изучения роли городов Сарайчик и Барчинкент в золотоордынский период имеют письменные источники.

Сведения о Сарайчике сообщают многие средневековые авторы: Ибн Баттута, Аль-Омари, Франческо Пеголотти, Хамдаллах Казвини, Мырза Мухаммад Хайдар Дуглат, Джалаири К., Утемиш Хаджи, Абулгазы-хан. По данным Абылгазы, Сарайчик был построен Бату (1242–1255). В 1334 г. Сарайчик посетил арабский путешественник Ибн-Баттута, который описал город следующим образом: «Мы прибыли в город Сараджук, «джук» значит «маленький». Они таким образом хотели выразить, что это Сарай Малый. Город этот расположен на берегу полноводной, крупной реки, называемой Улусу, значение чего «великая вода». Через нее переброшен мост из лодок, такой же, как в Багдаде» (Ибрагимов, 1988, с. 73)

Мырза Мухаммад Хайдар сообщает, что: «Бурындык хан поселился в городе Сарайчик. Касым планировал перезимовать возле реки Каратау, впадающей в Балхаш, недалеко от Монголии, а следующей весной вернуться на родину» (Тарихи, 1999, с. 324). Важные исторические сведения о Сарайчике содержатся у Абулгазы; повествуя о хане Берке, что «однажды он отправился в город Сарайчик, который построил его брат» (Абулгазы, 1992, с. 115), историк подчеркивает тем самым, что именно Бату основал город Сарайчик, в котором Берке первым из правителей Улуса Джучи принял ислам. Утемиш Хаджи также связывает Сарайчик с одним из важных политических событий истории Золотой орды – с прибытием в город хана Берке (Утемиш, 1992, с. 97). Джалаири связывает историю города с общественно-политической деятельностью ханов Жанибека и Бердибека (Джалаири, 1997, с. 115–117).

О Барчинкенте имеется ряд ценных источников, авторы которых, как Плано Карпини и Джамал ал-Карши, лично посетили город в 1250-1270-е годы и как очевидцы сообщают не только сведения о его положении в составе Улуса Джучи, но и освещают некоторые вопросы истории города в домонгольский период (Путешествия, 1993, 41). Свидетельства этих авторов о территориальной близости Барчинкента и Дженда в низовьях Сырдарьи дополняются в трудах историка XIV в. Рашида ад-Дина (Рашид ад-Дин, 1952).

Результаты исследования

Сарайчик (Малый Сарай). Сарайчик, или Малый Сарай, – город, сохранивший свое название до наших дней. Сегодня село Сарайчик существует на месте разрушенного временем города с богатой историей. Сарайчик был одним из самых крупных городов Северного Прикаспия, важным торговым пунктом на магистральном караванном пути, соединявшем Восточную Европу со Средней Азией и Китаем. Проведенные раскопки показали, что Сарайчик был также крупным центром ремесленного производства. Большое развитие здесь получило керамическое производство, которое характеризуется обилием полихромных фаянсовых чаш, блюд, кувшинов и сфероконусов, покрытых белой, зеленой, желтой, бирюзовой глазурью и орнаментированных растительными и геометрическими узорами (Маргулан, 1953). Город на Жайыке, фигурирующий в записках путешественников XIII–XIV вв. под именем Сарайджук, Сараджук и Сараджик, описывается как торгово-ремесленный центр на границе Европы и Азии.

Наиболее ранние упоминания Сарайчика встречаются в трудах арабского купца и путешественника Ибн Баттуты, посетившего город в 1334 г. по пути из столицы Золотой Орды в Среднюю Азию: «Через десять дней после отъезда из Сара мы прибыли в город Сараджук, *джук* значит «маленький». Они таким образом хотели выразить, что это Сара Малый. Город этот расположен на берегу полноводной, крупной реки, называемой Улусу, значение чего «великая вода». Через нее переброшен мост из лодок, такой же, как в Багдаде. В этом городе наше путешествие на лошадях, тянувших арбы, закончилось. Там мы продали их по четыре динара денег за лошадь и меньше этого, ввиду их слабости и дешевизны в этом городе, и наняли верблюдов, чтобы тянуть арбы. В этом городе находится *завия* праведного старца из тюрков, которого называют *ага*, что значит «отец». Он угостил нас в завии и благословил. Принимал нас также *кади* этого города, имени которого я уже не помню» (Ибрагимов, 1988, с. 73).

С момента своего основания Сарайчик находился в эпицентре важных событий

внутренней жизни Улуса Джучи и международных отношений. Так, быстрому развитию города, в том числе возведению здесь многих общественных и культовых зданий и сооружений, способствовало распространение ислама среди кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака после принятия здесь новой религии Берке и его братом Тукай-Темуром. Уже при хане Узбеке (1313–1341 гг.) ислам превращается в государственную религию Золотой Орды (Утемиш-ходжа, 1992, с. 99; Абулгази Багадур-хан, 1996, с. 99). Сарайчик неоднократно оказывался местом проведения инвеститурной процедуры золотоордынских правителей – возведения на ханский престол Жанибека (1341–1357 гг.), Бердибека (1357-1359 гг.) В Сарайчике находились усыпальницы некоторых ханов – Джанибека б. Барака и Касима (Трепавлов, 2016, с. 571).

Время существования Сарайчика как крупного городского центра устанавливается по нумизматическим источникам в пределах середины XIII – конца XV в. Нижний рубеж определеяется единичной находкой монеты Менгу-Темура (1266–1282), а денежными выпусками времени правления Тохтамыша (1376–1395) фиксируется завершающий этап жизни процветающего города. Большая часть найденных на городище монет датируются XIV в., причем примерно десятую долю коллекции составляют выпуски, принадлежащие монетному двору Сарайчика (Самашев, 2006, с. 88–89).

После разорения войсками Тимура в 1395 г. заново отстроенный Сарайчик с конца XV в. становится столицой Ногайской орды (Трепалов, 2016, 23). Здесь находились усыпальницы знатных ногайских биев, а также казахского хана Касыма, отвоевавшего город у ногаев и умершего здесь в 1521 г. (Трепалов, 2016, с. 144). В период обострения ногайско-русских отношений в конце XVI века город Сарайчик был захвачен весной 1581 г. отрядами «вольных» волжских казаков, не подчинявшихся власти московского царя. Город был разрушен до основания, а ханские могилы подверглись разграблению и осквернению (Левшин, 1823, с. 9–10; Карамзин, 1842, с. 224). Вскоре Сарайчик окончательно пришел в упадок. Сведения о развалинах города Сарайчик можно найти в трудах Гербера И., Рычкова П., Палласа П.С., Левшина А.И. Гебеля К.Ф. (Сарайшық – бабалар мұрасы, 2015).

На основании приведенных выше сведений исторических источников, а также результатов проведенных в 1996–1998 гг. археологических раскопок под руководством З.С. Самашева, следует заключить, что город Сарайчик в пору его расцвета играл важную роль не только экономической и политической жизни Улуса Джучи, но наряду с этим являлся сакральным местом, где находился пантеон ханов Золотой Орды. Это мнение впервые высказанное З.С. Самашевым, руководителем комплексных археологических исследований на городище Сарайчик в конце прошлого века (Самашев, 1998, с. 241), находит подтверждение в результатах исследований, выполненных другими исследователями на памятнике в последующие годы (Плахов, Калменов, Абдигалиев, 2019; Ахметова, Турарулы, Жумабаев, 2022).

Барчинкент (Кышкала)

Городище Кышкала находится в 30 км к юго-западу от г. Кызылорда. Памятник известен с конца XIX в., однако отождествление его с руинами средневекового города Барчинкент первые предположил А.Х. Маргулан в 1950 г. (Маргулан, 1950, с. 76–78). В восточных письменных источниках город известен под названиями Бархим, Парчин, Барчинкент, Барчканд, Барчкенд (Талеев, 2018, с. 264). В западных источниках сведения о Барчинкенте содержатся в записках о путешествии к монголам Плано Карпини (1245–1247 гг.) и в сочинении армянского царя Гетума, совершившего поездку в Каракорум в 1253 г. (Путешествия, 1993, с. 41; Киракос, 2005, с. 13).

Археологические раскопки на городище Кышкала проводились в 2018–2022 гг. экспедицией КазНУ им. аль-Фараби под руководством М. Елеуова при участии Д. Талеева. Отождествление городища с остатками Барчинкента убедительно подтверждается полученными в ходе раскопок нумизматическими материалами: самая ранняя монетная находка относится к XI в.; основная часть медных и серебряных монет относится к выпускам последней трети XIV в.; 45% монет изготовлены на монетном дворе Барчин (Барчинкент). Самые поздние монеты датируют последний этап жизни средневекового города концом 780-х гг.х. / 1380-х гг. н.э., возможно, 790-ми гг.х. / 1390-ми гг. н.э. (Елеуов и др., 2023, с. 184–187). Таким образом, несмотря на то что согласно письменным и

Рис. 3. Место расположение Сарайчика и Барчинкент на карте.
1 – план городище Сарайчик снятый 1861 г. 2 – план городище Кышкала снятый 2022 г.
Fig. 3. The location of the Shed and Barchynkent on the map.
1 – plan of the Saraychik settlement, taken in 1861. 2 – plan of the Kyshkala settlement, taken in 2022.

археологическим источникам история города начинается в домонгольский период, время экономического подъема и расцвета культурной жизни Барчинкента приходится на золотоордынский период.

Казахстанский востоковед А.К. Муминов отмечает, что распространение ислама на территории Золотой Орды происходило в основном под влиянием трех центров религиозной культуры, одним из которых являлись города Средней Сырдарьи: Сайрам, Фараб, Зернук, Иткан (Икан), Сулхан, Узкент, Аркук, Сигнак, Барчинканд (Барчинлигкент), Джант и др. (Муминов, 2004, с. 121–122; Муминов, 2006, с. 12–14). Другие исследователи так же выделяют важную роль этого региона в распространении ислама в среде кочевников Дешт-и Кипчака еще с домонгольского времени (Петров, Ускенбай 2010, с. 12).; «особенно велика роль хаджи Ахмада ал-Йасави (1103–1166/1167), уроженца Сайрама и основателя братства йасавийа» (Крамаровский, 2005, с. 61).

Согласно Джамалу Карши, Барчинкент был одним из крупных религиозных центров Золотой Орды, что послужило для него поводом совершить специальную поездку в 1273–1274 на Сырдарью: «Я прибыл в Барчканд, – пишет Карши, – на учебу к ал-аллама, садру, садыров луне во мраке, редкому среди людей, особенно в проповедях и поучениях речи, шайх ал-исламу Хусам ал-милла ва-д-дин Абу-л-Махамид Хамиду ибн Асиму ал-Асими ал-Барчинлиги, да помилует его Аллах, а он – великий садр и выдающийся учёный, подобного которому нет и никогда не увидит, даже если прожит вечность» (Карши, 2005. 155 с. 15).

Известно, что золотоордынские ханы приняли исламские традиции под влиянием суфийских шейхов; в частности, Берке принял ислам от суфийского шейха Сейфа ад-Дина аль-Бахарзи, а Узбек хан – под влиянием туркестанского шейха тариката йасавийа Сейида-Ата (Сайфетдинова. 2012, с. 240-241).

В 1924 г. при раскопках в селе Ески-Журт вблизи Бахчисарая в Крыму обнаружен кулпытас с арабской надписью на лицевой стороне, прочтение которой выполнено Е.Ю. Гончаровым и И.В. Зайцевым: «Это могила покойного мевлана Ахмада ибн Махмуда Барджинлыкского» (Гончарев, 2014, с. 176–177). Таким

образом, надпись указывает, что покойный принадлежал к суфийскому тарикату мевлеви, и отец его был родом из Барчинкента.

Известный арабский путешественник Ибн Баттута с восхищением писал о завиях (гостиницах) суфийской общины в каждом городе Золотой Орды. Во время своего путешествия в Среднюю Азию он широко пользовался гостеприимством общины ахи и подробно описал, как его принимали в суфийских завиях, где бесплатно предоставляли приезжим мусульманам пищу и ночлег (Баттута, 1988, с. 41, 60).

В ходе раскопок, проведенных в 2018–2022 гг. на городище Кышкала, исследованы развалины нескольких архитетурных и общественных сооружений, три из которых оказались остатками мавзолеев, построенных в стиле исламской архитектуры XIV в. (Талеев и др, 2018, с. 265–266). Один из мавзолеев по планировке имеет сходство с усыпальницей Ахмеда Яассави в Туркестане, хотя и меньших размеров. Фасад и боковые стены здания были украшены декоративной плиткой с резным орнаментом и разноцветной мозаикой.

Памятники сходной планировки и архитектурного облика известны в других регионах Казахстана, а также в Крыму. Так, в Центральном Казахстане, в 100 км южнее г. Астаны, М.К. Хабдулиной исследованы остатки мавзолея Жанибек-Шалкар XIV–XV вв., в облицовке фасада и стен которого использованы очень близкие по технике изготовления (мозаика, резьба) декоративные кирпичи (Хабдулина, 2011, с.208). Сходство с облицовочными материалами мавзолея на городище Кышкала также обнаруживается в убранстве мавзолея Кердеры, найденного на дне Аральского моря и датирующегося XIII–XIV вв. (Мамиев, 2002, с. 103–120). В Северном Казахстане большое сходство с памятником из Кышкала можно отметить в планировке и архитектурных особенностях мавзолея Кызылоба, также относящегося к золотоордынскому периоду. При раскопках одной из гробниц мавзолея найдены серебряные монеты с чеканом Сарай аль-Махруса, столицы Золотой Орды (определение П.Н. Петрова); на одной из монет хорошо читается дата 737 г.х. / 1337 г. (Тайны Золотой Орды, 2020).

Фрагмент мозаичного оформления мечети на городище Конские горы в Запорожье является точной аналогией украшения фасада мавзолея в Кышкала (Городище Конское, 2011). Размеры кирпичей и декоративных плиток названных памятников, мозаичная отделка, использованная для художественного оформления, орнаменты наружных облицовочных плиток, план мавзолеев и их архитектурный стиль – все находит аналогии в материалах близкого им по времени мавзолея, исследованного нами на городище Кышкала.

Заключение

Анализ письменных источников, изучение археологических и нумизматических материалов показывает сакральную роль города Сарайчика для «золотого рода» Джучидов как *курука* – средоточия их фамильных гробниц. Здесь взошли на престол Золотой Орды ханы Джанибек, Бердибек и, возможно, Узбек (Трепалов, 2016, с. 23). Имеются сведения, что в городская жизнь в Сарайчике продолжалась в XV – начале XVI в., когда Сарайчик некоторое время являлся западной столицей Казахского ханства. Последний этап жизни города Сарайчик связан с историей Ногайской Орды. По археологическим данным, в этот период жилые участки городища вдоль Жайыка забрасываются, а население города перемещается в его южную часть, к берегам р. Сорочинка.

При раскопках в Кышкале (Барчинкент) впервые исследованы мавзолеи, построенные в мусульманском стиле. Судя по богатству архитектурного декора, имеющего сходство с известными погребальными памятниками из разных областей Золотой Орды, мавзолеи Барчинкента предназначались для захоронения местной знати и, возможно, мусульманских проповедников, занимавших высокое общественное положение. Наряду с письменными источниками, упоминающими известных суфийских проповедников и просветителей XIV в., новые археологические открытия дают основание предполагать, что Барчинкенд, подобно Сарайчику, является сакральным местом – городом, где проживали, проповедовали ислам и находили упокоение именитые религиозные деятели Золотой Орды. Полнее раскрыть значение Барчинкента как еще одного сакрального центра Золотой Орды позволят дальнейших масштабных археологических исследований городища Кышкала.

ЛИТЕРАТУРА

Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С.Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М..; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.

Ахметова У.Т., Турарулы А., Жумабаев А.Ж. Археологические раскопки средневекового городища Сарайшык // Казахстан археологиясы. 2022. № 2 (16) С. 111–120.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахстана в XIII – первой половине XV в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга III. часть 1. Алматы: ИА МОН РК, 2016. 594 с.

Гончаров Е.Ю., Зайцев И.В. Из Барджиинлықа в Ески-Юрт: мевлена Ахмад бин Махмуд ал-Барджинлигыи // Золотоординская цивилизация. 2014. № 7. С.176–181.

Городище Конское (Конские Воды), Мертвый город. Доступно по URL: https://www.shukach.com/ru/node/525 (дата обращения: 13.01.2024).

Джамал ал-Карши. Ал-Мухакат би-с-сурах / История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 410 с.

Дулати Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди (Рашидова история) / Отв.ред. И.П. Петрушевский. 2-е изд., доп. Алматы: Санат, 1999. 656 с.

Жалайыр Қ. Шежірелер жинағы. Алматы: Қазақстан, 1997. 128 б.

Елеоув М. Е, Петров П.Н., Талеев Д.А., Молдахмет А.А. Нумизматические находки на городище Кышкала // Stratum plus. 2023. № 6. С. 183–192.

Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 131 с.

Извлечения из книги Киракос Гандзакеци: История Армении // Извлечения из письменных источников о средневековых городах Сауран и Сыганак / Автор предисловия и составитель М. Елеуов. Туркестан:Международный казакско-турецкий университет имени Ходжа Ахмета Ясави, 2005. 96 с.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т.2. / Под ред. М.Х. Асылбекова, К.С. Ал-дажуманова, К.М. Байпакова. Алматы: Атамұра, 1998. 640 с.

Карамзин Н.М. История государство Российского. Т.9. Спб., 1842-43. С. 224, прим. 663.

Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков. Спб., 1823. С. 9-10.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 123 с.

Мамиев Т. «Кердері» мавзолей іпдегі археологиялык зерттеу // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2002. №1. С. 103–120.

Муминов А. Деятельность ученых-улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII– XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. (Алматы, 11–12 марта 2003 г.) / Ред. М.Х. Абусентова, Сафар Абдулло. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 121–127.

Муминов А.К. Введение // История Казахстана в арабских источниках. Т. III. Извлечения из сочинений XIII–XVI веков / Отв. ред. А. К. Муминов. Сост., перевод с арабского яз., введ., коммент. А. К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 5–14.

Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.

Петров П.Н., Ускенбай К.З. Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты «690/1291 – 712/1312-1313 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 1. С. 10–55.

Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Ғылым, 1993. 248 с.

Рашид ад-дин. Джами ат-таварих // Сборник. Летописи. Т. 1, книга первая. / пер. с перс. Л.А. Хетагурова, редаксия и примечания проф. А.А. Семенова. М.: АН СССР,1952. 220 с.

Самашев З., Қожақов Д., Талеев Д. Сарайчик: проблемы исследование великого города // Проблемы изучение и сохранения исторического наследия / Отв.ред. А.Т. Толеубаев. Алматы: Изд-во КазНГУ им. Аль-Фараби, 1998. С. 240–245.

Сарайшық – бабалар мұрасы. Сарайшық қаласының тарихы туралы деректер / ғыл. ред. Ж.К. Жұмабаева. Атырау: «Ағатай» баспасы, 2015. 224 б.

Сайфетдинова Э.Г. Дифференциация суфизма в Золотой Орде (на примере пройзведения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис») // Ислам и власть в Золотой Орде / Ред. И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 81–87.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АБДИ, 2011. 434 с.

Тайны Золотой Орды: сенсационный археологический памятник временно законсервировали. Доступно по URL: https://ru.sputnik.kz/20201024/Tayny-Zolotoy-Ordy-sensatsionnyy-arkheologicheskiy-pamyatnik-vremenno-zakonservirovali-15287901.html (дата обращения: 14.01.2024).

Талеев Д.А. Қаратаудың терiскей бетiндегi ортағасырлық қалалардың археологиялық зерттелу мәселесi // Қазақстан археологиясы. 2021.№ 2. (12). С. 29–41.

Талеев Д.А. Сырдарияның сол жағалауындағы қалалардың археологиялық шежiресi: Сүткент және Аркук // Қазақстан археологиясы. 2022. № 1 (15). С. 57–68.

Талеев Д.А., Елеуов М., Есенов С. Тағдыры жұмбақ Қышқала // Қазақстан археологиясы. 2018. № 1–2. С. 259–272. Доступно по URL: https://e-history.kz/ru/news/show/6504/ (дата обращения: 13.01.2024).

Taleev D., Moldakhmet A. The medieval town Kyshkala (Kyshtobe) – Barshynkent (Barshynly): archaeological research, localization and dating // Қазақстан археологиясы. 2023. № 3 (21). С. 151–163 б. DOI: https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.151.163

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Тизенгаузен В.Г. Золотая Орда в источниках. М.: Наука, 2003. 448 с.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Ученые предпологает, артефакты подтверждают. Доступно по URL: https://akmomuzey. kz/kz/pages /ns7.html (дата обращения: 13.01.2024).

Хабдулина М.К, Кожамжаров К.Т, Ярыгин С.А, Калдыбаев М.С, Сакенов С.К, Свиридов А.Х. Культовые памятники Тенгиз- Коргалжинской впадины. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2011. 208с., ил.

Информация об авторе:

Талеев Докей Абдикеримович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); doc19_59@mail.ru

REFERENCES

Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. 1996. *Rodoslovnoe drevo tiurkov. Iakinf. Istoriia pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova. Len-Pul' Stenli. Musul'manskie dinastii (Family Tree of the Turks. Hyacinth. History of the First Four Khans of the Genghis House. Lane-Poole Stanley. Muslim Dynasties).* Moscow; Tashkent; Baku, 3–186 (in Russian).

Akhmetova, U. T., Turaruly, A., Zhumabaev, A. Zh. 2022. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 16 (2), 111–120 (in Russian).

Baipakov, K. M. 2016. *Drevniaia i srednevekovaia urbanizatsiia Kazakhstana (Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan)* III. Part 1. Almaty: Institute of Archaeology (in Russian).

Goncharov, E. Yu., Zaitsev, I. V. 2014. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 7, 176–181 (in Russian).

Gorodishche Konskoe (Konskie Vody), Mertvyy gorod (Konskoye settlement (Konskiye Vody), Myortvy Gorod). Available at: https://www.shukach.com/ru/node/525 13.01.2024 (Accessed: 13.01.2024) (in Russian).

Dzhamal al-Karshi. 2005. *Al-Muhakat bi-s-surah.* Series: Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh (The history of Kazakhstan in Persian sources) I. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).

Dulati Muhammed Hajdar. 1999. *Tarikh-i Raskhidi (Rashidova istoriya) (Rashid's history).* Almaty: “Sonat” Publ. (in Russian).

Zhalaiyr, K. 1997. *Shezhireler zhinaғy (Collection of Chronicles).* Almaty: “Kazazhstan” Publ. (in Kazakh).

Eleouv, M. E, Petrov, P. N., Taleev, D. A., Moldakhmet, A. A. 2023. In *Stratum plus* (6), 183–192 (in Russian).

Ibragimov, N. I. 1988. *Ibn Batuta i ego puteshestviya po Sredney Azii (Ibn Battuta and his journey to Central Asia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

In Eleuov, M. (ed.). 2005. In *Izvlecheniya iz pis'mennykh istochnikov o srednevekovykh gorodakh Sauran i Syganak (Extracts from written sources about the medieval cities of Sauran and Syganak).* Turkestan: Khoja Akhmet Yasawi International Kazakh-Turkish University (in Russian).

Asylbekova, M. Kh., Ak-dazhumanova, K. S., Baipakova, K. M. 1998. *Istoriia Kazakhstana c drevneishikh vremen do nashikh (History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day)* 2. Almaty: "Atamura" Publ. (in Russian).

Karamzin, N. M. 1842–1849. *Istoriya gosudarstvo Rossiyskogo (The history of the Russian State).* Saint Petersburg (in Russian).

Levshin, A. I. 1823. *Istoricheskoe i statisticheskoe obozrenie Ural'skikh kazakov (Historical and statistical review of the Ural Cossacks).* Saint Petersburg (in Russian).

Margulan, A.Kh. 1950. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana (From the history of cities and art of building in ancient Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mamiev, T. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 103–120 (in Russian).

Muminov, A. 2004. In Abusentova, M. Kh., Safar Abdullo (eds.). *Istoriko-kul'turnye vzaimosvyazi Irana i Dasht-i Kipchaka v XIII–XVIII vv. (Historical and cultural interrelationship of Iran and Dasht-i Kipchak in the XIII–XVIII centuries).* Almaty: "Daik-Press" Publ., 121–127 (in Russian).

Muminov, A. K. 2006. In Muminov, A. K. (ed.). *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* (*The history of Kazakhstan in Arabic sources*). 3. Almaty: "Daik-Press" Publ., 5–14 (in Russian).

Petrov, P. N., Baypakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Velikoy Mongol'skoy imperii, gosudarstvakh Chagataidov i Dzhuchidov (Coinage and Currency in the Great Mongol Empire, Chagatai and Jochid States)*. Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).

Petrov, P. N., Uskenbai, K. Z. 2010. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1. 10–55 (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Gil'oma deRubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1993. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

Rashid-ad-Din. 1952. *Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Samashev, Z., Kozhakov, D., Taleev, D. 1998. In Toleubaev, T. A. (ed.). *Problemy izuchenie i sokhraneniya istoricheskogo naslediya (Issues of studying and preserving historical heritage).* Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 240–245 (in Russian).

Zhumbaeva, Zh. K. (ed.). 2015. *Sarayshyķ – babalar mұrasy. Sarayshyķ ķalasynyņ tarikhy turaly derekter (Sarayshyk is the heritage of the ancestors. Information about the history of the city of sarayshyk).* Atyrau: "Agatai" Publ. (in Kazakh).

Saifetdinova, E. G. 2012. In Mirgaleev, I. M., Sayfetdinova, E. G. (ed.). *Islam i vlast' v Zolotoy Orde (Islam and Power in the Golden Horde).* Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 81–87 (in Russian).

Smagulov, E. A. 2011. *Drevnii Sauran (Ancient Sauran).* Almaty: "ABDI" Publ. (in Russian).

Tayny Zolotoy Ordy: sensatsionnyy arkheologicheskiy pamyatnik vremenno zakonservirovali (Secrets of the Golden Horde: sensational archaeological site has been temporarily closed). Available at: https://ru.sputnik.kz/20201024/Tayny-Zolotoy-Ordy-sensatsionnyy-arkheologicheskiy-pamyatnik-vremenno-zakonservirovali-15287901.html html (Accessed: 14.01.2024) (in Russian).

Taleev, D. A. 2021. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 12 (2), 29–41 (in Kazakh).

Taleev, D. A. 2022. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 15 (1), 57–68 (in Kazakh).

Taleev, D. A., Eleuov, M., Esenov, S. 2018. *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* (1–2), 259–272 (in Kazakh).

Taleev, D. A., Moldakhmet A. 2023. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 3 (21), 151–163 (in English).

Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR

Tiesenhauzen, V. G. 2003. *Zolotaia Orda v istochnikakh (Golden Horde Sources).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Utemish-khadzhi. 1992. *Chingiz-name (Genghis-name).* Alma-Ata: “Ғylym” Publ. (in Russian).

Uchenye predpologaet, artefakty podtverzhdayut (Scientists suggest, artifacts confirm). Available at: https://akmomuzey. kz/kz/pages / ns7.html (Accessed: 13.01.2024) (in Russian).

Khabdulina, M.K, Kozhamzharov, K. T, Yarygin, S. A, Kaldybaev, M. S., Sakenov, S. K., Sviridov, A. Kh. 2011. *Kul'tovye pamyatniki Tengiz- Korgalzhinskoy vpadiny (Religious monuments of the Tengiz-Korgalzhyn Depression).* Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University (in Russian).

About the Authors:

Taleev Dokei A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; doc19_59@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 903.59 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.375.388

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ САКРАЛЬНОЙ МИССИИ МАВЗОЛЕЯ ДЖУЧИ-ХАНА[1]

© 2024 г. Э. Р. Усманова, И. П. Панюшкина, А. Д. Искандерова

Молчи! Не надо слов! Без слов глаголь — как глаголет
разум ангелов на куполе лазурном.
Руми

Разве трудно понять, что неверный или неточный аспект
явления будет ошибкой лишь в результате недобросовестного
или глупо ориентированного исследования?
Иван Ефремов, «Час быка»

Мавзолей Джучи-хана в народной казахской традиции связан с именем старшего сына Чингиз-хана, по легенде похороненного в мавзолее (Казахстан, Улытау). Впервые мавзолей в стиле исламской архитектуры XIV века упоминается под этим именем в XVI веке. Он известен в российских письменных источниках XIX – начало XX вв. Строительство мавзолея имеет два этапа: сооружение основного здания с одинарным куполом и порталом (конец XIII – первая половина XIV вв.); возведение внешнего купола на ребристом «звездчатом» барабане с навершием, покрытых поливной плиткой бирюзово-голубого цвета (конец XIV – начало XV вв.). Генеральная реконструкция мавзолея усилила элементы с исламской символикой. Распространению ислама в степной среде кочевников Улуса Джучи способствовали миссионеры суфийских орденов, особенно ордена Яссавия. В XIV веке по инициативе тимуридов начинает меняться архитектурный облик могил святых суфиев. По всей видимости, мавзолей не имеет отношение к захоронению Джучи-хана, который не был мусульманином. Здесь могли быть похоронены лица, связанные с суфизмом. Память о великом предке продолжает сохраняться в сакральной миссии мавзолея как объекте паломничества.

Ключевые слова: археология, мавзолей Джучи-хана, Золотая Орда, суфизм, орден Яссавия, Улус Джучи, Улытау, кубба, сура «Бакара», доисламский культ, мазар

HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE SACRED MISSION OF THE JOCHI KHAN MAUSOLEUM[2]

E.R. Usmanova, I.P. Panyushkina, A.D. Iskanderova

Kazakh folk tradition associates the mausoleum of Jochi Khan (Kazakhstan, Ulytau) with the name of the eldest son of Genghis Khan, where he was buried as the legend says. The mausoleum, built in the style of XIV century Islamic architecture, was first mentioned under this name in the XVI century. Under this name, the structure was mentioned in numerous written records of the Russian Empire between XIX and early XX centuries. The construction of the mausoleum has 2 stages: erecting the main building with a single dome and portal (late XIII – early XIV century) and adding an external dome on a ribbed “star-shaped” drum with the top covered with glazed turquoise-blue tiles (late XIV – early XV centuries). The complex reconstruction of the mausoleum strengthened the visual symbols of Islam. The adoption of Islam in the Ulus of Jochi by the nomadic society was organized by missionaries of Sufi orders, especially the Yassawi’s Sufi tariqa. The renovation of the mausoleum of Jochi Khan coincided with the design change for the burial architecture of the holy Sufis and spiritual leaders to make their appearance more prominent, which was initiated by the Timurids in

1 Статья выполнена при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования по теме «Северный Казахстан в контексте культурно-исторических процессов: от эпохи камня до этнографической современности» (ИРН BR18574223)

2 The article was supported by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan as a part of program-targeted funding on the project ИРН BR18574223 «Northern Kazakhstan in the context of cultural and historical processes: from the Stone age to ethnographic modernity»

the XIV century. Our earlier studies demonstrated that the mausoleum is very unlikely to be the sacral burial of Jochi Khan, who was not a Muslim. The historical reconstruction of the mausoleum is associated with Sufi order. The mausoleum's two burials may belong to Sufis leaders or elders, who preached in the Ulytau. To date, the sacred mission of the Jochi Khan mausoleum preserves the memory of the great ancestor and remains the place of ancestral pilgrimage.

Keywords: archaeology, mausoleum of Jochi Khan, Golden Horde, Sufism, Yassawi Sufi tariqa, Ulus of Jochi, Ulytau, kubba, Surah “Bakara”, pre-Islamic cult, mazar

Мавзолей Джучи-хана (по-казахски – Жошы-хан) находится на исторической территории Улытау, на левом берегу реки Кенгир, в 45 км от города Жезказган (обл. Улытау, Республика Казахстан). Он является одним из известных архитектурных памятников в Казахстане. Впервые мавзолей под этим названием был упомянут в 1582 г. во время похода бухарского хана Абдаллаха, достигшего гор Улытау (Хафиз Таныш, 1969, с. 237–312). Во время освоения Степного края информация об этом мавзолее появилась в российских письменных источниках XIX – начала XX вв. Народные предания, традиционные нарративы связывают мавзолей с захоронением Джучи-хана (Маргулан, 1948).

По всей видимости, мавзолей Джучи-хана – это единственный пока известный памятник недвижимого материального наследия в культуре Монгольской империи и Золотой Орды, названный именем старшего сына Чингисхана. Степной шедевр архитектуры, мавзолей Джучи-хана, наряду с мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане, инициатором строительства которого являлся Амир Тимур (годы строительства 1385–1405 гг.), относится к одному из самых почитаемых мест народного паломничества.

Общее описание мавзолея. Портально-купольный мавзолей, однокамерный из жженого кирпича, с П-образным пояском на пиштаке, принадлежит к исламской архитектуре времени Золотой Орды. Его уникальность заключается в наличии двойного купола: над внутренним куполом без облицовки на ребристый барабан в плане формы «звезды» с 17 лучами был установлен внешний, облицованный глазурованной плиткой бирюзово-голубого цвета (рис. 1).

Внутренний интерьер без декоративного убранства, проникающий свет через два окошка, расположенных в боковых стенах у основания купола, создают умиротворенную атмосферу покоя в пространстве мавзолея, где находятся два захоронения, первоначальные надгробия которых не сохранились (Хорош, 2009, с. 101–109).

Археологические раскопки погребений. В 1946 г. были раскопаны два погребения внутри мавзолея Джучи-хана, ранее разрушенные в 1929 г. грабительским проникновением (Маргулан, 1948, с. 129, 140–143). По этой причине говорить о целостности погребений и погребального инвентаря не приходится. Захоронения были произведены в деревянных ящиках, остатки их фиксировались в заполнениях могил. В погребении № 1, которое находилось у дальней стенки мавзолея, был обнаружен погребальный инвентарь: череп верблюда, разрозненные кости человека и животных, фрагменты кожи и ткани. В погребении № 2, расположенном ближе к выходу мавзолея, найдены кости человека и животных, фрагменты кожи и ткани. Здесь был и череп человека, перекинутый в ходе ограбления в погребение № 1. Стенки обеих грунтовых погребальных ям были выложены сырцовым кирпичом. На дне погребения № 2 лежали две плиты с арабской эпиграфикой, надписью вниз (Пацевич, 1946, с. 87–90).

Результаты первых археологических раскопок погребений мавзолея Джучи-хана были трактованы в историческом контексте. Казахстанский археолог А.Х. Маргулан первым в отечественной науке применил принцип согласованности фольклорных данных с археологическими и высказался о принадлежности захороненных лиц Джучи-хану и его жене (Маргулан цит. по: Егинбайулы, 2001, с. 102).

Историко-культурная интерпретация и датирование мавзолея. Здание мавзолея исламского облика со входом, ориентированным в сторону Киблы, скорее всего, указывает на принадлежность захороненных в нем людей к исламу.

Джучи-хан исповедовал монгольскую веру в Вечное Синее Небо – Кок Тенгри и поэтому вряд ли мог быть похоронен в мусульманском мавзолее. Представители «золотого рода» борджигинов, к которому принадлежал

Рис. 1. Мавзолей Джучи-хана. Общий вид. Улытау, Казахстан. Фото Д. Ругиса
Fig. 1. Mausoleum of Jochi Khan. General view. Ulytau, Kazakhstan. Photo by D. Rugis

Рис. 2. Мавзолей Джучи-хана. Вид фасада сверху. Улытау, Казахстан. Фото И. Кузнецова
Fig. 2. Mausoleum of Jochi Khan. View from above of the facade. Ulytau, Kazakhstan. Photo by I. Kuznetsov

Чингисхан и его семья, хоронились тайно, в спрятанных от людского присутствия местах (Юрченко, 2008, с. 287–304). Погребение Джучи, первого правителя улуса, полководца и лидера правящего клана Монгольской империи (Миргалеев, 2016, с. 72–77), скорее всего, имело бы другое посмертное ритуальное оформление по обрядам «золотого рода».

Востоковед-медиевист Василий Бартольд в своей диссертации, написанной на материалах восточных источников, со ссылкой на текст сочинения Хафиз Таныша пишет: «<…> позднейшее предание, по которому гробница Джучи находилась в бассейне Сары-су <…> едва ли заслуживает доверия» (Бартольд, 1963а, с. 459–460). Позже ученый допускал возможность возведения мавзолея над могилой Джучи: «<…> впоследствии мусульманские ханы строили мавзолеи мусульманского типа над могилами своих языческих предков; так, при описании похода Абдулла-хана бухарского, в 1582 году, в местности между Сары-су и горой Улутау упоминается мазар Джучи-хана» (Бартольд 1963б, с. 395). Однако повторное археологическое изыскание погребений в 1998 г. определило, что раннее надмогильное сооружение отсутствовало и захоронения изначально были совершены в пространстве мавзолея (Егинбайулы, 2001, с. 104–105).

Последующие архитектурные обследования и реставрации мавзолея Джучи-хана позволили найти новые детали в его оформлении, такие как керамическое навершие внешнего купола, площадка около здания. Были определены два этапа в его строительстве: 1) конец XIII – первая половина XIV вв.; 2) конец XIV – начало XV вв. Медианные значения калибровочных интервалов помещают возраст древесины с погребального ящика

на 1245 г., порога – на 1330 г. и строительной балки – на 1350 г. (Panyushkina et al., 2022, pp. 323–331). Все радиокарбонные даты позже даты смерти Джучи-хана – 1225 г. (Ускенбай, 2013, с. 65–67). Исследования, датирование, раскопки ритуальных и жилищных строений городища комплекса Джучи-хана подтверждают мемориальный характер мавзолея, построенного в честь великого предка, но и позволяют высказать сомнения о погребении старшего сына Чингисхана (Егинбайулы, 2001, с. 99–104; Қинаятұлы, 2004, с. 2004, б. 165–167).

Итак, вопрос «Кто же похоронен в мавзолее под куполом небесного цвета, носящим имя Джучи-хана?» до сих пор волнует историков и казахстанскую общественность.

Архитектурные особенности мавзолея. Прежде всего, архитектура мавзолея несет следы перестройки и перепланирования размеров мавзолея. По всей видимости, генеральная реконструкция и ремонты здания дают ключ к пониманию значения мавзолея в культуре Золотой Орды (Улуса Джучи). В качестве исследовательской посылки предлагается абстрагироваться от названия мавзолея «Джучи», обозначив его номером № 2130, под которым он зарегистрирован в реестре «Археологическая карта Казахстана» (Археологическая карта…, лист 20, квадраты Д–Е, 1960).

Строительство мавзолея включает в себя два этапа: первый – сооружение основного портально-купольного объема с одинарным необлицованным куполом и порталом (конец XIII – первая половина XIV вв.); второй – главная перестройка внешнего облика с надстройкой в высоту на тринадцать рядов кладки, возведение над существующим куполом еще одного, внешнего купола на ребристом «звездчатом» барабане, покрытого поливной плиткой бирюзово-голубого цвета (конец XIV – начало XV вв.).

Благодаря реконструкции и перестройке мавзолей из обычного портально-купольного превратился в монументальное, парадное сооружение с куполом, подобным голубой чаше неба, лежащим на барабане в форме многолучевой звезды. Значительная перестройка представляет собой уникальное явление в средневековой архитектуре Казахстана, которая не имеет примеров древних перестроек с таким масштабным изменением архитектурного облика (Хорош, 2009, с. 108).

Рис. 3. Плитка, с изображением здания в архитектуре исламского стиля. Мавзолей Джучи-хана. Улытау, Казахстан. Фото Н.Турекуловой

Fig. 3. Tile, depicting a building in Islamic style architecture. Mausoleum of Jochi Khan. Ulytau, Kazakhstan. Photo by N. Turekulova

В промежутке между строительными этапами происходили ремонты: подновлялась штукатурка, менялся ее цвет от белого до красноватого (Хорош, 2009, с. 103–106). За мавзолеем какой-то период времени постоянно ухаживали, не позволяли зданию обветшать, что, вероятно, указывает на его культовое значение в обрядовой среде кочевников.

Возникает несколько вопросов касательно основательной перестройки мавзолея. Кто был заказчиком, инициатором, наконец, ее организатором? Достаточно трудоемкой работы, в ходе которой была увеличена высота мавзолея выкладкой кирпичом, выстроены звездчатый барабан и сферический купол с навершием, покрытые цветной глазурью.

В условиях резко континентального степного климата перестройка могла происходить только в теплое время года. Какова причина воздвижения внешнего купола, который перекрыл прежний купол конца XIII века? Почему первый купол перестал устраивать художественный, социальный и культовый запрос местного сообщества? Зачем понадобилось облицовка поливной плиткой цвета неба? Видимо, существовала необходимость символического, ритуального плана, чтобы

Рис. 4. Мавзолей Джучи-хана. Общий вид купола. Улытау, Казахстан. Фото И. Кузнецова
Fig. 4. Mausoleum of Jochi Khan. General view of the dome. Ulytau, Kazakhstan. Photo by I. Kuznetsov

мавзолей, благодаря такому куполу на барабане, стал заметным цветным пятном в степном пространстве, монохромном по цвету.

План перестройки мавзолея. Во время реставрационных работ глиняная плитка с рельефным изображением здания в архитектуре исламского стиля была найдена в нише среди развала кирпичей первого и второго куполов, куда она, по всей видимости, была спрятана. Скорее всего, изображение было чертежом для изменения внешнего облика мазара. Тот, кто принес ее в степь на берега реки Кенгир или сделал ее по памяти увиденного здания, возможно, предполагал руководствоваться этим планом-проектом для перестройки мавзолея.

По мнению архитекторов Тимура и Натальи Турекуловых, на плитке изображено здание, построенное в тимуридском стиле, по архитектуре напоминающее медресе Улугбека в Самарканде (Турекулов, Турекулова, 1998, с. 6–9). Если принять во внимание, что медресе Улугбека или подобного вида постройки относятся к середине XV века, то можно предположить, что и второй этап строительства датируется примерно этим же временем или чуть раньше. Может, это «глиняное послание» мастера было планом для дальнейших архитектурных работ в улытауской степи? В любом случае найденная плитка указывает на задуманный характер перестройки мавзолея № 2130.

Цветовая символика второго купола. Пространственное перекрытие мавзолея имеет двойной купол: первый, ранний – без облицовки, и поздний, второй – надстроенный над первым и покрытый поливной плиткой бирюзово-голубого цвета. Глазурованная плитка могла изготовляться здесь же: в одном из жилищ городища рядом с мавзолеем была обнаружена печь (Егинбайулы, 2001, с. 93). Высокое качество полупрозрачной поливы плитки указывает на уровень развития мастерства и знание химических процессов в изготовлении глазури (Fomin et al, 2022, pp. 107–117). Голубую глазурь получали из корней растения «сарычоб», что переводится как «желтая трава». Ее сжигали в печи, и в полученную золу, которая называется «ишкор» и содержит от 15 до 50 процентов оксида натрия, добавляли 30–40 процентов «ок-таша» (то есть кварца, буквально – «белого камня»). Употребляли и другие травы – солянку, кири-бугин, чороинак, чозан, каравaрок, караурак, сарыбуйрак, сарытурнок. Каждая трава содержала определенный вид щелочи, о чем было хорошо известно древним мастерам. Доступность меди предвосхитило доминирующее использование зеленовато-голубого цвета в керамике, который имел и символическое значение (Ремпель, 1961, с. 432; Гюль, 2024, с. 188–190).

Цветные глазурованные изразцы явились новшеством в архитектурной практике Средневековья. Историки исламской культуры Р. Эттингаузен и О. Грабарь отмечали, что «<…> использование цвета в архитектуре стало совершенно особым, уникальным

достижением мусульманской культуры» (Ettinghausen, Grabar, 1987, p. 43).

«Появление с XI в. синего (голубого) цвета в архитектуре связано с мавзолеями тюркской аристократии или постройками, возведенными по их инициативе. Покрытие куполов голубой поливой было обусловлено не столько стремлением зодчих к наилучшей прочности и долговечности, как полагали некоторые исследователи, сколько тем символическим значением, которое придавалось синему цвету новыми правителями Средней Азии» (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 192–207).

Для жителей степи выбор бирюзового, точнее, сине-зеленого цвета, по-тюркски *кок*, подразумевал сакральное содержание. Еще до принятия ислама он ассоциировался с цветом обожествляемого неба – Кок Тенгри – и всегда считался избранным цветом у народов степи. Кок – цвет травы, стихии растительности, плодородия (Гумилев, 1974, с. 199). Ряд более поздних, тимуридских памятников по наследству сохранил в своих названиях определение кок (кук) – Кок-Сарай («Дворец цвета кок»), Кок-Гумбаз («Купол цвета кок») и т. д., отражая извечную привязанность тюрков и монголов к обожествляемому цвету вечного Неба, святости и благородства. Максимальное распространение все оттенки бирюзового и голубого цветов в архитектуре получают в эпоху Тимура (Гюль, 2024, с. 188–192).

«Сооружение звездчатого барабана и второго купола с покрытием из поливной плитки бирюзово-голубого цвета над первым куполом мавзолея отражает процессы, затронувшие архитектуру Центральной Азии. Купол мавзолея, возможно, был одним из самых ранних примеров активного введения цвета в архитектуру Великой степи. Цвет *кок* как архаичный символ обожествляемого Неба теперь, возможно, связывается с образом рая Коранического. Охристо-красный, сложенный из обожженного кирпича куб здания под бирюзово-голубым куполом можно рассматривать так же, как условную модель мира вообще, который для степняка визуально состоял из двух неизменных и взаимозависимых констант – Земли/Степи и Неба» (Гюль, 2024, с. 191). Более того, «<…> есть все основания предполагать, что именно представители тюркской, а позже тюрко-монгольской аристократии были авторами социального заказа на голубой цвет в архитектурных сооружениях» (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 192–207). В XIV веке при ремонте купола цветовой приоритет был отдан облицовке бирюзово-голубого цвета, сакральному цвету, который вместе с эстетическим визуальным восприятием играл символическую роль в представлении статуса захороненных в мавзолее людей.

Следует отметить, что при реставрации купола в 1998 г. не удалось добиться оригинального цвета поливы плитки. Потому современный вид купола мавзолея имеет глубокий голубой цвет, без оттенка бирюзового.

Значение навершия купола. Первый купол, скорее всего, был без навершия или оно не сохранилось. Под развалинами позднего надстроенного купола между кирпичами во время реставрации в 1991 г. было найдено навершие (Усманова и др., 2022а, с. 146). По всей видимости, оно состояло первоначально из трех керамических кувшинов бирюзово-зеленого цвета и основания в форме чаши, фрагменты которых были зафиксированы. Навершие/кубба закреплялось при помощи шеста, который проходил через тулова и устья кувшинов и декорировало вершину второго купола. На этот факт косвенно указывает полива на кирпичах верхнего купола «кувшинах» куббы. Внутренний купол не был облицован поливными изразцами.

«Кубба – это завершение (навершие), которое устанавливается в верхней точке купола. Изготовляется из керамики или металла в виде одного-двух шаров с пикой» (Булатова, Маньковская, 1983, с. 138). В архитектуре тимуридского периода второй половины XIV–XVI вв. появляются сложносоставные навершия из нескольких отдельных элементов. До настоящего времени сложносоставная кубба венчает купол гурханы ханаки Ходжи Ахмеда Ясави (Туркестан). Обычно у куббы отмечается два отверстия, соединенных друг с другом на противоположных концах и предназначенных для размещения ее на куполе. Форма составных элементов куббы чаще всего бывает кувшиновидной. Кубба характерна для религиозной архитектуры и рассматривается как часть строительного украшения.

Встречаются разные вариации сложносоставных кубб, как, например, найденные фрагменты на мавзолеях Батыр ата и Шаршы

Рис. 5. Мавзолей Джучи-хана. Вид оригинального навершия – кубба. Улытау, Казахстан. Фото Э. Усмановой
Fig. 5. Mausoleum of Jochi Khan. View of the original top–kubba. Ulytau, Kazakhstan. Photo by E. Usmanova

кесене некрополя Сыгнака: двухчастные, шарообразные, с рифленым туловом, с зеленоватой глазурью.

Оригинальное навершие купола мавзолея Джучи-хана имеет зеленый оттенок – цвет, который стал одним из главных символов ислама и имеет позитивный характер, будучи, с одной стороны, связан с Раем и его обитателями, с другой – являясь одновременно символом жизни, плодородия, возрождения природы, надежды и молодости. Согласно распространенной традиции, крылья архангела Джабраила зеленого цвета (Васильцов, 2007, с. 122). Верх куббы заканчивался двумя боковыми заостренными горизонтальными проекциями в виде изогнутых раздельных «рогов» в венчающей части, что разительно отличает их от единой дуги серпа новой луны – полумесяца. Фрагмент керамического «рога» зеленого цвета был найден при раскопках жилых помещений городища рядом

Рис. 6. Мавзолей Джучи-хана. Вид копии навершия–кубба. Улытау, Казахстан. Фото Э. Усмановой
Fig. 6. Mausoleum of Jochi Khan. View of a copy of the top - kubba. Ulytau, Kazakhstan. Photo by E. Usmanova

с мавзолеем Джучи-хана (Егинбайулы, 2001, с. 93–100). Скорее всего, навершие для купола могло изготовляться в ремесленной мастерской городища. После реставрации мавзолея (1998–1999 гг.) современный вид навершия-куббы предстал в виде двухчастной верхушки из фаянсовых «кувшинов» и чаши голубого цвета.

Символика полумесяца для украшения молитвенных архитектурных зданий первыми мусульманами не использовалась. Первоначально она была распространена в объектах древних культов, имела широкое распространение среди тюркоязычных народов. Например, в мифе о тюркском богатыре Огуз-хане, который женился на девушке, родившей Луну, Солнце и Звезду. Некоторые мифы посвящены происхождению тюркских и монгольских племен. Праотцом тюрков является Ай-Атам, то есть Отец-Луна (Ögel, 1993, p. 485). В период правления династии Хорезмшахов в Центральной Азии у уйгуров «Кок Тенгри» (Небесный Тенгри) стал называться «Ай Тенгри» (Лунный Тенгри) (Ögel, 1995, p. 202–203). Некоторые рода древних тюрков применяли полумесяц в качестве родовой тамги: так, на штандартах и монетах государства Караханидов он изображался как символ (Esin, 1980, p. 313).

Аналоги навершия в виде «рогов» вместо полумесяца среди средневековых куполов в Средней Азии и Казахстане нам пока неизвестны. Принято считать, что изображение полумесяца впервые стали применять мусульмане Османской империи в архитектурном оформлении верха минарета, купола мечети или минбара (кафедра) после XIV века. О позднем появлении полумесяца как символа ислама «над крышами и куполами мечетей» и его характерной принадлежности для турецко-османского ислама упоминает Василий Бартольд (Бартольд, 1966, с. 489–491).

Древнейшая мифологема образа быка или коровы, связанная с культом плодородия, оформлена в форме верхушки куббы (Окладникова, 2010, с. 6–11). В интерпретации сакральной миссии исламской архитектуры мавзолея предлагается следующая версия объяснения «рогатого» навершия.

Вторая сура Священного Корана «Аль-Бакара» (в переводе с арабского – «Корова») – самая длинная сура в Коране, в ней 286 аятов, в которых рассказывается о благах, дарованных милостью Аллаха своим верующим (https://ru.wikipedia.org/wiki/Аль-Бакара). Главная молитва и слова соболезнования, произнесенные по случаю смерти, происходят из этой суры. Может быть, форма «рогатого» навершия, видного и заметного на далеком расстоянии от мавзолея, визуально передавала символику этой суры.

В аятах суры «Аль-Бакара» Аллах приказывает зарезать быка с особенностями и чертами Аписа (желтого или золотистого цвета). Аллах упоминает о вере иудеев в быка-Аписа как в Таврате (Священное Писание в исламе, ниспосланное Аллахом пророку Мусе, арабское наименование Торы), так и в Коране. Символом Аписа является Золотой телец – золотой идол в форме тельца и грех идолопоклонства, совершенный евреями в период странствий по пустыне (https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотой_телец). Название суры Бакара имеет дефиницию, более склонное к быку, чем к корове. В аятах суры «Аль-Бакара» указывается на то, что обряд жертвоприношения нужно понимать как отказ людей от обожествления животных и поклонения им (Коран, 1986, Аяты 2/67–71, с. 33–34).

Вероятно, в форме навершия куббы на мавзолее Джучи-хана его создателями могла быть представлена двойная символичность образов полумесяца и рогов быка. Полисемантичность, рожденная из симбиоза домусульманских культов и ислама.

Плиты с эпиграфикой. П-образный поясок на пиштаке-портале мавзолея был заполнен плитами, среди которых были, по всей видимости, плиты с эпиграфикой и с поливой. Поясок в первый строительный период не имел декоративного заполнения, которое было создано позднее, одновременно с облицовкой ребристого барабана и внешнего купола (Хорош, 2009, с. 107). Его декоративная облицовка была снята в 1911 г. атбасарским уездным начальником «для показа степному генерал-губернатору» (Маргулан, 1948, с. 142).

Две плиты резной терракоты с арабской эпиграфикой, вплетенной в растительный цветочный орнамент, были уложены на дно погребения № 2 надписью вниз в районе изголовья умершего. Сохранившейся элемент фрагмента коранической надписи недостаточен для полного установления аята или суры. Возможно, здесь есть упоминание одного из 99 имён Аллаха (см. подробнее: Мавзолей Джучи-хана…, приложение 2-г, 2024, с. 198–200). Плиты, подобные найденным в погребении, могли предназначаться для укладки на фриз мавзолея.

Плиты с арабским письмом на фоне растительного узора, известного как *ислими* (Гюль, 2014, с. 126), попали в оформление дна могилы по каким-то ритуальным соображениям. Над могильным сооружением другого раскопанного мавзолея в некрополе Джучи-хана также были найдены фрагменты плит в стиле *ислими* (Егинбайулы, 2001, с. 98). Возможно, что плиты в погребениях были элементом ритуала со значением оберега-тумара с текстом молитвы, символом защиты кораническим словом, принципа вечной жизни и возрождения (Гюль, 2024, с. 194).

Результатом второго этапа строительства или перестройки явилось усиление в архитектуре мавзолея элементов с исламской символикой, что вызвано, скорее всего, изменениями социально-культурного характера, происходившими в культурной среде кочевников Улуса Джучи.

Обрядовая символика мавзолея № 2130. По отношению к данному объекту используется термин «мавзолей». В тюркской традиции исламские погребальные сооружения

типа мавзолея обычно называются мазаром. Название культовых зданий с захоронениями дословно с арабского переводится как «место для поклонения» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Мазар_(мавзолей)). Один из самых известных мазаров в Центральной Азии – это мазар Ходжи Ахмеда Ясави, к которому на протяжении несколько столетий приходят паломники почтить могилу суфия, жившего в XII веке. На месте старого мазара по приказу Амира Тимура в 1395 г. был построен новый грандиозный мазар с гурханой над могилой святого (см. подробнее: Ёлгин, 2013), который называется мавзолеем и окружен ореолом святости и поклонения.

Мазары, в которых покоились признанные святыми шейхи, суфии, поборники веры, духовные и общественные лидеры, становились местом почитания, где молились, куда обращались с просьбами к их духам (Снесарев, 1969, с. 266–307). В Центральной Азии культ почитания святых и мест их погребений – традиция, которая берет свое начало с раннего Средневековья и даже раньше, присутствует в современной жизни общества.

Предназначение исламского мавзолея № 2130 как культового сооружения можно проследить по следующим элементам строительного и ритуального характера:

- здание неоднократно ремонтировалось и сохранялось, что указывает на его сакральную ценность для местного сообщества и паломников;
- воздвижение второго внешнего купола на звездчатом барабане с облицовкой из поливных плит;
- посетительские граффити в виде тамг внутри здания мавзолея (почти не сохранились);
- разного рода свидетельства о посещении мазара с целью поклонения и совершения поминальных ритуалов;
- место активного паломничества в прошлом и в настоящее время.

Стилистические особенности исламской архитектуры, датировка деревянных конструкций, определение культового и ритуального содержания мавзолея № 2130 (далее – мазар) в конечном счете позволяют поставить вопрос о том, кто же находится в его погребальном пространстве.

При этом в ритуалистике мазара присутствуют предметы реликтов доисламских верований и культов, или по-другому их можно назвать шаманистическими. К ним относятся череп верблюда, кости животных, фрагменты одежды, несмотря на принятый в исламской погребальной ритуалистике саван. Обрядность мазара демонстрирует симбиоз исламских и доисламских ритуалов, распространённый в традиции похоронной культуры Золотой Орды (Усманова, Ускенбай и др., 2022б, с. 77).

Перестройка мазара как знак изменения миссии. Генеральная реконструкция мазара была задумана и совершена с целью дальнейшего почитания и демонстрации сохранения памяти захороненных здесь лиц. Тенденция к перестройке и совершенствованию архитектурного облика ранних строений над захоронениями святых суфиев наблюдается во времена правления тимуридов. Амир Тимур выступил «архитектором степи», организатором воздвижения величественного мазара над могилой Ходжи Ахмеда Ясави. Его внук Мирзо Улугбек в 1420 г. пристроил к могиле известного суфия Занги аты портал, на котором был написан хасид: «Мои дома на моей земле – паломники освещают ее. Каждый совершив у себя омовением приходящий его уважать» (Усман, 1999, с. 173). Кстати, перестройка гробницы Занги аты, которая находится около г. Ташкента, продолжалась вплоть до XIX века. Архитектурный облик могил святых суфиев, духовных и общественных лидеров совершенствовался ввиду сакральной миссии зодчества, призванной демонстрировать священное величие погребенной личности.

Принятие ислама как государственной религии Улуса Джучи ханом Узбеком в 1313 году предупредило проникновение ислама в степную среду кочевников (Усман, 1999, с. 70–72). Большую роль играли в этом миссионеры суфийских орденов. В отличие от установок Яссы Чингисхана, суфизм оказался более приемлемой и адаптированной формой вероисповедания, возможно, из-за своего многопланового религиозно-мистического мировоззрения, понятного для кочевых и полукочевых тюркских племен, исповедующих язычество (Мухтарова, 2006, с. 261–265). В мазаре № 2130 могли быть похоронены лица, которые относились к одному из орденов суфизма, возможно ордена Яссавия, ибо представители этого ордена преимущественно продвига-

ли идеи ислама в степной среде кочевников. Это могли быть почитатели суфизма, светские лица из рода Джучи, например, потомки Орду (1226–1253), старшего сына Джучи. Центральная часть его владений была там же, где юрт его отца на Иртыше (Ертисе). Предполагается, что в Улус Орды входила большая часть территории современного Казахстана, за исключением его юго-восточной части – Жетысу. По источникам, близким к той эпохе, достоверно неизвестно, кому конкретно из Джучидов принадлежал Улытау (Ускенбай, 2013, с. 114–128).

В этом контексте обращает на себя внимание одна из ведущих деталей мазара № 2031 – 17-звездчатый барабан, на котором установлен второй, внешний купол. Обычно барабан имеет четное количество граней. Архитектор Елена Хорош наличие нечетного количества граней объяснила способом выразительно выделить объем барабана (Хорош, 2009, с. 107).

Если обратиться к принятому в суфизме использованию в хикметах символики математики и геометрии, то в жизнеописании Ходжи Ахмеда Яссави можно найти следующее свидетельство: каждому году его сознательной жизни соответствует качественное изменение. В 17-летнем возрасте он прибыл в Туркестан, где он остался и провел всю оставшуюся жизнь (Сариева, 2007, с. 208). Возможно, 17 граней барабана, столь не характерных для архитектурного решения, демонстрируют символ мистической перемены, связанной с главным моментом суфия – выбором места своего служения, где будут звучать его проповеди. Избрание пространства, в котором произошло познание Бога и духовное прозрение через духовное пробуждение.

Другим знаком суфийской символики мавзолея, вероятно, был четырехчастный шпиль купола, возможно, изначально верхушка куббы имела такой вид до реставрации. Например, шпиль мавзолея Мухаммада Содика, одного из великих суфиев XV века (кишлак Лангар в окрестностях Шахрисабза, Узбекистан), украшен четырьмя шарами (Абдурасулев, Ремпель, 1962, с. 5–44; Массон, 1966, с. 66–105). Такой шпиль устанавливается только над усыпальницей великого суфия. Кроме усыпальницы в Лангаре, такой же шпиль есть над мавзолеем Джалаладдина Руми в Турции. Каждый из шаров обозначает ступени просветления: шариат, изучение заветов и ревностное их исполнение; тарикат, истинное стремление к совершенству, посвящение всего себя служению этой цели; маарифат, сверхчувственное постижение единства Вселенной в Боге, познание духом и сердцем совершенства, понятий добра и зла; и хакикат, постижение высшей истины, слияние сознанием с Богом, саморастворение в божественном – высшая точка пути и совершенства (https://www.advantour.com/rus/uzbekistan/shakhrisabz/langar.htm).

Окончательный внешний облик мазара сформировался, возможно, к началу XV века. Вероятно, таким, сохранившимся в главных деталях, его увидел Абдуллах II в 1582 году. Между двумя периодами строительства, возможно и позже, осуществлялись ремонты и подновления. Вполне возможно, что рядом с мавзолеем жили те, кто ухаживал и следил за его состоянием. В традиции кочевников служители и смотрители священных мест называются *шыракшы*. Когда здание мазара пришло в запустение и перестало подновляться? Возможно, после смены парадигмы власти в евразийской степи в XV веке, с уходом Золотой Орды с олимпа государственного управления большей частью Внутренней Евразии. Но при этом мазар оставался и остается постоянным местом поклонения. Если в золотоордынское время почитание могло относиться к захороненным лицам, известным в сообществе, то позже, после обозначения мазара именем Джучи-хана, преклонение происходило, возможно, как обиталищу духа предка.

Итак, мазар № 2130 становится известным по источникам как мазар Джучи-хана с XVI века, и под этим названием он существует сейчас. Скорее всего, это была народная традиция, а именно культовое отношение к мазару как к символу памяти предка или как к предполагаемому месту его захоронения. Практика совершенствования и реставрации мавзолея как сакрального объекта продолжается в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

Аль-Бакара. Доступно по: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Аль-Бакара (дата обращения: 15.01 2024)

Археологическая карта Казахстана / Отв. ред. Е.И. Агеева, К. А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 450 с.

Абдурасулев Р.Р., Ремпель Л.И. Неизвестные памятники бассейна Кашкадарьи // Искусство зодчих Узбекистана. Т. 1 / Отв. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент, 1962. С. 5–44.

Бартольд В.В. Чингиз-хан и монголы // Сочинения. Т. I. М.: Восточ. лит-ра, 1963а. С. 446–530.

Бартольд В.В. Русская власть и ханства. Бухара // Сочинения. Т. II, ч. 1. М.: Восточ. лит-ра, 1963б. С. 393–433.

Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монгол // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. 496 с.

Булатова В.А., Маньковская Л.Ю. Памятники зодчества Ташкента XIV–XIX вв. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1983. 144 с.

Варианты анализа эпиграфики на плите из мавзолея Джучи-хана (приложение 2-г) // Мавзолей Джучи-хана: история исследования. / сост., гл. ред. Усманова Э. Р. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований. 2024. С. 198–200

Васильцов К.С. Цвет в культуре народов Центральной Азии // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 2007. Доступно по URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025231-8/978-5-02-025231-8_04.pdf (дата обращения: 16.02.2024)

Гумилев Л.Н. Хунну в Китае. М.: Наука, 1974. 280 с.

Гюль Э.Ф. Архитектурный декор эпохи Темуридов: символы и значения. Ташкент: SAN’AT, 2014. 180 с.

Гюль Э.Ф. Символика цвета и декора мавзолея Джучи-хана (Приложение 2-в) // Мавзолей Джучи-хана: история исследования / Гл. ред. Э.Р. Усманова Самарканд: Международный институт центрально-азиатских исследований. 2024. С. 188–197.

Золотой телец. Доступно по URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотой_телец (дата обращения: 15.01 2024).

Егинбайулы Ж. Археологические исследования комплекса Жошы-хана // Отан тарихы. 2001. № 2. С. 90–106.

Ёлгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: вторая половина XIX в. − середина 1950-х годов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 225 с.

Қинаятұлы З. Қазақ мемлекеті және Жошы хан. (Тарихи-сараптамалық зерттеу). На каз. яз. Казахское государство и Джучи-хан. (Историко-экспертное исследование). Астана: Елорда, 2004. 339 б.

Коран / АН СССР, Ин-т востоковедения; пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. 727 с.

Лангар. Доступно по: URL: https://www.advantour.com/rus/uzbekistan/shakhrisabz/langar.htm (дата обращения: 30.04. 2023)

Мазар. Доступно по: URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Мазар_(мавзолей). (дата обращения: 15.01 2024).

Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. Серия истор. 1948. № 49. Вып. 4. С. 119–145.

Массон М.Е. Катта Лянгар в области средневекового Кеша // Труды Ташкентского государственного университета. Вып. 295 / Археология Средней Азии. Т. 7 / Отв. ред. М.Е. Массон. Ташкент: ФАН, 1966. С. 66–105.

Мухтарова Г. Р. Влияние суфиев на историю паломничества // Суфизм в Иране и Центральной Азии. Материалы международной конференции в г. Алматы / Отв. ред.: Сафар Абдулло. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 205–212.

Миргалеев И.М. Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И.М. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: ИИ АН РТ, 2016. С. 72–77.

Окладникова Е.А. Палеокалендарные тексты горы Калбак-Таш (Горный Алтай). Исторический контекст современности. Сыктывкар: Изд-во Коми. Пед. Универ, 2010. С. 6–11.

Пацевич Г.И. Дневник Центрально-Казахстанской Археологической экспедиции 1946 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Инв. №367

Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент: Гослитиздат Уз.ССР, 1961. 606 с.

Сариева К. Диалектика математических и философских понятий в произведении Ходжа Ахмеда Ясави «Дивани Хикмет» // Суфизм в Иране и Центральной Азии. Материалы международной конференции в г. Алматы / Отв. ред.: Сафар Абдулло. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 205–211.

Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории по археологии Средневекового Туркестана. Алматы: Ғылым, 1998. 232 с.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 338 с.

Турекулов Т., Турекулова Н. Послание древнего мастера. // Кумбез. 1998. № 1 (3). С. 6–9.

Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013. 288 с.

Усман А. Крупнейшие суффийские братства Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 1999. 117 с.

Усманова Э., Кожа М., Искандерова А., Антонов М. Доисламские реликты ритуалов в мавзолее Джучи-хана (к вопросу о хорезмийских параллелях) // История и археология Приаралья. Вып. 3 / Отв. ред. Альниязов А.И. Нукус, 2022а. С. 141–150.

Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожа М.Б., Панюшкина И.П., Соловьева Л.Н., Ахатов Г А. Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды и обряд // Археология Евразийских степей. 2022б. № 3. С. 74–81.

Хафиз Таныш ибн Мир Мухаммад ал-Бухари. Шараф-нама-йи шахи // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алматы: Наука, 1969. С. 237–312.

Хорош Е.Х. К вопросу о строительной истории мавзолея Жоши-хана // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова / Ред. Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 101–109.

Юрченко А.Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // Золотоордынское время / Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 287–304.

Esin Emel. A history of pre-Islamic and early-Islamic Turkish culture. The Handbook of Turkish culture, series II, volume 1, b. Ünal Matbaasi, 1980. 400 p.

Ettinghausen Richard, Grabar Oleg. The Art and Architecture of Islam, 650-1250. Penguin Books, 1987. 448 p.

Panyushkina Irina P., Usmanova Emma R., Uskenbay Kanat Z., Kozha Mukhtar B., Dzhumabekov Dzhambul A., Akhatov Gaziz A., Timothy Jull, A. J. Chronology of the Golden Horde in Kazakhstan: 14C dating of Jochi Khan Mausoleum // Radiocarbon. 2022. Vol 64(2). PP. 323–331.

Ögel Bahaeddin. Türk mitolojisi. I. cilt: kaynakları ve açıklamaları ile destanlar. Ankara, 1993. XII, 644.

Ögel Bahaeddin. Türk mitolojisi. II. cilt: kaynakları ve açıklamaları ile destanlar. Ankara, 1995. XVI, 610.

Fomin, V. N., Usmanova, E. R., Gyul, E. F., Kelesbek, N. K., Turovets, M. A., Zemskiy, O. I., Saulebekov, D. M., Aldabergenova, S. K. Method for Qualitative and Quantitative Analysis of Ancient Lead Enamel Using Laser Inducted Breakdown Spectroscopy // Bulletin of the Karaganda University Chemistry Series, 2022, 108(4). PP. 107–117.

Информация об авторах:

Усманова Эмма Радиковна, ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт Карагандинского университета им. академика Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан); Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан (Алматы, Казахстан); Институт археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия); emmadervish2004@mail.ru

Панюшкина Ирина Петровна, кандидат биологических наук, профессор, Университет Аризона (г. Тусон, США); justirina8@gmail.com

Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самаркандский Институт археологии имени Я. Гулямова (г. Самарканд, Узбекистан); aysulu.iskander@gmail.com

REFERENCES

Al-Baqarah. Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Аль-Бакара. (accessed 15.01 2024) (in Russian).

Ageeva, E. I., Akishev, K. A. (eds.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological Map of the Kazakhstan).* Alma-Ata: *Academy of Sciences of the Kazakh SSR* Publ. (in Russian).

Abdurasulev, R. R., Rempel, L. I. 1962. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iskusstvo zodchikh Uzbekistana (Art of Architects of Uzbekistan)* 1. Tashkent, 5–44 (in Russian).

Bartol'd V. V. 1963a. In *Sochineniia (Works)* 1. Moscow: M.: Publishing House of Eastern Literature. 459–460 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Compositions)* 2, part 1. Moscow: "Nauka" Publ., 393–433 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1966. In *Sochineniia (Works)* 4. Moscow: "Nauka" Publ., 489–491 (in Russian).

Bulatova, V. A., Man'kovskaya, L. Yu. 1983. *Pamyatniki zodchestva Tashkenta XIV–XIX vv. (Tashkent architectural sites of the XIV–XIX centuries)*. Tashkent: Literary Publishing House and art (in Russian).

In Usmanova, E. R (comp. ed.-in-chief). 2024. *Mavzoley Dzhuchi-khana: istoriya issledovaniya (Mausoleum of Jochi Khan: history of research).* Samarkand: IICAS, 198–200 (in Russian).

Vasil'tsov, K. S. 2007. *Tsvet v kul'ture narodov Tsentral'noy Azii (Color in the culture of the peoples of Central Asia)*. Available at: URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025231-8/ (accessed 16.02.2024) (in Russian).

Gumilev, L. N. 1974. *Khunnu v Kitae (Xiongnu in China)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gyul, E. F. 2014. *Arkhitekturnyy dekor epokhi Temuridov: simvoly i znacheniya (Architectural decor of the Timurid period: symbols and meanings)* Tashkent: "SAN'AT" Publ. (in Russian).

Gyul, E. F. 2024. In Usmanova, E. R. (ed.-in-chief.). *Mavzoley Dzhuchi-khana: istoriya issledovaniya (Mausoleum of Jochi Khan: history of research)*. Samarkand: IICAS, 188–197 (in Russian).

Zolotoy telets (Golden Taurus). Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотой_телец (accessed: 15.01.2024) (in Russian).

Eginbaiuly, Zh. 2001. In *Otan tarikhy (History of the Homeland)* (2), 90–106 (in Russian).

Yolgin Yu. A. 2013. *Arkheologicheskie i istoriko-arkhitekturnye issledovaniya mavzoleya Khodzhi Akhmeda Yasavi: vtoraya polovina XIX v. − seredina 1950-kh godov. (Archaeological and historical-architectural studies of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi: the second half of the 19th century. − mid-1950s.)* Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

Kinayatuly, Z. 2004. *Қазақ memleketi zhәne Zhoshy khan. (Tarikhi-saraptamalyқ zertteu) (Kazakh state and Jochi Khan. (Historical and expert study).* Astana: "Elorda" Publ. (in Kazakh).

Krachkovsky I. Yu (trans.). 1986. *Koran (Koran).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Langar. Available at: URL: https://www.advantour.com/rus/uzbekistan/shakhrisabz/langar.htm. (accessed 30.04. 2023). (in Russian).

Mazar. Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мазар_(мавзолей) (accessed 15.01 2024) (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1948. *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriia arkheologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeological series)* 49 (4), 119–145 (in Russian).

Masson, M. E. 1966. In Masson, M. E. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the University of Central Asia)* 295. Series: Arkheologiya Sredney Azii (Archaeology of Central Asia). Vol. VII. Tashkent: "Fan" Publ., 66–105 (in Russian).

Mukhtarova, G. R. 2006. In Abdullo, S. (ed.-in-chief) *Sufizm v Irane i Tsentral'noy Azii (Sufism in Iran and Central Asia).* Almaty: "Dayk-Press" Publ., 205–212 (in Russian).

Mirgaleev, I. M. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in World History).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 72–77. (in Russian).

Okladnikova, E. A. 2010. *Paleokalendarnye teksty gory Kalbak-Tash (Gornyy Altay). Istoricheskiy kontekst sovremennosti (Paleocalendar texts of Mount Kalbak-Tash (Gorny Altai). Historical context of modern era).* Syktyvkar: Komi Pedagogical University, 6–11(in Russian).

Patsevich, G. I. 1946. *Dnevnik Tsentral'no-Kazakhstanskoy Arkheologicheskoy ekspeditsii 1946 g. (Diary of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of 1946).* Archive of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. Inv. 367 (in Russian).

Rempel, L. I. 1961. *Arkhitekturnyy ornament Uzbekistana. Istoriya razvitiya i teoriya postroeniya (Architectural ornament of Uzbekistan. History of development and theory of construction).* Tashkent: "Goslitizdat Uz.SSR" Publ. (in Russian).

Sarieva, K. 2006. In Abdullo, S. (ed.-in-chief) *Sufizm v Irane i Tsentral'noy Azii (Sufism in Iran and Central Asia).* Almaty: "Dayk-Press" Publ., 205–211 (in Russian).

Smagulov, E., Grigor'yev, F., Itenov, A. 1998. *Ocherki po istorii po arkheologii Srednevekovogo Turkestana (Essays on the history of the archaeology of Medieval Turkestan).* Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

Snesarev, G. P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma (Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khwarazm).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Turekulov, T., Turekulova, N. 1998. In *Kumbez (Kumbez)* 1 (3), 6–9 (in Russian).

Uskenbai, K. Z. 2013. *Vostochnyy Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi (Eastern Dasht-i Qipchaq in the XIII – early XV century. Issues of ethnopolitical history of the Ulus of Jochi).* Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Usman, A. 1999. *Krupneyshie suffiyskie bratstva Tsentral'noy Azii (The largest Sufi brotherhoods in Central Asia).* Samarkand: IICAS (in Russian).

Usmanova, E., Kozha, M., Iskanderova, A., Antonov, M. 2022a. In Alniyazov, A. I. (ed.-in-chief) *Istoriya i arkheologiya Priaral'ya (History and archaeology of the Aral Sea region)* 3. Nukus, 141–150 (in Russian).

Usmanova, E. R., Uskenbay, K. Z., Kozha, M. B., Panyushkina, I. P., Solov'yeva, L. N., Akhatov, G. A. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 74–81 (in Russian).

Khafiz Tanysh ibn Mir Mukhammad al'-Bukhari. 1969. In Ibragimov et al. (comp.) *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) (Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries).* Almaty: "Nauka" Publ., 237–312 (in Russian).

Khorosh, E. Kh. 2009. In Zhanaev, B. T. (ed.). *Nauchnye chteniya pamyati N. E. Masanova (Scientific Readings in memory of N.E. Masanov).* Almaty: "Daik-Press" Publ., 101–109 (in Russian).

Yurchenko, A. G. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Khazarskoe vremia (Khazar Time).* Donetsk: Donetsk National University, 287–304 (in Russian).

Esin Emel. 1980. *A history of pre-Islamic and early-Islamic Turkish culture. The Handbook of Turkish culture.* Ünal Matbaasi (in Turkish)

Ettinghausen Richard, Grabar Oleg. 1987. *The Art and Architecture of Islam, 650-1250* (in English).

Panyushkina Irina P., Usmanova Emma R., Uskenbay Kanat Z., Kozha Mukhtar B., Dzhumabekov Dzhambul A., Akhatov Gaziz A., Timothy Jull, A. J. 2022. In *Radiocarbon.* Vol 64(2), 323–331 (in English).

Ögel Bahaeddin. 1993. *Türk mitolojisi. I. cilt: kaynakları ve açıklamaları ile destanlar* XII. Ankara (in Turkish).

Ögel Bahaeddin. 1995. *Türk mitolojisi. II. cilt: kaynakları ve açıklamaları ile destanlar* XVI. Ankara (in Turkish).

Fomin, V. N., Usmanova, E. R., Gyul, E. F., Kelesbek, N.K., Turovets, M.A., Zemskiy, O. I., Saulebekov, D.M., Aldabergenova, S.K. 2022. In *Bulletin of the Karaganda University Chemistry Series* 108(4), 107–117 (in English).

About the Authors:

Usmanova Emma R., Saryarka Archaeological Institute of Karaganda Buketov University, Universitetskya 28, Karaganda, 100024, Kazakhstan; Institute of Archeology named after. A. Kh. Margulan (Almaty, Kazakhstan); Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. (Kazan, Russia); emmadervish2004@mail.ru

Panyushkina Irina P., Candidate of Biological Sciences, Associate Research Professor, University of Arizona, Laboratory of Tree-Ring Research, Tucson, AZ 85721, USA; justirina8@gmail.com

Iskanderova Aysulu D., Candidate of Historical sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology named after. Ya. Gulyamova, Abdullaeva 3, Samarkand, 140161, Uzbekistan; aysulu.iskander@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.389.398

ХОДЖА РУШНОИ – ОСТАТКИ СЕЛЕНИЯ ТИМУРИДСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОЛИНЕ КАШКАДАРЬИ (УЗБЕКИСТАН)

© 2024 г. А.А. Раимкулов, Д.С. Омонов, С.У. Абдурахимов

Монументальные архитектурные сооружения, построенные Амиром Тимуром и его потомками, широко известны как шедевры всемирного зодчества. Основное число монументальных зданий, построенных представителями этой династии, сосредоточены, в основном в Самарканде и в Кеше-Шахрисабзе. Архитектурные сооружения тимуридского времени изучаются уже более ста лет известными учеными в области архитектуры. По этому вопросу в Узбекистане, в СНГ и за рубежом опубликованы сотни монографий и научных статей. На фоне исследований монументальных памятников тимуридского времени, жилища и образ жизни простого неселения, особенно сельского, почти не изучались. Письменные источники так же не продоставляют никакой информации о сельских поселениях того времени. Археологические раскопки, проводимые авторами данной статьи на площади селения Ходжа Рушнои, расположенного в Мубарекском районе Кашкадарьинского области Узбекистана, впервые предоставили возможнось обследовать жилища и образ жизни простого сельского неселение тимуридского времени. Выяснилось, что топография селений и материальная культура, особенно керамические изделия тимуридского времени сильно отличается от сельских поселений домонгольского периода.

Ключевые слова: археологические раскопки, монументальная архитектура, тимуриды, Самарканд, Шахрисабз, селение Ходжа Рушнои, материальная культура.

KHODJA RUSHNOI – REMAINS OF THE TIMURID ANCIENT SETTLEMENT IN THE KASHKADARYA VALLEY (UZBEKISTAN)

A.A. Raimkulov, D.S. Omonov, S.U. Abdurakhimov

The monumental architectural structures built by Amir Timur and his descendants, the Timurids, are widely known as masterpieces of world architecture and urban planning culture. The bulk of the monumental buildings built by representatives of this dynasty are concentrated mainly in Samarkand and Kesh-Shakhrisabz. Architectural structures of the Timurid period have been studied for more than a hundred years by famous scientists in the field of architecture. Hundreds of monographs and scientific articles have been published on this issue in Uzbekistan, the CIS and abroad. Against the background of studies of monumental monuments of the Timurid period, the dwellings and way of life of populace, especially rural one, were not studied absolutely because the remains of residential buildings of urban and rural populace of that time were practically not found on the territory of Uzbekistan. Written sources did not provide any information about rural populace of that time. Archaeological excavations carried out by the authors of this article in the Khodja Rushnoi settlement, located in the Mubarek district of the Kashkadarya region of Uzbekistan, for the first time provided the opportunity to examine the homes and lifestyle of a simple rural population of the Timurid period. It turned out that the topography of settlements and material culture, especially pottery of the Timurid period, are very different from the rural settlements of the pre-Mongol period.

Keywords: archaeological excavations, monumental architecture, Timurids, Samarkand, Shakhrisabz, Khodja Rushnoi settlement, material culture.

Многолетняя, сложная военно-политическая деятельность Амира Тимура в евразийском пространстве, вклад представителей династии тимуридов в среднеазиатскую и мировую культуру был практически отвергнут из-за политики коммунистического режима во времена советской власти. Изучить различные стороны деятельности Амира Тимура стало возможным лишь после того, как республики Средней Азии стали независимыми государствами.

Монументальные архитектурные сооружения, построенные Амиром Тимуром и его потомками, широко известны как шедевры

мирового зодчества и градостроительной культуры. Основное число монументальных зданий, построенные представителями этой династии, сосредоточены, в основном, в Самарканде – столице империи Амира Тимура – и в Кеше-Шахрисабзе – родине ее основателя. После правление Амира Тимура во время его наследников строительные работы проводились также и в Хорасане.

Архитектурные сооружения, построенные Амиром Тимуром и его потомками, изучаются уже в течение более ста лет известными учеными в области архитектуры. По этому вопросу в Узбекистане, СНГ и за рубежом опубликованы сотни монографий и научных статей. На фоне многолетних исследований монументальных памятников тимуридского времени, жилища и образ жизни простого неселения, почти не изучались, поскольку для проведения подобных исследований по этому направлению в науке не было известно ни одного памятника.

Однако в ходе археологических раскопок, проводимых на исторических территориях Самарканда, Бухары и Шахрисабза неоднократно были выявлены культурные слои чигатайского и тимуридского времени, сопровождаюшими керамическими и другими археологическими артефактами. При таких археологических раскопках остатки жилых домов городских неселений того времени практически не были обнаружены, так как они перекрыты насыщенными строительными горизонтами последующих эпох и трудно вычленяемы.

В ходе наших археологических изысканий в Шахрисабзе, Китабе, Яккабаге и ряде других районов Кашкадарьинской области в некоторых памятниках мы обнаружили небольшое количество керамики, принадлежащей периоду чагатаидов и тимуридов, но отдельных памятников обнаружить не удалось.

На территории Узбекистана известны всего два памятника чагатаидского периода - крепость Карши, построенная в качестве резиденции во времена правления хана Кебека (1318-1326 гг.) и Занджир Сарай, построенный ханом Казанханом Султаном (1335-1347). Археологические раскопки в крепости Карши не проводились, а был составлен лишь план города (Массон, 1973. с. 49-60). Раскопки в Занджир Сарае проводились А.А. Раимкуловым в 1993-1997 годах (Раимкулов, 2023, с. 200-206; Раимкулов, Султанова, 2005, с. 215-225) и позволили вскрыть часть уникальной дворцовой постройки.

В археологии Узбекистана сравнительно хорошо изучены памятники XIII-XIV веков в Хорезмском оазисе, входившем в состав Золотой Орды. В это время в Хорезме сельские усадьбы и сельскохозяйственные поселения располагались в основном вокруг городов (Кдырниязов, 2005).

В 2019 году при финансовой поддержке Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан мы провели археологические раскопки и рекогносцировочные исследования в районе, где расположено историческое селение Ходжа Ильгор, упомянутое Ибн Арабшахом как место рождения Амира Тимура (Ибн Арабшах, 1992, с.24). Селение Ходжа Ильгор существует и по сей день и под тем же названием, но в 50-годы его население переселилось на новое место, недалеко от старой деревни. Сейчас на старом месте селения находится кладбище, которое занимает больше половины его территории.

Основной целью археологических исследований было обнаружение следов древних селений чагатайского периода или периода Амира Тимура. По сведениям местных жителей было определено местонахождение старого селения и на двух участках были произведены обширные археологические раскопки. Кроме того, в нескольких местах были заложены шурфы. При археологических раскопках было установлено, что верхние культурные слои обоих раскопов толщиной 70-80 см относятся к XVII-XVIII векам. Культурные слои, находящиеся под этими слоями, относятся к XI-XII векам, то есть караханидскому периоду. Несмотря на большие размеры раскопок, культурные слои и остатки жилой застройки, относящиеся к периоду чагатаидов и Амира Тимура, нигде не были обнаружены, но кое-где в незначительном количестве встречались фрагменты керамики этого периода. В то же время в ряде шурфов культурные слои этого периода не наблюдались.

Мы, не опровергая информацию о рождении Амира Тимура в селе Ходжа Ильгор, в отчете выдвинули предположение, что «причина отсутствия культурных слоев эпохи Тимуридов в селе Ходжа Ильгор, где родился Амир Тимур, заключается в том, что видимо, селение в период, относящийся к

его рождению, представляло собой типичное для скотоводов-кочевников сосредоточение наземных разборных жилых построек (юрт), сосредоточенных в окружении посадок деревьев.

По нашему мнению, село Ходжа Ильгор, видимо, принадлежало предкам Амира Тимура, знатным барласским-бекам, имевшим здесь обширные земли, большие сады и возделываемые поля. Поэтому историческая информация о том, что Амир Тимур родился в этом селе, соответствует действительности. Расстояние между современным Шахрисабзом и Ходжа Ильгор составляет сейчас около 12-13 км. Рядом с селением имеется крупный средневековый памятник – остатки сельского поселения домонгольского времени. Возможно, селение Ходжа Ильгор формировалось на основе этого поселения.

В чагатайском и тимуридском периодах большая масса населения жила и в городах. В 1996 г. нами были проведены широкомасштабные раскопочные работы в центральной площади города Шахрисабза, на расстояние 250-300 м к юге от главного портала Аксарая, дворца Амира Тимура (Раимкулов, 2018, с.48). В результате археологических раскопок здесь были найдены остатки городских домов, очень плохой сохранности, относящихся ко второй половине XIII и первой половине XIV веков, то есть периода существования Чагатайского улуса. Эти дома располагались по обе сторонам узкой улицы. Здесь же был обнаружен небольшой арык, протекающий параллельно улице. Оба берега арыка выложены жженым кирпичем .

Эти места, изученные нами, являются частью одного из городских кварталов города Шахрисабза в период Чагатайского улуса. Именно в это время и в одном из таких кварталов жила семья, принадлежащая к самым знатным слоям города – предки и родители Амира Тимура.

В этот период наряду с городами естественно существовало и множество селений. В связи с тем, и археологические памятники, являющиеся остатками селений этого периода, не были известны, поэтому вопросы культуры сельских поселений этого периода, материальная культура, быт населения, жилища сельского населения, ремесла этого периода всегда оставался открытым.

Причина отсутствия отдельных археологических памятников, представляющих собой руины поселений простых населений чагатайского и тимуридского времени заключаются в том, что во время правление этих династий большое число населений государства вело кочевой образ жизни. Основная часть населения, состоящая из представителей различных тюркских родов, в основном проживала в кишлаках-аулах.

Кочевое население постоянно перемещалось и жило только в низменностях в семейных кибитках, тогда как полукочевое население во время миграции проживало на лугах, а в зимней период в течение 3-4 месяцев в своих постоянных селениях. Нынешние узбекские села образовались на базе таких сел как Ходжа Рушнои. В узбекском языке селение называется «кишлок», т.е. “зимовка”, в переносном широком значении - селение, село, и это название возникло на основе термина «кишлов», т.е. зимование. На территории Узбекистана во многих районах встречаются селения с названиями “кишлов”, “кишлик”, смысл которых означает как “зимовка”

В 2023 г. впервые в археологии Узбекистана нами были раскопаны жилые дома тимуридского времени на памятнике Ходжа Рушнои.

В 2023 году Кашкадарьинская экспедиция Самаркандского института археологии провела археологические раскопки на археологическом памятнике Ходжа Рушнои, расположенном в Мубарекском районе Кашкадарьинской области. По преданиям, Ходжа Рушнои был святым человеком, и занимался производством растительного масла.

Впервые памятник был обнаружен нами в 1993-1995 годах во время археологических исследований археологического памятника Занджир Сарай в Мубарекском районе (Раимкулов, Султанова, 2005, с.220). Расстояние между Ходжа Рушнои и Занджир Сарая составляет около 14 км. Ходжа Рушнои представляют собой руины одного из уникальных археологических памятников Кашкадарьинской области Узбекистана. Памятник расположен в 4-4,5 км к востоку от нынешнего города Мубарека, в 1,2 -1,3 км к северу от автомобильной трассы (А 380) Карши – Бухара, в северо-западной стороне действующего кладбища Ходжа Рушнои, в просторной степной зоне. Исходя из названия

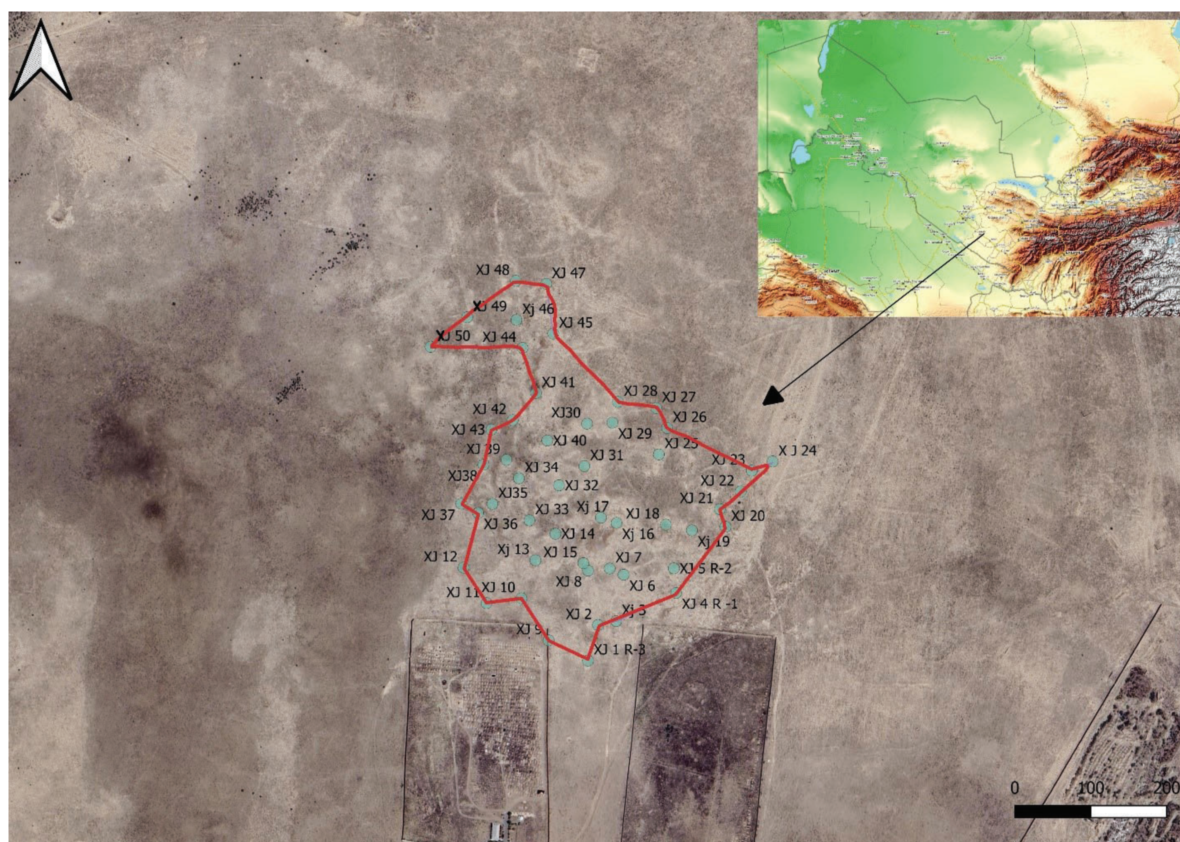

Рис. 1. Памятник Ходжа Рушнои
Fig. 1. Khodja Rushnoi site

кладбища мы назвали этим именем сам памятник.

Памятник представляет собой комплекс из пятидесяти малых и больших холмов округлых очертаний (рис. 1) Размеры холмов 7-8 х 11-13 м, высотой 0,5-1,5 м, расположенных на расстоянии от 10-15 м до 20-25 м друг от друга. Общая площадь села составляет 9-10 гектаров и не окружена наружной стеной. Интересно отметить, что после продолжительных дождей на поверхности полусухих холмов можно наблюдать направления стен одно-, двух- и трехкомнатных домов. Каждый холм представляет собой остатки отдельно стоящего дома, а более крупные вероятно, принадлежали богатым семьям. Такие дома с открытыми дворами широко распространены в селах

нынешних пустынных районов Кашкадарьи. На территории села Ходжа Рушнои часто встречаются фрагменты керамики XIV-XV вв., керамические шлаки, железные крицы, обломки расплавленного стекла. Здесь в 1993-1994 гг. нами был найден даже фрагмент архитектурного декора – майолики с резным узором. Эти находки свидетельствуют о том, что в селе наряду с обычными жителями проживали семьи ремесленников, занимавшихся гончарным, стекольным, кузнечным делом и архитектурным облицовочным производством.

В 2023 году на этом памятнике нам удалось провести первые археологические раскопки. Целью исследования являлось совершенно не изученное направление в археологии Узбекистана - историческая топография селений XIV-XV вв., архитектурные особенности жилищ конечно же материальная культура чагатайско-тимуридского времени.

Первый холм, который исследовался, определен как раскоп-1. В раскопе 1 полностью обнаружены руины трехкомнатного дома, помещения которого расположены в один ряд с севера на юг (рис. 2). Главный вход в дом с северной стороны. В северо-западном углу снаружи дома имеется стена, выходящая на север примерно на 1 м. Эта стена очень плохо сохранилась. Возможно, эта боковая стена айвана, которая имеетсяв северной стороне дома.

Рис. 2. Аэрофотосъемка
Fig. 2. Aerial photography

У входа начинается помещение 1. В верхнем культурном слое помещение в завале найдены три монеты. Две монеты относятся к XV веку, то есть периоду Тимуридов (рис. 5. 4, 6). Помещение имеет прямоугольную форму, размеры которой 5х3,5 м, высота стен около 1,5 м, то есть пол помещения обнаружен на глубине 1,5 м. Поверхность пола оштукатурена. Напротив главного входа расположена круглая печь для выпечки лепешок – тандыр, диаметром 50 см. Внутренние стенки печи красного цвета, это от сильного огня, внутри тандыра имеется слой золы толщиной 15-20 см. Рядом с тандыром, на восточной стене комнаты, имеется ниша шириной 90 см и глубиной 10 см. У входа в комнату был найден кусок деревянной доски, с воткнувшимся железным наконечником стрелы.

В задней части от тандыра имеется прямоугольная суфа (возвышенность) размером 190х130 см и высотой 20 см. Верхняя поверхность суфы оштукатурена. На западной стороне суфы был вырублен круглый очаг. На полу помещения перед очагом находится подсобная яма глубиной 1,15 м. В яме был найден железный нож. Яма являлась хозяйственным прохладным углублением, где хранились продукты питания. На южной стороне первого помещение находится помещение 2.

Помещение 2 чуть длиннее и более узкое, размером 5,5х2,5 м. Пол помещения также обнаружен на глубине 1,5 м, поверхность гладко оштукатурена. Внутри помещение не имеет никаких убранства, оно почти пустое. В северо-восточном угле помещения открыт, похоже вход. Видимо, это место образовалось в результате обрушения угла комнаты (рис. 3).

В этом помещении обнаружено значительное количество фрагментов керамики и

Рис. 3. Вид раскопа с востока
Fig. 3. View of the excavation from the east

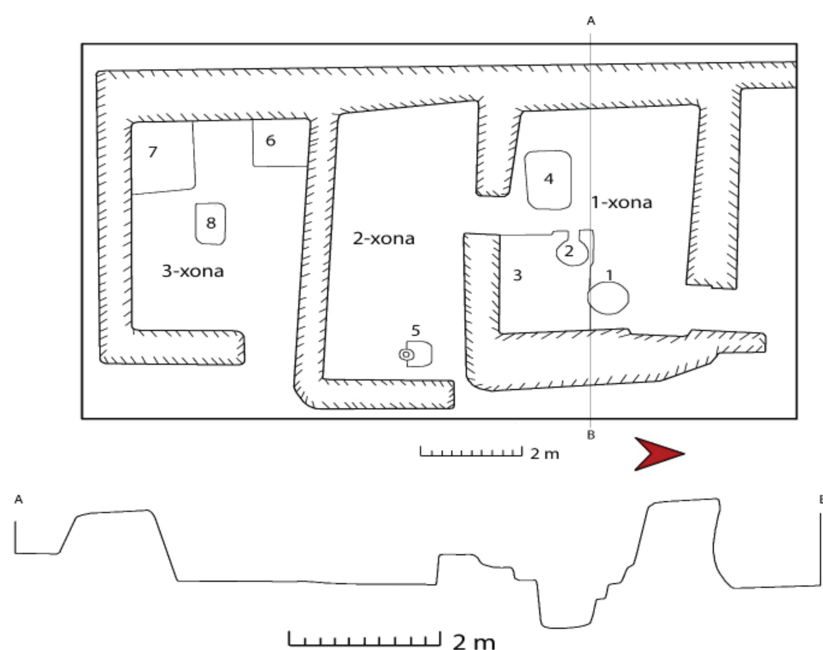

Рис. 4. План раскопа
Fig. 4. Excavation plan

несколько металлических находок (рис. 6). Среди этих находок особого внимания заслуживает глазурованная чернильница, цилиндрической формы с темно-синим растительным орнаментом на внешней поверхности (рис. 7. 10). Эта уникальная находка свидетельствует о том, что в тимуридский период в этом доме жили грамотные люди и его семья. В то же время этот сосуд дает хорошие сведения о форме и оформлении чернильниц, которыми пользовались население того времени.

Помещение 3 расположено в южной части помещений 1-2, оно поменьше чем остальные его размеры 4,3х3 м. Западная стена является общей стеной с помещениями 1-2 и это свидетельствует о том, что все помещения дома выстраивались одновременно (рис. 4). Но, вход пемещания 3 расположен в северо-восточном углу и связан прямо со двором. Пол этой комнаты имеет глубину почти 1,50 м. Поверхность не очень ровная. Под западными углами комнаты и в центре комнаты находятся три ямы разных размеров. На полу комнаты найдены медная монета 50-60-х годов XIV века, периода чагатаидов (рис. 5, 1), рядом с монетой найдены серебряный перстень и железный наконечник стрелы (рис. 6, 4). Отдельный вход со стороны двора и ряд хозяйственных ям показывает, что помещение выполняло функции складского помещения.

При расчистке стен вскрытых помещений мы сталкавались с новыми методами строительства. Все стены дома построены из своеобразного типа кирпича булкообразной формы, длиной 17-20 см, шириной 13-14 см, толщиной 10-12 см. Видимо, их клали в сыром виде. Подобные формы глины используются и по сей день при строительстве домов и других построек степных узбекских кишлаков - “гуваляк”. Затем и с наружной стороны и изнуты стены оштукатурены мягкой отмученной глиной с примесью мелкого самана (саман–тонкая шелуха стеблей пшеницы). В домонгольском периоде подобный строительный метод не известен, тогда стены строились лишь из пахсы (тщательно обработанная твердая глина) и из прямоугольных сырцовых кирпичей.

Результаты археологических раскопок, проведенных на памятнике Ходжа Рушнои, впервые в археологии Узбекистана дают ценные сведения о селениях чагатайского и тимуридского периодов На этом холме среднего размера был обнаружен трехкомнатный дом, состоящий из подсобного помещения (кухни), спальни и кладовой. Можно предположить, что на месте более крупных холмов имеются трех или четырехкомнатные дома. К северу от помещений располагался айван. Айваны широко использовались при строительстве домов в Средней Азии начиная с античности и раннего средневековья.

В формирование и развитие архитектуры сельских поселений Кашкадарьинского оазиса Узбекистана, в сложении внутренних структур, приминении различных приемов

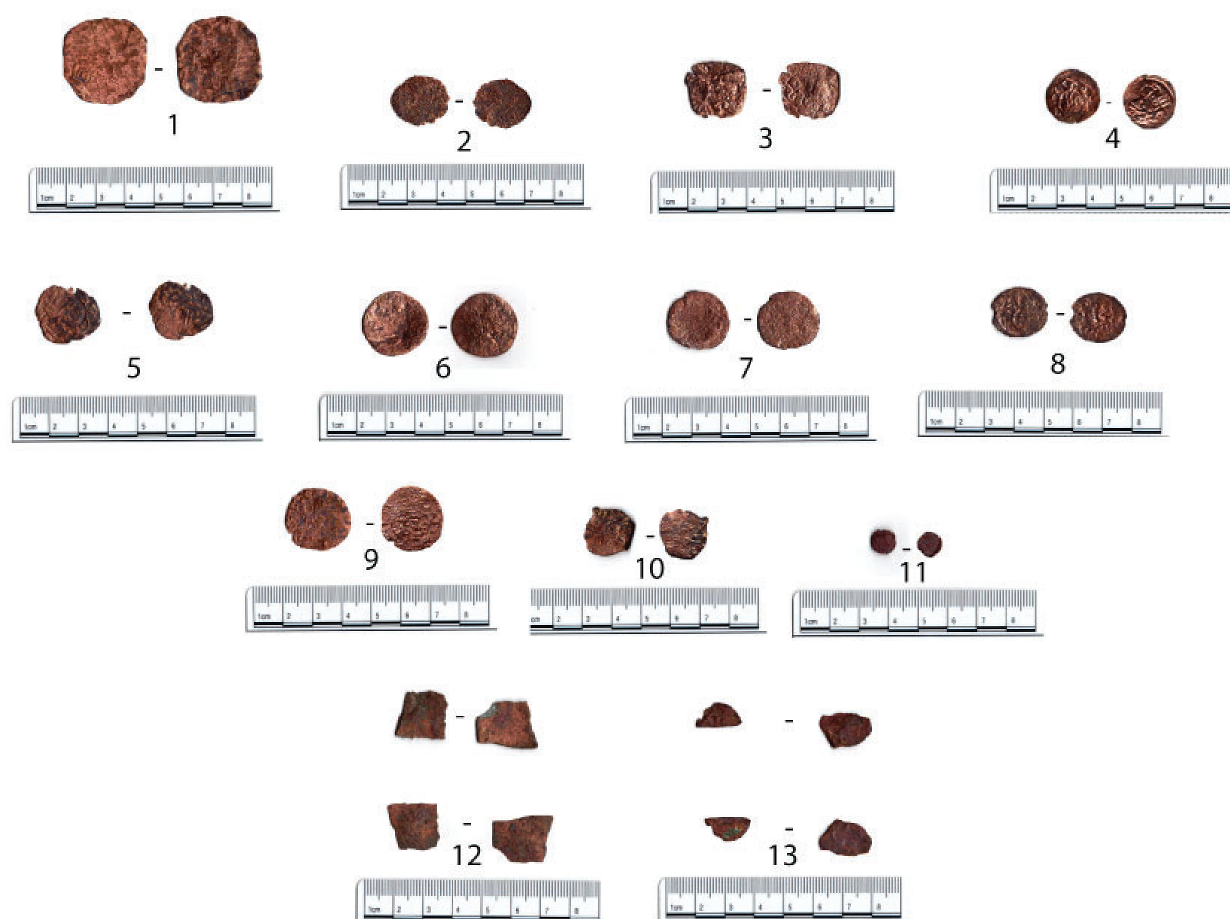

Рис. 5. Монеты из раскопа: 1 – 50-60 годы XIV в. Чагатаиды; 2 – середины XIV в. Чагатаиды; 3 – 1427–1428 гг. чекан Бухары. Улугбек; 4 – XV в. Тимуриды; 5 – 1456–1457 гг. монета «урду». Тимуриды; 6 – второй половины XV в. Тимуриды; 7 – второй половины XV в. Тимуриды; 8 – 1465–1466 гг. Тимуриды; 9 – второй половины XV в. Тимуриды; 10 – XVII–XVIII вв.; 11 – XVIII в.; 12-13 – фрагменты монет (
Монеты были определены старшим научным сотрудником Самаркандского института археологии, кандидатом исторических наук Л.Ю. Шпеневой).
Fig. 5. Coins found on the excavation site: 1 – 50-60s of the XIV century. Chaghataids; 2 – middle of the XIV century. Chaghataids; 3 – 1427–1428 coinage of Bukhara. Ulugbek; XIV–XV centuries. Timurids; 5 – 1456–1457 Urdu coin. Timurids; 6 – second half of the XV century. Timurids; 7 – second half of the XV century. Timurids; 8 – 1465–1466. Timurids; 9 – second half of the XV century. Timurids; 10 – XVII–XVIII centuries; 11 – XVIII centuries; 12-13 – Fragments of coins (Coins were identified by senior research fellow at the Samarkand Institute of Archeology, candidate of historical sciences L.Yu. Shpeneva)

строительства и использовании строительных материалов непосредственно особую роль играл местный климат. Поскольку, территория Кашкадарьинского оазиса расположена в жарком климатическом поясе, это впрямую повлияло на формирование некоторых характерных особенностей его гражданской архитектуры. Одной из характерных особенностей архитектуры сельских поселений Кашкадарьинского оазиса является наличие айванов (пристенный навес с опорными столбами). Айваны с легкими балочными конструкциями и плоским перекрытием несомненно были очень распространены в гражданской архитектуре по всей территории Средней Азии с древности вплоть до наших дней. Однако, остатки или следы айванов практически не сохраняются и их трудно обнаружить в археологических раскопках. Их можно определить путем анализа архитектуры и планировки сооружений. В знойной летней погоде, морозных ветренных днях и в снежной зиме айваны были особенно необходимы. Начиная с ранней весны до поздней осени, в течение не менее восьми месяцев в год, айваны использовались как местом дневнего и ночного отдыха,

Рис. 6. Метеллические предметы
Fig. 6. Metal items

местам приготовления питания, исполнение почти всех домашних и хозяйственных работ жителей южных регионов Средней Азии

В археологии Средней Азии в течении нескольких деятков лет во многих средневековых памятниках хорошо изучались особенности сельских поселений домонгольского периода. Жилища простого населения поселений саманидского и караханидского времени были компактными в кварталах городов и были сосредоточены в одним или двум соседских жилищах. Иногда между жилищами проходила улица или узкие проходы.

Уникальность сельского поселения “Ходжа Рушнои» как археологического памятника заключается в том, что оно является пока самим древним образцом нынешних узбекских селений. Памятник представляет собой руины первого оседлого кишлака одного из родов кочевых и полукочевых узбеков.

Как уже говорилось, определенная часть населения постоянно проживала и в оседлых деревнях, состоящих из комплекса домов, построенных из пахсы и сырцового кирпича. В целом, во времена правления Тимуридов жители селений вели кочевой, полукочевой и оседлый образ жизни. Подобный образ жизни сельского населения продолжался вплоть до XIX-XX вв. Русский дипломат И.В.Ханыков подробно описывает ряд узбекских родов кочующих в пустынных зонах Каршинской степи (Ханыков,1843, с.63-65). Во время путе-

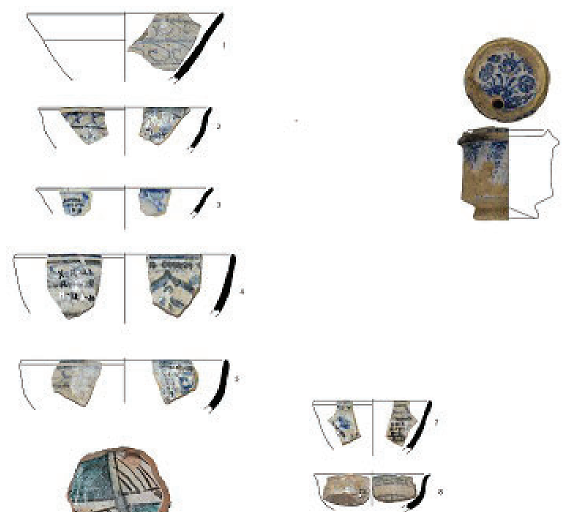

Рис. 7. Керамика из раскопа
Fig. 7. Pottery from the excavation

шествия по городам Бухары, Самарканда и Карши по дороге он встречал и многие цветущие селения, население которых вели оседлый образ жизни. В своем произведении Н. В. Ханыков упоминает названия 97 узбекских родов. Среди них более подробно описаны 28 крупных родов, проживавших на территории Бухарского ханства, т.е. в Каршинском оазисе. По его данным в степных районах между Бухарой и Карши кочуют такие роды, как мангит, хытай, найман, кыпчак, сарай, туркман, арлат, бузачи, бахрин, чигатай, ковчин. Он также упоминает названия узбекских родов, таких как дурман, карлык, джит, боташ, и говорит, что они ведут только оседлый образ жизни. В настоящее время в районе расположения Ходжи Рушнои имеются села, носящие имена этих родов, из них село Карлык расположено в 20-22 км к юго-западу от Ходжи Рушнои, село Китай расположено примерно в 20 км южнее, а село Бузачи расположено примерно в 25 км к западу. Кроме того, во многих регионах Узбекистана есть села Ковчин, Боташ, Сарай, Бахрин, Найман, Чагатай.

Можно предположить, что один из упомянутых узбекских родов жил в селе Ходжа Рушнои, жители которого вели оседлый образ жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Байпаков, К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв.. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.

Ибн Арабшах. Жизнеописание правителя Тимура: (Чудеса судьбы истории Тимура). Ташкент: Мехнат, 1992. 326 с.

Кдырниязов М.Ш. Культура Хорезма XIII-XIV гг. Автореферат дисс. … доктора истор. наук. Самарканд, 2005. 47 с.

Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965-1966 гг.). Ташкент: Фан, 1973. 101 с.

Раимқулов А.А. Занжир Сарой - Чиғатой улуси маркази // Города в Великом Шелковом пути. Маърузалар матни / Отв.ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд, 1994. С. 57–58.

Раимқулов А.А. Жанубий Суғднинг VIII-XIV асрлар даври тарихий топографияси. Тарих фанлари доктори (DSC) диссертацияси автореферати. Самарқанд: 2018. 80 с.

Раимкулов А.А. Занджир Сарай – последний город-столица Чагатайского улуса // Кочевой мир Центральной Евразии в древности и средневековье (II-III Мажитовские чтения) / Отв. ред. Д. Гайнуллин. Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2023. С. 200–206

Раимкулов А.А., Султанова Д.Н. Города и селения монгольского и тимуридского времени в долине Кашкадарьи (археологическое изучение, интерпретация, локализация) // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии / Отв. ред. К.И. Табаева. Самарканд; Бишкек: МИЦАИ, 2005. С. 215–225.

Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. Санкт Петербург: 1843. 280 с.

Информация об авторах:

Раимкулов Абдисабур Аззамович, доктор исторических наук (DSc), ведущий научный сотрудник Самаркандского института археологии им. Я. Гулямова Агентства культурного наследия Республики Узбекистан (г. Самарканд, Узбекистан); araimkulov@mail.ru; abdisaburraimkulov@gmail.com

Омонов Дилмурод Суннатович, докторант Самаркандского института археологии им. Я. Гулямова Агентства культурного наследия Республики Узбекистан (г. Самарканд, Узбекистан)

Абдурахимов Санжар Уктамович, младший научный сотрудник, Самаркандского института археологии им. Я. Гулямова Агентства культурного наследия Республики Узбекистан (г. Самарканд, Узбекистан)

REFERENCES

Akishev, K.A., Baypakov, K.M., Erzakovich, L.B. 1987. *Otrar XIII–XV* vv. *(Otrar in the XIII–XV centuries).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian)

Ibn Arabshakh. 1992. *Zhizneopisanie pravitelya Timura: (Chudesa sud'by istorii Timura) (Biography of the ruler Timur (Miracles of Timur’s fate history)*. Tashkent: “Mekhnat” Publ. (in Russian)

Kdyrniyazov, M. Sh. 2005. *Kul'tura Khorezma XIII–XIV gg. (Culture of Khwarazm in the XIII–XIV centuries).* Thesis of Diss. Doctor of Historical Sciences Samarkand (in Russian).

Masson, M. E. 1973. *Stolichnye goroda v oblasti nizov'ev Kashkadar'i s drevneyshikh vremen (Iz rabot Keshskoy arkheologo-topograficheskoy ekspeditsii TashGU (1965-1966 gg.) (Capital cities in the lower Kashkadarya since ancient times (From the works of the Kesh archaeological and topographical expedition of the Tashkent State University (1965–1966)).* Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Raimkulov, A. A. 1994. In Shirinov, T. Sh. (ed). *Goroda v Velikom Shelkovom puti (Cities on the Great Silk Road).* Samarkand: “Zarafshan” Publ., 57–58 (in Uzbek).

Raimkulov, A. A. 2018. *Janubiy Sug’dning VIII–XIV asrlar davri tarikhiy topografiyasi (Historical topography of Southern Sogd of the 8th-14th centuries)* Thesis of Diss. Doctor of Historical Sciences (DSc). Samarkand (in Uzbek).

Raimkulov, A. A. 2023. In Gainullin, D. (ed.). *Kochevoy mir Tsentral'noy Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (II–III Mazhitovskie chteniya) (Nomadic world of Central Eurasia in ancient times and the Middle Ages (II–III Mazhitov’s readings)).* Ufa, 200–206 (in Russian).

Raimkulov, A.A., Sultanova, D.N. 2005. In Tabaeva, K. I. (ed.). *Tsivilizatsii skotovodov i zemledel'tsev Tsentral'noy Azii (Civilizations of pastoralists and farmers of Central Asia).* Samarkand; Bishke: IICAS, 215–225 (in Russian).

Khanykov, N. V. 1843. *Opisanie Bukharskogo khanstva (Description of the Bukhara Khanate).* Saint Petersburg (in Russian).

About the Authors:

Raimkulov Abdisabur A., Doctor of Historical Sciences (DSc), leading researcher, Samarkand Institute of Archeology named after. Y. Gulyamov Agency of Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan. Samarkand, Academician V. Abdullayev St. 3); araimkulov@mail.ru; abdisaburraimkulov@gmail.com

Omonov Dilmurod S., doctoral student Samarkand Institute of Archeology named after. Y. Gulyamov Agency of Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan. Samarkand, Academician V. Abdullayev St. 3.

Abdurakhimov Sanzhar U. Samarkand Institute of Archeology named after. Y. Gulyamov Agency of Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan (Samarkand, Academician V. Abdullayev St. 3.

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 951.93 (021) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.399.404

ОСТАТКИ ДВОРЦА МОНГОЛЬСКОГО ХАНА КЕБЕКА

©2024 г.Д.Ж.Рахматова

В статье представлены сведения об управленческой деятельности монгольских ханов Кебек-хана и Тармаширина по развитию города Карши, а также об историческом памятнике, построенного Кебек-ханом в центре Каршинской крепости. Сегодня это здание известно местным жителям как мечеть «Одина». Согласно историческим источникам, в начале XIV века это сооружение первоначально было дворцом, построенным одним из монгольских ханов Кебек-ханом, позднее, во времена правления Амира Темура оно перестроена и использовалось как мечеть «Одина», а в более поздние периоды - использовался для многих других целей. А также в статье рассказывается, что топография крепости Карши была исследована на основе исторических источников и изразцов, найденных при реставрационных работах на этой территории, но из-за отсутствия масштабных археологических исследований, прийти к окончательному выводу не удалось.

Ключевые слова: археологические раскопки, Средняя Азия, Нахшаб, Кебек-ханом, крепость Карши, Тармаширин, Амир Темур, мечеть «Одина», декоративная архитектура, цветная мозаика, глазурованная майолика.

REMAINS OF THE MONGOL KEBEK KHAN’S PALACE

D.J.Rakhmatova

The article presents the information about the management activities of the Mongol khans Kebek Khan and Tarmashirin on the development of the city of Karshi, as well as about the historical monument built by Kebek Khan in the center of the Karshi fortress. Today this building is known to local population as the Odina Mosque. According to historical sources, at the beginning of the XIV century, this building was originally a palace built by one of the Mongol khans, Kebek Khan; later, during the reign of Amir Temur, it was rebuilt and used as the Odina Mosque, and in later periods it was used for many other purposes. The article also informs that the topography of the Karshi fortress was studied on the basis of historical sources and tiles, found during restoration works in this area, but due to the lack of large-scale archaeological research, it was not possible to come to a final conclusion.

Keywords: archaeological excavations, Central Asia, Nakhshab, Kebek Khan, Karshi fortress, Tarmashirin, Amir Temur, Odina Mosque, archaeological excavations, decorative architecture, colored mosaic, glazed maiolica.

В начале XIII века, после покорения Средней Азии монгольскими завоевателями, зеленые просторы Нахшаба были выбраны Чингисханом в качестве зимовки, где войска отдыхали и собирались для похода в другие страны. Перед смертью Чингисхан поделил завоёванные им территории между четырьмя сыновьями в качестве наследства, а земли Кашкара, Еттисув и Мавераннахра (узб. – Моварауннахр) отдал второму сыну Чагатаю. В дальнейшем эта территория получила название «Чагатайский улус».

В последующие годы Нахшаб стал местом проживания монгольских ханов Чагатайского улуса. На территории Нахшаба в 1310 году был похоронен Эсонбука, а в 1326 году Кебек-хан (Қарши, 2006, с. 60–61). Однако эти погребальные сооружения и сведения об этих погребениях не сохранились.

Основание Каршинской крепости во время правления хана Чагатайской династии Кебек-хана, ее строительство напрямую связаны с политикой монголов в Средней Азии – ханами Чагатайской династии и политическими событиями XIV века.

Кебек-хан построил недалеко от бывшей столицы Насафа большой дворец, называв его Карши. Видимо, начиная с правления Кебек-хана вокруг города-крепости появились дома знати, ремесленные рынки с жилыми кварталами, и жизнь старой столицы постепенно переместилась сюда.

Следует отметить, что, когда в других районах Мавераннахра (узб. – Моварауннахр) ремесло, торговля и городская жизнь постепенно восстанавливались с 70–80-х годов XIII века, в Насафе возрождение городской жизни началось лишь в 20-е годы XIV века (Қарши,

2006, с. 64–65) благодаря строительной работе Кебека.

Арабский путешественник Ибн Баттута, прибывший в Среднюю Азию в 1333 году, слышал здесь рассказы о Кебек-хане. В этих рассказах Кебек-хан являлся справедливым государём, который заботился о благе подданных и оказывал покровительство мусульманам (Бартольд, 1963, с. 75–76). Его столица на территории района Нахшаб получила название Карши, то есть «дворец». На современном монгольском языке звучит «Харшы».

Руины крепости Карши, остатки ее оборонительных стен были исследованы в 1966 году группой археологов под руководством М.Э. Массона, восстановлен план города как крепости. Крепость Карши была окружена оборонительными стенами толщиной 4 метра, она имела вид большой квадратной крепости, площадь которой составляет 630×630 метров.

С четырех сторон было четверо ворот, которые в более поздние времена назывались «Тутак», «Шаршара», «Карликхона» и «Хиёбон». В план включены медресе, сардоба (резервуар для хранения воды), баня и мечеть «Одина», расположенные внутри замка, но построенные в более поздние века.

М.Е. Массон в своей научной работе пишет, что термин «карши», по всей вероятности заимствованный уйгурами от одного из местных языков Восточного Туркестана, а позднее через них перешедший в употребление к монголам, означает «замок», «дворец». «Алтун-карши», то есть золотым карши, именовалось место, где ханы держали совет со своими приближёнными. Но нужно отметить, что великий падишах и поэт Захириддин Мухаммад Бабур из династии Темуридов в своих записках отмечал, что на монгольском языке «карши» – это «гур-хана», то есть усыпальница-мавзолей, и это наименование появилось после завоевания Мавераннахра (узб. – Моварауннахр) Чингисханом (Массон, 1973, с. 49). Возможно, термин «карши» имел два значения: «сарай» – дворец, и «гур-хана» – мавзолей, так как в сарае обитали светские правители, также употреблялось в качестве наименования отдельных помещений в зданиях с могилой видного духовного лица, признанного «святым». После того как Кебек-хан построил новую столицу на расстоянии около 15 верст от города Насафа (Шарафуддин али Язди, 1997, с. 40–41), в 1326 году он был убит в результате заговора. Над его могилой в Карши был сооружен куполообразный мавзолей. Значит, вполне допустимо, что название «Карши» унаследовано или от дворца Кебек-хана, или от именования его мавзолея.

В течение около одного года государством управляли братья Кебек-хана – Элчигидай и Дурра Тимур, после чего к власти пришел Тармаширин (Бартольд, 1963, с. 76) (1326–1334 гг.), который продолжал политику Кебек-хана.

Тармаширин в 1326 году принял мусульманство и взял титул Алау Ад-Дин, т. е. «покровитель религии» (Веймарн, 1940, с. 58). Он установил господство ислама в монгольском Чагатайском улусе. Мусульманские авторы характеризуют Тармаширина как сильного, справедливого государя и ревностного мусульманина. Арабский путешественник Ибн Баттута, прибыв в Мавераннахр (узб. – Моварауннахр) из Дешт-и-Кипчака зимой 1333–1334 гг., гостил во владениях этого хана 54 дня. Ибн Баттута тоже, с почётом обращаясь к хану, называет его Султан Ала ад-Дин Тармаширин. Он написал об их первой встрече: «Я остановился, – рассказывает Ибн Баттута, – на несколько дней в лагере Тармаширина, который там называют *Урду*. Однажды, по своей привычке, я пошел в мечеть на утреннюю молитву, и, когда закончил молитву, кто-то сказал мне, что султан находится в мечети. Когда он поднялся со своего места, я подошел к нему, чтобы его приветствовать. Шейх Хасан и факих Хусам ад-Дин ал-Йаги доложили султану о моем прибытии несколько дней назад. Султан обратился ко мне по-тюркски: «*Хушмисан, яхшимисан кутлу айусан*». *Хушмиссан* это значит «здоров ли ты?», *яхшимиса* – «хорошо ли себя чувствуешь?», *кутлу айусан* – «да будет благословенно твое прибытие!» Затем султан вышел из мечети, направляясь пешком к месту своих приемов (Султанов Т.И., 2013). По рассказу Ибн Баттуты можно понять, что возле Урды Тармаширина в это время уже была построена мечеть. По всей вероятности, ее построил сам Тармаширин, так как его предки не приняли мусульманство, но об этом источники не свидетельствуют. Однако Баттута не оставил сведений о местонахождении мечети, в которой Тармаширин читал намаз (молитву), в любом случае она находилась где-то недалеко от дворца, внутри крепостных стен.

Рис.1. Современный вид Мечети “Одина”. Входной фасад.
Fig. 1. Modern view of the Odina Mosque. Principal front.

Рис.2. Мечеть “Одина” до реконстукции.
Fig. 2. Odina Mosque before the reconstruction.

Бурное развитие города Карши связано с деятельностью Амира Темура, взявшего Карши под свой контроль в 1365 году. Дело в том, что Амир Темур провел зиму 1365–1366 годов в Карши и этой же зимой достроил крепостную стену (Шарафуддин али Язди, 1997, с. 41), а также построил большую мечеть (Қарши, 2006, с. 65).

Академик В.В. Бартольд отмечает: на искусстве монголо-тимуридского периода Средней Азии лежит неизменная печать религиозной идеологии. Пышного расцвета достигают религиозная и дворцовая архитектура и имеющие к ней отношение декоративные искусства (Шарофуддинов, 2014, с. 17–19). В области архитектуры наблюдается дальнейшее развитие и обогащение портально-купольного типа зданий. Широкое применение, особенно к концу XIV в., находят в Средней Азии декоративные архитектурные формы: купола на высоких барабанах, порталы, минареты. В эпоху государства Тимура архитектурные постройки достигают исключительной монументальности и грандиозных размеров. Большое развитие получает архитектурный декор. Вводятся новые технические приемы: мелкая цветная мозаика, глазурованные майоликовые плитки с росписью, роспись красками, украшение из различных пород камня и т. д. На лучших архитектурных памятниках украшаются не только все фасады снаружи, но и декорируется пространство внутри помещений и построек. Одной из важнейших художественно-стилистических особенностей архитектуры монголо-тимуридской времени является ее многоцветность (Веймарн, 1940, с. 58–59).

Особые характерные черты декора монголо-тимуридских архитектурных памятников – это религиозные надписи в виде орнамен-

тации. Однако по сравнению с более ранним периодом XIV–XV вв. в орнаменте начинает преобладать растительный узор, который в отдельных случаях развивается до условных пейзажных изображений, нарушая этим строгую каноничность орнаментально-декоративного стиля мусульманского искусства.

Если говорить об упомянутом дворце Кебек-хана, то дворец на протяжении последуюших лет использовался для многих целей. Поначалу, как выше сказано, дворец, затем мечеть, и по этой причине среди местного населения и по сей день его называют мечетью «Одина», что означает «пятница», далее оно служило «караван-сараем», где купцы временно останавливались для отдыха и прочее, а с 1938 года он выполнял функцию тюрьмы, то есть пятым следственным изолятором. Сегодня в этом здании действует музей «Памяти жертв репрессий» при Каршинском государственном университете (рис. 1). В 2005 году из этого здания вывезли тюрьму и реконструировали здание (рис. 2). В это же время здесь проводились археологические раскопки под руководством профессора-археолога А. Раимкулова.

В результате раскопок, проведенных на территории мечети «Одина», под полом помещений мечети были найдены стены из жженого кирпича, принадлежащие более древнему архитектурному сооружению, полы из голубого глазурованного кирпича (рис. 3), круглые и квадратные колонны из жженого кирпича. Позже, когда строилась мечеть «Одина», эти столбы были приспособлены к ее конструкции и использовались. По этой причине одна сторона некоторых круглых колонн была специально прорублена (рис. 4). Наряду с этими архитектурными остатками были найдены фрагменты высококачественных майоликовых и мозаичных настенных покрытий (рис. 5), а также обожженных кирпичей с резными узорами, датированные концом XIV века. Эти находки свидетельствуют о том, что во времена правления Амира Темура здесь было построено здание, покрытое высококачественными настенными узорами. Однако в письменных источниках нет сведений о строительстве каких-либо построек Амира Темура внутри крепости Карши (Раимкулов, Мамадиев, 2010, с. 96).

Если обратить внимание на план Каршинской крепости, составленный участниками

Рис. 3. Пилоны и глазурованные полы дворца
Fig. 3. Pylons and glazed floors of the palace

экспедиции во главе с М.Е. Массоном, можно увидеть, что мечеть «Одина» была построена в самом центре крепости. Исходя из этого, А. Раимкулов первоначально предположил, что кирпичные стены, вышедшие из-под мечети Одины, должны быть руинами дворца Кебек-хана. Однако многие глазурованные настенные покрытия конца XIV века, найденные позднее, указали на принадлежность этих стен другому зданию. Круглые и квадратные колонны, принадлежащие этому зданию, были построены во дворцовый период и, в отличие от колонн мечети Одины, были изготовлены чрезвычайно качественно, а между кирпичами помещалась тонкая ганчевая глина, чтобы сделать их очень прочными. Из-за отсутствия археологических исследований Каршинской крепости пока сложно определить какое-либо древнее архитектурное сооружение и его особенности на этой территории. Однако в некоторых письменных источниках имеются сведения о Каршинской крепости и ее сооружениях (Раимкулов,, Мамадиев, 2010, с. 97–98).

Баня, сардоба (резервуар для хранения воды), ворота, медресе, построенные позднее

Рис.4. Внутренняя галерея и вид отрубленных колонны
Fig. 4. Inner gallery and the view of the broken columns

Рис. 5. Архитектурные-глазурованные изразцы
Fig. 5. Architectural glazed tiles

на территории Каршинской крепости, достаточно изучены М.Е. Массоном. Но даже после исследований М.Е. Массона и археолога А. Раимкулова вопрос о местонахождении дворца Кебек-хана, построенного внутри Каршинской крепости, оставался открытым.

Перед мечетью Одины, на расстоянии двадцати метров от нее, находятся руины кирпичных стен длиной 5–6 м и высотой 1,20–1,40 м. Эти стены могут быть стенами дворца Кебек-хана или стенами мечети, построенной во времена правления Амира Темура. Однако раскопать эти стены не удалось, и остатки этого сооружения были полностью замурованы во время реконструкции окрестностей мечети Одины.

В заключение можно сказать, что источники об исторической топографии Каршинской крепости доказали, что в самом центре города первоначально находился дворец-орда, построенный Кебек-ханом, одним из монгольских правителей. Однако исторические источники пока не дают сведений о том, кто превратил ее в мечеть «Одина» и как долго она использовалась как мечеть. Поэтому можно отметить, что проведение археологических раскопок в Каршинской крепости и в мечети «Одина» могло бы предоставить новую уникальную информацию по изучению исторической топографии города чагатайского-тимуридского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 763 с.

Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. М.; Л.: Искусство, 1940. 190 с.

Қарши / Отв. ред. Ртвеладзе Э.В., Сулаймонов Р.Х., Эркаев А.П. Тошкент: Маънавият, 2006. 363 с.

Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент: Фан, 1973. 102 с.

Раимқулов А.А., Мамадиев Б.Б. Қарши қалъасининг тарихий топографиясига доир // Археология Узбекистана. 2010. № 1. С. 96.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017. 448 с.

Шарафуддин али Язди . Зафарнама. Тошкент: Шарқ. 1997. 131 с.

Шарофуддинов С. С. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории и культуры таджикского народа IX–XV вв. Автореф. дисс…канд. ист. наук. Душанбе, 2014. 27 с.

Информация об авторе:

Рахматова Дилнавоз Журакобиловна, доцент, PhD (по философским наукам), директор Музея “Памяти жертв репрессий” при Каршинском государственном университете (г.Карши, Узбекистан); rahmatova.dilnavoz@mail.ru

REFERENCES

Bartol'd, V. V. 1963. *Sochineniia (Works)* 2, part 1. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Veimarn, B. V. 1940. *Iskusstvo Srednei Azii (Art of Central Asia)*. Moscow; Leningrad: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Rtveladze, E. V., Sulaimonov, R. Kh., Erkaev, A. P. (eds.). 2006, *Karshi (Qarshi)* Tashkent: “Manaviyat” Publ. (in Uzbekistan)

Masson, M. E. 1973. *Stolichnye goroda v oblasti nizov'ev Kashkadar'i s drevneyshikh vremen (Capital cities in the lower reaches of Kashkadarya since ancient times). Tashkent: “Fan”* Publ. (in Uzbekistan).

Raimkulov, A. A., Mamadiev, B. B. 2010. In *Arkheologiya Uzbekistana* (*Archaeology of Uzbekistan)* (1), 96 (in Uzbekistan).

Sultanov, T. I. 2017. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud’ba i vlast’(Genghis Khan and the Genghisids. Fate and power)*. Saint Petersburg: “Evrasiia” Publ. (in Russian).

Sharafuddin ali Yazdi. 1997. *Zafarnama*. Tashkent: “Shark” Publ., (in Uzbekistan).

Sharofuddinov, S. S. 2014. Vklad akademika V.V. Bartol'da v izuchenie istorii i kul'tury tadzhikskogo naroda IX–XV vv. *(Academician V.V. Bartold's contribution to the study of the history and culture of the Tajik people IX–XV centuries)* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Dushanbe (in Tajikistan).

About the Author:

Rakhmatova Dilnavoz J., associate professor, PhD (philosophical sciences), director of the Museum “In Memory of Victims of Repression” at Karshi State University (Karshi, Uzbekistan); rahmatova.dilnavoz@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902 929 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.405.413

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ СМИРНОВ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИ ГИМ)

©2024 г. Н.И. Демирова

В статье дана характеристика личного архива видного советского археолога Алексея Петровича Смирнова, специалиста по археологии тюркских и финно-угорских народов Волго-Уралья. Архив ученого хранится в Отделе письменных источников ГИМ. Он поступил в музей в несколько этапов: с 1966 по 2001 г. Научное описание архива было завершено в 1982 г. и с этого времени основная его часть доступна для изучения, однако пока не привлекла должного внимания исследователей. В статье на основе документов, отложившихся в архиве, уточняются некоторые факты биографии ученого. Основное внимание сосредоточено на периоде службы в Государственном историческом музее. Приведены сведения о материалах археологических экспедиций, в которых участвовал А.П. Смирнов (1924–1972 гг.), сохранившихся в его личном архиве.

Ключевые слова: археология, история археологии, А.П. Смирнов, биография, личный архив, Государственный исторический музей.

ALEKSEY PETROVICH SMIRNOV: BIOGRAPHY DETAILS, BASED ON THE SCIENTIST'S PERSONAL ARCHIVE IN DEPARTMENT OF WRITTEN SOURSES OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

N.I. Demirova

The author characterizes the personal archive of the famous Soviet archaeologist Aleksei Petrovich Smirnov, a specialist in the archaeology of the Turkic and Finno-Ugric ethnic groups of the Volga-Ural region. The archive is kept in the Department of written sources and the museum got it in several stages (from 1966 to 2001). Since 1982, the main part of it has been available for study, but has not yet attracted sufficient attention of researchers. Based on documents, kept in the archive, some facts from the scientist's biography are clarified. The main focus of the article is on the period of work in the State Historical Museum. Information about the materials of archeological expeditions in which A.P. Smirnov participated (1924–1972), preserved in his personal archive, is given.

Keywords: archaeology, history of archaeology, A.P. Smirnov, biography, personal archive, State Historical Museum, archaeological expeditions.

Алексей Петрович Смирнов (1899–1974) – одна из знаковых фигур советской археологической науки XX века. Долгое время он был сотрудником Института истории материальной культуры (позже Институт Археологии Академии наук СССР) и Государственного исторического музея, а в 1950-х гг. успешно совмещал должности заместителя директора этих двух учреждений. В научном плане внимание А.П. Смирнова привлекали археология и история тюркских народов Поволжья: прежде всего, болгар, а также финно-угорских народов Волго-Уралья. Алексей Петрович активно поддерживал научные связи с коллегами в регионах, вел педагогическую работу, став учителем таких археологов как В.Ф. Каховский, Г.А. Федоров-Давыдов, Г.А. Архипов, Т.А. Хлебникова, М.Г. Иванова и др. (Коваль, 2019, с. 292)

Основу имеющихся публикаций об А.П. Смирнове составляют его опубликованные труды; единичные документы из научно-ведомственного архива ГИМ и документы, связанные с А.П. Смирновым, отложившиеся в региональных научных центрах, например в Национальном музее Удмуртской республики (Останина, 2000, с. 25) или в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (Руденко, 2020, с. 13). При этом практически неизученным остается личный архив самого Алексея Петровича Смирнова, хранящийся в ОПИ ГИМ (Фонд 496).

Архив А.П. Смирнова передавался в Исторический музей постепенно. Начало было

положено самим Алексеем Петровичем. В 1966 г. ученый передал в дар Историческому музею 60 связок своих документов. Остальные документы попали в музей уже после его смерти. В 1981 г. его сын, Кирилл Алексеевич Смирнов, передал еще 74 связки документов. В 1986 г. из научно-ведомственного архива музея в ОПИ поступила трудовая книжка А.П. Смирнова. Еще три небольших комплекса, преимущественно личных документов, были переданы в 1994-2001 гг. Эта небольшая часть личного архива пока остается неописанной и не доступна для сторонних исследователей.

Основная часть архива ученого была описана в 1982 г. Н.В. Трубниковой. По своей основной специализации Нина Владимировна Трубникова была археологом, до 1977 г. являлась научным сотрудником II археологического отдела ГИМ (того самого, которым долгое время руководил А.П. Смирнов). В 1982 г. она работала в ГИМ на общественных началах и опыта научно-технической обработки архивных фондов не имела. Ей в помощь был определен один из лаборантов отдела, осуществлявший технические работы при описании фонда. В результате была составлена архивная опись на 186 единиц хранения, заключающих в себе 34211 листов.

Таким образом, начиная с 1982 г. архив ученого стал доступен для широкого круга исследователей благодаря трудам Н.В. Трубниковой и ее помощника. И хотя фигура А.П. Смирнова неизменно привлекает внимание исследователей, до настоящего времени листы использования к большинству единиц хранения его личного архива пусты или в лучшем случае содержат одну-две записи, а значит, этот материал практически не введен в научный оборот. Отчасти это обусловлено тем, что научное сообщество в 1980-е гг. не было в должной мере проинформировано о появившейся возможности для ознакомления с его материалами. Для сравнения к архиву В.А. Городцова, описание которого было завершено сотрудниками ОПИ ГИМ И.В. Белозеровой, Н.Б. Стрижовой, О.И. Самсоновой в конце 1985 г., только за первые десять лет после его обработки было произведено более 50 исследовательских обращений. Такой интерес со стороны исследователей был подстегнут и самими архивистами: почти одновременно с завершением описания фонда был издан отдельный выпуск «Трудов ГИМ», полностью посвященный научному наследию В.А. Городцова и, в частности, его архиву (Наследие В.А. Городцова…, 1988).

Кроме того, архивную опись фонда А.П. Смирнова мы не можем назвать удачной: составителям не удалось выстроить четкой и логичной схемы систематизации документов, что сильно затрудняет работу исследователей с этим архивом. Заголовки отдельных единиц хранения не всегда соответствуют действительному содержанию дел, в результате многие интереснейшие документы архива можно обнаружить только при сплошном полистном просмотре единиц хранения. Учитывая объем архива и нормативы выдачи дел в читальный зал, такое полистное изучение фонда возможно только сотрудниками отдела. Эти недочеты, допущенные при описании личного архива А.П. Смирнова, требуют устранения. Очевидно, что необходим подробный обзор личного архива ученого, равно как и четко систематизированный путеводитель, который компенсирует недостатки имеющейся архивной описи. Однако эту очень объемную работу еще предстоит выполнить. Данная публикация посвящена документам из собрания ОПИ ГИМ, касающимся музейного этапа биографии А.П. Смирнова.

В литературе, посвященной А.П. Смирнову, крайне мало говорится о его работе в Государственном историческом музее, хотя как верно отметил Г.А. Федоров-Давыдов, именно ему и Институту археологии ученым было отдано больше всего сил (Федоров-Давыдов, 2000, с. 16). Зачастую имеющаяся литература ограничивается указанием крайних дат работы в Историческом музее и обозначением двух основных должностей – заведующего II археологическим отделом и заместителя директора по научной работе.

Прежде всего, обратим внимание на дату начала работы А.П. Смиронова в Историческом музее. В биографической литературе мнения о времени начала работы в музее разнятся: указываются 1924 (Кузьминых, 2004-2017), 1925 (Овчинников, 2008, с. 14) и 1926 (Клюшкина, 2014, с. 271) годы. Первая дата подтверждается записью в личном листке по учету кадров, заполненном собственноручно А.П. Смирновым 7 февраля 1949 года: «1924-29 – практикант и экскурсовод Государственного Исторического музея» (ОПИ

ГИМ фонд НВА. Оп. 1л. Ед.хр.197. Л.55об). Вторая дата, 1925 год, косвенно подтверждается записью в трудовой книжке от 28 апреля 1955 г. об объявлении благодарности в связи с 30-летием работы в музее, хотя та же трудовая книжка указывает в качестве даты приема на работу в Исторический музей 15 октября 1929 года. Последняя дата опирается на список практикантов, пришедших в музей в 1926 г., хранящийся в НВА ГИМ, причем такой же список за 1925 г. не сохранился, а в сохранившемся списке за 1924 г. фамилия Смирнов не значится.

Важно помнить, что практикант не мог работать самостоятельно, был существенно ограничен в доступе к предметам, а главное, до занятия должности, предусмотренной штатным расписанием музея, было совершенно неясно, займет ли музейная работа в жизни будущего ученого значимое место или окажется только кратким эпизодом ученичества. Указанную выше запись в личном листке (практикант, экскурсовод) стоит понимать как то, что кроме прочего А.П. Смирнов в качестве практиканта привлекался к экскурсионной работе, но должности экскурсовода в музее ни во второй половине 1920-х гг., ни позднее он не занимал. Период же «практикантства», действительно, имел место. Согласно справке, выданной 4 января 1926 г., за подписями директора и и.о. ученого секретаря музея с октября 1924 г. по декабрь 1925 года. А.П. Смирнов «состоял практикантом при Археологическом Разряде Государственного Исторического музея и по окончании практического стажа по археологии получил следующий отзыв Председателя Разряда: "… Проявлено много усердия и успешность в работе… В.А. Городцов, 28/XII-1925 г."» (ОПИ ГИМ. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр.153. Л.18).

Среди личных документов А.П. Смирнова, хранящихся в ОПИ ГИМ, есть два трудовых списка 1930-х гг. (ОПИ ГИМ Ф.496. Оп.1. Ед.хр.153. Л.6-17) и трудовая книжка, которая велась в музее с 1939 по 1962 г. Ни в одном из этих документов практика в музее не обозначена, хотя в трудовых списках указаны места службы А.П. Смирнова, начиная с 1919 г. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на копию характеристики А.П. Смирнова за подписью директора музея А.С. Карповой для вице-президента АН СССР А.В. Топчева в конце 1960 – начале 1961 года, в которой прямо указано «Проф[ессор] Смирнов работает в Гос[ударственном] Историческом музее с 1929 года» (ОПИ ГИМ фонд НВА. Оп.1л. Ед.хр.197. Л.60). Учитывая все перечисленное, полагаем, что правильнее будет считать датой начала работы А.П. Смирнова в Государственном историческом музее 1929 год, а о периоде с конца 1924 по 1929 г. говорить как о первом знакомстве с внутренней жизнью ГИМ в качестве практиканта – студента 1-го МГУ, а позже аспиранта ИАИ РАНИОН. Эти годы стали отправной точкой интереса к музею и источником желания связать с ним свою дальнейшую профессиональную деятельность.

В личном архиве ученого отложились материалы о его первых археологических работах середины – второй половины 1920-х гг. Среди них материалы учебных раскопок под руководством В.А. Городцова нескольких вятических курганов у с. Никольского на левом берегу реки Клязьмы (Ед. хр.101), включая краткие описания вскрытых курганов с описями находок, чертежи и зарисовки найденных предметов. В 1925 г. А.П. Смирнов участвовал в работах археологической экспедиции в Коми АССР. Дневники и отчеты о работах на городище Карам-Мыльк и близ селения Ванвиздино, могильниках Гидце-яг и Кляныш-Ласта (Археологическая карта…, 2014) составляют единицу хранения №1. Там же сохранился черновик доклада А.П. Смирнова о работах на стоянке Ванвидзино.

Довольно подробно в личном архиве представлены работы А.П. Смирнова в Удмуртской экспедиции в 1926-1927 гг. в Вотской автономной области. Имеются дневники раскопок на Дондыкарском городище (Ед. хр.2,3,5) очень большое количество изобразительного материала: чертежи и планы, зарисовки отдельных сооружений и находок (более 1000 предметов). В 1929 г. у А.П. Смирнова вышла отдельная публикация о раскопках этого памятника (Смирнов, 1929). В эти же сезоны велись раскопки могильника Чем-шай, городища Кар-гурез. 11-12 июля 1926 г. А.П. Смирнов провел разведку по реке Иж «от Ижевского завода до впадения в нее речки Яганки» (ед. хр. 7). Единицу 8 составляют две тетради: полевой дневник раскопок на Дондыкарском городище 1927 г. и небольшая тетрадь с дневниковыми записями периода экспедиции (приведены сведения о найденном подъемном материале, о посещении местных

музеев, этнографические наблюдения и т.д.). В единице хранения 9 внимание привлекают описание археологической разведки по реке Пызеп 1928 г. (обследовано все течение реки от устья до истока по обеим берегам), и дневник археологических исследований в Вотской автономной области 1929 г. (могильники Бигер-шай, Пуры-шай и Чем-шай) (Археологическая карта…, 2004).

Период поступления А.П. Смирнова на постоянную работу в Исторический музей в конце 1920-х гг. совпал с очень тревожным временем для представителей гуманитарных наук. Хотя эпицентром знаменитого «Академического дела», набиравшего обороты с 1929 г., была Академия наук и ряд представителей краеведческого движения, не обошло оно стороной и Исторический музей. В 1929 г. с работы в музее был снят В.А. Городцов, учитель большинства молодых московских археологов, работавших тогда в Археологическом разряде ГИМ. Та же участь могла постигнуть и его учеников, многие из которых предпочли откреститься от своего опального учителя. Можно по-разному оценивать их выбор, однако о серьезности и напряженности музейной обстановки в тот период свидетельствуют и документы из архива А.П. Смирнова. Очевидно, что страхи не были надуманы, за ними стояли вполне конкретные угрозы.

Прежде всего, обратим внимание на трудовую книжку, в ней есть запись об увольнении из музея по собственному желанию 20 января 1932 г. Сравнение с другими документами убеждает в том, что «по собственному желанию» - не более чем формулировка.

Еще один документ этого периода: протокол заседания комиссии по сдаче и приему дел Отдела Рабовладельческого общества ГИМ от 18 января 1932 г. интересен тем, что позволяет составить представление о содержании музейных занятий А.П. Смирнова в 1929-1931 гг. Прежде всего, это была экспозиционная работа. А.П. Смирнову были поручены 4, 5 и 6-й залы постоянной экспозиции. Им велась картотека на выставленные в этих залах вещи, кроме того, он заканчивал работу по представлению скифских материалов в 5 и 6 залах. Изначально эта работа была поручена Е.Г. Пчелиной, но после ее увольнения была продолжена и успешно завершена А.П. Смирновым. Были проведены две экспедиции в Удмуртскую АО, в ходе которых исследованы городище Кушманское, могильники Ляль-шур и Вурк-шай (Клюшкина, 2014, с.277–279), материалы, добытые раскопками 1930 г. уже были обработаны и сданы в Исторический музей, материалы сезона 1931 г. должны быть сданы к 1 февраля. Тогда же была подготовлена работа «Финские феодальные города» (Смирнов, 1931). Кроме того, предполагалось участие А.П. Смирнова в карточной каталогизации финно-угорских коллекций, но провести ее он не успел. В 24-й единице хранения личного архива А.П. Смирнова сохранились дневники экспедиций 1930-1931 гг. Там же хранится около 200 фотографий Удмуртских экспедиций 1928-1932 гг., на которых запечатлены отдельные археологические сооружения, участники и работники экспедиций, рабочие моменты, ландшафт и этнографические сюжеты.

О дальнейшем развитии событий вокруг увольнения А.П. Смирнова из музея можно судить на основании выписки из протокола заседания Бюро СНР ГИМ (профком) от 25 мая 1932 г. Из нее следует, что спустя месяц после увольнения А.П. Смирнова 18 февраля 1932 г. состоялось общее собрание СНР музея, поставившее под вопрос правомерность увольнения. Представителями Бюро СНР был проведен опрос сотрудников музея, наиболее близко соприкасавшихся в работе с А.П. Смирновым. Названы фамилии Л.А. Евтюховой, Е.И. Крупнова, А.В. Арциховского, Б.А. Рыбакова, А.Я. Брюсова, С.В. Киселева, П.Д. Дмитриева, Д.Н. Эдинга, М.Е. Фосс и Е.В. Веймарна и др. Коллективное положительное мнение позволило отстоять А.П. Смирнова: спустя ровно два месяца после увольнения, 21 марта 1932 г. он был восстановлен на работе в ГИМ, а 25 мая 1932 г. состоялось заседание Бюро СНР, окончательно утвердившее правильность восстановления на работу.

На данный момент не удалось выявить документов, позволяющих точнее судить о существе дела, приведшего к временному увольнению А.П. Смирнова, но обращает на себя внимание одна из фраз выписки: «тов. Смирнов не был причастен к инкриминируемому ему приглашению т. Гракова к работе в ГИМ» (ОПИ ГИМ Ф.496. Оп.1. Ед.хр.153. Л.53). Таким образом, становится известен еще один из фигурантов этой истории, хотя не вполне понятно, как Смирнов

мог «привлекать» Гракова к работе в музее, так как Б.Н. Граков был уволен из музея еще в 1929 г., когда А.П. Смирнов только что был зачислен в его штат.

Дальнейшая служба А.П. Смирнова в музее шла весьма благополучно. В конце 1932 г. он был назначен руководителем отдела рабовладельческого общества, а также удостоен звания ударника. Под его руководством отдел вел большую экспозиционную работу, неоднократно отмечавшуюся руководством музея. Археологические работы А.П. Смирнова в 1933-1937 гг. были сосредоточены на городище Сувар. В личном архиве ученого представлены дневники раскопок и описи находок; зарисовки, выполненные самим А.П. Смирновым и Л.А. Евтюховой, большое количество фотоматериала (Ед. хр.76-81).

В годы Великой Отечественной войны, с 1941 г. А.П. Смирнов некоторое время служил в народном ополчении, попал в окружение, из которого благополучно вышел. 23 января 1942 г. он вновь вернулся в музей. После возвращения из ополчения А.П. Смирнов руководил работой бригад по сбору трофейных материалов по Великой Отечественной войне. С военным временем связан еще один любопытный эпизод биографии ученого. После завершения войны с 26 мая по 25 августа 1945 г. он был направлен в командировку в Берлин, о которой имеется следующая запись в личном листе по учету кадров: «особое задание Комитета культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР» (ОПИ ГИМ. Фонд НВА. Оп.1л. Ед.хр.197 Л.55). К сожалению, пока ни в личном архиве А.П. Смирнова, ни в научно-ведомственном архиве музея не удалось выявить документов, раскрывающих суть этой командировки. Но хотелось бы обратить внимание на аналогичный эпизод в биографии А.Я. Брюсова. Последний был направлен практически в те же даты по заданию того же комитета в Кёнигсберг в том числе для поисков знаменитой Янтарной комнаты, вывезенной немцами в 1941 г. (Кузьминых, Щавелев, 2012, с.643; Белозерова, 2022, с.363). Позволим себе предположить, что могли быть и другие группы такого рода, направленные на разыскание других ценностей, вывезенных, во время войны. Видимо, в одной из них работал и А.П. Смирнов в Берлине.

Показательно, что уже в годы войны Алексей Петрович воспринимался директором ГИМ А.С. Карповой как человек, способный возглавить научную работу всего музея. 15 июня 1942 г. на время своего отсутствия Анна Самойловна временно возложила руководство этим направлением на А.П. Смирнова. Несмотря на это, в марте 1943 г. новым постоянным заместителем директора по научной части был назначен Николай Леонидович Рубинштейн, на тот момент доктор наук. К 1943 году его знаменитая «Русская историография» уже была опубликована (1942) и имела статус основного учебного пособия для ВУЗов и, по сути, стала первой фундаментальной работой по истории русской исторической науки. Под его руководством была кардинально перестроена экспозиция музея, а одной из важнейших научных побед стала организация собственной аспирантуры. Однако в конце 1948 г. «Русская историография» была подвергнута острой критике «за преувеличенные оценки западноевропейского влияния на русскую историческую мысль» и др., а ее автор был снят с должности заместителя директора по научной части 23 марта 1949 г. Таким образом, А.П. Смирнов, бывший на примете у А.С. Карповой еще в начале 1940-х гг., стал приемником Н.Л. Рубинштейна и возглавил научную работу музея на постоянной основе с 8 марта 1951 г.

К сожалению, документов о работе А.П. Смирнова в качестве заместителя директора по научной части ГИМ практически не отложилось в его архиве. Заполнить этот пробел его музейной биографии может изучение делопроизводственной документации музея, хранящейся в научно-ведомственном архиве. Однако это самостоятельное исследование, лежащее за рамками личного архива ученого. В то же время очень велик объем документов о его археологических работах 1940-1970 х. гг. Наряду с черновиками отчетов в личном архиве А.П. Смирнова отложились полевые дневники, описи материалов, зарисовки и планы, большое количество фотоматериалов Куйбышевской археологической экспедиции за 1949, 1951-1955, 1957 и 1959 гг. (Ед.хр.37-51, 88, 126, 133), раскопок Болгара в 1938-1940, 1945-1951, 1957, 1964-1972 гг. (Ед.хр.27-36, 38, 52-74, 99, 119-123, 125), работ Чувашской экспедиции 1958-1962, 1964-1965 гг. (Ед.хр.83, 133).

Эти материалы могут значительно уточнить публикации А.П. Смирнова о проведенных им археологических работах и отчеты, хранящиеся научном архиве Института археологии РАН.

Что же касается тех немногих документов из личного архива А.П. Смирнова, которые хотя бы в небольшой мере освещают его деятельность в качестве заместителя директора по научной работе ГИМ, нужно отметить несколько документов, связанных с интереснейшим, но не осуществленным межмузейным проектом. В 1956-1957 гг. гг. под руководством Александра Зиновьевича Крейна, основателя и первого руководителя Государственного музея А.С. Пушкина, планировалось подготовить к изданию фундаментальную справочно-аналитическую работу о крупнейших столичных музеях – «Сокровищницы Столицы» объемом около 30 авторских листов. Согласно сохранившемуся в архиве А.П. Смирнова плану-проспекту монографии Государственному историческому музею отведена в ней почетная первая глава, авторами которой стали А.П. Смирнов и ученый секретарь музея В.Н. Иванова. Понятно, что такого рода работа могла быть написана только на основе большого количества информации, предоставленной сотрудниками самых разных подразделений музея. Однако ее обобщение, структурирование и редактирование велись непосредственно заместителем директора по научной работе и ученым секретарем музея. В архиве А.П. Смирнова сохранились замечания А.З. Крейна на первый вариант статьи об Историческом музее и сама машинопись первого варианта с рукописной правкой, выполненной рукой А.П. Смирнова. Этот неопубликованный текст интересен не только в связи с несостоявшимся изданием или в контексте так пока и не написанной фундаментальной истории музея. Он ко всему прочему еще и крайне показателен в личностном плане. Обращает на себя внимание самая первая правка, внесенная А.П. Смирновым. При наборе текста машинистка напечатала фамилии авторов «по рангу»: сначала заместитель директора Смирнов, за ним ученый секретарь Иванова. На что Алексей Петрович пространно написал: «Машинистке. Авторов писать в алфавитном порядке, как принято в лучших домах Европы». (ОПИ ГИМ. Ф.496. Оп.1. Ед. хр.144. Л.1.) Алексею Петровичу было глубоко чуждо такого рода чинопочитание: на любой ступени служебной иерархии важными ценностями для него оставались научная объективность и уважительные взаимоотношения с коллегами по цеху, даже если они являлись его оппонентами, не говоря уже о соратниках.

Документы, отложившиеся в личном архиве ученого весьма разнообразны и информативны. Их вдумчивый анализ позволяет уточнить целый ряд моментов биографии, проследить траекторию не только научного или служебного, но и личностного развития. Становятся очевидны ключевые, переломные моменты биографии, во многом объясняющие и эволюцию научных взглядов. Но этим потенциал личного архива А.П. Смирнова далеко не исчерпан: множество подготовительных материалов для научных работ, их рукописные и машинописные тексты; документы по подготовке и работе в экспедициях; по службе в Институте истории материальной культуры – Институте археологии АН СССР; переписка с коллегами, – все это ждет своих исследователей и является значимым источником для изучения истории советской археологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Республики Коми / Отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. 416 с.

Археологическая карта северных районов Удмуртии / под общ. ред. А.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН , 2004. 276 с.

Белозерова И.В. Александр Яковлевич Брюсов в 1930-е – 1940-е годы (по материалам отдела письменных источников ГИМ) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 6 / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2022. С. 350–368.

Выписка из протокола заседания Бюро СНР ГИМ. 25 мая 1932 г. // ОПИ ГИМ Ф.496. Оп.1. Ед.хр.153. Л.53.

Иванова В.Н., Смирнов А.П. Государственный исторический музей. 1958 г. // ОПИ ГИМ. Ф.496. Оп.1. Ед. хр.144. Л. 1–77.

Карпова А.С. Письмо на имя вице-президента АН СССР А.В. Топчева с характеристикой на А.П. Смирнова. Декабрь 1960 г. // ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп.1л. Ед.хр.197. Л.60.

Клюшкина И.В. Отдел археологических памятников Государственного исторического музея: краткая историческая хроника. Часть первая: 1873 – 1935 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / Ред. В.Д. Журавлев, Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2014. С. 232–288.

Коваль В.Ю. А.П. Смирнов (1899-1974) // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 291–292.

Кузьминых С.В. Смирнов Алексей Петрович // БРЭ. 2004–2017. Доступно по URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/3839540 (дата обращения: 19.03.2024)

Кузьминых С.В., Щавелев С.П. Воспоминания Александра Яковлевича Брюсова «На тропах археологии» // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 636–646.

Карпова А.С. Письмо на имя вице-президента АН СССР А.В. Топчева с характеристикой на А.П. Смирнова. Декабрь 1960 г. // ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп.1л. Ед.хр.197. Л.60.

Личный листок по учету кадров на имя А.П. Смирнова. 1949-1962 гг. // ОПИ ГИМ фонд НВА. Оп. 1л. Ед.хр.197. Л. 54–55

Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. 190 с.

Овчинников А.В. А.П. Смирнов как исследователь древней и средневековой истории Волго-Уралья. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2008. 24 с.

Останина Т.И. Археологические исследования А.П. Смирнова на территории Удмуртии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 22–26.

Руденко К.А. Казанские археологи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: Школа, 2020. 92 с.

Смирнов А.П. Дондыкарское городище // Труды научного общества по изучению Вотского края. Вып. 4. Ижевск: НОИВК, 1928. С. 26–61.

Смирнов А.П. Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г. // Записки Общества изучения *Коми края*. Усть-Сысольск: [б.и.], 1928. Вып. 1.

Смирнов А.П. Финские феодальные города // На удмуртские темы / Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. 2 М., 1931. С. 36–75.

Трудовой список А.П. Смирнова. 1926-1932 г. // ОПИ ГИМ Ф.496. Оп.1. Ед.хр.153. Л.6-10.

Трудовой список А.П. Смирнова. 1933 г. // ОПИ ГИМ Ф.496. Оп.1. Ед.хр.153. Л.11-17.

Федоров-Давыдов Г.А. К столетию Алексея Петровича Смирнова // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 13–16.

Информация об авторе:

Демирова Наталья Ильинична, кандидат исторических наук, зам. зав. отдела письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва, Россия); demirovani@gmail.com

REFERENCES

Karmanov, V. N. 2014. (ed.). *Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi (Archaeological Map of the Komi Republic)*. Syktyvkar: “Komi respublikanskaia tipografiia” Publ. (in Russian).

Ivanov, A. G. 2004. (ed.). *Arkheologicheskaia karta severnykh raionov Udmurtii (Archaeological Map of the Northern Regions of Udmurtia)*. Izhevsk: “Udmurtskii institut istorii iazyka i literatury UrO RAN” Publ. (in Russian).

Belozerova, I. V. 2022. In Sorokina, I. A. (ed.). *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii (Essays on the History of Russian Archaeology)* VI. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 350–368 (in Russian).

Vypiska iz protokola zasedaniya Byuro SNR GIM. 25 maya 1932 g. (Extract from the minutes of the meeting of the Bureau of the Union of Scientific Workers of the State Historical Museum. May 25, 1932). Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 496, Inv. 1, dossier 153, p. 53 (in Russian).

Ivanova, V. N., Smirnov, A. P. 1958. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey (State Historical Museum).* Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 496, Inv. 1, dossier 144, p. 1–77 (in Russian).

Karpova, A. S. 1960. *Pis'mo na imya vitse-prezidenta AN SSSR A.V. Topcheva s kharakteristikoy na A.P. Smirnova. Dekabr' 1960 g (Letter to A.V. Topchev, Vice-President of the USSR Academy of Sciences, with a characterization of A.P. Smirnov. December 1960).* Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund “Scientific and departmental archive The State Historical Museum”, Inv. 1, dossier 197, p. 60 (in Russian).

Klyushkina, I. V. 2014. In Zhuravlev, D. V., Shishlina, N. I. (eds.). *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei i otechestvennaia arkheologiia. K 100-letiiu otdela arkheologicheskikh pamiatnikov (State Historical Museum and Russian Archaeology. The 100th anniversary of the Archaeological Monuments Department).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 201. Moscow: State Historical Museum, 232–288 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In Makarov, N. A. (ed.). *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii (Institute of Archaeology RAS: 100 years of history).* Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 291–292 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2004–2017 In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). Available at: URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/3839540 (accessed: 19.03.2024).

Kuzminykh, S. V., Shchavelev, S. P. 2012. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 2, 636–646 (in Russian).

Karpova, A. S. 1960. *Pis'mo na imya vitse-prezidenta AN SSSR A.V. Topcheva s kharakteristikoy na A.P. Smirnova. Dekabr' 1960 g (Letter to A.V. Topchev, Vice-President of the USSR Academy of Sciences, with a characterization of A.P. Smirnov. December 1960).*

Lichnyy listok po uchetu kadrov na imya A.P. Smirnova. 1949-1962 gg. (A personnel record card of A.P. Smirnov. 1949-1962). Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund “Scientific and departmental archive The State Historical Museum”, Inv. 1, dossier 197, p. 54–55 (in Russian).

Studzitckaia, S. V. 1988. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 68. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Ovchinnikov, A. V. 2008. *A.P. Smirnov kak issledovatel' drevney i srednevekovoy istorii Volgo-Ural'ya (A.P. Smirnov as a specialist on ancient and medieval history of the Volga-Urals).* Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Kazan (in Russian).

Ostanina, T. I. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam’ia (A. P. Smirnov’s Scientific Legacy and Current Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 122. Moscow: State Historical Museum, 22–26 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2020. *Kazanskie arkheologi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (po materialam perepiski A.P. Smirnova i A.M. Efimovoi) (Kazan Archaeologists during the Great Patriotic War (1941–1945) (Based on the Correspondence of A.P. Smirnov and A.M. Efimova)).* Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1928. *In Trudy nauchnogo obshchestva po izucheniyu Votskogo kraya (Proceedings of the Scientific Society for the Study of the Votsky Region)* 4. Izhevsk, 26–61 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1928. *Raskopki arkheologicheskoy ekspeditsii Komi kraya 1925 g. (Excavations of the archaeological expedition of the Komi region in 1925).* Series: Zapiski Obshchestva izucheniya Komi kraya (Notes of the Komi Territory Research Society) 1. Ust'-Sysol'sk (in Russian).

Smirnov, A. P. 1931. In *Na udmurtskie temy (On Udmurt topics).* Series: Uchenye zapiski NII narodov Sovetskogo Vostoka pri TsIK SSSR (Scientific notes of the Research Institute of the Peoples of the Soviet East under the Central Executive Committee of the USSR) 2. Moscow, 36–75 (in Russian).

Trudovoi spisok A.P. Smirnova 1926–1932 (A.P Smirnov’s service record.1926–1932). Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 496, Inv. 1, dossier 153, p. 6–10 (in Russian).

Trudovoi spisok A.P. Smirnova 1933 (A.P Smirnov's service record.1933). Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 496, Inv. 1, dossier 153, p. 11–17 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Current Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 122. Moscow: State Historical Museum, 13–16 (in Russian).

About the Authors:

Demirova Natalya I., Candidate of Historical Sciences, State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation;; demirovani@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Известия археологической комиссии
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ СО РАН – Институт географии СО РАН
ИИМК РАН– Институт истории материальной культуры РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КазГИК – Казанский государственный институт культуры
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
ККНИИГН ККО АН РУз – Каракалпакский научно-исследова-тельский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан
ККО АН РУз Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан
КИО – культурно-историческая общность
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАР – Материалы по археологии России
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МарГУ – Марийский государственный университет
МАЭ – Марийская археологическая экспедицияк
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ Международный институт центральноазиатских исследований
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ – Советкая этнография
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археологической экспедиции
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 26.04.2024
Дата выхода в свет 27.04.2024
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 48,36
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14

